СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

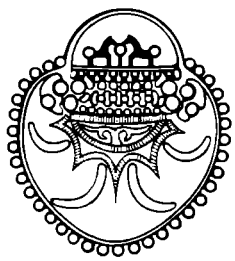
4

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *Л. А. Голубева*,
Л. А. Евтюхова, *А. Л. Монгайт*, *А. П. Окладников*, *Т. С. Пассек*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19, тел. В 6-94-45

Журнал выходит 4 раза в год

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-11388 Подписано к печати 16/X 1962 г. Тираж 1930 экз. Зак. 965
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,0 Печ. л. 27,4+3 вкл. Уч.-изд. л. 32,0

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЭТНОГЕНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И АРХЕОЛОГИЯ

1

Этногенический процесс — одна из важнейших сторон исторического процесса в далеком прошлом — оказался чрезвычайно сложным для исследования. Пожалуй, ни в одной другой области истории первобытного и раннеклассового общества нет столько неясностей, многочисленных разногласий среди исследователей, такого количества взаимно исключающих друг друга предположений. И такая картина наблюдается повсюду — у нас и за рубежом, и уже много лет, начиная с первых попыток этногенических изысканий. Между тем, без освещения этногенического процесса нельзя понять и всесторонне охарактеризовать не только конкретный ход истории в ее далеких глубинах, но и начала исторической жизни современных народностей и наций. Представители каждой из них, обращаясь к своему прошлому, прежде всего хотят узнать: откуда, как и когда мы возникли, кто наши предки?!

В принципе как будто бы все согласны с тем, что лучшей гарантией от субъективных решений при освещении этногенического процесса является такая организация исследований, при которой целеустремленно мобилизовались бы разные виды источников. Материалы лингвистические, археологические, этнографические, антропологические, исторические данные (если они имеются) должны взаимно дополнять и корректировать друг друга. Однако признанием необходимости контакта между исследованиями, основанными на разных видах источников, дело по существу и ограничивается. Когда в порядок дня встает какой-либо конкретный вопрос, между представителями разных дисциплин сплошь да рядом возникают разногласия, нередко очень глубокие, непримиримые. В итоге среди лингвистов распространяется мнение, что археологические данные отнюдь не являются полноценным источником для изучения этногенического процесса, что ареалы древних культур, установленные археологами, якобы не отражают древних этнических общностей. Археологи же, отстаивающие свое право на изучение этногенеза и защищающие ценность своих источников, часто бывают склонны считать произвольными все те построения языковедов, которые касаются далекого дописьменного прошлого.

Очевидно, одной из причин неблагополучного положения с этногеническими исследованиями является далеко не достаточная фактологическая база. Во всяком случае это бесспорно в отношении археологии, которая еще отнюдь не выявила всех своих возможностей. Мы еще далеки от того, чтобы на основе своих материалов дать хронологически обоснованную и широкую картину смены древних культур, на основании которой можно было бы шаг за шагом реконструировать этногеническую ткань. Археология еще не вышла из «эпохи великих открытий». Новые находки сплошь да рядом ведут к необходимости пересмотра прежних представлений.

Взять хотя бы неолит и энеолит Балканского полуострова — следы культуры передовых для своего времени скотоводческо-земледельческих племен, сыгравших, несомненно, большую роль в развитии экономики, культуры и этногенического процесса на широких пространствах первобытной Европы, в частности в области Северного Причерноморья, причем не только в трипольское время, но, по-видимому, и значительно раньше. Как обогатились за последние десятилетия представления об этих древних племенах, сколько новых вариантов их культуры стало известно в результате исследований болгарских, югославских, румынских и советских археологов! А открытия последних десятилетий в области культур III—II тысячелетий до н. э. в Прикамье и Волгокамье! А работы в Закавказье, открывшие новые, неведомые ранее древние миры! И открытия такого рода, имеющие кардинальное значение, еще будут и будут продолжаться. Мы много спорим об этногенезе восточных славян и балтов, до сих пор не зная, что представляли собой культуры развитой и поздней бронзы в области Верхнего Поднепровья. В ряде областей Европейской части СССР остаются не изученными культуры раннего железного века (I тысячелетие до н. э.). Огромные лакуны, особенно в изучении мест древних поселений, имеются и в зарубежной европейской археологии. Словом, конечно, археологические данные еще не везде и не во всем «созрели» для решения историко-культурных и тем более — этногенических вопросов. Это, однако, совсем не значит, что правы те археологи, которые во избежание ошибок предлагают пока совсем не заниматься этногеническими темами, а оставить их будущим поколениям. Последовать таким советам — значит потерять перспективу развития науки.

Отрицательную роль в развитии культурно-исторических и этногенических разысканий играет то обстоятельство, что наряду с накоплением фактического материала, идущего у нас небывалыми ранее темпами, появляется все более узкая специализация. Сам по себе этот процесс неизбежен и прогрессивен, но от него непростительно отстает процесс научной кооперации. Вследствие этого специалисты по археологии узких территорий или отдельных культур могут зачастую оказаться бессильными решать большие, в том числе этногенические вопросы.

Мне представляется, однако, что главной причиной, до сего дня преграждающей пути успеху в этногенических разысканиях и, в частности, мешающей установлению взаимопонимания историков культуры и лингвистов, является слабость теоретической базы, точнее говоря, неразработанность общих теоретических положений, освещающих пути этногенического процесса в далеком прошлом.

Обращаясь к истории общества и его культуре, мы исходим из того, что все общественные явления в своем развитии подчиняются определенным закономерностям. В области изучения экономики, культуры и социальных отношений в эпоху первобытного и раннеклассового общества советская археология имеет большие успехи. Особенное внимание этим темам уделялось в 30-х годах XX в., когда был решен ряд важнейших вопросов в этих областях, когда, в частности, археологическая периодизация впервые получила историческое, марксистское осмысление. Истекшие с того времени десятилетия, обогатившие археологию новым фактическим материалом, показали, что в большинстве случаев исследования тех лет шли по правильному пути. Сейчас уже никому в голову не придет утверждать, что родовой строй возник лишь в неолите, а не на рубеже нижнего и верхнего палеолита, что материалы Кносского дворца на Крите свидетельствуют якобы о матриархальном родовом строе, что у скифов была феодальная монархия, а в древней Руси — рабовладельческий строй! А сколько в конце 20-х и начале 30-х годов было сломано копий при обсуждениях этих вопросов и десятков других, им подобных!

Единственной областью истории первобытного и раннеклассового общества, где работа такого рода не увенчалась серьезными результатами, является этногенический процесс. Этот процесс, несомненно, очень конкретен, он в значительной степени обуславливался исторической обстановкой. Но трудно себе представить, чтобы его пути и формы были независимыми от развития общественных форм, чтобы на этногеническом процессе так или иначе не отражались основные закономерности развития общества. И следует признать, что археологи, этнографы и языковеды очень мало думали на эти темы. Именно поэтому во многих случаях они и не способны пока договориться.

2

В свое время теорию этногенеза стремился построить акад. Н. Я. Марр, исходивший из того, что развитие языка и материальной культуры должны соответствовать одно другому. Он пытался максимально приблизить свое «новое учение о языке» к археологии и этнографии. Но в 20 — начале 30-х годов марксистское освещение археологических и этнографических данных делало лишь первые шаги, а «новое учение о языке», несколько раз менявшее свой облик, ошибочно интерпретировало глоттогенический процесс. Понятно, что в этих условиях попытки создания теории этногенического процесса не могли привести к каким-либо положительным результатам.

В советской археологии еще до лингвистической дискуссии 1950 г. подвергался критике ряд ошибок, возникших на основе представлений Н. Я. Марра. Все более и более сужалось применение марровской стадиальности. В 40-х годах уже никто не шел по пути тех явно абсурдных построений с многочисленными стадиями и «взрывами» между ними, которые появлялись на рубеже 20-х и 30-х годов. Критиковался так называемый «гипертрофированный автохтонизм», некоторые пережитки которого, к сожалению, сказываются вплоть до сегодняшнего дня. Необходимость марксистской разработки проблемы этногенеза еще накануне лингвистической дискуссии ощущалась очень остро. К этому призывала, например, опубликованная в 1949 г. статья М. И. Артамонова «К вопросу об этногенезе в советской археологии», где интересно поставлен ряд проблем, хотя автор во многом исходил из взглядов Н. Я. Марра [1].

Лингвистическая дискуссия 1950 г., несомненно, сыграла прогрессивную роль в развитии советской археологии, освободив ее от ряда ошибочных представлений о процессе этногенеза, основанных на «новом учении о языке». Перечитывая многочисленные статьи археологов, явившиеся откликом на лингвистическую дискуссию, можно убедиться, что несмотря на свой «кампанейский характер», они содержат много ценных мыслей по вопросам исследования этногенического процесса. Эти мысли не получили, однако, дальнейшего развития. В условиях культа личности И. В. Сталина, его участие в дискуссии 1950 г. имело отрицательную сторону. «Марксизм и вопросы языкознания» превратился в такое последнее и всеобъемлющее слово науки, дальше которого нельзя было двинуться ни на шаг.

В области этногенических исследований отрицательную роль сыграла брошенная И. В. Сталиным фраза о культуре и языке, о том, что культура меняется на каждом этапе развития общества, а язык сохраняет свою специфику. Отсюда некоторые исследователи, особенно лингвисты, почерпнули «теоретическое обоснование» для своего нигилистического отношения к археологии как источнику изучения этногенического процесса.

[1] М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе в советской археологии. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 3—16.

Однако понятно, что культура — чрезвычайно сложное явление. Основные ее элементы, непосредственно связанные с тем или иным уровнем развития производства и общественных отношений, конечно, различны на каждом этапе истории общества. Другие элементы культуры (речь идет о первобытном и раннеклассовом обществе) связаны с определенными естественными условиями жизни и хозяйствования (тайга, степь, морское побережье, различные климатические зоны и др.). Но культура включает в свои рамки богатый комплекс еще и таких материальных и духовных элементов, в которых непосредственно отражаются этнические особенности. Археологи и этнографы, изучающие этногенические явления, обращаются к своеобразным приемам домостроительства, к формам одежды и украшений, к специфике культа и погребальной обрядности, к мотивам орнамента, словом ко всему тому, что помимо языка отличает друг от друга племена и народности, в том числе и стоящие на одной и той же ступени социально-экономического развития и живущие в одинаковых естественных условиях. Эти этнические особенности культуры, подчиняясь общим закономерностям, конечно, также изменяются во времени, однако иначе, чем элементы культуры, непосредственно отражающие социально-экономический процесс. Этнические особенности в культуре нередко переживают очень долго, здесь очень сильны традиции. «Жизнь» этих особенностей по своему характеру приближается нередко к «жизни» слов или других особенностей в языке, которые так или иначе также меняются во времени.

В 50-х годах XX в. появилось много обобщающих работ, посвященных древнейшей истории общества на территории севера европейской части СССР, Поволжья, южной Сибири, Средней Азии. В них уделялось некоторое внимание процессам формирования этнических общностей, делались попытки объяснить этногенический процесс с точки зрения основных закономерностей развития обществ[2]. В этих работах исследователей привлекала задача определения состава признаков этнических особенностей культуры. Вопроса, что такое археологическая культура и в каком отношении она находится к этнической общности, касались М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов, А. А. Формозов, С. В. Киселев, А. В. Збруева, О. Н. Бадер и другие[3]. Особенно следует отметить прекрасные исследования Х. А. Моора, посвященные вопросам этногеза древних балтов и прибалтийско-финских племен[4].

Среди археологов до сих пор существуют различные мнения о количестве и качестве признаков, способных воссоздать бесспорную картину этнокультурных групп. Нередко культура определяется лишь по какому-либо одному признаку, чаще всего — по характеру орнамента на глиняной посуде. Если речь идет о периоде неолита или бронзы, то с этим еще можно согласиться. Орнаментация того времени сама по себе составляла комплекс признаков (элементы орнамента, его мотивы, техника нанесения)[5]. Но руководствоваться типом орнамента при определении культур железного века, как единственным или главным признаком, уже, конечно, нельзя.

При определении этнокультурных общностей по археологическим данным совершенно необходимо учитывать именно комплекс призна-

---

[2] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[3] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952; ее же. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 33—47; А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, 1956, XXVI.

[4] Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и соседних народов в свете данных археологии. В кн. Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, 1956; его же. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2.

[5] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 64—77.

ков, потому что отдельные признаки могут оказаться общими для соседних культур или же частей занятых ими территорий. Так, древние городища Центральной и Западной Белоруссии, Литвы и Латвии обычно объединяются в одну этнокультурную группу на том основании, что находимая на них керамика одинаково покрыта грубой орнаментальной штриховкой. Их обычно называют городищами «культуры штрихованной керамики». После работ А. Г. Митрофанова и О. Н. Мельниковской стало известно, что по своим формам эта керамика неодинакова на севере и юге. Реберчатым плоскодонным северным формам на юге противостоят круглодонные формы, близкие посуде милоградских городищ Гомельского Поднепровья. Так где же следует проводить границу между культурой милоградских городищ и культурой городищ Центральной и Западной Белоруссии? Из чего здесь нужно исходить — из формы керамики или из ее орнамента? А может быть следует особо выделить «культуру круглодонной штрихованной керамики»? Очевидно, не следует делать ни того, ни другого, ни третьего. Необходимо собрать данные о других специфических элементах культуры, получить хотя бы небольшой комплекс археологических признаков и лишь тогда решать вопрос о границах.

Большая строгость при определении специфических признаков, характеризующих этнокультурные общности, особенно важна в тех случаях, когда речь идет о группах близких культур или локальных вариантах культуры. У нас здесь нередко царит явный беспорядок. Так, степная катакомбная культура эпохи бронзы справедливо и обоснованно подразделяется на несколько вариантов, заметно отличающихся один от другого по ряду признаков, но обладающих бесспорно и общими чертами. Наряду с этим, синхроничные катакомбной культуре группы древностей в лесной полосе европейской части СССР, несравненно более близкие между собой, чем локальные варианты катакомбной культуры, считаются не вариантами одной культуры, а несколькими особыми культурами — среднеднепровской, фатьяновской, культурой «боевых топоров». Среди археологов имеются любители «выделять» новые культуры, руководствуясь нередко явно второстепенными признаками.

3

В своей интересной статье «Археологические культуры и этнические общности» А. Я. Брюсов убедительно показал, что культуры эпохи неолита и бронзы, как правило, должны соответствовать этническим общностям — племенам или группам родственных племен. Это было обусловлено самой родоплеменной организацией общества, эндогамными порядками, замкнутой жизнью общин, нераздельным господством натурального домашнего производства, неразвитостью межплеменных связей. В этих условиях культура каждой родственной группы создавалась почти исключительно на основе опыта предыдущих поколений, на основе местных традиций, нередко строго охраняемых обычным правом и религией.

В эпоху металла древняя замкнутость племен стала, однако, все более и более разрушаться. Возникли разнообразные формы межплеменных связей. Укрепление патриархальных порядков, в частности — патрилокальность, не могло не нарушить былую прочность традиций в области быта и домашнего производства. В своей статье А. Я. Брюсов специально оговаривается, что этой, более поздней эпохи он не касается, так как проблема совпадения и несовпадения археологических культур и этнических общностей для разных эпох решается по-разному [6]. Так как же она должна решаться для этих более поздних эпох — времени рас-

[6] А. Я. Брюсов. Археологические культуры..., стр. 8.

пада первобытного строя и возникновения классового общества? Это вопрос очень важный, так как именно с материалами данного времени больше всего приходится иметь дело при исследовании этногенического процесса; здесь кроются начала современных народностей.

Прежде всего следует указать, что и в «железном веке» в отдельных областях сохранялись культуры, в отношении которых можно сказать почти то же самое, что и в отношении культур времени неолита и бронзы. Таковы уже упомянутые выше культуры городищ лесной полосы европейской части СССР, относящиеся к середине и второй половине I тысячелетия до н. э. и началу нашей эры, принадлежащие древним финно-угорским и балтийским племенам. После беспокойного периода бронзы с его неоднократными переселениями и распространением новых форм хозяйства — скотоводства и земледелия, сменивших старую охотничье-рыболовческую экономику, жизнь в глухих областях лесной полосы Европы надолго стабилизировалась. В течение последующей тысячи лет здесь не было ни значительных переселений племен, ни вторжений извне. Установились племенные границы. Столетиями люди жили на одних и тех же местах, на своих городищах, призванных защищать появившееся богатство — стада скота и запасы хлеба. Господствовало домашнее производство. Железо добывалось повсеместно из болотных руд. Лишь бронза, изделия из нее и, вероятно, соль служили предметом обмена. В этих условиях не могли не оформиться этнически специфические особенности культуры, характеризующие как большие массивы родственного населения, так и особенно его локальные группы, в настоящее время еще далеко не изученные.

Несравненно с более сложными явлениями в области культуры «раннего железного века» мы встречаемся в южных областях европейской части СССР, например, в пределах скифского мира. Здесь обитали скифские племена, скотоводческие и земледельческие, создавшие свою своеобразную культуру. Местные «дедовские» традиции сыграли при этом относительно скромную роль. Скифская культура впитала в себя целый комплекс особенностей, родиной которых были древний Восток и Средиземноморье. Материальная культура скифов была продуктом не столько домашнего производства, сколько возникающего ремесла и торговли, нивелирующих местные особенности. Кочевой быт господствующей части населения также в немалой мере способствовал культурной инфильтрации. Поэтому локальные культурно-этнические подразделения в скифской среде выявляются археологами не по вещам, а главным образом по особенностям культа, представленным в погребальный обрядности.

В границы скифского мира входили не только собственно скифские племена, но и ряд других, нескифских племенных групп, названных Геродотом. Каждая из них имела свои специфические особенности в культуре. Но и они не были отчетливыми, так как их покрывала как бы вуаль скифской культуры, нередко очень плотная, затемняющая эти местные культурные элементы. Термин «скифская культура», таким образом, может иметь два значения. Речь может идти либо о культуре собственно скифских племен, либо о комплексе культурных элементов значительно большего территориального охвата, свидетельствующих о мощном экономическом, культурном и политическом влиянии скифов на соседние племена.

Не приходится говорить о том, насколько все это сложно, особенно если принять во внимание, что мы располагаем крайне фрагментарным фактическим материалом, полученным в результате разрозненных исследований, проведенных в разное время. Понятно поэтому, что этнокультурная карта древней Скифии, которая увязала бы археологические данные с указаниями Геродота, представляет собой одну из наиболее острых дискуссионных тем нашей археологии. И она останется таковой до

того времени, пока не будет накоплен фактический материал, всесторонне освещающий особенности культуры в разных частях Скифии. Но важно подчеркнуть, что и в этом сложном комплексе явлений элементы культуры, характеризующие этнические особенности различного плана, несомненно могут быть определены.

К исходу I тысячелетия до н. э. в Средней Европе широко распространилось влияние культуры кельтских племен, достигших порога классового общества и государственности, имевших большие торгово-ремесленные города, развитую металлургию и сельское хозяйство. Вуаль кельтской (латенской) культуры большей или меньшей плотности придала известное однообразие культуре различных племен. В их числе оказались племена зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья II—I вв. до н. э. и начала нашей эры. Находясь на восточной окраине ареала латенского влияния, они оказались им сравнительно мало задетыми. Их культура, весьма однообразная на всей территории, хотя и имеющая свои локальные особенности, в целом являлась весьма самобытной, этнически определенной. Иначе обстоит дело с культурой среднеевропейских племен, живших бок о бок с кельтами. «Провинциально-кельтские» элементы приобрели здесь несравненно большую плотность за счет ослабления местных элементов. Культурной инфильтрации способствовали начавшиеся вскоре передвижения европейских племен. Картина, с которой приходится иметь дело археологу, здесь оказалась еще более сложной, чем картина древней Скифии. До сих пор в Средней Европе мы не имеем бесспорной дифференциации древностей — славянских и германских.

Картина еще более усложнилась в начале нашей эры, когда на сохранявшуюся по традиции латенскую вуаль наслоилось мощное влияние провинциально-римской культуры, распространившееся в Средней Европе вплоть до Южной Прибалтики. Римские провинции оказались опоясанными широкой каймой культур, явившихся продуктом ремесла, торговли и всей той обстановки, которая сложилась здесь в римское время.

Во многих местах этнические особенности культуры в этих условиях оказались почти полностью стертыми.

Одной из культур такого характера является черняховская культура, распространенная в Нижнем и Среднем Поднепровье и Поднестровье во II—V вв. Трудно назвать другую такую группу древностей, которая вызвала бы столько споров и, я был сказал, принесла столько неприятностей археологам, как эта культура. Те, кто говорят о несостоятельности археологии решать этногенические вопросы, о несоответствии древних культур этническим общностям, указывают обычно именно на черняховскую культуру, на все те многочисленные противоречивые суждения, которые были высказаны относительно нее исследователями.

Характерными чертами черняховской культуры являлись серолощеная и иная круговая керамика многочисленных, но повторяющихся в разных местах форм, фибулы провинциально-римских типов, римские монеты и стекло, однородные костяные гребни и др. Все это свидетельствует о развитом ремесленном производстве и торговле, о тесных связях с северо-западным Причерноморьем. Погребальные памятники черняховской культуры также повсюду оказались более или менее одинаковыми — это могильники с двумя погребальными обрядами: трупосожжением и трупоположением.

Первоначально черняховскую культуру рассматривали как этнически целостное явление. Ее пытались связать со славянами, с германцами (готами), фракийцами или со скифо-аланскими племенами. В настоящее время известно, что область распространения черняховской культуры была огромной. Она простиралась от верховьев Днестра и Стыри на западе до бассейна правых притоков Северского Донца на востоке. Судя

по историческим данным, в пределах этой области обитало этнически разнообразное население. Сравнительное изучение черняховской культуры и других синхроничных и близких ей культур с серолощеной керамикой, распространенных на западе вплоть до Испании, показало с полной очевидностью, что она представляла собой продукт не какой-либо одной этнической группы, а результат определенной культурно-экономической и политической обстановки, которая была общей для ряда этнических групп.

В черняховских древностях можно выделить кое-какие местные элементы. На поселениях и в могильниках в небольшом числе встречается, например, грубая лепная керамика. Но ее формы настолько мало выразительны, что на их основании пока что нельзя сделать никаких ответственных выводов. То же самое следует сказать о некоторых деталях погребального обряда. Местные этнические элементы культуры оказались здесь стертыми весьма основательно.

М. А. Тихановой была предпринята попытка определить локальные варианты черняховских древностей [7]. Она не привела к созданию строго определенной картины, но, на мой взгляд, в целом должна быть оценена весьма положительно, и исследования в этом направлении необходимо продолжить. При настоящем состоянии знаний наиболее определенным вариантом черняховской культуры является волынская группа, в которой очень сильны местные элементы. Они оказались зарубинецко-пшеворскими, т. е. в соответствии с мнением большинства археологов — раннеславянскими [8]. Обряд погребения здесь однороден — как и в зарубинецкой культуре, практиковалось одно лишь трупосожжение. Общечерняховские элементы культуры здесь явно наслоены, привнесены. В области волынской группы черняховская серолощеная керамика по подсчетам И. С. Винокура составляет до 45% керамического материала; в одних пунктах меньше, в других — больше. Следует допустить, что еще южнее могут располагаться такие раннеславянские (зарубинецкие или пшеворские) поселения, на которых процент черняховской керамики и других вещей будет еще выше, вследствие чего общий облик культурных остатков окажется в основном черняховским. Во всяком случае, уже сейчас бесспорно, что какая-то часть раннеславянского (зарубинецкого и пшеворского) населения между Днестром и Днепром оказалась под вуалью черняховской культуры.

Было бы интересно исследовать остатки поселений и могильники на других окраинах черняховского ареала. Возможно, что и там местные элементы сравнительно легко отделятся от общечерняховских. Поведя широкое наступление на эту культуру, начиная с окраин, быть может, удастся определить, в конце концов, ее главных носителей. Но может быть таковых и не окажется. Еще во времена Страбона были места, где «бастарны, скифы и сарматы жили смешанно с фракийцами». С появлением в Причерноморье готов этническая инфильтрация могла лишь усилиться. Черняховская культура уже в своих первоначальных центрах могла сложиться вне связи с какой-либо одной этнической группой.

Древности типа черняховских представляют собой все же совершенно особое, неповторимое в истории древней европейской культуры явление, отнюдь не характеризующее всякую культуру периода распада первобытного и формирования раннеклассового общества. И в более позднее время этнические общности — племенные группы и народности, как правило, обладали определенными этническими признаками в материаль-

---

[7] М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, 4.

[8] Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1; И. С. Винокур. Старожитності східної Волині першої половини I тисячоліття н. е. «Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету», VIII, вып. 1. Чернівіці, 1960, стр. 24—61.

ной и духовной культуре, нередко очень яркими. Это относится и к тем племенным группам Европы, которые долго жили под латенской и римской вуалью. С середины I тысячелетия н. э. многие из них возродили свою культурную независимость на новой, конечно, основе. Такова славянская культура V—VIII вв., известная во всех старославянских землях, начиная от Повисленья и кончая Поднепровьем, а также в областях ранней славянской колонизации на территории Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Прямоугольные углубленные в землю жилища с печами в углу, однообразная лепная глиняная посуда, могильники с трупосожжением, вскоре сменившиеся курганами,— вот основные этнические особенности этой культуры, заметно отличающие ее от синхронных древностей балтов, финно-угров, аваров, гунно-болгарских племен и др. Древности всех этих племен, особенно северных — балтов и финно-угров,— также весьма специфичны в этническом отношении. На основе славянской культуры V—VIII вв. в последующие столетия возникают культуры средневековых славянских народностей, в том числе в высшей степени самобытная древнерусская культура. Являясь культурой общества с классовым строем, древнерусская культура создавалась в городе и деревне в условиях складывающегося ремесленного производства и растущих экономических связей. Общедревнерусские элементы преобладали здесь над локальными, пережиточно отражавшими традиции древних племенных группировок восточного славянства. Носителем этнически своеобразных особенностей, как общерусских, так и локальных, являлись широкие массы населения, тогда как господствующие слои общества, как известно, тянулись ко всему иноземному: скандинавскому, византийскому, восточному. Подобно кельтской (латенской) культуре, в свое время широко раскинувшей свою вуаль на окрестные племена, общедревнерусская культура также покрывала своей вуалью соседние племена и народности в Прибалтике и Поволжье.

4

Перехожу к самому сложному вопросу, который приходится решать в ходе этногенических разысканий,— к вопросу о формах этногенического процесса, о том, что он представлял собой в различные периоды истории первобытного и раннеклассового общества. В нашей литературе и практической археологической деятельности этому вопросу уделяется непростительно мало внимания. То же самое, к сожалению, необходимо сказать о лингвистической литературе. Пожалуй, здесь можно назвать лишь небольшую статью, принадлежащую Т. С. Шарадзенидзе, где на основе данных о дифференциации и интеграции языков сделана попытка обрисовать характер глоттогонического процесса в различные исторические эпохи [9], и ряд замечаний по этому поводу в статьях Р. И. Аванесова по диалектологии. Основные положения этих статей, опубликованных в 1951—1952 гг. как отклики на лингвистическую дискуссию, представляются мне совершенно правильными. Они перекликаются с тем, что писали по этому поводу археологи — М. И. Артамонов в упомянутой выше статье 1949 г., в ряде мест С. П. Толстов, автор этих строк в 1953 г. [10] и др.

Речь идет о том, что основные формы этногенического процесса — дифференциация, разные формы интеграции, процессы полной или частичной ассимиляции — не были одинаково представлены на разных этапах истории древних обществ. Для ранних периодов, когда первобытный строй развивался, так сказать, по восходящей линии, особенно характерны были процессы дифференциации. В период распада первобытного строя и в эпоху раннеклассового общества эти процессы значи-

[9] Т. С. Шарадзенидзе. Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина. ВЯ, 1952, 1.

[10] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 17—19.

тельно ослабли, уступив главенствующую роль процессам объединения — интеграции и ассимиляции. Этнические единицы укрупнялись, число их уменьшалось, шел процесс формирования народностей.

Господство процессов дифференциации на ранних этапах соответствовало строю жизни того времени. Низкий уровень развития производительных сил лимитировал размеры общин и плотность населения. Племена и племенные группы, достигшие «потолка» по численности и плотности населения, неизбежно должны были дробиться и расселяться. Классики марксизма не раз характеризовали этот процесс, указывая, что он вел к возникновению различий в области языка, к образованию диалектов, к образованию новых языков [11].

Особенно энергично шел этот процесс в самое раннее время, когда население было очень редким, междуобщинные экономические связи отсутствовали и когда отпочковавшаяся община через два-три поколения могла полностью оторваться от материнской. В этих условиях через несколько десятков поколений мог возникнуть новый язык. Процессы интеграции и ассимиляции в тот период, соответствующий в основном времени палеолита и мезолита, составляли, очевидно, редкое исключение.

В последующее время, но также при господстве еще вполне целостных первобытных отношений, процесс дифференциации по-прежнему господствовал. Но его результаты стали несколько иными. Вместе с общим ростом производства, появлением экономических связей, увеличением общей плотности населения создались такие условия, при которых новые общины, как правило, уже не теряли связей со старыми. В итоге возникают группы родственных племен, объединенных близостью культуры и диалектов. Последние, вероятно, были связаны между собой той самой «лингвистической непрерывностью», о которой несколько лет тому назад было столько горячих споров. Процессы объединения, особенно ассимиляции, на данном этапе стали играть значительно большую роль хотя бы потому, что расширение территории одной группы племен нередко происходило за счет земли других групп, путем борьбы между ними.

Сказанное выше, как мне представляется, характеризует основное направление этногенического процесса на территории Европы в эпоху неолита и бронзы, т. е. в период развитого родового строя.

Работами А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс убедительно доказано, что в конце III тысячелетия до н. э. из области бассейна Оки неолитические племена льяловского и окско-деснинского типа расселялись в северном направлении, достигнув Беломорья и Восточной Прибалтики. Они уничтожили, поглотили или оттеснили при этом редкое древнее население северных областей. Такое же расширение своей территории начали вскоре уральско-камские племена, двинувшиеся на запад — на Оку, Верхнюю Волгу и в более северные области, занятые ранее племенами окского происхождения [12]. Так создавались большие группы родственных племен.

Особенно энергично протекали такие процессы там, где расселяющиеся племена являлись носителями культуры более высокого уровня. В этом отношении интересны судьбы наиболее передовых в первобытной Европе неолитических и энеолитических племен Балканского полуострова и сопредельных с ним причерноморских и дунайских территорий, в которых следует видеть, вероятно, древнейших индоевропейцев. Из этой части Европы на север, запад и восток шли могучие для своего

[11] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 93—97; К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. IX, 1941, стр. 79.

[12] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 88—90, 94—96, 121, 139 и др.; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 153—193; П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, 2.

времени потоки скотоводческого и скотоводческо-земледельческого населения — племена катакомбной культуры, племена шнуровой керамики, трипольские племена и др. Большие успехи в области археологии Балканского полуострова и сопредельных областей, достигнутые за последнее десятилетие, позволяют надеяться, что археология в недалеком будущем внесет серьезный вклад в решение индоевропейской проблемы.

II тысячелетие до н. э. было временем, когда культурно-этническая пестрота на территории Европы достигла своего максимума. Например, в Волго-Окской области, принадлежавшей когда-то однородной группе родственных неолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой, теперь появились волосовские племена, фатьяновские племена с разными вариантами культуры, балановские племена, несколько позднее — абашевские, поздняковские и галичские племена. В последующее время ничего подобного здесь уже не наблюдалось. Большая часть Волго-Окской области на рубеже II и I тысячелетий до н. э. была занята вариантами более или менее однородной дьяковско-городецкой культуры. Еще большей пестротой отличалось во II тысячелетии до н. э. Среднее Поднепровье, чего опять-таки нельзя сказать о последующем предскифском времени. Если обратиться к обзору археологических культур территории Польши, принадлежащему И. Костшевскому, то там очень наглядно показано, как из периода в период нарастала численность культур, достигшая наивысшего развития именно во второй половине II тысячелетия до н. э., после чего она и здесь пошла на убыль [13]. Такая же картина наблюдалась и в других областях первобытной Европы.

Если процессы дифференциации, ведущие нередко к образованию обширных групп в той или иной мере родственных племен, уже сейчас во многих случаях доступны изучению по археологическим данным, то процессы интеграции и ассимиляции (неполной и полной), особенно характерные для времени распада первобытного строя и образования классового общества, остаются почти не исследованными на основании археологических материалов. В нашей литературе мы почти не найдем случаев, когда образование новой культурно-этнической общности обоснованно рассматривалось бы как результат интеграции двух либо большего числа родственных общностей или процесса ассимиляции одних племен другими с сохранением субстратных элементов.

Конечно, процессы интеграции и ассимиляции весьма сложны. Сложной была в большинстве случаев, как мы видели выше, и конкретная историческая обстановка, в условиях которой они протекали. Выше уже шла речь о том, что в условиях «железного века» этнические особенности в культуре нередко значительно ослабевали за счет культурных влияний извне. Но дело не только в этом, а чаще всего в определенных взглядах на этногенический процесс, которые прочно укоренились в умах исследователей. Взгляды эти восходят к примитивным глоттогоническим представлениям XIX в., типа «родословного дерева» А. Шлейхера, от которых уже давно отказалось языкознание. В соответствии с ними главным направлением глоттогонического процесса и для поздних эпох признается дифференциация. Каждая археологическая культурная общность в соответствии с этими взглядами рассматривается как результат распространения из единого центра. Мысль, что из двух или нескольких культур может развиться единая культура, воспринимается как проявление «марризма». Исследователи занимаются поисками центров происхождения культур, ожесточенно полемизируют друг с другом по вопросу об этих центрах и... не находят их.

Обращаюсь опять к примерам, мне наиболее близким, прежде всего к упомянутой выше зарубинецкой культуре, к дискуссионному вопросу

[13] J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Encyklopedia Polska. IV, ч. I, раздел 5, Kraków, 1948.

об ее происхождении. В настоящее время здесь идет борьба двух точек зрения.

В соответствии с одной из них, в последнее время обоснованной в печати Ю. В. Кухаренко[14], зарубинецкая культура сложилась в западных районах Припятьского Полесья и Волыни в результате проникновения сюда с запада венедских («поморских») племен. Ее появление в Среднем Поднепровье было следствием переселения зарубинецких племен из более западных областей. Ю. В. Кухаренко полагает, что зарубинецкие памятники западной части Припятьского Полесья и Волыни, имеющие «поморские» черты, являются более ранними, чем поднепровские.

Защитником другой — традиционной украинской — точки зрения на зарубинецкую культуру выступает ныне А. И. Тереножкин[15]. Он и его единомышленники обращают внимание на многочисленные элементы в зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья, свидетельствующие о ее местном происхождении, и оспаривают более раннюю дату западнополесских памятников по сравнению с поднепровскими.

Но, может быть, местные элементы в зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья следует рассматривать как субстратные, как результат полной или частичной ассимиляции пришельцами местного населения? По-видимому, так делать нельзя; эти элементы являются неотъемлемой органической частью зарубинецкой культуры. Это становится особенно ясным, если сравнить отношение зарубинецкой культуры к предшествующим культурам в двух соседних областях Поднепровья — в Среднем Поднепровье, где местные истоки зарубинецкой культуры восходят к глубокой древности, и в Верхнем Поднепровье, куда эта культура распространилась на рубеже и в начале нашей эры и где между местными культурами (милоградской и юхновской) и наслоившейся на них зарубинецкой нет решительно никаких генетических связей, хотя отдельные второстепенные местные элементы она в себя несомненно впитала[16].

В этом свете не следует ли думать, что зарубинецкая раннеславянская культура является по происхождению местной на всем пространстве от западных частей Припятьского Полесья и Волыни и до Киевщины. Ведь вся эта область, как и земли, лежащие западнее, в бассейне Вислы, характеризуется древнейшей славянской гидронимикой. С древними славянами ее связывают также и разыскания лингвистическо-палеогеографического характера. Уже в эпоху бронзы эта территория была заселена близкими друг к другу по культуре племенами (тшинецко-комаровскими, белогрудовскими, высоцкими, подклошевыми и др.). Не следует ли вести поиски истоков зарубинецкой культуры именно в таком направлении? Думаю, что так и следует поступать, несмотря на то, что это очень сложно.

Другое дело, что в процессе интеграции культура одних родственных племен могла оказаться более сильной, внесшей основной вклад. Так, вероятно, обычно и происходило. В случае с зарубинецкой культурой таким наиболее сильным слагаемым являлась бесспорно культура западных племен с ее отчетливыми отзвуками латенских традиций.

А вот еще яркий пример такого подхода к этногеническому процессу, протекавшему уже в историческое время, когда его единственной формой признается путь происхождения из одного центра.

Выше были упомянуты славянские древности V—VIII вв., которые весьма однообразны на широких пространствах. Отмечая это обстоя-

---

[14] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч.

[15] А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, 1955, XXIV; его же. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 240, сл.

[16] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1.

тельство, И. И. Ляпушкин объясняет его происхождением всех славян в середине I тысячелетия н. э из единой племенной группы и предлагает начать поиски «небольшой территории» в полосе лесостепи, где жили эти древние славяне. Он проходит мимо соображений советских и польских археологов, отметивших в славянской культуре V — VIII вв. такие элементы, которые генетически связывают ее с более ранними пшеворской и зарубинецкой культурами. В своей статье, посвященной славянской культуре V—VIII вв., он даже не упоминает о возможности такого решения вопроса [17].

Известно, что еще в I тысячелетии до н. э. каждая из индоевропейских групп — фракийцы, кельты, германцы, восточные иранцы — была представлена не одной, а несколькими археологическими культурами, принадлежавшими отдельным племенам или племенным группам (диалектам). Балтийские племена, близко родственные славянам, также оставили после себя не одну, а несколько культур. При образовании народностей численность этих локальных подразделений, как правило, уменьшалась. А вот славяне, по И. И. Ляпушкину, составляли исключение.

Но, может быть, соображения И. И. Ляпушкина согласуются со взглядами лингвистов, утверждающих, что еще в далеком прошлом славянские языки были близки между собой, а потом они разделились в результате расселения славян. Отнюдь нет. Современное славянское языкознание исходит из того, что «праславянский» язык был представлен несколькими близкими диалектами. По данным гидронимики и «палеогеографической лингвистики», славяне издавна, во всяком случае начиная с рубежа нашей эры, жили на широких пространствах от бассейна Вислы на западе и до Среднего Днепра на востоке, т. е. как раз там, где сосредоточены зарубинецкие и пшеворские древности. С этой широкой территории славяне начали свое расселение на юг и северо-восток.

Однообразие славянской культуры V—VIII вв. в перечисленных странах как раз и объясняется, по-видимому, тем, что она развилась на основе этих близких между собой культур в условиях «великого переселения народов», способствовавших дальнейшей культурной интеграции. В последующее время, после продвижения славян на Дунай и Балканский полуостров, это однообразие, естественно, стало ослабевать. Здесь стали действовать процессы дифференциации, закрепленные впоследствии в границах средневековых славянских государств. Что же касается северных областей, принадлежащих ранее балтам и финно-уграм, то там уже в начале третьей четверти I тысячелетия н. э. славянская культура приобрела многочисленные особенности, в частности за счет местного субстрата [18].

Здесь уместно напомнить сказанное выше об узкой специализации и кооперации исследований. При этногенических изысканиях, особенно касающихся «железного века», никогда нельзя ограничиваться материалами одной культуры или этнической группы, а следует рассматривать процесс как можно шире, с учетом исторической обстановки. Если делается попытка доказать, что данная культура или группа культур принадлежит, скажем, славянам, то необходимо интерпретировать также и смежные культуры, сказать — а где же древние германцы, кельты, балты и др. Если поступать иначе на том основании, что «это не моя специальность», этногенические разыскания не выйдут из «тупика», о котором много говорили и писали в 20—30-х годах и который отнюдь не является только лишь домыслом «марристов».

---

[17] И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961.

[18] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 46.

Говоря о процессах этнической дифференциации, происходивших в период распада первобытного строя и возникновения классового общества, необходимо иметь в виду, что они не только занимали второстепенное место в этногении этого периода, но — самое главное — в большинстве случаев качественно отличались от тех явлений, которые характеризовали этногенический процесс в далеком прошлом. Тогда это был преимущественно естественный процесс этнического отпочкования, дробления и обособления. Дифференциация в период образования народностей в значительной степени происходила за счет ассимиляции чуждых этнических групп, за счет различных субстратных элементов.

Так, древнерусская народность, в отличие от многих других народностей Европы, сложилась в условиях почти нераздельного господства славянского этнического материала. Но и здесь ассимиляция чуждых этнических групп — балтов и финно-угров — сыграла весьма серьезную роль. Она, конечно, не определила хода дальнейшего процесса, обусловленного определенной исторической обстановкой, но в значительной степени подготовила почву для последующей дифференциации древнерусской народности. Достаточно взглянуть на этнографическую и диалектологическую карты русских, украинцев и белорусов и сравнить их с археологической картой древних племенных групп, чтобы увидеть существующую между ними бесспорную связь. Процессы ассимиляции неславянских племен в условиях возникновения древнерусской народности успешно изучаются археологами [19].

В образовании большинства народностей — индоевропейских, тюркских, арабских и др.— процессы дифференциации в результате ассимиляции чуждых племен и народностей сыграли, как известно, большую роль.

* * *

Затронутая в настоящей статье тема чрезвычайно обширна. Здесь, естественно, получили некоторое освещение далеко не все стороны и особенности этногенического процесса, характерные для различных ступеней истории первобытного и раннеклассового общества. Полностью оказались обойденными, например, незнакомые мне своеобразные особенности этого процесса в государствах рабовладельческого Востока, в частности складывавшиеся при наличии тесных взаимоотношений (мирных или враждебных) земледельческого и кочевнического разноэтнического населения. Мне хотелось лишь привлечь внимание к вопросам теории этногенического процесса, без серьезной марксистской разработки которых археологическая наука будет блуждать в дебрях субъективных суждений и не сумеет отыскать общий язык с этнографическими и лингвистическими исследованиями.

[19] Например: В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, 2; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 189, сл.

А. А. ФОРМОЗОВ

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИКУБАНЬЯ

За последние годы полевые исследования советских археологов во много раз увеличили число местонахождений шелльско-ашельского времени на Кавказе. Если до войны местонахождения древнего палеолита были описаны только в Абхазии, то теперь мы знаем десятки памятников этого времени в Армении, Юго-Осетии и Прикубанье. Местонахождения ашельской эпохи открыты недавно в Чиатурском районе Грузии, в Азербайджане и Дагестане.

Быстрое накопление материалов поставило перед археологами новые задачи. Сейчас не так уж важно найти еще несколько аллювиальных древнепалеолитических местонахождений. Необходимо классифицировать собранный материал, расчленить его на хронологические группы, выявить опорные местонахождения с выразительной стратиграфией. Все это не так просто, ибо древнепалеолитические орудия, как правило, обнаруживаются только на галечниках в руслах рек, куда они попали после многократного переотложения. Далеко не всегда находки на галечнике представляют собой комплекс одновременных предметов.

Подойти к разработке вопросов относительной хронологии древнего палеолита Кавказа можно разными путями. Первый путь — путь скрупулезного типологического анализа находок, тщательного изучения особенностей обработки камня в разные эпохи древнего палеолита. Этим путем идут М. З. Паничкина и В. П. Любин [1].

Другой путь — выделение из местонахождений древнего палеолита таких памятников, которые могут получить геологическую и палеонтологическую характеристику и занять место в геологической шкале четвертичных отложений. Этот путь возможен, конечно, не везде. Одним из наиболее благоприятных районов для постановки таких работ является Прикубанье — район с многочисленными стратиграфически важными находками плиоценовой и нижнеплейстоценовой фауны.

П. У. Аутлев, С. Н. Замятнин, М. З. Паничкина и автор обследовали в Прикубанье более сорока местонахождений древнего палеолита [2]. Иные из них дали очень богатые сборы. Так, на местонахождении у ст. Абадзехской найдено 2100 предметов, у ст. Губской — 600, на р. Фор-

---

[1] См., например, М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. Археол. сб. ГЭ, I. Л., 1959; В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. МИА, 79, 1960.

[2] П. У. Аутлев. Из истории изучения древнекаменного века Прикубанья. Сборник материалов по археологии Адыгеи. II. Майкоп, 1961; С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. МАЭ, XII, 1949; его же. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961; М. З. Паничкина. Новые палеолитические находки на р. Псекупс. КСИА, 82, 1961; ее же. Новые нижнепалеолитические местонахождения левобережных притоков Кубани. Сборник материалов по археологии Адыгеи, II; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952; его же. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году. КСИИМК, 78, 1960.

тепьянке — 300, у ст. Костромской — 200 и т. д. Детальный анализ древнепалеолитических орудий из Прикубанья дан в двух статьях М. З. Паничкиной. Поэтому здесь мы не будем останавливаться на типологии орудий. Для образца приведем лишь таблицы характерных находок с самого восточного древнепалеолитического памятника Прикубанья —

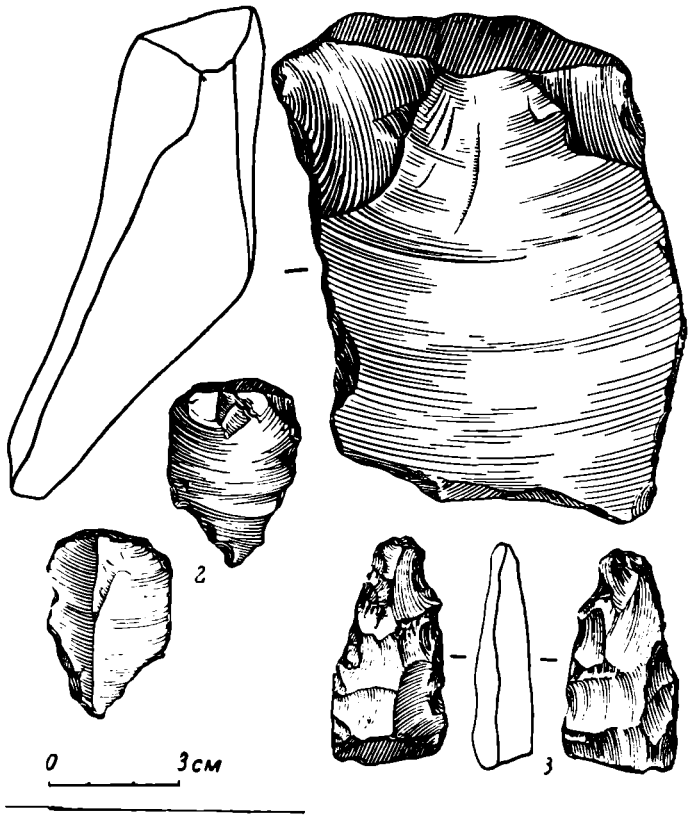


Рис. 1. Кремневые изделия местонахождения Мостовое

1, 2 — отщепы; *3* — фрагмент рубила

местонахождения на р. Ходзь у с. Мостового (сборы автора 1958—1959 гг.). На таблицах изображены отщепы клектонского типа, дисковидный нуклеус, обломок двусторонне обработанного орудия типа ручного рубила (рис. 1—3).

Значение исследований по древнему палеолиту Прикубанья во много раз увеличивается тем, что ряд местонахождений может получить геологическую и палеонтологическую характеристику. В этой статье мы остановимся именно на таких памятниках и попытаемся, опираясь, на них, дать первую хронологическую шкалу для древнего палеолита Прикубанья. Консультантом автора был доктор геолого-минералогических наук Г. И. Горецкий.

Опорным районом для понимания геологических условий нахождения древнего палеолита в Прикубанье является среднее течение р. Псекупс. Этот район привлек внимание исследователей уже около ста лет назад после сообщений о находках здесь костей крупных млекопитающих. Первые находки были сделаны в 1865 и 1866 гг. между станицами Бакинской и Саратовской и в 8 *км* ниже ст. Ключевой[3]. Находки близ

[3] Н. Каменев. Кавказский мамонт. «Кубанские войсковые ведомости», 1866, № 23; его же. Палеонтологическая находка на р. Псекупсе. Там же, 1868, № 4 (обе заметки перепечатаны в приложениях к «Изв. Кавказского отдела РГО», III, Тифлис, 1874).

Саратовской повторились и в 1895 г.[4]. В 1920-х годах крестьянин ст. Бакинской А. П. Левченко начал систематически собирать кости в урочище Байков Куток близ Бакинской[5]. Эти находки, переданные в Академию наук СССР и Краснодарский музей, вызвали посещение Псекупса рядом специалистов-геологов. В средней части течения Псекупса побывали А. И. Москвитин (1930 г.), В. И. Громов (1932 г.), А. Д. Колбутов (1935 г.).

В 1934 и 1947 гг. Н. В. Анфимов нашел в русле Псекупса древнепалеолитические отщепы. В дальнейшем на Псекупсе работали С. Н. Замятнин (1954 г.), М. З. Паничкина (1957 г.) и автор (1950, 1957 и 1960 гг.). В связи с нашим обследованием Псекупса, уже с археологической целью, район дважды изучался специалистами по четвертичной геологии — в 1957 г. Н. А. Лебедевой, Ю. М. Васильевым и Л. И. Алексеевой, и в 1960 г.— Г. И. Горецким, В. М. Муратовым, М. П. Лысенко, В. П. Иевлевым и Т. П. Тимофеевой. Это позволяет дать достаточно полную характеристику условий залегания палеолита на Псекупсе.

Наше сплошное обследование Псекупса в 1957 г. выявило 13 пунктов находок древнепалеолитических орудий[6]. Спи-

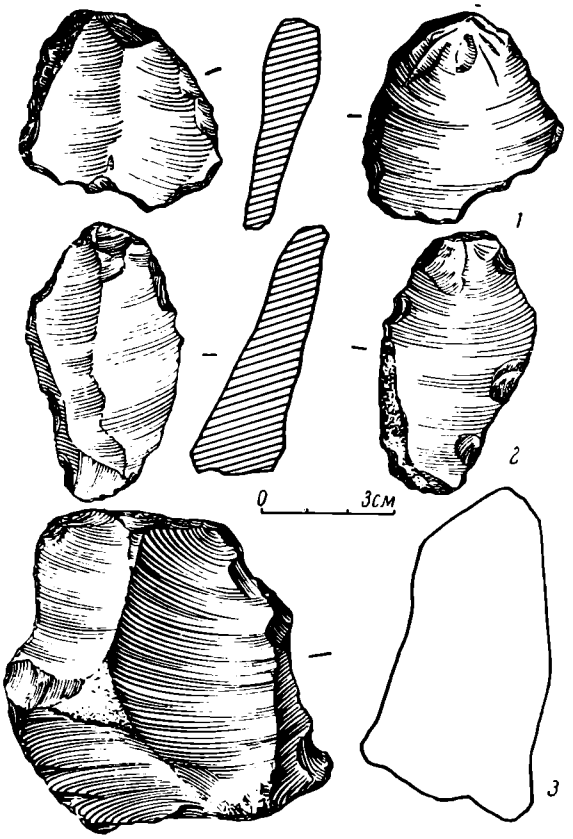


Рис. 2. Кремневые изделия местонахождения Мостовое

1, 2 — **отщепы;** *3* — нуклеус

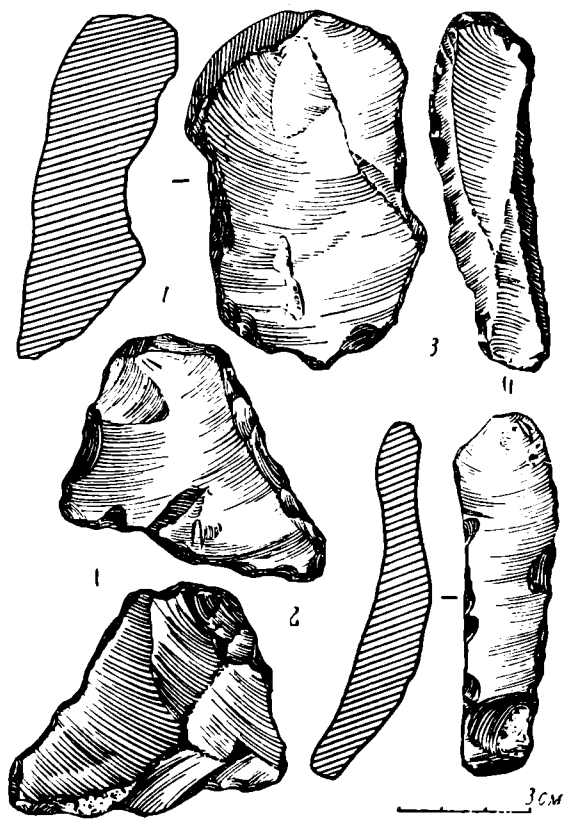


Рис. 3. Кремневые отщепы местонахождения Мостовое

[4] Краткий указатель археологических, естественноисторических, этнографическо-промышленных вещей и предметов, имеющихся при Кубанском областном статистическом Комитете. Екатеринодар, 1897, стр. 32.

[5] А. Лещенко. Два года работы этнологической секции Литературно-исторического и этнографического общества. Сб. статей по экономике и культуре, I, Краснодар, 1927, стр. 104, 109.

[6] А. А. Формозов. Исследования памятников,..., стр. 13—14, рис. 1; М. З. Паничкина. Новые палеолитические находки..., стр. 51; М. З. Паничкина отмечает 11 пунктов находок. Ее список не во всем совпадает с нашим.

сок и карта этих местонахождений опубликованы в 1960 г. Самое верхнее из них лежит в предгорьях — близ устья р. Хаорзе, в 2,5 *км* выше Горячего Ключа, самое нижнее — в 70 *км* севернее, в пределах аула Вочепший. Основная масса находок сделана в районе станиц Саратовской и Бакинской. В 1960 г. на нижней окраине Саратовской, на левом берегу Псекупса найден еще один пункт с древнепалеолитическим материалом (пункт 2-А).

Находки орудий в ряде пунктов по Псекупсу на значительном расстоянии друг от друга не оставляют сомнения в том, что перед нами не одно, а ряд палеолитических местонахождений. Местонахождения эти разновременны, но не выходят за пределы древнего палеолита. Описанная С. Н. Замятниным находка близ ст. Саратовской двух ручных рубил классического шелльского типа[7] и архаический характер происходящих из того же района отщепов и нуклеусов бесспорно свидетельствуют, что на Псекупсе есть материал домустьерского времени. Орудия с Псекупса изготовлены из хорошего черного и коричнево-желтого кремня.

Сплошная разведка по Псекупсу показала, что количество находок и степень их сохранности на разных участках реки неодинаковы. Находки кремневых орудий в районе между устьем Хаорзе и Саратовской и на участке от Бакинской до Пчегатлукая были сделаны в русле реки на галечниковых пляжах. В каждом пункте найдено очень немного предметов (1—5), причем, как правило, орудия были сильно окатаны. Иная картина наблюдалась на отрезке между Саратовской и Бакинской. В четырех пунктах — 2-А, 3 и 4 у Саратовской и 7 у Бакинской находки были сделаны в осыпи обнажений берега реки. При этом они были достаточно многочисленны (в пункте 3 собрано более 50 кремней), а сами изделия мало или совсем не окатаны. Очевидно в первом случае мы имеем дело с неоднократно переотложенным материалом, а во втором — находки сделаны вблизи первоначального залегания.

Уже обследование Псекупса Н. А. Лебедевой в 1957 г. показало, что район обильных находок близ Саратовской приурочен к тому участку, где река прорезает террасу высотой 35 *м*. Выше и ниже Саратовской обнажений этой террасы нет. В верхней части долины 35-метровая терраса повышается до 80 *м* и уходит от реки, загибаясь на хребет Котх (близ устья Хаорзе). В обнажениях берега здесь отмечены лишь молодые пойменные отложения. Ниже Бакинской река прорезает 12—15-метровую, вероятно вюрмскую, террасу, которая, понижаясь вниз по реке, сливается с поймой Кубани (рис. 4). Терраса высотой 35 *м* находится тут в 1—5 *км* от Псекупса. Интересно, что в районе Горячего Ключа (пункты 1 и 2) находки сделаны там, где в Псекупс впадают небольшие притоки, прорезающие в своих верховьях 35-метровую террасу. Это еще раз говорит о связи палеолитических находок на Псекупсе именно с этой террасой.

Обследование 1960 г. позволило Г. И. Горецкому отождествить 35-метровую террасу с VI террасой системы кубанских рек по схеме И. Н. Сафронова[8], принятой сейчас геологами-четвертичниками. Были осмотрены два обнажения 35-метровой террасы, под которыми сделаны находки кремневых орудий. Обнажения на левом берегу Псекупса близ ст. Саратовской, в урочище Игнатенков Куток (пункт 3) и близ 3-го отделения совхоза «Табак» (пункт 4) оказались тождественными по своему строению. На обнажении у Игнатенкова Кутка была сделана зачистка шириной 3—5 *м* от почвенного слоя до уреза воды (рис. 4).

[7] С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту, стр. 63—66.

[8] И. Н. Сафронов. К вопросу о возрасте террас р. Кубани. Материалы по изучению Ставропольского края, 7, Ставрополь, 1955; его же. О новейших тектонических движениях в области Северо-Западного Кавказа по данным изучения террас системы р. Кубани. «Советская геология», 54, 1956; его же. Террасы Кубани. Географический сборник, X, М.—Л., 1958.

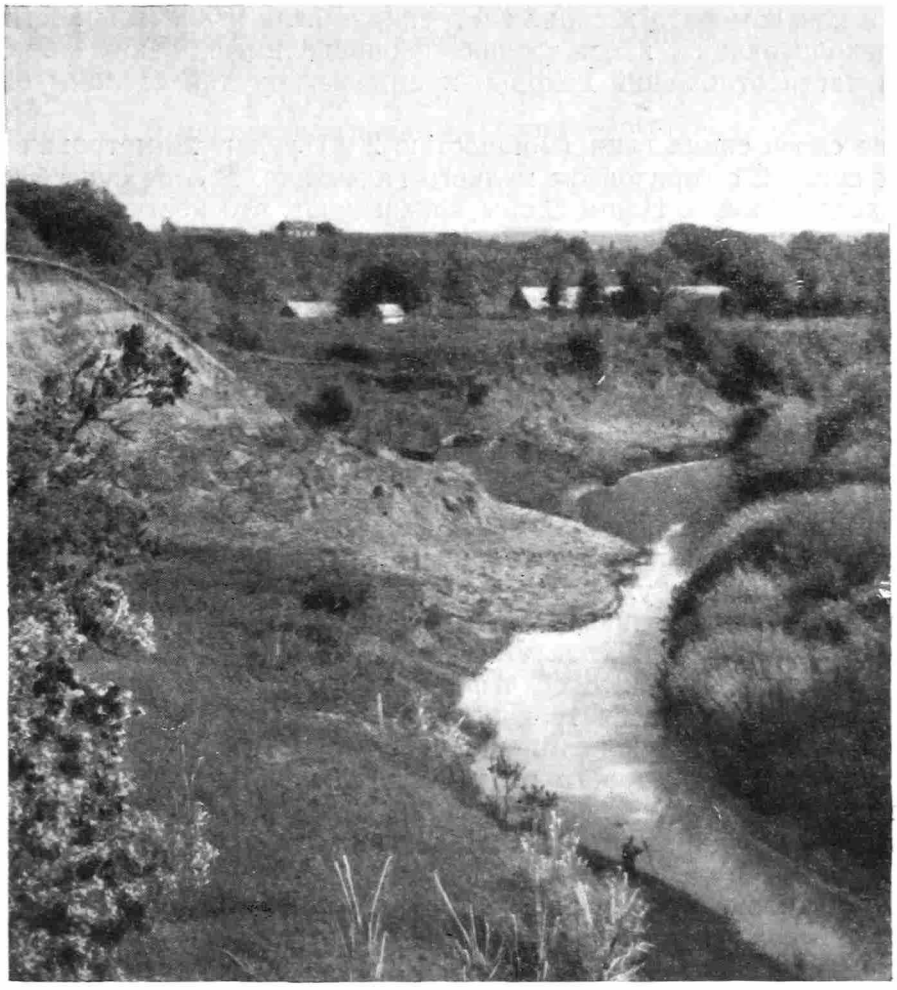


Рис. 4. Обнажение левого берега Псекупса в урочище Игнатенков Куток близ Саратовской. Виден контакт 35- и 12-метровой террас

Основание обнажения слагают железистый конгломерат, выстилающий русло реки, и синие глины. Н. А. Лебедева датировала эту толщу плиоценом. Г. И. Горецкий присоединяется к этому заключению и уточняет его, говоря об акчагыльской свите. Акчагыльский возраст аллювиальной свиты подтвердили В. В. Богачев и Г. И. Попов, изучавшие конхилиофауну, собранную здесь Н. А. Лебедевой и Г. И. Горецким. В. В. Богачев определил раковины Unio pronus, Unio kalmykorum, Lithoglyphus neimeieri, Anodonta compacta и т. д. Именно в этой части разреза сделаны находки костей крупных млекопитающих. Уже в 1866 г. Н. Каменев извлек из цоколя обнажения между Бакинской и Саратовской, т. е. в непосредственной близости от места наших работ, 24 кости слона (зубы, таз, голень). Каменев писал, что кости были заключены в слое конгломерата[9]. В 1932 г., осматривая места находок А. П. Левченко близ ст. Бакинской, В. И. Громов зафиксировал находку в слое синих глин черепа Cervus pliotarandoides, указывающую на верхнетретичный возраст глин[10]. К тому же и к нижележащему слою относит В. И. Громов и большую часть других находок фауны на Псекупсе: зубы Elephas meridionalis и кости Struthio. При наших работах в Игнатенковом Кутке

[9] Н. Каменев. Кавказский мамонт...

[10] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геол. наук АН СССР, 64, геол. серия, № 17, 1948, стр. 53—56.

из слоев конгломерата и синих глин также были извлечены кости крупных млекопитающих, к сожалению, неопределимые. Таким образом, в нижней части отложений находки кремневых орудий сделаны быть не могли.

Выше слоев синих глин (мощностью 2 *м*) лежит 20-метровая толща желтых супесей с горизонтом мелкого галечника. В слое супесей также есть находки фауны. Наши сборы показывают, что кости из этого слоя светлее, чем кости из синих глин. К слою супеси В. И. Громов относит находки костей Rhinoceros etruscus, Elephas meridionalis и Bos и говорит о том, что слой принадлежит к переходному от плиоцена к четвертичному времени. Зачистка 1960 г. позволила Г. И. Горецкому говорить об апшеронском возрасте толщи супесей. Основанием для этого служит прослеженное при зачистке моноклинальное залегание слоев, характерное для апшеронских отложений. К четвертичному времени может быть отнесена, следовательно, только самая верхняя часть отложений 35-метровой террасы.

Четвертичные отложения отделены от апшеронских слоем галечника, более крупного, чем во втором горизонте. Выше идут слои желтого суглинка, прикрытые уже почвенным слоем. Находки древнепалеолитических орудий могут происходить только из верхнего слоя галечника. Это предполагалось и Н. А. Лебедевой в 1957 г.[11], обследование же 1960 г. позволило говорить об этом еще увереннее. Было просмотрено множество галек изо всех трех слоев галечника 35-метровой террасы, считая и нижний слой конгломерата. Оказалось, что гальки черного и желтого кремня, из которого сделаны орудия, найденные под обнажением, имеются только в верхнем галечнике. Петрографический состав второго слоя галечника и конгломерата иной.

В свете геологических, палеонтологических и археологических фактов можно считать, что кремневые орудия из местонахождений Игнатенков Куток и совхоз «Табак» залегали в горизонте галечника, непосредственно перекрывающем плиоценовые отложения и датирующемся примерно миндельским временем. Находки в совхозе «Табак» двух шелльских рубил, а в Игнатенковом Кутке самых крупных из собранных на Псекупсе отщепов, характеризующихся всеми чертами клектонской техники (широкая неподправленная площадка, массивность, крупный отбивной бугорок, укороченные пропорции), позволяют считать, что к миндельскому времени относятся именно шелльские находки с Псекупса.

Следует отметить, что С. Н. Замятнин связывал находки шелльского времени близ совхоза «Табак» с цоколем террасы — со слоем железистого конгломерата[12]. Приведенные геологические и палеонтологические доказательства плиоценового возраста конгломерата говорят об ошибочности этого заключения. В качестве дополнительного аргумента можно привести то, что слой железистого конгломерата прослеживается и в цоколе 12—15-метровой террасы, обнажений которой очень много по Псекупсу ниже Бакинской. Находки фауны в конгломерате сделаны Н. Каменевым «на глубине 7 сажен», т. е. именно в основании 15-метровой террасы[13]. Если бы палеолитические кремни происходили из слоя конгломерата, ниже Бакинской были бы такие же обильные находки орудий, как у Саратовской. В действительности богатые находки орудий есть только в районе Саратовской, т. е. там, где река прорезает 35-метровую террасу с верхним горизонтом галечника. Фаунистические же находки обычны и ниже Саратовской, например в Байковом Кутке у Бакинской.

---

[11] А. А. Формозов. Исследования памятников..., стр. 16.
[12] С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту, стр. 66.
[13] Н. Каменев. Кавказский мамонт...

Кремневые орудия и кости животных, собранные на Псекупсе, относятся к разному времени. Находка М. З. Паничкиной ашельского нуклеуса и костей южного слона на одной осыпи не может служить основанием для вывода, что Игнатенков Куток — «единственное... на всей территории СССР местонахождение аллювиального типа, давшее вместе с шелльско-ашельскими изделиями остатки древней фауны» [14].

Помимо двух обнажений 35-метровой террасы ниже Саратовской, в 1960 г. были изучены обнажение террасы высотой 25 *м* (вероятно, четвертой) на нижнем краю Бакинской (правый берег Псекупса, пункт 7) и терраса высотой 15—17 *м* по левому берегу реки в пределах Саратовской (пункт 2-А). В средней части обоих разрезов прослеживается горизонт галечника, что отличает эти обнажения от обнажений 12—15-метровой террасы в нижней части Псекупса, сложенных малорасчлененными лёссовидными суглинками без прослоя галечника. И в пункте 7, и в пункте 2-А находки кремневых орудий были сделаны не только в осыпи обнажений, но и непосредственно в слое галечника при зачистках.

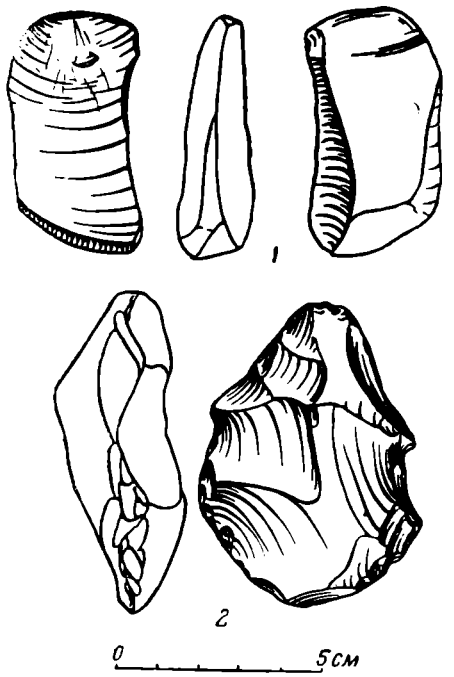


Рис. 5. Отщеп, найденный на местонахождении нижнечетвертичной фауны Цимбал (*1*), и ручное рубило из обнажения 17-метровой террасы левого берега Псекупса в пункте 2-А у ст. Саратовской (*2*)

Отщеп, извлеченный из галечника в пункте 7, и небольшое двусторонне обработанное орудие из галечника в пункте 2-А (рис. 5, *2*) сильно окатаны. Это отличие находок на низких террасах Псекупса от находок под обнажениями 35-метровой террасы может говорить о том, что первые находки переотложены с 35-метровой террасы.

Не исключено, однако, и другое решение вопроса. Кроме архаических отщепов, которые допустимо относить, как и рубила Саратовской, к шелльскому времени, на Псекупсе найдены и более развитые формы изделий. Таков нуклеус в виде плоского диска из пункта 9, ряд небольших отщепов с подправленными площадками из пункта 11 [15] и, наконец, бифас из галечника в пункте 2-А. Все это указывает на присутствие на Псекупсе материалов ашельского или даже раннемустьерского времени, которые закономерно должны залегать на более низких террасах, чем 35-метровая. Находки около Бакинской и в самой Саратовской, возможно, дают нам представление об условиях залегания младшей хронологической группы Псекупских кремневых орудий.

Вторым важным районом для изучения геологических условий залегания древнего палеолита на Кубани является район при впадении в Белую р. Курджипса, ниже Майкопа. Здесь в 1930-х годах П. К. Перепелицын собрал в русле левого притока Белой, р. Фортепьянки, ряд изделий ашельского времени. Затем большие коллекции на Фортепьянке собрали С. Н. Замятнин в 1937 г., автор в 1950, 1957 и 1960 гг. и П. У. Аутлев в 1958—1960 гг. Близ Фортепьянки находки отдельных древнепалеолитических орудий сделаны и по руслам других рек: в низовьях Курджипса, впадающего в Белую ниже Фортепьянки, по притоку Курджипса — р. Лучке и по Белой между впадением Фортепьянки и

[14] М. З. Паничкина. Новые палеолитические находки..., стр. 58.

[15] А. А. Формозов. Исследования памятников..., рис. 2. Ср. М. З. Паничкина. Новые палеолитические находки, стр. 52—56.

Курджипса. Все орудия из желто-коричневого кремня высокого качества. В 1930 г. четвертичные отложения окрестностей Майкопа детально изучались А. И. Москвитиным [16]. В 1960 г. Г. И. Горецкий провел исследование района в связи с археологическими находками.

Молодые речки Фортепьянка и Лучка прорезают террасу левого берега Белой высотой порядка 45 *м*. Обнажение этой террасы на противоположном берегу Белой высотой 42—45 *м* описано А. И. Москвитиным [17]. Как отмечалось уже в нашем сообщении о работах 1950 г., кремневые орудия Фортепьянки происходят из единственного в обнажениях этой террасы слоя галечника. Слой этот залегает непосредственно на синих глинах миоценового возраста, обычно сразу же под почвой, реже — отделенный от нее слоем желтого суглинка [18].

Из синих глин происходят многочисленные остатки китов-цетотериев, описанные П. И. Спасским, и раковины Cardium fittoni, Cardium obsoletum, Mactra podolica, Mactra vitalina [19] — бесспорное свидетельство третичного возраста отложений нижней части разрезов по Фортепьянке.

В 1960 г. в слое перекрывающего глину галечника найден характерный древнепалеолитический нуклеус. Датировать галечник можно исходя из его высотного положения над уровнем реки. Учитывая высотные отметки других террас Белой, можно считать, что на Фортепьянке перед нами пятая «венедская» терраса времени Миндель I—II. Залегание кремневых орудий на этой террасе говорит о более позднем их возрасте по отношению к находкам у Саратовской. Это согласуется с археологическими данными. В 1952 г., обрабатывая коллекцию с Фортепьянки при консультации С. Н. Замятнина, автор датировал ее эпохой раннего ашеля [20]. Сопоставление находок на позднеашельском местонахождении у Абадзехской с коллекцией Фортепьянки привело П. У. Аутлева к той же дате. П. У. Аутлев отмечает, что отщепы с Фортепьянки значительно реже имеют подправку площадки, чем отщепы из Абадзехской, и что нуклеусы первого памятника соответственно архаичней [21]. Значит, находки на Фортепьянке не могут быть отнесены к развитому или позднему ашелю. В то же время присутствие в коллекции хорошо оформленных дисковидных нуклеусов и ряда отщепов с подправленными площадками указывает на более развитой характер памятника, чем у Саратовского местонахождения шелльского времени.

Третий пункт, обследование которого дало некоторый материал для суждения о геологических датировках древнего палеолита Прикубанья,— район Имеретинской. Здесь в 1957 г. М. З. Паничкина нашла в долине Марты три ручных рубила ашельского облика, восемь скребел, четыре остроконечника, четыре грубых рубящих орудия, пять дисковидных орудий и многочисленные нуклеусы и отщепы [22]. При нашем посещении памятника в 1960 г. находки были сделаны не только в русле реки. Два древнепалеолитических отщепа были найдены на размытой поверхности террасы Марты высотой 17 *м*. По заключению Г. И. Горецкого, близ Имеретинской выражено пять террас, сильно сближенных друг с другом, что неудивительно для такой маленькой речки со слабо разработанной долиной, как Марта. Терраса высотой 17 *м*, для данного района четвертая, может датироваться миндель-рисским временем.

---

[16] А. И. Москвитин. Террасы р. Белой. Изв. РГО, LXV, 4, 1933.
[17] Там же, стр. 275.
[18] А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения..., стр. 32
[19] П. И. Спасский. Палеонтологические богатства Майкопского района. Журн. «Природа», 1951, № 5, стр. 71—72.
[20] А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения..., стр. 34.
[21] П. У. Аутлев. Абадзехское палеолитическое местонахождение. (Рукопись диссертации).
[22] М. З. Паничкина. Новые нижнепалеолитические местонахождения..., стр 27—36, рис. 8—11.

Древнепалеолитические изделия происходят, видимо, из слоя галечника на этой террасе, лежащего на высоте 11,7—13,5 *м* над уровнем Марты. По геологическим данным, орудия из Имеретинской моложе не только псекупских, но и находок на Фортепьянке. Археологически это подтверждается: М. З. Паничкина относит свои сборы на Марте к концу ашеля — самому началу мустьерской эпохи. В пользу этого свидетельствует характер отщепов с подправленными площадками, тип тщательно обработанного ручного рубила и другие признаки.

Из других древнепалеолитических местонахождений Прикубанья известный геологический интерес представляют два памятника. В 1959 г. в пределах станицы Каменномостской был найден характерный древнепалеолитический отщеп. Находка приурочена к поверхности шестой террасы Белой — к той террасе, с которой связаны находки у Саратовской. В 1961 г. автор провел сборы по руслу Ханки близ станицы Ханской. Ханка прорезает ту же террасу Белой, что и Фортепьянка [23]. Археологический материал из обоих пунктов вполне аналогичен.

Для хронологии древнего палеолита Прикубанья большое значение имеют и находки кремневых отщепов вместе с древнечетвертичной фауной в карьерах Цимбал и Гирей. Основой для датировки являются здесь уже не геологические, а палеонтологические данные. Палеонтологическое местонахождение в карьере Цимбал близ Сенной на Тамани, изученное Н. К. Верещагиным [24], дало остатки Elephas meridionalis, Elephas antiquus, Trogontherium cuvieri, Elasmotherium caucasicum, Rhinoceros etruscus, Bison schoetensacki, Megaceros и т. д. При исследовании этой нижнечетвертичной фауны Н. К. Верещагин выделил ряд костей, искусственно расколотых в древности. «Скалывание стенок диафиза...— пишет об одном из образцов Н. К. Верещагин,— произведено несомненно по свежей кости каким-то дробящим орудием». Так как через руки Н. К. Верещагина прошли тысячи костей, расколотых палеолитическим человеком или не имевших отношения к человеку, этому заключению нельзя не верить.

Сообщение Н. К. Верещагина вызвало наш осмотр Цимбала в 1957 г. В карьере удалось найти типичный древнепалеолитический отщеп с плоской широкой ударной площадкой и большим отбивным бугорком (рис. 5, *1*). Отщеп покрыт интенсивно-белой патиной и настолько сильно выветрен, что кажется сделанным из какой-то опоки. Но раскалывание кусков аналогичной породы, имеющей такую же патину и выветренность, показывает, что это не опока, а твердый коричневый окремнелый материал, вполне пригодный для изготовления орудий.

Находки костей животных в карьере Цимбал сделаны в слое желтых крупно- и среднезернистых песков, лежащих над белыми морскими песками сарматского возраста и кое-где перекрытых покровными суглинками [25]. Ни с морскими, ни с речными террасами это местонахождение фауны увязано быть не может. Датирующим является сам комплекс фаунистических находок, по словам Н. К. Верещагина, хронологически единый [26]. Находки в Цимбале принадлежат к так называемой «таманской фауне», выделенной еще до открытия местонахождения Цимбал по материалам других местонахождений Таманского полуострова. В. И. Громов относил таманский комплекс фауны к миндельской эпохе и считал его более молодым, чем псекупский, синхронизируя последний с верхним плиоценом [27]. В новейшей сводке палеонтологических мате-

---

[23] С. Н. Замятнин. Некоторые данные..., стр. 494.

[24] Н. К. Верещагин. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова. Тр. Зоол. ин-та АН СССР, XXII, 1957, стр. 17—22.

[25] Н. К. Верещагин. Ук. соч., стр. 17.

[26] Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М.— Л., 1959, стр. 62.

[27] В. И. Громов. Ук. соч., стр. 460—464.

риалов по Кавказу Н. К. Верещагин повторяет этот вывод В. И. Громова[28].

В свете этого нас не могут смущать отдельные совпадения в списках фауны Псекупса и Цимбала (Elephas meridionalis, Rhinoceros etruscus), естественные в двух комплексах, сменивших друг друга во времени. Кремневые орудия Псекупса шелльского и ашельского типов не имеют отношения к верхнеплиоценовой фауне, тогда как вместе с миндельской фауной Цимбала мы вправе ожидать следов деятельности древнейшего человека. Искусственно расколотые кости из единого хронологического комплекса находок показывают, что во время существования таманского комплекса фауны в Прикубанье уже жили древнейшие люди. Древнепалеолитический отщеп из Цимбала подкрепляет это заключение. Находки на Цимбале, видимо, древнее кремневых орудий с Псекупса и могут рассматриваться как дошелльские. Показательно, что в дошелльских местонахождениях Франции представлены остатки Elephas antiquus, Elephas meridionalis, Rhinoceros etruscus, Trogontherium cuvieri, найденные и в Цимбале[29]. В шелльских же местонахождениях кости Rhinoceros etruscus отсутствуют[30].

Находка трех кремневых раннепалеолитических отщепов сделана нами в хорошо известном палеонтологам карьере Гирей в 1960 г. Местонахождение четвертичной фауны Гирей связано с толщей древнего аллювия Кубани, залегающей на сарматских сизых глинах под покровными суглинками и песками II надпойменной террасы[31]. И здесь основой для датировки являются сами фаунистические находки. В коллекциях из Гирея представлены остатки Elephas meridionalis, Elephas trogontherii, Rhinoceros mercki, Rhinoceros tichorhinus, Megaceros, Bison priscus и т. д.[32].

Как отмечают и В. И. Громов, и Н. К. Верещагин, эти находки несколько разновременны. Из раннего в целом комплекса выпадают остатки мамонта. В ряде случаев удалось проследить их залегание в верхней части аллювия, сразу же под покровными суглинками, тогда как основная масса костей происходит из галечника в нижней части аллювия[33].

Список фауны Гирея, приведенный В. И. Громовым, во многом близок к фауне мустьерских стоянок. Так, в Даховской[34] и Ильской стоянках на Кубани найдены остатки Bison priscus и Megaceros, в крымских стоянках Киик-Коба, Волчий грот, Чокурча, Староселье, Аджи-Коба и в молдавской стоянке Выхватинцы — остатки Rhinoceros tichorhinus, в Выхватинцах, Киик-Кобе и в Кодаке на Днепре — остатки Elephas trogontherii[35]. Из списка фауны Гирея только Elephas meridionalis и Rhinoceros mercki не известны в мустьерских стоянках СССР. За рубежом остатки Rhinoceros mercki есть почти во всех шелльских и ашельских стоянках с сохранившимся культурным слоем — в Шпихерне[36] в гроте Обсерватории[37], в Умм-Катафе[38], на Капри[39]. В Торральбе най-

[28] Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 62.
[29] Г. Осборн. Человек древнего каменного века. Л., 1924, стр. 112.
[30] H. Obermaier. Fossil Man in Spain. New-Haven, 1925, стр. 69.
[31] Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 99.
[32] В. И. Громов. Ук. соч., стр. 51.
[33] Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 91.
[34] Раскопки автора 1958 г., определения Н. К. Верещагина.
[35] В. И. Громов. Ук. соч., стр. 74, 256, табл. 11; В. И. Зубарева. Фауна палеолитической стоянки Выхватинцы. «Природа», 1949, № 3, стр. 75; А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, стр. 53.
[36] С. Н. Замятнин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. ТИЭ, LIV, 1960, стр. 95.
[37] M. Boule, L. de Villeneuve. La grotte de L'Observatoire à Monaco. Archives de l'Institut de paléontologie humaine, Mémoire, 1, Paris, 1927, стр. 36—37.
[38] R. Neuville. Le paléolithique et le mésolithique du désert du Judée. Archives de l'Institut de paléontologie humaine, Mémoire, 24, Paris, 1951, стр. 199.
[39] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 133.

Местонахождение	Приуроченность находок	Фауна	Геологическая датировка	Археологическая датировка
Цимбал	Слои над отложениями сарматского возраста	Elephas meridionalis Elephas antiquus Rhinoceros etruscus Trogontherium cuvieri	Начало минделя (по В. И. Громову)	Дошелль
Саратовская	VI терраса	—	Миндель (по Г. И. Горецкому)	Шелль (по С. Н. Замятнину)
Фортепьянка	V терраса	—	Конец минделя—начало миндель-рисса (по Г. И. Горецкому)	Ранний ашель (по С. Н. Замятнину)
Гирей	Слои над отложениями сарматского возраста	Elephas meridionalis Elephas trogontherii Rhinoceros mercki Rhinoceros tichorhinus	Миндель-рисс (по В. И. Громову)	Ашель
Имеретинская	IV терраса	—	Миндель-рисс (по Г. И. Горецкому)	Поздний ашель—раннее мустье (по М. З. Паничкиной)
Бакинская	IV терраса	—	Миндель-рисс (по Г. И. Горецкому)	Ашель — начало мустье

дены остатки слона, близкого к Elephas meridionalis [40]. В аллювиальных местонахождениях Франции кости носорога Мерка и южного слона закономерно встречаются вместе с шелльскими и ашельскими орудиями [41]. Кости же Rhinoceros tichorhinus, представленные в Гирее, по словам Г. Обермайера, впервые появляются в местонахождениях ашельского времени [42].

В. И. Громов относил основную массу находок в гирейском карьере к миндель-рисскому времени [43]. Эта датировка вполне согласуется как с тем, что находки в Гирее должны быть старше мустьерской фауны Ильской и Даховской, так и с тем, что они моложе фауны Псекупса и Цимбала. С гирейской фауной вполне могут сочетаться кремневые орудия ашельского времени. Небольшие размеры найденных в Гирее отщепов скорее всего говорят именно об этой дате орудий.

Итогом нашего обзора опорных в стратиграфическом отношении памятников древнего палеолита в Прикубанье может служить таблица

[40] H. Obermaier. Ук. соч., стр. 420.
[41] Г. Осборн. Ук. соч., стр. 127.
[42] H. Obermaier. Ук. соч., стр. 73—74.
[43] В. И. Громов. Ук. соч., стр. 52.

Д. Я. ТЕЛЕГИН

О ХРОНОЛОГИИ ПОСЕЛЕНИЙ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ УКРАИНЫ

Среди выделенных за последнее время в пределах Украины пяти культурных групп неолитического времени [1] важное место по количеству местонахождений и территориальному охвату занимают поселения ямочно-гребенчатой керамики. Они обнаружены на Северском Донце, Десне и в долинах рек лесостепной части Полтавщины (Ворскла, Псел, Сула). Широко известные в Волго-Окском бассейне поселения с керамикой ямочно-гребенчатого типа распространяются к югу, на Украину, примерно до линии Чернигов — Полтава — Славянск [2]. Здесь племена ямочно-гребенчатой керамики долгое время жили рядом с носителями днепро-донецкой культуры [3].

Еще М. В. Воеводский высказал мысль о наличии в области Десны и Сожа особой неолитической провинции памятников ямочно-гребенчатой керамики [4]. Изучая южную границу распространения лесных племен Восточной Европы, М. Е. Фосс обратила внимание на известную общность ямочно-гребенчатой керамики долины Северского Донца (Хайловщина) с материалами неолитических стоянок, расположенных в районе Курска, Воронежа, Тамбова, Пензы (Озименки, Подзорово, Отрожки и др.). В керамике этих памятников она отмечает общие черты, возникающие «в эпоху появления бронзы» [5]. И. Г. Розенфельдт, сделавшая попытку обобщить некоторую часть материалов Десны, также говорит об отдельной деснинской неолитической культуре, которую она хронологически и культурно связывает с памятниками белевского типа на Оке [6].

Приведенные выше высказывания могут быть несколько уточнены и дополнены. Большой и разнообразный материал, полученный за последнее время в результате разведок и раскопок поселений ямочно-гребенчатой керамики на Десне, Сейме и Северском Донце, позволяет, в част-

---

[1] Д. Я. Телегін. Деякі підсумки дослідження неоліту України. ВАН УРСР, 1958, № 8, стр. 43 сл.; его же. Племена кам'яного віку на Україні. К., 1962.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 176 сл.; М. Я. Рудинський. Дюнні стації неолітичної доби з побережжя Ворскли. Полтава, 1919; М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 22—26; М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, III, Ізюм, 1928; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, XXXI, 1950.

[3] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, № 4.

[4] М. В. Воеводский. Ук. соч., стр. 24.

[5] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 168—169; ее же. Поселения на дюне Озименки. КСИИМК, 75, 1959, рис. 3, *1, 3;* ее же. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. КСИИМК, вып. 75, 1959, рис. 7, *1—6*.

[6] **И. Г. Розенфельдт.** К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 92 сл.

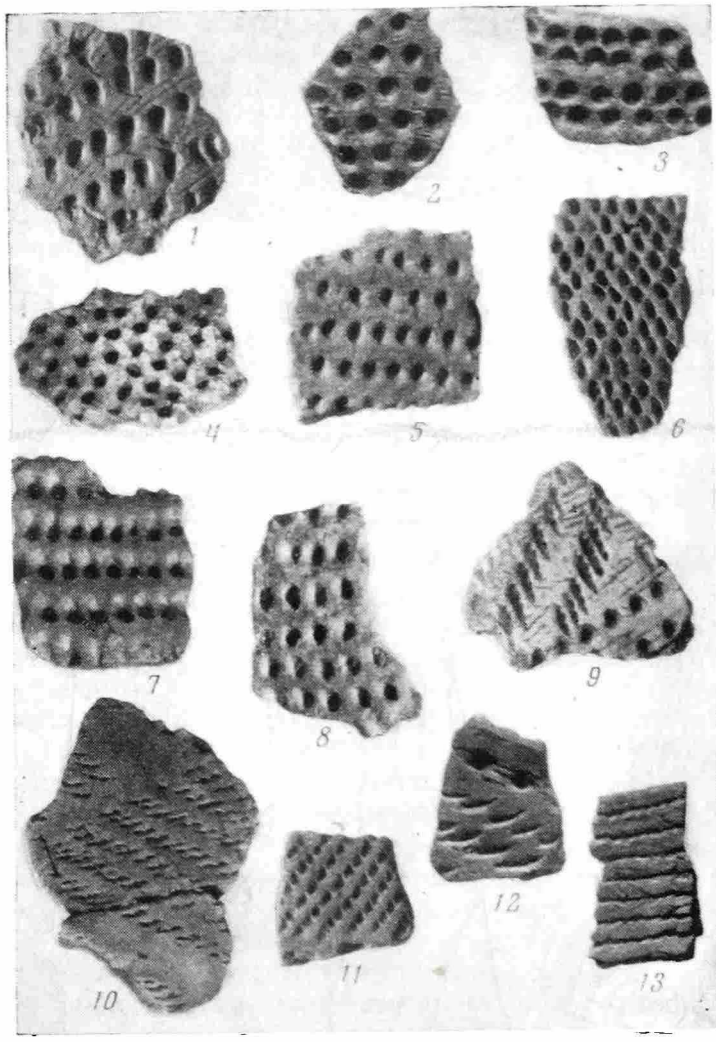


Рис. 1.

1—3, 13, 14 — Эсмань; *4—12* — Скунсово

ности, приблизиться к решению вопроса хронологии этих поселений. Исходя из анализа новых источников, к рассмотрению которых мы сейчас переходим, можно говорить о двух этапах в развитии памятников ямочно-гребенчатой керамики Украины: более раннем, представленном материалами Эсмани и Скунсово, и более позднем, поздненеолитическом этапе, который характеризуется такими поселениями, как Волынцево и Комсомольское.

Наиболее ранние материалы ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины получены М. Я. Рудинским у с. Погореловка при зачистке и шурфовке левого берега Десны, вблизи устья небольшого притока — Эсмани. Всего здесь обнаружено около тысячи керамических, кремневых и костяных находок [7].

Глиняная посуда из Эсмани сравнительно тонкостенная (до 0,7 *см*), в тесте — мелкий песок, изредка на изломе заметны следы от выгоревшей растительной примеси. Сосуды имели острое дно и ровный прямой венчик. Среди орнаментальных элементов преобладает округлая глубокая ямка (79%), реже слегка удлиненная (рис. 1, *1—3*). На внутренней

[7] М. Я. Рудинський. Погорілівка. АП, VI, стр. 163 сл. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

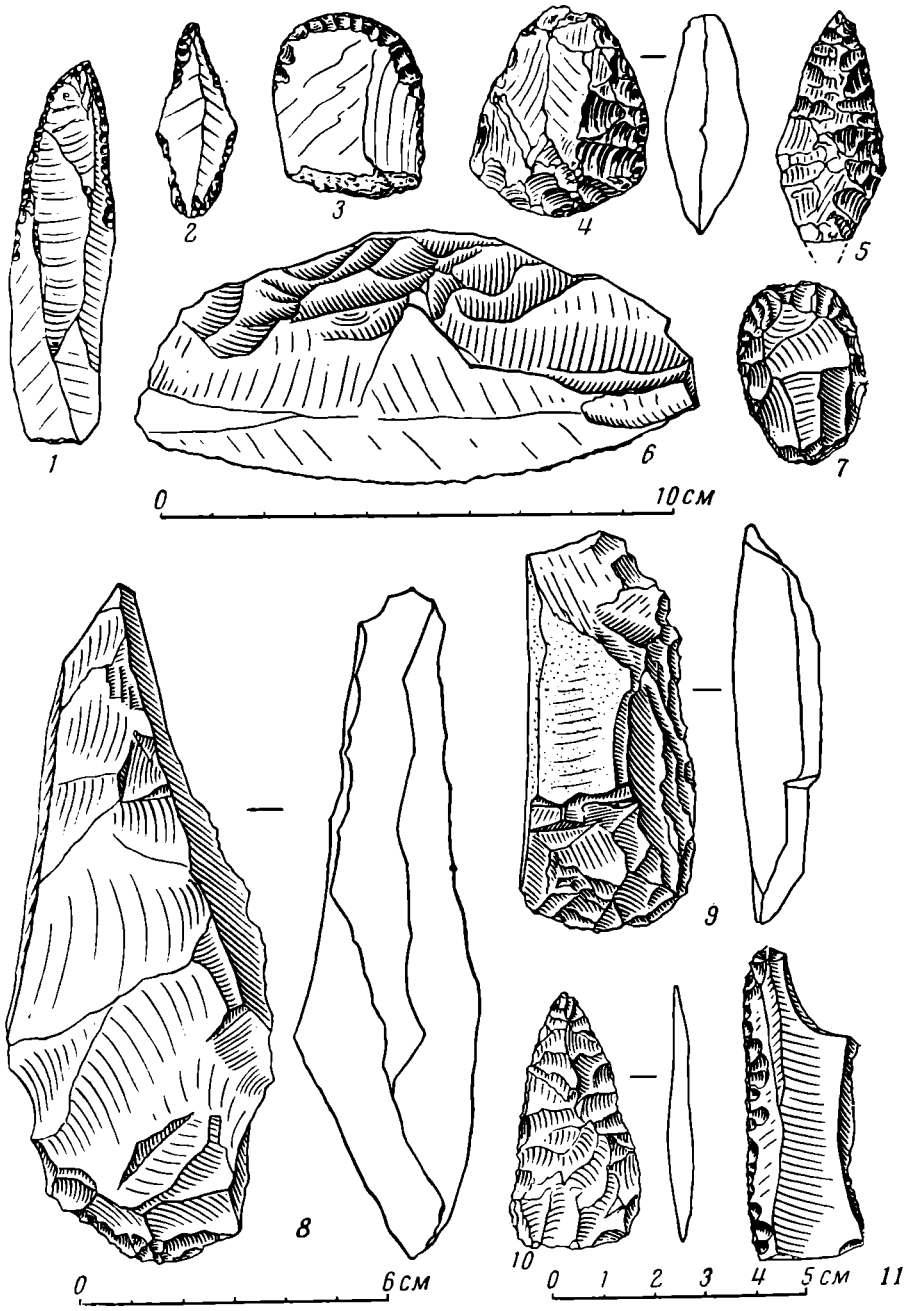


Рис. 2.

1—5 — Эсмань; *6—11* — Скунсово

стороне сосуда ямкам соответствуют бугорки. Другие элементы орнамента (гребенчатый, наколчатый) на сосудах из Эсмани играли явно подчиненную роль (21%), а строго ромбическая ямка вообще отсутствовала. Орнаментальные узоры обычно состоят из горизонтальных полос ямочных или гребенчатых вдавлений.

Среди орудий труда из Эсмани важное место занимают изделия из небольших ножевидных пластин — ножи и проколки (рис. 2, *1, 2*). Найдены также кремневый топорик без следов шлифования (рис. 2, *4*) и острие дротика (рис. 2, *5*). Ножей, изготовленных из крупных пластин, которые обычны для поселений этой культуры более позднего времени, здесь нет. Изделия из кости представлены обломком многозубого гарпуна и биконическим наконечником стрелы. М. Е. Фосс период бытования

острий подобного типа связывает со временем, близким «к появлению ямочно-гребенчатой керамики»[8].

Для понимания вопроса хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины важное значение имеют также материалы, полученные при исследовании неолитических памятников на Сейме вблизи г. Путивля в 1959 г.

Наиболее многочисленный и разнообразный материал добыт нами при исследовании поселения у с. Скунсово, где кроме сбора подъемного материала вскрыта площадь размером около 50 *м*². Поселение у с. Скунсово простирается вдоль реки почти на 800—900 *м*. Естественными балочками оно как бы делится на три части. Наилучшей сохранностью культурного слоя отличается центральный участок поселения, расположенный в урочище Рудого. Здесь отмечена следующая стратиграфия наслоений: 1) песок глинистый светло-серый, задернованный сверху, толщиной 0,45 *м*; 2) черная гумусированная почва — культурный слой поселения мощностью 0,25—0,30 *м*; 3) плотная светло-коричневая глина — начинается на глубине около 0,8 *м*.

Культурный слой поселения представляет собой скопление керамики, кремневых и кварцитовых орудий, костей животных (всего зарегистрировано около тысячи археологических находок).

Сосуды тонкостенные, остродонные, с прямым или слегка отклоненным наружу венчиком. По срезу венчика почти всегда имеются оттиски палочки или гребенки; нередко он гофрирован. В системе орнамента здесь, как и на Эсмани, явно преобладает ямочный элемент (71%). Орнаментальные ямки обычно округлые либо слегка удлиненные (рис. 1, *4—8*); другие типы орнамента встречаются значительно реже. Так, черепков, украшенных гребенкой, выделено только 8%, наколами — 2%. Часть фрагментов имеет смешанную орнаментацию. В подавляющем большинстве орнаментальным ямкам на обороте черепка соответствуют бугорки. Узоры обычно покрывают сосуд горизонтальными рядами или полосами от венчика и до самого дна.

Керамика, аналогичная находкам на скунсовском поселении, обнаружена нами также при обследовании стоянок у хуторов Калиновка и Октябрьское Путивльского р-на.

Среди орудий труда из Скунсово, частично уже опубликованных нами раньше[9], имеются топоры с желобчатым и прямым лезвием, крупные кварцитовые топоровидные орудия с округлым рабочим краем, серпы-ножи, скребки, наконечники копий и т. п.

Желобчатые топоры (2 экз.) изготовлены путем двусторонней оббивки. В поперечном сечении они неправильно линзовидные, размеры — 12,5 *см* и меньше. Два топорика — кремневый и кварцитовый (рис. 2, *9*) — имеют округлое лезвие. Эти орудия небольших размеров (около 7—8 *см*). Рабочий край кремневого топорика слегка пришлифован.

Крупные топоровидные орудия, имеющие округлое лезвие (6 экз.), изготовлены из кварцита путем двусторонней оббивки и имеют суженную, часто острую обушковую часть. Профиль изделий асимметричный (рис. 2, *8*). Эти орудия достигают по длине 25 *см*. Такие «топоры» могли использовать в качестве наконечников землекопных орудий или же как пешни.

Режущие орудия в виде ножей-серпов выделаны из кварцита и кремня (8 экз.). Они разных размеров и в разной степени сработаны. Два кварцитовых серпа изготовлены из крупных отщепов (рис. 2, *6*). Спинка этих орудий подправлена рядом сколов. Лезвием является боковая острая сторона, край которой зазубрен. Рабочая часть орудий имеет значительную залощенность.

---

[8] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера..., стр. 48.

[9] Д. Я. Телегін. Неолітичні поселення лісостепового лівобережжя і полісся України, Археологія, XI, 1957, рис. 6, *1—6*

Скребки крупных и средних размеров (15 экз.) в большинстве изготовлены на отщепах (рис. 2, 7) и лишь некоторые — на укороченных небольших пластинках.

Наконечники копий представлены тремя экземплярами; имеется также небольшое острие стрелы треугольной формы и такой же наконечник дротика (рис. 2, *10*). Отметим в культурном слое Скунсова наличие кварцитовых обломков со следами шлифования, принадлежащих, по всей видимости, зернотеркам.

Находки из Эсмани и Скунсово мы склонны сопоставлять с материалами ранних поселений ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна, с которыми они, видимо, синхронны. На это указывает, прежде всего, решительное преобладание на поселениях Десны и Сейма ямочного элемента орнамента (Эсмань — 79%, Скунсово — 71%), что, как известно, свойственно ранней ямочно-гребенчатой керамике вообще. В Льялово, например, ямочно-зубчатый орнамент составляет не менее 80% [10]. О весьма раннем возрасте коллекции из Эсмани говорит находка ранних типов кремневых и костяных изделий, о чем шла речь выше. По-видимому, об этом же может свидетельствовать присутствие в керамическом комплексе Эсмани и Скунсово единичных чужеродных черепков, которые типологически связываются с материалами днепро-донецкой культуры Среднего Днепра. Это венчики и стенки с типичной для днепро-донецкой керамики растительной примесью в тесте, украшенные подтреугольными наколами или мелкозубой гребенкой (рис. 1, *10—14*). По условиям залегания в культурном слое поселений эти фрагменты ничем не отличаются от прочей керамики комплекса. На Среднем Поднепровье памятники с подобной гребенчато-наколчатой керамикой, по трипольским аналогиям (Никольское), датируются концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. Вероятно, с этим временем и следует связывать рассмотренные выше поселения ямочно-гребенчатой керамики северо-востока Украины. Эта дата согласуется и с результатами палеоботанических исследований. На основании пыльцевого анализа образцов из Скунсова, проведенного Р. В. Федоровой, культурный слой этого поселения относится к концу атлантического периода.

Наша датировка ранних поселений ямочно-гребенчатой керамики Десны и Сейма несколько расходится с выводами И. Г. Розенфельдт, которая отрицает наличие на Десне памятников этого типа старше второй половины III тысячелетия до н. э.[11] Последнее якобы находит подтверждение в преобладании на Десне сосудов с ромбическим орнаментом и в отсутствии здесь иных ямочных элементов орнамента. И. Г. Розенфельдт, в частности, категорически отрицает наличие здесь круглоямочного («белемнитного») штампа. Сейчас, после получения новых фактов, о которых шла речь выше, несостоятельность этих положений становится очевидной.

Памятников, относящихся к позднеолитическому этапу ямочно-гребенчатой керамики, на территории Украины обнаружено значительно больше. Это стоянки: Мыс Очкинский, Вытховка на Десне, Волынцево, Писарево, Долинское на Сейме, Хайловщина, Комсомольское, Огурцово, Изюм 5 — на Северском Донце, и др. Для характеристики материальной культуры этого периода рассмотрим находки из поселений у сел. Волынцево и Комсомольское.

Поселение у с. Волынцево обследовано автором в 1953 г. На площади раскопа (64 $м^2$) зафиксировано два кострища открытого типа, вокруг которых собрана большая коллекция неолитической керамики и орудий труда.

[10] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 47.

[11] И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях..., стр. 94, 100, 101.

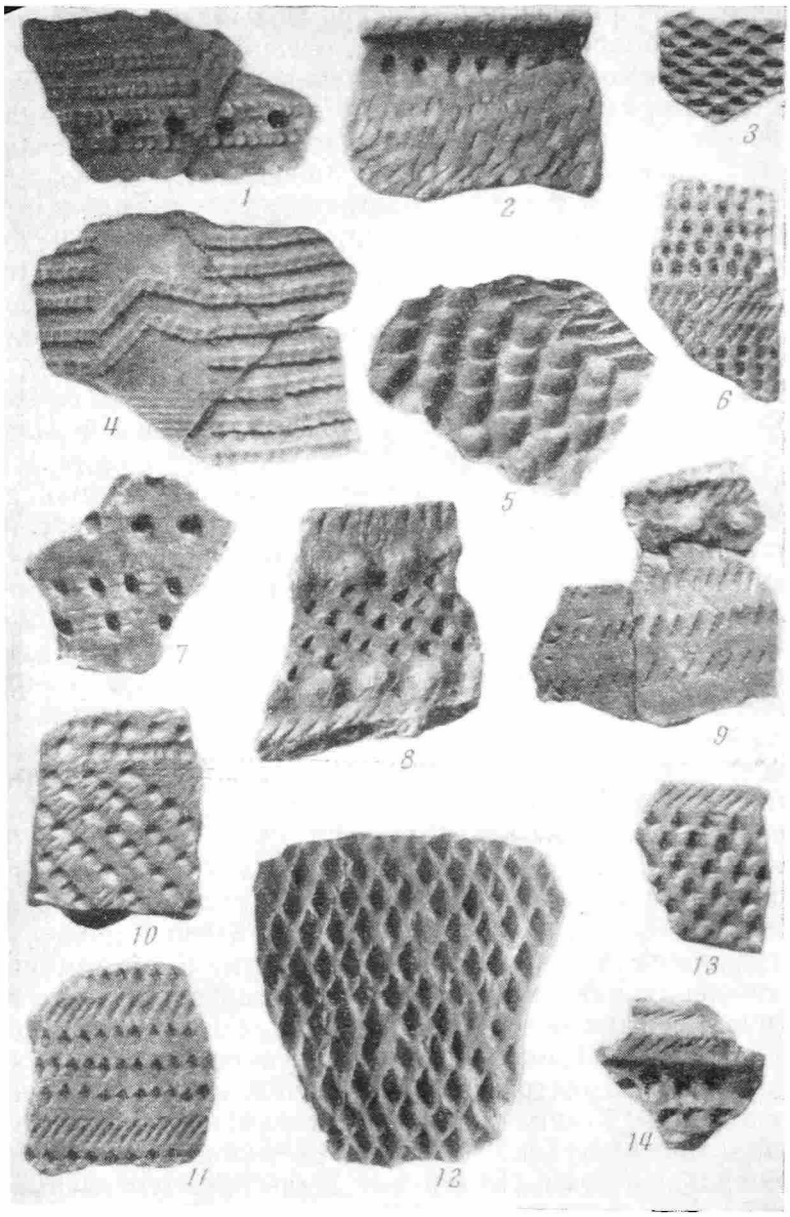


Рис. 3.

1—7 — Волынцево; *8—11, 13* — Комсомольское; *12* — Долинское; *14* — Огурцово

Керамика тонкостенная, орнаментация ее разнообразна (рис. 3, *1—7*) Обращает на себя внимание значительное развитие гребенчатого штампа, а также орнамента в виде отступающей лопаточки (25%) при резком сокращении ямочного орнамента (около 45%). Орнаментальные ямки на керамике из Волынцева по форме чаще приближаются к удлиненному овалу или ромбу (рис. 3, *3, 6*). Имеются фрагменты с разреженно-ямочным орнаментом (рис. 3, *7*). Здесь, кроме того, можно отметить своеобразный прием нанесения обычного ямочного орнамента «в отступающей технике» (рис. 3, *5*). На сосудах из Волынцева орнамент чаще теряет строгую горизонтальную зональность. Встречается вертикальное расположение орнаментальных полос (рис. 3, *4*). Нередко полосы узора идут под углом друг к другу. Наряду с этой особенностью в расположении орнамента следует также отметить малую глубину орнаментальных ямок, не дающих бугорков на обратной стороне черепка.

Кремневый и кварцитовый инвентарь Волынцева невыразителен. Это скребки, грубые топоровидные орудия, отщепы и пластины.

Поселение у с. Комсомольское Печенежского р-на, Харьковской области обследовано нами весной 1959 г. [12]. Оно расположено на левом берегу Северского Донца, у места впадения в него р. Хотомельки. Поселение занимает едва заметное над окружающим лугом возвышение, заливаемое в половодье и занятое в настоящее время огородами. Материалы собраны на площади 300 × 900 *м*. Отмечено скопление находок в виде отдельных пятен, расположенных в ряд вдоль реки на расстоянии 40—50 *м* друг от друга и, возможно, соответствующих местам отдельных жилых комплексов. Как установлено шурфовкой, культурный слой поселения в значительной степени разрушен.

Всего в коллекции из этого поселения насчитывается около шестисот неолитических находок, в том числе 320 фрагментов керамики и около 300 кремневых орудий.

Керамика из Комсомольского сравнительно тонкостенная, с примесью мелкого песка в тесте. Некоторый процент черепков характеризуется пористой, рыхлой массой. Наряду с остродонными встречены также сосуды с округлым и плоским дном. Венчик прямой, отклоненный наружу. В отдельных случаях имеются высокие, прямые или слегка желобчатые венчики (рис. 3, *8*), которые резким изломом отделяются от плечиков. По общему виду венчики этого типа напоминают формы энеолитической керамики типа Среднего Стога II [13]. Срез венчиков ровный, покрыт насечками или ямками. Почти все венчики у основания имеют снаружи орнамент в виде глубоких ямок или жемчужин (рис. 3, *9*), а чаще сочетание тех и других. Имеются венчики с довольно сложным профилем.

Большинство сосудов из Комсомольского были сплошь покрыты орнаментом (рис. 3, *8—11*). Преобладающим являлся гребенчатый орнамент, часто в сочетании с ямочным (47%). Ямочный элемент орнамента занимал второе место (30%), третье — мотив отступающей лопаточки (13%). Изредка отмечались прочерченные линии. Форма ямок ромбическая или удлиненно-овальная, наносились они косо поставленной палочкой (рис. 3, *11, 13*); округлые ямки редки. Как правило, орнаментальные ямки неглубокие и не дают бугорков на внутренней поверхности сосудов. Небольшой процент фрагментов украшен разреженными ямками. Этот мотив уже несколько напоминает орнамент керамики ранней эпохи бронзы этого района (Малые Будки). Обычное расположение оттисков гребенки — горизонтальные ряды. Но в размещении орнаментальных бороздок отступающей лопаточки отмечаются весьма сложные мотивы, включающие кривые и прямые линии. Последние часто идут под углом друг к другу (рис. 3, *10*).

Такие же сложные мотивы на отдельных черепках образуются из сочетания прочерченных линий и иных элементов.

Керамика из Комсомольского найдена в комплексе с кремневыми орудиями, среди которых наибольшее количество скребков (57 экз.) и ножей (38 экз.). Скребки изготовлены преимущественно из крупных отщепов (рис. 4, *1—3*) и на удлиненных массивных пластинах (рис. 4, *5*). Есть несколько небольших круглых скребочков (рис. 4, *4*). Для изготовления ножей использовали крупные пластины (рис. 4, *8, 9*) или пластинчатые отщепы (рис. 4, *10*). Кроме того, на площади поселения найдено семь обломков наконечников копий и дротиков удлиненно-овальной формы (рис. 4, *7*), три сверла (рис. 4, *6*), а также две трапеции со струганой спинкой позднего типа (рис. 4, *11*). В комплексе имеется несколь-

[12] Поселение открыто И. П. Костюченко в 1949 г.

[13] См. также вторую группу керамики нижнего слоя Александрии. Д. Я. Телегин. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. КСИА, 9, 1960, рис. 2, *8, 10*.

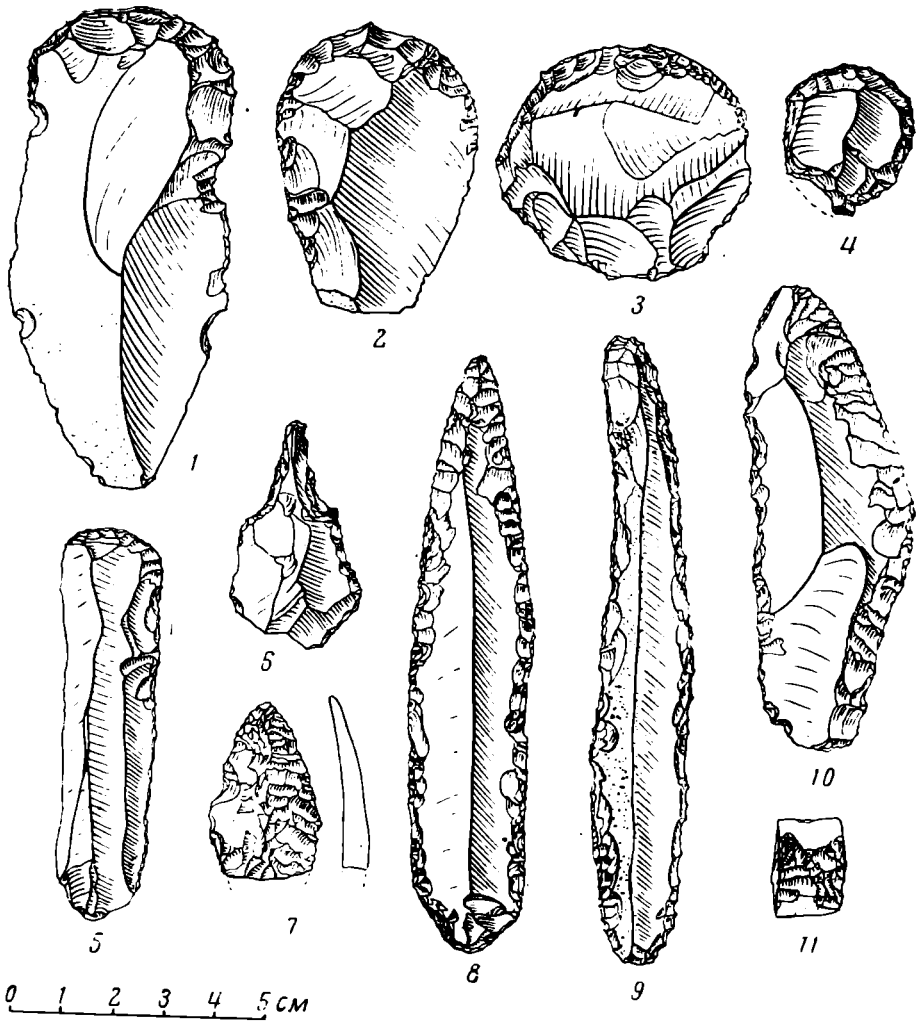


Рис. 4. Кремневый инвентарь из Комсомольского

ко нуклеусов и более 50 ножевидных пластин. О наличии рубящих орудий свидетельствуют находки так называемых сколов с топориков. В целом кремневый инвентарь из Комсомольского находит близкую аналогию среди материалов нижнего энеолитического слоя Александрии [14].

Близкий состав кремневого и керамического инвентаря обнаружен и на других поздненеолитических поселениях Северского Донца, в частности на Изюминских стоянках, на поселении вблизи с. Огурцово Волчанского р-на, Харьковской обл. (рис. 3, *14*) [15], и др. Керамика с ромбическим орнаментом свойственна поселениям Десны (Мыс Очкинский, Белинец, Вытховка) [16] и Сейма (Долинское — рис. 3, *12*) и т. п.

Описанные выше поздненеолитические памятники объединяет ряд общих черт, которые лучше всего прослеживаются при изучении керамики. В это время, в частности, замечается вырождение ямочного орнамента. На поселениях Волынцево и Комсомольское черепков, украшенных только ямками, менее 50%. Господствовавшая в орнаментах Эсмани и Скунсова круглая ямка здесь уступает место углублениям ромбической и удлиненно-овальной формы. В это время заметно большее значение начи-

[14] Д. Я. Телегин. Ук. соч., рис. 2, *1—4*.
[15] Поселение открыто Б. А. Шрамко в 1959 г.
[16] См. И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях..., рис. 29, 30.

нает играть гребенчатый узор, появляется ранее не известный орнамент в виде отступающей лопаточки. Орнаментальные ямки и различные штампы обычно довольно мелкие, поверхностные. Особо следует подчеркнуть появление здесь новых форм керамики, в том числе плоскодонной, характеризуемой высокими желобчатыми или сильно профилированными венчиками. В нанесении узора на поздненеолитических сосудах теряется существовавшая ранее строгая горизонтальная зональность. Распространяется керамика с мягкой пористой массой.

О возрасте описанной керамики этого типа говорит сопровождавший ее относительно поздний кремень, который, например, хорошо представлен в Комсомольском. В степной зоне подобные кремневые изделия характерны для стоянок энеолитического времени (Средний Стог II, нижний слой Александрии), которые датируются серединой III тысячелетия до н. э. Из других фактов, позволяющих синхронизировать поздние памятники ямочно-гребенчатой керамики с поселениями типа Среднего Стога II, следует отметить случаи нахождения в культурном слое последних черепков с типичным ямочно-гребенчатым орнаментом (нижний слой Александрии, Дереивка[17] и др.).

Следовательно, поздние памятники ямочно-гребенчатой керамики Украины должны относиться в целом к середине III тысячелетия до н. э. Они, возможно, также доживают и до конца этого тысячелетия.

Территория северо-восточной части Украины, в частности долина средней Десны и Сейма, была заселена племенами ямочно-гребенчатой керамики еще в конце IV и первой половине III тысячелетия до н. э. Это население было, по-видимому, родственным носителям льяловской культуры. В середине III тысячелетия на базе этих более ранних памятников сложился местный вариант культуры ямочно-гребенчатой керамики. На более северных территориях Украины, на Десне, поздненеолитические памятники ямочно-гребенчатой керамики имеют, как это правильно отмечала И. Г. Розенфельдт, больше общих черт с поселениями белевской культуры[18], но в более южных областях, например на Северском Донце, они полностью развивались под влиянием днепро-донецкой культуры и культуры Среднего Стога II. Вероятно, только отсюда в среду северных племен могли проникнуть некоторые новые черты в формах керамики и ее орнаментации, в частности высокий желобчатый венчик, а также мотив отступающей лопаточки, который, надо полагать, развился из «подтреугольно-скорописного» орнамента гребенчато-накольчатой керамики днепро-донецкой культуры.

Именно наличием южных черт в формах и орнаменте глиняной посуды Северского Донца можно объяснить отмеченное в свое время еще М. Е. Фосс сходство этой керамики с материалами поселений более восточных лесостепных территорий (Воронеж — Пенза), которые также развивались под непосредственным воздействием южных степных культур.

Следует отметить, что наряду с распространением среди племен ямочно-гребенчатой керамики Украины некоторых новых элементов материальной культуры сюда уже довольно рано начали проникать также и навыки ведения новых, более прогрессивных форм хозяйства — скотоводства и земледелия. Об этом свидетельствуют находки в культурном слое некоторых поселений костей домашних животных (Пекари, Долинское), а также наличие среди типичного охотничье-рыболовческого инвентаря орудий труда типа серпов, зернотерок и, возможно, мотыг (Скунсово). К сказанному можно еще добавить, что при палеоботаническом изучении вырезок из культурного слоя Скунсово Р. В. Федоровой в 1958 г. обнаружена пыльца культурной пшеницы.

---

[17] Раскопки автора в 1959 г.

[18] И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях..., стр. 100.

Н. Г. ГОРБУНОВА

К ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

(По материалам Ак-Тамского и других могильников)

За последние годы в Ферганской долине исследован ряд памятников, которые дали новый материал для изучения истории древней Ферганы. К ним относятся могильники Ак-Тамский, Кунгайский, Суфанский, Валикский и Нияз-Батырский, изучавшиеся экспедициями Ферганского и Андижанского музеев [1], городище Эйлатан, исследование которого было начато в 1933 г. Б. А. Латыниным и продолжено Ю. А. Заднепровским [2] и Т. Г. Оболдуевой, частично городище Шурабашат [3], а также Сым-Тепе [4] и Пилloль-Тепе [5]. Изучение этих памятников дало возможность на новом материале решать вопросы происхождения и характера культуры Ферганы середины I тысячелетия до н. э. В связи с тем, что ни одно городище этого времени еще не исследовано с достаточной полнотой, материалы раскопок Кунгайского, Ак-Тамского и других могильников Южной Ферганы приобретают особо важное значение.

Все могильники расположены в пределах Ферганской и Андижанской областей Узбекской ССР в одинаковых топографических условиях (около болотистых пойм рек, на адырах, в зоне культурных земель) и имеют ряд характерных черт. Во всех могильниках есть «длинные» (до 70 *м*) курганы, образовавшиеся в результате последовательных подсыпок одной насыпи к другой, и «малые» курганы с невысокими каменными насыпями, располагающиеся в цепочку, вытянутую с севера на юг. «Длинные» курганы являются наиболее характерной чертой могильников. Полного сходства в устройстве могил не наблюдается. Так, в Ак-Таме, Валике и Нияз-Батыре все погребенные находились в грунтовых могилах, в Суфане вокруг могил имелись каменные кольцевые выкладки. В Кунгае часть погребенных тоже находилась в грунтовых могилах, но в большинстве случаев скелеты найдены прямо на древней дневной поверхности в наземных каменных сооружениях. Погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, головой на запад, иногда с каменными «подушками» под головой (Ак-Там, Валик, Суфан). Погребальный инвентарь во всех могильниках идентичен, что и позволило объединить их в одну группу памятников, несмотря на некоторые различия в погребальном обряде.

[1] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, 69, 1957; Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. Археологический сборник. ГЭ, III, Л., 1961; В. И. Козенкова. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. КСИИМК, 76, 1959; материалы могильников Суфан и Валик (раскопки автора) не опубликованы.

[2] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. ИГАИМК, 110, 1935; Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан. СА, 1960, 3.

[3] Ю. А. Заднепровский. Городище Шурабашат. КСИИМК, 71, 1958.

[4] Раскопки Ферганского областного музея 1958 г. Материал не опубликован.

[5] Раскопки Наманганского областного музея 1958 г. Материал не опубликован.

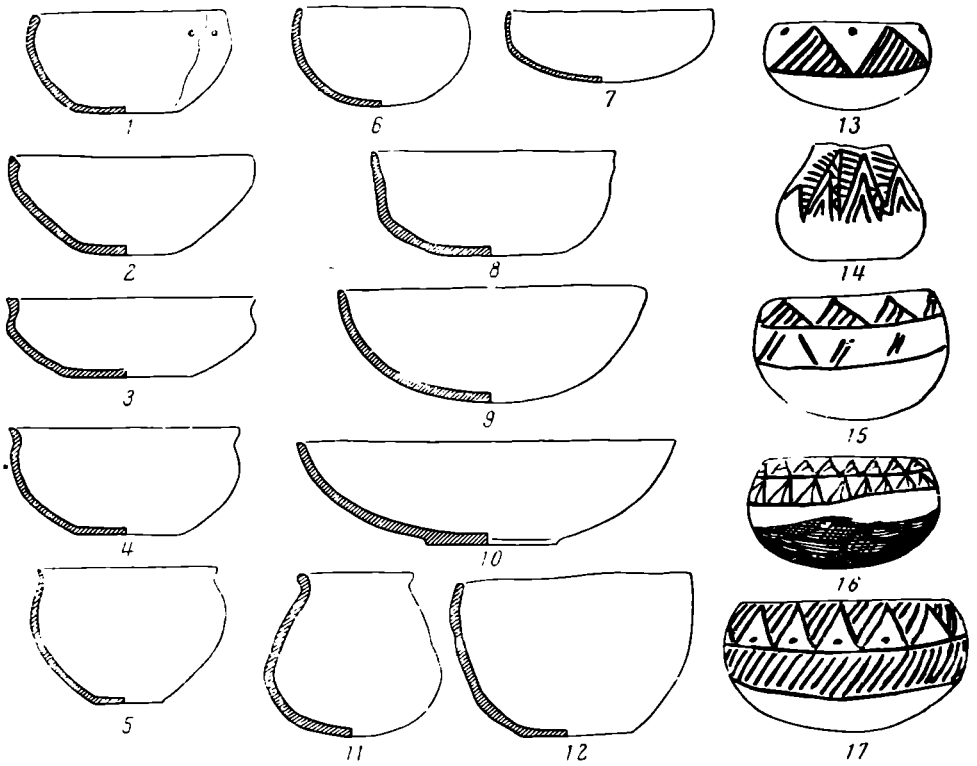


Рис. 1. Керамика Ак-Тамского и Кунгайского могильников.
1—5 — круговая, *6—17* — лепная

В состав погребального инвентаря входят посуда, украшения из бронзы, железа, кости, камня (булавки, браслеты, кольца, перстни, бусы, подвески), а также бытовые предметы: железные ножи, оселки, грузики для ткацкого станка и т. д. Оружие, как правило, встречается очень редко. В 195 могилах, исследованных в пяти могильниках, найдено всего пять трехперых бронзовых наконечников стрел — втульчатых и черешковых.

В каждой могиле находились один-два, иногда три сосуда. Как правило, их ставили справа от погребенного, около головы или плеча, и почти всегда на возвышении. Для Ак-Тамского могильника это небольшие «полочки»-уступы в южной стенке могилы, для Кунгайского — камни южной стенки сооружения. Иногда сосуды ставились просто на дно могилы или на ее край, тоже около головы или плеча, и очень редко в других местах (в ногах, у поясницы и пр.).

Датируются могильники V — IV вв. до н. э. на основании бронзовых наконечников стрел, большого количества железных украшений и частично керамики.

В данной статье подробно рассматривается глиняная посуда Ак-Тамского и Кунгайского могильников как наиболее исследованных. (Посуда трех других могильников аналогична, но в наши подсчеты не включена.) Всего в обоих могильниках обнаружено 285 целых сосудов из погребений и обломки примерно от 450 сосудов из заполнения могил и насыпи курганов (всего ориентировочно более 700 сосудов). Такое количество дает возможность оперировать статистическими данными при анализе различных групп керамики. Сосуды, обломки которых находились в заполнении могил и в насыпи курганов, совершенно идентичны сосудам из самих могил. Но так как их количество могло быть учтено только приблизительно, то в сводных таблицах общие данные о количестве сосудов и данные о сосудах, найденных только в погребениях, приводятся отдельно. При анализе форм учитываются только целые сосуды из погребений.

В обоих могильниках находилась посуда как вылепленная вручную, так и сделанная на гончарном круге. И та, и другая находились в могилах совместно. Лепная посуда, представленная 190 экз. целых сосудов и 240 в обломках, составила 60% найденной керамики, круговая (95 целых сосудов и 200 в обломках) — 40%. Часть лепной посуды была украшена росписью.

Формы лепной посуды довольно однообразны. Это в основном миски и чаши, которые составляют 88% всей лепной посуды (170 экз.), и горшки — 7% (15 экз.).

Чаши (89 экз.) — небольшие сосуды с полусферическим дном и загнутыми внутрь краями. Высота их обычно 7—8 *см*, диаметр — 11—12 *см* (рис. 1, *6, 13*). Иногда бывают более глубокие чаши с более широким устьем, высотой до 10 *см*, диаметром до 14 *см*. Незначительно число чаш с небольшим плоским дном и тоже загнутыми внутрь краями (7 экз.). Эти чаши уже напоминают маленькие горшочки. Высота их 5—8 *см*, диаметр 10—14 *см*, диаметр дна 5—7 *см* (рис. 2, *2, 3*).

Миски (81 экз.) сходны с чашами, но отличаются большими размерами и разнообразием форм. Ведущая форма характеризуется полусферическим дном и загнутыми внутрь краями (60 экз.) (рис. 1, *7, 9*). Встречаются миски с уплощенным и плоским дном (10 экз.), края не всегда загнуты внутрь, а нередко развернуты (рис. 1, *8, 10*). Размеры варьируют: высота 6—10 *см*, диаметр 15—26 *см*. В ряде случаев имеется уплощенный бортик шириной до 1 *см*, слегка скошенный внутрь. Три миски имеют поддон в виде невысокого кольца.

Горшки имеют различную форму. Некоторые из них напоминают глубокие плоскодонные чаши высотой 10—12 *см* при диаметре тулова 14—16 *см* и диаметре дна 5 *см*. Закраина у них почти прямая, середина тулова более выпуклая (рис. 1, *12*). Другая разновидность — горшки со слегка сужающимся горлом, иногда отогнутым венчиком, полусферическим или уплощенным дном, высота их 7—8 *см*, диаметр 8—12 *см* (рис. 1, *11, 14*). Третья разновидность — полушаровидные горшки с отогнутой закраиной, полусферическим или уплощенным дном и двумя маленькими петлевидными ручками под закраиной. Высота их 8—16 *см*, диаметр 5—12 *см* (рис. 2, *4, 7*).

Вся лепная посуда изготовлена из довольно плотной массы с незначительной примесью гипса (?), крупного песка, растений или очень редко шамота. Примеси большей частью заметны в неровном изломе черепка. В некоторых случаях на поверхности образовались пустоты от выгорания примесей органических веществ. На внутренней поверхности сосудов иногда видны отпечатки ткани. Техника лепки сосудов достаточно примитивна и известна по этнографическим параллелям[6]. Довольно подробно она описана также М. В. Воеводским[7].

Формовка посуды производилась на твердой болванке, обтянутой материей, о чем свидетельствуют отпечатки ткани на внутренней поверхности сосудов. На такой болванке изготовлялись частично сосуды полусферических форм, особенно с развернутыми краями и плоскодонные. Возможно, что в качестве болванки служили старые сосуды различной формы. На таких болванках формовались миски и нижняя часть горшков. После снятия с болванки края мисок загибались внутрь пальцами, как это видно по вдавлинам под внутренними, слегка утолщенными краями мисок. Для горшков на болванке формовалось дно и нижняя часть, а верхняя часть наращивалась поясами. Следы соединения поясов отмечены на внутренних стенках горшков заметными утолщениями. Часть

---

[6] Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. Тр. ИЭ. Новая серия, XLII, М.— Л., 1959, стр. 28.

[7] М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. Этнография, 1930, № 4, стр. 67.

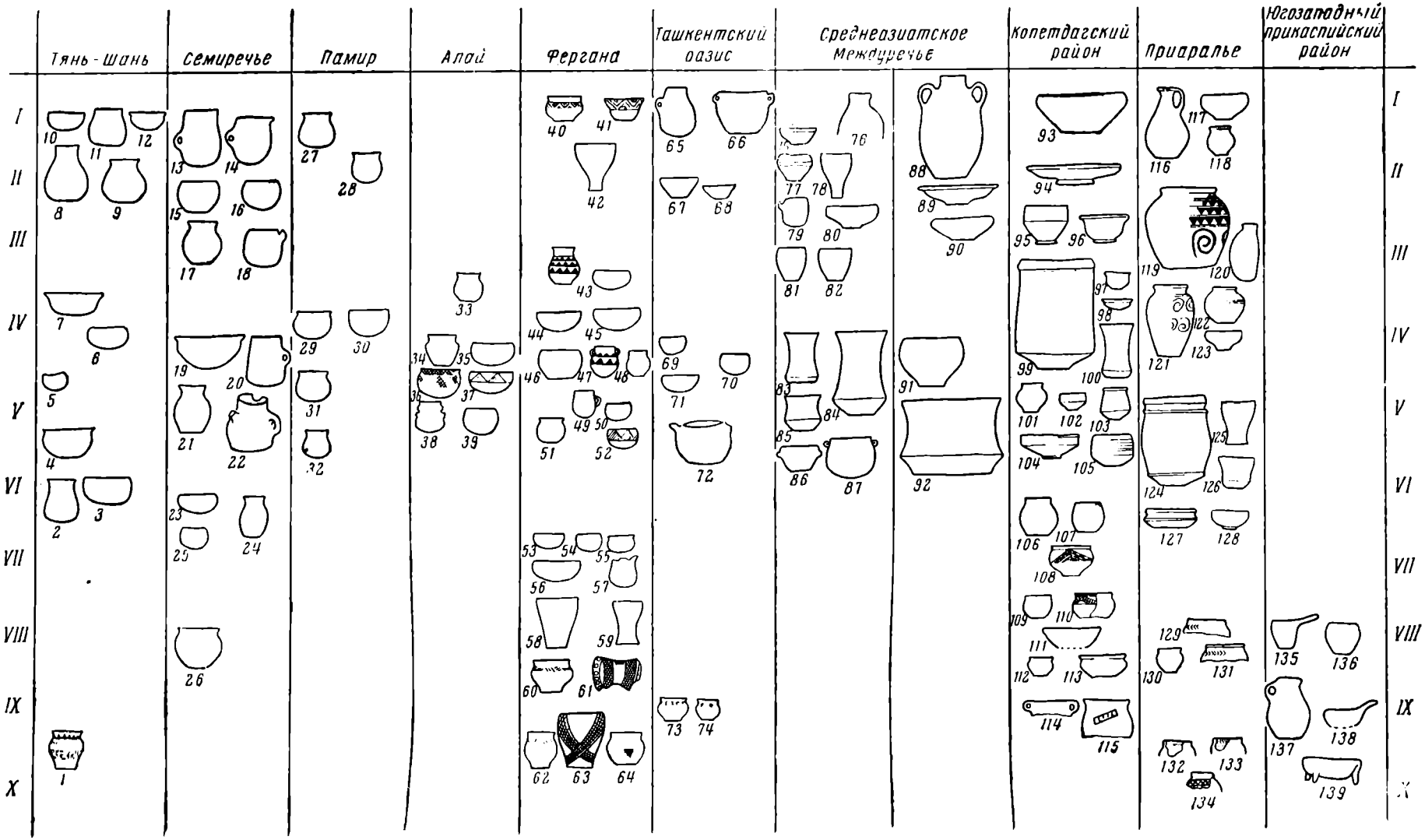

Тянь-Шань
Семиречье
Памир
Алай
Фергана
Ташкентский оазис
Среднеазиатское Междуречье
Копетдагский район
Приаралье
Юго-западный прикаспийский район
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X

Рис. 2. Керамика Средней Азии в I тысячелетии до н. э.

1 — могильник Арпа; *2—3* — Кырчин; *4—6* — Джергетал; *7* — Аламышик; *8* — *12* — Соколовка — по А.Н. Бернштаму; *13*, *14* и *18* — могильник 29 А; *15—17* — могильник 17; *19—22* — могильник 29 Б; Илийская долина — по К. А. Акишеву; *23* —*25*— Чуйская долина; *26* — стоянка Каинды; *27* — *28* — могильник Харгуш; *29—32* — могильник Тамды; *33* — Дараут-Курган; *34—39* —могильник Шарт; *40* — случайная находка; *41* — городище Шурабашат; *42* — городище Касан; *43* — могильник Тулейкен — по А. Н. Бернштаму; *44—52* —Ак-Там и Кунгай; *53—59*, *63* — Чуст — по В. И. Спришевскому; *60* — Вуадиль; *61*— Ашхал-Тепе—по Ю. А. Заднепровскому; *62* и *64* — Кайрак-Кумы — по Б. А. Литвинскому; *65—68* — Каунчи-Тепе; *69—72* — Бургулюкское поселение; *73—74*—Ташкентский канал; *75—87* — Афрасиаб — по А. И. Тереножкину; *88—92* — Кобадиан — по М. М. Дьяконову; *93—96* — Мерв — по Л. М. Рутковской; *97—115* — Яз-Тепе — по В. М. Массону; *116—128* — керамика Хорезма — по М. Г. Воробьевой; *129* — *134* — керамика Хорезма — по М. А. Итиной; *135* — *139* — архаический Дахистан — по В. М. Массону

сосудов, особенно закрытых форм, могла изготавливаться при помощи мягкой формы — мешка с песком, который обмазывался глиной, после чего мешок вынимали. Стенки готового изделия заглаживали тряпкой, смоченной в жидком растворе той же глины, из которой формовался сосуд. Часть изделий после обмазки дополнительно покрывалась красной краской или расписывалась. Обжиг посуды производился, видимо, открытым способом, на костре, подобно тому, как это делают сейчас горные таджики[8]. В изломе черепок сосудов обычно двухцветный — красноватый к поверхности и черный внутри. Кроме того, на поверхности проступают красные и черные пятна. Видимо, все сосуды подвергались лощению, но лощение слабое и на большинстве сосудов сохранилось только местами.

Независимо от формы сосудов по характеру покрытия поверхности лепная посуда подразделяется на три подгруппы: 1) покрытая светлой жидкой облицовкой, растрескавшейся в ряде случаев мелкой сетью трещин; 2) окрашенная в темно-красный цвет; 3) расписная. Первая и вторая подгруппы составляют основную часть лепной посуды могильников и встречаются примерно в одинаковом количестве. Третья подгруппа составляет 8% всей посуды могильников, или 14% лепной, причем в Ак-Тамском могильнике расписано 11% лепной посуды, а в Кунгайском — 27%. Орнамент наносился темно-красной или коричневой краской по светлой облицовке (иногда без нее) на верхнюю часть сосуда. Нижняя часть либо оставалась в цвете облицовки, либо закрашивалась в красный цвет. Очень редко роспись покрывала весь сосуд. Основной мотив орнамента — треугольники, заштрихованные косой клеткой, косыми линиями, иногда закрашенные сплошь. Они расположены в один пояс либо в два, редко в три в шахматном порядке, обычно вершинами вверх, но иногда и вниз. В некоторых случаях треугольники сочетаются с поясом косых линий. В трех случаях орнамент несколько иной: вертикальные полосы с различным заполнением покрывают весь сосуд без зонального разграничения. Роспись во всех случаях нанесена небрежно и чаще всего встречается на чашах.

Круговая посуда по форме делится на три группы: горшки (64%), миски (33%) и кружки (3%).

Горшки (61 экз.) — плоскодонные, приземистые, со слегка округлым туловом и невысокой прямой шейкой, заканчивающейся отогнутым венчиком (рис. 1, *5*; рис. 3, *8*, *9*, *13*). Дно всегда плоское. Более крупные горшки (всего пять сосудов) имеют диаметр устья 15—18 *см*, дна 7—8 *см* и высоту 10—14 *см*. У большинства горшков диаметр устья не превышает 8—14 *см*, дна 4—8 *см* при высоте 6—12 *см*. 14 горшков имеют иную форму: они без шейки, с почти прямым краем (рис. 3, *6*, *7*). Меньшие из них напоминают плоскодонные лепные чаши. Диаметр устья этих горшков 10—16 *см*, дна 5—8 *см*, высота 6—16 *см*.

Миски (32 экз.) все, за исключением одной, плоскодонные, со скошеным внутрь краем, по которому иногда проведен желобок (рис. 1,

[8] Е. М. Пещерова. Ук. соч., стр. 40, 41.

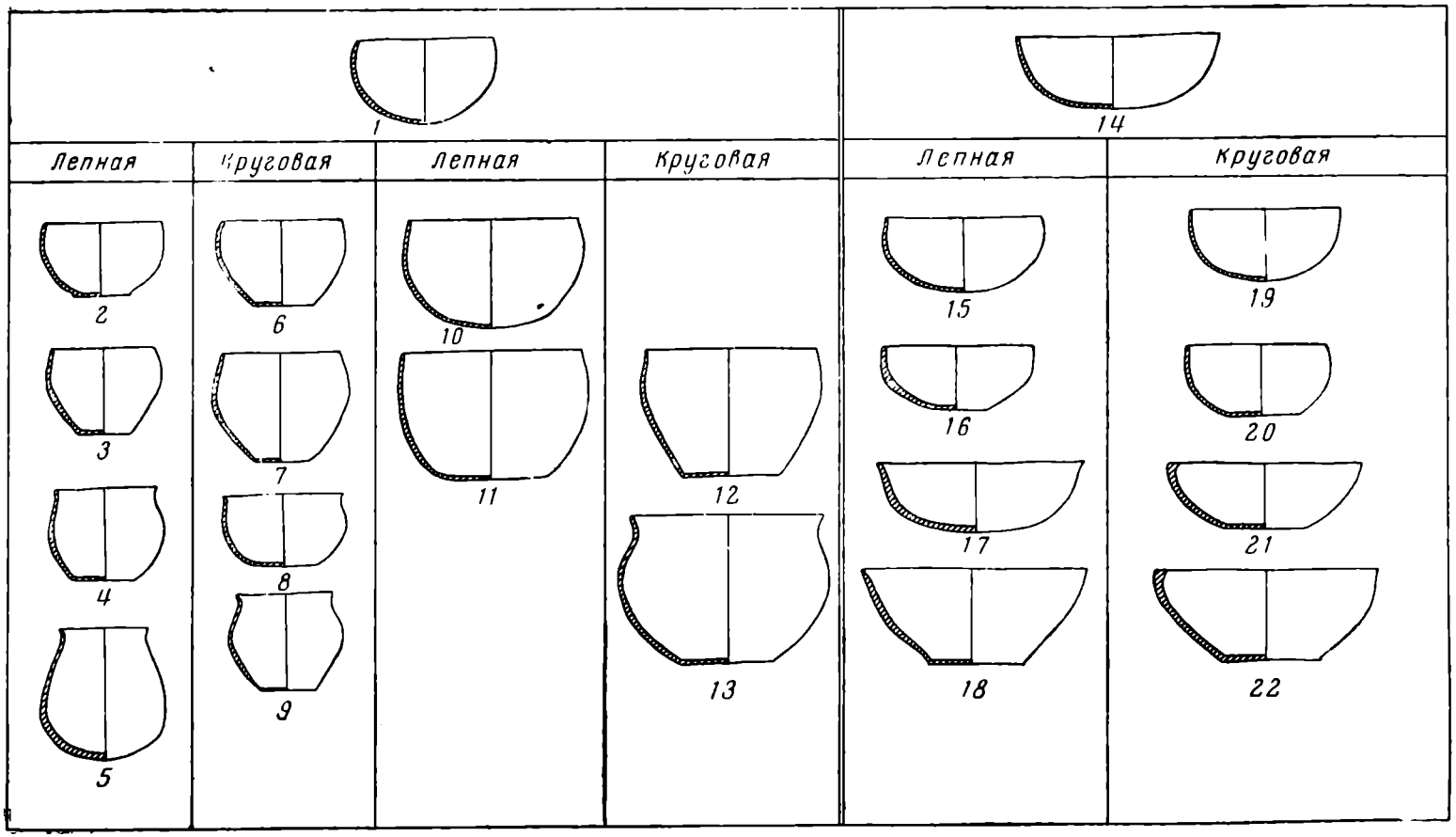


Рис. 3. Сравнительная таблица лепной и круговой керамики

1—4). Только одна миска оказалась полусферической, подобно лепным (рис. 3, *19*). Размеры мисок также варьируют: большие — диаметром 17—23 *см*, с диаметром дна 7—10 *см* и высотой 7—10 *см* и малые — диаметром 14—17 *см*, с диаметром дна 5—8 *см* и высотой 5—8 *см*.

К р у ж к и (2 экз.) с прямыми стенками и вертикальной ручкой. Диаметр 10—11 *см*, диаметр дна 6—8 *см*, высота 10—11 *см* (рис. 2, *49*).

Круговая посуда изготовлена, как правило, из хорошо промешанной глины с незначительной примесью мелкого серого песка. Цвет излома ровный, светло-кирпичный. Внутри и снаружи видны следы от вращения круга, причем внутри они идут спиралью от дна к устью. После снятия с круга сосуд, так же как и при ручной лепке, заглаживали тряпкой, смоченной в жидкой светлой глине. После просушки сосуд снова ставили на круг, но уже вверх дном, и подрезали нижнюю часть ножом, соскабливая лишнюю глину. Вместе с ней соскабливался и слой облицовки, и нижняя часть сосуда становилась гладкой и блестящей. Некоторые сосуды асимметричны, что свидетельствует о применении круга медленного вращения. Как производился обжиг этой посуды, сказать трудно, но по сравнению с лепной она настолько более высокого качества, что наводит на мысль о разных условиях обжига той и другой. В единичных случаях и станковая посуда покрывалась красной краской. Иногда сосуды подвергались сплошному лощению.

По посуде из могил трудно судить о хозяйственном назначении тех или иных сосудов. Естественно, что в могилу в первую очередь ставили посуду для еды и питья, а не для приготовления пищи, о чем свидетельствует и отсутствие нагара на сосудах. Чаще всего при погребениях находили вместе чашу и миску или маленький горшок и миску, одну или две чаши, две миски. Реже встречались миска и горшок, два маленьких горшка. Можно предположить, что маленькие сосуды типа чаш и небольших горшков предназначались для напитков, а миски или большие горшки — для пищи. Не случайно, что кости домашних животных были обнаружены почти всегда в мисках и только один раз в чаше. Возможно также, что в небольших сосудах находилась молочная пища, а в крупных — мясная или растительная. Из 22 сосудов, обнаруженных в индивидуальных детских погребениях Ак-Тамского могильника, 14 сосудов представляли собой чаши и маленькие горшки, два — лепные горшки и только четыре — миски (в трех погребениях из 12). Естественно, что детям в первую очередь ставили молочную пищу. Рассматривая хозяйственное назначение различных сосудов у горных таджиков, этнограф Е. М. Пещерова отмечает для таджиков Каратегина использование чашек подобной формы именно для питья или для кормления детей: «...в чашках обычно дают пищу детям, когда кормят их отдельно от взрослых в неурочное время» [9]. Чаши, составлявшие большую часть расписной посуды и в 18 случаях из 26 стоявшие в погребениях вместе с мисками, могли помещаться в могилу и пустыми, как сосуды, предназначенные для питья.

Возможно, что хозяйственное назначение лепной и круговой посуды было различным, но достоверных данных об этом пока нет.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с круговой посудой. Тщательный анализ погребений с круговой и лепной посудой позволил утверждать, что они одновременны. В одной могиле рядом, а иногда один в другом, стояли лепные и круговые сосуды. Могилы, в которых была лепная или круговая посуда, располагались рядом в «длинных» курганах. Однако по некоторым косвенным данным мы все же можем считать круговую посуду типологически (а может быть и хронологически) более поздней.

Несмотря на то что круговая посуда в целом отличается по формам от лепной, в ряде случаев можно видеть точное повторение форм лепной

[9] Е. М. Пещерова. Ук. соч., стр. 59.

Таблица 1

Посуда	«Длинные» курганы				«Малые» курганы			
	лепная		круговая	всего	лепная		круговая	всего
	без росписи	с росписью			без росписи	с росписью		
Общее количество	276 (58%)	37 (8%)	167 (34%)	480	39 (42%)	5 (5%)	50 (53%)	94
В том числе в могилах	100 (54%)	28 (16%)	53 (30%)	181	13 (48%)	2 (8%)	12 (44%)	27

посуды в новой технике. Особенно хорошо это видно на примере плоскодонных чаш, полусферической миски, горшков с открытым устьем без отогнутого края. Можно также проследить постепенное видоизменение форм сосудов, связанное с переходом к работе на гончарном круге (рис. 3).

На некоторых круговых сосудах имеются следы починки — небольшие просверленные отверстия по обеим сторонам излома. В эти отверстия вставлялась «заклепка». (Так и в настоящее время чинят посуду в Средней Азии.) Следы починки носит только круговая посуда, представлявшая, очевидно, бóльшую ценность, чем лепная.

Трудно сейчас еще говорить о том, откуда и как появилась в Фергане новая технология изготовления посуды. Весьма вероятно, что она была заимствована из более развитых юго-западных районов Средней Азии, где круг уже был известен. Но и освоив эту новую технологию, жители Ферганы в середине I тысячелетия до н. э. изготавливали на круге посуду такой же формы, как лепная. Это тоже свидетельство того, что круговая керамика, найденная в могильниках, была еще сравнительно ранней. При распределении групп керамики по длинным и малым курганам Ак-Тамского могильника мы получаем следующую картину (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, процент круговой посуды в «малых» курганах больше, чем в «длинных». Очевидно, «малые» курганы, или во всяком случае какая-то часть из них, сооружены позже «длинных». Вероятно, круговая керамика вошла в употребление к началу существования могильника (о чем можно судить по наличию ее почти во всех курганах) и постепенно получала все большее распространение в быту, чем и определился больший ее процент в малых курганах.

Гончарное производство, видимо, еще не вышло за пределы домашнего промысла. Вероятно, круговая посуда производилась небольшим числом опытных мастеров (мастериц?), которые делали посуду не только для своей семьи, но также и для своих родственников или ближайших соседей. Подобный обычай существовал, например, у ягнобцев в начале XX в. «Эти мастерицы обучают своему искусству односельчанок, а ранее они производили некоторое количество посуды для соседей и родственников, получая в вознаграждение немного зерна, муки, молока и т. п.»[10]

В связи с этим обратимся вновь к некоторым статистическим данным по керамике наших могильников (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, в Кунгайском могильнике относительно больше расписной и круговой посуды. В этом могильнике имеется два типа погребений: на горизонте и в грунтовых могилах. Если посмотреть, как распределяется лепная и круговая посуда по этим двум типам погребений, то получим следующие соотношения (см. табл. 3).

[10] А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. Тр. ИЭ, т. III, вып. 1, 1940, стр. 13.

Таблица 2

Могильник	Посуда	Лепная		Круговая	Всего
		без росписи	с росписью		
Ак-Там	Общее количество (из погребений и в засыпи могил)	315 (54%)	42 (7%)	217 (37%)	574
	В том числе в могилах	113 (54%)	30 (14%)	65 (31%)	209
Кунгай	Общее количество (из погребений и в засыпи могил)	50 (32%)	19 (12%)	85 (55%)	154
	В том числе в могилах	27 (36%)	19 (25%)	30 (39%)	76

Таблица 3

Посуда	Погребение на горизонте		Погребение в грунтовых могилах	
	общее количество (из погребений и засыпи могил)	в том числе в погребениях	общее количество (из погребений и засыпи могил)	в том числе в погребениях
Лепная				
без росписи	34 (34%)	21 (38%)	16 (31%)	6 (30%)
с росписью	17 (16%)	17 (30%)	2 (3%)	2 (10%)
Круговая	51 (50%)	18 (32%)	34 (66%)	12 (60%)
Всего	102	56	52	20

Из 37 погребений Кунгайского могильника 32 представляют собой погребения на горизонте и пять — в грунтовых могилах. В грунтовых погребениях Кунгайского могильника явно преобладает круговая посуда, тогда как для погребений на горизонте более характерна лепная посуда с росписью или без нее.

В Ак-Тамском могильнике погребения в грунтовых могилах — единственный способ захоронения умерших. По размерам Ак-Там — самый большой могильник из всех пяти известных. Невольно напрашивается вопрос: не являлось ли население, оставившее Ак-Тамский могильник, основным «поставщиком» круговой посуды для данного небольшого района?

Как уже указывалось, керамика, аналогичная керамике могильников, была обнаружена и на ряде поселений. Кроме того, она была обнаружена на трассах ферганских каналов [11]. Все эти памятники располагаются в восточной половине Ферганы; за пределами Ферганской долины такая керамика встречена на Чандалашском тепе — на Чаткале [12] и в могильнике Шарт на Алае [13]. Можно считать, что подобная керамика характерна для восточной половины Ферганы середины I тысячелетия до н. э. В связи с этим, естественно, встает вопрос о ее происхождении. Анализ стиля орнаментации ферганской глиняной посуды начала и середины I тысячелетия до н. э. уже позволил отметить несомненную генетическую связь кера-

[11] Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 10, 1940, стр. 30; ее же. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. ИИА АН УзССР, IV, 1951, стр. 23, 25, табл. IX, *1*, *3*; стр. 33, табл. XII, *4*; стр. 35; В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Там же, стр. 46.

[12] А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Тр. КАЭЭ, II, 1959 стр. 9.

[13] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 186—190.

мики обоих периодов [14]. Но, кроме этого, на ферганских поселениях конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Чусте и Дальверзине среди разнообразных форм можно видеть и лепные полусферические миски, окрашенные в красный цвет, несколько лучшего качества, чем в могильниках [15]. Таким образом, эта форма посуды, ставшая в середине I тысячелетия до н. э. преобладающей в лепной столовой посуде Ферганы, появляется еще в эпоху бронзы, по-видимому, в конце ее, т. е. к VIII—VII вв. до н. э.

Так же как на лепной посуде могильников, на чустской и дальверзинской керамике обычно хорошо видны темные пятна — результат неравномерного обжига. Что касается круговой посуды, то, как уже отмечалось, формы ее вырастают из форм лепной. Следовательно, можно утверждать, что керамика Ферганы середины I тысячелетия до н. э. генетически связана с керамикой более раннего периода как в отношении формы, так и по технологическим признакам.

Не останавливаясь на других данных, можем только на основании анализа керамики говорить о том, что памятники Ферганы середины I тысячелетия до н. э. отражают следующий этап развития собственно ферганской культуры, первый этап которой представлен поселениями Чуст, Дальверзин и некоторыми другими памятниками. В археологической литературе уже существуют наименования этих двух этапов: чустский — конец II — начало I тысячелетия до н. э. и эйлатанский — VI—IV вв. до н. э. [16] Название «эйлатанский» дано по городищу Эйлатан — первому памятнику этого времени, открытому в Фергане.

Возвращаясь к керамике, остановимся на тех широких аналогиях, которые имеет лепная посуда могильников. На огромной территории предгорных и степных районов Средней Азии, окружающих Фергану, в долинах Тянь-Шаня, в Семиречье и на Алае, в районе Ташкентского оазиса и на Памире примерно в VII—VI вв. до н. э. широкое распространение получают сосуды полусферической формы — миски, чашки, кувшины, изготовленные на матерчатом шаблоне. Формы эти продолжают существовать вплоть до III в. до н. э., а в районах Тянь-Шаня, Семиречья и Памира — и позднее. При этом каждый район имеет свои локальные особенности, выражающиеся в преобладании тех или иных форм посуды. Так, для Семиречья, видимо, наиболее характерными являются сосуды с носиками и кружки, для Тянь-Шаня — узкогорлые горшки, для Памира — низкие приземистые горшки и миски. Для наименее исследованного Ташкентского оазиса пока известны миски, чаши и горшки с петлевидными ручками. Все эти формы, за исключением сосудов со сливом, есть и в Фергане середины I тысячелетия до н. э. Так, основная форма лепной посуды Ферганы — полусферические миски и чаши — находит полную аналогию в керамике могильников Кырчин и Джиргетал на Тянь-Шане, датированных VI—IV вв. до н. э. (рис. 2, *3, 5, 6*) [17], в керамике этого же времени из Чуйской долины (рис. 2, *23, 25*) [18], в могильниках III—I вв. до н. э. в долине Или [19] и др. Лепные горшки с невысокой шейкой, отогнутым венчиком и округлым дном известны также в могильниках Кырчин и Аламышик на Тянь-Шане (рис. 2, *9*), в могильниках Илийской

[14] Н. Г. Горбунова. К вопросу о расписной керамике Ферганской долины. СГЭ, 21, 1961.

[15] В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, 71, 1958, стр. 89, рис. 25, *1*; Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, 69, 1957, стр. 50—57.

[16] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. канд. дис., 1951; его же. Городище Эйлатан; Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, 64, 1955.

[17] А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 34, рис. 14, *6*; стр. 39, рис. 17, *3, 5*.

[18] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, табл. XCV, *32, 34, 52, 54*.

[19] К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I. Алма-Ата, 1956, стр. 5—32.

долины. В последних мы находим и глубокие плоскодонные открытые горшки и кружки. Низкие приземистые горшки известны в могильниках Тамды и Харгуш на Памире (рис. 2, *27, 28, 32*) [20]. При этом сходство не ограничивается только формой, но нередко, особенно в Илийских могильниках, аналогичны и техника лепки и характер покрытия — светлая облицовка, а иногда и следы окраски. Среди этой посуды ферганская выделяется наличием сосудов, изготовленных на круге, а также окраской и росписью лепной посуды. Наиболее полные аналогии ферганской керамике дают могильники Шарт и Дараут-Курган, где крашеная расписная посуда (рис. 2, *35—37, 39*) сочетается с круговой (рис. 2, *33*) [21].

С другой стороны, к юго-западу и западу от Ферганской долины на территории искони земледельческих районов Средней Азии, таких как Бактрия, Маргиана, Хорезм, формы керамики этого периода резко отличаются от ферганских. Здесь гораздо шире употребляется столовая посуда, изготовленная на гончарном круге. Формы ее более разнообразны, и ведущими, видимо, являются сосуды с усеченно-конической нижней частью, совершенно неизвестные в Фергане. С глиняной посудой западных и юго-западных районов Средней Азии посуду ферганских могильников сближает технология изготовления круговой посуды. Последняя во всех этих районах сделана из светлой глины с примесью мелкого серого песка, большей частью со светлой облицовкой (исключением является Хорезм, где в это время уже широко употреблялся красный ангоб) [22], нижняя часть сосудов обычно подрезалась ножом. Однако этим сходство керамики Ферганы и других земледельческих районов и ограничивается.

Таким образом, в середине I тысячелетия до н. э. можно наметить две группы районов, различающихся по основным формам керамики. Одна, западная, куда входят территории южной Туркмении, Хорезма и Среднеазиатского Междуречья; другая, восточная, включающая районы Ташкентского оазиса, Тянь-Шаня, Семиречья и Памиро-Алая, куда относится и Фергана (рис. 2). Черты близости культуры населения Ферганы и ее кочевых соседей проявляются не только в керамике. Большое сходство с рядом могильников Тянь-Шаня и Семиречья имеется в погребальном обряде; расположение курганов цепочкой по линии С — Ю, каменные полусферические насыпи с кольцом под ними на дневной поверхности, захоронения в грунтовых могилах в вытянутом положении головой на запад, иногда, как в могильниках Аламышик, Джергетал, Джаркимбай и Ача-Тюбе на Тянь-Шане,— каменные «подушки» под головами погребенных [23]. Имеются семейные захоронения как в одной могиле, так и в нескольких могилах под одной насыпью (могильник Бес-Шатыр в Семиречье, Каракольский на Иссык-Куле, Чак на Алае) [24].

В состав инвентаря этих могильников входят такие широко распространенные изделия, как узкие железные ножи со слабо выделенной рукояткой, железные и бронзовые булавки, железные бусы и др.

Таким образом, можно говорить не просто о сходстве керамики, но о близости ферганской культуры и культуры населения горного и степного окружения долины, что является результатом тесных культурных взаимосвязей населения Ферганы и ее ближайших соседей.

---

[20] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 311, рис. 136, *2, 7*; стр. 287, рис. 119.

[21] Там же, стр. 196, рис. 79, *1*; стр. 200, рис. 83.

[22] М. В. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Тр. ХЭ, IV, 1959, стр. 82.

[23] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 27—40.

[24] К. А. Акишев. Ук. соч., стр. 5—32; его же. Саки Семиречья. Тр. ИИАЭ КазССР, VII, 1959; М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 170; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960, стр. 70—71.

Еще в конце II — начале I тысячелетия до н. э., в эпоху бронзы, наряду с памятниками оседлых земледельцев, для материальной культуры которых характерно наличие расписной керамики, в Фергане отмечены памятники культуры андроновского типа[25] с характерной керамикой баночных форм, украшенной штампованным орнаментом. Как известно, основная территория распространения андроновской культуры находится севернее Ферганы, в степях Казахстана и южной Сибири. Южной ее границей, по-видимому, являются северные районы Средней Азии — Семиречье[26], Тянь-Шань[27], Ташкентский оазис[28], Приаралье[29]. Фергана же входит в южный круг культур эпохи бронзы, культур с крашеной и расписной керамикой. Памятники андроновской культуры для Ферганы — скорее всего результат проникновения сюда северных ее соседей. Пока нет данных, чтобы судить о взаимоотношениях этих двух групп населения на территории Ферганы.

К VI—V вв. до н. э. на обширных степных территориях Европы и Азии население переходит к кочевому образу жизни. Такой же процесс происходит на соседних с Ферганой территориях Семиречья и Тянь-Шаня. Процесс проникновения в Фергану соседних племен становится, возможно, еще более интенсивным.

В результате в культуре Ферганы эйлатанского периода можно отметить черты, характерные как для культуры ферганских земледельцев, так и для культуры соседних степных и горных племен, что объясняется их длительным сосуществованием и взаимовлиянием. Считается, что на территории Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая обитали племена, входившие первоначально в сакский, а затем в усуньский союз племен. Сакский и усуньский характер керамики Ферганы отмечали уже А. Н. Бернштам[30] и Т. Г. Оболдуева[31]. Новые данные позволяют говорить не только о простом сходстве керамики, но и об общих чертах в культуре.

Таким образом, анализ керамики Ферганы и некоторые другие данные позволяют говорить о том, что эйлатанский этап культуры ферганских земледельцев генетически связан с предшествующим чустским этапом.

В то же время на эйлатанском этапе ферганская культура имеет ряд общих черт с культурой сакских (усуньских?) племен, обитавших на соседних, окружающих Фергану территориях Тянь-Шаня, Семиречья, Памира и Алая. Длительная взаимосвязь населения Ферганы с этими племенами и проникновение какой-то части их в Ферганскую долину привело, по всей вероятности, к тому, что в середине I тысячелетия до н. э. население Ферганы было родственно сакам (усуням?) не только в культурном, но и в этническом отношении, что уже отмечал ранее А. Н. Бернштам.

---

[25] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3, стр. 130—135; Б. А. Литвинский. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, XCI, 1959, стр. 39, 51.

[26] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., табл. XXIX, XXX.

[27] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 20.

[28] Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, 59, 1955.

[29] М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма. Тр. ХЭ, IV, 1959.

[30] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 211.

[31] Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения..., стр. 30.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

МОНЕТЫ ЗАПАДНОПОНТИЙСКИХ ДИНАСТОВ, НАЙДЕННЫЕ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Совместными усилиями советских, румынских и болгарских ученых постепенно удается выяснить те исторические связи, которые соединяли в древности западное побережье Черного моря с его северными берегами и греческие поселения Фракии и Скифии с местными племенами. При исследовании этих проблем не последнее место принадлежит нумизматическим данным, проливающим некоторый свет на вопросы, которые не нашли отражения в других видах источников. К числу таких нумизматических памятников относятся некоторые находки последних лет, публикации и посильному объяснению которых посвящены настоящие строки.

Дадим прежде всего описание первой из занимающих нас монет (рис. 1, *1*).

Л. с. Бородатая голова вправо; детали прически и головного убора неразличимы: местами сохранились остатки точечного круга, в который было включено изображение.

О. с. Бородатый и длинноволосый всадник, скачущий вправо; сверху в поле имя царя — ΣΕΥΘΟΥ, между ногами коня звезда (?); все изображение в четко вдавленном кругу.

Монета бронзовая. Диаметр 20—20,5 *мм*. Вес 7,27 *г*. Сохранность посредственная. Найдена в Ольвии на участке «Е» в 1955 г., хранится в собрании ЛОИА АН СССР [1].

Монета принадлежит фракийскому царю Севту, современнику Александра и Лисимаха [2]; монеты этого царя довольно редки, хотя и хорошо известны в нумизматической литературе [3]; первая их публикация относится еще к середине XVIII в. [4] Время их выпуска определяется, с одной стороны, тем, что Севт упоминается античными авторами между 331 и 313 гг. до н. э. (см. ниже), а с другой — характерными особенностями самих монет, которые явно подражают тетрадрахмам Филиппа Македонского [5].

---

[1] Выражаем руководителю раскопок Е. И. Леви искреннюю признательность за разрешение опубликовать монету.

[2] B. V. Head. Historia Numorum. Oxford, 1911, стр. 284; ср. H. Swoboda. Seuthes (4). RE, 2-я серия, II, Stuttgart, 1923, стб. 2022—2023.

[3] В. Добруски. Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царе. СНУНК, XIV, 1897, табл. II, *5*, *6*; Н. Мушмов. Античните монети на Балканския полуостров. София, 1912, табл. XXXVI, *27*; табл. XXXVII, *1*; его же. Монетите на тракийските царе. ГПНБМ за 1925 г., 1927, табл. II, *72*; табл. III, *97*; E. Babelon. Traité des monnaies grecques et romaines, ч. II, т. IV, вып. 4, Paris, 1930, табл. CCCXXXI, *13—17*.

[4] F. Cary. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmérien, éclaircie par les médailles. Paris, 1752, табл. I, *1*.

[5] Ср., например, H. Gaebler. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands, III, 2, Berlin, 1935, табл. XXX. 37 сл.; Sylloge Nummorum Graecorum. Danish National Museum. The Royal Collection of Coins. Macedonia, II, Copenhagen, 1943, табл. 13, 543 сл.

Монеты Севта распадаются на две группы. К первой принадлежат сравнительно немногие из числа известных экземпляров; они отличаются высоким рельефом изображений и наличием четко вдавленного круга на реверсе; все они чеканены на специально изготовленных кружках[6]. Прочие монеты Севта объединяются низким рельефом изображений и плоским кружком; почти все они перечеканены на монетах македонских царей[7]. Обе группы различаются также по характеру и стилю изображений на лицевой стороне. На монетах второй группы представлено довольно схематичное изображение Зевса в лавровом венке[8]; на монетах первой группы находим выразительное лицо с мясистым лбом, выпуклыми глазами и массивным носом; характерная прическа украшена низко надвинутым венцом особой формы — он составлен из соединенных концами, расположенных в один ряд лавровых листьев[9]. В этом изображении узнают портрет самого Севта[10]. Всадник на обороте, очень близкий к подобным изображениям на монетах Филиппа Македонского, фракийского династа Скостока[11] и скифского царя Атея[12], является, по всей вероятности, также царским портретом[13].

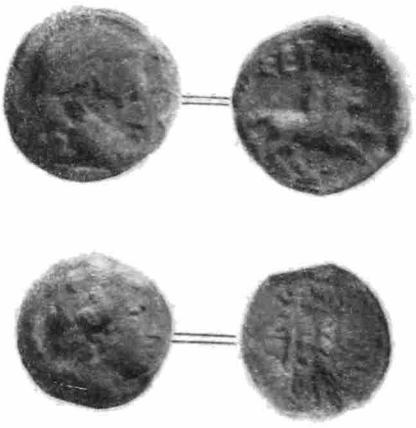


Рис. 1.
1 — монета Севта; *2* — монета Канита

Первая группа монет Севта, к которой относится публикуемая монета из Ольвии, может быть датирована лишь приблизительно; фактурное и стилистическое сходство с тетрадрахмами Филиппа не позволяет отодвигать ее далее грани 30-х и 20-х годов IV в. до н. э., с чем близко совпадают принятые в литературе даты[14]. Что касается монет второй группы, которые уже сближаются не с прижизненными эмиссиями монет Филиппа, а скорее с ранними группами широко распространенных на Балканском полуострове и в Центральной Европе подражаний его тетрадрахмам, то они могут быть датированы последней четвертью IV в. до н. э. Это подтверждает-

---

[6] Н. Мушмов. Монетите на тракийските царе, табл. II, *72—74*; E. Babelon. Ук. соч., табл. CCCXXXI, *13*, *14*; Д. П. Димитров. Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. СА, 1957, № 1, стр. 214, рис. 19, а.

[7] Н. Мушмов. Монетите на тракийските царе, табл. II, *75—77*; табл. III, *78*, *79*; его же. Препечатани антични монети. ИБАИ, II, 1923—1924, табл. XIV, *1—10*. E. Babelon. Ук. соч., табл. CCCXXXI, *15—17*; Д. П. Димитров. Ук. соч., стр. 214, рис. 19, *б*.

[8] Например, P. Gardner. CBM, Thrace etc. London, 1877, стр. 203.

[9] Ср. макроснимки таких монет — Т. Герасимов. Портрет на Севт върху монети. ИАИ БАН, XIX, 1955, стр. 125, рис. 4; стр. 127, рис. 5.

[10] Т. Герасимов. Ук. соч., стр. 123—127; Д. П. Димитров. Ук. соч., стр. 215; так считал еще Ф. Кари (F. Cary. Ук. соч., стр. 29).

[11] Н. Мушмов. Античните монети на Балканския полуостров, табл. XXXVII, *12*, *14*; его же. Монетите на тракийските царе, табл. II, *67*, *68*.

[12] Монета Атея впервые издана (с неверным определением) еще в 1908 г.— F. Imhoof-Blumer. Zur griechischen und römischen Numismatik, II, RSN, XIV, 1908, табл. VI, *22* (ср. стр. 19).

[13] Т. Герасимов. Портрет на Севт, стр. 126. Автор напрасно полагает, что изображение царя на двух сторонах монеты является «единственным примером в античной нумизматике»,— таких случаев немало на монетах Боспора: см. П. О. Бурачков. Общий каталог монет, ч. I, Одесса, 1884, табл. XXX, *224—226*, *228*, *229*; табл. XXXI, *271—277*; табл. XXXII, *284*, *285*, *293*, *294*, *317*.

[14] Б. Хед датирует их, например, 324 г. до н. э. (B. V. Head. Ук. соч., стр. 284). Ф. Имхоф-Блумер —320 г. до н. э. (F. Imhoof-Blumer. Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker. Leipzig, 1885, стр. 17).

ся тем, что значительная часть монет этой группы перечеканена на монетах Филиппа II, Александра, Кассандра и Лисимаха [15], причем некоторые экземпляры перечеканены из монет Кассандра и Лисимаха, выпущенных после 306 г. до н. э., что доказывается наличием на них царского титула [16]. Можно ли на этом основании относить, вместе с К. Реглингом, чекан Севта еще к III в. до н. э. [17], судить трудно; но тот факт, что Севт продолжал чеканить монету и после 313 г. до н. э.— даты, когда он последний раз упомянут в письменных источниках,— можно считать установленным твердо. Добавим попутно, что все монеты Севта представляют собой один номинал.

Если, таким образом, формальное определение занимающей нас монеты не представляет затруднений, то ответить на вопрос о том, как попала она в Ольвию, значительно сложнее. Монеты Севта сравнительно часто встречаются в районе его владений, в бассейне Верхней Тунджи [18], но их, как и монеты других фракийских царей, никогда не находили в Ольвии и вообще на Черноморском побережье. Ценность этой небольшой медной монеты весьма невелика, и трудно себе представить, что она могла служить платежным средством на столь далеком расстоянии от места ее чеканки. Поэтому для объяснения находки монеты фракийского царя на ольвийской агоре следует, на наш взгляд, пересмотреть здесь те весьма скудные исторические свидетельства о Фракии в период правления Севта, которые единственно могут пролить свет на этот вопрос.

В середине IV в. до н. э. Фракия не представляла собою единого государства [19]. После смерти одрисского царя Котия (383—359 гг. до н. э.) мы находим упоминания о ряде династов, управлявших отдельными частями страны. Одни из них, как Керсоблепт, сопротивлялись завоевательным стремлениям Македонии, другие, как Амадок, были союзниками Филиппа II. Последний предпринял против фракийцев несколько походов и в 341 г. до н. э. окончательно завершил покорение Фракии [20]: главные города были взяты, непокорные правители племен заменены ставленниками македонского царя, население обложено данью в пользу завоевателей, которые основали здесь ряд военных колоний, важнейшими из которых были Филиппополь и Филиппы [21]. В 30-х годах Фракия оставалась под властью Македонии: в ближайшее время после Херонейской битвы и Коринфского конгресса это засвидетельствовано эпиграфически [22]; во время похода Александра против северных племен, т. е. в 335 г. до н. э. упоминается ὁ στρατηγὸς ἐπὶ Θρᾴκης, которым были линкестиец Александр, тезка царя [23]; в войске Александра во время восточного похода неоднократно упоминаются фракийские отряды [24]; наконец, другой стратег Фракии, Мемнон, назван Диодором в 330 г. до н. э. [25]

---

[15] Н. Мушмов. Препечатани антични монети, стр. 174—184, табл. XIV, *1—10*.

[16] Там же, стр. 175—176, №№ 1, 2, табл. XIV, *1, 2*; стр. 179—180, № 8, табл. XIV, *7*.

[17] K. Regling. Рецензия на работу Н. Мушмова «Монетите на тракийските царе». ZfN, т. XXXVIII, 1928, стр. 262.

[18] В. Добруски. Ук. соч., стр. 604, прим. 3; Н. Мушмов. Препечатани антични монети, стр. 174; Т. Герасимов. Портрет на Севт, стр. 127. В Севтополе их найдено 791 экз. (Д. П. Димитров, Ук. соч., стр. 201).

[19] Здесь и далее см. A. Höck. Das Odrysenreich in Thrakien. «Hermes», XXVI, 1891, стр. 76 сл.; Я. Тодоров. Тракийските царе. ГСУ ИФ, XIX, 1932—1933, стр. 5 сл.; Г. Михайлов. Към историята на Тракия през IV—III вв. пред н. е. ИАИ БАН, XIX, 1955, стр. 149 сл.

[20] Кроме литературы, указанной в предыдущей сноске, см. Г. Кацаров. Цар Филип II Македонски. София, 1922, стр. 125 сл., 136 сл., 155 сл., 211 сл.

[21] Diod. XVI, 71, 1—2; Athen. VI, 261 A; Front. I, 3, 13; Plin IV, 18 ср. A. Höck. Ук. соч., стр. 105—115.

[22] JG, II, I ² (1913), № 236.

[23] Arr. Anab. Alex., I, 25, 2.

[24] Например, Diod. XVII, 17, 4; Arr. Anab. Alex., I, 28, 4; II, 5, 1; II, 9, 3; III, 2, 14; Curt. IX, 3, 21; X, 1, 1.

[25] Diod. XVII, 62, 5.

Вряд ли можно, однако, сомневаться, что в эти годы во главе отдельных фракийских племен оставались местные владетели, одним из которых был правитель одрисов, Севт [26]; возможно, что он идентичен с упоминаемым у Полиена начальником конницы Керсоблепта [27]. Первое определенное упоминание о Севте тесно связано с походом Зопириона, который, согласно показаниям Квинта Курция [28] и Юстина [29], выступил против гетов или скифов, но был разгромлен и погиб [30]. Это привело, по словам Курция, к восстанию фракийцев: «Qua cognita clade Seuthes Odrysas populares suos ad defectionem compulerat, omissa propemodem Thracia ne Graecia quidem...» [31]. Уже И. Дройзен правильно относил поход Зопириона к 331, а восстание одрисов — к 330 г. до н. э., что подтверждается специальным исследованием С. А. Жебелева [32].

Текст Курция обрывается в том месте, где он пытается связать восстание Севта с событиями в Греции. Из других источников известно, что в этот момент спартанский царь Агид начал вооруженную борьбу против Антипатра; его поддержали многие государства Пелопоннеса и Эллады [33]. Афиняне колебались, а Севт, как можно судить по фрагменту надписи, датированной июнем 330 г. до н. э., стремился восстановить традиционный одрисско-афинский союз, направленный против Македонии [34]. По всей вероятности, в это время Севт начинает чеканить монету со своим именем и изображением.

Выступление Севта было не одиноким. Диодор сообщает под 330 г. до н. э., что македонский стратег Фракии Мемнон, «имевший в своем распоряжении войско и исполненный честолюбия, возбудил варваров (ἀνέσεισε τοὺς βαρβάρους) и, когда увидел себя достаточно сильным, сам взялся за оружие» [35]. Под «варварами» следует в данном контексте понимать скорее всего одрисов [36], успехи которых, а также неопределенность положения в Греции позволили Мемнону отважиться на мятеж. Однако Антипатр не терял времени и обрушился прежде всего на Мемнона, который потерпел поражение [37]. Какова была судьба Севта,

---

[26] H. Swoboda. Ук. соч., стб. 2022; Г. Михайлов. Ук. соч., стр. 151.

[27] Polyaen. VII, 32; см. A. Höck. Die Söhne des Kersobleptes von Thrakien. «Hermes», XXXIII, 1898, стр 633; ср. R. Vulpe. La succession des rois odryses. «Istros», I, 2, 1934, стр. 17.

[28] Curt. X, 1, 43.

[29] Just. XII, 1, 4; XII, 2, 16—17; prol. l. XII.

[30] В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 61—66; С. А. Жебелев. Милет и Ольвия. ИОГН АН СССР, 1929, № 6, стр. 427—435 (далее цитируется по сб. «Северное Причерноморье», М.— Л., 1953); ср. П. И. Карышковський. З історії Ольвії в IV ст. до н. е. Праці ОДУ, 146, сер. іст. наук, 5, 1956, стр. 167—174.

[31] Curt. X, 1, 44; далее в тексте Курция лакуна.

[32] И. Г. Дройзен. История эллинизма, I, М., 1890, стр. 215; ср. С. А. Жебелев. Ук. соч., СП, стр. 46. С. А. Жебелев подробно рассматривает и отвергает аргументы ученых, относивших поход Зопириона и восстание Севта к середине 20-х годов IV в. до н. э.

[33] О событиях этих лет см. И. Г. Дройзен. Ук. соч., I, стр. 211—218, а также примечания, стр. 60—64; ср. B. Niese. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten, Gotha, 1893, стр. 105, 171, 497—500; J. Beloch. Griechische Geschichte, IV, 1 [2], Stuttgart — Berlin, 1925, стр. 44—46.

[34] IG, II, 1 [2], № 349. Правильная интерпретация этой надписи дана еще И. Г. Дройзеном (И. Г. Дройзен. Ук. соч., стр. 214—215; автор цитирует документ как CIA, II, 175-b). Точка зрения А. Гека, считающего упомянутого в надписи Севта современником Ксенофонта (A. Höck. Ук. соч., стр. 89—90), крайне искусственна; ср. С. А. Жебелев. Ук. соч., СП, стр. 44.

[35] Diod. XVII, 62, 4—6.

[36] Возможно, впрочем, что это были бессы-тетрахориты, о неудавшемся выступлении которых против Антипатра сообщает Полиен (Polyaen. IV, 4, 1; ср. Steph. Byz., s. v. Τετραχωρῖται

[37] С. А. Жебелев справедливо оспаривает тот взгляд, согласно которому Мемнон, отправленный в 327 г. до н. э. Антипатром к Александру с отрядом фракийской конницы (Curt. IX, 3, 21), был одним лицом с восставшим в 330 г. до н. э. стратегом Фракии (С. А. Жебелев. Ук. соч., СП, стр. 45—46).

неизвестно, но так как Антипатр быстро справился с Мемноном [38], после чего двинулся против Агида, осаждавшего Мегалополь, и разгромил его ранее сентября того же 330 г. до н. э. [39], то можно полагать, что одрисский царь сохранил свою власть, хотя, возможно, лишь в том виде, в каком он пользовался ею прежде открытого выступления против Антипатра; можно думать, что ему пришлось временно прекратить и выпуск монеты, чем объясняется относительная редкость сохранившихся монет первой группы.

Следующие известия о Севте приходятся уже на годы борьбы диадохов после смерти Александра. В 323 г. до н. э. он успешно сражался против Лисимаха [40], а десятилетием позже, во время похода Лисимаха против восставшей Каллатии и ее союзников, Севт занял со своими воинами балканские проходы, но был разбит в жестоком и кровопролитном сражении, не дождавшись помощи от Антигона, который также объявил себя сторонником понтийских городов, поднявших знамя борьбы против Лисимаха [41]. Характерно, что и в 323, и в 313 гг. до н. э. Диодор именует Севта «царем фракийцев», хотя диадохи еще не носили в эти годы царского титула [42], и указывает, что Севт выставил против Лисимаха 8000 конницы и 20000 пешего войска [43]. В дальнейшем одрисский правитель не упоминается в сохранившихся источниках, однако монеты позволяют судить о том, что его царствование продолжалось и после 306 г до н. э. [44]. Заметим также, что перечеканка монет македонских царей и Лисимаха плохо увязывается с распространенным предположением о том, что после понесенного в 313 г. до н. э. поражения Севт безоговорочно признал над собою власть Лисимаха [45].

Отсутствие соответствующих данных не представляет возможности судить о том, существовали ли в последней трети IV в. до н. э. непосредственные связи между Ольвией и Одрисским царством. Но в уцелевшей традиции мы находим прямое указание относительно того, что выступление Севта во главе одрисов началось тогда, когда до Фракии дошла весть о разгроме Зопириона, нашедшего гибель в походе против скифов [46]. Поход Зопириона был, однако, направлен и против Ольвии — известно, что Зопирион осаждал ее и ольвиополиты выдержали осаду лишь благодаря принятию чрезвычайных мер: они освободили рабов, даровали гражданские права находившимся в городе иноземцам и уничтожили долговые обязательства [47]. Несомненно, что Севт воспринял известие о гибели Зопириона как сигнал к восстанию, тем более, что стратег Мемнон сочувствовал «варварам» и вскоре присоединился к ним [48].

---

[38] Diod. XVII, 63, 1—4.

[39] Речь Эсхина против Ктесифонта была произнесена уже после гибели Агида. Aesch. III, 164—167.

[40] Diod. XVIII, 14, 2—4; Arr. Succ. Alex. 10; см. также B. Niese. Ук. соч., стр. 203—206; W. Hünerwadel. Forschungen zur Geschichte des Königs Lysimachos. Zürich, 1900, стр. 17, 18; Г. Кацаров. Келтите в стара Тракия и Македония. СпБАН, 18, 1919, стр. 41—55.

[41] Diod. XIX, 73, 1—9. Ср. B. Niese. Ук. соч., стр. 286—287; W. Hünerwadel. Ук. соч., стр. 28—30; Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 95—99.

[42] Diod. XIX, 73, 8 и XVIII, 14, 2. Упоминаемая В. Добруским монета Севта с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΥΘΟΥ (В. Добруски. Ук. соч., стр. 604, прим. 3) представляет собой перечеканку, на которой читается уцелевшее от прежних типов слово ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Ср. Н. Мушмов. Препечатани антични монети, стр. 183.

[43] Diod. XVIII, 14, 2.

[44] Н. Мушмов. Препечатани антични монети, табл. XIV, *1*, *2*, *7*. Найденная в 1953 г. в Севтополе надпись с именем Севта (Д. П. Димитров. Ук. соч., стр. 202, 203, рис. 2) также относится к III в. до н. э., но она была исполнена уже после смерти Севта).

[45] См., например, H. Swoboda. Ук. соч., стб. 2023.

[46] Curt. X, 1, 43—44; Just. XII, 1, 4 и 2, 16—17; ср. prol. l. XII.

[47] Macrob. Sat. I, 11, 33.

[48] Diod. XVII, 62, 5.

Заметим попутно, что Зопириона вообще не следует рассматривать как правителя Фракии: согласно Юстину, он был «praefectus Ponti ab Alexandro Magno relictus», «praefectus eius (т. е. Александра) in Scythia» или просто «Alexandri Magni dux»[49], т. е. военачальником, оставленным для похода против скифов, которые представляли для Македонии угрозу еще в начале правления Александра[50]. Поэтому и поход Зопириона следует рассматривать как важнейшую военно-политическую акцию Македонии на Нижнем Дунае со времени войны Филиппа II против Атея.

В событиях, связанных с гибелью Зопириона и восстанием Севта, не лишена, на наш взгляд, значения еще одна деталь: одрисский царь стремился опереться в своей борьбе на помощь демократических Афин, куда он отправил посольство во главе с собственным сыном Ребулой.

Между тем, реформы, осуществленные ольвиополитами во время осады города Зопирионом, хотя и были направлены прежде всего на усиление обороноспособности Ольвии, но по своим результатам представляли решительный шаг по пути утверждения в ней рабовладельческой демократии. Освобождение рабов, распространение гражданских прав на бесправных иноземцев-метеков, наконец, отмена долгов — все это свидетельствует о значительном напряжении социальной борьбы в городе, о серьезном успехе ольвийского демоса. Было бы, конечно, рискованно принять мнение Б. В. Фармаковского, квалифицировавшего эти события как социальную революцию[51], или не подкрепленные никаким источником взгляды Л. М. Славина, утверждающего, будто перечисленные Макробием мероприятия были осуществлены в результате вооруженного восстания рабов и бедноты[52], но эти исследователи гораздо ближе, на наш взгляд, подошли к пониманию истинного смысла событий, чем В. В. Латышев, который называет принятые ольвиополитами законы «стеснительными для государства» и недвусмысленно связывает их с началом упадка Ольвии[53]. Представляется, напротив, что кратко перечисленные Макробием меры расширяли и укрепляли социальную базу ольвийской рабовладельческой общины, прочно утверждали в Ольвии рабовладельческую демократию и были необходимой политической предпосылкой того интенсивного роста производительных сил, расширения торговых связей, интенсификации городского строительства и благоустройства, которые в настоящее время прочно установлены и приходятся как раз на последнюю четверть IV и на первые десятилетия III в. до н. э.[54]. Не приходится также сомневаться, что во второй половине IV в. до н. э. между Ольвией и Афинами существовали хорошо налаженные связи — об этом, помимо большого количества аттической керамики[55], свидетельствуют найденные в Ольвии памятники афинского искусства именно этого времени[56], а

[49] Just. XII, 1, 4; 2, 16; XXXVII, 3, 2. С. А. Жебелев, напротив, полагает, что прав Курций, называющий Зопириона «наместником Фракии», ср. ниже.

[50] Plut. De Alex. fort., I, 3: τὰ Σκυθῶν ἐπῃώρεῖτο.

[51] Б. В. Фармаковский. Мраморная головка Диониса из Ольвии. СГАИМК, I, 1926, стр. 198—199.

[52] Л. М. Славін. Ольвія. Київ, 1938, стр. 12; его же. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 12—13.

[53] В. В. Латышев. Исследования..., стр. 62, 66, 303—304.

[54] Из многочисленных работ см. в особенности: Е. И. Леви. К вопросу об ольвийской агоре. СА, XXI, 1954, стр. 340—341; ее же. Ольвийская агора. МИА, 50, 1956, стр. 51, 112—116; А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Ольвийская агора, СА, 1958, № 4, стр. 129, 136—138, 143; Л. М. Славин. Периодизация исторического развития Ольвии. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959.

[55] Сводку материала см.: М. М. Бондар. Торгівля Ольвії з грецькими містами в елліністичний час. Археологія, XI, 1957, стр. 41—42; ср. Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, 1949, стр. 271, 281; Е. И. Леви. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. Сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 107 и мн. др.

[56] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 193 сл.; его же. Памятники античной культуры, найденные в России. ИАК, 14, 1905, стр. 63 сл.; ИАК, 51, 1914, стр. 140 сл.; ИАК, 58, 1915, стр. 127 сл.; ср. его же. Еще об ольвийской статуэтке Афины. ИАК, 17.

также открытый на ольвийской агоре декрет в честь двух афинян, составленный не ранее 349 г. до н. э.[57]. Не будет ли при таких условиях слишком смелым предположение, что медная монета одрисского царя попала в Ольвию в результате политического контакта между ольвиополитами и Севтом? Ведь у них был в эти годы один граг — Македония и общая цель — борьба за независимость, а расстояние, разделявшее Гебр и Борисфен, не могло быть непреодолимым препятствием; во всяком случае среди ольвийских проксенов того времени находим и византийца, и даже гражданина далекого Орхомена в Аркадии[58].

Остается, к сожалению, неизвестным, какую позицию занимала Ольвия во время восстания западнопонтийских городов во главе с Каллатией против Лисимаха. Но мы знаем, что скифы[59] были на стороне каллатийцев, которых поддерживали и Севт, и боспорский царь Евмел. Главный союзник этой коалиции, Антигон, вел по отношению к греческим полисам политику поддержки демократических учреждений; так же действовал, согласно Диодору, и Евмел. Трудно представить себе, чтобы Ольвия, переживавшая в последней четверти IV в. до н. э. период расцвета демократии и поддерживавшая с давних времен тесные связи с такими городами, как Тира, Истрия, Томи, Каллатия, Месембрия, оставалась безучастной к событиям, разыгравшимся в Малой Скифии; ими, во всяком случае, весьма интересовался Боспор[60]. У нас нет данных, чтобы положительно утверждать, что Севт поддерживал в период своей последней борьбы против Лисимаха какие-либо сношения с Ольвией, но было бы неосторожно совершенно отвергать такую возможность. Во всяком случае, медная монета одрисского царя могла попасть на ольвийскую агору скорее в результате политических случайностей этой бурной эпохи, нежели в процессе торгового обмена.

Вторая из занимающих нас монет (рис. 1, *2*) принадлежит скифскому царю Каниту, жившему примерно столетием позже Севта.

Л. с. Голова юного Аполлона в лавровом венке, вправо.

О. с. Треножник; справа сверху вниз ΒΑΣΙΛΕΩ [Σ], слева ΚΑΝΙΤ [Ο]Υ, под треножником ΒΑΚ.

Монета бронзовая. Диаметр 20—21 *мм*. Вес 4,47 *г*. Сохранность хорошая. Найдена в Ольвии на участке «Е» в 1952 г., хранится в Киеве, в собрании Института археологии АН УССР[61].

Монеты Канита с такими типами известны в нумизматической литературе уже более ста лет[62], но за все это время издано не более трех экземпляров[63], из которых один был найден на о. Левке[64], а два — в

1905, стр. 109 сл. См. также К. В. Тревер. Мраморные скульптуры из Ольвии. ИАК, 54, 1914, стр. 55 сл.

[57] Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 235—238.

[58] Там же, стр. 240—243.

[59] Р. Вульпе считает этих скифов идентичными с теми, которые жили в окрестностях Ольвии (R. Vulpe. Histoire ancienne de la Dobroudja, Bucurest 1938, стр. 79) и соответственно понимает слова Диодора, указывающего, что они были принуждены возвратиться за Дунай. Однако тот же Диодор называет этих скифов соседями греческих городов (Diod. XIX, 73, 2: τῶν τε Θρᾳκῶν καὶ Σκυθῶν τοὺς ὁμοροῦντας), из чего видно, что речь идет о скифах, живших в Добрудже; ср. Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье. ВДИ, 1948, № 1, стр. 209.

[60] Diod. XX, 25, 1. Ср. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 75—76. По данным Диодора (Diod. XX, 22, 4), на Боспоре было в эти годы две тысячи наемных фракийских воинов.

[61] Выражаем руководителю раскопок Л. М. Славину искреннюю благодарность за разрешение издать эту монету.

[62] А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, I, СПб., 1851, Атлас, табл. XXV.

[63] V. Canarache. Regii sciţi şi regatele lor dintre Istru şi Pontul Euxin în lumina monetelor. BSNR XXVII—XXVIII, № 81—82, 1934, стр. 65, № 3, рис. в тексте; его же. Monetele sciţilor din Dobrogea, SCIV, I, 1, 1950, стр. 232, № 5.

[64] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 93—94; Н. Н. Мурзакевич. Монеты, отысканные на о. Левке. ЗООИД, III, 1852, стр. 245.

окрестностях Мангалии, т. е. древней Каллатии[65]. Буквы ВАК на обороте представляют собой, разумеется, не «сокращение главной надписи Βασιλέως Κανίτου», как полагал А. С. Уваров[66], и не указание на место чекана, как истолковывал Б. В. Кёне[67], это — сокращение собственного имени, которое встречается на многих других монетах Канита, а также на монетах скифского царя Тануса(ка?)[68].

С именем царя Канита известно довольно много монет — в указанном выше сводном труде В. Канараке перечислены, например, 24 разновидности[69]; в этом отношении монеты Канита резко отличаются от чекана Севта. Распределение их между номиналами затрудняется значительными весовыми колебаниями среди монет с одинаковыми изображениями на лицевых и оборотных сторонах; В. Канараке распределяет все монеты скифских царей между тремя номиналами, соответственно тяготеющими к весовым нормам 12, 8 и 4 *г*[70]; однако сравнение с монетами западнопонтийских городов[71] показывает, что можно думать о системе из четырех номиналов, относящихся друг к другу как $1 : {}^1/_3 : {}^1/_4 : {}^1/_6$. В таком случае монеты Канита с сокращением ВАК образуют серию, близкие аналогии которой находим в Томи: старший номинал этой серии представляют монеты с изображением Деметры и Коры[72], второй по порядку — монеты с изображениями Зевса (или Великого бога?) и рога изобилия[73], третий — монеты, подобные публикуемой, и младший — два сорта монет: один с изображением Геракла[74], а другой — Гермеса[75].

Царь Канит не упоминается древними авторами, ввиду чего точная датировка его монет представляется делом нелегким. По фактуре и стилю изображений их следует, на наш взгляд, относить к концу III или к первой половине II в. до н. э.[76]. К сожалению, единственная надпись, упоминающая о Каните, в настоящее время утеряна, что не позволяет с помощью эпиграфики проверить правильность этой даты[77].

А. С. Уваров, первый издатель монет Канита, считал его правителем Ольвии, преемником упоминаемого в Протогеновом декрете Саитафарна

---

[65] V. Canarache. Monetele sciţilor..., стр. 232.

[66] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 94, прим. 5.

[67] Б. В. Кёне. Музей покойного кн. В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, I. СПб., 1856, стр. 24; ср. B. von Koehne. Münzen der Skythen. BBMSW, II, 2, 1865, стр. 133—134.

[68] V. Canarache. Monetele sciţilor..., стр. 231, № 4; стр. 237, № 13; стр. 239, № 16; стр. 243, № 22; стр. 245, № 26.

[69] V. Canarache. Monetele sciţilor..., стр. 227—244, табл. I—V. Экземпляры, описанные под № 6—7 (стр. 233), имеют на аверсе изображение Диониса, а не Аполлона (ср. Т. Герасимов. Монети от Канит, Тануза, Харасп, Акроса и Сария. ИВАД, IX, 1950, стр. 54—55, № 3, рис. 82, *3*), так что единственными монетами Канита с изображением Аполлона являются монеты публикуемого типа. Заметим попутно, что монеты, опубликованные В. Канараке под №№ 17—19 (стр. 240—241), представляют собой один сорт с монетами №№ 3—4 (стр. 231).

[70] V. Canarache. Monetele sciţilor... стр. 226.

[71] B. Pick, K. Regling. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands, I, 2, Berlin, 1910, стр. 598—602.

[72] V. Canarache. Monetele sciţilor... стр. 237, № 13, табл. III, *13*.

[73] Там же, стр. 231, № 4, табл. I, *4*.

[74] Там же, стр. 243, № 22, табл. V, *22*.

[75] Там же, стр. 239, № 16, табл. IV, *16*.

[76] K. Regling. Charaspes. Сб. «Corolla Numismatica in Honour of B. V. Head», Oxford, 1906, стр. 264—265; M. Sutzu. Contribuţiunea numismaticei la istoria antică a României Transdunăriene. AARMSI, 38, 1916, стр. 525—531. По В. Канараке (V. Canarache. Monetele sciţilor..., стр. 225—226), монеты Канита относятся еще к первой половине III в.; с другой стороны, В. Пырван отодвигает их уже во II в. до н. э. (V. Pârvan. La pénétration hellénique et hellénistique dans la vallée du Danube. ARBSA, X, 1923, стр. 45; его же. Dacia. Bucureşti, 1958, стр. 88). Ср. также В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 129; А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. НС, III, 1915, стр. 10; Т. Герасимов. Монети от Канит, стр. 55.

[77] IGB, I, № 41 = CIG, IX, № 2056. Этот документ был впервые сопоставлен с монетами Ф. А. Струве и А. Заллетом (Ф. А. Струве. Новые надписи ольвийские.

и предшественником Скилура [78]. Это мнение разделяли Б. В. Кёне и В. В. Латышев [79], благодаря авторитету которых оно перешло и в позднейшую литературу [80]. Однако еще П. О. Бурачков и А. В. Орешников справедливо возражали против такого взгляда, указывая, что монеты Канита не встречаются в Ольвии [81]. Действительно, эти монеты находят лишь в Добрудже, причем не менее чем в десятке различных географических пунктов [82]; там же попадаются сходные по типам монеты других скифских царей. Все это не оставляет сомнения, что владения Канита и его преемников лежали в Добрудже [83], и К. Реглинг убедительно показал, что типы всех этих монет заимствованы с современных им монет Томи [84]. Поэтому в Каните необходимо видеть правителя Малой Скифии, и притом скифа, а не гета, как полагали Д. Такелла и А. В. Орешников [85].

Из декрета одесситян в честь антиохийца Гермея мы узнаем, что во время пребывания последнего «у скифского царя Канита» (παρὰ βασιλεῖ Σκυθῶν Κανίται) он оказал гражданам Одесса немало услуг. Стабильные формулировки декрета («...остается благосклонным и расположенным к народу и помогает из собственных средств встречающимся с ним гражданам, не оставляя рвения к просящим ни в чем...») мало говорят о сущности этой деятельности Гермея, выставляя на первый план его материальную помощь одесситянам, но вряд ли можно сомневаться, что уроженца далекой Антиохии привели в резиденцию Канита торговые интересы — об этом с несомненностью свидетельствует необычная прибавка к заключительной формуле о даровании чествуемому прав беспошлинного ввоза и вывоза: ὧν ἂν εἰσάγωσι καὶ ἐξάγωσιν ἐπὶ κτήσει, «для обогащения» [86]. В силу этого предположение о том, что граждане Одесса, имевшие дело с Гермеем, были купцами, которые вели торговлю с подвластными Каниту скифами, представляется вполне вероятным [87].

С другой стороны, вдоль побережья Малой Скифии издавна шел путь на север. В одной из приписываемых Демосфену речей говорится, что афинские купцы вместо обычного плавания к Боспору могут, если

ЗООИД, VI, 1867, стр. 6; A. von Sallet. Einige Bemerkungen zu den Münzen der Skythen-Könige. ZfN, IX, 1882, стр. 155). Попытка Мордтмана объявить обломок другой надписи аналогичного содержания частью копии декрета в честь Гермея (J. Mordtmann. Inschriften aus Varna. AM, X, 1885, стр. 315—316, № 4) справедливо отвергнута Э. Калинкой (E. Kalinka. Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien, 1906, стр. 93; ср. IGB, I, стр. 52—53).

[78] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 93—94.

[79] Б. В. Кене. Ук. соч., стр. 23; В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 123—125, 129, 134, 138.

[80] Ср. Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 251; автор считает Канита правителем «того царства скифов, монеты которого били Томи и Ольвия и столицей которого впоследствии стал Неаполь в Крыму». В дальнейшем Б. Н. Граков отказался от этого взгляда (Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 27).

[81] П. О. Бурачков. Ук. соч., стр. 17; А. В. Орешников. О монетах скифских царей с именем города Ольвии. ЗРАО, IV, 1890, стр. 16, 21; его же. Экскурсы..., стр. 4—6, 8 сл; ср. M. Sutzu. Ук. соч., стр. 523—531.

[82] V. Canarache. Monetele sciţilor..., табл. на стр. 255; ср. K. Regling. Charaspes, стр. 259—265; M. Sutzu. Ук. соч., стр. 523—531.

[83] D. Tacchella. Acrosandre, roi des Gètes? RN, 4-я серия, IV, 1900, стр. 397—401. В настоящее время этот взгляд является общепризнанным.

[84] K. Regling. Charaspes, стр. 259—265; ср. B. Pick, K. Regling. Ук. соч., стр. 590, 601—602, прим. 2.

[85] D. Tacchella. Ук. соч., стр. 397—401; его же. Cinq rois des Gètes. RN, 4-я серия, VII, 1903, стр. 31—39; А. В. Орешников. Экскурсы..., стр. 8—12; его же. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, I, 1921, стр. 228—220; ср. Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города, стр. 144—145; Л. И. Тарасюк. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. КСИИМК, 63, 1956, стр. 29—30; V. Canarache. Monetele sciţilor..., стр. 213 сл.

[86] IGB, I, № 41 = CIG, II, № 2056.

[87] Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города, стр. 146.

пожелают, плыть «вдоль левого берега до Борисфена и назад в Афины» (ἐὰν δὲ βούλωνται, τῆς ἐπ'ἀριστερὰ μέχρι Βορυσθένους καὶ πάλιν Ἀθήναζε)[88]; участок этого пути — от Томи до Ольвии — засвидетельствован позднейшим декретом томитян в честь тиранского гражданина Нила[89]. О регулярной торговле Ольвии с городами Западного Причерноморья свидетельствуют ольвийские декреты в честь истрийца Феодота[90], каллатийца Навтима[91] и месембрийца Херигена[92], а также найденные в Ольвии надгробия месембрийца Сатира и двух аполлониатов[93] и новооткрытая надпись из Тиры, в которой идет, по всей вероятности, речь о награждении ольвиополитами неизвестного нам по имени тиранца[94]. Эти сведения подтверждаются и пополняются находками в Ольвии монет Тиры, Истрии, Томи, Каллатии, Одесса и Аполлонии, причем сводка довоенных данных[95] дополняется находками последних лет. Монеты западнопонтийских городов и Ольвии встречаются также в Тире[96] и на «священных островах» Северо-Западного Причерноморья — на Левке и на Березани[97].

Более ста лет назад Б. В. Кёне утверждал, будто монеты Канита и других скифских царей Добруджи встречались в его время в Крыму и в окрестностях Ольвии[98]. Это указание было встречено с недоверием — уже П. О. Бурачков подверг его критике, отмечая, со своей стороны, что монеты Канита, Сариака (по автору, Сарии) и Элия (по автору, Илиоса) встречаются в Тире, хотя и «весьма редко»[99]. Нам представляется, что достоверная находка монет Канита и Элия на острове Левке[100], равно как и публикуемая монета Канита из Ольвии, позволяет с бóльшим доверием относиться к показаниям нумизматов прошлого века. Это, однако, никак не может служить подтверждением давно опровергнутого мнения о том, что государство Канита и его преемников[101] простиралось до Ольвии — монеты скифских царей Добруджи попадали в Ольвию, как и в Тиру, совместно с городскими монетами их царства[102]. Таким образом, описанная в настоящей заметке монета Канита должна занять свое место среди других западнопонтийских городских монет, найденных в Ольвии, и несколько расширяет имеющиеся указания на торговые связи ольвиополитов в III в. до н. э. В этом отношении она, как показано выше, отличается от монеты Севта, свидетельствующей скорее о политических отношениях между Ольвией и царем одрисов.

[88] Ps. Dem. XXXV, 10.

[89] П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. ВДИ, 1959, № 4, стр. 113—115, № 2.

[90] П. О. Карышковский. Утерянная ольвийская надпись. СА, XXVIII, 1958, стр. 151—161.

[91] IOSPE, I², № 27.

[92] IOSPE, I², № 20.

[93] IOSPE, I², № 688; С. А. Семенов-Зусер. Торговый путь к Ольвии. Уч. зап. ХГУ, 19, 1940, стр. 138.

[94] А. И. Фурманская. Новый эпиграфический памятник из Тиры. СА, 1960, № 4, стр. 197—199.

[95] А. Н. Зограф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. Сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 217.

[96] А. Н. Зограф. Монеты Тиры. М., 1957, стр. 57—59.

[97] А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. СА, VII, 1941, стр. 152—160.

[98] Б. В. Кене. Ук. соч., стр. 23.

[99] П. О. Бурачков. Ук. соч., стр. 17.

[100] Ср. выше, прим. 64.

[101] Канит, как показал еще К. Регling (K. Regling. Charaspes, стр. 264), должен рассматриваться как самый древний из скифских правителей Добруджи; за ним следовали, по весьма вероятному предположению Т. Герасимова, Тануса(к), Харасп и Акроса(к); ср. Т. Герасимов. Монети от Канит, стр. 55, 57—58; о форме их имен см. Л. И. Тарасюк. Ук. соч., стр. 23—27.

[102] Заметим, что публикуемая монета Канита была найдена совместно с медной монетой Истрии с головой Аполлона и орлом на дельфине; кстати сказать, в корпусе Пика — Реглинга среди монет такого типа не указана монета с дифферентом В, который ясно читается на экземпляре из Ольвии.

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ДЕНАРИЕВ АВГУСТА И ДРАХМ ГОТАРЗА В ДРЕВНЕЙ ИБЕРИИ

Раскопки древней столицы Грузии — Мцхета дали возможность наметить ряд проблем и по-новому осветить некоторые вопросы, оставшиеся до этого не ясными. Ведущая роль в этом принадлежит академикам И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашия. Снаряжая экспедиции, они предварительно проводили с их членами цикл лекций-собеседований о методике работ, заботились о том, чтобы их состав был пополнен специалистами различных отраслей. Я считаю большой для себя удачей, что, работая на протяжении 15 лет бок о бок с опытными археологами, воспринял от них необходимые навыки и методику полевой работы и испытываю еще большее удовлетворение от того, что и сам, как нумизмат, мог быть полезным, определяя на месте же найденные монеты. Это, несомненно, способствовало решению некоторых вопросов, возникавших в процессе работы и одинаково волновавших как археологов, так и нумизматов.

Непосредственная работа над комплексами in situ, повседневный их анализ помогли правильнее осознать многое, о чем до этого приходилось довольствоваться догадками, построенными на скупых замечаниях в специальной литературе.

По существовавшей до этого традиции, наиболее надежным датирующим материалом для археологического комплекса считались монеты. Однако нередко возникали недоумения по поводу большого хронологического разрыва, отделяющего монеты от остальной археологической среды в одном и том же погребении (стекло, украшения, бусы, геммы и т. д.). В 1938 г. на южном участке Самтаврского некрополя Мцхетской археологической экспедицией был вскрыт черепичный ящик № 30, в котором денарию Антонина Пия (138—161 гг.) и еще более позднему инвентарю сопутствовали три денария Августа и пять драхм Готарза, наличие которых обычно служило поводом датировать I веком и остальной погребальный инвентарь. Эта находка насторожила наше внимание и побудила более тщательно анализировать встреченные в дальнейшем аналогичные комплексы.

Ниже мы приводим список таких же совместных находок денариев Августа и драхм Готарза с другими, значительно более поздними монетами (табл. I).

До тех пор, пока все эти случаи не были проверены самым тщательным образом, мы воздерживались от публикации материала. Ушли многие годы работы на кропотливую сверку монет с сопровождающим их погребальным инвентарем, изучение совокупных условий и анализ полученных результатов. Только после сличения целого ряда взаимно друг друга контролирующих данных и предварительного обсуждения выводов среди специалистов Грузии мы решились поставить в печати вопрос о необычайной продолжительности обращения денариев Августа

Таблица 1

Находки денариев Августа и драхм Готарза с монетами более позднего времени

№№ п/п	Место и время находки	Тип и номер погребения	Монетные комплексы		Верхняя дата
			денарии Августа и драхмы Готарза	сопровождающие их другие монеты	
1	Мцхета, Армази, 1940 г.	Каменный ящик, 1	Август (№ 9147)	Ауреусы Тита, Траяна, Адриана (№№ 9141—9146)	Первая треть II в.
2	То же	Каменный ящик, 9	Август (№№ 9193—9196)	Ауреус Фаустины (№ 9192)	Середина II в.
3	Мцхета, Самтавро, 1939 г.	Каменный ящик 144-S	Август (№10005—10011); Готарз (№№ 10002—10004)	Денарии Траяна (№10012) Фаустины (№ 10 013)	То же
4	Мцхета, Багинети, 1946 г.	Саркофаг	Август (№ 9204)	Ауреусы Веспасиана, Тита, Адриана (№№9200—9203) и денарии Траяна, Адриана, Фаустины (№№ 9205—9207)	Вторая пол. II в.
5	Мцхета, Самтавро, 1938 г.	Черепичный ящик, 30-S	Август (№№ 9949—9951); Готарз (№№ 9944—9948)	Денарий Антонина Пия (№ 9952)	Вторая пол. II в.
6	Клдеети, 1942 г.	Грунтов. погр., 4	Август (№№ 9285—9287); Готарз (№№ 9309—9311)	Подраж. статеру Александра (№№ 9272—9275 и 9278—9279). Кесарийские дидрахмы, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия (№№ 9302—9305)	Вторая пол. II в.
7	Мцхета, Армази, 1940 г.	Саркофаг, 6	Август (№№ 9179—9181); Готарз (№№ 9168—9178)	Ауреусы Нерона, Гальбы, Адриана, Антонина Пия и Коммода (№№ 9163—9167)	Конец II в.
8	Мцхета, Самтавро, 1939 г.	Грунтов. погр., 89-S	Август (№№ 9974—9975)	Драхма Шапура I (№9976)	Середина III в.
9	Мцхета, Армази, 1940 г.	Каменный ящик, 3	Август (№№ 9159—9161); Готарз (№ 9162)	Золотые монеты Гордиана III и Филиппа и подражания золотым монетам Филиппа, Траяна Деция и Гостилиана (№№ 9152—9158)	Вторая пол. III в.
10	Цхинвали, 1939 г.	Каменный ящик	Август (№9337); Готарз (№ 9338)	Подраж. золотой монете Нумериана (№ 9136)	Конец III в

и драхм Готарза[1], тем более что эта точка зрения поддерживалась и наиболее компетентными специалистами[2].

Но итоги этой долголетней работы в последнее время были поставлены под сомнение. Чтобы восстановить истинное положение вещей и воспрепятствовать введению в научный обиход явно неверных положений, я решил ответить на некоторые замечания проф. Е. А. Пахомова.

[1] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1960, стр. 33 (на груз. яз.); его же. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 43—44, 150, примеч. 63; его же. Монетные находки Мцхетской экспедиции. ВДИ, 1955, № 1, стр. 161, 170—171; его же. Ауреусы Армазского некрополя. СА, 1957, № 3, стр. 159—161.

[2] М. И. Максимова. Геммы из Некрополя Мцхеты — Самтавро. ВГМГ. т. XVI-B, Тбилиси, 1950, стр. 260; А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета. Итоги археологических исследований, т. I, Тбилиси, 1955, стр. 212 (на груз. яз.).

высказанные им по поводу монетных находок Мцхетской археологической экспедиции [3].

Хотя Е. А. Пахомов и допускает возможность длительного обращения денариев Августа и драхм Готарза, он снабжает это предположение столь многими замечаниями критического порядка, что ставит его под большое сомнение. Его замечания в основном сводятся к следующему: 1) более поздние монеты могли при раскопках попасть в погребения случайно из верхних слоев; 2) если это не ошибка при самом производстве раскопок, то она могла произойти и при составлении документации; 3) небольшую примесь более поздних монет в отдельных случаях можно объяснить вторичным использованием каменных ящиков.

Прежде чем перейти к ответам на эти замечания, считаю необходимым напомнить, что в процессе полевой работы нередко отмечались случаи находок денариев Августа и драхм Готарза без каких-либо других монет, но со значительно более поздними предметами. По этому поводу М. И. Максимова прямо говорит: «Что же касается до монет, то работа над комплексами погребений привела нас к выводу о невозможности полагаться в данном случае на свидетельство нумизматических памятников, так как был установлен целый ряд случаев нахождения денариев Августа и драхм Готарза вместе с монетами и геммами II и III вв. ...наблюдения... показали, что римские и парфянские монеты весьма долго бытовали в среде населения древней Мцхеты, прежде чем попасть в могилы, и поэтому они могут привлекаться для датировки последних только в качестве *terminus post quem*» [4].

Таким образом, игнорируя археологическую среду, тесно связанную с нумизматическим материалом и представляющую единый с ним комплекс, Е. А. Пахомов пользовался явно ненадежным материалом, тогда как именно эта среда и является решающим фактором. Как раз ее я имел в виду, утверждая, что «в некоторых случаях следовало бы датировать эти монеты инвентарем, но не наоборот»[5]. Ниже даны примеры, где в погребениях со значительно более поздним инвентарем нумизматический материал представлен исключительно монетами Августа и Готарза (табл. 2).

Таким образом, с учетом перечисленных выше случаев совместного захоронения ранних и поздних монет эти непонятные на первый взгляд совмещения оказываются далеко не единичными. И если даже допустить возможность случайного проникновения более позднего материала из верхних в нижние слои, то это сведется к такому ничтожному количеству, с которым можно совершенно не считаться. Что же касается отмеченного Е. А. Пахомовым конкретного случая с драхмой Шапура I, попавшей, по его мнению, в погр. № 89 южного участка Самтаврского некрополя из верхних слоев, то если даже согласиться с этим, положение не изменится, так как в этом погребении, прикрытом каменными плитами, оказался «серебряный перстень с гладким камнем № 825, формы III в. (ср. Henkel, № 433) и золотой перстень № 824 позднеримской формы» [6].

Если даже допустить, что драхма Шапура I каким-то невероятным способом проскользнула в погребение, то как же объяснить наличие здесь перстней III в., обнаруженных на фаланге левой руки костяка. Картина настолько ясная, что сомнения Е. А. Пахомова по поводу появления драхмы Шапура I в погр. № 89 могут быть объяснены лишь недостаточной его осведомленностью о настоящем положении дел. Что же

---

[3] Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. ИИ АН АзССР, вып. VIII, Баку, 1959.

[4] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 223—224.

[5] Д. Г. Капанадзе. Монетные находки..., стр. 172.

[6] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 260; см. F. Henkel. Die römischen Fingerringe des Rheinlandes. Berlin, 1913.

Таблица 2

Находки денариев Августа и драхм Готарза без других монет, но с инвентарем более позднего времени

№№ п/п	Место и время находки	Тип и номер погребения	Денарии Августа и драхмы Готарза	Археологическая среда	Ссылка на источник
1	Мцхета, Самтавро, 1939 г.	Черепичн. ящик, 116-S	Август (№№ 9981—9984); Готарз (№№ 9979—9880)	Камень от перстня конца II в.	М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 253
2	То же	Черепичн. ящик, 120-S	Август (№ 9985); Готарз (№№ 9986—9987)	Перстень и камень III в.	Там же, стр. 259
3	»	Камен. ящик, A-S	Август (№№ 9962—9963)	Перстень и стекло III в.	Там же, стр. 255
4	»	Камен. ящик, 83-S	Август (№ 9970); Готарз (№№ 9967—9969)	Перстни, геммы и стекло III в.	Там же, стр. 256
5	Мцхета, Самтавро, 1940 г.	Черепичн. ящик, 177-S	Готарз (№№ 10026—10027)	Кольца и геммы II в.	М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Государственного музея Грузии, т. I, Тбилиси, 1954, стр. 69, 71 и 72
6	То же	Черепичн. ящик, 182-S	Август (№ 10029); Готарз (№ 10028)	»	
7	»	Черепичн. ящик, 242-S	Готарз (№ 10049)	»	
8	»	Черепичн. ящик, 212-S	Август (№№10040—10046); Готарз №№ 10031—10039)	Стекло конца II в.	

касается «возможности ошибок как при самом производстве раскопок, так и при составлении документации к ним»[7], то эта возможность, конечно, не исключена, но нужно нагромождение многих ошибок как в одном, так и в другом случае, чтоб хотя бы в какой-нибудь мере согласиться с Е. А. Пахомовым. Возможность этих ошибок на деле сведена к минимуму как потому, что определение монет происходило в процессе раскопок тут же на поле, так и вследствие того, что обработкой материала занимались специалисты различных отраслей, контролирующие друг друга.

Проникновение более поздних монет в каменные ящики при вторичном их использовании, конечно, тоже не исключено, но своевременно учтено было и это, иначе, перечисляя примеры совместного захоронения ранних и поздних монет, я упомянул бы, например, и каменный ящик № 144, где с четырьмя драхмами Готарза оказался и денарий Фаустины[8]. За исключением редких случаев, гробницы I—III вв. являются индивидуальными погребениями, и только с IV в. появляются уже коллективные, семейные погребения[9]. Наконец, вторичные захоронения имеют настолько характерные признаки, что не заметить их невозможно.

Что же касается ошибок при составлении документации, то они должны быть исключены вовсе, так как эта работа проводилась такими опытными археологами, как М. М. Иващенко и А. Н. Каландадзе.

Замечания по поводу монетных находок Мцхетской археологической экспедиции и сроках обращения денариев Августа и драхм Готарза Е. А. Пахомов заканчивает советом: «основывать датировку необходимо, по возможности, на массовом материале или на случаях, когда никаких сомнений быть не может»[10].

[7] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. 150.
[8] См. Д. Г. Капанадзе. Монетные находки..., стр. 163, порядковый № 24.
[9] А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Ук. соч., стр. 209.
[10] Е. А. Пахомов. Ук. соч., стр. III.

Нам кажется, что предъявляемые Е. А. Пахомовым условия соответствуют состоянию материала Мцхетской экспедиции. 18 случаев совместных находок ранних монет с более поздними монетами и инвентарем вполне достаточно для того, чтобы говорить о массовом материале. Что же касается нетронутости инвентаря не только каменных ящиков, но и саркофагов, то приведем еще пример в дополнение к тому, что уже указывалось в печати [11].

Остановлюсь на погребении, обнаруженном 22 сентября 1946 г. на Багинетском участке Мцхетской археологической экспедиции, и дам краткую характеристику найденных в этом погребении монет и другого археологического инвентаря.

Погребение находилось в каменном саркофаге, состоящем из двух основных частей: нижней — гробницы, выдолбленной из хорошо отесанной монолитной глыбы и такой же хорошо отесанной, отлично пригнанной к нижней части цельной каменной кровли, имеющей два ската. Крышка не только вплотную прилегала к стенкам нижней части саркофага, но и была скреплена с ним железными скобами, а все пазы были наглухо залиты свинцом. Мне вместе с другими участниками экспедиции пришлось долго выдалбливать долотом залитый в пазы свинец. Таким образом, этот саркофаг был закрыт герметически.

Выше отмечалось, что в этом саркофаге вместе с денарием Августа оказались ауреусы Веспасиана, Тита и Адриана, а также денарии Траяна, Адриана и Фаустины. Наличие последней монеты определяет дату захоронения, по меньшей мере, как середину II в., но остальной археологический материал (перстни, камни, интальи) оказывается значительно более поздним [12].

Это только один случай из множества других, послуживших основанием для предположения о чрезвычайно длительном сроке обращения монет Августа и Готарза. Поэтому я продолжаю придерживаться первоначальной точки зрения и на основании поступающего нового материала все больше и больше убеждаюсь в том, что денарии с именем Августа и драхмы, приписываемые Готарзу, так прочно вошедшие в обиход местного населения, не только бытовали в Грузии продолжительное время, но с определенного времени и чеканились тут же, на месте.

Из сотен денариев Августа, хранящихся в Гос. музее Грузии, около двухсот имеют справки об обстоятельствах и месте их находки. Как известно, в дальнейшем возник выпуск их местных подражаний, первые ступени которых, как я имел случай как-то высказаться, «видимо, ничем или почти ничем не отличались от оригиналов, но дальнейшие их выпуски, постепенно деградируя, окончательно переродились» [13].

Местные находки до сих пор не давали полной картины постепенного искажения денария Августа и возможности уловить грань, отличающую эти «оригинальные» денарии от ближайших их подражаний. Приходилось довольствоваться материалом, встречающимся в специальной литературе, где, к сожалению, не давалось сведений о месте находки. Но недавно в отдел нумизматики Гос. музея Грузии были переданы 22 монеты, найденные в 1944 г. Багинетским отрядом Мцхетской археологической экспедиции у основания античной стены. Все они оказались денариями Августа обычного для Закавказья типа, с изображением Гая и Люция на обороте. Но один из них отличается почти незаметным искажением круговой латинской надписи оборотной стороны, где некоторые буквы заменены другими: вместо C. L. CAESARES AVGVSTI

[11] Д. Г. Капанадзе. Монетные находки..., стр. 161.

[12] М. Н. Лордкипанидзе. Геммы Государственного музея Грузии, II, Тбилиси, 1958, стр. 41—45 и 106—107.

[13] Д. Г. Капанадзе. Ауреусы Армазского некрополя, стр. 161.

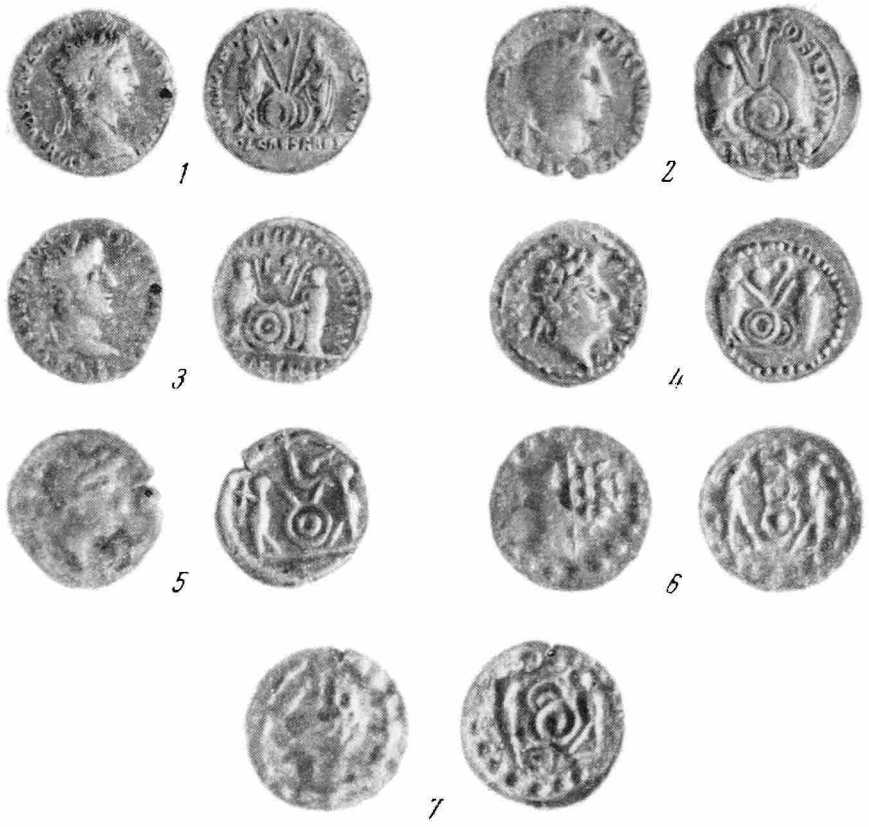


Рис. 1.

1 — Грузия (инв. № 1787); *2* — Багинети, опись № 5; *3* — Грузия (инв. № 3318); *4* — Грузия (инв. № 3372); *5* — Сванетия (инв. № 5103); *6* — Чиатура (инв. № 1705); *7* — Цагери (инв. № 9446)

F. COS. DESIG ...» здесь ясно читается «CAESAPES AVCVSTIE COES ГС ...» (рис. 1, *2*). В остальном этот экземпляр почти ничем не отличается от обычных, изображениям приданы законченные формы, а надписи, не считая отмеченных выше незначительных искажений, исполнены четко и уверенно. В длинном ряду подражаний денариям Августа (грузинское происхождение которых, уже начиная с Бартоломея, сомнений не вызывает [14]) этот экземпляр, по-видимому, является одним из первых потому, что, не вооружившись лупой, пожалуй, было бы даже трудно отличить его от оригинала.

К следующей ступени можно отнести другую монету, тоже сравнительно недавно приобретенную Гос. музеем Грузии у местного коллекционера. Изображение на ее лицевой стороне уже заметно грубеет, а надписи содержат искажения с обеих сторон: на лицевой стороне вместо «CAESAR AVGVSTVS DIVI F. PATER PATRIAE» мы

[14] J. Bartholomei. Lettres numismatiques et archéologiques rélatives à la Transcaucasie. СПб., 1859, стр. 25; Е. А. Пахомов. Монеты Грузии. ЗНОРАО, т. I, вып. IV, СПб., 1910, стр. 11; его же. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Баку, 1929, стр. 18.

видим «CAESAR AVGVSTI DIVC CLVTCP... AT ΠP ...», на оборотной — вместо «C. L. CAESARES AVGVSTI F. COS DESIG ...» — надпись «CAESAP. S AVGVSTI ΓAOS ЈCЈIC ...» (рис. 1, *3*).

И. Бартоломей давал такую классификацию этих подражаний. 1. Денарии, на которых изображения сохранили сходство с подлинником, но легенды искажены почти до неузнаваемости,— доказательство незнакомства резчика с языком надписей. Металл еще довольно хорошей пробы. 2. Голова на лицевой стороне теряет сходство с изображением Августа. Фигуры реверса грубы, но еще понятны. Вместо легенд — ряды кружков, черточек и точек. Серебро содержит большие примеси. 3. Голова похожа на человеческую, но изображения оборотной стороны совершенно неузнаваемы. Круговая легенда заменяется рядом точек. Серебро настолько низкопробно, что по цвету приближается к свинцу.

Е. А. Пахомов был прав, отмечая, что «на эти степени нельзя смотреть, как на нечто безусловное; встречается много промежуточных типов, и переходы от одной градации к другой совершаются постепенно», но тут же он добавляет, что «в настоящее время подражания попадаются, но далеко не так часто»[15]. Встречающиеся в литературе их репродукции воспроизведены с экземпляров негрузинского происхождения, местных же подражаний мне довелось видеть немного — всего около двух десятков.

Поэтому поступившие в Гос. музей Грузии последние две монеты имеют особо важное значение: они обогащают эту группу монет и, что особенно важно, дают возможность установить ускользавшую до этого грань постепенного перехода «оригинальных» денариев к их местным подражаниям. Относительно происхождения этих монет можно сделать следующие выводы.

1. Наличие в погребениях III в. так называемых «оригинальных» денариев Августа и наблюдения над степенью их сохранности показывают, что выпуск некоторых из них производился незадолго до захоронения.

2. Наличие большого количества вариантов (ступеней или градаций) подражаний с этих денариев (учитывая, что постепенное их перерождение требовало длительного срока) дает основание полагать, что наиболее грубые их образцы выпускались в IV — начале V в.

3. Так как грубеющие и грубые подражания денариям Августа признаны грузинскими, то нет оснований не считать такими же и некоторые первоначальные их выпуски, которые почти ничем не отличаются от так называемых «оригинальных» денариев.

---

[15] Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, стр. 11.

Б. А. РЫБАКОВ

КАЛЕНДАРЬ IV в. ИЗ ЗЕМЛИ ПОЛЯН

Одной из интереснейших областей археологии является изучение семантики орнамента, разгадка отдельных его элементов, попытка проникновения в смысл знаков и символов, в причудливое мышление древнего человека. Ряд древних пиктограмм и идеограмм давно уже расшифрован; выявлены солярные и лунарные знаки, символы воды и огня, родовые тамги, иносказательные изображения идеи жизни в виде молодого деревца, ростка, цветка. Композиции из этих элементов создают целые заклинательные фразы, как бы «записанные» колдовские заговоры; археологический материал неразрывно сплетается с живым этнографическим, и это часто дает ключ к его пониманию. Когда тысячу лет назад черноризец Храбр повествовал о дописьменном периоде истории славян, он, как известно, сказал, что в прошлом славяне «...чрътами и резами чьтяху и гадаху погани суще». «Черты» — очевидно, зарубки на бирках для разного рода подсчетов, а «резы» — какие-то вырезанные знаки, при помощи которых производились языческие гадания — предугадывания и заклинания судьбы.

Может быть, к «резам» можно отнести разнообразные деревянные резные календари XIV—XIX вв., отмечавшие зарубками и особыми знаками христианские и языческие праздники. Обилием таких загадочных «рез» — прочерченного неритмичного орнамента отличается керамика черняховской культуры. Главным предметом рассмотрения в этой статье будет глиняный кувшин IV в. из с. Ромашек Киевской области, найденный В. В. Хвойкой в 1899 г. в самой сердцевине земли древних полян.

Издатель этого сосуда так характеризует его: «Великолепный и богато украшенный кувшин, изготовленный из хорошо обработанной плотной глины... орнаментирован рельефным и штампованным орнаментом, образующим довольно сложные композиции... В целом разнообразие орнамента в сочетании с изяществом формы придает кувшину чрезвычайно нарядный, богато украшенный вид» [1].

К сожалению, М. Ю. Брайчевский не раскрыл содержания этих сложных композиций и даже не дал полного рисунка орнамента, идущего вокруг всего тулова сосуда.

Композиции из крестов, «громового знака», деревца, струйчатых линий, серпов и снопов (?) и разных комбинаций из квадратных штампов не могут быть раскрыты сами по себе и требуют широкого привлечения других материалов черняховской культуры, синхронных этой культуре из соседних областей, и более поздних энтографических данных.

---

[1] М. Ю. Брайчевский. Ромашки. МИА, 82, 1960, стр. 113; табл. I, *2*, стр. 128. Кувшин хранится в Киевском Государственном историческом музее, инв. № 13115. Издан также в «Очерках истории СССР» (М., 1958, стр. 50).

Ключом к расшифровке ромашковских композиций для меня послужили, во-первых, драгоценные находки М. А. Тихановой в Лепесовке на Волыни и Г. Б. Федорова в земле тиверцев (с. Малаешты) [2].

В 1957 г. М. А. Тиханова при раскопках в с. Лепесовке обнаружила интересное сооружение III—IV вв. с жертвенником посередине, правильно трактуемое автором как святилище. Жертвенник был сложен из слоев глины, разбитых зерновых макотр — «обильниц», из фрагментов двух ритуальных чаш. Обе чаши представляют собой роскошный, сильно увеличенный вариант черняховских трехручных мисок [3].

Лепесовские чаши были явно предназначены для ритуала; об этом говорит прежде всего нахождение их внутри жертвенника и хрупкость рельефного орнамента и подвесных глиняных колец на ручках, затруднявшая их практическое использование (рис. 1).

Плоский широкий венчик чаши № 2 разделен на 12 различных прямоугольных секций с неповторяющимся рисунком. Число 12 широчайшим образом распространено во всем мировом фольклоре прежде всего как число 12 лунных месяцев в году. Естественно возникает предположение, что изображенные на чаше 12 клейм разного рисунка, составляющие замкнутый круг, это символы 12 месяцев, образующих годовой цикл.

Предположение о том, что 12 рисунков лепесовской чаши являются знаками 12 месяцев, может получить силу научной гипотезы только в том случае, если удастся доказать, какой именно месяц обозначен тем или иным рисунком.

Для удобства обращения с 12 рисунками пронумеруем их по часовой стрелке, начиная от прямоугольника, внутри которого прочерчен косой крест и угол наверху (см. рис. 2). На трех рисунках (№ 1, 3 и 6) есть четкие косые кресты, которые иногда называют «поганскими крыжами» и часто истолковывают как символы огня или солнца. В рисунке № 6 косой крест повторен дважды и сопровожден волнистой линией — обычным символом воды.

Священный «живой» огонь (добываемый трением) возжигался славянами три раза в год в связи с тремя солнечными фазами:

а) В конце декабря в связи с зимним солнцестоянием; огонь горел до 6 января, до конца зимних «святок». На народных деревянных календарях XVII—XIX вв. знаком солнца обозначался я н в а р ь, месяц «разгорания солнца».

б) В связи с весенним равноденствием в конце марта. Позднее христианство отодвинуло праздник масленицы на февраль-март в зависимости от начала великого поста.

в) У всех славянских и соседних с ними народов отмечается живым огнем праздник Ивана Купала — 24 июня, в день летнего солнцестояния, когда явственно выступают два элемента языческого культа — огонь и вода.

---

[2] М. А. Т и х а н о в а. Днестровско-волынский отряд Галицко-волынской экспедиции. КСИИМК, 79, 1960, стр. 93—95; Г. Б. Ф е д о р о в. Малаештский могильник (памятник черняховской культуры в бассейне реки Прут). МИА, 82, 1960, стр. 297, рис. 26, *4*; стр. 281—282.

[3] М. А. Т и х а н о в а. Ук. соч., рис. 40. Пользуюсь случаем принести свою глубокую благодарность М. А. Тихановой, предоставившей в мое распоряжение рисунки обеих чаш. Следует сказать, что трехручные миски практически неудобны — при захвате такой миски за две любые ручки центр тяжести оказывается вне линии ручек. Очевидно, наличие трех ручек обусловлено не практическими задачами, а какими-то сакральными представлениями, связанными с числом 3. Известны более ранние сосуды из Приднепровья с рельефным изображением т р е х человеческих рук, поднятых вверх (Гавриловка). Известен на Балканах новогодний обычай: когда месят в квашне тесто для «богача» — новогоднего священного хлеба, то т р и ж е н щ и н ы т р и ж д ы поднимают квашню к небу, произнося при этом заклинания, подобные русской новогодней «славе хлебу» в подблюдных песнях. Возможно, что с подобными представлениями следует связывать и трехручность древних сосудов.

Рис. 1. *а*, *б*. Лепесовка. 1957 г. Раскопки М. А. Тихановой. Раскоп I. Чаша № 2

Исходя из того, что у славян совершенно не отмечалось осеннее равноденствие, мы должны сопоставить наши три рисунка огневых знаков со следующими славянскими месяцами:

а. № 1 — «просинец» — январь, начало нового языческого года, месяц просьб и заклинаний на весь год;

б. № 3 — «сухый» — март, месяц проводов зимы и встречи весны;

в. № 6 — «кресень» — июль, месяц летнего зноя, солнцеворота, месяц молений, обращенных к солнцу и к воде.

Предположение о календарном характере 12 лепесовских рисунков получило некоторую поддержку в раскрытии (тоже предположительном) трех огненно-солнечных знаков, приходящихся на январь, март и июнь, но этого недостаточно для построения прочной гипотезы.

К счастью, на этой же чаше мы располагаем еще одной серией рисунков, расшифровка которых никак не связана с солярными знаками, независима от них и может служить самостоятельным основанием для распределения 12 клейм внутри годового круга. Это рисунки, относящиеся

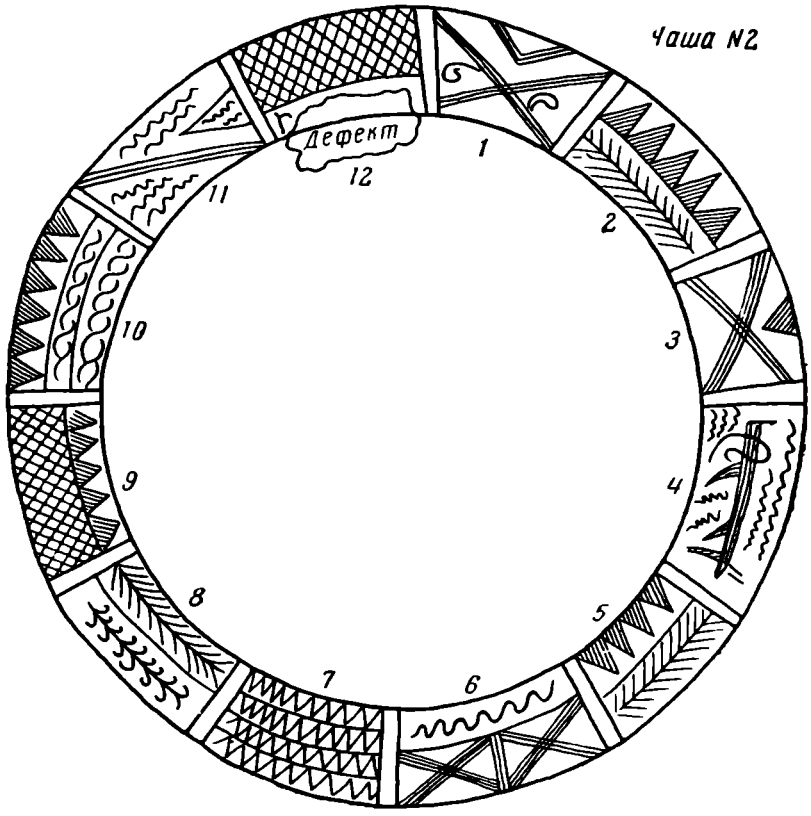


Рис. 2. Схематическое изображение 12 знаков на чаше № 2 из Лепесовки

к сельскому хозяйству и промыслам. Определение месяцев на лепесовской чаше может быть произведено, таким образом, по двум различным, независимым друг от друга системам, и, естественно, расхождение между ними сведет почти на нет предыдущие рассуждения, а совпадение двух систем даст надежную основу предложенной расшифровке.

Рисунок в клейме № 4 отчасти напоминает какое-то животное с рогами или торчащими вверх ушами (конь, козел?), но в то же время очень похож и на изображение рала с чересло́м (см. рис. 2). Судя по находкам чересла и наральников, предназначенных для горизонтальной вспашки плужного типа, племена черняховской культуры знали рало с полозом («пълугом») и плужным ножом [4]. На грядиле лепесовского рала изображены даже «вуйца» — два вертикальных, похожих на рога колышка, за которые закрепляется ярмо в передней части грядиля (см. рис. 3).

Из всех 12 месяцев с основным пахотным орудием может быть связан для лесостепной черняховской области только апрель — месяц пахоты и удобрения земли. Среди всех древнерусских названий месяцев именно апрель назван месяцем «удобрения земли золою» — березозолом.

В позднейших русских календарях апрель обязательно отмечался изображением коня (23 апреля — Егорьев или Юрьев день). Егорьев день был традиционным днем выгона скота на молодую траву. Рало или конь в одинаковой мере могут быть рассмотрены как обозначение апреля. Мне представляется наиболее вероятным все же толкование этого рисунка как изображения пахотного орудия.

[4] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного левобережья. СА, XIII, 1950, рис. 5; Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры в с. Кринички (по материалам С. С. Гамченко и раскопкам 1957—1958 гг.) МИА, 82, 1960, стр. 243, рис. 3, *2*, *8*.

Рис. 3. Лепесовка. Чаша 2. Увеличенное изображение в четвертой секции круга

Рисунок № 8 на нашей чаше изображает вполне оформившиеся колосья с явно различимыми зернами. Скорее всего это колосья пшеницы. Уборка яровых заканчивалась на Украине в августе, и месяц август до сих пор носит там характерное имя «серпень», месяц жатвы, уборки «обилия».

Если мы совместим названия месяцев по солярной системе с названиями их по системе хозяйственной, то окажется, что они совпадают: № 1 — январь, № 3 — март, № 4 — апрель, № 6 — июнь, № 8 — август. Отправляясь от такой расшифровки, мы можем осмыслить и рисунки некоторых других месяцев.

Рисунок № 9 должен по этой схеме символизировать сентябрь — месяц перелета птиц, на которых именно в это время устраивали массовую охоту с «перевесами» — гигантскими сетями, натягиваемыми между высокими деревьями. Этнографические примеры показывают сходство «перевеса» с рисунком № 9 (рис. 4).

Рисунок в клейме № 10 дает нам две плетенки, две косы, напоминающие «повесмо» льняной или конопляной пряжи. Обработка волокнистых растений, трепка льна и увязка портативных плетенок пряжи производилась в том месяце, который у ряда славянских народов сохранил даже название, связанное с процессом обработки волокнистых — в «паздернике», «кастрычнике», т. е. в октябре. А рисунок № 10 по моей схеме и приходится на октябрь.

Рассматривая орнаментированный круг лепесовской чаши № 2 как изображение символов 12 месяцев (рис. 5), мы должны поставить вопрос о назначении этого великолепного и интересного сосуда из языческого алтаря.

Во всем славянском годовом цикле обрядов и праздников мы знаем только один момент, когда взор древнего славянина охватывал весь год в целом, все 12 месяцев. Это время празднования Нового года, когда произносились заклинания на весь будущий год и одновременно с этим производились гадания о будущем.

Число 12 чаще всего встречается именно в новогодней обрядности: 12 «старцев», руководящих ритуалом, 12 снопов, по которым гадают о будущем урожае в начинающемся году, вода из 12 колодцев для подблюдных гаданий; священный огонь «бадняк» горит 12 дней (шесть дней в конце старого года и шесть в начале нового).

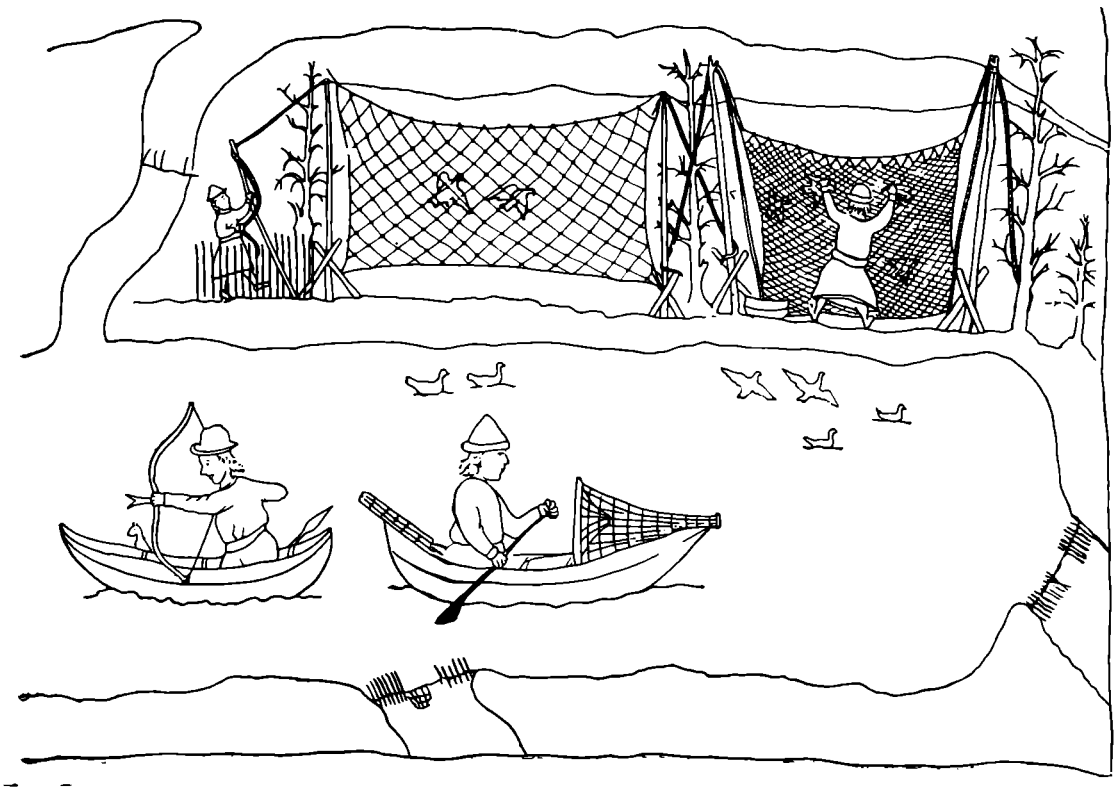


Рис. 4. Охота с перевесом

Торжественный цикл новогодних обрядов начинался воспоминаниями о прошлом (пение старинных былин), а завершался гаданиями о будущем. Именно конец «святок», знаменитый «крещенский вечерок» считался наиболее удобным временем для вопрошания судьбы.

Для этих январских заклинаний и гаданий, связанных с подблюдными песнями, требовались специальные сосуды для священной воды, в которую опускали золотое кольцо. Аграрно-магический характер этих гаданий достаточно выяснен трудами В. И. Чичерова [5], одной из главных подблюдных песен являлась «слава хлебу». Вода и золото — обязательные атрибуты новогодних аграрно-магических гаданий, так же как вода и солнце обеспечивали древнему славянину урожай.

Лепесовская чаша со знаками 12 месяцев могла быть именно таким сосудом для священной воды, с помощью которого осуществлялось новогоднее гадание об урожае. Быть может, с этой же аграрной магией связано и то, что в конструкции лепесовского жертвенника находились и фрагменты сосудов для зерна. (К лепесовской чаше № 1, разделенной не на 12, а на девять клейм, мы вернемся в дальнейшем.)

Большие глубокие сосуды в древней Руси именовали «чарами». Не отсюда ли гаданье при помощи чар называлось «чародейством»?

Из отдельных знаков лепесовской чаши или чары № 2 на черняховской посуде чаще всего встречается знак июня (или, точнее, праздника Купалы) — два креста. Мы видим два креста в такой же прямоугольной рамке на богато украшенной миске из коллекции Кундеревича (Киевский музей) и на дне миски из Черняхова [6].

[5] В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, стр. 97—106.

[6] На дне миски в пяти местах процарапаны прямоугольные рамки: три из них имеют по одному косому кресту внутри, а две — по два косых креста, изображенных точно так же, как и на чаре из Лепесовки. Можно думать, что здесь обозначены все четыре солнечные фазы, но знак июня (два косых креста) повторен дважды, может быть потому, что на июнь приходились два важных языческих праздника — семик и Купала (см. ниже).

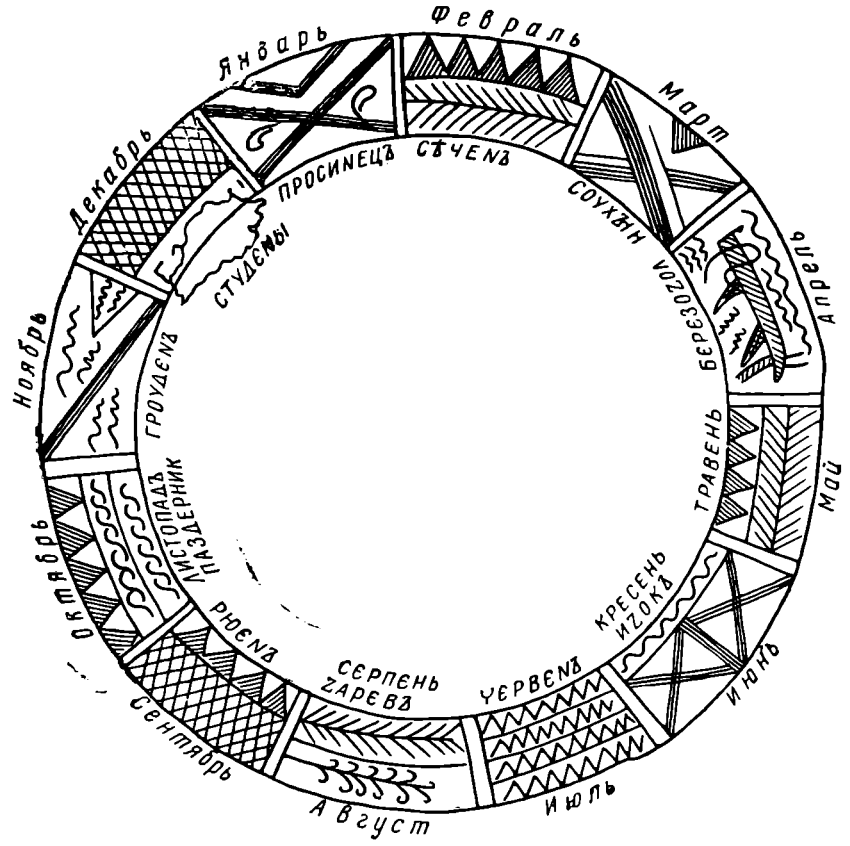


Рис. 5. Расшифровка знаков на чаше из Лепесовки

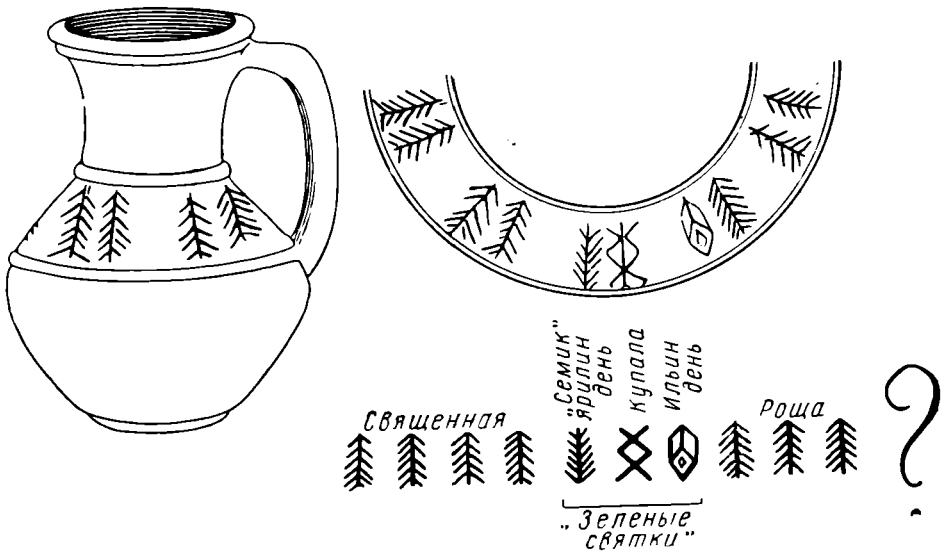


Рис. 6. Сосуд со знаками из Малаешты

На крайнем юго-западе территории черняховской культуры, в могильнике Малаешты найден чрезвычайно интересный кувшин с лощеным орнаментом вокруг всего тулова. Он происходит из богатого погребения: с покойником (мужчиной лет 30—35) были положены пояс с пряжками и десять сосудов, в том числе и трехручная миска, внутри которой находились три стеклянных кубка — бесцветный, желтый и рубиново-красный[7]. Орнамент на кувшине, сделанный еще до обжига по сырой глине, состоит из следующих элементов:

[7] Г. Б. Федоров. Ук. соч., стр. 281—283, рис. 26, *4*.

семи деревьев — «елочек», молодого деревца с поднятыми вверх ветвями, «знака июня» — двух косых крестов, расположенных друг над другом и соединенных вертикальным стержнем, изображение стрелы (?), образующее шестигранник с маленьким ромбом внутри (рис. 6). Необычность изображений заставляет и здесь искать скрытый смысл всей композиции.

Предлагаю решение этой задачи, которое не может быть доказано для данного кувшина, взятого изолированно, но находит опору в другом кувшине, который нам предстоит рассмотреть.

Исходя из того, что главной формой весенне-летних празднеств у славян было моление «кладезям и рощениям», можно думать, что семь деревьев, составляющие как бы фон для трех особых знаков, символизируют именно такое «рощение», священную рощу, а сам кувшин, предназначенный для воды, вполне мог отвечать назначению ритуального сосуда во время молений «озером и кладезем», когда славяне приносили жертвы различным водным источникам, надеясь этим обеспечить дождь, небесную воду для посевов. Что же могут означать молодое деревцо, два креста и стреловидный знак?

Думаю, что здесь отражены три крупнейших летних праздника восточных славян, проводимые в святых рощах: «семик», «Купала» и Ильин день. Последовательность их в году такая же, как и последовательность символических знаков на малоештенском кувшине, если рассматривать их слева направо. Средний из них — праздник Ивана Купала (24 июня) сохранил наряду с христианским и древнее языческое название. Это — праздник летнего солнцестояния, перелома года надвое, отмечавшийся повсеместным возжжением костров и обязательными обрядами у воды (бросание венков и др.). Купалу праздновали преимущественно женщины; во всяком случае, они были организаторами празднества. Купале предшествует «семик», т. е. седьмой четверг после пасхи. Как и Ильин день, этот праздник почти утратил свое первоначальное языческое имя и лишь кое-где в середине XIX в. еще помнили, что это праздник Ярилы, праздник плодоносящих сил природы. Объектом культа в семик или в близкий к нему троицын день повсеместно являлась молодая березка. Языческий срок Ярилина дня нам неизвестен, так как в христианское время он оказался связанным с троицыным днем, перемещавшимся согласно пасхалии. В некоторых местах (например, в б. Нижегородской губ.) Ярилин день праздновали независимо от церковных праздников всегда в одно и то же число — 4 июня. Одна из окраин Нижнего Новгорода носила название «Ярило», и там в семик устраивалось гулянье на горе [8].

Третьим крупнейшим летним праздником русского народного календаря являлся Ильин день (20 июля) — по всей вероятности, древний день Перуна (?), бога грозы и молнии. Вплоть до конца XIX в. в русских деревнях на Ильин день производились жертвоприношения быков. День громовика — Ильи праздновался ранее всем населением села и обычно очень торжественно. Это, очевидно, было связано с той огромной опасностью, какую представляли для почти созревшего урожая грозы, ливни и град — все то, что по представлениям славянина находилось в ведении бога-громовика.

Итак, я считаю, что знак молодого деревца — это день Ярилы (может быть, около 4 июня), праздник рождающих сил земли и природы в целом; два креста — день Купалы — 24 июня, праздник солнца и небесной влаги (вызываемой магически посредством земной влаги — кладязей, источников, озер); дню Купалы предшествует целая «русальная неделя» — неделя молений нимфам воды.

---

[8] Любезно сообщено мне А. В. Кирьяновым.

в

Рис. 7. Сосуд IV в. н. э. из села Ромашки на Киевщине (*а*, *б*); разворот рисунков на кувшине из с. Ромашки (*в*)

Знак стрелы следует связать с днем 20 июля, днем бога грозы и молний — «перунов», изображаемых обычно в виде стрел. День Перуна 20 июля был днем охранительных жертв и молений грозному и жестокому божеству, ставшему впоследствии богом войны и оружия.

Кувшин со схематическим изображением священных «рощений» в виде семи деревьев мог служить для ритуальных возлияний в те самые летние праздники, символы которых были нанесены на него в процессе изготовления.

Богатое погребение с таким кувшином, набором разноцветных кубков и большой трехручной чарой могло принадлежать какому-то жрецу — «чародею» из племени Тиверцев.

* *
*

Теперь мы получили уже некоторый запас данных, с которым можно приступить и к расшифровке основного объекта исследования — кувшина из Ромашек, так как на нем, как и на малаештском кувшине, и в той же последовательности, есть изображение деревца, двух крестов и шестиугольного, похожего на колесо «громового знака», соответствующего, очевидно, громовой стреле молдавского кувшина (рис. 7). На киев-

ском кувшине есть несравненно больше интересного и разъясняющего: так, после «громового знака» — 20 июля — изображены два серпа и четыре розетки из колосьев, своим расположением напоминающие форму украинских «коп» или «крестцов» (рис. 7, *б*, рис. 8, 9), в которые укладывают снопы на жнивье. Эти аксессуары жатвы завершают цикл символов летних празднеств, как и должно быть на самом деле, так как жатва начинается после грозовых дней «ильинской недели».

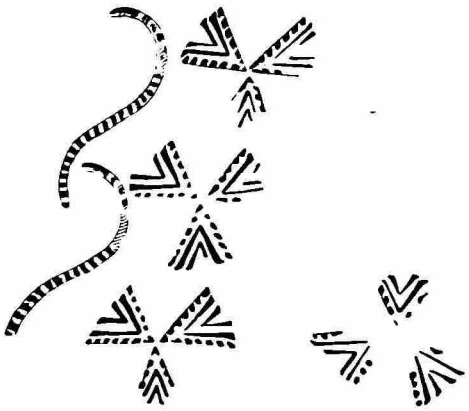


Рис. 8. Схематическое изображение серпов и снопов на кувшине из с. Ромашки

Другими словами, здесь вслед за «зелеными святками» июня-июля обозначено все то, что связано с жатвой (конец июля — начало августа): серпы, колосья и снопы, показан результат аграрного года.

Все сказанное выше требует более подробных доказательств и приведено здесь только лишь для того, чтобы читателю легче было следить за ходом описания и анализа, когда главная мысль уже обозначена.

С этой же целью следует добавить, что рисунки на кувшине расположены двумя горизонтальными поясами, но ритм обоих поясов одинаков — каждому крупному знаку верхнего пояса (многие из них уже названы мною) обязательно соответствует та или иная цезура в орнаменте нижнего пояска. Верх и низ сопряжены воедино, они взаимно дополняют друг друга, повествуя вместе о языческих празднествах лета, завершаемых жатвой (рис. 7, *в*).

Не считая нужным при наличии рисунков давать детальное словесное описание всех элементов ромашковского кувшина в их последователь-

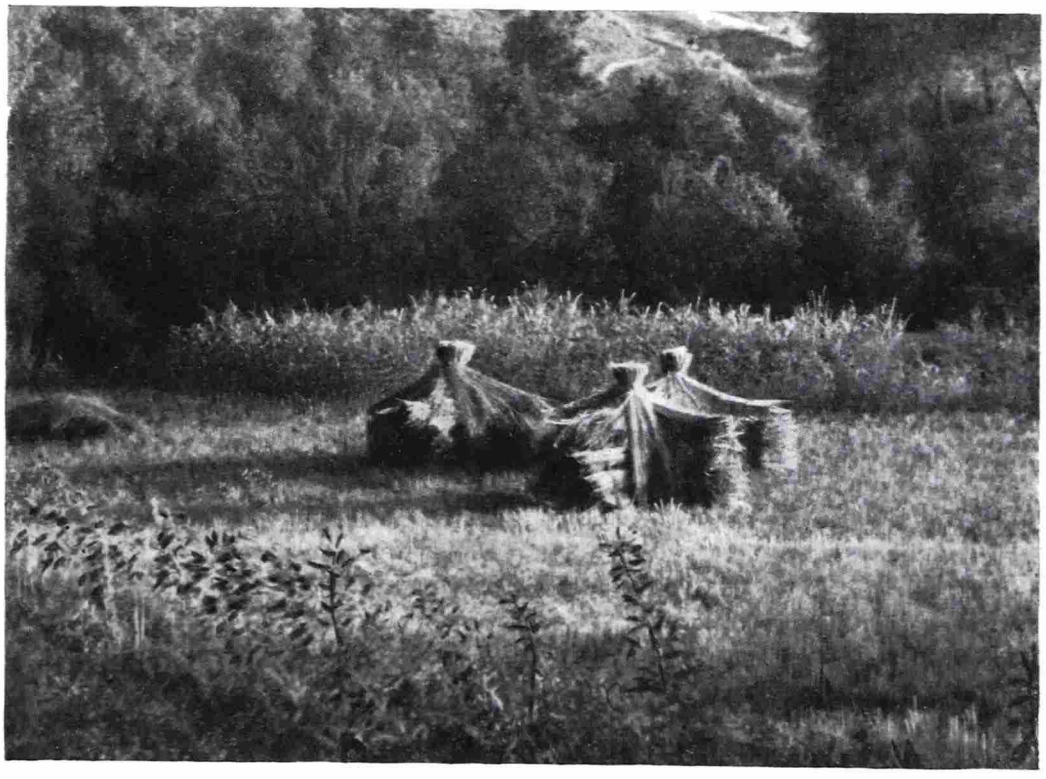


Рис. 9. Снопы в крестцах. Киевщина

Рис. 10. Ромашки. Кувшин-календарь. Деталь

ности, остановлюсь на самой важной части изображений. Такой я считаю нижний пояс, состоящий из двух рядов одинаковых квадратиков, штампованных, как и все другие рисунки, по сырой глине до обжига кувшина.

Всех квадратиков здесь 96. Начиная от ручки кувшина вправо идут в два ряда 32 квадратика (рис. 10). Под знаком дерева верхнего пояса ритм квадратиков прерывается, и один из них поставлен обособленно над чертой. Далее опять идут два ряда (14 штампов), прерываясь под купальским знаком (два креста); здесь квадратики верхнего ряда опускаются вниз, образуя гирлянду из шести штампов (рис. 11). Затем сно-

Рис. 11. Ромашки. Кувшин-календарь. Деталь

ва ряды выравниваются, насчитывая 18 штампов, после чего опять поставлен один обособленный квадратик; его особое деклинационное значение подчеркнуто тем, что он поставлен боком, углом вверх. После этой деклинации восемь квадратиков продолжают два ряда.

Под «громовым знаком» шестигранного колеса ритм резко обрывается. Вместо квадратиков здесь изображены горизонтальные волнистые линии (рис. 7, *в*). Вплоть до этого места волнистые струйчатые линии

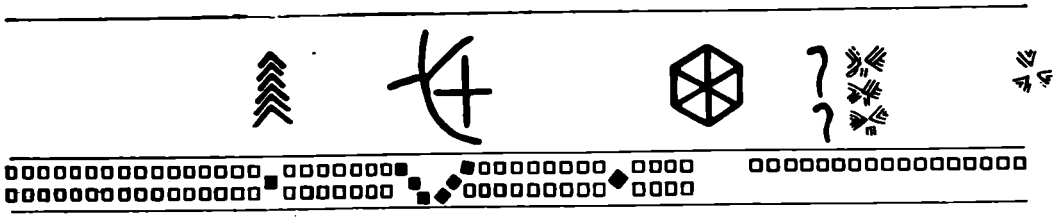


Рис. 12. Основные знаки верхнего пояса и обозначение дней в нижнем поясе ромашковского кувшина

изображались только в верхнем поясе и только вертикально, а здесь они потекли горизонтально только в одном нижнем поясе, исчезнув совсем из верхнего. Под всем грозовым шестигранником нет квадратиков — их место заняли струйчатые линии. Возобновляются квадратики под рисунками серпов и снопов, но здесь они идут только в один ряд, а под ними изображена волнистая линия. Заканчивается этот ряд в 17 штампов под последним изображением снопов уже у ручки кувшина.

Как видим, все изменения ритма нижнего пояса изображений строго следуют важнейшим изображениям верхнего пояса. Думаю, что смысл квадратиков был в том, что они изображали отдельные дни и календарно точно обозначали числа важнейших языческих празднеств в честь Ярилы, Купалы и Перуна (рис. 12).

Поскольку здесь мы уже переходим в область точных цифр, то все предыдущие мои предположения и допущения должны быть и могут быть проверены подсчетами. Чем больше будет совпадений с известными нам календарными датами, тем минимальней будет вероятность ошибки.

Прежде всего нужно выбрать и обосновать исходную точку для отсчетов предполагаемых дней. Ее нам подсказывает сам «календарь», автор которого особо выделил колесовидный шестигранник с шестью радиусами — этот знак крупно нарисован во всю ширину верхнего пояса. Только около этого знака прерывается цепь квадратиков — дней нижнего пояса и происходит резкое изменение направления волнистых линий: до колеса струйчатые линии идут вертикально, как дождь, в четырех местах «календаря», а после «громового знака» они исчезают из верхнего пояса и идут горизонтально в нижнем поясе под изображением жатвенного поля. Семантика колеса с шестью спицами хорошо выясняется при помощи этнографии: на русском Севере такое колесо с обязательными шестью радиусами вырезалось на причелинах изб для того, чтобы уберечь избу «от грома». А. Супинский зафиксировал такой знак в том же оберегающем значении в Белоруссии. Там он прямо назван «громовым знаком»[9] (рис. 13).

На Украине, где отсутствует деревянная резьба, ту же функцию оберега от молнии выполняет старое тележное колесо или обод от него, помещаемые на соломенной кровле хаты и сарая.

---

[9] Материалы и фото из архива А. Супинского любезно сообщены мне Г. Ф. Масловой.

Повсеместное распространение у всех восточных славян одного и того же оберега от грозы — шестигранника или круга, но обязательно с шестью радиусами, заставляет нас выделить эту фигуру из общей массы знаков, условно называемых солярными, и признать такое колесо особым «громовым знаком» [10].

При анализе «календаря» нам удобнее всего взять за исходную точку отсчетов знак в виде колеса, расположенный почти непосредственно перед картиной жатвы и являющийся «громовым знаком», оберегом

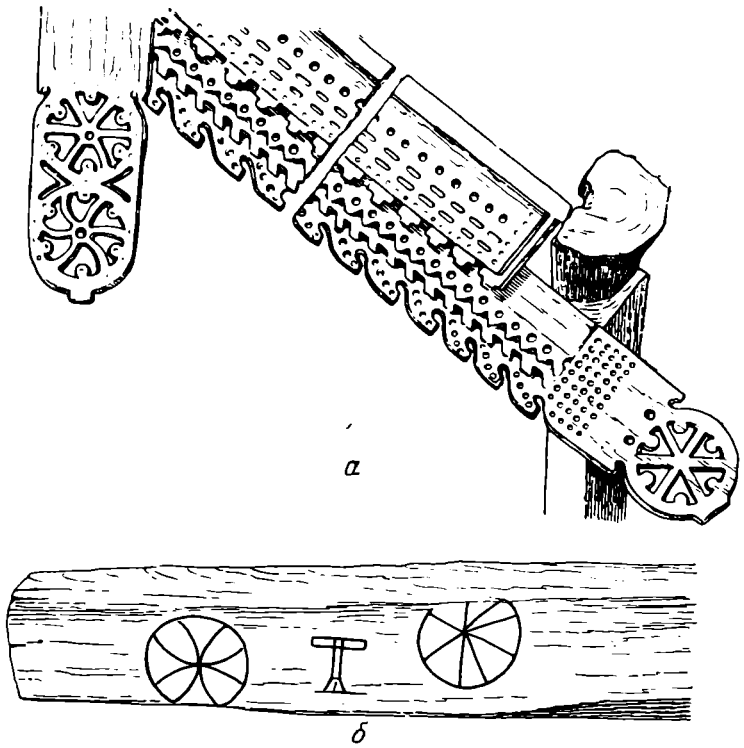


Рис. 13. «Громовые знаки» в русской деревянной резьбе.

а — резная причелина с полотенцем, д. Мяндусельга Медвежегорского района; *б* — причелина из д. Глушковичи Ляльчицкого р-на, Белоруссия

от испепеляющей шаровой молнии. Принимая его за основу, мы, как при доказательстве теоремы, допустим, что громовый знак связан с

[10] Круглая или близкая к ней шестиугольная колесовидная форма «громового знака» необычна для наших современных представлений о молнии, которая рисуется обычно в виде зигзагов или стрел. Однако надо учитывать, что в природе существует два вида молний и что кроме линейной молнии существует еще и шаровая, наиболее опасная для человека. Линейные молнии мы обычно наблюдаем издалека, как часть грозового пейзажа, и ущерб, причиняемый ими, обычно не виден. Шаровая же молния — это медленно плывущий над землей огненный шар, обладающий во много раз большей разрушительной силой. Большой интерес представляет в этом смысле древнерусская лексика, объединяющая понятие молнии и плода граната. Так, в переводе «Иудейской войны» при описании символики жреческих одежд говорится, что колокольчики на ней символизируют гром, «а родиа — млънию». См. Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.— Л., 1958, стр. 372 и 517. М. Р. Фасмер считает слово «родиа» старым заимствованием из греческого от «ῥοδιον» — «с г р а н а т о в о е я б л о к о» (Греко-славянские этюды, стр. 167). Так определить молнию можно только имея в виду молнию шаровую. Родіа, роді — означает и в древнерусском языке «плод граната», «пуническое», «карфагенское яблоко» (И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, III, СПб, 1903, стр. 131; Г. Д ь я ч е н к о. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900, стр. 551). Формой, размером и лиловато-огненным цветом гранат действительно похож на шаровую молнию. А это объясняет и форму «громового знака», воспроизводящего этот опаснейший вид молнии.

В севернорусской деревянной резьбе нередки громовые знаки в форме круга с шестью изогнутыми, пламенеющими язычками, как бы передающими вращение шара. Такие варианты еще более сближают «громовый знак» в виде колеса с «родией» — шаровой молнией и устраняют те недоумения, которые первоначально возникали.

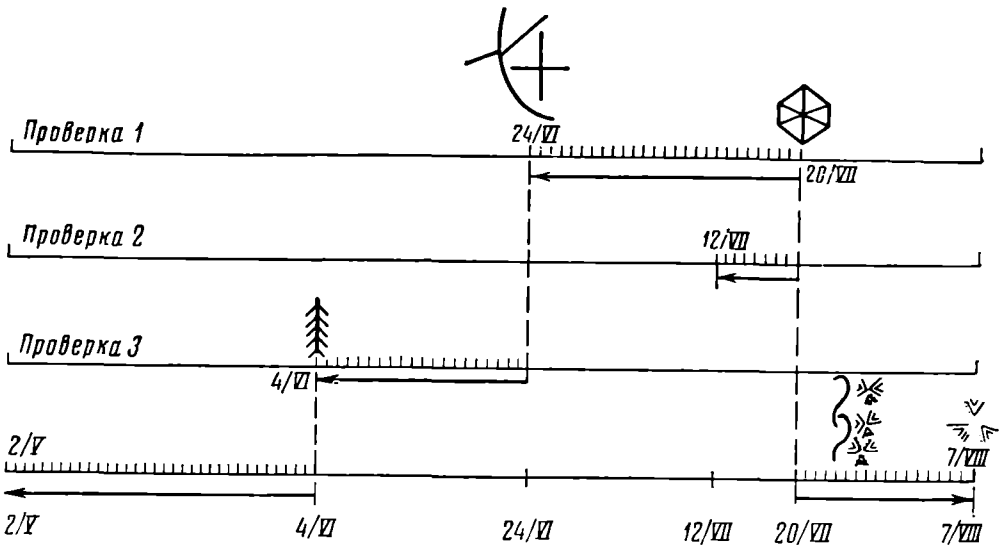


Рис. 14. Проверка календарности знаков

той единственной датой в славянском календаре, когда отмечался кровавыми жертвами день бога грома и грозы — 20 июля, позднейший «Ильин день».

Проверка первая. Проверим правильность допущения, что два креста в середине «календаря» связаны с праздником Купалы («Ивановым днем»).

От Ильина дня (20 июля), принятого нами за исходную точку, до дня Ивана Купалы (24 июня) — 27 дней, считая оба праздника. На ромашковском кувшине от «громового знака» — колеса до двух крестов — 27 квадратных штампов, принятых нами за обозначения дней (рис. 14).

Совпадение налицо.

Проверка вторая. На пространстве этих 27 квадратных штампов, как мы видели выше, один штамп поставлен отдельно и боком, образуя какую-то внутреннюю грань, не связанную с рисунками верхнего пояса, но тем не менее четкую.

По полученной выше шкале 24-VI — 20-VII эта грань приходится на 12 июля. Никакого народного праздника, приходящегося на это число, мы не знаем, известно только, что подготовка к Ильину дню начиналась за неделю до самого праздника, и вся эта неделя носила название Ильинской. Однако 12 июля отстоит от 20 июля не на неделю (у древних славян, очевидно, шестидневную), а на 8 дней. Быть может, число 8 связано с восемью кострами вокруг капища Перуна (Новгород, раскопки В. В. Седова) [11], и срок подготовки определялся в 8 дней. Обратимся к летописи.

Под 983 г. в ней написано: «В лето 6491. Иде Володимер на Ятвягы и победи Ятвягы и взя землю их. И иде Киеву и творяше требу кумиром с людми своими. И реша старци и боляре: «Мечем жребий на отрока и девицю; на него же падеть, того зарежем богом». Бяше варяг един .... у бе у него сын; ...на сего паде жребий по зависти дьяволи» [12].

Летопись не называет, правда, ни точного дня выбора жертв, ни того грозного бога, которому должны были принести в жертву варяга. Но церковь сохранила память об этом событии, канонизовав и молодого Федора и его отца Иоанна. День убиения (не принесения в жертву, а выбора жертв, жеребьевки) — 12 июля, т. е. тот самый день, который

[11] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыне. КСИИМК, L., 1953, стр. 92—103, рис. 44.

[12] Повесть временных лет. М.— Л., 1950, стр. 58—59.

отмечен на ромашковском кувшине-календаре за 8 дней до праздника бога-громовика. Сочетание этих разнородных данных позволяет объяснить смысл разделительного знака на глиняном календаре.

Проверка третья. Известно, что празднику Ивана Купалы (как и празднованию Ильина дня и Нового года) предшествует подготовительная неделя, носившая название «русальной недели».

На нашем глиняном календаре гирлянда квадратиков, нарушающая их ритм, вплотную примыкает к дню Купалы (19—24 июня), предшествуя ему. Эта гирлянда состоит из шести штампов, считая и самый день Купалы, завершавший эту неделю.

То, что неделя здесь ограничена шестью днями, не должно нас смущать, так как именно шестидневную неделю следует считать древней индоевропейской. Следы ее есть и у славян и у германцев; в письменных источниках она зафиксирована для согдийцев. Итак, этнографически хорошо известная «русальная неделя» точно обозначена на нашем календаре — 19—24 июня.

Проверка четвертая. Русальной неделе и Купале предшествует еще одна цезура, связанная со знаком дерева и предположительно сопоставленная мною с семиком («Ярилиным днем»). Определить древнюю календарную дату семика было невозможно, так как этот народный праздник был поставлен церковью в зависимость от пасхи и праздновался то в конце мая, то в середине июня [13]. Единственное свидетельство о точно фиксированном дне — 4 июня — рассматривалось как случайное и необъяснимое.

На ромашковском календаре отдельный квадратик, выдвинутый из рядов (под знаком семицкого деревца), приходится именно на 4 июня. Древность славянского языческого праздника именно 4 июня засвидетельствована автором «Жития святого Оттона» Гербордом, который со слов Сефрида описывает праздник у Поморян, близ г. Пирица 4 июня 1121 г.: «Приблизившись... мы увидели около 4000 человек, собравшихся со всей страны. Был какой-то языческий праздник, и мы испугались, увидев, как безумный народ справлял его играми, сладострастными телодвижениями, песнями и громким криком» [14].

Многолюдный языческий праздник у западных славян 4 июня, Ярилин день (семик) у восточных славян (Нижний Новгород) 4 июня и знак весеннего деревца, приходящийся на календаре IV в. на 4 июня,— все это совпадения, которые трудно счесть случайными.

Итак, в итоге четырех проверок предположение о том, что неравномерно расположенные квадратики нижнего пояса ромашковского кувшина представляют собой дни летних месяцев, подтвердилось, и символы праздников закрепились за определенными числами июня и июля: 4 июня — Ярилин день; 19—24 июня — русальная неделя; 24 июня — Купала; 20 июля — день бога грозы и молний.

Пятой проверкой можно считать то обстоятельство, что через четыре квадратика после «громового знака» на кувшине изображены серпы и снопы. Жатва яровых на Киевщине начинается около 24 июля; т. е. опять наблюдается совпадение со сроками глиняного календаря.

* *
*

Полагаю, что приведенных выше совпадений достаточно для того, чтобы применять к ромашковскому кувшину слово календарь без кавычек. До сих пор я вел рассмотрение его выборочно, но нас должен интересовать весь этот календарь в 96 дней, его начало и конец, смысл выбора именно этого отрезка года и взаимная связь всех изображений верхнего «пояса праздников» и нижнего — «пояса дней».

[13] И. Снегирев. Русские простонародные праздники, вып. III, М., 1838, стр. 99—126.

[14] А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 51, 52 и 231.

При определении всего календаря необходимо обратиться к какой-то древней календарной системе, которая помогла бы нам наиболее достоверно разделить этот отрезок года в 96 дней на месяцы. Наш современный счет с месяцами по 30, 31, 28 и 29 дней, разумеется, непригоден.

Можно думать, что древний славянский год делился на 12 месяцев по 30 дней и заканчивался 25 декабря. Каждый месяц, возможно, имел свои календы, что сохранилось в представлениях о 12 пятницах, распределенных по всем 12 месяцам.

Следы завершения года 25 декабря есть у поляков, где слово «gody» обозначает 25 декабря как срок окончания года, истечения срока долговых платежей.

Оставшиеся 6 дней являлись, очевидно, подготовкой к новогоднему празднику 1 января. Священный новогодний огонь «бадняк» зажигался в ночь на 25 декабря.

Отсчитывая от наших опорных надежных точек — от Купалы и Ильина дня,— мы получим, что счет дней начинался на кувшине-календаре 2 мая и заканчивался 7 августа (по украинской терминологии — от 2 травня до 7 серпня).

Исходя из того, что все отмеченные на нашем календаре памятные дни связаны с аграрной магией и что сам календарь завершается рисунками серпов и колосьев (расположенных как снопы в крестцах), общий смысл всего календаря следует искать также в области аграрных интересов древних полян.

Если мы рассмотрим вегетационные сроки тех важнейших, основных хлебных злаков, которые культивировались на Киевщине с трипольского времени, то увидим, что этот период года почти точно соответствует срокам вызревания яровой пшеницы и ячменя и значительно расходится со сроками позднее появившихся культур — проса, озимой пшеницы и ржи. По современным данным для Киевской и Житомирской областей яровая пшеница дает всходы в среднем 26 апреля — 1 мая (по разным районам), а восковой спелости достигает 13—22 июля. Ячмень всходит 27 апреля — 1 мая и созревает 13—20 июля [15].

На нашем календаре счет идет от 2 мая, т. е. от самых первых, только что появившихся всходов. Начало жатвы на календаре — 24 июля, т. е. вскоре по достижении восковой спелости.

Время от 24 июля по 7 августа — это время жатвы, сушки снопов на поле и увоза их. Конечный срок означает окончательный расчет с полевыми работами и полем. Снопы увезены для обмолота, а на поле осталось лишь несколько последних колосьев, завязанных по древнему поверью «Волосу на бородку». Кстати, в самом конце календарных знаков ромашковского кувшина изображен одинокий знак колосьев-снопов.

Означают ли что-либо в народном календаре начальная и конечная даты этого ярового цикла? Есть ли какие-либо праздники, языческие или закрывшие их христианские, близкие ко 2 мая и к 7 августа?

Начнем с той части календаря, которая обозначена более определенно рисунками серпов и снопов.

6 августа по всей Украине и в России широко праздновался церковный праздник «преображения», называвшийся в народе «второй спас» и представлявший собой праздник урожая. Караваи хлеба из новины, яблоки, пироги и мед выставлялись на столе посреди села или приносились к церкви. На Украине вплоть до XX в. это был один из самых торжественных дней в году, день «плодов земных». Разница в один день между 6 и 7 августа ровно ничего не значит, так как мы знаем, что в результате слияния языческих праздников с христанскими некоторые древние празднества кочевали по пасхальной шкале в пределах 35 дней.

---

[15] Агроклиматический справочник по Киевской, Винницкой и Житомирской областям. Киев, 1959.

Очень вероятно, что «второй спас» прикрыл собой близкий по времени, но совершенно иной по содержанию, древний праздник урожая. Так как последние колосья в поле завязывались узлом «Волосу на бородку» (а в Болгарии плетут из соломы волосову бороду), то можно предположить, что праздник урожая мог быть как-то связан со скотьим богом Волосом, особенно учитывая то, что слово «скот» обозначало и богатство вообще и даже деньги. Именно в черняховское время впервые урожай пшеницы и ячменя стал измеряться римским квадранталом и давал полянским земледельцам какое-то количество римских денариев. Настаивать на этих сопоставлениях нельзя; они требуют дополнительной проверки.

Начало календарного счета на нижнем поясе ромашковского кувшина — 2 мая — точно совпадает с русским церковным праздником Бориса и Глеба («Борис-день»). Обстоятельства установления этого памятного дня и некоторые детали борисоглебской иконографии позволяют думать, что и в данном случае перед нами не простое совпадение чисел, а такая же замена языческого — христианским.

День 2 мая не связан с днем смерти ни одного из братьев; он установлен в столетнюю годовщину их смерти, когда убитые в усобицах князья были уже канонизованы, в их честь была построена вторая церковь в Вышгороде. В 1115 г. Владимир Мономах, стремясь, очевидно, всенародно обличить княжеские усобицы, использовал столетие со времени трагической гибели Бориса и Глеба: «мощи» их были с необычайной торжественностью перенесены в новопостроенный каменный храм; тяжелые саркофаги везли на «возилах» впряженные в них князья и бояре. День перенесения мощей — 2 мая, ставший первым собственно русским церковным праздником, не мог быть случайным, так как вся церемония его установления была обдуманным актом нескольких соперничающих князей (Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи). В дальнейшем с именами Бориса и Глеба соединилось много поговорок, связывающих этот день с разными аграрными приметами.

В украинском фольклоре с Борисом и Глебом нередко связана древняя земледельческая приднепровская легенда о происхождении так называемых «Змиевых валов». Борис и Глеб (а иногда Кузьма и Демьян) рисуются в ней сказочными богатырями, побеждающими дракона. Побежденного Змия Борис и Глеб впрягают в плуг и пропахивают на нем стоверстные борозды — «Змиевы валы» Киевщины и Переяславщины, существующие и поныне.

В том, что праздник 2 мая (близкий к общеевропейскому празднику весны) есть праздник всходов, молодых ростков, убеждает еще одна деталь: на древних изображениях Бориса и Глеба XII—XIII вв. (на золотых колтах, на серебряных монистах) рядом с погрудным рисунком князя обязательно присутствует схематический рисунок «крина», идеограмма молодого ростка.

Думаю, что Владимир Мономах, учреждая наперекор греческой церкви первый русский национальный праздник, сознательно отошел от всех реальных дат и выбрал один из тех дней, на который приходился какой-то древний народный праздник, праздник только что пробившихся на свет ростков яровых посевов.

Теперь наш календарь закреплен на семи точках, что почти полностью исключает элемент случайности.

а) 2 мая — день молодых всходов, закрытый в XII в. праздником Бориса и Глеба;

б) 4 июня — день Ярилы, «семик», впоследствии связанный с переходящим церковным праздником троицына дня;

в) 24 июня — Купала, день солнцеворота;

г) 12 июля — день отбора жертв Перуну;

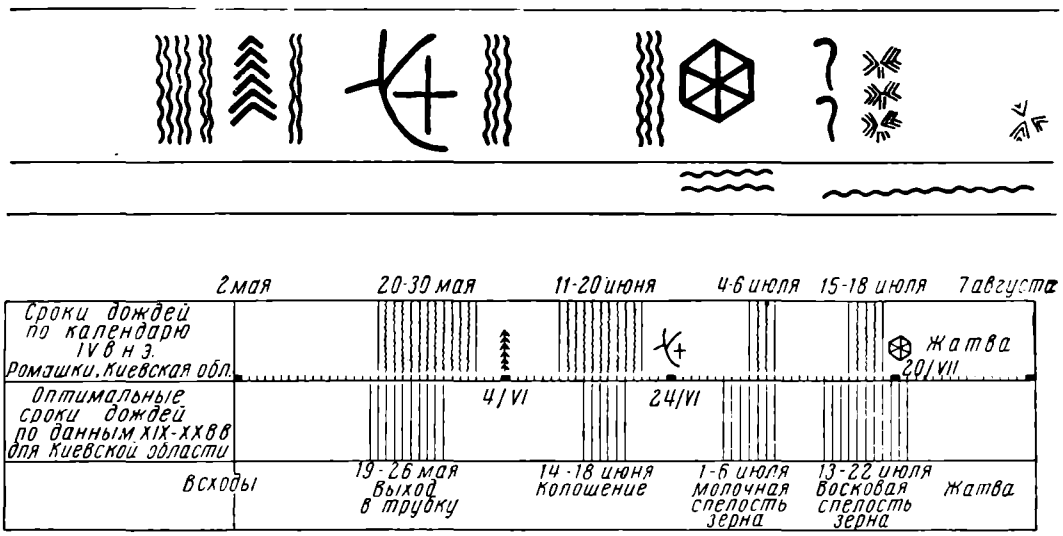


Рис. 15. Сопоставление знаков дождя на кувшине-календаре с оптимальными сроками дождей на Киевщине

д) 20 июля — праздник Перуна;
е) 24 июля — начало жатвы;
ж) 7 августа — праздник урожая, окончания жатвы, закрытый позднее церковным праздником преображения 6 августа.

Аграрный характер отобранного для календарного счета отрезка года не подлежит сомнению.

* *
*

Нами полностью завершен разбор нижнего пояса календаря и рассмотрены важнейшие, определяющие знаки верхнего; однако анализ верхнего пояса знаков далеко не закончен; не рассмотрен еще ряд элементов. Один из них так и остался для меня неясным: это зигзаг в виде латинского Z справа от громового колеса. Возможно, он символизировал обычную линейную молнию?

К более ясным символическим изображениям относятся вертикальные волнистые струйчатые линии, встречающиеся в четырех местах ромашковского календаря, а после Ильина дня, как бы уходящие под землю и струящиеся горизонтально. Если считать, что кувшин-календарь своими квадратиками-днями и изображениями серпов и снопов действительно отражал жизнь нивы, ярово́го пшеничного поля, то истолкование струй, как бы падающих сверху вниз, мы должны начать с наиболее естественного допущения, что здесь изображена вода, дождевые струи — то важнейшее, что необходимо для произрастания хлебов.

К счастью для нас, мы теперь можем с помощью квадратиков-дней нижнего календарного пояса точно определить числа предполагаемых дождливых дней. Это будут дни: с 20 по 30 мая, с 11 по 20 июня, с 4 по 6 июля и с 15 по 18 июля (рис. 15). Дождливые дни указаны на календаре, очевидно, с магической целью: древним жителям Киевщины, видимо, было нужно, чтобы дожди шли в эти четыре периода. Сопоставление дождливых дней ромашковского календаря с оптимальными сельскохозяйственными сроками дождей для Киевщины явилось бы по существу шестой проверкой календарности нашего кувшина и его загадочных знаков.

Оказывается, что все сроки дождевых периодов на нашем глиняном календаре совпадают с четырьмя оптималь-

ными периодами дождей, необходимых яровым посевам:

1) с 20 по 30 мая. Выход хлебов «в трубку» (19—26 мая);
2) с 11 по 20 июня. Колошение (14—18 июня);
3) с 4 по 6 июля. Молочная спелость зерна (1—9 июля);
4) с 15 по 18 июля. Восковая спелость (13—22 июля) (рис. 15).

Второй период дождей (11—20 июня) изображен треугольником, т. е. как бы сходящим на нет (рис. 10); это очень точно выражает агротехнические требования, так как в ближайшие дни начинается цветение яровых (около 24 июня) и дожди вредны для хлебов. В эти дни их нет и на календаре.

Самые большие длительные дожди показаны на нашем календаре в период выхода в трубку и колошения (рис. 15). В работе И. В. Якушкина «Растениеводство» мы читаем: «Общая потребность в воде особенно велика в период между выходом хлебов в трубку и колошением»[16], т. е. периоды дождей выбраны художником кувшина удивительно верно — именно в эти периоды и нужны они для вызревания и налива зерна[17]. Это — идеальная, желаемая картина киевской погоды; то, о чем следовало просить богов. Уход волнистых струй «под землю», под линию дней нижнего пояса тоже является тонким наблюдением древних земледельцев — после 20 июля накануне жатвы и во время ее дожди совершенно не нужны, но земля должна быть влажной. Это еще одно совпадение ромашковского календаря с агротехникой[18].

* *
*

Последним, оставшимся нерассмотренным элементом заполнения верхнего пояса календаря являются многочисленные квадратики, нанесенные штампом в трех местах: в начале календаря — около ручки кувшина, в его середине — правее знака Купалы и в самом конце — между изображениями снопов (рис. 7, *в*). Квадратики сделаны тем же самым штампом (квадрат, разделенный на восемь частей), что и обозначения дней в нижнем поясе, но расположены так, что вести по ним какие-либо подсчеты было бы затруднительно. Если исходить из того, что одинаковые штампы и там и здесь выражают одно и то же понятие дня, то для верхнего пояса можно говорить только о суммах дней, о каких-то обобщенных сроках.

Есть ли в них вообще какой-либо смысл или они просто являются заполнением пространства между изображениями праздников и дождей?

Приступим снова к подсчетам и к сопоставлению с агротехническими сроками. Всего квадратиков в верхнем поясе 127. Это намного превышает точный расчет дней нижнего пояса календаря, где всего 96 дней-квадратиков. В 96 дней полностью укладывается наземная жизнь ярового поля от первых всходов до увоза снопов с поля. Излишек дней в целый месяц следует, очевидно, продлить за счет времени, предшествующего появлению зеленей, так как полевые работы и связанные с ними обряды начинаются действительно за месяц до всходов. Это пахота, сев и боронование.

[16] И. В. Якушкин. Растениеводство. М., 1953, стр. 36.

[17] По всем вопросам агротехники большую помощь мне оказал А. В. Кирьянов, которому приношу свою глубокую благодарность.

[18] Толкование вертикальных струистых линий как дождевых струй, подтвержденное сельскохозяйственной практикой, позволяет нам подойти к истолкованию первой лепесовской чаши, где круг разделен не на 12, а на 9 секций и в некоторых секциях изображены такие же вертикальные струи.

Мне кажется, что обе чаши из алтаря лепесовского святилища предназначались для новогодних гаданий; одна из них охватывала своими 12 изображениями весь год с его солнечными фазами и важнейшими хозяйственными работами. Другая чаша (№ 1) могла применяться для гаданий о погоде — о дожде и вёдре, о внешних условиях хозяйствования.

На Киевщине пахота и сев начинались в конце марта —начале апреля; общее число дней от посева зерен в землю до уборки нового урожая 125—130. Следовательно, общее число квадратиков-дней верхнего пояса — 127 может быть не случайным, а тоже связанным с жизнью яровой пшеницы или, точнее, пшеничных зерен от сева старого зерна до получения нового зерна.

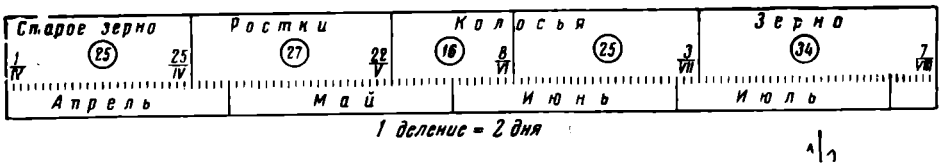


Рис. 16. Значение трех групп квадратиков-дней верхнего пояса кувшина

В расположении 127 квадратиков мы можем установить пять разных групп, различаемых по прямому или угловому положению штампов.

Левое местоположение состоит из двух групп по 25 и 27 штампов; среднее тоже из двух групп по 16 и 25 штампов; правое составляет одну группу в 34 штампа. Для перевода их на точные календарные сроки примем, как наиболее логичное, что конечная дата сроков верхнего и нижнего пояса одинакова — конец всех полевых работ 7 августа. Тогда начало счета дней верхнего пояса определится как 1 апреля.

Общая картина будет такова:

1-я группа 1—25 апреля	На Киевщине около 1 апреля начинается пахота под яровые хлеба.
2-я группа 26 апреля—22 мая	Первые всходы пшеницы и ячменя на Киевщине 26—29 апреля.
3-я группа 23 мая—8 июня	На 19—26 мая приходится важный этап в жизни посевов—«выход в трубку».
4-я группа 9 июня—3 июля	По современным агротехническим данным 14 июня начинается колошение; 24 июня — цветение.
5-я группа 4 июля—7 августа	Зерно достигает молочной спелости к 1—6 июля.

Итак, общее число квадратиков-дней верхнего пояса и членение их на группы находятся в неразрывной связи с жизнью пшеничного зерна:

1-я группа — сев старого зерна; зерно в земле;
2-я группа — всходы;
3-я и 4-я группы — оформление колосьев;
5-я группа — жизнь нового зерна от первого его появления до конца жатвы (рис. 16).

Автор календаря ввел этот расчет жизни зерен в свою строго рассчитанную систему знаков как общий фон, не требовавший детализации по дням. Совместное рассмотрение всех элементов ромашковского календаря позволяет в следующей последовательности изложить их словесно:

Березозол (апрель)

1—25 апреля. Пахота, сев, прорастание зерен в земле.
25 апреля — 1 мая. Появление всходов.

Травень (май)

2 мая. Нивы покрылись зеленями.
Начало точного счета по дням.
23 мая. «Выход хлебов в трубку».
20—30 мая. Нивам нужны дожди в период выхода в трубку.

Кресень, изок (июнь)

4 июня. «Ярилин день», праздник молодого деревца, плодоносящих сил земли. («Семик»).
11—20 июня. Нужны дожди в период колошения, постепенно затихающие к периоду цветения.
19—24 июня. «Русальная неделя» — моления русалкам — «девам жизни».
24 июня. «Купала». Праздник солнца (огня) и воды.

Червень (июль)

3 июля. Молочная спелость зерна.
4—6 июля. Нужны дожди.
12 июля. Подготовка к празднику бога грозы (20 июля).
15—18 июля. Нужны последние дожди в период восковой спелости зерна.
20 июля. Праздник божества неба (Перуна или Рода?). Моление о прекращении дождей, гроз, о низведении небесных вод под землю в связи с созреванием хлебов.
24—25 июля. Начало жатвы серпами.
26—28 июля. Начало связывания снопов в «кресты».

Серпень, зарев (август)

7 августа. Окончание уборки яровых хлебов. Последний сноп («Волосу на бородку»?).
Конец календаря.

Кувшин-календарь, позволяющий рассчитывать все фазы развития, все необходимые для урожая природные явления и отмечающий точные дни языческих праздников, был, по всей вероятности, важной принадлежностью ритуала и отражал состояние агротехнических знаний IV в., достаточно высокого уровня для того времени.

Если лепесовские чары предназначались для новогодних гаданий о судьбах всего нового года, если миски из Черняхова могли служить для обрядов при севе (или при жатве?), то ромашковский кувшин-календарь и кувшин из Малаешты должны были служить для «зеленых святок», для весенне-летних обрядов, проводимых в священных рощах, у родников и источников и на высоких холмах, связанных с богиней-девой, покровительницей плодородия. Такие горы, на которых живописно возжигались купальские костры, известны вокруг Ромашок («Девичь-Гора» в Триполье, «Девичь-Гора» в Сахновке, «Красуха» в Витичеве, Лысая Гора в Киеве, Марьина Гора в Каневе-Родне и др.).

Применение кувшинов в «ведовских» делах отражено в старой украинской записи: в купальскую ночь киевские ведьмы «собирают ведемские травы, снимают с неба звезды и держат их в кувшинах на погребах» [19].

Подлинный календарь эпохи антов вносит много нового в изучение язычества в целом.

Во-первых, нам были неизвестны некоторые сроки языческих праздников, так как христианство, приспособившись к ним, приурочило их к пасхе, а тем самым заставило перемещаться в пределах 35 дней. Пасхалия была одним из средств приобретения авторитета духовенством — ведь никто не мог определить без сложных математических расчетов точные дни важных праздников. В частности, таким «блуждающим» праздником был «семик» (т. е. седьмой четверг по пасхе) или Ярилин день. Разрозненные сведения, сохранившиеся у балтийских славян и в

[19] И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. I. М., 1837, стр. 175.

Нижнем Новгороде о празднике 4 июня, трудно было даже связывать с семиком. Ромашковский календарь выделяет день 4 июня отдельным знаком над общей строкой рядом с изображением дерева. Срок Ярилина дня, праздника молодой березки, можно считать теперь установленным.

Во-вторых, календарь приводит все древние праздники в прямую связь с фазами развития хлебов, солнцем и периодами дождей, необходимых для полей.

Моления колодцам, источникам и рекам, моления русалкам — «девам жизни», нимфам воды происходило в определенные календарные сроки; иначе не было надобности в точной фиксации дождевых периодов на кувшине-календаре.

В фольклористической литературе много говорится о «вере» в русалок, о «почитании» источников вообще. Древние черняховцы смотрели на это более целенаправленно — водным источникам и русалкам — духам воды и полей молились в определенные сроки с определенной магической целью — вызвать в нужное время небесную воду, дождь, потребный посевам. «Ов требу створи на студеньци, дъжда искы от него...»[20]. («Некоторые язычники приносят жертвы родникам, надеясь, что они, источники водные, смогут обеспечить ему дождь».— *Б. Р.*). Ромашковский календарь является не просто счетом весенних и летних дней, это — точное расписание того, когда киевские пахари должны были обращаться к богам, это — литургия языческих праздников, больших и малых.

К малым памятным дням следует отнести дни начала и конца счета — 2 мая и 7 августа — даты, определяющие диапазон точного счета по дням, но над ними нет никаких особых знаков, обозначающих праздник. Это и понятно, так как явления, связанные с этими днями, не требовали заклинательных действий: 2 мая всходы пшеницы и ячменя уже появились, молиться о дожде еще рано, а 7 августа все «обилие» было уже собрано.

К важным памятным дням нужно отнести Ярилин день 4 июня и Купалу 24 июня, с предшествующей ему русальной неделей. Оба дня — заклинательные праздники с молениями воде и солнцу. На календаре они расположены посреди дождевых периодов. Славянский фольклор сохранил множество поэтических образов, связанных с этими двумя важными летними праздниками.

Важнейшим праздником весенне-летнего цикла составитель календаря несомненно считал день 20 июля, обозначенный «громовым знаком» колеса; его связь с позднейшим Ильиным днем, одним из самых торжественных праздников в году, не подлежит сомнению — оба они праздновались 20 июля и оба связаны с грозами, особенно частыми именно в это время года.

Вторая половина июля в земледельческом цикле древних киевлян была самым напряженным временем, когда весь урожай, уже созревший, выстраданный человеческим трудом, вымоленный у навий (предков) и богов (Ярилы, Купалы), урожай, уже готовый к жатве, которая должна начаться 24 июля,— весь мог погибнуть от грозовой тучи, от града, от сильного ливня, выбивающего зерна из спелого колоса. Драматизм положения усиливался тем, что к этому времени последние хозяйственные запасы были съедены, а новое «обилье», готовое, почти поступившее в распоряжение земледельца, могло погибнуть в один час. Бессилие человека перед силами природы в этот кульминационный момент выражалось в усилении религиозно-заклинательных действий, принимавших особый, выделяющийся из общего ряда характер. Недаром жертвоприношения быков (выкормленных всей деревней) продержались у русских крестьян вплоть до конца XIX в.; празднование Ильина

[20] Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 151.

дня не сопровождалось ни веселыми играми, ни хороводами — оно сохранило суровую сущность архаического язычества.

Какому же божеству молились древние поляне в опасные для урожая грозовые дни июля? Ответ кажется очень простым — Перуну, богу грома и молний. Выше при разборе календаря я так условно, для простоты, и называл этого бога. Однако рассмотрение этого вопроса на общем фоне всех древнерусских свидетельств о язычестве заставляет нас осторожнее отнестись к такому слишком упрощенному прямолинейному выводу.

Во-первых, культ Перуна в X в. был новым, его только еще вводили при князе Владимире. Русские источники XI—XII вв. еще хорошо помнили предшественников дружинного феодального культа Перуна — Рода и рожаниц, а ромашковский календарь относится ко времени на шесть веков более раннему, чем эпоха Владимира.

Во-вторых, у нас нет ни одного намека на то, чтобы Перун связывался в представлении древних славян с верховным божеством неба и вселенной; даже в известном пантеоне Владимира кроме Перуна был бог солнца Хорс, бог неба Сварог и, как полагают некоторые исследователи, бог-отец Стрибог.

Направленные против язычества христианские поучения XI—XII вв. порицают своих современников за все те магические действия, календарные сроки которых указаны на ромашковском календаре, и в качестве антитезы языческим верованиям церковники описывают могущество своего верховного грозного и жестокого бога: «Говорит господь... не найдут меня те, кто не захотел идти моим путем, кто уклонился в след бесам... Поэтому для них (для язычников, молящихся родникам ради дождя) небо будет или совсем закрыто или откроется не к добру — вместо дождя будет град или же зной иссушит плоды земли, томя землю засухой» («Слово о ведре и казнях божиих») [21]. Здесь речь идет о том самом кульминационном периоде созревания урожая, который отмечен на нашем календаре «громовым знаком» шестиугольника.

Христианскому богу Саваофу противопоставлялся не Перун, а его стадиальный предшественник, древний земледельческий бог Род, всеобъемлющее божество неба, молний, дождя, всей природы, рода человеческого и даже подземного мира.

Бог Род выступает в русских церковных источниках XI—XII вв. как широко известное в древнем мире божество, сопоставляемое с египетским Озирисом. Он находится на небе, ведает дождями; он вдувает жизнь в людей. Христианские проповедники старались убедить своих читателей и слушателей в том, что мир и жизнь в нем сотворены не Родом, а Саваофом, богом-творцом.

Мы не знаем ни одного сочинения, посвященного Перуну; свержение кумиров Перуна в 988 г. было, очевидно, вполне достаточной мерой для того, чтобы приостановить культ его. Главные поклонники Перуна — князь и его боярство, избрали себе нового бога, бога христиан, а в народе Перун был, вероятно, не особенно чтим, хотя в XII в. ему кое-где «по украинам» продолжали еще молиться.

Главным, так сказать, богословским соперником христианского богатворца был не Перун, а Род, бог-творец древних земледельцев. С его именем связаны три страстных богословских трактата, написанных южнорусскими книжниками в XI—XII вв. и совершенно не оцененных по достоинству нашей научной литературой [22]. С именем Рода связаны

[21] Е. В. Аничков. Ук. соч., стр. 120.

[22] «Слово о том, ... како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали». Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Зап. МАИ, 18, М., 1913, стр. 22—25; «О вдуновении духа в человека». Там же, стр. 27—28; «Слово Исайи пророка ... о поставляющих вторую трапезу Роду и рожаницам». Там же, стр. 86—89.

такие слова, как «род» (народ), «род» (рождаемость, плодоносящая сила), «природа», «родия» — молния, «родник» — водный источник, «родство огненное» — подземный адский огонь и др.

Знак колеса на ромашковском календаре, отмечающий день бога-громовика 20 июля, может помочь нам в трудном выборе между Перуном и Родом. Этот «громовый знак» не похож ни на один из тех символов, которые связываются с Перуном,— стрела, топор, палица. Он, как уже говорилось, ведет нас к шаровой молнии («подобной гранату») — «родии».

Ромашковский глиняный календарь дает нам ряд ценнейших сведений о трудах и верованиях древних полян. Он приводит в стройную систему многие разрозненные представления о язычестве, славянской демонологии и теологии. Ромашковский календарь построен в расчете на те яровые хлеба, которые возделывались на киевских полях с эпохи триполья, т. е. не менее чем за 3500 лет до черняховской культуры. Быть может, этот календарь отразил и архаичный культ Рода, предшественника Перуна и Ильи. Исключительно важны для нас и верные агротехнические наблюдения автора календаря, позволяющие нам присоединиться к летописцу, считавшему полян языческой поры «мужами мудрыми и смысленными». В киевском глиняном календаре отразился тысячелетний опыт приднепровских земледельцев.

В. П. ДАРКЕВИЧ

ПОДВИГИ ГЕРАКЛА В ДЕКОРАЦИИ ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ [1]

Предания о богах и героях далекой античности продолжали жить в средневековой Европе, однако образы их в феодальную эпоху видоизменялись до неузнаваемости. Церковные писатели, которым окружающий мир представлялся ареной ожесточенной борьбы светлых и адских сил, видели в языческих богах то демонов и чертей, то святых. Античные сюжеты объяснялись ими с позиций христианского символизма. В эпоху крестовых походов светские люди искали свой идеал «скорее среди героев древних сказаний, чем среди легендарных святых» [2]. Возрождалась светская эпическая поэзия с ее культом силы, отваги и вассальной верности. Средневековые романисты этого времени наделяли Гектора и Энея, Юлия Цезаря и Александра Македонского чертами идеальных феодальных сеньоров и рыцарей [3].

Особенной популярностью пользовался в средневековье миф о Геракле (Геркулесе) с его 12 подвигами. Этому немало содействовала близость многих сюжетов его истории к символам христианства [4]. Победы Геракла над чудовищами интерпретировались как торжество Христа над силами князя тьмы. Изображение его подвигов можно встретить и на капители в сумрачном интерьере романской церкви, и на богато орнаментированной резной шкатулке. Образ победителя чудовищ отвечал суровому духу романской пластики, где в напряженных ритмах причудливо переплетаются человеческие и звериные формы.

В древней Руси миф о Геракле был известен уже с конца XI в. [5]. Сильно христианизированный рассказ о нем содержался в византийской исторической хронике Иоанна Малалы. У дочери микенского царя Алкмены родился от Зевса сын, названный Ираклом. Этот «звероподный» Иракл выжил в львиной яме (вариант Елл. Лет. ходил в львиной шку-

---

[1] Доклад, прочитанный на заседании Сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 23 февраля 1961 г.

[2] Г. Эйкен. История и система средневекового миросозерцания. СПб., 1907, стр. 622.

[3] Ф. де Ла-Барт. Беседы по истории всеобщей литературы, ч. I, Средние века и Возрождение. М., 1914, стр. 109—110.

[4] Z. Kępiński. Symbolika Drzwi Gnieźnieńskich. В кн. Drzwi Gnieźnieńskie, II, Wroclaw, 1959, стр. 247.

[5] В степях Восточной Европы о Геракле знали уже в скифское время. По мнению Б. Н. Гракова, в степной Скифии почитали местного Геракла под именем Таргитая. В царских курганах скифов найдены золотые бляшки со сценой борьбы Геракла с немейским львом (Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 7—18, рис. 1). Этот мотив сохранялся на юге и в эпоху великого переселения народов. В могильнике около Панагюрища (Болгария) II—III вв. найдена серебряная пластинка с изображением Геркулеса с палицей в руках, держащего за гриву льва (Н. П. Кондаков. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929, стр. 82—85).

ре). Палицей он убил змея. Съеденные им три яблока означают три добродетели. «Ума мудростью», как палицей, он одолел «злые похоти». Именем обожествленного Иракла было названо созвездие [6].

Геракл упоминается и в хронике Георгия Амартола в связи с обличением хронистом древнегреческой языческой религии. По словам Амартола, эллины обожествляли не только стихии, но и людей, совершавших подвиги («в бранех храбровавъшемъ»), как, например, храбрый Иракл [7].

Эти искаженные христианскими толкователями сведения о Геракле не повлияли на иконографию эпизодов его истории в древнерусском искусстве. В отличие от литературных источников, светское здесь явно преобладает над церковным.

Геракл в борьбе с немейским львом известен по изображению на шиферной плите из Киева конца XI — начала XII в. [8] Победа над этим чудовищем, порождением Тифона и Ехидны, была первым подвигом Геракла. Громовым ударом палицы он оглушил льва и затем, обхватив своими могучими руками, задушил его [9]. Этот эпизод и передает киевский рельеф. Фигуры на киевской плите грубоватые, с искаженными пропорциями (например, трактовка льва). Вместе с тем, русский резчик сумел выразить в монументальной форме острый драматизм и динамику напряженной борьбы.

Возможно, что образцом для этого произведения послужило изображение на одной из византийских шкатулок X—XII вв., отделанных пластинками резной кости. В декоре этих шкатулок как выбор сюжетов, так и их передача обнаруживают традиции античного искусства. Среди многочисленных мифологических персонажей здесь фигурирует и Геракл, душащий льва.

На шкатулке XI—XII в. из Национального музея Флоренции [10] трактовка этой сцены близка киевскому рельефу. В обоих случаях герой, уверенно шагнув навстречу вздыбленному хищнику, обеими руками раздирает ему пасть. За его спиной развевается плащ. Иногда (как на шкатулках из Музея в Ареццо [11] и из Пти Пале в Париже [12], а также на гребне византийской работы из Белой Вежи [13]) здесь же изображается и дерево.

---

[6] В. М. Истрин. Первая книга хроники Иоанна Малалы. СПб., 1897, стр. 17—18, прим. на стр. 28.

[7] В. М. Истрин. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, I, Птрг., 1920, стр. 71.

[8] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, рис. 28; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: «История культуры Древней Руси», II, М.— Л., 1951, стр. 440—441 и рис. 220, *1*.

[9] Н. А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954, стр. 137—138.

[10] A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jahrhunderts. I, Berlin, 1930, табл. XX, *33*.

[11] K. Weitzmann. Greek mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951, табл. XLVII, *177*.

[12] Там же, табл. XLVII, *174*, *175*.

[13] А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, рис. 2 и 13. Композиция на второй плите, парной плите с Гераклом (А. И. Некрасов. Ук. соч., рис. 29; Б. А. Рыбаков. Ук. соч., рис. 220, *2*), также, по-видимому, произошла от изображений на шкатулках. В оригинале это юный Дионис в повозке, которую везут две пантеры, как на шкатулке конца X — начала XI в. из Музея Виктории и Альберта в Лондоне (A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Ук. соч., табл. X, *21e*) и на костяной пластинке того же времени из Музея Чивико е Коррер в Венеции (там же, табл. X, *22*). В отличие от этих изображений, на киевской плите персонаж полулежит в повозке, в которую впряжены лев и львица. А. И. Некрасов объяснял этот сюжет как изображение «восточного принца» (А. И. Некрасов. Ук. соч., стр. 68). Б. А. Рыбаков видит в нем мать богов — фригийскую Кибелу (Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 441). Может быть, сцены на обоих рельефах представляют собой связный рассказ о подвиге легендарного героя. В жестокой схватке он укрощает льва, а затем триумфально движется в колеснице, в которую впряжены усмиренные звери.

Перенесение изображений с византийских шкатулок в архитектурную резьбу известно в тех странах, куда эти шкатулки экспортировались. К сценам на шкатулках восходят панели из собора Св. Петра в Ватикане и плиты из собора св. Марка в Венеции с изображением подвигов Геракла, некоторые скульптуры из Малой Азии и Греции [14]. Эти барельефы из камня и мрамора, украшающие сейчас фасады церквей, могли происходить из дворцов или частных домов [15].

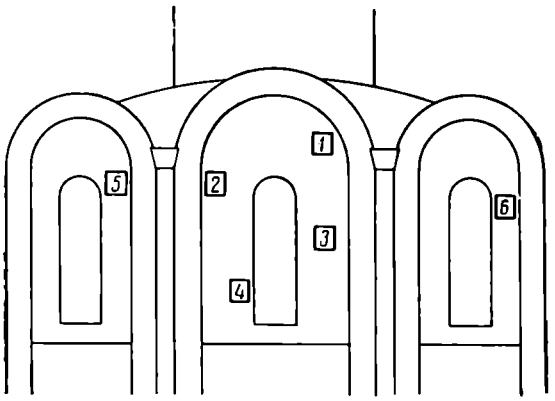


Рис. 1. Схема размещения рельефов на западной стене Дмитриевского собора:

1 — Самсон, разрывающий льва; *2* — Геракл в битве с немейским львом; *3* — Геракл в битве со стимфалийскими птицами; *4* — Геракл в битве с лернейской гидрой; *5* — кентавр с зайцем; *6* — кентавр с мечом

По мнению исследователей древнерусского искусства, оба киевских рельефа также украшали какое-то светское здание, возможно княжеский дворец в Берестове [16]. Они могли находиться по сторонам входа во дворец, содействуя прославлению силы и могущества киевского князя.

Спустя столетие высеченный в камне рассказ о подвигах Геракла вновь появляется среди рельефов Дмитриевского собора во Владимире на Клязьме (1194—1197). Иное, чем в Киеве конца XI в., направление культурных связей привело к появлению здесь новых эпизодов истории Геракла и к новой трактовке их.

В среднем прясле западной стены собора, справа от Давида изображен простоволосый человек в кафтане с оплечьем, сидящий верхом на льве (рис. 1 и 2, *1*). Повернув к себе голову зверя, он обеими руками разрывает ему пасть.

Это библейский Самсон, который в средневековье ассоциировался с Геркулесом. Согласно христианской символике, Самсон являлся одним из прообразов Иисуса Христа. Челюсти льва, которые он разрывает, сравниваются в Ветхом Завете с пастью ада [17]. Самсон, раздирающий льва, символизировал победу Христа и христианства над сатаной. Особенно распространен этот образ в искусстве XII в. В большинстве случаев Самсон изображался сидящим верхом на льве. Согласно библейскому преданию, его непременным атрибутом являются длинные рассыпанные по плечам волосы.

В романских церквях эта композиция часто помещалась над входом или сбоку от входа. Чаще всего она связана с центральным порталом на западной стороне церкви. Здесь, в преддверии жилища Христа, Самсон как бы охранял вход и сообщал мужество входящим.

Иногда эта композиция расположена возле окон церкви. Так, в церкви в Шенграбене (Австрия) начала XIII в. она помещена в среднем участке апсиды, наверху справа от окна [18]. В церкви аббатства Сэн-Жуэн в Пуату (построена в 1130 г.) Самсон со львом находится в верхней части западного фасада, справа от центрального окна [19], т. е. почти так же, как на Дмитриевском соборе.

Некоторые особенности нашей композиции позволяют связать ее с определенным видом изделий западного прикладного искусства. Во-пер-

[14] O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, стр. 217, 222.
[15] L. Bréhier. L'art byzantin. Paris, 1924, стр. 49.
[16] А. И. Некрасов. Ук. соч., стр. 68; Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 439.
[17] L. Réau. Iconographie de l'art chrétien. II, Paris, 1956, стр. 240.
[18] F. Novotny. Romanische Bauplastik in Österreich. Wien, 1930, рис. 1, 5.
[19] Альбом Poitou roman. Paris, 1957, табл. 4 и 11.

Рис. 2. Изображения Самсона, раздирающего пасть льву:

1 — на Дмитриевском соборе; *2* — на шашке из Брауншвейга (вторая половина XII в.); *3* — на шашке из музея в Ганновере (вторая половина XII в.); *4* — на фризе ларца работы Николая Верденского (конец XII или начало XIII в.); *5* — на шкатулке из коллекции Каррана (Флоренция) начала XIII в.; *6* — на чешском денарии Владислава II (1140—1172)

вых, она хорошо вписывается в круг. Во-вторых, движение поднятой кверху передней лапы льва характерно только для круглого обрамления (рис. 2, *1*).

Изображения Самсона со львом, помещенные в круг, известны на шашках из слоновой кости второй половины XII в.[20] (рис. 2, *2, 3*). Эти шашки производились в монастырских мастерских Кельна и Турнэ и отсюда расходились по всей Европе. На ларцах этот сюжет также помещался в круглые медальоны. Таковы изображения на тисненом из золота фризе ларца работы Николая Верденского (конец XII в., Кельн и Зигбург)[21] (рис. 2, *4*) и на деревянной шкатулке конца XII или начала XIII в., происходящей из Северной Франции или с Рейна (коллекция Каррана, Флоренция)[22] (рис. 2, *5*). Самсон со львом изображался на чешских денариях Владислава II (1140—1172)[23] (рис. 2, *6*).

Однако сцены, тождественной Дмитриевскому рельефу, в романском искусстве нет. Трактовка льва характерна для владимиро-суздальской

[20] Таковы шашки из Брауншвейга (коллекция Р. Больмана). A. Goldschmidt. Die Elfenbeinsculpturen aus der Romanischen Zeit XI—XIII Jahrhundert. III, Berlin, 1923, табл. LV, *217*; шашка, найденная в Вердере (музей Брауншвейга). Там же, табл. LV, *218*; шашка из Кестнерского музея в Ганновере, где по кругу идет латинская надпись: «Сильный Самсон победил сильного льва». Там же, табл. LVI, *233*, стр. 48.

[21] O. Falke, E. Meyer. Romanische Leuchter und Gefässe. Berlin, 1935, стр. 28, табл. 164 *b, c*.

[22] Minnekästchen im Mittelalter von Heinrich Kohlhaussen. Berlin, 1928, стр. 66, табл. 5 (каталог 4 в).

[23] Lan Květ, á Václav Mencl. Praha romántska. Praha, 1948, рис. 124. На бордюрах бронзовых дверей соборов в Трани и Монреале (южная Италия) Самсон со львом также помещен в круглые клейма — A. Boeckler. Die Bronzetüren des Bonanus von Pisa und des Barisanus von Trani. Berlin, 1953, № 143, стр. 152.

пластики. В отличие от западного искусства, у Самсона отсутствуют длинные развевающиеся волосы. Это скорее юный витязь, чем длинноволосый библейский герой.

Этот отход от иконографического канона, вероятно, связан со светским осмыслением библейского персонажа. В кругах феодальной знати образ Самсона служил для возвеличения сверхчеловеческой силы и великих подвигов. Из церковно-библейских книг он проникает в светскую литературу. Даниил Заточник молит бога дать его князю «Самсонову силу» для защиты Руси от врагов [24]. В Житии Александра Невского говорится, что сила этого князя была частью силы Самсона [25]. Апокрифические сказания о Самсоне, в том числе эпизод битвы со львом, содержались в Палее исторической («Книга бытия небеси и земли») [26]. Из библейско-апокрифической легенды Самсон проникает в русский былинный эпос. Здесь он вступает в содружество могучих богатырей, стоящих на заставе богатырской [27], или является эпическим двойником Святогора [28].

Имя Самсона встречается и в западноевропейском эпосе, где он превращается в героя-рыцаря [29]. Это в какой-то степени нашло отражение и в искусстве, где Самсону со львом иногда сопутствуют сцены из рыцарской тематики [30].

Подвиги Самсона входят в число традиционных тем в системе убранства дворцов крупных феодалов Византии и Западной Европы. Для этого убранства характерен синтез церковных и античных языческих сюжетов. Выбор как тех, так и других определялся степенью занимательности, остроты и необычности фабулы. В целом они прославляли силу, военную доблесть и легендарные подвиги.

В византийской эпической поэме X в. о Дигенисе Акрите подробно описывается убранство приемных залов дворца этого феодального героя. Здесь Акрит мозаикой искусно изобразил «подвиги старинные прославленных героев». Это Самсон, который с дивной силой разорвал руками льва на части; Давид, поражающий Голиафа; герои гомеровского эпоса (битвы Ахилла, приключения Одиссея); Беллерофонт, убивающий Химеру; Александр Македонский (победа над Дарием и похождения в Индии) [31].

В убранстве дворца Карла Великого в Ингельгейме сцены из Ветхого Завета чередовались с эпизодами из светской истории. Император Генрих VI украсил свой дворец не только картинами из библейского цикла, но и изображением крестового похода. Жена короля Генриха III Английского в середине XIII в. украсила комнату своего дворца изображениями подвигов Александра Великого [32].

---

[24] Памятники древнерусской литературы, вып. 3. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 73.

[25] И. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881, стр. 167.

[26] Там же, стр. 122; А. Попов. Книга бытия небеси и земли. М., 1881, стр. 128.

[27] И. Жданов. Ук. соч., стр. 164.

[28] Там же, стр. 118.

[29] Во французском эпосе Самсон является одним из пэров Карла Великого. Рассказ о рыцаре Самсоне содержится в одной из скандинавских саг (там же, стр. 167—168).

[30] На рельефе в музее Клюни (начало XII в.) Самсон со львом помещен рядом с двумя сражающимися конными рыцарями (A. Gardner. Medieval Sculpture in France. Cambridge, 1931, рис. 109). Те же сюжеты украшают деревянное кресло норвежского короля Сверрира Сигурдсона (1182—1202); J. H. Hefner-Alteneck. Trachten, Kunstwerke und Geräthschaften vom frühen Mittelalter, I, Frankfurt am Main. 1879, стр. 16 и табл. 103 *B*, 104 *A*. На капители нефа церкви Сен-Пьер в Кайене (вторая половина XIV в.) рядом с христианскими сюжетами (в том числе Самсон со львом) изображены приключения рыцарей короля Артура (R. S. Loomis. Arthurian Legends in Medieval Art. London, 1938, стр. 71 сл.).

[31] Дигенис Акрит. Византийская эпическая поэма. М., 1960, стр. 110—111.

[32] Г. Эйкен. Ук. соч., стр. 653—654.

В одном из сатирических рассказов о попе Амисе немецкого поэта Штрикера (XIII в.) находчивый поп красочно описывает французскому королю несуществующую роспись зала его дворца:

Король спросил: «Скажите мне,
Мой славный мастер,— на стене
Изображен какой сюжет?»
«То царь Давид,— гласил ответ,—
И Соломон, Давидов сын...
Окиньте эти стены взглядом
Здесь Александр Великий рядом:
Как Дария он победил,
Как Пора в Индии разбил,
И все, что он свершил, тут есть...
Здесь, чтоб исполнить уговор,
Я вас нарисовал и двор» [33].

(Перевод М. Замаховской)

Эти описания убранства покоев феодальной знати близко напоминают резной убор Дмитриевского собора. Здесь и Давид на престоле (в центральных закомарах трех стен), и возносящийся на грифонах Александр, и Самсон в битве со львом, и, наконец, сам строитель храма — князь Всеволод III с сыновьями. А вокруг них мерно шествуют звери и поднимаются стилизованные побеги растений [34].

Добродетели каждого из изображенных героев в сумме составляют положительный идеал феодального владыки, что иллюстрируют слова Даниила Заточника: «Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра..., искусность Давида» [35]. Светское мировоззрение феодала-аристократа с его героическими идеалами определяло основные сюжеты изображений, литературные источники которых существовали как на Западе, так и на Востоке Европы. Так же как и в светской литературе XII в. («Слово о полку Игореве»), в убранстве Дмитриевского собора господствуют не отвлеченные богословские концепции, а идеи прославления чувственного мира и подвигов «прославленных героев»; безразлично языческих или христианских.

К этой плеяде легендарных богатырей древности нужно присоединить еще одного знаменитого героя. Несколько ниже Самсона, по другую сторону окна на уровне его завершения находится рельеф, известный в литературе как «охотник на льва» (рис. 1). Мужчина с непокрытыми волосами, в кафтане с оплечьем нападает на льва. Левой рукой он повернул голову зверя, а правой заносит булаву (рис. 3, *1*).

Уже сама трактовка эпизода, где герой вооружен булавой, заставляет вспомнить Геркулеса, сражающегося с немейским львом. Композиционная связь этого рельефа с Самсоном на льве подтверждает такую интерпретацию.

Христианские богословы полагали, что язычники создали Геракла из Самсона [36]. В Хронике Георгия Амартола в рассказе о Самсоне, который «рукама раздеръ уста львова», говорится, что эллины знали его под именем Ираклa [37]. Геркулес, как и Самсон, являлся символом Христа. Это — Deus virtutis, согласно Рабану Мавру [38].

Борьба Самсона со львом до такой степени напоминала аналогичный подвиг Геркулеса, что обе истории иногда изображались рядом. Во

[33] Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. Сост. Б. И. Пуришев и Р. О. Шор. М., 1953, стр. 429—430.

[34] Как в росписи потолка Палатинской капеллы в Палермо (XII в.), где среди фантастических животных, сцен охоты и пиров изображен Самсон на льве и эпизоды восточных сказаний, напоминающие полет Александра (А. А. Павловский. Живопись Палатинской капеллы в Палермо. СПб., 1890, стр. 218—219 и рис. 93, 95, 100).

[35] Сб. «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков». М., 1957, стр. 234.

[36] И. Жданов. Ук. соч., стр. 166.

[37] В. М. Истрин. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха..., стр. 116—117.

[38] Z. Kępinski. Ук. соч., стр. 289—290.

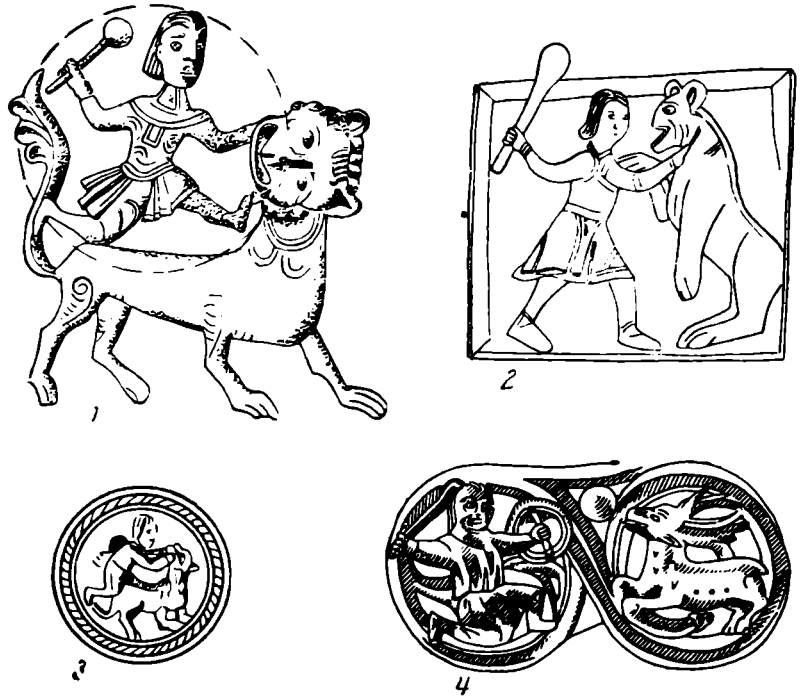


Рис. 3. Изображения Геракла в битве с немейским львом и аналогии к ним:

1 — на Дмитриевском соборе; *2* — на кафедре церкви Санта Мария в Аквила дельи Абруцция (около 1150 г.); *3* — шашка из музея в Брауншвейге (XII в.) с изображением Самсона со львом; *4* — изображение битвы Геракла с киренейской ланью на льежском подсвечнике (конец XII в.)

Франции на капители в Муассаке рядом с Самсоном, сражающим льва, помещен персонаж, одетый в тунику и плащ, который потрясает своей дубиной. На капители в церкви в Лангре одетый Самсон с топором и обнаженный Геркулесс с дубиной схватились за гриву огромной головы льва, которая их разделяет[39]. В Италии Геркулес со львом помещен на боковом портале собора Борго Сан Доннино (начало XIII в.), где, подобно Самсону, играет роль охранителя входа[40].

Ближе к владимирскому рельефу — сцена на кафедре (сооружена около 1150 г.) в церкви Санта Мария (Аквила дельи Абруцция). Здесь герой левой рукой схватил льва за горло, а правой замахивается булавой[41] (рис. 3, *2*).

По сравнению с предыдущей наша композиция обладает рядом специфических черт. Тогда как лев неторопливо идет, человек изображен как бы в быстром беге. Он помещен не рядом со львом, а над ним в пространстве между головой и поднятым хвостом зверя.

Вероятно, такое размещение фигур вызвано тем, что на образце, которым руководствовался резчик, оба компонента сцены были разобщены. Это подтверждается тем, что фигура человека с булавой (без льва) хорошо вписывается в круг. Тогда становится понятной несогласованность в движениях человека и зверя. Очевидно в оригинале персонаж, заключенный в круглое обрамление, был изображен опустившимся на одно колено. Лишенный рамки, он выглядит «бегущим». Образцы по-

[39] Jean Adhémar. Influences antiques dans l'art du moyen âge français. Studies of the Warburg Institute, VII, London, 1939, стр. 222, рис. 72.

[40] R. Will. Recherches iconographiques sur la sculpture romane en Alsace. Les Cahiers techniques de l'Art. Strasbourg, 1947, стр. 51.

[41] H. Decker. Romanesque Art in Italy. Thames and Hudson, 1958, табл. 208, стр. 72.

добного рода известны в романском прикладном искусстве. Например, подножие бронзового подсвечника конца XII в. работы льежских мастеров (Брюссель, Королевский музей искусства и истории) оформлено в виде двух скульптурных групп. На одной стороне подсвечника Геракл сражается с Герионом, на другой — с киренейской ланью [42] (рис. 3, *4*). Персонажи включены в округлые завитки, образующие S-видные фигуры. Оба раза Геркулес стоит на одном колене. В правой руке он поднимает палицу, в левой держит щит. С владимирским Гераклом его сближает и трактовка тела (несколько развернуто при профильной постановке ног). Уместно предположить, что на предмете, послужившем образцом, Гераклу предстоял лев. Чтобы эта группа поместилась на одной каменной плите, нужно было достигнуть ее большей компактности. Русский резчик искусственно соединил оба элемента, создав своеобразную композицию. При этом лев приобрел специфически владимиро-суздальский облик, а фигура человека была скопирована довольно точно.

Сражение Геракла со львом напоминает подвиги эпических героев, которые уничтожали львов «во множестве несметном». Начиная с древневосточного Гильгамеша, победы над львами служат как бы мерилом мощи и доблести героев и царей («тот истинный муж, кто повергнет и льва») [43]. Тигры лижут прах у ног героев Фирдоуси — этих «сокрушителей львов». Витязи поэмы Руставели избивают львов, как птичек. В армянском эпосе «Львораздиратель Мгер» разрывает льва пополам. Дигенис Акрит — герой византийский поэмы, известной в XII—XIII вв. и на Руси («Девгениево деяние»), еще ребенком одним ударом меча убивает льва. В число его юношеских испытаний входило единоборство со львами при помощи палицы. В каролингском эпосе Пипин сражает льва. В «Песне о Роланде» Карл Великий видит сон, что он ведет бой со свирепым львом. Немецкий Зигфрид на охоте в лесах Бургундии убивает льва. Испанский Сид берет склонившегося перед ним хищника за гриву и сажает его в клетку. Рыцари короля Артура сражаются с тиграми, львами, леопардами, которыми средневековые поэты населяли леса Европы.

«Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится» [44],— говорит Даниил Заточник. На стене княжеского храма подобное сопоставление выражено в форме единоборства Геракла со львом, в котором побеждает герой.

Третий — разбираемый нами рельеф находится справа от окна, примерно на половине его высоты (рис. 1). Мужчина в легкой узорчатой рубахе стреляет из лука в большую птицу. Длинный клюв, тонкая, вытянутая, слегка изогнутая шея, длинные и тонкие ноги напоминают журавля. Между птицей и стрелком помещено дерево (рис. 4, *1*). В литературе эта композиция трактуется как жанровая сцена «охоты на птицу».

Между тем фигура журавля позволяет истолковать ее как изображение битвы Геракла со стимфалийскими птицами (пятый подвиг). По античному мифу, эти грозные птицы были вооружены медными когтями и клювами, а также бронзовыми перьями, которые они метали как стрелы. Они гнездились в приозерных болотах возле аркадского города Стимфала и убивали людей и скот. Геракл победил птиц, разя их из лука своими смертоносными стрелами [45].

Пластическое изображение этого эпизода средневековье унаследовало от античности. Там эти изображения были двоякого рода: 1) стрель-

---

[42] Z. Kępiński. Ук. соч., рис. 25, 30, 35, 41.

[43] Фирдоуси. Шах-Наме, т. I, М., 1957, стр. 321.

[44] Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Слово Даниила Заточника.., стр. 66.

[45] Н. А. Кун. Легенды и мифы..., стр. 139—140.

Рис. 4. Изображения битвы Геракла со стимфалийскими птицами:

1 — на Дмитриевском соборе; *2* — на шашке из Эрмитажа (Ленинград) второй половины XII в.; *3* — на шкатулке из коллекции Каррана; *4* — на капители собора в Перреси-ле-Форж в Бургундии (около 1120 г.); *5* — на бордюре дверей из Гнезно (XII в.); *6* — изображение лучника в декорации портала собора св. Марка в Венеции (XIII в.)

ба в летящих птиц из лука и 2) битва с ними на земле при помощи палицы [46]. Обе версии темы известны в средневековье. Первая представлена, например, на шашке из слоновой кости второй половины XII в., изготовленной в монастырской мастерской в Турнэ (Эрмитаж, Ленинград,

[46] Z. Kępiński. Ук. соч., стр. 249. К античным прототипам восходит изображение этого эпизода на византийской шкатулке. K. Weitzmann. Ук. соч., стр. 161—162 и табл. XLIX, рис. 190—191, 193.

рис. 4, *2*). Здесь Геркулес стреляет из лука в отдаляющуюся птицу; рядом изображены поимка им киренейской лани и эриманфского вепря [47]. Тот же мотив представлен на капители из собора Сан Сальваторе в Брешии (середина XII в.). За спиной Геркулеса, целящегося из лука в птицу, изображен немейский лев (?) [48]. Во второй редакции темы крылатые людоеды выступают в виде журавлей, что вероятно, связано с их местонахождением в приозерных болотах [49].

На шкатулке из коллекции Карранга (см. выше) изображен вооруженный мечом и щитом рыцарь, ведущий бой с журавлем (рис. 4, *3*). У журавля длинный клюв и мощные когти. К крылу прикреплен круглый щит [50]. На той же шкатулке кроме других изображений представлены Самсон со львом и кентавр, стреляющий из лука [51]. Другим примером является капитель (около 1120 г.) в нартексе собора в Перреси-ле-Форж в Бургундии, где богатырь, прикрывающийся щитом, наступает на группу журавлей [52] (рис. 4, *4*). Подобная же сцена изображена на бордюре гнезненских дверей XII в., где воин со щитом и мечом выступает против двух журавлей [53] (рис. 4, *5*). Как доказал З. Кепинский, во всех этих случаях представлен Геркулес, сражающийся со стимфалийскими птицами.

В композиции Дмитриевского собора осуществлен как бы пластический синтез двух версий этого сюжета: лучник из-за дерева стреляет в журавля. В основе этой сцены лежит изображение на каком-то предмете романского искусства. Как на рельефе с Гераклом и львом, движения фигур явно несогласованы. Тогда как журавль стоит совершенно неподвижно, стрелок изображен бегущим к нему, что несколько нарушает равновесие этой симметричной композиции.

Здесь можно повторить предыдущее рассуждение. В оригинале лучник, помещенный в круглое обрамление, был представлен опустившимся на правое колено. В левой руке он держал лук, а правой натягивал тетиву. Вырванный из рамки стрелок превратился в «бегущего». Такая поза лучника, заключенного в медальон или округлый растительный завиток, типична для искусства XII—XIII вв. [54]. Журавль также имеет параллели в романском искусстве [55].

Между тем рассматриваемая композиция подчинена общему стилю рельефов Дмитриевского собора. Оперение журавля такое же, как у других птиц. Трактовка дерева также характерна для этого памятника.

---

[47] Z. Kępiński. Ук. соч., стр. 249 и рис. 138.

[48] Там же, стр. 249—250 и рис. 139.

[49] Там же, стр. 250. Такая трактовка темы известна уже в античном искусстве, например на чернофигурном алабастре. Там же, стр. 250, рис. 142.

[50] Там же, стр. 250, рис. 143.

[51] Minnerkästchen im Mittelalter von Heinrich Kohlhausen..., табл. 5 (каталог 4*a* и 4*b*), табл. 6 (каталог 4*d*).

[52] A. Gardner. Medieval Sculpture in France, рис. 89; Z. Kępiński. Ук. соч., рис. 144.

[53] Z. Kępiński. Ук. соч., стр. 244, рис. 141, 145. Здесь этот сюжет символизирует моральную победу, одержанную св. Войцехом над прусскими язычниками. Там же, стр. 289.

[54] Например, на византийской шкатулке XII в. (Metropolitan Museum, Нью-Йорк) — A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Ук. соч., табл. XXXI, *49e*; на капители музея Августинцев в Тулузе (см. R. Colas. Le style roman en France dans l'architecture et la décoration des monuments. Paris, 1927, табл. I, *1*); в декорации портала собора св. Марка в Венеции (XIII в.) рис. 4, *6*; R. Julliаn. Les sculpteurs romans de l'Italie septentrionale. Paris, 1952, табл. CXXIII, *2*; на мозаике Палаццо Реале (середина XII в.) в Палермо (H. Glück. Die Christliche Kunst des Ostens. Berlin, 1923, табл. 97 и т. д.

[55] Журавль на рисунке одной из льежских рукописей XII в. (Брюссель, Королевская Библиотека, см. Z. Kępiński. Ук. соч., рис. 131); на витраже большой розетки собора в Лозанне начала XIII в., где пигмей сражается с журавлем (см. L. Kalinowski. Treści ideowe i estetyczne. В кн. Drzwi Gnieźnieńskie, II, рис. 142).

Рис. 5. Изображения битвы Геракла с лернейской гидрой:

1 — на Дмитриевском соборе; *2* — на шашке из Туриэ (вторая половина XII в.); *3* — на капители собора в Сен-Эньян; *4* — на бордюре дверей из Гнезно; *5* — изображение гидры-дракона на фризе ларца работы Николая Верденского; *6—7* — изображение гидры-дракона на бронзовой крышечке и круглой бляшке, найденным в среднем Приднепровье

Четвертый рельеф находится возле окна, слева от него, под всадниками (рис. 1). Так как в древности окно было шире, чем теперь, первоначальное место этого рельефа неизвестно. Вероятно, он находился в композиционной связи с предыдущими сюжетами, может быть, был симметричен рельефу с лучником.

Богатырь в рубахе, вышитой на груди, сражается с огромной птицей. Левой рукой он схватил птицу за крыло, а правой замахивается була-

вой[56] (рис. 5, *1*). Некоторые детали трактовки птицы (массивное туловище, выходящие из-за спины крылья, уши на голове) наводят на мысль, что резчик по-своему видоизменил оригинал, на котором была изображена не птица, а фантастическое существо типа крылатого дракона[57]. Среди изображений подвигов Геракла в романском искусстве фигурирует и его сражение с лернейской гидрой, которая в средневековье изображалась в виде дракона[58]. У нее крылатое туловище, звериная голова, ноги хищной птицы и змеиный хвост. Геркулес в единоборстве с таким чудовищем известен на костяных шашках второй половины XII в.[59] (рис. 5, *2*); на капители собора в Сен-Эньян (Луара и Шер)[60], где голова гидры напоминает птичью (рис. 5, *3*), на бордюре гнезнинских (рис. 5, *4*) дверей[61]. Подобный монстр помещен в нескольких медальонах фриза ларца работы Николая Верденского (см. выше)[62]. В Приднепровье найдены круглая бронзовая крышечка (рис. 5, *6*) и круглая бронзовая бляшка (рис. 5, *7*)[63] с изображением аналогичных существ. Русский резчик превратил гидру-дракона в птицу. Лишь некоторые рудименты указывают на ее первоначальный облик. Сражение с чудовищной птицей, как и единоборство со львом,— распространенный мотив средневековой эпической поэзии. Так, иранский богатырь Исфендиар побеждает чудовищную птицу Симурга. В осетинском эпосе нарты убивают чудовищную хищную птицу Пакондзи[64]. В русском былинном эпосе достаточно четко проступает птичий облик Соловья-разбойника[65], которого подшибает стрелой Илья Муромец. Превращение дракона в птицу на рельефе связано, может быть, именно с таким близким духу народной поэзии переосмыслением сюжета.

Еще два рельефа западной стены тематически и композиционно связаны с подвигами Геракла. Это два кентавра. Один из них представлен в виде охотника с убитым зайцем в руке. Он находится на левом прясле справа от окна. Только пилястра отделяет его от Геракла со львом.

Второй кентавр помещен на правом прясле, справа от окна, рельефом ниже уровня первого (рис. 1). Кентавр обернулся назад. В правой руке у него меч, левой он держит свой хвост. Оба кентавра хорошо вписываются в круг. Очевидно, в оригинале эти фигуры были заключены в круглые медальоны.

По античному мифу, кентавры враждебны Гераклу. Многих из них он перебил своими ядовитыми стрелами[66]. Смертельно раненный им кентавр Несс стал причиной гибели героя[67]. Средневековые теологи рассматривали эту тему как борьбу Христа (Геракла) с демоническими силами и низменными инстинктами человеческой природы, которые олицетворял кентавр[68]. Эта идейная антитеза нашла отражение в искусст-

[56] Ср. позу Геркулеса на костяных шашках кёльнской работы, где он сражается с амазонкой и с Какусом (Z. Kępiński. Ук. соч., рис. 71—72).

[57] На западе известны изображения, где человек сражается с птицей, имеющей некоторые драконьи признаки (уши, змеиный закрученный хвост), например на барельефе из Ангулема и из Санта Мария Аквиларде — Кампо (музей Мадрида) (см. J. Baltrusaitis. La stilistique ornamentale dans la sculpture romane. Paris, 1931, рис. 222—223).

[58] Z. Kępiński. Ук. соч., стр. 287.

[59] Например, на шашках из мастерской при монастыре св. Мартина в Турнэ. Там же, рис. 64—66.

[60] Там же, рис. 67.

[61] Там же, рис. 59, 81.

[62] O. Falke, E. Meyer. Ук. соч.

[63] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, V, табл. XIV, *250*, XVIII, *224*.

[64] Вс. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 89—90.

[65] Там же, стр. 88—89.

[66] Н. А. Кун. Ук. соч., стр. 142.

[67] Там же, стр. 166—167.

[68] J. Bayet. Le symbolisme du cerf et du centaure à la Porte Rouge de Notre-Dame de Paris. RA, серия 6, XLIV, Paris, 1954. Битва Геркулеса с кентаврами изобра-

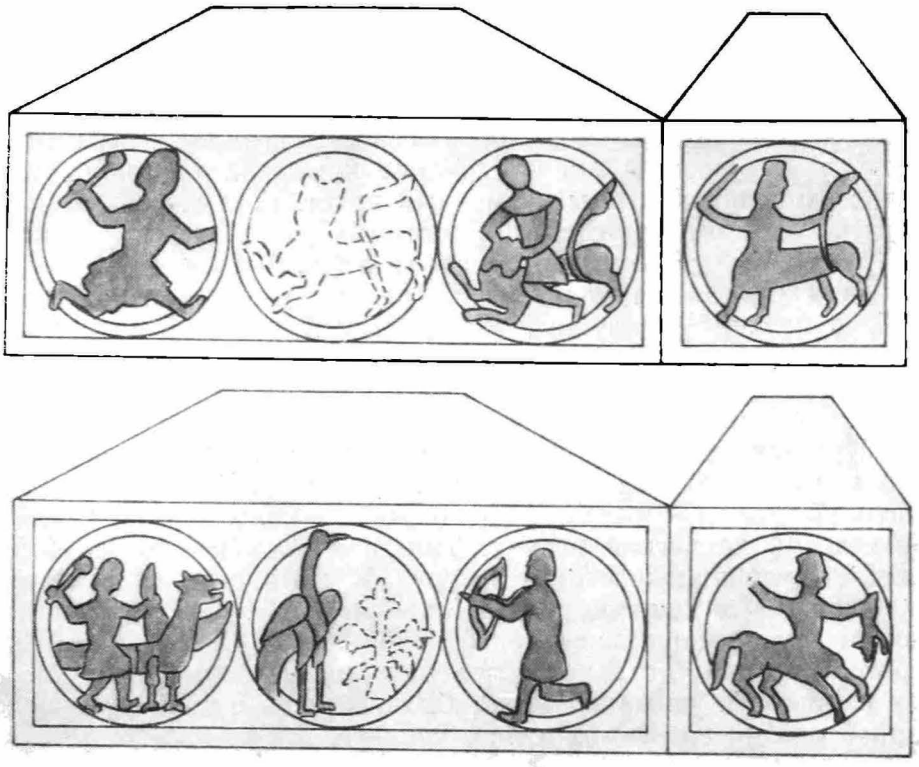


Рис. 6. Предположительный вид романской шкатулки, которая могла служить образцом для владимирского резчика

ве, где Геракл и кентавр иногда композиционно противопоставлялись. Например, на бордюре гнезнинских дверей кентавр и Геркулес в битве со стимфалийскими птицами помещены по сторонам сцены положения в соборе мощей св. Войцеха [69]. На портале собора св. Гертруды в Нивеле кентавр предстоит Самсону со львом [70].

Среди изображений Дмитриевского собора кентавров только два. Оба находятся в боковых членениях стены, в центральной части которой помещены Самсон со львом и подвиги Геракла. В отличие от общей композиционной закономерности в расположении рельефов собора кентавр с зайцем движется не к окну, а к центральной оси здания, т. е. в сторону Геракла со львом. Таким образом, отчетливо ощущается противопоставление Геракла и Самсона, с одной стороны, и кентавров с другой.

Подведем некоторые итоги.

1. На западной стене Дмитриевского собора во Владимире некоторые сюжеты, которые в литературе рассматривались как «охотничьи», изображают подвиги легендарного Геракла. Герой изображен трижды: в битве с немейским львом, со стимфалийскими птицами и с лернейской гидрой, которую здесь заменила большая птица. На боковых пряслах стены Геркулесу противостоят два враждебных ему кентавра. Все рельефы с Гераклом находятся в центральном прясле западного фасада. Этот рассказ о последовательных похождениях одного героя развертывается на фоне резного ковра собора, в котором звери, птицы и растения образуют сплошной каменный узор. Эпизоды подвигов Гер-

жена на купели из Хорнборга (Готланд) (см. Z. Kępiński. Ук. соч., рис. 76), а также на костяных шашках из кёльнских мастерских. Вторая половина XII в. Там же, рис. 77—79.

[69] Кентавр здесь символизирует прусских язычников, побежденных героическими добродетелями святого (см. Z. Kępiński. Ук. соч., стр. 289—290).

[70] Там же, стр. 241.

Рис. 7. Деревянная шкатулка (конец XII — начало XIII в.), изготовленная на Рейне или в Северной Франции (коллекция Каррана. Флоренция)

кулеса сливаются с этим экзотическим миром, составляя с ним одно целое.

2. Формальный анализ рельефов позволил установить, что образцом для них явился предмет или группа предметов (например шашки из слоновой кости) западного прикладного искусства. Как свидетельствует большинство аналогий, этот предмет происходил из Рейнской области или близлежащих областей Франции, Германии, Нидерландов. В пределах Владимиро-Суздальской Руси неоднократно находили вещи,

происходящие из этих земель. Это мог быть и предмет типа шкатулки, где персонажи заключены в круглые медальоны или завитки. Как мог выглядеть такой ларец, показано на рис. 6. Эталоном здесь служит шкатулка из коллекции Каррана (рис. 7). Здесь предлагается не реконструкция вещи, которую дать невозможно, а чисто предположительная, условная схема. Ее цель — проиллюстрировать процесс работы русского резчика, имеющего в руках иноземную модель. На одной из лицевых сторон этой воображаемой шкатулки мы поместили Самсона, раздирающего льва, и Геракла со львом (они изображались вместе). На другой стороне — битва со стимфалийскими птицами и с гидрой-драконом. Персонажи на обеих сторонах обращены лицами к центральному медальону, что уравновешивает общую композицию. Пунктиром показаны фигуры, вероятно, видоизмененные резчиком. На боковых стенках шкатулки мы поместили по кентавру, как бы противостоящих Геркулесу. Подобного облика шкатулка, изготовленная на Рейне, проделав длинный путь, могла попасть на берега Клязьмы.

3. Этой вещью, которая, вероятно, принадлежала князю, и воспользовался владимирский резчик при работе над рельефами. Однако работа по образцу в средневековье никогда не была голым копированием оригинала. Напрасно искать в западном искусстве сцены, тождественные владимирской резьбе. Прежде всего мастер перерабатывает их в соответствии со стилистическими нормами владимирской пластики (трактовка львов, журавля, дерева). Он создает оригинальные композиции, остроумно комбинируя Геракла и льва. Под его резцом драконовидный монстр превращается в птицу. Он привносит также ряд бытовых, специфически русских деталей в одежду персонажей, например рубаха с вышитой вставкой или головные уборы кентавров, напоминающие кики[71].

4. Как свидетельствуют литературные памятники, поединки со львами и чудовищными птицами соответствовали героическим идеалам феодала-воина. Неслучайно изображение подвигов Геракла украшает главную стену придворного храма Всеволода III — сильнейшего князя тогдашней Руси. По словам Даниила Заточника, как лев является царем над зверями, а орел — над птицами, так и князь над своими подданными[72]. Победа над этими властелинами животного царства как бы утверждает сверхчеловеческую силу и военную доблесть феодального владыки, которому покоряются земля и небо.

5. Эти символы земного могущества не умерли в послемонгольское время. Удельные княжества, возникшие в результате распада Владимиро-Суздальской Руси, усваивают эти сюжеты, которые превращаются в устойчивые эмблемы на монетах. Они вновь появляются именно там, где начинает крепнуть абсолютизм удельных князей. На монетах тверских князей Бориса Александровича (1425—1461) и Михаила Борисовича (1461—1486) изображался Самсон (Геракл), раздирающий льва, и человек, стреляющий из лука в сидящую на дереве птицу[73]. Те же сцены помещались на монетах Великого княжества Московского при Василии Темном (1425—1462), на монетах конца XIV — первой половины XV в. Галицкого, Серпуховского, Можайского и Дмитровского княжеств. В дворянских гербах Самсон со львом дожил до XIX в.[74].

---

[71] Э. А. Рикман. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 35, 39.

[72] Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Слово Даниила Заточника..., стр. 66. Показательно, что одним из стилистических источников характеристики князя Романа в Галицко-Волынской летописи явилась характеристика Геракла, заимствованная из хроники Малалы. См. Историю русской литературы. II. М.—Л., 1945, стр. 26.

[73] А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года. М., 1896, табл. II, *48—53*; II, *114—118*, *128*.

[74] ЗАО, VII, отд. II, СПб., 1854, табл. XXII, *15*.

А. ШОШ ЧЕМИЦКИ

О ВЕНГЕРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Археологические исследования славянских древностей на территории Венгрии охватывают VI—XII вв. Археологические и исторические проблемы этого семисотлетнего этапа группируются вокруг двух вопросов [1]. Одним из них является вопрос о тех славянах, которые жили на территории современной Венгрии до ее занятия венграми, а другим — вопрос о том, как протекала жизнь славян после прихода венгров. Особенно важным является период, непосредственно предшествовавший завоеванию венграми своей будущей родины.

Славяне впервые становятся известны на территории Венгрии в аварское время, т. е. в эпоху VI—VIII вв., когда авары выступают в качестве значительного политического фактора в районе Карпат. Кочевая держава авар была разноэтнична. Известно, что власть авар распространялась одно время и на некоторую часть славян. Вопрос о том, какое влияние оказала эта власть на славянское общество, экономические, политические и культурные взаимоотношения между аварами и славянами, в венгерской специальной литературе разработан недостаточно вследствие незначительности археологических исследований [2]. Чтобы воспользоваться археологическими данными для решения этого вопроса, необходимо в комплексах аварского времени выделить славянские памятники.

Несмотря на трудность подобной задачи, автору настоящей статьи удалось в раскопанных ею в Задунавье могильниках Оросланьском [3] (Комитат Комаром) и Покасепеткском определить славянские погребения конца VI—VII и VIII вв. Особенно большой материал дали раскопки могильника Покасепетк, где обнаружены славянские трупосожжения в урнах, аналогичных найденным на территории Словакии (Девинска Нова Весь) [4]. Материалы Покасепеткского могильника доказывают, что в VIII в. славянское поселение в Задунавье, несмотря на аварское господство, сохраняло свой традиционный обряд погребения, что, вероятно, можно связать с сохранением им национальной и культурной самобытности.

В настоящее время славянские памятники аварского времени на территории Венгрии исследованы только в Задунавье. К сожалению, такое же положение сохраняется и для памятников IX в.

---

[1] G. Fehér. Die Landnehmenden Ungarn und ihr Verhältnis zu den Slawen des mittleren Donaubeckens. Studia Slavia, III, Budapest, 1957; его же. Beiträge zum Problem des ungarisch-slawischen Zusammenlebens. AA, Budapest, 1958.

[2] A. Alföldi. Zur historischen Bestimmung der Awarenfunde. FSA, IX, Helsinki. 1934; F. Fügedi. Avarak és Morva-szlávok. AE, серия III, VII—IX, 1946—1948; G. Fehér. Beitrage zum Problem des ungarisch-slawischen Zusammenlebens.

[3] A. G. Sós. Das frühawarenzeitliche Gräberfeld von Oroszlány. TA, X, 1958.

[4] J. Eisner. Deinska Nova Ves. Bratislava, 1952; J. Poulik. Jizni Morava Zemé dávných Slovenů. Brno, 1948—1950.

После разгрома аварской державы Карлом Великим районы современной Венгрии к востоку от Дуная, заселенные аварами и славянами, занял болгарский князь Крум, а Задунавье с его славянским населением было захвачено франками. В IX в. укрепившееся Моравское княжество успешно противодействовало политическим и церковным притязаниям восточнофранкских князей. Из пограничной области Нитры (между Дунаем и р. Грон) был изгнан сторонник франков, славянский князь Прибина. Он принял христианство и в 847 г. получил от Людовика Немецкого в ленное владение часть Задунавья (Нижней Паннонии) у р. Салы (Залы), впадающей в оз. Балатон (так называемое Блатенское княжество). Прибина основал здесь замок Мозабург (современное с. Залавар), строил костелы и поддерживал Людовика Немецкого в его борьбе против Моравии. Прибина был верным сыном франкской церкви, и, с точки зрения церковной организации, его владения являлись миссионерской территорией Зальцбургского епископства, как об этом рассказывает сочинение, написанное в Зальцбурге в 871 г., известное под названием «Conversio Bagvariorum et Carantanorum»[5].

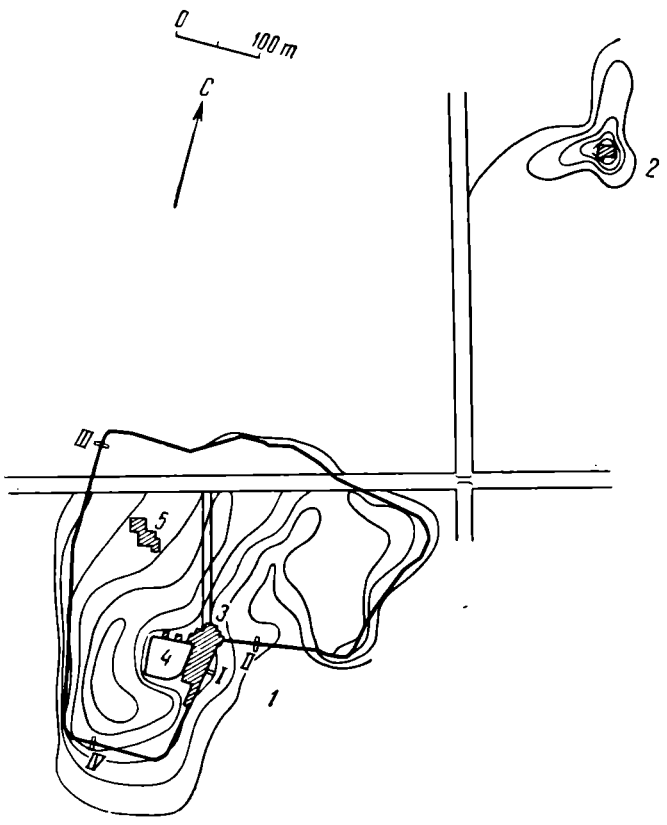


Рис. 1. Залавар. Место раскопок в окрестностях с. Залавар:

1 — «остров» Варсигете (остров-замок); *2* — «остров» Рецешкут (развалины базилики IX в.); *3* — территория раскопок 1951 — 1954 гг.; *4* — песчаный карьер; *5* — капелла и кладбище XI в.; *I* — *IV* — шурфы по линии крепостной стены

В 861 г. Прибина был убит моравами. Его сын Коцел (861—874) был враждебно настроен против франков и в 867 г. принимал в Залаваре первых деятелей только что организованной моравской церкви — Константина и Мефодия.

В начале X в. бывшие владения Прибины были захвачены венграми.

На территории владения Прибины (южное и юго-западное побережье оз. Балатон) были произведены археологические исследования. Раскопки, начатые в 1951 г., продолжались четыре года[6]. Смерть руководителя раскопок проф. Г. Фехера в 1955 г. помешала подробной публикации материала. Мне, как постоянной сотруднице экспедиции, пришлось восполнить этот пробел[7].

Замок Прибины — Мозабург располагался на холмах, в настоящее время возвышающихся над болотистой поймой р. Салы, у с. Залавар, а в древности, вероятно, представлявших собой острова, окруженные вода-

[5] Ed. M. Kos. Konversio Bagvariorum et Carantanorum. Ljubljana, 1936.

[6] G. Feher. Zalavari asatasok (1951—1952). AE, 80, 1953; его же. Les fouilles de Zalavar (1951—1953). AA, 4, 1954; A. Gs. Sos. Rapport préliminaire des fouilles exécutées autour de la chapelle de Château de Zalavar. AA, 4, 1954

[7] A. Gs. Sos. Wykopoliska w Zalavár. Slavia Antiqua, VII, 1960.

ми реки (рис. 1). На одном из «островов», так называемом Рецешкуте, сохранились руины базилики IX в., хорошо известной в специальной литературе[8]. Раскопки базилики начались в 1948 г. Г. Фехер отождествлял ее с церковью св. Иоанна, упоминаемой в Conversio (рис. 2). На расстоянии около 500 *м* к юго-западу от этого острова находится Варсигет («Замковый остров»), где вел основные раскопки Г. Фехер. Этот «остров» был впервые укреплен в IX в. При раскопках на участке 40 *м* длиной были обнаружены следы стены замка IX в., которая в этой части острова следует линии берега (рис. 1). Стена состояла из двойной линии плетней, между которыми была засыпана и утрамбована земля (рис. 3). Стена имела ворота, напротив которых с внутренней стороны была возведена еще одна стена около 20 *м* длиной, подобной же конструкции, служившая для защиты входа в замок.

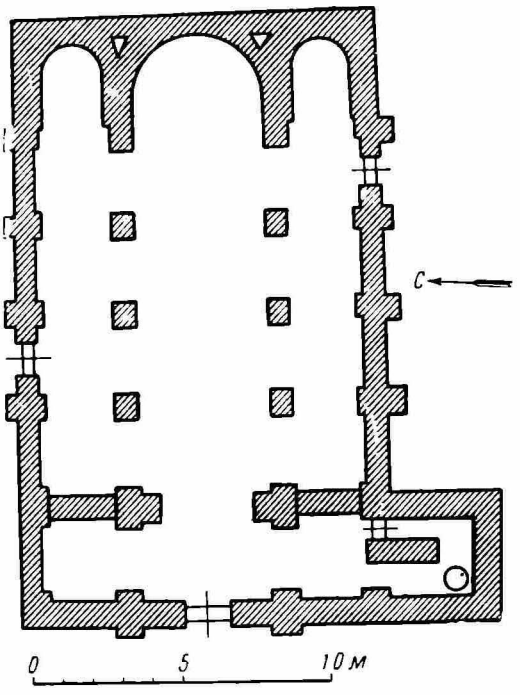


Рис. 2. План базилики IX в. на «острове-Рецешкут

В культурном слое сразу за этой стеной сохранились остатки сгоревших построек, ямы от столбов и деревянные столбы. Г. Фехер был склонен видеть здесь остатки церкви Марии, которую зальцбургский епископ Луипрам вместе с другими церквями освятил в замке Прибины.

Нам кажется, однако, что эти остатки слишком незначительны для такой капитальной постройки, какой должна была быть церковь. Вероятно, ее следует искать в глубине «острова».

Погребения IX в., обнаруженные на Варсигете, составляли, как мы предполагаем, восточную окраину большого могильника, группировавшегося вокруг церкви IX в., пока еще не найденной раскопками. Большинство погребений можно отнести ко времени Коцела (860—870). Некоторые могилы прорезали слой сгоревших построек, которые мы датируем

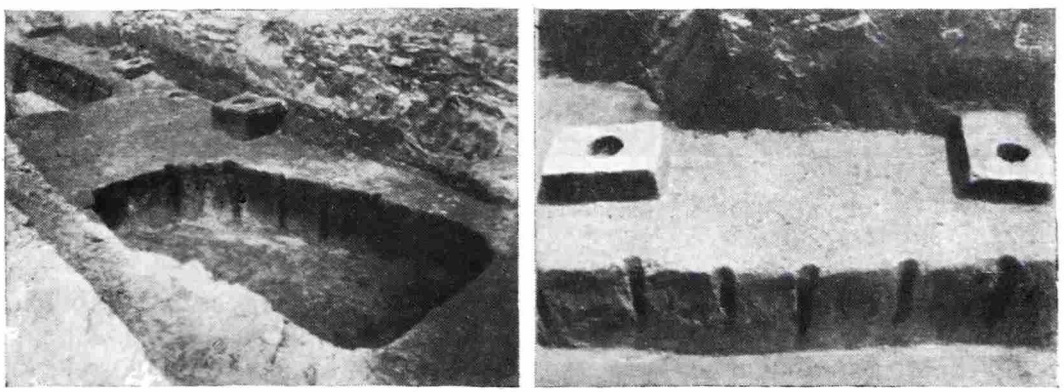


Рис. 3. Залавар. Ямы от столбов крепостной стены IX в.

[8] A. Radnóti. Une église du haut moyen âge à Zalavar. ESR, I, 1948; D. Dercsényi. L'eglise de Pribina à Zalavár. ESR, I, 1948; T. Bogyai. Mosaiurc und Zalavár. Südostforschungen, XIV, 1955; L. Karaman. A propos de l'église de Pribina a Balaton Grodville de Balaton. Archeologia Jugoslavica, I, 1954

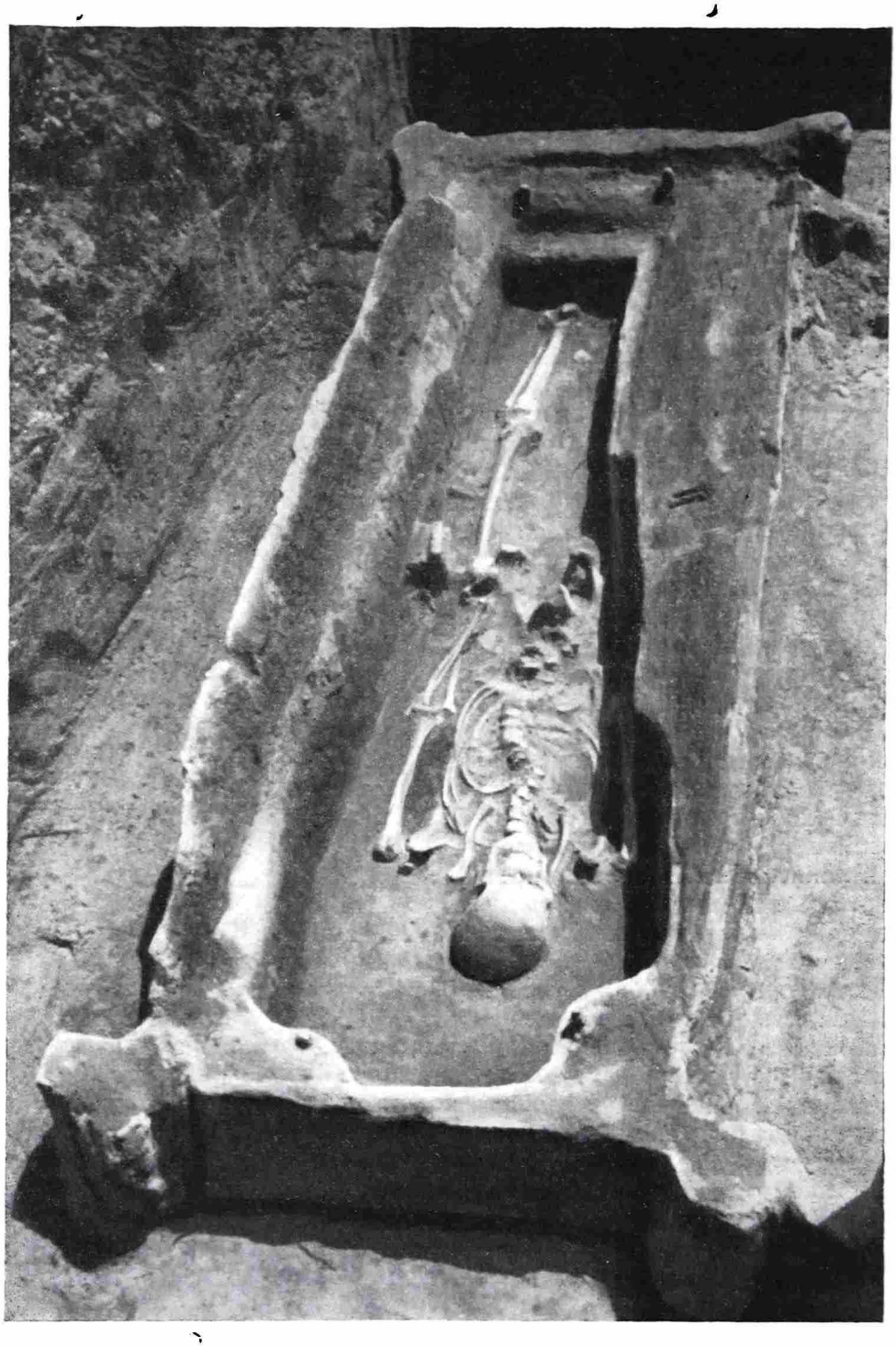


Рис. 4. Залавар. Захоронение IX в. в деревянном гробу

концом IX в. Погребения IX в. дают очень важный материал для исторических выводов. Г. Фехер считал, что франкская власть имела гарнизон в центре поместья Прибины и что часть захоронений связана с баварским солдатским кладбищем. Однако вещевой материал и антропологические наблюдения, произведенные Яношем Немешкери, не подтверждают этой точки зрения. Погребения IX в. как по инвентарю, так и по антропологическим данным следует отнести к славянам.

Среди славянских погребений по способам захоронений можно выделить две группы. Для первой характерно захоронение в больших деревянных гробах (рис. 4) различного устройства. В некоторых из них Г. Фехер

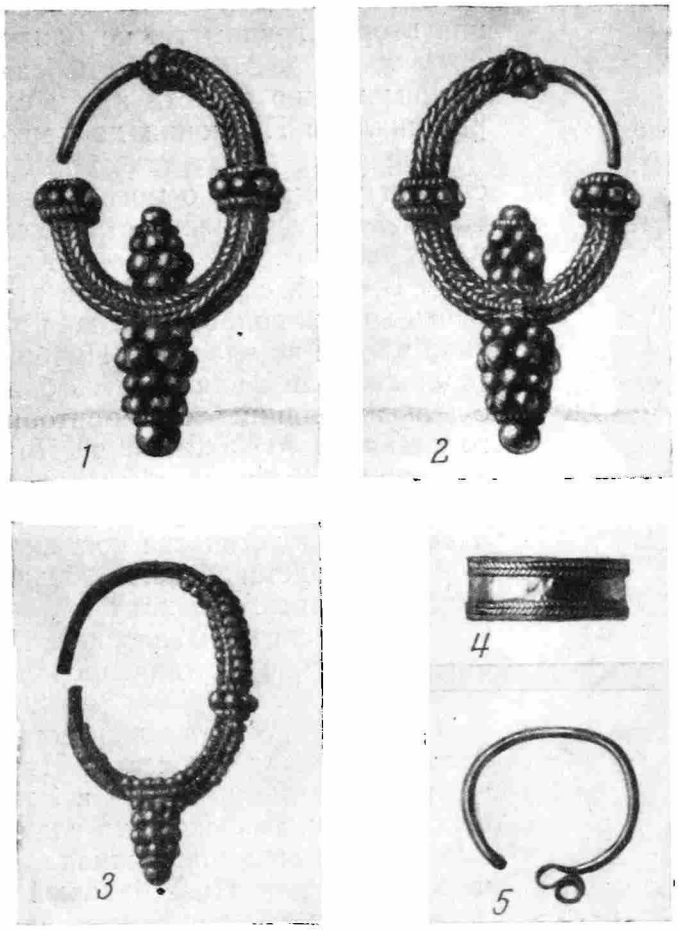


Рис. 5. Залавар:

1—2 — серебряные позолоченные височные кольца из погребения IX в.; *3—5* — золотое височное кольцо, эсовидное височное кольцо и перстень из погребения XI в.

видел сходство с гробами из Десятинной церкви в Киеве. Однако больше аналогий можно найти в археологическом материале из Моравского государства. В одном из погребений в гробу на Варсигете найдена пара серебряных позолоченных гроздевидных серег (рис. 5, *1, 2*). Такие же серьги известны из могильника Старе Место. Несмотря на подобные находки, погребения в гробах нельзя относить к числу наиболее богатых захоронений на Варсигете; многие из них безынвентарны. Захоронения второй группы — без гробов — также в большинстве случаев не сопровождаются инвентарем. Однако при некоторых мужских погребениях этой группы найдено оружие — скрамасаксы каролингского времени (рис. 6) и шпоры (рис. 7). В нескольких женских и детских погребениях этой группы найдены серьги того же типа, что и в могиле № 71 (с большим гробом), а также бусы и более дешевые украшения, относящиеся к числу широко распространенных.

В этой группе погребений, расположенных отдельно от погребений первой группы, мы, вероятно, можем видеть захоронения тех славян и их потомков, которые попали на территорию Паннонии вместе с Прибиной. По письменным источникам, он оставил территорию Моравской державы вместе со своими сторонниками (вероятно, родными и приближенными), сохранившими руководящую роль и во владении, возникшем на территории современной Венгрии. На это указывают франкские шпоры и скрамасаксы, которые можно рассматривать как атрибуты дружинной верхушки.

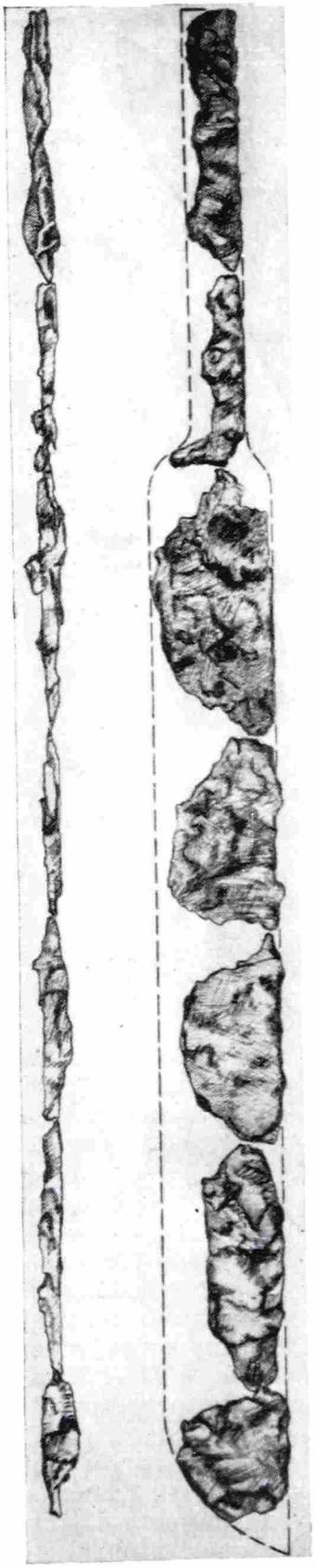


Рис. 6. Залавар. Скрамасакс из погребения IX в.

В антропологическом отношении погребения второй группы также близки к захоронениям из Старе Место. Погребенных же первой группы можно отнести к тем славянам, которые жили в Паннонии до прихода Прибины.

Наряду с могильником IX в. в Залаваре следует упомянуть о могильнике IX в., открытом в нескольких километрах севернее от него, на берегу оз. Балатон — в Кестхей-Фенекпусте[9]. В связи с работами на этом могильнике вновь возник вопрос о степени влияния франкской власти во владении Прибины, т. е. о том, содержали ли франки здесь баварских солдат с целью изоляции этой территории от остального славянского населения? При пристальном изучении материала Фенекпустского могильника эта «франкская» теория не подтвердилась. Антропологически погребения в этом могильнике родственны погребениям из могильника на Варсигете, хотя можно утверждать, что славянское население из Фенекпуста смешивалось с романизированными элементами.

Окрестность Кестхея несомненно находилась в границах княжества Прибины. Однако если погребальный обряд в Залаваре в IX в. был уже христианским, то славянское население Кестхея еще придерживалось старого языческого ритуала. Погребальный инвентарь свидетельствует об этническом единстве захороненных в этих двух могильниках. Особенно выразительна керамика, представленная горшками типично славянских форм, украшенных волнистым орнаментом (рис. 8 и 9). Обращает на себя внимание посуда типа фляг, характерная для западного берега Балатона (рис. 10). Этот тип посуды указывает на традиции римских мастерских. В их сохранении могло сыграть роль славянское население, оставившее могильник в Кестхей-Фенекпуста.

На основании раскопок в Залаваре и Кестхей-Фенекпусте можно утверждать, что, несмотря на политическое и церковное влияние франкской власти в поместье Прибины, славянский элемент до конца IX в. продолжал сохранять ведущее значение.

Раскопки в Залаваре позволили пролить свет и на последующие судьбы славянского населения в Венгрии. Над погребениями IX в. на острове Варсигет в Залаваре было найдено несколько ярусов захоронений, часть которых можно датировать X веком. Любопытно, что, вопреки христианскому погребальному ритуалу захоронений предшествующего периода, в них можно отметить возрождение языческих обы-

[9] Могильник раскопан в 1951—1952 гг. Б. Чалогом, И. Ковриг, Д. Ласло. Материал хранится в Кестхейском музее.

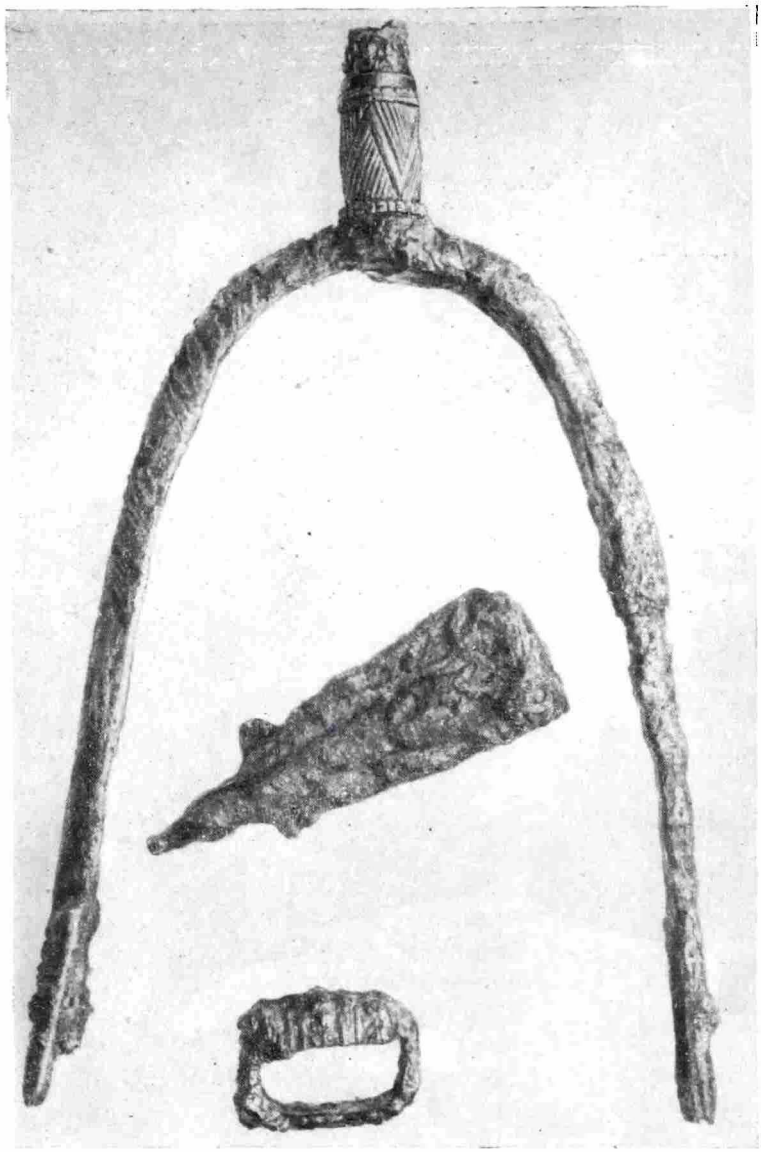


Рис. 7. Залавар. Шпора из погребения IX в.

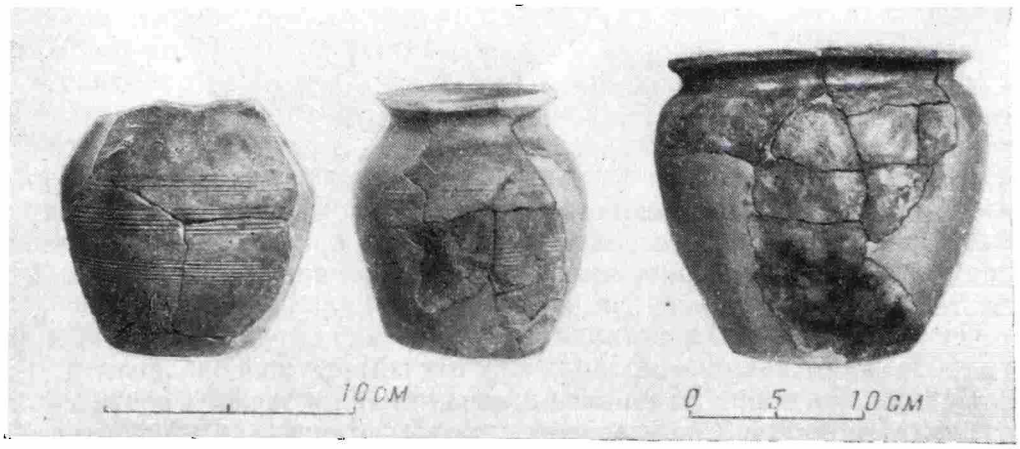


Рис. 8. Залавар. Сосуды из погребения IX в.

Рис. 9. Залавар. Обломки горшка с волнистым орнаментом из погребения IX в.

чаев. Это явление я объясняю влиянием венгров, пришедших на эту территорию, т. е. тем обстоятельством, что с их приходом было ослаблено религиозное принуждение, имевшее место во времена Прибины и Коцела.

Очевидно, и в X в. христианство еще не достаточно сильно укрепилось в народе и его влияние продолжало оставаться поверхностным.

Венгры, занявшие Задунавье в начале X в., в течение почти столетия в известной мере обходили этот славянский центр и не внедрялись в местное население. На это указывает преемственность антропологического материала погребений IX и X вв. Это обстоятельство опровергает уста-

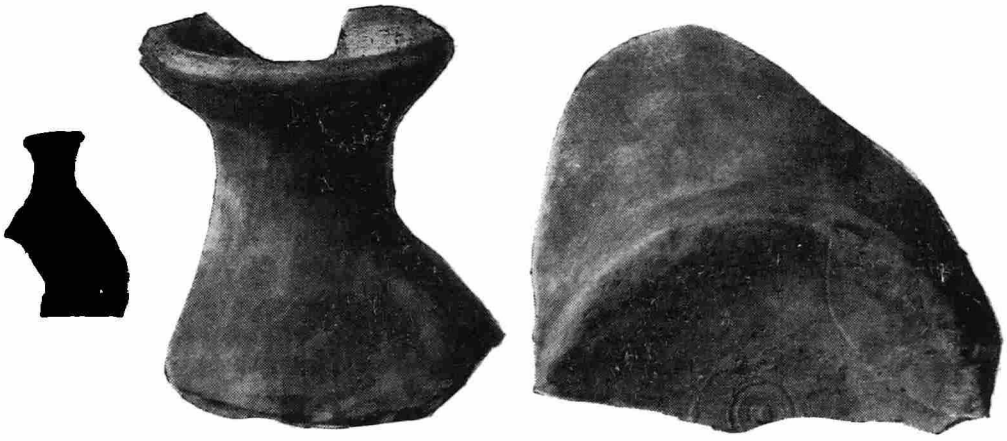


Рис. 10. Залавар. Обломки глиняных фляг из погребений IX в.

ревший взгляд, будто бы приход венгров имел своим последствием массовое истребление местного населения.

О большом сокращении местного населения после прихода венгров не позволяют говорить результаты исследования залаварских погребений не только X, но и XI в., поскольку антропологический материал захоронений, найденных над могилами IX и X вв., также указывает на славянское население. Эти захоронения были открыты в границах укрепленного здания монастыря и за пределами его стен, сложенных на столбовом фундаменте. Монастырь можно отождествить с монастырем св. Адриана ордена Бенцеш, основанным королем Иштваном Святым. Святой, в честь которого назвали церковь, тождествен патрону старой церкви времен Прибины, освященной зальцбургским архиепископом Лиупрамом. Этот факт также доказывает преемственность населения. На Варсигете, на расстоянии 130 *м* от монастыря была обнаружена часовня (рис. 11), а рядом с ней — славянское погребение XI в. Надо упомянуть и о том, что славянский могильник X—XI вв. известен и на территории самого села Залавар. Эти обстоятельства могут указывать на существование самостоятельных поселений и на отдельных островах в окрестностях Залавара.

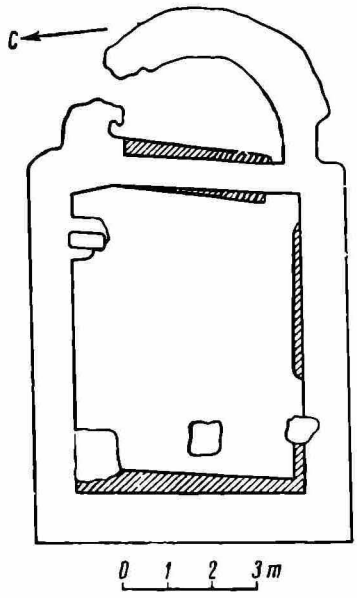


Рис. 11. План капеллы XI в. на Варсигете

В связи с раскопками в Залаваре я еще раз должна подчеркнуть, что мы далеки еще от окончания исследований. Это особенно надо принимать во внимание при оценке результатов раскопок памятников XI в. Ведь этот период является уже тем временем, когда бывший славянский центр включился в рамки венгерской государственной организации, даже стал центром комитата. Следовательно, необходимо считаться и с венгерским населением той территории, может быть только процесс слияния венгров и славян проходил здесь в более медленном темпе, чем в других местах.

В заключение я хотела бы упомянуть именно о тех результатах, которые были достигнуты в изучении процесса венгеро-славянского слияния. Уже на основании достигнутых результатов можно установить, что этот

процесс никак нельзя считать одноактным, имеем ли мы в виду Задунайские территории или территории к востоку от Дуная. Существенное значение для изучения истории славянства на территории Венгрии имеют раскопки могильника X—XI вв. в Халимбе (Задунавье) с его 932 могилами [10].

Руководитель раскопок Дюла Терек пришел к выводу, что в Халимбе мы наблюдаем смешанные славяно-венгерские захоронения [11].

В данной работе автор стремился дать краткий отчет о тех археологических исследованиях, которые связаны с освещением исторической роли славянства на территории Венгрии. Славянская археология в Венгрии имеет небольшие традиции, но за последние годы все же удалось достигнуть некоторых результатов, которые отчасти по-новому освещают исторические вопросы, связанные с раннесредневековым славянством, отчасти же поднимают новые проблемы, небезынтересные не только для славянской археологии, но и для истории европейских народов в целом.

[10] D. Terek. Le cimetière de Halimba. Programme et discours de chercheurs hongrois à la Conférance archéologique de l'Académie Hongroise des Sciences. Budapest, 3—6 octobre 1955; его же. Die Bewohner von Halimba im 10. und 11. Jahrhunderts. Budapest, 1962.

[11] Примеч. ред. Процесс слияния венгров и славян в течение X—XII вв. отражен в памятниках белобродской культуры, которой посвящено значительное число исследований. См. Z. Vana. Mad'ari a slované ve světle archeologických nálezu X—XII století Slovenská Archeologia. Bratislava, 1954.

Д. В. НАУМОВ

ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДРЕВНЕГО СТЕКЛА

Для исследования древних стекол в ряде лабораторий СССР наряду с химическим успешно применяют спектрохимический или спектральный метод анализа, требующий значительно меньших навесок и времени для производства анализа по сравнению с химическим.

При определении относительных концентраций достаточно применить качественный спектральный анализ [1]. Но в настоящее время для выяснения ряда вопросов, связанных с производством древнего стекла, недостаточно иметь одну лишь качественную характеристику, а необходимо знать полный количественный состав.

В спектральной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР принят метод приближенного количественного спектрального анализа стекла [2].

Для определения полного химического состава стекла методом приближенного количественного спектрального анализа необходима проба весом 15 *мг*. При этом концентрации стеклообразующих окислов элементов выражаются в процентах, а содержание окислов в количестве сотых долей процента и ниже обозначаются как следы. Незначительный вес пробы образца, взятого на анализ, позволяет производить определение химического состава стеклянного изделия без особого ущерба для последнего, что особенно важно при исследовании многоцветных, многослойных браслетов, бус и других мелких изделий. При установлении химического состава стекла (и визуально его цвета) выявляются и красители. Удается указать, применялись ли во время варки стекла интенсивные восстановители или окислители, а также определить форму окиси или закиси таких красителей, как железо и медь. Так, если анализируемое стекло печеночно-красного цвета, то медь в этом стекле присутствует в виде закиси (Cu_2O) и частично даже в виде металла (Cu), железо также будет в закисной форме (FeO). Если мы обратимся к окислительным потенциалам этих элементов, то для пары Cu^{+}/Cu^{++} потенциал будет $+0{,}17$ *в*, в то время как для железа Fe^{++}/Fe^{+++} он будет $+0{,}77$ *в*. Очевидно, что потенциал второй пары значительно выше, чем первой; поэтому в случае совместного присутствия в стекле железа и меди, если медь закисная, то железо тем более будет в закисной форме. Иными словами, медь легче переходит из закисной формы в окисную, чем железо. В стеклах с переходным цветом от зеленого к синему

---

[1] Н. Н. Качалов, В. В. Варгин. Исследование некоторых старинных русских стекол. ДАН СССР, XCVI, № 5, стр. 1034; П. И. Балабан, М. К. Рахимов. Средневековые глазури Узбекистана. «Стекло и керамика», 1955, № 5, стр. 18—20; Ю. Л. Щапова. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 91—100.

[2] Работа была выполнена автором статьи при активном участии сотрудника лаборатории В. Н. Сидорова.

Таблица 1

Эталоны	SiO_2	Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	TiO_2	CuO	Fe_2O_3	MnO	CoO	PbO	SnO_2	Sb_2O_3
I	57,8	30	1	3	3	0,3	0,3	—	3	—	1	0,3	0,3	—
II	53,3	20	0,1	10	1	0,1	1	0,1	1	0,1	0,3	10	—	3
III	59,3	10	10	1	10	0,3	—	0,3	3	1	0,1	1	3	1
IV	59,2	3	10	10	0,3	3	—	10	1	0,3	—	3	0,1	0,1
V	45,5	1	20	0,1	0,1	0,1	0,1	3	0,1	—	—	30	—	—
VI	22,6	0,3	0,3	0,3	0,3	1	—	0,1	0,1	—	—	75	—	—
VII	61,2	0,1	3	20	0,3	10	—	1	—	3	—	0,1	1	0,3

(судя по окраске стекла, интенсивный восстановитель не применялся) медь как краситель будет в окисной форме. Что же касается железа, то оно в этом стекле будет как окисное, так и закисное, причем окисная форма преобладает над закисной, так как железо легко окисляется даже кислородом, содержащимся в воздухе.

При выполнении спектрального анализа исследуемые образцы сравниваются по своему химическому составу с эталонами.

Вследствие того, что древние стекла в значительной степени отличаются от современных не только качественным составом, но и количественным соотношением стеклообразующих окислов, последние не могли быть применены для составления всех необходимых эталонов. Поэтому, кроме имеющихся эталонов из современных стекол, были изготовлены еще и специальные эталоны, которые составлялись путем перемешивания тонкоизмельченных окислов соответствующих элементов. Окиси натрия и калия были включены в состав эталонов в виде кремнекислых соединений. Синтезированные таким образом эталонные «стекла» сравнивались спектральным методом с обычными стеклами, химический состав которых был заранее известен. Спектральный анализ не обнаружил какой-либо существенной разницы между сплавленным и порошкообразным «стеклом», составленным из окислов. Кроме основных стеклообразующих веществ, в эталоны были введены еще и красители, а также окислы таких элементов, добавка которых делает стекла заглушенными, т. е. непрозрачными. В табл. 1 приведены различные эталоны стекол, составленные из окислов главных элементов с интервалами и пределами требуемых концентраций.

При сопоставлении эталонов за нижний предел концентраций окислов элементов выбрали 0,1%. Если в исследуемых стеклах концентрации определяемых компонентов оказываются ниже 0,1%, то мы отмечаем такие количества как следы, так как они не вводились в стекла специально, а были внесены в них как незначительные примеси вместе с основными веществами.

Спектральное количественное определение химического состава стекол производилось при помощи девятиступенчатого платинового ослабителя [3]. Заснятый на фотопластинку спектр с использованием такого ослабителя представляет собой серию аналогичных спектров с возрастающей степенью почернения линий для каждой последующей ступени. Спектральные линии одного из компонентов, находящегося в различных стеклах с отличными друг от друга концентрациями, появляются в спектрах на разных ступенях. Этот принцип и был использован для построения табл. 2, с помощью которой проводилась количественная расшифровка спектров анализируемых стекол. Ввиду того, что химический состав стекла принято представлять как совокупность окислов элементов, концентрации этих веществ были пересчитаны в таблице на соот-

[3] М. М. Клер. Приближенный количественный спектральный анализ минерального сырья. М., 1959, стр. 5—21.

Таблица 2

Элемент (окислы), %	Na		K	Ca		Mg	Ba	Al	
Длина волны, А	3302 3303	2680,3	3446,7	3179,3	2721,6	2776 2783	2771,4	2568,0	3064,3
Ступень I	0,1	—	20	3	—	2,5	—	3	—
» II	—	—	10	2	—	1,5	—	1	—
» III	—	—	5	1	—	1	30	0,7	10
» IV	—	30	2	0,5	20	0,5	20	0,5	6
» V	—	20	1	0,3	10	0,3	10	0,4	3
» VI	—	10	0,3	0,1	5	0,1	5	0,3	2
» VII	—	5	0,1	—	3	—	3	0,1	1
» VIII	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Элемент (окислы), %	Ti	Cu	Fe	Mn	Co	Cr	Pb		Sn	Sb
Длина волны, А	3168,5	2492,1	2585,9	2595,8	2521,4	2677,2	2663,2	2657,1	2661,3	2598,1
Ступень I	—	—	—	5	—	—	3	—	—	2
» II	—	—	—	3,5	—	1,5	1	—	3	1
» III	1	10	3	2	1	0,5	0,6	75	1	0,3
» IV	0,5	3	2	1	0,3	0,3	0,3	60	0,5	0,2
» V	0,3	1	1	0,5	0,1	0,2	0,1	50	0,3	0,1
» VI	0,1	0,5	0,3	0,2	—	0,1	—	30	0,2	—
» VII	—	0,1	0,1	0,1	—	—	—	20	0,1	—
» VIII	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—

ветствующие окислы. Концентрация окисла элемента ставилась в таблице на той ступени, на которой аналитическая линия начинала появляться.

Табл. 2 построена по эталонам стекол как обычных, так и искусственно синтезированных из окислов элементов. Незанятые места в таблице можно заполнить, расширив пределы концентраций окислов элементов в эталонах. Относительное содержание кремнезема в стеклах разного состава изменяется столь в незначительных пределах, что спектральным методом его оценить не удается. Поэтому в табл. 2 кремнезем отсутствует и определяется как основа путем вычитания из 100% суммы остальных окислов.

В таблице приведены наиболее удобные аналитические спектральные линии элементов с указанием длин волн в ангстремах (Å). Для окислов тех элементов, концентрация которых в стеклах колеблется в значительных пределах, даны по две аналитические линии. При этом можно определить любую концентрацию, переходя от одной линии к другой. Исключение составляет натрий, количество которого в пределах 0,1—5% определяется по относительному почернению линий натрия 3302 и 3303 Å. Линия натрия 2680,3 Å, несмотря на самообращенность и значительную ширину, позволяет определять концентрации его окиси в пределах от 5 до 30%.

Для расшифровки количественного состава табл. 2 остается неизменной только при работе с одним ступенчатым ослабителем и использовании фотоматериала одного и того же качества (сорта). При переходе в процессе работы к другому ослабителю или другому сорту фотопластинок и химических реактивов таблица исправляется повторным сжиганием эталонов.

При определении химического состава стекла от последнего отбиралась проба в виде небольшого среза, при этом, если стекло было много-

Таблица 3

Химические и спектральные анализы шашек и пиалы

Обнаруженное вещество	Шашка голубая		Шашка желтая		Пиала бесцветная	
	хим.	спектр.	хим.	спектр.	хим.	спектр.
Окись кальция	7,6	10	4,7	6,5	6,3	8,5
Окись магния	1,5	1,5	1,7	1	3,5	3
Глинозем	1,4	1,5	1,7	0,7	2,5	2
Двуокись титана	—	0,15	—	Следы	—	0,1
Окись калия	0,14	0,1	0,6	—	3,3	5
Окись натрия	16,8	16	15,6	15	15,6	16
Окись меди	—	Следы	—	Следы	—	Следы
Закись меди	—	—	—	—	—	—
Окись железа	0,3	0,3	0,26	0,1	0,3	0,4
Закись железа	—	—	—	—	—	—
Окись кобальта	—	—	—	—	—	—
Окись марганца	—	0,1	3,5	Следы	2	0,7
Окись свинца	—	Следы	—	Следы	—	Следы
Двуокись олова	—	Следы	—	—	—	—
Кремнезем	70,8	70	70,4	76	65,4	64

Примечание. Кремнезем в графе «спектр.» был определен вычитанием из 100% суммы остальных окислов.

цветным или многослойным, пробы брали от каждого цветового слоя в отдельности [4]. Отпиленный кусочек стекла истирали в агатовой ступке до тонкого порошка, от которого отвешивалась проба для анализа в количестве 0,015 *г*. Указанную навеску стекла перемешивали с равным по весу количеством угольного порошка, отформовывали специальным прессом в брикет и помещали в угольный электрод [5]. Затем проба испарялась в дуге переменного тока силой 7 *а*. Съемка спектров производилась на спектрографе ИСП-22 в течение 1 *мин* при диафрагме 2 *мм* и ширине щели 15 *мк*. Фотопластинки со снятыми спектрами обрабатывались 5 *мин* в стандартном проявителе и затем в фиксажном растворе. Температура проявления (20,0° С) поддерживалась термостатом с применением кювет с водяными рубашками.

Для сравнения данных количественного спектрального анализа с результатами химического были проанализированы описанным методом современные стекла с известным химическим составом и археологические стеклянные изделия. Табл. 3 содержит данные химического и спектрального анализов голубой и желтой игральных шашек, найденных Я. В. Станкевич при раскопках Шестовицкого могильника на территории Черниговской области, а также бесцветной пиалы из Средней Азии (Узген), данной для анализа Ю. А. Заднепровским [6].

Результаты спектрального анализа представлены средними значениями из двух параллельных определений. Как видно из таблицы, химические составы шашек и пиалы, определенные двумя методами, ока-

---

[4] Пробы от стеклянных изделий отбирали бормашиной при помощи фасонных шлифовальных карборундовых головок. Этими же головками срезы стекол очищали от «загрязнения» другими цветовыми слоями.

[5] Угольный порошок изготавливали двумя способами. 10 *г* истертых спектральных угольных электродов перемешивалось либо с 12 *г* 15%-ного горячего раствора крахмала, либо с 10 *г* 8%-ного горячего раствора пищевого желатина. Замешанный порошок затем выдерживали в течение 1,5 *час* в сушильном шкафу при 110° С и истирали в агатовой ступке. Мы остановились на первом способе обработки порошка, так как в желатине содержится кальций, мешающий определению его в стекле.

[6] Химический анализ перечисленных изделий был выполнен А. П. Курановой в Лаборатории стекла и силикатов Политехнического института в Минске (см. М. А Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 208 и 238).

Таблица 4

Спектральные анализы различных типов стекол

Обнаруженное вещество	Киевский браслет XI—XIII вв., фиолетовый	Мозаика из Переяслав-Хмельницкого XI в., желтый	Псковско-печорская глазурь XVII в., зеленый	Старая Ладога, часть округлой полосатой бусины VIII—IX вв.				
				голубовато-зеленый (основа)	печеночно-красный	синий	молочно-белый	желтый
	76—61	81—61	535—61	245а—60	245—60	245б—60	245в—60	245г—60
Окись кальция	0,3	0,6	2	8	12	7	3	5
Окись магния	Следы	Следы	1,2	2,5	3	2,5	2	3
Глинозем	0,4	0,4	4	2	4	1,5	0,7	1
Двуокись титана	0,1	0,5	1,5	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3
Окись калия	17	—	1,5	5	3	2	1,5	3
Окись натрия	0,05	Следы	0,05	18	20	17	16	20
Окись меди	Следы	Следы	3	0,8	—	0,3	0,1	0,6
Закись меди	—	—	—	—	6	—	—	—
Окись железа	0,3	1	3	1	—	0,7	1	2
Закись железа	—	—	—	—	1,3	—	—	—
Окись кобальта	—	—	—	—	—	0,5	—	—
Окись марганца	0,9	Следы	Следы	1,7	2	0,2	1	1,5
Окись свинца	2,5	65	55	2	0,7	0,1	0,6	20
Двуокись олова	Следы	5	Следы	1	0,4	0,4	1	4
Трехокись сурьмы	—	—	0,4	—	—	—	—	—
Окись цинка	—	—	—	—	—	0,15	—	—
Кремнезем	53	27	28	57	47	67	72	39

зались достаточно близкими. Исключение составляют различные количества марганца в желтой шашке. Вероятно, это можно объяснить тем, что для химического и спектрального анализов были взяты две разные шашки. В графе химического анализа для глинозема (окись алюминия) дана сумма окисей алюминия и титана, подобно тому, как щелочи часто выражаются суммой окислов натрия и калия, трудно разделяемых химическим способом. Спектральным методом концентрации этих окислов определяются независимо друг от друга. Кроме того, в перечисленных предметах спектрально были обнаружены в следах окислы меди, свинца и олова, что ввиду незначительных концентраций не было зафиксировано при химическом анализе.

Спектральным количественным методом было проанализировано большое число различных изделий из стекла (бусы, браслеты, мозаика, сосуды и др.). Установив, к какому типу стекол по химическому составу можно отнести те или иные изделия, можно определить и их происхождение (см. табл. 4). Не останавливаясь подробно на описании приводимых в табл. 4 предметов, укажем на основную химическую характеристику использованных стекол.

Киевский браслет представляет собой типично русское калиево-свинцово-кремнеземное стекло. Окись марганца (0,9%) окрасила этот браслет в фиолетовый цвет. Прозрачность его обусловлена отсутствием глушителей.

Мозаичное стекло желтого цвета из Переяслава-Хмельницкого относится к свинцово-кремнеземному стеклу. Окрашено стекло соединениями свинца, а заглушено двуокисью олова (5%).

Глазурь зеленого цвета, покрывающая тонким слоем керамическое надгробие Псковско-Печерского монастыря, представляет также свинцово-кремнеземное стекло. Зеленый цвет глазури обусловлен наличием красителей окислов меди (3%) и железа (3%). Сохранившаяся блестящая, полированная поверхность глазури объясняется присутствием в стекле значительных количеств окиси алюминия (глинозема 4%) и дву-

окиси титана (1,5%) и малых количеств щелочей (окись натрия и калия), сделавших стекло химически стойким.

В этой же таблице приведены результаты спектрального анализа небольшой многоцветной бусины, которая состояла из тонких продольных полос печеночно-красного, синего, молочно-белого и желтого стекла, нанесенных на голубовато-зеленую основу. Анализ каждого цветового элемента выявил, кроме основных стеклообразующих окислов и двуокиси олова, являющегося глушителем стекла, свои специфические для каждого цветового слоя красители: в слое стекла печеночно-красного цвета присутствовала закись меди (6%); синяя часть была окрашена окисью кобальта (0,5%); в желтом стекле было обнаружено значительное количество соединений свинца (20% окиси свинца); молочно-белое стекло оказалось неокрашенным, несмотря на то, что в нем содержатся окиси железа и марганца. Окись марганца обесцвечивает окись железа, являясь дополнительным цветом последнего[7]. (Дополнительными цветами называют такие, которые в сочетании друг с другом дают белый цвет.) Основная масса бусины — голубовато-зеленое стекло — окрашена окислами меди и железа. В целом же бусина по своему химическому составу близка к античным изделиям из стекла и относится к натриево-кальциевому кремнеземному стеклу.

Количественный спектральный анализ позволяет определять химический состав стекла из навески 0,015 *г*, при этом допустимая ошибка не превышает 20% от определяемой концентрации (при содержании компонента 0,1% предельная ошибка будет ± 0,02%, при 1% — соответственно ± 0,2%). Основные стеклообразующие вещества, а также красители и глушители стекла определяются количественно в процентах, незначительные примеси в стекле (сотые и тысячные доли процента) устанавливаются качественно и обозначаются как следы. Основа силикатного стекла — кремнезем — вычисляется округленно до целых процентов путем вычитания из 100% суммы остальных стеклообразующих окислов.

Описанным методом анализа можно исследовать стеклянные изделия, выполненные не только из однородного стекла, но и многослойные и многоцветные стекла, при этом процентные концентрации основных стеклообразующих окислов и окислов-красителей и глушителей определяются для каждого цветового слоя в отдельности.

---

[7] Н. Н. Качалов. Стекло. М., 1959, стр. 66.

ПАМЯТИ В. В. ГОЛЬМСТЕН

8 марта 1942 г. в осажденном Ленинграде скончалась доктор исторических наук, профессор Вера Владимировна Гольмстен.

В. В. Гольмстен родилась в 1880 г. в г. Петербурге в семье врача. Окончив в 1910 г. Московский археологический институт и защитив диссертацию на тему «Древнерусское племя радимичей», В. В. Гольмстен более тридцати лет вела большую исследовательскую работу в различных отраслях археологической науки. Еще со студенческих лет и позднее, будучи научным сотрудником Исторического музея и членом Московского археологического общества, Вера Владимировна до 1919 г. изучала славянские памятники в Псковской губернии и первобытные — в Приуралье. Раскопки Уфимского могильника, разведки на севере современной Челябинской области ввели в научный оборот материал новых, не изученных до того культур.

Следующее десятилетие (1919—1929 гг.) деятельности В. В. Гольмстен связано со Средним Поволжьем. Ежегодные экспедиции Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете (а позднее — Самарского общества краеведения) под руководством В. В. Гольмстен систематически обследовали территорию бывшей Самарской губернии. Исследовались разновременные памятники — от мезолита до средневековья. Раскопками на Постниковском овраге, на окраине Куйбышева, впервые в Среднем Поволжье были вскрыты стоянки мезолитического и ранненеолитического типа. Особенно много внимания Вера Владимировна уделила изучению памятников эпохи бронзы: ею открыты самые северные погребения ямной культуры у совхоза Березняки; она первая доказала принадлежность стоянок Среднего Поволжья с микролитическим кремнем к ямной культуре. Большое значение для суждения о характере хозяйства древних племен эпохи бронзы имело определение В. В. Гольмстен «серпов» сосново-мазинского типа как косарей.

В 1929 г. В. В. Гольмстен исследовала самый южный памятник волжских болгар — Муромский городок на Самарской луке. Неоднократно обращалась Вера Владимировна к изучению памятников финноязычного населения Поволжья — от городищ с рогожной керамикой до мордовских могильников средневековья.

Для решения вопросов ранней истории мордовского народа В. В. Гольмстен широко использовала не только археологический материал, но и данные письменных источников и этнографии.

Намеченная в 1928 г. Верой Владимировной в статье «Археологические памятники Самарской губернии» последовательность древних культур Среднего Поволжья в наше время лишь уточняется и конкретизируется.

Деятельность В. В. Гольмстен в Самаре была многогранной. Она вела здесь большую научную работу, читала курс археологии в Самарском университете, руководила музеем.

В. В. Гольмстен была одним из активных организаторов и энергичных деятелей Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете, преобразованного позднее в Общество краеведения. Около десяти лет Вера Владимировна состояла ученым секретарем Общества, читала курсы археологии и музееведения на организованных при Обществе Высших этнолого-археологических курсах. На материалах экспедиций под руководством В. В. Гольмстен в Самаре был создан содержательный археологический музей.

С 1929 г. по день смерти научная деятельность Веры Владимировны протекала в Ленинграде, в Государственной Академии истории материальной культуры и Государственном Эрмитаже. Будучи действительным членом ГАИМК и заведующей отделом первобытной культуры Государственного Эрмитажа, В. В. Гольмстен по состоянию здоровья не могла уделять много внимания полевой работе. Раскопки в 1932 г. на Нижнем Дону и в 1934 г. на Манычском канале были ее последними полевыми работами.

Будучи ученицей В. А. Городцова, Вера Владимировна исключительно тщательно вела полевые исследования. Одной из первых среди археологов 20-х годов Вера Владимировна разработала методику полевой разведки, пропагандируя сплошное обследование определенной территории. Во главе с Верой Владимировной самарские археологи исходили тысячи километров, открыли сотни древних поселений и курганов. Вера Владимировна была ученым широкого профиля. Ее одинаково интересовали и культуры каменного века, и древности славян и мордвы. Она изучала памятники Поволжья и древнее искусство Сибири, разрабатывала методику исследования памятников и трудилась над проблемой происхождения домашних животных.

Особенно большой след оставила В. В. Гольмстен в археологии Среднего Поволжья и Приуралья. Ни одна крупная работа в этой области не может быть написана без привлечения ее трудов.

В. В. Гольмстен была чутким, заботливым товарищем, внимательным воспитателем молодых кадров. Она заражала своих учеников примером бескорыстного служения любимому делу.

Все знавшие В. В. Гольмстен никогда не забудут этого большого энтузиаста археологической науки и удивительно скромного человека.

В. П. Мизинова, К. В. Сальников

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. В. ГОЛЬМСТЕН

1. Раскопки могильника близ Чертова городища под Уфой летом 1911 г. Вестник Оренбургского учебного округа, № 2, Уфа, 1912, стр. 29—36.
2. Могильник близ г. Уфы. Отчет Московского археологического института за 1911—12 г., М., 1913, стр. 1—24.
3. Лунницы Исторического музея. Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1914, стр. 89—106.
4. Хронологическое значение эволюции древних форм. ИСГУ, вып. 5, Самара, 1923, стр. 1—20.
5. Доисторическое прошлое Самарского края. Сб. «Краеведение», ч. I, Природа и население Самарского края, Самара, 1924, стр. 150—173.

6. Древний охотник Самарского края. Краеведческий сборник, Самара, 1925.
7. Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском гос. университете (История и деятельность). Бюллетень Общества АИЭЕ при Самарском гос. университете, № 1, Самара, 1925, стр. 2—9.
8. Древнеямное погребение. Бюллетень Общества АИЭЕ при Самарском гос. университете, № 2, Самара, 1925, стр. 5—10.
9. Керамика древних мест поселений Самарской Луки. Бюллетень Общества АИЭЕ при Самарском гос. университете, № 3, Самара, 1925, стр. 5—15.
10. Музей Общества АИЭЕ при СГУ. Бюллетень Общества АИЭЕ при Самарском гос. университете, № 4, 1926, стр. 1—7.
11. Некоторые типы погребений бронзовой эпохи. Материалы по изучению Самарского края, вып. 5, Самара, 1928, стр. 3—7.
12. Археологические памятники Самарской губернии. Тр. СА РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 125—137.
13. Погребение из Криволучья. СГАИМК, № 6, 1931, стр. 7—12.
14. Письмо в редакцию. СГАИМК, № 7-8, 1932, стр. 79—80.
15. Экспедиционная работа. СГАИМК, № 9-10, 1932, стр. 60—63.
16. К разработке приемов исследования вещественных памятников. СГАИМК, № 11-12, 1932, стр. 11—14.
17. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Тр. Лаборатории генетики АН СССР, Л., 1933, стр. 79—107.
18. Некоторые замечания Карла Маркса к истории скотоводства. ПИМК, № 3-4, 1933, стр. 62—64.
19. Серпы из Сосновой Мазы. ПИМК, № 5-6, 1933, стр. 32—37.
20. Из области культа древней Сибири. Сб. «Из истории докапиталистических формаций». М.— Л., 1933, стр. 100—124.
21. Выставка экспедиционных работ Государственной Академии истории материальной культуры. СЭ, 1935, № 3.
22. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. ПИДО, № 5-6, 1935, стр. 37—42.
23. Рец.: Микола Макаренко. Маріюпільський могильник. ПИДО, № 1-2, 1935, стр. 229—232.
24. Обзор археологических работ 1937 г. ВДИ, № 3(4), 1938, стр. 242—255.
25. Надземные погребения в Среднем Поволжье. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 56—58.
26. В. В. Гольмстен, Е. И. Горюнова. О мордовском феодализме. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 42—48.
27. Возникновение скотоводства в Восточной Европе. Сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М.— Л., 1940, стр. 121—134.
28. Отчет о работе на р. Маныч, 1934 г. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», М.— Л., 1941, стр. 201—205.
29. Об элементах орнаментации керамики родового общества юга России. Тр. ОИПК ГЭ, т. I, Л., 1941, стр. 1—8.
30. Буртасы. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 17—25.

Публикации

С. П. ТОЛСТОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1961 г. НА ДРЕВНИХ РУСЛАХ СЫР-ДАРЬИ

(в связи с проблемой их освоения)

Среди вопросов, поставленных в Программе партии, принятой на XXII съезде, важное место занимает вопрос освоения новых земель на территории Средней Азии и Казахстана [1]. Этот же вопрос был специальным объектом обсуждения на январском Пленуме ЦК КПСС [2] и на совещании работников сельского хозяйства Средней Азии в ноябре 1961 г. в Ташкенте, куда Н. С. Хрущев выехал сразу же после съезда. Н. С. Хрущев посетил совхозы и колхозы на вновь орошаемых землях Голодной степи [3], освоение которых было начато еще по инициативе В. И. Ленина [4]. Декрет о развертывании оросительных работ в Туркестане, подписанный В. И. Лениным 17 мая 1918 г., отразил вековые чаяния народов Средней Азии и позволил широко развернуть ирригационное строительство, значительно увеличить площадь орошения за счет освоения земель древнего орошения.

Изучением этих земель, огромных территорий, некогда освоенных человеком и успешно обрабатывавшихся им в течение долгих столетий [5], уже ряд лет занимается Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. Весной 1962 г. на отчетной экспедиционной сессии Отделения исторических наук в докладе на эту тему, мной был поставлен конкретный вопрос об освоении земель древнего орошения в долине Сыр-Дарьи [6]. В этом докладе, а также в публикациях, вышедших в свет в 1962 г. [7], отмечалось, что общая площадь земель в Восточном и Южном Приаралье, освоенных человеком в античный и средневековый период, достигала 4,5—4,8 млн. *га*. Из этих земель около

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961, стр. 80.

[2] Н. С. Хрущев. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Речь на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 г. Госполитиздат, 1961, стр. 15.

[3] «Правда» от 12 ноября 1961 г.

[4] В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ. Ташкент, 1960, стр. 387—392.

[5] С. П. Толстов. Древняя ирригационная сеть и перспективы современного орошения (По исследованиям древней дельты Сыр-Дарьи). ВАН, 1961, № 11 стр. 59—65

[6] С. П. Толстов. Скифо-сарматская проблема и ее место во всемирном историческом процессе. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 8—11.

[7] С. П. Толстов. О землях древнего орошения в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и возможности их освоения в современных условиях. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 8, стр. 3—10.

2 млн. *га* располагается в низовьях Аму-Дарьи, в Ташауэской обл., Туркменистане и в Каракалпакской АССР и около 2,5—2,8 млн. *га* — в низовьях Сыр-Дарьи. Наши исследования показали, что земледелие на этих землях началось еще в конце бронзового века. В античный период общая площадь под ирригацией достигла максимальных размеров и в начале I тысячелетия примерно в четыре раза превосходила ту территорию, которая используется сейчас (рис. 1).

Археологические исследования выявили основные причины возникновения, развития и упадка крупнейших оросительных систем Приаралья, показав несостоятельность точки зрения многих зарубежных и некоторых советских ученых-географов, почвоведов и других естествоиспытателей, предполагавших, что процесс запустения этих земель является результатом необратимых природных процессов: наступления песков, засоления почв, отклонения русел рек, изменения климата, связанных с изменениями активности солнца, колебаниями земной оси и т. д. и т. п. Выяснилось, что эта огромная площадь, освоенная в античные времена, пришла в запустение в результате кризиса рабовладельческой общественно-экономической формации и связанных с ним войн и варварских нашествий. В раннем средневековье, когда произошел новый подъем экономики и общество вступило в новый феодальный этап развития, значительная часть этих земель вновь осваивается. Идет процесс совершенствования ирригационных систем, техники орошения и обработки почвы.

Но этот прогрессивный процесс неоднократно прерывается в связи с частыми войнами — черта, присущая средневековому феодальному общественному строю. Тем не менее, к XII в. освоенные вновь территории почти достигают античных границ.

Вторая дата массового запустения земель древнего орошения падает на монгольское нашествие и особенно на опустошительные походы Тимура в западные и северные районы Средней Азии в конце XIV в.[8].

Проходит длительный период, пока общество оправляется от последствий этих войн и вступает в новую эпоху. Правда, продолжают еще господствовать феодальные отношения, но находящиеся под сильным влиянием уже развившейся и вступившей в свои права новой капиталистической формации. В XVII—XVIII вв. эти земли вновь осваиваются, и только новые феодальные войны середины XIX в. привели к окончательному их запустению. Новое их освоение в условиях царской России тормозилось колониальным режимом, насаждавшимся царским правительством, тяжелым положением сельского хозяйства, тяжелым положением народных масс до революции. Лишь после Октябрьской революции вновь развернулось наступление на пустыню, развивавшееся с каждым годом все больше и больше.

Последние решения партии и прежде всего новая Программа партии, получившая название Коммунистического манифеста XX века, ставит в этой области новые грандиозные задачи.

* * *

Мотивировке изложенных выше положений посвящен ряд наших работ, опубликованных в последние годы, доложенных мною и моими товарищами на Конгрессе ориенталистов и на других научных собраниях[9]. Наши работы в этом направлении продолжаются и сейчас. Кол-

[8] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 27; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 5—11.

[9] «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой». Материалы ХЭ, 3, 1960; С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, 4; его же, Новейшие исследования Хорезмской экспедиции АН СССР в бассейне Жаны-Дарьи. Вестн. Каракалп. ФАН УзССР, 1961, 2, стр. 3—25.

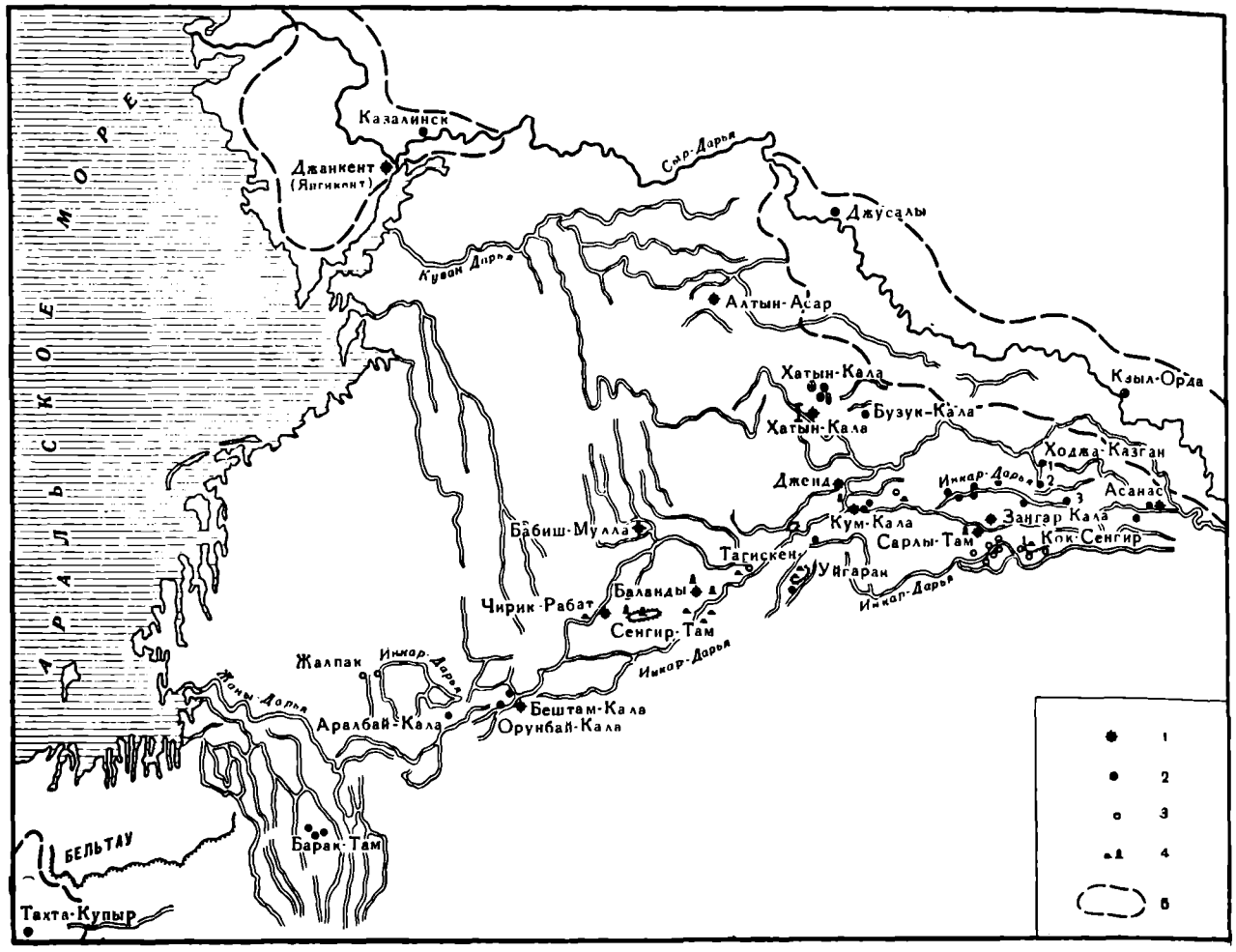


Рис. 1. Карта-схема археологических памятников низовьев Сыр-Дарьи:

1 — города и крупные крепости; *2* — большие поселения и отдельные укрепления; *3* — небольшие поселения и стоянки; *4* — погребальные сооружения; *5* — современные орошаемые земли

лективу работников Хорезмской экспедиции хотелось бы поделиться интересными результатами наших работ 1961 г., направленными как раз в развитие этой проблемы.

Основными объектами нашего исследования в минувшем полевом сезоне являлись погребальные памятники позднего бронзового века, а также раннескифские курганные погребения, обнаруженные на возвышенности Тагискен и на расположенном в том же районе бугре Уйгарак. Одновременно с изучением этих памятников, на которых я в дальнейшем остановлюсь более подробно, осуществлялась работа разведывательного отряда, двигавшегося на восток, к Сыр-Дарье, по направлению к г. Кзыл-Орда. Этим отрядом был открыт и исследован на возвышенности Кок-Сенгир позднесарматский могильник. Продвигаясь далее на восток и исследовав ряд средневековых памятников в бассейне Инкар-Дарьи, отряд дошел до городища Асанас — средневекового города Ашнас, упоминающегося в письменных источниках и находящегося примерно в 50 *км* к ЮЮВ от Кзыл-Орды и в 10 *км* от современной культурной зоны. На одном из протоков северного русла Куван-Дарьи отряд обследовал интереснейший комплекс XVIII — первой половины XIX в., группирующийся вокруг городища Хатын-Кала и отстоящий уже в 20—30 *км* от современной культурной полосы. Таким образом, мы находимся сейчас на подступах к современной культурной полосе.

Обратимся к памятникам позднебронзового века, датируемым нами IX—VIII вв. до н. э. Курганный могильник Тагискен (рис. 2) расположен на одной из извилин древнего русла Инкар-Дарьи в том месте, где оно близко подходит к руслу Жаны-Дарьи. Этот памятник представляет особый интерес, потому что и здесь, и в ряде обследованных восточнее Тагискена памятников есть несомненные следы ирригации и земледелия. Это первый памятник земледельческого освоения человеком изучаемой нами сейчас обширной территории.

Могильник был открыт во время авиаразведок 1959 г., затем подробно обследован во время автомобильного маршрута того же года. Через месяц специальная группа провела первые небольшие раскопки. Раскопки продолжались в 1960 г. и особенно широко развернулись в 1961 г. (руководитель раскопок — М. А. Итина).

На возвышенности Тагискен насчитывается около семидесяти курганов, делящихся на две группы. Основные работы были сосредоточены на северной группе, где удалось зарегистрировать 11 насыпей. Как показали результаты наших раскопок, южная группа представляет собой настоящий курганный могильник скифских племен архаического периода. Северная группа относится к более раннему периоду и представляет собой нечто такое, что уже трудно назвать курганным могильником. Оказалось, что здесь находится большой комплекс архитектурных сооружений, совершенно не похожих на курганные погребения (рис. 3). Это скорее круглые в плане мавзолеи, в которых были погребены вожди местных племен. Вокруг мавзолеев (их было раскопано семь), примыкая к ним вплотную, располагались многочисленные прямоугольные могилы того же времени. Как внутри погребальных сооружений, так и рядом с ними было раскопано большое число ям с ритуальными захоронениями животных, сопровождавших покойников в загробный мир. Преимущественно это были крупный рогатый скот и козы.

Мавзолеи расположены по прямой линии с севера на юг. Нами зачищена площадь 75 × 20 *м*, а также отдельно стоящий мавзолей № 6, расположенный западнее и, очевидно, входящий в цепочку других сооружений.

В целом весь этот комплекс производит впечатление гораздо более позднего, средневекового или даже современного среднеазиатского кладбища, на котором мы имеем обычно ряд мавзолеев, мазаров и лепящихся вокруг них могил разного размера и формы.

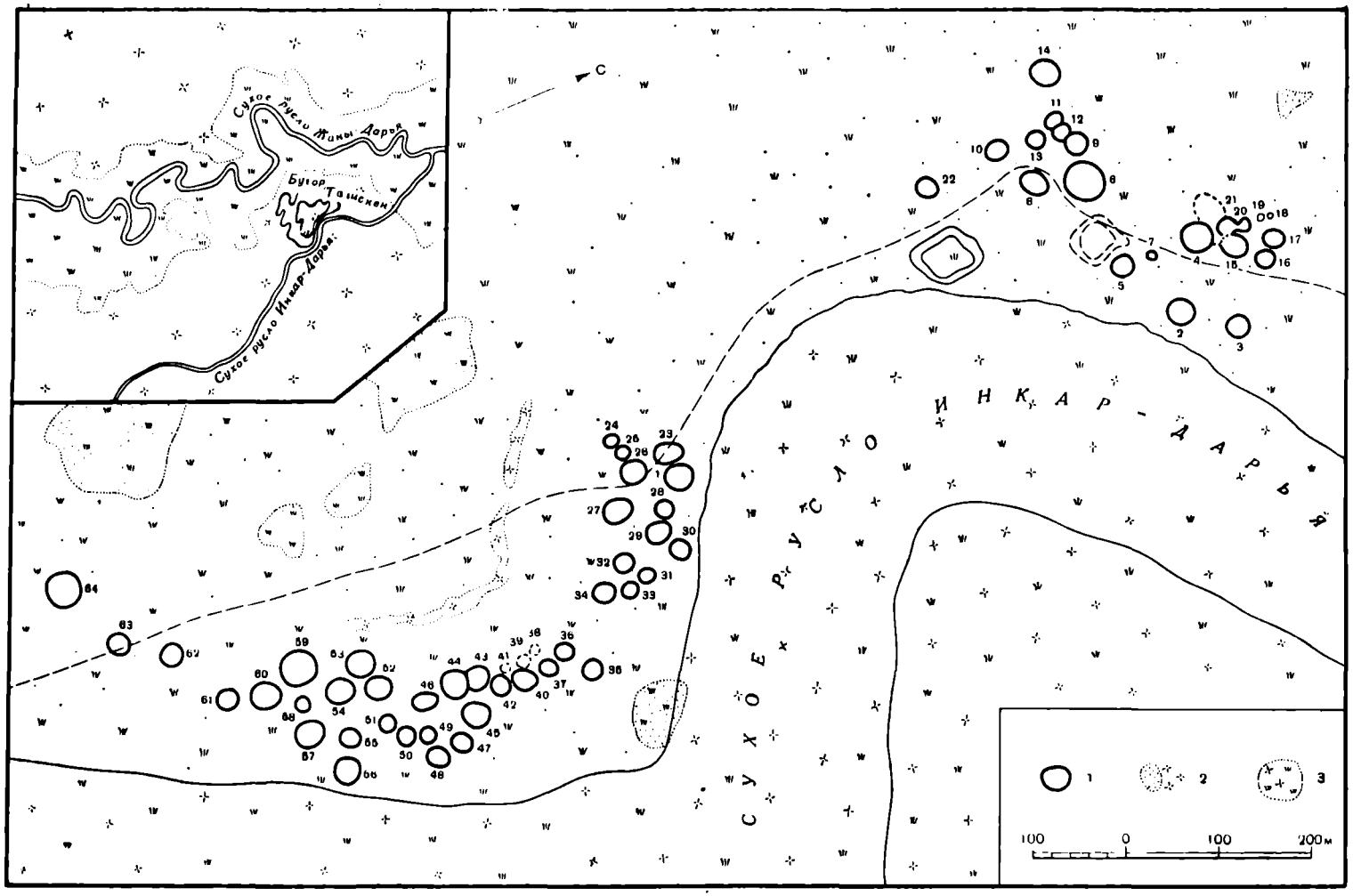


Рис. 2. Могильник Тагискен:

1 — курганы; *2* — пески и такыры; *3* — заросшие такыры

Рис. 3. Тагискен. Северная группа погребальных сооружений, аэрофото

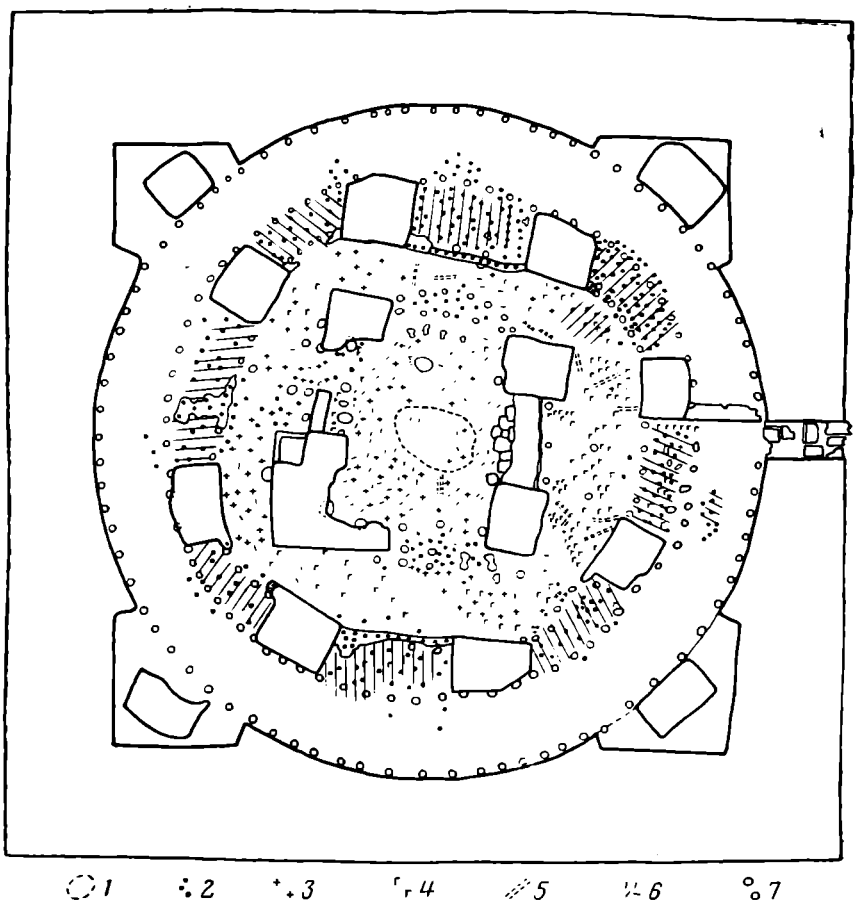


Рис. 4. Тагискен. Мавзолей № 4:

1 — горелое пятно; *2* — обмазка; *3* — керамика; *4* — угли, *5* — горелое дерево; *6* — кости, *7* — столбовые ямки

В мавзолеях Тагискена наблюдается своеобразное сочетание квадратной и круглой планировки (рис. 4, 5). Основой ее является круг, вписанный в квадрат внешней стены, имеющей около 20 *м* по стороне. Очень остроумно решен переход от квадрата к кругу: по углам внутри внешнего квадрата поставлены прямоугольные колонны из сырцового кирпича, образующие вместе с примыкающими к ним участками стены внешнюю стенку окружающего мавзолея кольцевого коридора. Внутренняя стена кольцевого коридора также образована системой колонн; в разных мавзолеях число их варьирует от 10 до 12. И, наконец, внутри располагаются четыре или восемь таких же колонн, образующих в плане прямоугольник — центральную камеру. Таким образом, мы имеем сложное колонное сооружение не известного до сих пор в нашем бронзовом веке типа, которое можно с полным правом назвать уникальным.

Надо отметить, что эта кирпичная конструкция сочетается с деревянной, которая руководствуется в основном принципом круга. Вдоль внешней и внутренней стен обводного коридора располагаются кольца столбовых ям. То же самое наблюдается и в центральной части мавзолея. Перед нами интересное сочетание кирпичной сырцовой постройки с деревянной. Правда, известны аналогичные конструкции и на других обследованных нами памятниках, в частности — на круглом погребальном здании городища Чирик-Рабат; однако это памятник более поздний, относящийся уже к IV в. до н. э.

В центральной камере совершалось трупосожжение. Горела не только квадратная центральная камера, но и все деревянные сооружения

Рис. 5. Тагискен. Курган № 5а

кольцевого коридора. В ходе раскопок мавзолеев были сделаны важные наблюдения относительно конструкции и архитектурных особенностей этих сооружений и обнаружено очень много интересных и ценных вещей. Встает вопрос, что же представляет собой это сооружение, которое в миниатюре напоминает знаменитый английский Стонхэндж или Вудхендж. Что означает это своеобразное сочетание деревянной и сырцовой конструкций? Для понимания конструкции тагискенских мавзолеев большую роль играет сравнительный материал. Известны аналогичные сооружения (правда, не погребального, а жилого назначения) на очень обширной территории, главным образом в Африке. Я имею в виду значительную часть Судана и особенно Восточную Африку, Эфиопию, а также Южную Африку [10]. Это цилиндро-конические жилые дома, построенные из дерева, травы и прутьев. (рис. 6), превращающиеся затем в Эфиопии и в ряде других мест в дворцовые и даже церковные сооружения (рис. 7). В этих эфиопских и некоторых других восточноафриканских сооружениях мы видим сочетание дерева и глины. В основе их цилиндро-конических конструкций находятся деревянные столбы, окружающие центральное жилое помещение. В центре расположены обычно восемь, четыре или два столба, поддерживающих крышу у дымового отверстия и окаймляющих раму конического перекрытия. При этом за пределами главного дома очень часто наблюдаются внешние галереи или внешние коридоры, тоже окаймленные столбами, иногда со стеной между ними. Обычно это сочетается со двором, который может быть не только круглым, но и квадратным или неправильной овальной формы.

Мне представляется, что если мы положим в основу расшифровки этих памятников гипотезу о том, что аналогичного типа жилища господствовали у населения бронзового века в этом районе, то все выяснится достаточно четко. Известно, что в подавляющем большинстве случаев при создании могильного сооружения подражают формам жилого дома. Это многократно доказано исследованиями истории архитектуры. Перед нами специально построенный для умершего вождя дом, в центре кото-

[10] См., например: W. S. Routledge and K. Routledge. With a Prehistoric People. London, 1910; L. Frobenius. Das unbekannte Africa. München. 1923, Deutsche Aksum-Expedition, III, Profan- und Kultbauten Nordabessiniens. Berlin, 1913.

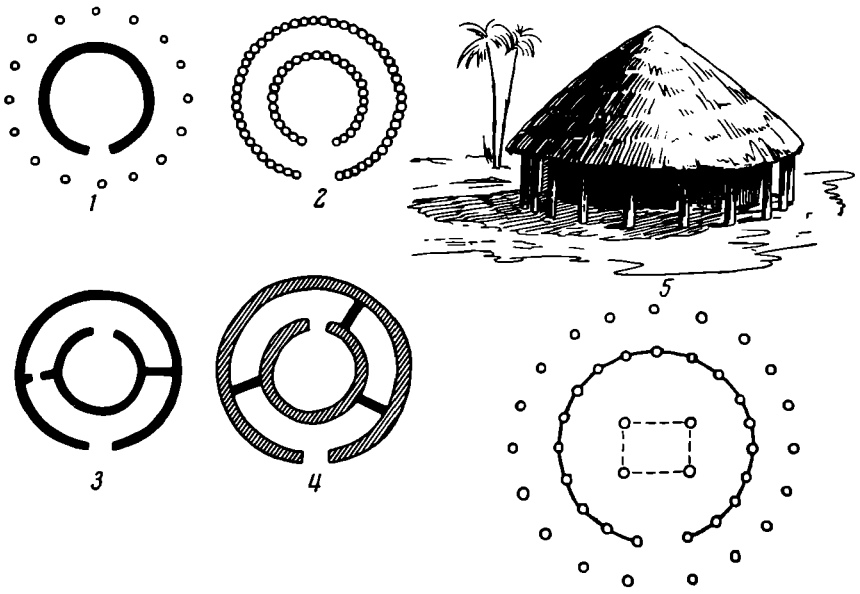


Рис. 6. Цилиндро-конические хижины из междуречья Замбези-Лимпопо эпохи средневековья:

1 — глинобитно-столбовая; *2* — столбовая; *3* — глинобитная, *4* — каменная с глиняными перегородками; *5* — столбовая хижина Никуйю

рого сжигалось его тело. Во внешней галерее и частью в центральной камере располагались многочисленные сосуды и другие необходимые для загробной жизни предметы быта. Возможно, что и в жилых домах родовой знати, родовых вождей, в частности, наряду с деревянными конструкциями могли быть и сырцовые. Может быть, однако, что сырцовая конструкция делалась только для такого торжественного и важного момента, как погребение.

При этом нет никакого основания считать, что после сожжения погребенного все это сооружение засыпалось. Стены сооружения стояли открытыми и к нему примыкали многочисленные другие сооружения. Об этом свидетельствует и развал кирпича с внешней стороны мавзолея, непосредственно под стеной. Вряд ли можно говорить и о возведении насыпи над комплексом в целом.

Правда, мы имеем над слоем пожарища еще один слой, который можно толковать как остатки насыпи. Однако это, по-видимому, результат постепенного разрушения сырцовых конструкций мавзолея. Кирпичи, из которых они были возведены, изготовлялись из той же рыжеватой глины, которая образует поверхностный слой возвышенности Тагискен. Вероятно, после того как сгорал погребальный дом, над ним возводился другой, для сооружения перекрытия которого снова использовались сырцовые колонны.

Этим можно объяснить и сочетание кирпичной кладки с деревянными конструкциями.

Мы можем сейчас уже выделить среди этих мавзолеев более ранние и более поздние. Те, о которых шла речь, относятся к ранней группе. Более поздние сооружения несколько проще: внешний квадрат исчезает и заменяется циркульной стеной; некоторые из них сохраняют деревянные конструкции.

Наиболее поздний из мавзолеев этого типа — раскопанный в 1961 г. величественный царский мавзолей № 6 (рис. 8). Он представляет собой круглое в плане сооружение (диаметром около 25 *м*) с обводным коридором и квадратной камерой. Однако ни сырцовых колонн, ни деревянных конструкций здесь уже нет.

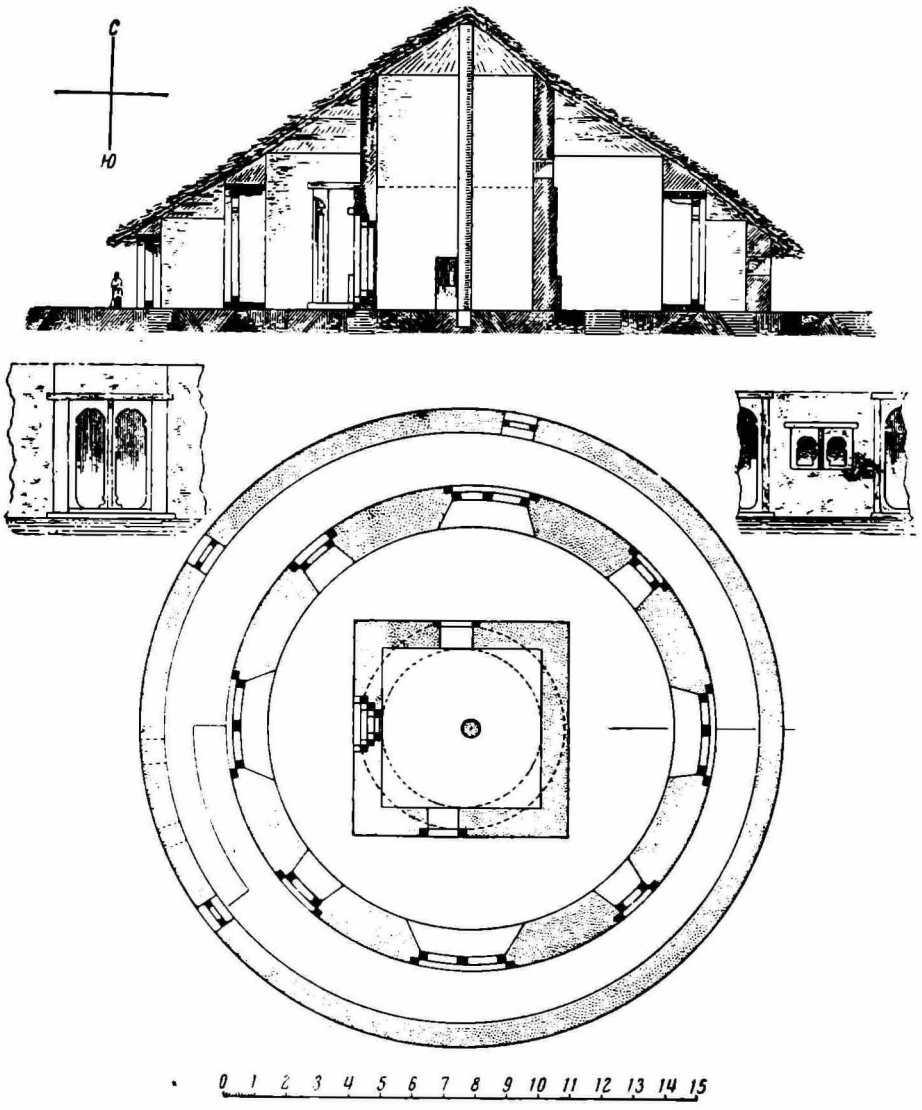


Рис. 7. Христианская церковь в Заседжи (Эфиопия)

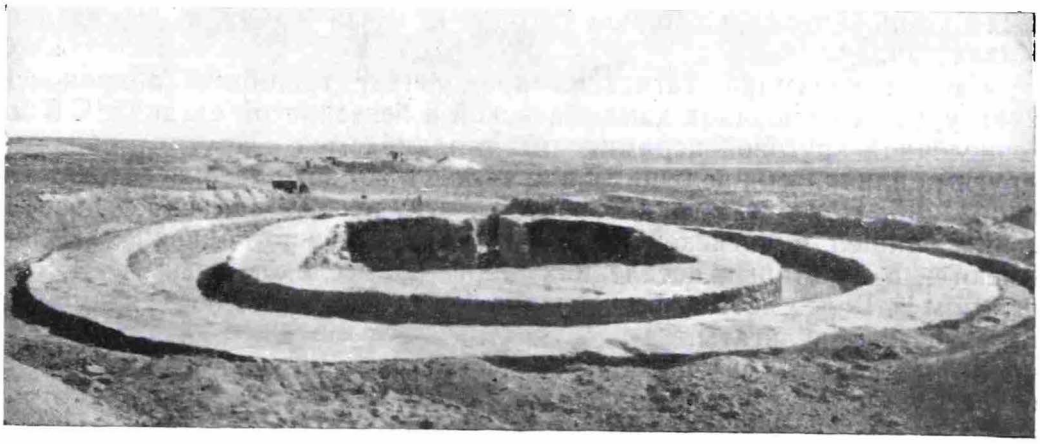


Рис. 8. Тагискен. Мавзолей № 6

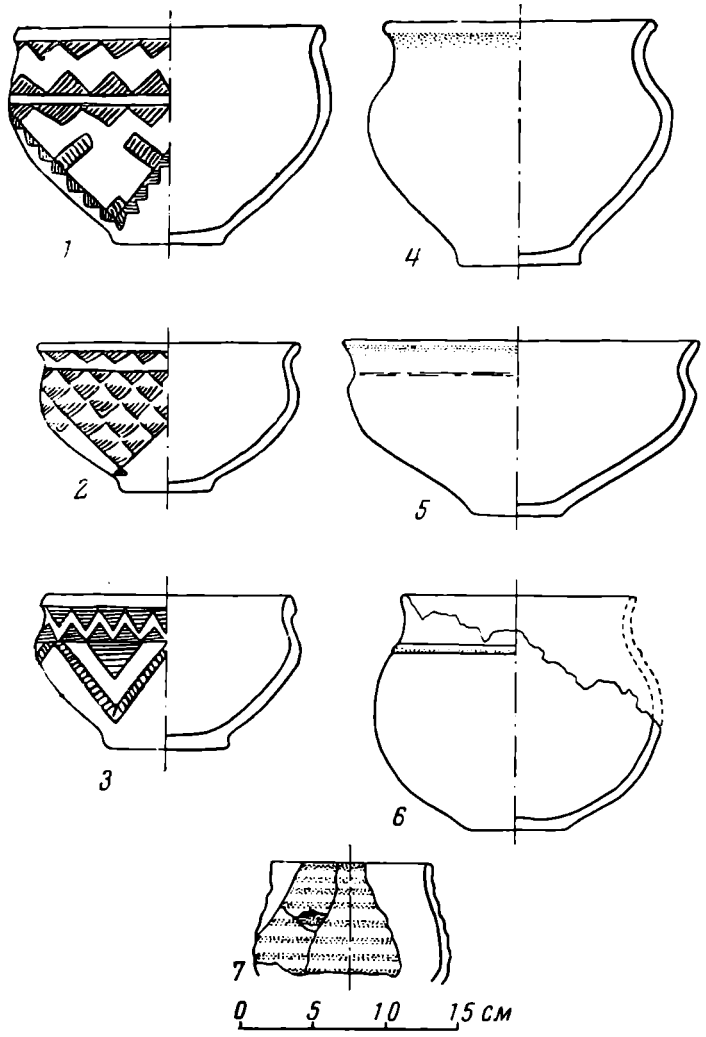


Рис. 9. Тагискен. Керамика из мавзолея № 7

В процессе раскопок было сделано много интересных находок. Особенно богата керамическая коллекция (рис. 9—11). Целых сосудов найдено около двухсот. Многие раздавленные сосуды уже восстановлены, и сейчас в нашем распоряжении огромная коллекция. Керамический материал обнаруживает наличие в культуре Тагискена двух основных компонентов. С одной стороны, связи ведут в Центральный Казахстан.

Лепная керамика Тагискена продолжает традиции андроновской культуры, на ее поздних дандыбаевской и бегазинской стадиях [11]. В многочисленной круговой керамике мы сталкиваемся с другими связями и другими влияниями, ведущими нас на юг, в область древневосточных цивилизаций. Пока еще трудно сказать, откуда этот элемент непосредственно пришел в тагискенскую культуру. Особенно близкие аналогии имеются в некоторых поселениях Ферганы, исследованных А. Н. Бернштамом [12]. Более детальное изучение всех связей даст несомненно очень интересные результаты.

Кроме посуды, мы располагаем находками металлических изделий, в частности наконечниками стрел (рис. 12, *1—4*), датировка которых

[11] Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126—136; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 137—141.

[12] «Чуйская долина», МИА, 14, 1950, табл. XXXI, *3, 4*.

Рис. 10. Тагискен. Керамика из мавзолея № 5*б*

укладывается в этот же исторический период (начало I тысячелетия до н. э.) [15]. Найдены различные украшения, в том числе и золотые (рис. 12 и 13). Из раскопок последнего сезона можно отметить массивную, очень своеобразную золотую серьгу, золотые и сердоликовые бусы, бронзовую булавку.

---

[13] Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Ук. соч., стр. 132, рис. 42, *1*; С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, 53, 1954, рис. 23, *7*; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 231, табл. XXXVI, *4, 5*; М. П. Грязнов. Ук. соч., рис. 3, *2б*.

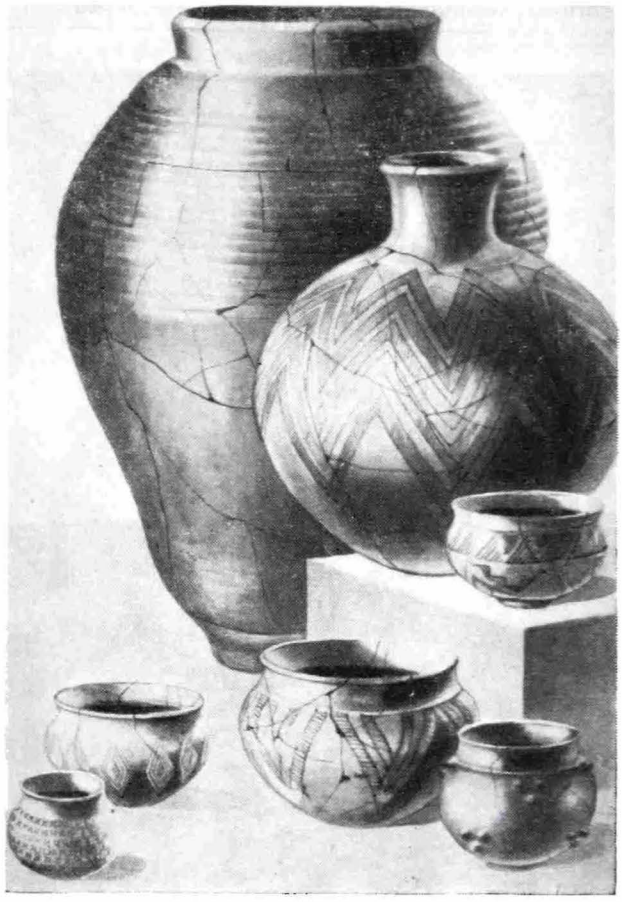


Рис. 11 Тагискен. Керамика из мавзолея № 6

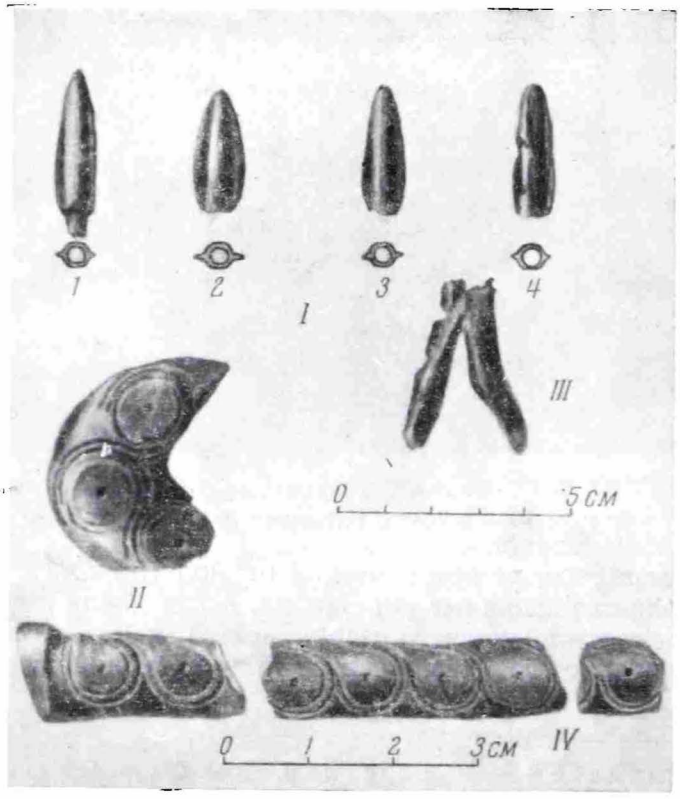


Рис. 12. Тагискен

I — стрелы (*1*, *3* — мавзолей № 7; *2*, *4* — мавзолей № 4); *II*, *IV* — костяные изделия из мавзолеев № 4а и 6; *III* — золотой рельеф из мавзолея № 6

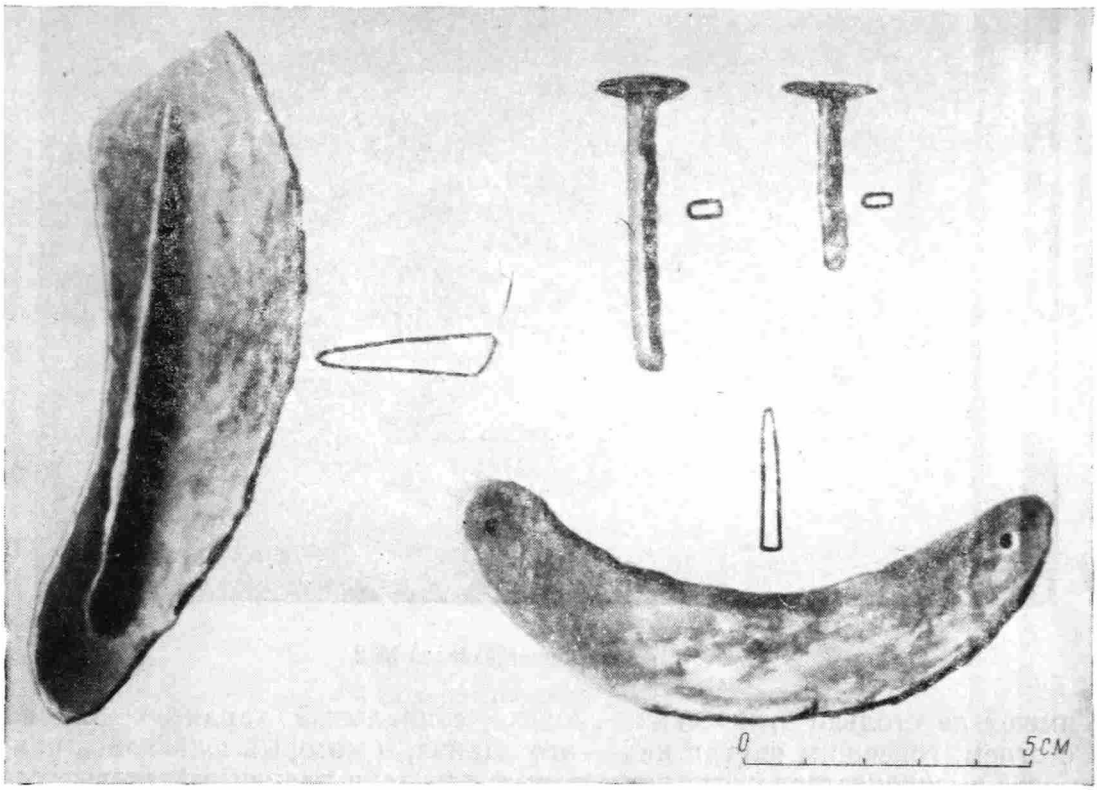


Рис. 13. Тагискен. Бронзовые предметы из мавзолея № 6

Комплекс в целом очень выразителен. Характер жилищ, инвентаря и сопровождающих погребения животных несомненно свидетельствует, что перед нами не кочевой, а оседлый народ, занимавшийся разведением крупного рогатого скота и коз (и то и другое несовместимо с кочевым образом жизни) и земледелием.

Мы, к сожалению, еще не исследовали содержимого сосудов, но я думаю, что исследование покажет в ближайшее время, какие культуры здесь возделывались.

Что касается последующей линии развития этой культуры — в античное время, то о ней свидетельствуют результаты раскопок также расположенного на бугре Тагискен круглого мавзолея № 2 (рис. 14). Найденные здесь погребения были основательно разграблены, что не позволяет точно установить время его сооружения. Но этот памятник, а также другой, похожий на него (Кзыл-Тюбе, к западу от могильника Тагискен), позволяют говорить о раннем античном периоде (VI—V вв. до н. э.). Дальнейшее исследование позволит уточнить эту датировку.

Мавзолей № 2 представляет собой цоколь высотой 1,15 *м*, на котором сооружена циркулярная сырцовая стена, а внутри нее — две взаимно пересекающиеся стенки, образующие четыре камеры. Это центральное здание окружено круглой кирпичной стеной. Здесь также господствовал обряд сожжения.

Сгорание, как и в древних тагискенских мавзолеях, происходило не только и не столько во внутренней камере, сколько во внешнем круглом коридоре, идущем вокруг центрального сооружения. Здесь горел такой сильный огонь, что поверхность стен ошлаковалась, а упавшие кирпичи расплавились.

Перед нами памятник, который позволяет яснее понять происхождение синхронных с ним памятников, так называемых «шлаковых курганов» VI—V вв. до н. э. Очевидно, различия между этими сооружениями

Рис. 14. Тагискен. Мавзолей № 2

имеют не столько этнический, сколько социальный характер. Здания с огнем, горевшим внутри них,— это здания, в которых сжигались наиболее высокопоставленные лица, вожди или цари племен. Шлаковые сооружения представляли собой сооружения для средней прослойки общества. И, наконец, мы встречаемся с третьим направлением развития этой традиции. Здесь я перейду к характеристике сакских курганов, раскопанных как в южной группе Тагискена, так и на бугре Уйгарак (руководитель раскопок — О. А. Вишневская).

На Уйгараке находится свыше восьмидесяти курганов, восемь из которых раскопаны. Это уже настоящие курганы — свыше 20 *м* в диаметре с невысокими насыпями. Внутренняя конструкция этих погребальных сооружений оказалась весьма своеобразной. Под насыпью расчищены погребения на грунте, окруженные, как правило, двойным кольцом столбовых ям (рис. 15). Это позволяет установить, что здесь в миниатюре

Рис. 15 . Уйгарак. Курган № 66

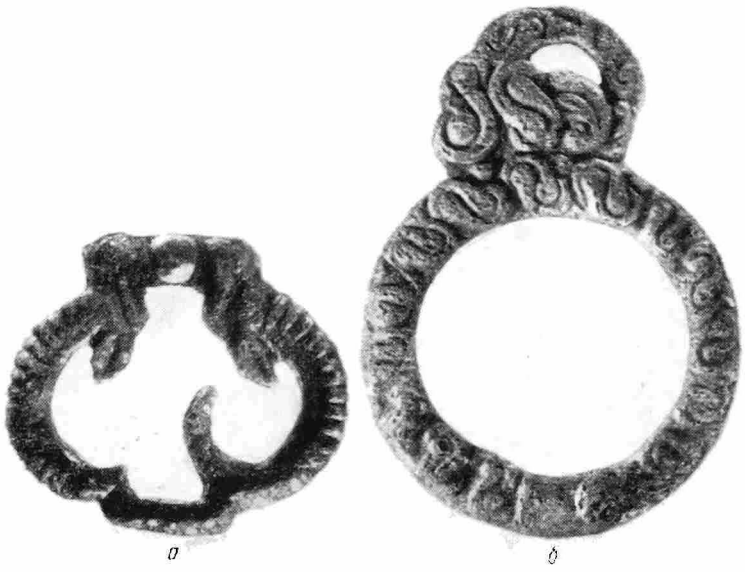


Рис. 16. Детали конского убора:
а — из кургана № 66; *б* — из кургана № 8

создавалась та же цилиндро-коническая конструкция (курганы №№ 8, 66, 77). Погребенный лежал на подстилке из травы и камыша. Горела только внешняя конструкция; рухнувшее перекрытие сохраняло покойников от сгорания. Большинство курганов было разграблено, но некоторые оказались или недограбленными или совсем нетронутыми. Все они характеризуются материалом, позволяющим четко определить даты. Это, во-первых, наконечники скифских бронзовых стрел, во-вторых, детали конского убора: удила, псалии, бляхи и другие предметы. Среди последних — прекрасные образцы предметов в скифском зверином стиле, весьма архаического типа, например, изображения архаров (горных баранов с закрученными рогами) и орнаментализированные изображения голов грифонов (рис. 16). И наконечники стрел, и предметы конского убора датируются VI — началом V в. до н. э., может быть, даже концом VII в., т. е. относятся к скифской архаике.

Примерно тот же материал содержали курганы и другого типа. Здесь мы наблюдаем уже погребальную яму без следов трупосожжения. На дне ямы, вдоль стенок, вырыты канавки; погребенный лежит как бы на земляном столе (курганы №№ 29 и 54 южной группы Тагискена и курган № 16 на Уйгараке, рис. 17). Наряду с замкнутыми ямами было исследовано одно курганное погребение с длинным дромосом — 12-метровым ходом, вырытым в грунте (курган № 54 южной группы Тагискена, рис. 18).

Это последнее погребение оказалось очень интересным. Покойник (или, вернее, та часть его останков, которая сохранилась от грабителей) лежал по диагонали камеры, вдоль стенок которой были выкопаны канавки. Курган, датирующийся примерно V в. до н. э., несколько напоминает раскопанный нами величественный курган на Чирик-Рабате. Но самое интересное то, что он перебрасывает «мост» в широко известный на территории Восточной Европы и Северо-Западного Казахстана обряд так называемого диагонального погребения, который К. Ф. Смирнов, на мой взгляд вполне основательно, связывает конкретно с одним из сарматских племен — роксоланами [14]. Здесь мы имеем одно из наибо-

[14] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, 1, стр. 213—219.

лее ранних и самое восточное диагональное погребение, что еще раз заставляет подумать о возможности прихода роксолан в степи Поволжья с Востока.

Таким образом, мы видим, что здесь сталкиваются два обряда: ямный обряд с трупоположением и обряд погребения на грунте с трупосож-

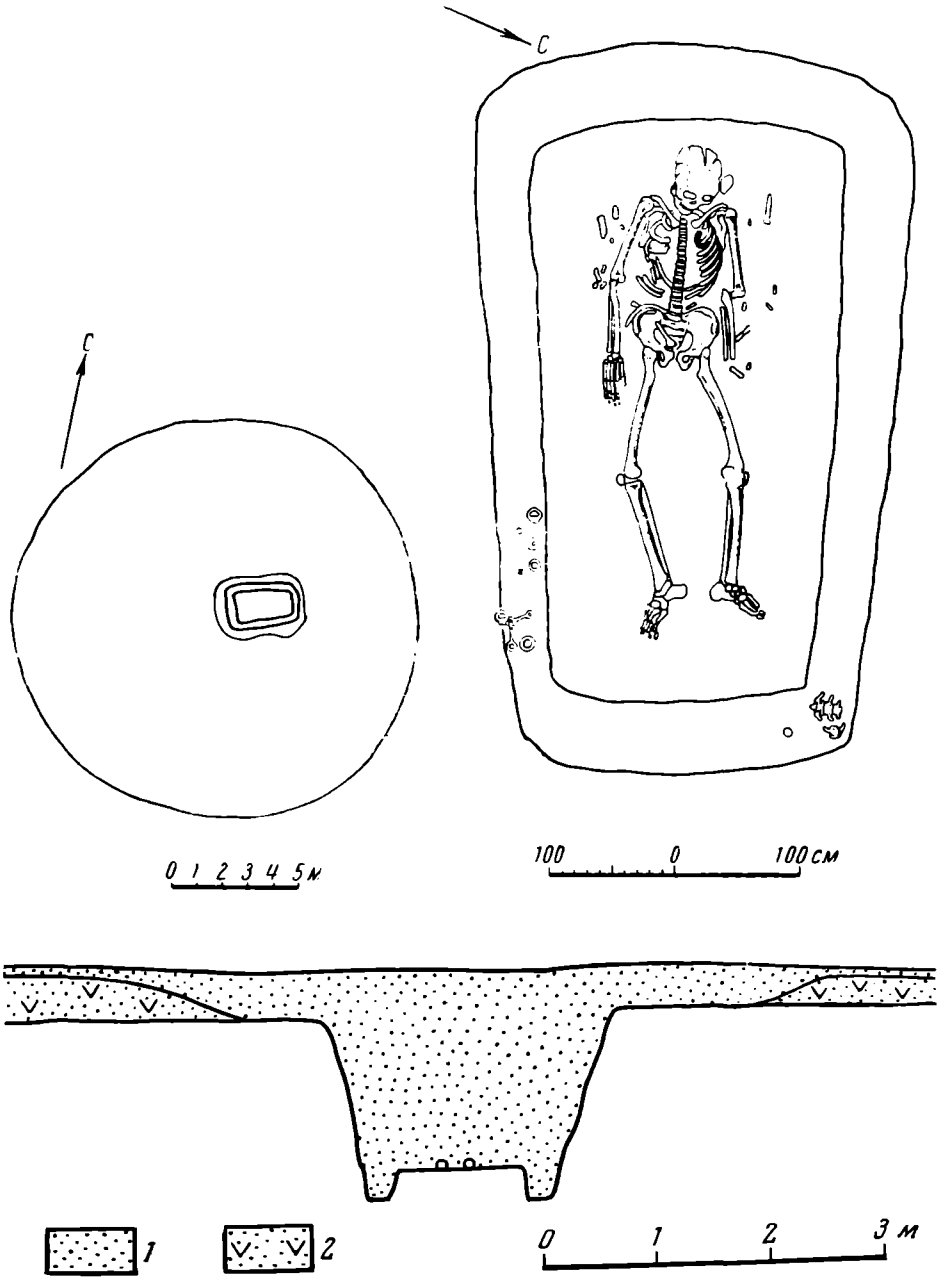


Рис. 17. Уйгарак. Курган № 16:
1 — компактная песчаная масса; *2* — плотный песчаный слой с карбонатными стяжениями

жением. Нам уже приходилось отмечать факт сочетания на территории расселения саков Нижней Сыр-Дарьи двух погребальных обрядов — трупосожжения и трупоположения [15]. Первый из этих ритуалов, восходящий несомненно к ритуалу тагискенских мавзолеев (рис. 19), мы связывали с неоднократно упоминаемым античными источниками крупным

[15] С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм..., стр. 141—142.

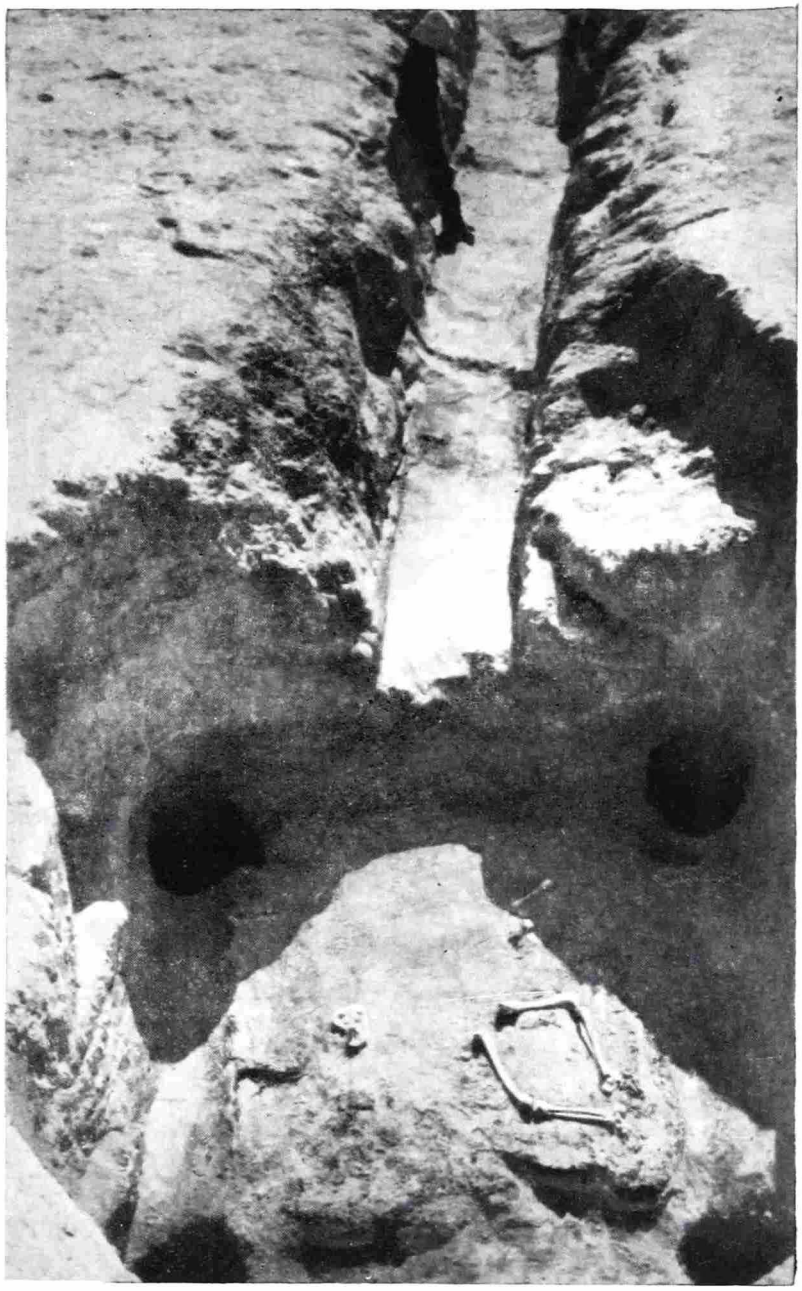


Рис. 18. Тагискен. Курган № 54

племенем сакараваков («сака-хаумаварга» древнеперсидских надписей). Второй ритуал, несомненно, связан с крупным племенным союзом апасиаков — «водных», или «речных», саков. Возможно, что в состав этого племенного союза входили и роксоланы с характерным для них обрядом диагонального трупоположения.

Чтобы покончить с обзором этого материала, должен упомянуть, что в южной группе Тагискена нами обнаружено еще одно любопытное погребальное сооружение — мавзолей № 1, относящийся к сакскому времени, примерно к IV в. до н. э. (рис. 20).

Это также цилиндрическое, 16-метровое в диаметре, имеющее цоколь сооружение, на котором воздвигнуто круглое здание из сырцового кирпича, но уже другого типа. Здесь нет ни внешнего коридора, где горел огонь, ни чего-либо другого, на него похожего. Сооружение имеет центральный неф и две отходящие от него погребальные камеры, где совер-

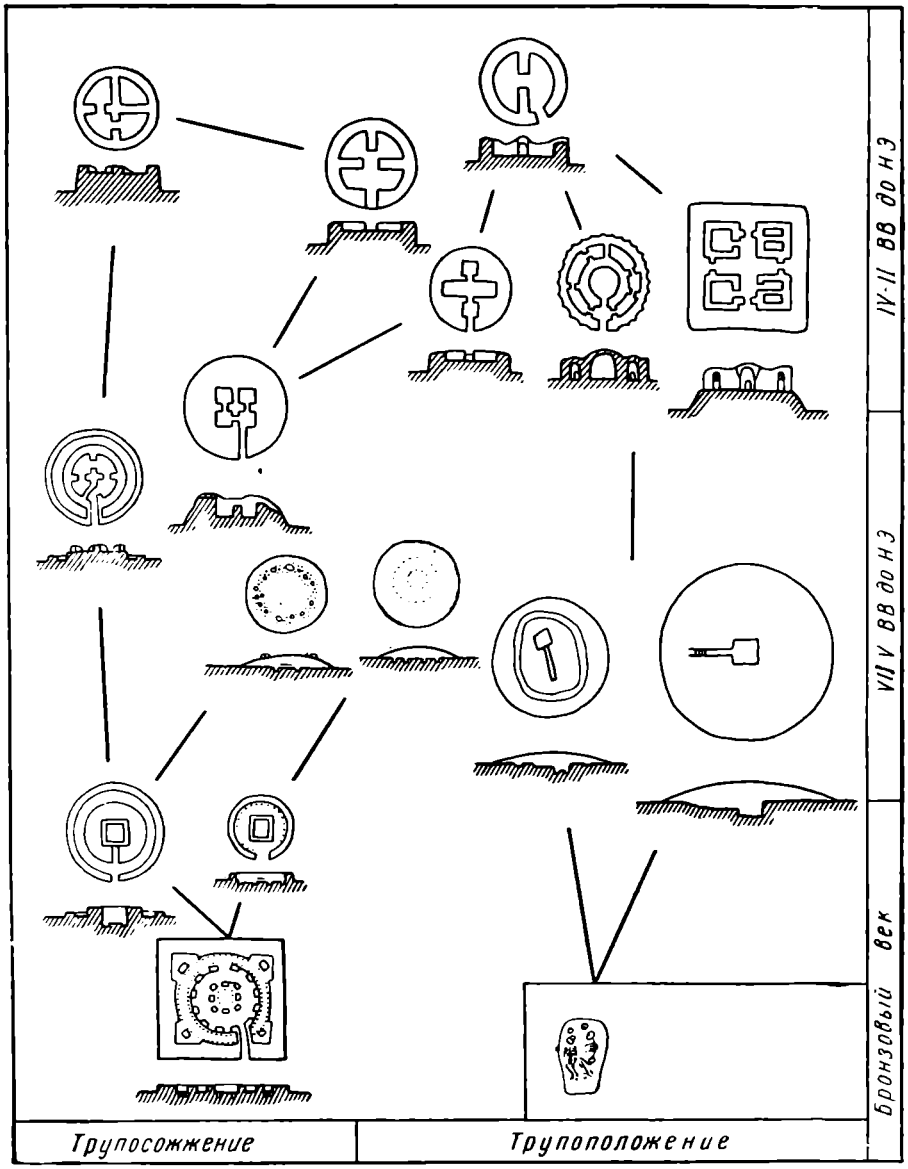


Рис. 19. Схема погребальных сооружений в древней дельте Сыр-Дарьи

шался обряд трупосожжения. Несомненно, здесь мы наблюдаем наиболее простой вариант того типа сооружения, который представлен в Хорезме грандиозной крепостью — мавзолеем Кой-Крылган-Кала. Это подтверждает гипотезу, котоую мы высказали на основании наших работ более раннего периода [16],— гипотезу о том, что планировка Кой-Крылган-Калы может быть связана с погребальными сооружениями сыр-дарьинских сакских племен, для которых характерно также крестообразное расположение камер.

Нами были произведены рекогносцировочные раскопки курганов, открытых при авиаразведках 1960 г. на бугре Кок-Сенгир. Первый из трех раскопанных курганов (рис. 21) оказался неограбленным и представляет большой интерес, так как позволяет ставить ряд любопытных исторических вопросов. Этот памятник датируется II—III вв. Здесь найдены уже не бронзовые, а железные стрелы, сарматский меч в ножнах из дерева и материи, лук с костяными обкладками. Ножны меча были

[16] С. П. Толстов, Ю. А. Рапопорт, М. Г. Воробьева. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1957 г. Материалы ХЭ, 4, 1960, стр. 61.

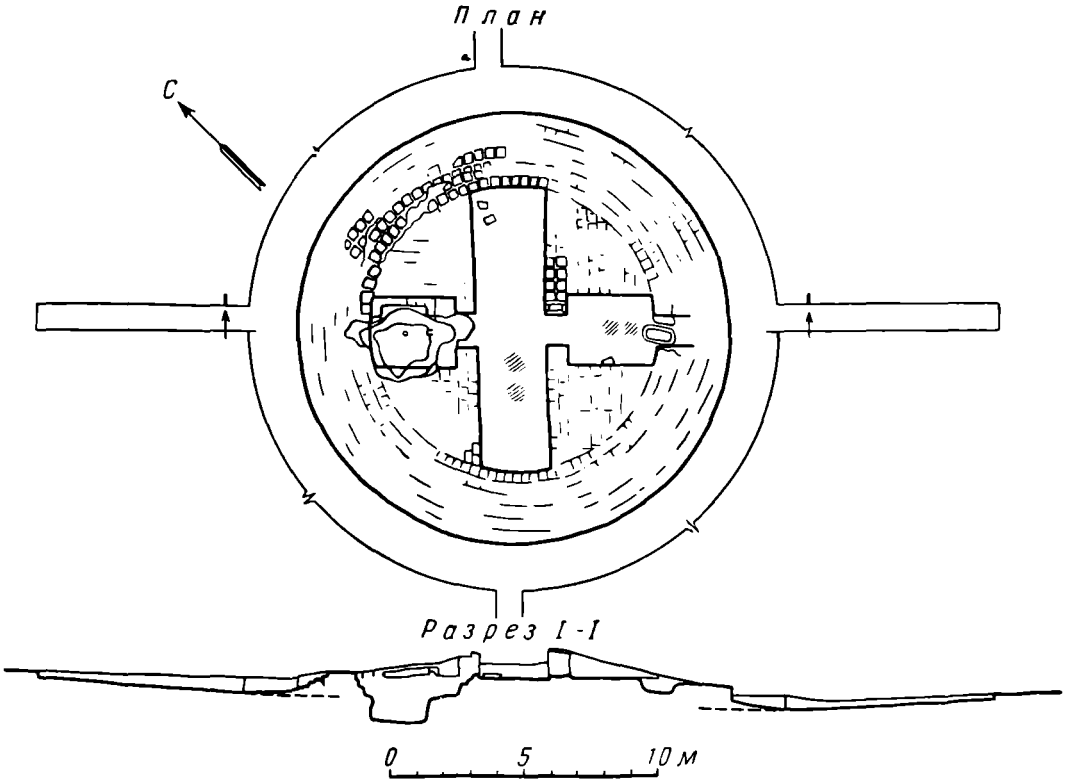


Рис. 20. Тагискен. Курган № 1

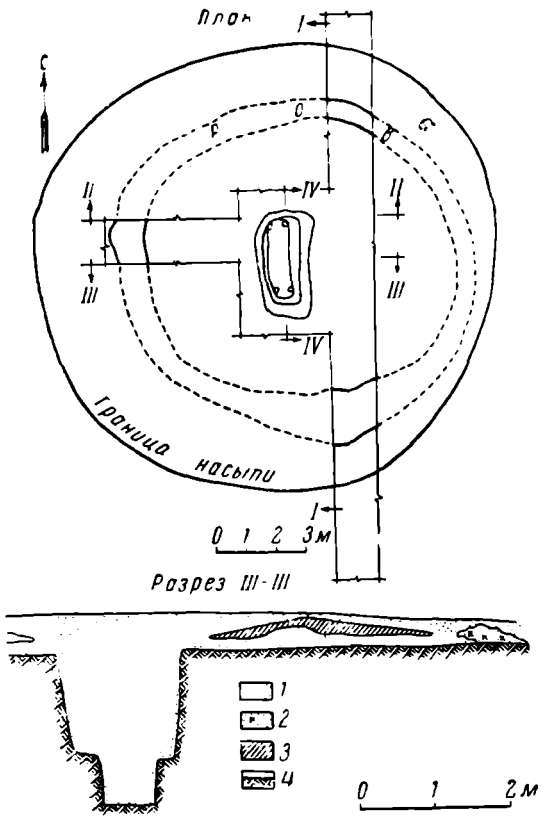


Рис. 21. Кок-Сенгир. Курган № 1

1 — песок с мелкими камешками; *2* — красноватый песок; *3* — гырная насыпь, *4* — гыр

украшены двумя золотыми головками верблюдов с инкрустацией из бирюзы (рис. 22). Здесь были найдены также зерна. Два других кургана того же времени оказались разграбленными.

Если более древние курганы носят специфический восточный облик и связаны с кругом скифских памятников, то здесь перед нами уже типичные сарматские погребения. И сосуды, сопровождавшие покойника, и ритуал, и характер погребального сооружения свидетельствуют о том, что огромная область, детально изученная нашими исследователями, область савроматов, а позднее сарматов в Поволжье имеет свое продолжение в Средней Азии. Сейчас необходимо вновь поставить вопрос о том, что нельзя изучать скифскую проблему, не связывая ее теснейшим образом с проблемами археологии и истории Средней Азии.

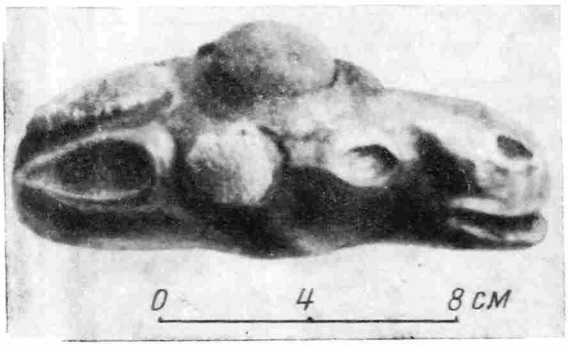


Рис. 22. Кок-Сенгир. Головка верблюда с ножен меча

Помимо погребальных сооружений, в 1961 г. велось также исследование поселений скифского времени. Очень важные результаты дали раскопки городища Баланды I (IV—II вв. до н. э.), оказавшегося не городком, как мы думали, а большим домом, прямоугольным в плане, размером 80 × 130 *м* [17]. Раскопки ряда помещений дали очень ценные находки, в том числе изделия из сирийского стекла, из резной слоновой кости индийского происхождения, а также резного дерева. Из находок 1961 г. отметим бронзовое зеркало и превосходно сделанное из кварцита скульптурное изображение какого-то зверя. Мнения специалистов, к которым мы обратились с просьбой определить породу зверя, разделились. Предполагают, что в изображении зверя есть элементы разных животных, в частности, лягушки, носорога, бегемота, медведя, кабана, ящера. Проф. В. Г. Гептнер считает в высшей степени вероятным, что прообразом этого изображения служит одна из собакоголовых обезьян, вернее всего гамадрил, водящийся в Южной Аравии. Искажение некоторых деталей, по его мнению, можно объяснить тем, что художник делал эту фигурку по памяти. Нам же кажется, что это — сильно стилизованное, выполненное в скифском зверином стиле изображение льва.

Полученные нами материалы позволяют совершенно по-новому поставить вопрос об уровне социального развития сакских племен исследуемого района. Это далеко продвинувшееся в своем развитии общество, имеющее, кроме скотоводческого хозяйства, по-своему высокоразвитые формы ирригационного земледелия и высокий уровень развития ремесла. Для него характерна прочная оседлость, выступавшая, однако, в сложном единстве с кочевым бытом пастухов и легкой подвижностью всего населения, если этого требовала необходимость. Подвижность эта, вырабатывавшаяся веками, была обусловлена прежде всего самим характером ирригационного земледелия, базировавшегося на часто меняющих свое направление дельтовых руслах, что вынуждало земледельцев менять уже освоенные места и создавать в новых районах новую ирригационную систему, строить новые деревни и города [18].

[17] Два аналогичных дома примерно тех же размеров были открыты в 1961 г. на большом сакском поселении того же времени в 15 *км* к юго-востоку от Чирик-Рабата.

[18] С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102; Т. А. Жданко. Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии. Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте. Ташкент, 1958, стр. 628—638; ее же. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960.

* *
*

Вторым циклом наших работ были исследования памятников средневекового и нового времени.

Наши разведывательные маршруты дали нам возможность ознакомиться с большим комплексом огузских памятников, частично открытых еще в 1959—1960 гг. И здесь мы также имеем дело не с настоящими кочевниками, а с людьми, жившими в городах. Планировка этих городов очень типична. Они имеют расположенное в центре большое укрепленное прямоугольное здание — цитадель, вокруг которого находилась овальная широкая площадь, застроенная по краям. Эти памятники датируются X—XIII вв., доживая иногда до XIV в.

Был обследован район городищ Хаджа-Казганской группы на северном протоке Инкар-Дарьи, а также известное городище Асанас, уже давно отождествляемое исследователями, в том числе и В. В. Бартольдом, с раннесредневековым городом Ашнас, который был взят Джучи во время его похода против Хорезма в 1219 г. [19].

Городище Асанас, овальное в плане (около 250 *м* по длинной оси), окружено мощной стеной с башнями и рвом. В восточной части городища сохранились остатки цитадели в виде бугра с крутыми склонами площадью 40 × 50 *м* (рис. 23).

Окрестности городища орошал канал, так называемый Асанас-Узяк, представляющий собой очень основательное ирригационное сооружение, сохранившее свой облик до наших дней.

Предполагалось, что это один из городов, построенных согдийцами, однако полученные нами материалы убедительно показывают, что жителями его были не согдийцы, а местное население, связанное корнями своей культуры с огузскими племенами присырдарьинских районов и бассейна Инкар-Дарьи, о чем свидетельствуют планировка и многие черты фортификации, а также найденная здесь керамика.

Памятники более позднего времени были охвачены нашими исследованиями в районе одного из протоков Куван-Дарьи — русла Майли-Узяк. Здесь были обследованы крупная ирригационная система XVII — начала XIX в. и ряд крепостей, построенных местным населением.

Большой интерес представляет крепость Бузук-Кала, построенная по типу уже хорошо известных нам крепостей западной части Жаны-Дарьи, датируемая началом XIX в., и комплекс крепостей, носящих общее название Хатын-Кала. Наибольший интерес представляет крупнейшая из этих крепостей, Хатын-Кала I (рис. 24 и 25), занимающая площадь около 6 *га*, с прямоугольной цитаделью, имеющей по сторонам около 200 *м*, и массивными стенами. Само городище, построенное на берегу Майли-Узяк, имеет в плане форму неправильного круга, примыкая к руслу концами внешней стены. Крепость имела необычайно мощную оборону. Стены сейчас сохранились в высоту до 4 *м*; толщина у основания около 7 *м*. Очень сложна система обороны северо-западного угла, оформленная в виде бастиона, господствующего над подходом к крепости со стороны реки, где были расположены ворота в цитадель и пристань. Собранный здесь материал оказался преимущественно очень поздним, относящимся уже к XVII—XIX вв.

Интересно, что крепость взята была штурмом при помощи артиллерии средневекового типа — фальконетов, мелкокалиберных пушек, железные ядра которых мы нашли около бастиона.

Исследования, проведенные сотрудниками экспедиции Т. А. Жданко и Б. В. Андриановым, позволили отождествить эту крепость с известной в первой половине XIX в. русским исследователям хивинской крепостью

[19] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 150—151.

Рис. 23. Городище Асанас. План

Ходжа-Нияз-Калой. Источники говорят нам о том, что во время событий первой половины XIX в. с проникновением кокандского влияния на этот район, находившийся издавна под суверенитетом Хивинского ханства, в связи с тем, что кокандцами был сооружен ряд крепостей, хивинцы воздвигли тоже несколько крепостей, самой крупной из которых была Ходжа-Нияз-Кала.

После длительной борьбы эта крепость была взята кокандцами штурмом, затем в результате дипломатических переговоров возвращена Хиве. И только после взятия русскими войсками Ак-Мечети в 1853 г. хивинские войска покинули крепости на Куван-Дарье, в том числе в 1856 г. и Ходжа-Нияз-Калу.

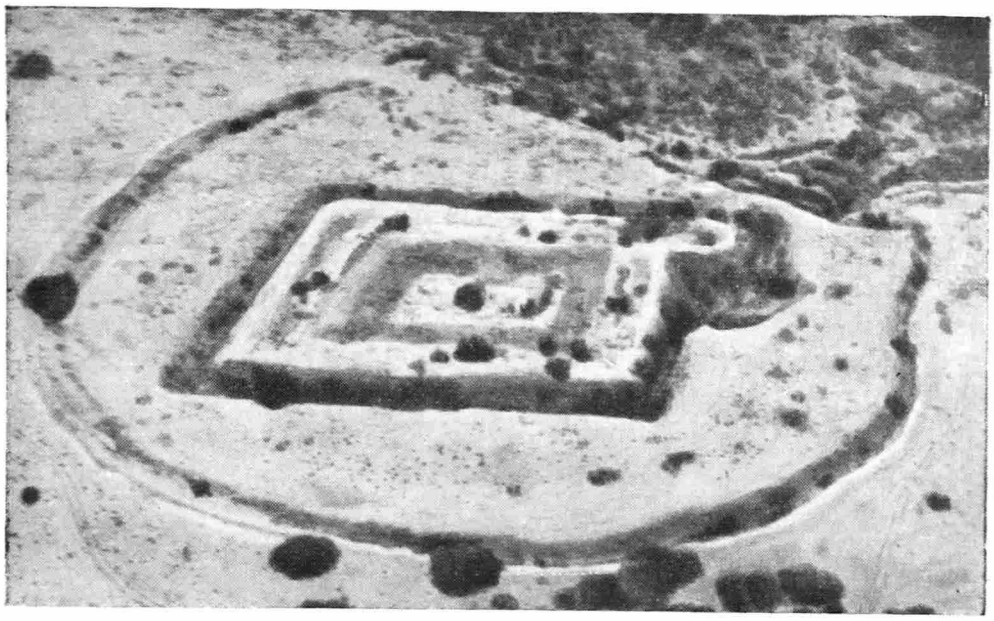


Рис. 24. Хатын-Кала I. Аэрофото

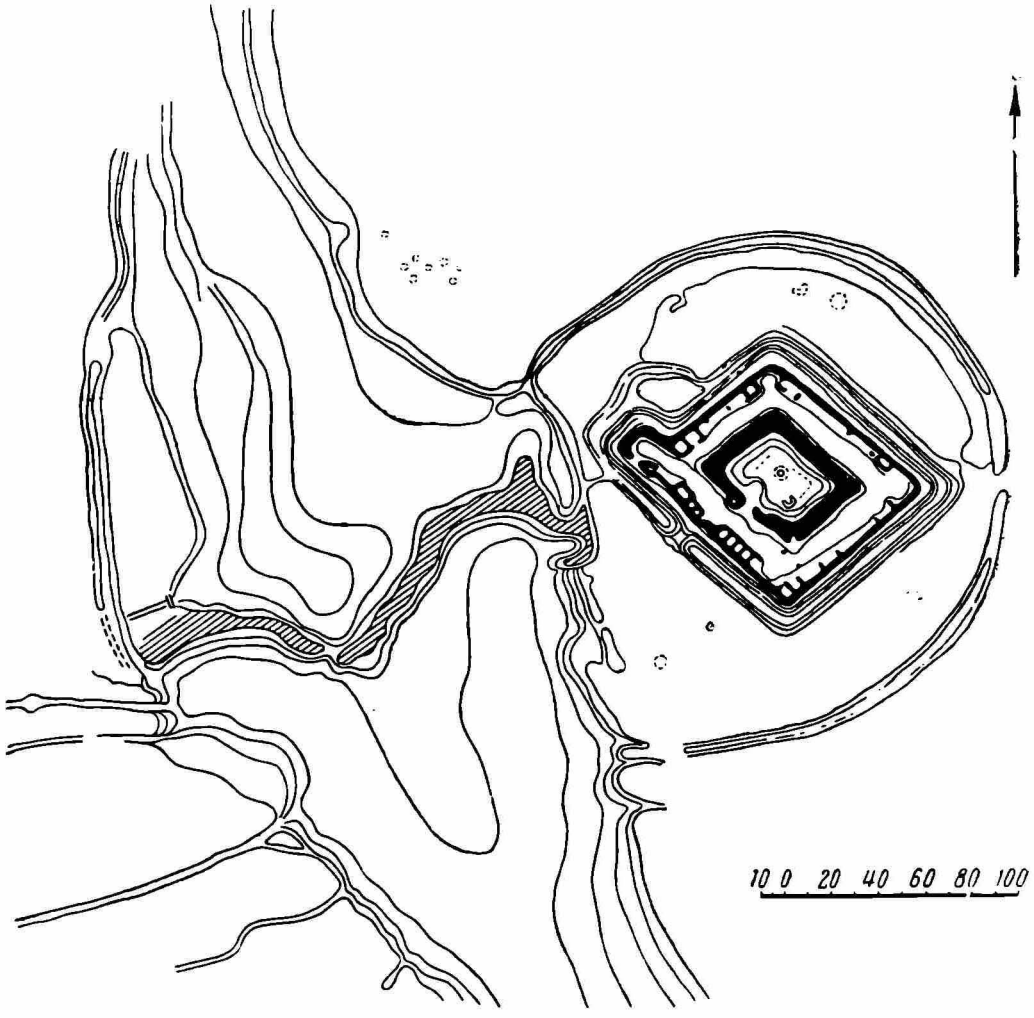


Рис. 25. Хатын-Кала I. План

Исследование Хатын-Калы позволило внести существенные дополнения в скудные сведения исторических источников. Есть все основания предполагать, что эта крепость, населенная, вероятно, каракалпаками и игравшая такую интересную роль в истории хивинско-кокандских и хивинско-кокандско-русских взаимоотношений середины XIX в., когда прекратила свое существование ирригационная система, построенная здесь каракалпаками и частично казахами, была построена на месте более старой крепости и подражала ее конфигурации. Не исключено, что при постройке ее были использованы хорошо сохранившиеся развалины (стены, рвы и т. п.) крепости, возведенной здесь ранее местными средневековыми племенами. В пользу этого говорит совпадение планировки Хатын-Калы с планировкой многочисленных описанных выше огузских крепостей.

* *
*

Таковы основные итоги исследований Хорезмской экспедиции на старых руслах Нижней Сыр-Дарьи в 1961 г. Результаты начального этапа изучения Тагискенского могильника обязывают нас в следующем сезоне продолжить раскопки этого уникального памятника погребальной архитектуры племен позднего бронзового века.

Будут продолжены также исследования памятников скифского времени, ибо они позволяют нам лучше всего видеть историю народов Средней Азии в связи с историей народов нашей страны в целом.

И, наконец, предполагается расширить работы по исследованию часто игнорируемых археологами памятников нового времени. Изучение их сулит богатый результат, так как может пролить яркий свет на события, о которых письменные источники упоминают лишь мимоходом.

Работы 1961 г. еще раз подтвердили наше положение о возможности и необходимости скорейшего освоения этих огромных территорий, которые могут быть без серьезных капитальных затрат вовлечены в народное хозяйство страны.

И. Г. НАРИМАНОВ, Г. С. ИСМАЙЛОВ

АКСТАФАЧАЙСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ г. КАЗАХА

Поселение на левом берегу р. Акстафачай, в 3 *км* к западу от г. Казаха (АзССР), было обнаружено в 1958 г. Казахской археологической экспедицией Института истории АН АзербССР.

Поселение располагалось на вершинах трех холмов. Рядом с ними находится еще одно холмообразное возвышение, на котором культурные остатки не найдены.

Первый холм с восточной стороны примыкает к берегу реки, три остальных стоят за ним и несколько удалены от берега. Поверхность холмов насыщена различными культурными остатками (обломки глиняной посуды, каменные и кремневые орудия и т. д.).

У подошвы третьего холма с южной стороны обнаружены материалы, относящиеся к Ходжалы-Кедабекской культуре (конец II — начало I тысячелетия до н. э.).

В этой статье характеризуются материалы из раскопок на трех холмах, относящиеся к более древнему времени.

Для определения мощности культурного слоя на первом холме был заложен раскоп площадью 50 $м^2$. Здесь толща культурного слоя не превышает 1 *м*. Он состоит из мягкой земли серого цвета, смешанной с золою. На площади раскопа обнаружены две ямы и одна землянка, вырытые в твердом грунте желтого цвета. В землянке найдены ранние предметы, и хронологически она древнее ям.

Круглая в плане землянка (диаметр 3,8 *м*) была вскрыта на глубине до 0,75 *м* от дневной поверхности, вырыта на покатой части холма, и поэтому высота ее западной стенки значительно ниже (до 0,2 *м*).

Землянка была заполнена твердой черной землей с большим количеством истлевших костей и рогов животных. Стены и пол не имели обмазки. На полу в восточной половине землянки был обнаружен очаг в виде скопления золы с мелкими угольками. Вокруг очага находились в большом количестве мелкие осколки обсидиана, свидетельствующие, вероятно, об изготовлении орудий производства внутри землянки. Все орудия, найденные в землянке, оказались обсидиановыми. Это ножевидные пластинки с односторонней или двусторонней обработкой (рис. 1, *6, 7*).

Кроме того, в землянке обнаружен ряд костяных проколок и шильев, изготовленных из трубчатых костей мелкого рогатого скота и птиц. Концы их заострены и сохранили следы сработанности в виде полировки (рис. 1, *3*). Среди находок в землянке привлекают внимание костяное орудие тесловидной формы (рис. 1, *1*) и обломок костяной пластинки с короткими тупыми заполированными зубцами (рис. 1, *4*). Аналогичные этой пластинке костяные изделия имеются среди материалов Нахичеванского Кюль-Тепе[1]. Близкие по форме предметы известны также из

[1] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959, табл. XVII, *11* (на азерб. яз.).

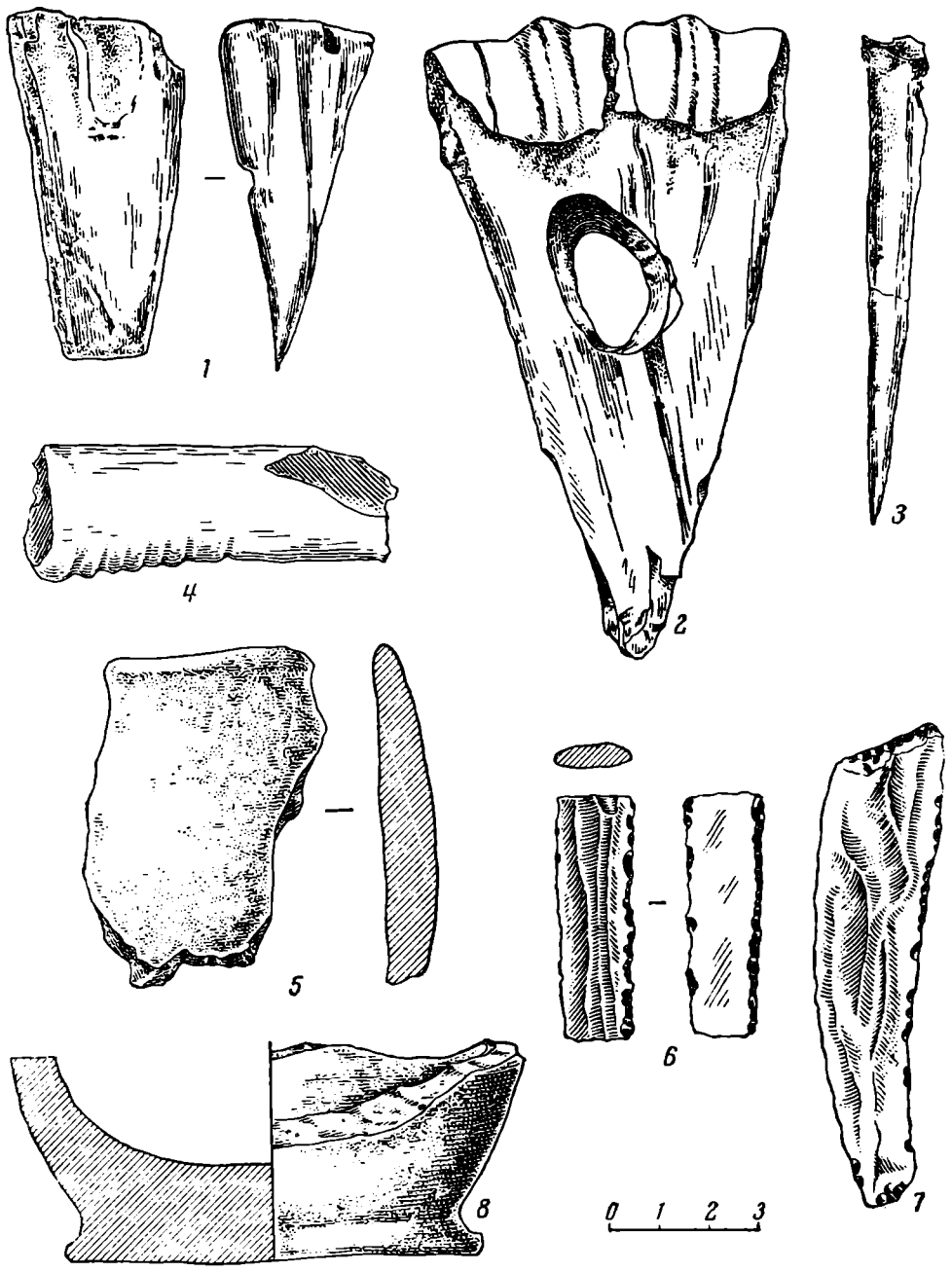


Рис. 1. Вещи из землянки:

1—тесловидное орудие; *2* — мотыга; *3* — проколка; *4* — костяная пластинка; *5, 8* — фрагменты сосудов; *6, 7* — ножевидные пластинки

раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая[2]. С. Н. Бибиков считает, что они служили для нанесения орнамента на сосуды. Но наше изделие, равно как и найденные в Кюль-Тепе, едва ли использовалось для этой цели, так как на посуде мы не находим орнамента, выполненного таким предметом. Нам кажется, что зубчатая пластинка из землянки могла использоваться при обработке шерсти.

[2] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре, МИА, 38, 1953, стр. 26, рис. 10.

В землянке обнаружено еще одно интересное костяное орудие с подправленным концом и круглым отверстием на верхней части. Оно изготовлено из кости конечности парнокопытного животного, имеет полировку от употребления в нижней части (рис. 1, *2*). Вероятно, орудие служило в качестве мотыги для разрыхления земли.

Посуда из землянки поселения своеобразна. Это обломки глиняных сосудов серого и красного цвета. Красные черепки в изломе имеют темноватую прослойку.

По составу глины посуду можно разделить на две группы: 1) сосуды с примесью песка и 2) сосуды с примесью соломы. Судя по фрагментам стенок и днищ, эти сосуды имели цилиндрическую или чашеобразную форму. Венчик прямой и несколько утолщается к тулову, дно плоское, с небольшим массивным поддоном. Сосуды грубо вылеплены, поверхность их неровная и сглаженная (рис. 1, *5, 8*).

Большой интерес представляют сосуды с примесью соломы. Как известно, с примесью соломы изготовлена вся посуда первого — нижнего слоя Кюль-Тепе около Нахичевани [3]. Такая же посуда, иногда украшенная росписью, обнаружена в 1959—1960 гг. в Мильской степи Учтепинской экспедицией под руководством А. А. Иессена [4]. Известно, что глиняные сосуды с примесью соломы были обнаружены в древних поселениях Палестины, Египта и Месопотамии, относящихся к V тысячелетию до н. э. [5].

Культурный слой, соответствующий землянке, на площади раскопа отсутствовал. Второй (верхний) слой поселения, покрывающий землянку, содержал богатый материал более позднего периода. К этому культурному слою относятся упомянутые выше круглые в плане ямы с несколько расширяющимся дном. Ямы были неглубокие (около 0,5 *м*) и заполнены рыхлой землей. В них найдены обломки сосудов, различные костяные и каменные изделия и пр.

Основную часть материала из этого слоя составляют части разнообразных сосудов, сформованных от руки из глины с примесью песка. Цвет сосудов черный, серый и красный. Некоторые сосуды снаружи лощеные, внутри розового или светло-серого цвета. На черепках отдельных сосудов есть следы окрашивания красной краской. Сосуды различны по форме и размеру. Более часто встречаются сосуды с яйцевидным корпусом, дно их плоское, редко вогнуто во внутрь, венчик слегка отогнут наружу, ручки полушарные с круглыми горизонтальными проемами, обычно расположены у основания горла. Найден один фрагмент тонкостенного миниатюрного сосуда с полушарной ручкой, на которой вместо сквозного отверстия сделаны лишь углубления с двух сторон. Отмечен и другой тип ручек, занимающих всю высоту горловины сосудов, верхний конец их сливается с венчиком; верх ручки утолщается и образует площадку треугольной формы.

Среди сосудов можно выделить также формы в виде горшков, ступок, плоских мисок, глубоких чаш и тонкостенных миниатюрных сосудиков (рис. 2, *1, 2, 5*). Здесь найдены также фрагменты маслобоек (на двух из них есть половинки круглого сквозного отверстия). Такие части маслобоек найдены во втором слое Кюль-Тепе, исследованного О. А. Абибуллаевым. Целая маслобойка с шаровидной ручкой найдена среди синхронного материала в Урбниси [6].

Наряду с сосудами встречаются круглые глиняные дисковидные крышки двух видов: с выпуклой и вдавленно-выпуклой поверхностью

---

[3] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 57.

[4] Материалы не опубликованы, хранятся в ЛОИА АН СССР.

[5] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 166, 171, 344.

[6] Экспонируется в Гос. музее Грузии.

Рис. 2. Керамика из Акстафачайского поселения

с шаровидными ручками в центре верхней части. Последний вариант хорошо известен из ряда памятников Закавказья[7].

Посуда Акстафачайского поселения интересна своей орнаментацией (рис. 2). Здесь найдены фрагменты сосудов с выпуклыми концентрическими кругами, врезанными спиралями и линиями, с налепами различных геометрических форм. На верхней части сосудов встречаются

[7] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВГМГ. XIII — В, 1944, стр. 79; рис. 37; его же. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941; О. А. Абибуллаев. Ук. соч., табл. 30.

круглые вдавленные углубления, расположенные в один ряд по горизонтали, однако без рельефных косых шпалок, как это сочетается на кувшинах из Заглика и Эйлара [8]. Украшения в виде углублений характерны и для керамики Гарни [9]. Фрагменты сосудов с врезными узорами в виде треугольников, заполненных внутри штрихами (рис. 2, *8*), указывают на близкое сходство с керамикой Дманиси и городища Таковоронист [10].

На поверхности обломка от чернолощеного сосуда наряду с врезными и вдавленными узорами нанесены два пояска из косых семечкообразных штрихов (рис. 2, *4*), не известных еще в керамике синхронных памятников Закавказья. Более интересным является сходный орнамент на обломках двух чаш, выполненный разными способами. На первом чернолощеном обломке он вдавленный (рис. 2, *6*), а на втором выпуклый (рис. 2, *7*). Кроме того, на шейке первого сосуда имеется также поясок из врезного елочного орнамента. Этот орнаментальный мотив полностью представлен на одном из сосудов среди материалов Е. Лалаяна, поступивших в Музей Грузии [11]. Отдельные части такого же орнамента есть на фрагментах сосудов из нижнего слоя Бешташенской крепости [12]. Несколько иной вариант этого мотива имеется на глиняном черепке из Малатая в бассейне р. Мурут в Малой Азии [13].

На чернолощеной поверхности полой цилиндрической подставки с резко загибающимся венчиком сохранились прочерченные знаки в виде z и w, идентичные знакам на сосуде из Бешташенской крепости [14]. Около знаков выдавлена круглая ямка (рис. 2, *5*). Наконец, следует отметить часть какого-то узора в виде М-образного знака из вдавленных линий около шаровидной ручки на обломке черного нелощеного сосуда (рис. 2, *3*). Такой же, но рельефный знак с маленькими углублениями на концах имеется на обломке чернолощеного сосуда из второго слоя Кюль-Тепе.

Таким образом, в культурном слое Акстафачайского поселения найдены чрезвычайно характерные образцы керамики, относящейся к так называемой «южнокавказской энеолитической культуре». Посуда Акстафачайского поселения имеет большое сходство также с памятниками Восточной Анатолии [15].

В одной из ям Акстафачайского поселения обнаружена средняя часть человеческой фигурки (высотою 5 *см*) из хорошо отмученной не обожженной серой глины без примеси песка. Вокруг талии фигурки налеплен валикообразный поясок, концы которого завязаны и спереди спущены вниз. Поверхность пояска украшена резным орнаментом (рис. 3, *1*). Среди известных статуэток, обнаруженных на территории Кавказа [16], лишь на одной встречается валикообразный поясок. Это скульптурное изображение мужчины из Кызыл-Ванка [17]. На нем отчетливо можно проследить

---

[8] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 91, 101, рис. 49.

[9] Б. Аракелян. Гарни, I, Ереван, 1951, стр. 22.

[10] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 124, табл. XXX.

[11] Там же, стр. 98, табл. XXV.

[12] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. CXX.

[13] C. A. Burney. Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age. Anatolian Studies, VIII, 1958, рис 224.

[14] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, рис. 116.

[15] Singlair Hood. Excavations at Tabara al Akrad 1948—49. Anatolian Studies, I, 1951; C. A. Burney. Ук. соч.; Hamit Zubeyir Kosay, Kemal Turfan. Erzurum — Karaz kazisi raporu. Belleten Türk Tarih kurumu, XXIII, тетр. 91, Ankara, 1959.

[16] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., рис. 75; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, рис. 3; Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА 3, 1941, рис. 3; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчик. МИА, 3, табл. X; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, рис. 12.

[17] А. Спицын. Некоторые закавказские могильники. ИАК, 29, 1909, стр. 3.

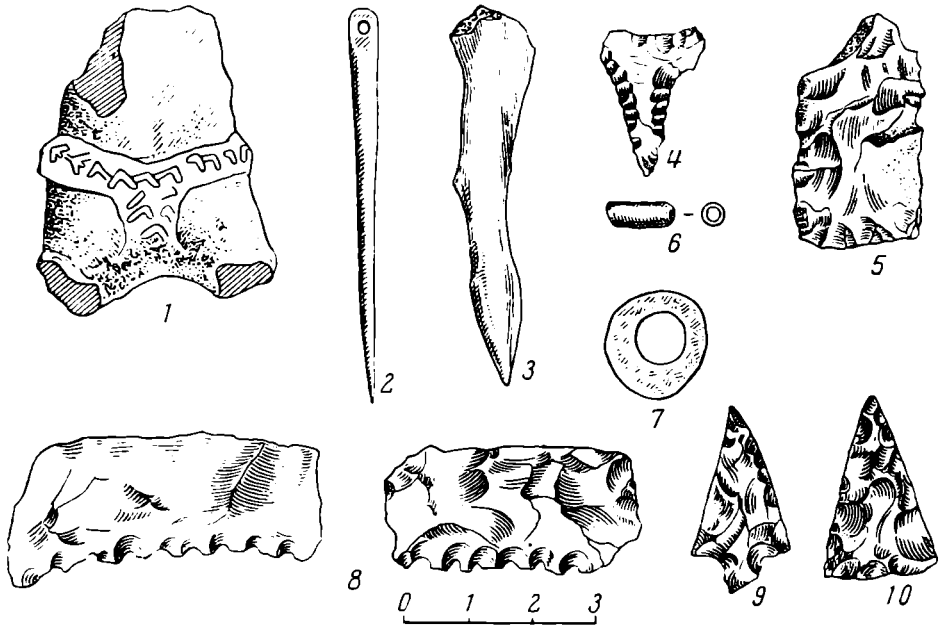


Рис. 3. Различные предметы из Акстафачайского поселения:
1 — обломок глиняной статуэтки; *2* — костяная игла; *3* — проколка; *4* — проколка из обсидиана; *5* — обломок кремневого орудия; *6* — бусина; *7* — подвеска; *8* — серповые вкладыши, *9*, *10* — наконечники стрел

высокую шапку и длинное одеяние, поверх которого сделан такой же поясок с завязанными концами, как и у статуэтки с Акстафачайского поселения. Эта фигурка датируется приблизительно второй половиной II тысячелетия до н. э. Этим же временем датируется женская статуэтка из Узерлик-Тепе с налепным валиком в виде ожерелья [18]. Не исключена возможность, что фигурка с Акстафачайского поселения изображает мужчину, так же как и фигура с поясом из Кызыл-Ванка. Известно, что и бронзовые пояса в Закавказье позднебронзового периода обычно сопровождают мужские погребения. При раскопках в Дманиси (Грузия) найдена подковообразная очажная подставка с выступом, на котором посредине изображен мужчина [19]. Изображения мужчин с бородами имеются также на очажных подставках из поселения Табара [20]. Последние находки одновременны с нашей статуэткой.

На исследованном нами поселении обнаружены также три глиняные фигурки животных: у первой обломана передняя половина и ноги, задняя часть ее плоская, так же как у некоторых глиняных фигурок из Кюль-Тепе [21]; от второй сохранилась передняя часть (обломаны голова, ноги и задняя половина), у третьей, очень маленькой, изображающей, по-видимому, козу, недостает только головы. Хвостик прямой и маленький, ноги короткие, спинная часть стилизована (треугольная в поперечном сечении). Глиняные статуэтки животных являются обычной находкой во многих памятниках Закавказья, оставленных древними земледельцами-скотоводами [22].

Из глины сделаны две модели дисковидных колес со сквозными отверстиями на выступающей по сторонам средней части. В состав глины

[18] К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе, около Агдама. МИА, 67, 1959, рис. 23.
[19] Экспонируется в Гос. музее Грузии.
[20] Singlair Hood. Ук. соч., табл. XI *A*.
[21] О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-Тепе близ Нахичевани в 1955 г. МИА, 67, рис. 12.
[22] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 35, 38.

одного колеса примешана солома, что совершенно необычно для керамических изделий данного слоя Акстафачайского поселения.

Обращают на себя внимание глиняные обожженные конусы и шары. Подобные предметы известны из поселения Шах-Тепе в Иране [23], более разнообразны они в материалах Тепе-Гавра в Месопотамии [24], но их назначение пока загадочно. Р. Штарре, находивший их в Нюз (Месопотамия), предполагал, что они являлись счетными предметами для обучения [25]. Нам кажется, что указанные глиняные предметы были использованы при изготовлении масла: их бросали внутрь маслобойки, и это ускоряло процесс сбивания масла. Это предположение в какой-то мере подтверждается этнографическими данными. В районах Азербайджана при сбивании масла в маслобойку бросают деревянные палочки или ложку.

Значительную часть находок составляют изделия из различных пород камня, обнаруженные как на поверхности поселения, так и при раскопках. Найдено много орудий, их фрагментов и много отходов производства из кремня, обсидиана, роговика, яшмы и др. Обилие осколков, отщепов, бесспорно, свидетельствует о производстве орудий непосредственно на месте поселения. Каменные изделия составляют обломки зернотерок и пестиков, вкладышей составного серпа, наконечников стрел, тесловидных орудий и др.

Вкладышей составного серпа обнаружено 13 шт. (рис. 3, *8*). Большинство из них вытянутой четырехугольной формы с одним зазубренным краем, где сохранились следы сработанности в виде полировки. У одного из них зубцы были обломаны, и поэтому в качестве рабочего края, судя по полировке поверхности, использована обратная сторона.

На поселении найдены также кремневые и обсидиановые орудия тесловидной формы. Они имеют прямые, сравнительно острые и тонкие края, постепенно утолщающиеся к верхней части (рис. 3, *5*). Встречаются скребки с обработанными краями и проколки, одна из которых оригинальна по своей форме (рис. 3, *4*).

Более двадцати наконечников стрел собрано исключительно на поверхности поселения, в культурном слое пока они не обнаружены. Среди них четыре кремневых, остальные обсидиановые. Последние более тщательно обработаны. Наконечники стрел из Акстафачайского поселения делятся на три типа: 1) треугольной формы с черенком (рис. 3, *9*), 2) такой же формы с дугообразной выемкой в основании и 3) треугольные, с совершенно прямым основанием (рис. 3, *10*). Наконечники стрел первых двух типов хорошо известны из ряда памятников на Кавказе. Они были обнаружены в поселениях Армении, Грузии, Дагестана и др. В Азербайджане они встречались в Хачанагетских и Степанакертских курганах.

Раскопки Акстафачайского поселения дали большое количество костей крупного и мелкого рогатого скота, птиц и диких животных. Трубчатые кости животных были расколоты вдоль, некоторые из них заострены и использованы в качестве проколок и шильев (рис. 3, *3*). Довольно изящно изготовлена одна игла (рис. 3, *2*). Костяные иглы встречаются реже проколок.

Среди находок имеются одна круглая перламутровая подвеска (рис. 3, *7*), несколько каменных и одна фаянсовая бусина цилиндрической формы (рис. 3, *6*), покрытая синеватой глазурью. Она, вне всякого сомнения, попала из стран древнего Востока. В Египте и в Шумере фаянс был известен еще в V—IV тысячелетиях до н. э. [26]. Фаянсовые

[23] T. Arne. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm, 1945, стр. 261, табл. XX.

[24] A. J. Tobler. Excavations at Tepe Gawra, II, Philadelphia, 1950, стр. 170, табл. XXXIV.

[25] T. Arne. Ук. соч., стр. 261.

[26] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 82, 155, 353; В. В. Павлов, С. И. Ходжаш. Художественное ремесло древнего Египта. М., 1959, стр. 144.

бусы, покрытые густой голубой глазурью, найденные в триалетских курганах, датируются серединой II тысячелетия до н. э.[27], но их форма не похожа на нашу.

Наконец, следует отметить, что в одной из ям Акстафачайского поселения были найдены части трех сырцовых кирпичей различного формата. Этот факт дает нам возможность высказать предположение о том, что обитатели поселения строили жилища из сырцового кирпича, хотя остатки их на раскопанной площади не выявлены.

На исследованной нами площади Акстафачайского поселения выявлены остатки двух разновременных культурных слоев. Как отмечалось нижний слой пока характеризуется материалами, особенно керамикой, открытыми в землянке. На основе стратиграфического залегания землянки и архаичности материала время нижнего слоя можно установить в пределах IV тысячелетия до н. э.

Верхний культурный слой поселения относится к так называемой южнокавказской энеолитической культуре, охватывающей приблизительно III тысячелетие до н. э.

Судя по добытому материалу, основу хозяйства обитателей Акстафачайского поселения составляли земледелие и скотоводство. Земледелие было мотыжным, о чем свидетельствует костяная мотыга. Многие каменные орудия также связаны с земледелием. Это вкладыши серпа, каменные зернотерки, терочники и др. О роли скотоводства в хозяйстве можно судить по найденным в большом количестве костям крупного и мелкого рогатого скота, а также по глиняным фигуркам животных.

Наряду с земледелием и скотоводством в хозяйстве определенную роль играла охота, подтверждающаяся находками костей диких животных и птиц.

Нет сомнения, что дальнейшие раскопки Акстафачайского поселения выявят более богатый археологический материал для всестороннего изучения хозяйственной жизни, быта и культуры оседлого земледельческо-скотоводческого населения древнего Азербайджана.

---

[27] Б. Н. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 100, табл. XXII.

Н. А. ОНАЙКО

МОЗАИКИ АПОЛЛОНИИ ИЛЛИРИЙСКОЙ

Публикация открытий, сделанных за годы при раскопках в Аполлонии Иллирийской, ввела в научный обиход огромный и очень ценный для характеристики этого античного центра материал [1]. Обращает на себя внимание обилие первоклассных памятников античной культуры римского времени. Среди них большой интерес вызывают значительные, хотя еще и не полностью открытые, архитектурные комплексы с богатым декором. Один из таких комплексов представлен остатками большого дома с обычной для античной эпохи планировкой, включавшей перистильный дворик с окружающими его помещениями парадного и хозяйственного назначения [2]. Во многих комнатах дома довольно хорошо сохранились полихромные мозаичные полы, описанию которых мы посвящаем эту статью.

Мозаика комнаты Нереиды

Рисунок мозаичного пола комнаты Нереиды состоит из двух основных частей: эмблемы (картины с фигурными композициями) и обрамляющих ее орнаментальных мотивов (рис. 1). Эмблема имеет форму квадрата, она расчленена на отдельные геометрические фигуры (вписанный в круг восьмиугольник, полукруги, четверти кругов), заполненные изображениями морских мифологических персонажей, рыб и других существ (рис. 2).

Восьмиугольное поле с изображением плывущей на дельфине Нереиды является центральной композицией в мозаике (рис. 3). Дельфина с Нереидой художник поместил несколько ближе к правой стороне восьмиугольника, как бы оставляя место для «морского простора». Непринужденно сидящая на дельфине Нереида правой рукой опирается на спину дельфина, ее ноги скрещены, а левая рука с коротким покрывалом поднята к голове. Лицо Нереиды почти не сохранилось, фигура передана с большим мастерством. В ней соблюдены естественное положение и правильные, несколько вытянутые пропорции тела. Фигура кажется объемной. Для передачи обнаженного тела художник умело использовал оттенки красок.

Фигура дельфина, наоборот, отличается известной стилизацией деталей. Она выложена полосами темно-серых, темно-зеленых и салатовых кубиков. Довольно сочные верхние контуры его фигуры особенно резко подчеркивают нежное тело Нереиды. Изображенные в один ряд под телом дельфина восемь дугообразных линий, почти сливающиеся с фоном мозаики, условно воспроизводят морские волны.

---

[1] Аполлония Иллирийская. Альбом. М., 1959; В. Д. Блаватский, С. Ислами. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. СА, 1959, № 4

[2] В. Д. Блаватский, С. Ислами. Ук. соч., стр. 180.

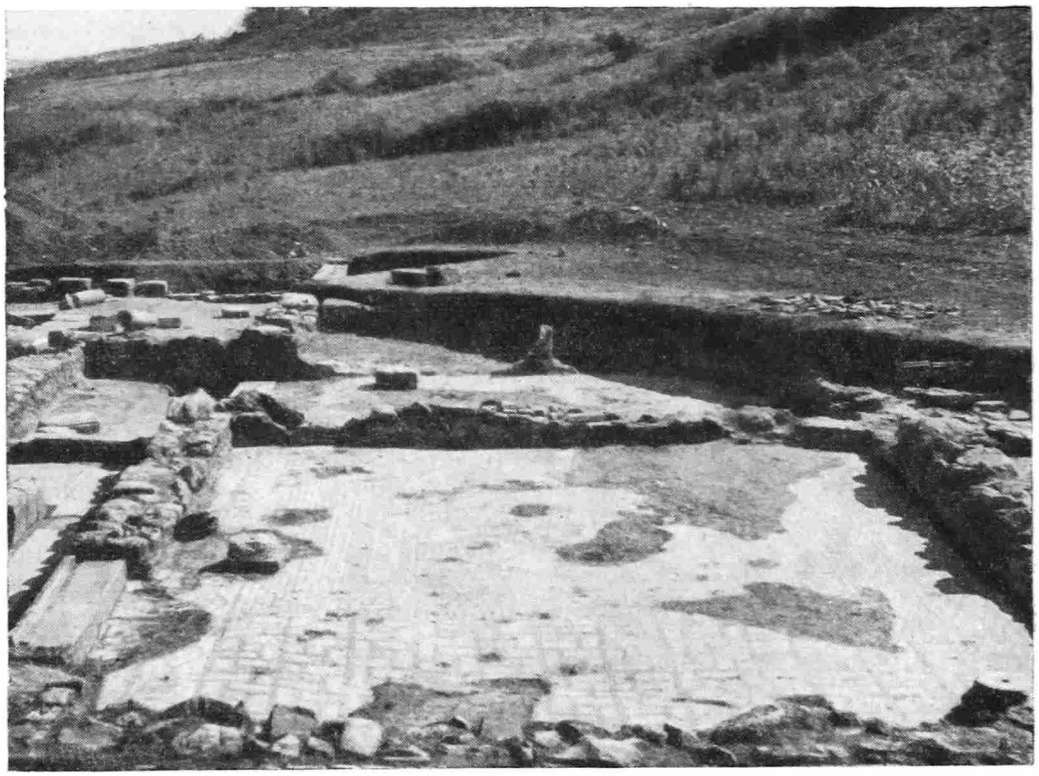


Рис. 1. Общий вид комнаты Нереиды

Рис. 2. Мозаика пола комнаты Нереиды

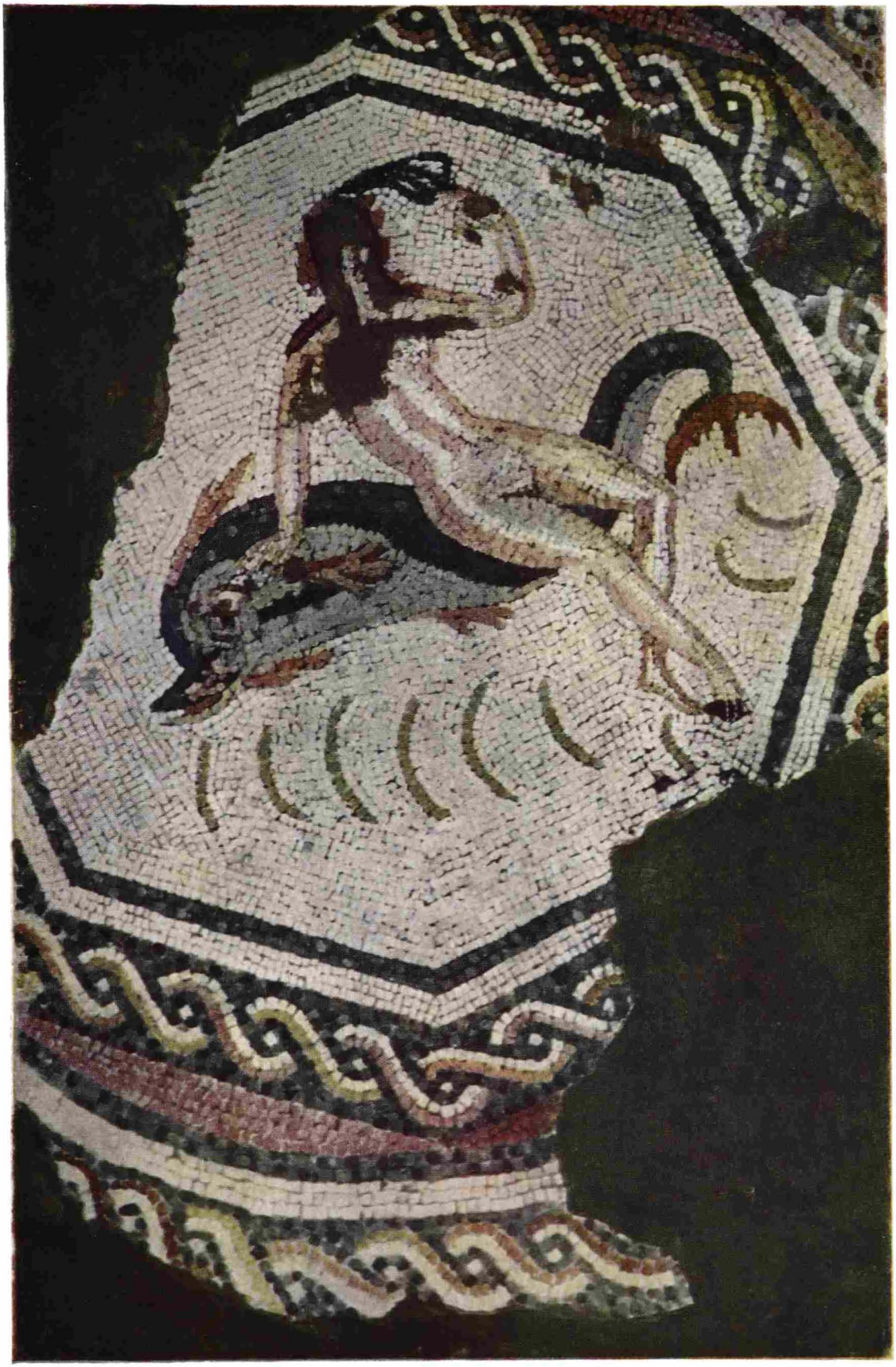


Рис. 3. Нереида на дельфине

Рис. 4. Гиппокамп с орлиной головой

Рис. 5. Гиппокамп с лошадиной передней частью туловища

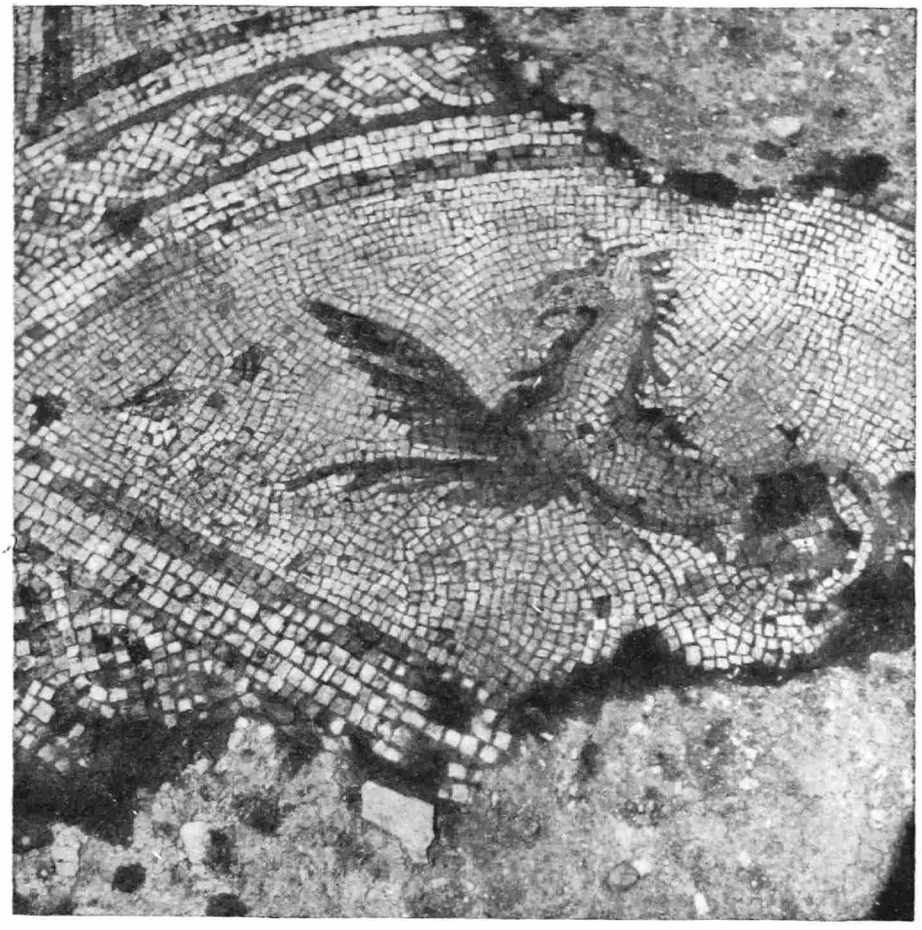


Рис. 6. Гиппокамп с лошадиной головой и ногами в виде крыльев-плавников

Внутренней рамкой восьмиугольника служит узкая полоса из темно-серых кубиков, затем следует просвет фона в три ряда белых кубиков и, наконец, широкая рамка из простой плетенки, состоящей из двух лент с четырьмя шнурами в каждой. Темные тона в обеих лентах служат контурами. Цвета кубиков так подобраны, что их сочетание создает впечатление рельефности плетенки. Восьмиугольник вписан в круг, границей которого является контурная линия темных кубиков. Пространство между восьмиугольником и кругом в виде сегментов заполнено однотонными кубиками. Точно такой же плетенкой, как плетенка в рамке восьмиугольника, отмечены контуры всей квадратной эмблемы и остальных геометрических фигур внутри нее.

Полукруглые поля с изображением гиппокампов расположены по четырем внутренним сторонам квадратной эмблемы. Гиппокамп в полукруге под ногами Нереиды сохранился полностью (рис. 4). У него орлиная голова, ноги с клешнями и рыбий хвост. Под телом гиппокампа — схематические линии морских волн. Гиппокамп в полукруге слева от Нереиды тоже сохранился полностью (рис. 5). Передняя часть его — лошадиная, задняя — рыбья. Под гиппокампом и впереди него намечены девять дугообразных, небрежно выполненных волн. Гиппокамп в полукруге справа от Нереиды почти наполовину утрачен (рис. 6), от него осталась лишь передняя часть: лошадиная голова и ноги в виде крыльев-плавников. Под ним видны несколько волн. Гиппокамп в полукруге над головой Нереиды сильно поврежден (рис. 7), отсутствует почти вся верхняя часть туловища; у него козлиная голова, рыбий хвост и ноги с клешнями. Все гиппокампы плывут как бы навстречу Нереиде, освобождая ей путь.

Рис. 7. Гиппокамп с козлиной головой

По углам эмблемы расположены четверти кругов с изображением каких-то морских беспозвоночных (?) существ. В промежутках между центральным кругом, полукругами и четвертями кругов заключены изображения морских рыб, под каждой из них сделаны темно-серые тени (рис. 8).

Эмблема обрамлена геометрическим орнаментом, занимающим большую часть мозаичного поля (рис. 9). Его составляют пять цветных и черно-белых лент, входящих в сложную рамку эмблемы, бордюр, обрамляющий мозаику с трех сторон, и заполнительный орнамент юго-западного поля мозаики. Орнаментальные рамки расположены вокруг картины строго симметрично. Ширина некоторых рамок по мере удаления их от эмблемы увеличивается. Ближе к картине помещены цветные рамки, а черно-белые — у бордюра. Первой цветной рамкой, обрамляющей эмблему, является полоса из небольших темных квадратов, поставленных на углы. Внутри каждого квадрата маленькие квадратики серого, розового и желтого цветов. Узор второй рамки в виде двойной плетенки более наряден. В каждой ленте по четыре шнура. Ленты создают сложный рисунок из повторяющихся мотивов в виде поставленных друг на друга «сердечек» или «кубиков» (как их иногда называют в литературе) [3]. Умелое сочетание белых, желтых, розовато-красных и серых тонов в шнурах создает впечатление объема, которое усиливается темным фоном плетенки. Третья цветная рамка — орнамент, напоминающий сильно стилизованный кимматий, выполненный темными силуэтами. Промежутки между ними оживлены розовыми кубиками. Далее следует рамка из двух рядов перемежающихся треугольников белого и черного цветов. И, наконец, последняя рамка выложена широкой полосой сложного меандра из темно-серых кубиков. Описанные рамки эмблемы (кроме плетенки) имеют белый фон. Почти все они разделены между собой контурными линиями из двух рядов темных кубиков. Такие линии пропущены у сложной плетенки, границы которой подчеркиваются ее темным фоном. Между всеми рамками эмблемы проходят полосы белого фона из трех рядов кубиков.

[3] K. Parlasca. Die römischen Mosaiken in Deutschland. Berlin, 1959, стр. 75. R. P. Hinks. Catalogue of the Greek, Etruscan and Roman Paintings and Mosaics, London, 1933, стр. LVII.

Рис. 8. Рыба

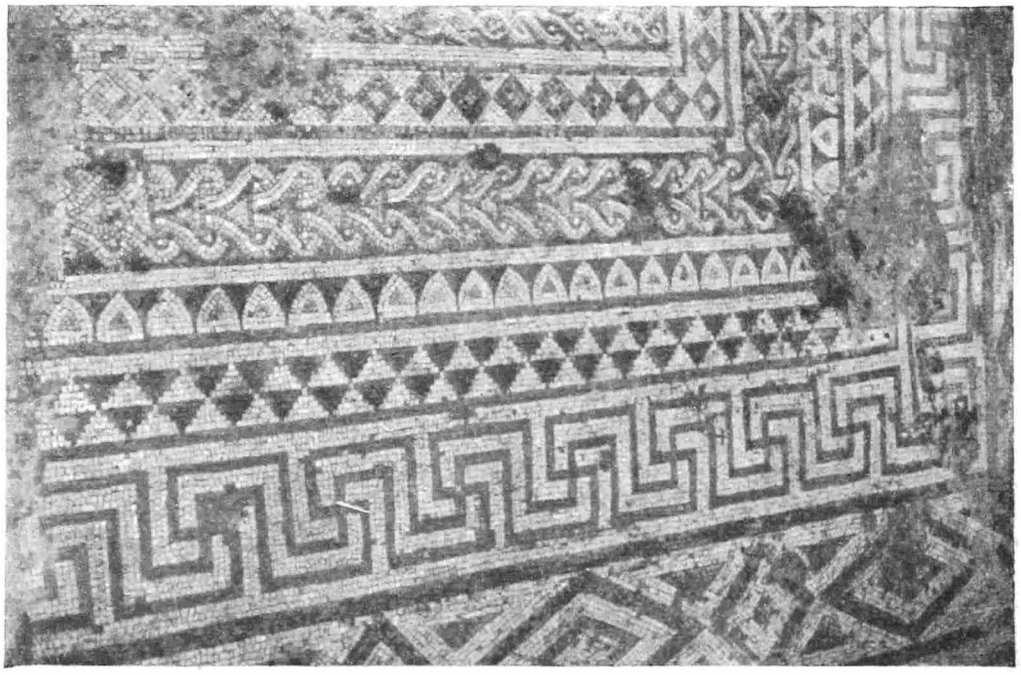


Рис. 9. Рамки эмблемы мозаичного пола комнаты Нереиды

Бордюр обрамляет три стороны (кроме юго-западной) мозаики. Его узор очень прост: чередующиеся большие ромбы и квадраты, поставленные на углы. Ромбы и квадраты обведены контурами из трех рядов темных камней. Внутри первых ромбы меньшей величины, внутри вторых — маленькие силуэтные четырехугольники такого же цвета. В юго-западной части мозаичного поля пространство от рамки эмблемы до стены комнаты заполнено простым геометрическим орнаментом в виде сетки больших и малых квадратов и удлиненных прямоугольников. Неравномерное распределение геометрического узора вокруг эмблемы создало асимметрию в расположении последней.

Пол комнаты Нереиды сильно поврежден, мозаика не сохранилась на довольно большой площади. Однако, несмотря на эти повреждения, рисунок мозаики легко восстанавливается, поскольку он содержит повторяющиеся мотивы. По-видимому, только гиппокампы существенно отличались друг от друга. Пол сохранил следы починки. Так, у порога двери, ведущей в соседнее помещение, мозаика не восстанавливалась, а была заменена настилом из обломков мрамора различной величины. Мозаика комнаты Нереиды, видимо, не имеет специально подготовленного твердого основания, как это наблюдалось у большинства полов нижних этажей античных домов [4],— она выложена на грунте.

При наборе мозаик художник использовал комбинированную технику. Более простые мотивы (геометрический орнамент) выложены в технике opus tesselatum, тогда как фигурные изображения центральной картины, обычно более тонкие по рисунку и цвету, сделаны в технике opus vermiculatum. Применяя первый прием, мозаист ограничился составлением рисунка из множества кубиков, приблизительно одинаковой формы и величины. Здесь он стремился как можно точнее передать схему симметричных мотивов геометрических орнаментов. Исполняя же фигурную композицию картины в технике opus vermiculatum, которая дает художнику неограниченные возможности в техническом и художественном отношении, мастер действовал иначе. Каждую фигуру, как правило, он начинал с контура, после чего заполнял его деталями. Фон каждого изображения заполнялся уже после того, как были отделены несколькими рядами белых кубиков контуры фигур и контуры внутренних рамок медальонов. Вокруг фигур чаще даны их очертания из двух рядов белых кубиков, иногда из одного или трех. У рамок тоже встречаются такие линии, но здесь они не регулярные. При заполнении фона вокруг гиппокампа с лошадиной передней частью туловища мастер проявил небрежность в укладке кубиков: он не набирал одновременно всю поверхность, а заполнял ее отдельными частями. В результате в каждой такой части кубики легли в разных направлениях, отчего и весь фон получил беспокойный тон.

В мозаике комнаты Нереиды использованы мозаичные кубики самых различных размеров. Особенно крупными (от 7 до 15 *мм*) выложены крайние полосы геометрического узора (ромбы и меандр). Ближе к эмблеме размеры кубиков уменьшаются (от 6 до 13 *мм*). Для заполнения деталей фигур применены очень мелкие камешки, больше всего их пошло на изображение фигуры Нереиды, причем самыми мелкими выложены голова, шея, ступни ног и кисти рук и детали торса. Форма камешков мозаики как больших, так и малых весьма разнообразна: квадраты, прямоугольники, реже — треугольники. Почти вся фигура Нереиды, особенно руки и ноги, выложена камешками прямоугольной формы. Кубики нередко имеют рваные очертания, их форма не обеспечивала плотного прилегания кубиков друг к другу, поэтому между ними заметны неровные швы. Мозаика набрана по заранее намеченному рисунку с применением техники прямого набора отдельных участков на подготовленной по-

[4] А. В. Виннер. Материалы и техника мозаичной живописи. М., 1953, стр. 15.

верхности пола. Это относится, как нам кажется, в одинаковой мере и к геометрическому орнаменту, и к фигурным изображениям. В мозаике использована очень богатая гамма цветов камня. Но больше всего белых и серых кубиков, заполняющих фон и контуры различных изображений. Весь узор мозаики исполнен искусно. Об этом свидетельствует не только эмблема с ее красочными фигурами, но и большая часть геометрических орнаментов. Орнаментальные мотивы, например рамок картины и бордюра, отличаются аккуратностью, четкой симметрией и удачным подбором. Черно-белые обрамления эмблемы как бы сдерживают многоцветность центральных мотивов. Неоправданный сюжет помещен в юго-западном поле мозаики. Его присутствие может быть объяснено лишь тем, что художнику, выполнявшему трафаретный рисунок, понадобилось заполнить оставшуюся поверхность пола.

Итак, описанная мозаика комнаты Нереиды представляет собой сложный узор, состоящий из центральной картины и разнообразных геометрических орнаментов вокруг нее. Рисунок, в котором доминируют геометрические узоры, а эмблема занимает меньшее место, создавали мозаисты эпохи Антонинов и особенно при Северах[5]. Форма эмблемы также является основанием для датировки мозаик[6], но квадратная форма картины существует очень долго.

Схема эмблемы, подобная аполлонийской, в римских мозаиках встречается сравнительно редко, хотя она была уже известна художникам черно-белых мозаик позднего помпейского стиля[7]. В них членение картины на основные геометрические поверхности дано черными контурными линиями по белому фону или наоборот. Заполнительными мотивами там служат темные силуэтные квадраты, небольшие фигурки птиц, рыб и дельфинов, трех- и четырехлепестковые розетки, узлы плетенок, растительный орнамент и др. Иногда полукруги и четверти кругов разделены на несколько фигурных ячеек без дополнительного заполнения. В центральном круге этих мозаик изображались несложные узоры из шестилепестковых розеток, кубки, голова Медузы и т. д. Немного позднее аналогичные композиции украшали мозаичные полы римских домов, открытых на территории Швейцарии[8] и Германии[9]. Они, безусловно, исполнены под влиянием мозаик типа помпейских. Вместе с тем, эти мозаики вносят новые элементы в развитие заполнительных мотивов. Появляются более живые, динамичные, смело выполненные фигуры животных. Новым здесь является также полихромность. Мозаики датируются временем после 150 г. н. э.[10]. В полихромной вымостке Аквинкума середины II в. центром подобной картины служит не круг, как это часто бывает, а квадрат, нарушивший форму просветов[11]. Встречаются и другие изменения в формах основных фигур композиций эмблемы. Так, в мозаиках «Белерофонта»[12] и других[13] помещены квадраты вместо четвертей кругов. И здесь квадраты изменили только форму просветов. В обрамлении последних трех картин мы находим еще больше новых черт. Простые контурные линии — рамки фигур эмблемы — частично

---

[5] P. Gauckler. Musivum Opus. DAGR, III, 2, стр. 2110.

[6] Там же, стр. 2111.

[7] H. Roux. Herculanum et Pompej. Peintures, V, серия 6. Paris, 1840, табл. 1; M. E. Blake. The Pavements of the Roman Buildings of the Republic and Early Empire. Mem. Amer. Acad. in Rome. VIII, 1930, табл. 5, *4*; табл. 22, *4*; табл. 43, *2*.

[8] F. Staehelin. Die Schweiz in römischer Zeit. Basel, 1948, стр. 401, рис. 88.

[9] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 13, *3*.

[10] Там же, стр. 95.

[11] J. Szilágui. Aquincum. Budapest, 1956, стр. 99, табл. LXIII. Эта картина тоже подражает помпейской мозаике — см. E. Pernice. Hellenistische Kunst in Pompeji. Berlin, 1938, табл. 46, рис. 4.

[12] Gallia, XVI, 1952, стр. 264, рис. 2.

[13] V. Gonzenbach. Drei Orpheusmosaiken aus der Waadt. Jahrbuch der Schweizerischen Geselschaft, 40, 1949, табл. XXXVIII, рис. I.

или полностью заменяются рельефной плетенкой. Художники разнообразят и увеличивают количество орнаментальных мотивов. В эмблему вводятся изображения людей; все богаче становятся краски. Ко II—III вв. относится мозаичный пол с изображением Диониса и Ариадны, для которого мастер использовал аналогичную композицию, оформив ее в стиле эпохи Северов [14]. Этим же временем, вероятно, следует датировать подобную мозаику, открытую в Южной Италии. Она имеет ту же схему эмблемы, но заполнена исключительно орнаментальными мотивами [15].

Еще одним вариантом подобных композиций является мозаичная картина пола комнаты Нереиды. Аполлонийский художник повторил известную ему схему эмблемы и внес в нее свой вклад: он вписал в центральный круг восьмиугольник, что представляет большой интерес. Строгий рисунок сетки небольших одинаковых восьмиугольников давно привлекал внимание столичных и провинциальных мозаистов [16]. Как полагают исследователи, этот мотив является дальнейшим развитием линеарного рисунка [17], источник которого, вероятно, следует искать в декорациях сводов. Позднее, особенно во II—III вв., восьмиугольник получил широкое распространение в многоцветных мозаиках Германии [18]. Здесь он почти всегда выступает как несколько раз повторяющаяся фигура на фоне самых разнообразных узоров, иногда занимая при этом и центр мозаики. В это время восьмиугольник с кругом внутри помещается в центре квадратной или прямоугольной эмблемы, где его обрамляют поля из различных, чаще геометрических, узоров [19]. Подобное сочетание мотивов встречается и в мозаиках памятников Югославии [20]. Значительное количество фигурных композиций в восьмиугольном обрамлении, украшающих один мозаичный пол, мы находим в тех же германских мозаиках. Только единичные экземпляры таких мозаик относятся к раннесеверовскому времени, остальные — не раньше чем к первой половине III в. [21]. По-видимому, в этот же период частью сложной эмблемы стал сравнительно большой восьмиугольник с фигурными изображениями. В таком обрамлении помещался главный сюжет, а другие второстепенные мотивы группировались вокруг него в медальонах. Так, в эскусской мозаике прямоугольная эмблема разделена на несколько частей, из которых основное место принадлежит восьмиугольнику с театральной сценой [22]. Второстепенные картины, обрамляющие эту сцену, хотя и не связаны с главной картиной, но напоминают близкие ей сюжеты [23]. Гораздо больше родства между отдельными мотивами на картине в комнате Нереиды. Гиппокампы, рыбы и другие существа здесь вполне уместны: они, как и персонажи центральной группы, постоянно сопутствуют морским сюжетам. Тем не менее, все они, так же как и подобные им изображения в эмблеме мозаики из Эскуса, имеют декоративный характер, так как оторваны от главного сюжета. На сле-

---

[14] H. Stern. Recueil général des mosaiques de Gaule. Paris, 1957, стр. 18, табл. XXXIX, № 109.

[15] Notize degli scavi di antichita, XX, Roma, 1942, стр. 8, рис. 4.

[16] M. E. Blake, Ук. соч., табл. 14, *4*; табл. 24, *3*; табл. 29, *4* и др.

[17] K. Parlasca. Ук. соч., стр. 12.

[18] В других известных нам провинциальных мозаиках этого времени, например галльских и антиохийских, этот мотив встречается значительно реже.

[19] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 42, *2*; табл. 62, *2*.

[20] D. Vouksan. Les Mosaiques romaines de Risan (Risano). Albania, 1934, № 4, стр. 82, рис. 4 и 5.

[21] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 25; 34, *1*; 36; 42, *3*; 58, *1*; 66. В итальйских мозаиках подобные мотивы встречаются несколько раньше. См. M. E. Blake. Roman Mosaics of the Second Century in Italy. Mem. Amer. Acad. in Rome, XIII, 1936, табл. 44, *1—4*.

[22] Т. Иванов. Римска мозайка от Улпия Ескус. София, 1954, табл. I, XXII; его же. Нови данни за комедията «Ахейцы» на Менандър. Исследования в честь на акад. Д. Дечев. София, 1958, стр. 489.

[23] Т. Иванов. Римска мозайка, стр. 29.

дующем этапе своего развития октагональное обрамление с фигурными композициями иногда помещается в центре поля уже не как часть эмблемы, а как самостоятельная картина. Но в этой роли, особенно в провинциальных мозаиках, восьмиугольник выступает сравнительно редко и не раньше конца III в.[24].

В Италии же восьмиугольник как центральная фигура в композиции мозаики применялся раньше, еще во II в.; он помещался на фоне геометрических орнаментов, характерных для антониновского периода[25]. Среди таких фигур мы находим и октагональные картины с фигурными композициями[26].

Появление фигурной композиции в отдельных медальонах с переплетающейся вокруг них плетенкой, как в эмблеме комнаты Нереиды, относится к концу II и первой половины III в.[27]. Развитие мозаик с центральным картинным полем, например, в Трирской области, наблюдается в раннесеверовское время[28]; для этого периода характерна красочная эмблема, переданная в мягких полутонах, что свойственно в известной мере и аполлонийской картине.

Обратимся к рассмотрению отдельных фигур эмблемы. Сидящая на морском животном Нереида нередко встречается в памятниках античного искусства. Большой популярностью этот мотив пользовался в искусстве эллинистической и римской эпох. Он часто украшал стены домов, саркофагов, а также предметы туалета и пр. (зеркала, геммы). В мозаиках полной аналогии нашей фигурной композиции мы не нашли. Самыми ранними подобными изображениями можно считать Нереид на олинфских мозаиках[29] и на мозаиках храма Зевса в Олимпии[30]. Более близкой аналогией является изображение Нереиды, плывущей на юном Тритоне в окружении Амуров и дельфина. Эта сцена помещена на мозаичном полу одного из залов большого италийского дома с баней I—II вв.[31]. В такой же позе, но грубее в стилистическом отношении, изображен сидящий на льве Амур в германской мозаике с изображением Диониса[32]. Но в манере передачи женского обнаженного тела менад в этой же мозаике и тела Нереиды в нашей есть много общего[33]. Мозаика с изображением Диониса датируется 220 г. Сюжет сидящей на морском животном Нереиды привлекал внимание художников и позднее[34]. Но у них мы уже не найдем того реалистического понимания формы, которое характерно для аполлонийской Нереиды. Она передана удивительно живой, легко скользящей по морю. Бело-розовые тона ее тела напоминают палитру помпейских фресок. В отличие от приведенных сравнений поза нашей Нереиды очень жива.

Близкие аналогии рассматриваемому мотиву имеются на рельефах римских саркофагов второй половины II в.[35], где Нереиды часто изображались в торжественном шествии богов или как главные действующие лица морского фиаса.

---

[24] P. Gauckler. Ук. соч., стр. 2112; J. Lassus. Reflexions sur la technique de la mosaique. Gouvernement Général de l'Algérie. Les conferences-visites du Musée Stephane Gsell, 1955—1956, стр. 36, рис. 24.

[25] M. E. Blake. Roman Mosaics, табл. 11, *3*; 22, *2*; 23, *4*.

[26] Там же, табл. 25, *4*; табл. 46, *2*.

[27] H. Stern. Ук. соч., стр. 17.

[28] K. Parlasca. Ук. соч., стр. 117.

[29] JDAI, 49, 1934, стр. 498.

[30] F. Lorenz. Mosaik. RE, XVI, 1894, стр. 507.

[31] JDAI, 56, 1941, стр. 585, рис. 103.

[32] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 73.

[33] Там же, табл. 66 и 71. О технике передачи женского обнаженного тела, см. J. Lassus. Ук. соч., стр. 26.

[34] Chr. Courtois. Timgad. Alger, 1951, стр. 95; L. Leschi. Algérie antique. Paris, 1952, стр. 193.

[35] G. Rodenwaldt. Die antiken Sarkophagreliefs. Berlin, 1939, табл. II, *3*; стр. 58, рис. 89; стр. 14—15, рис. 21—23 и др.

В противоположность живому образу Нереиды, трактовка фигуры дельфина отличается большой упрощенностью. Она чувствуется во всем: в плоской форме тела, в раскраске животного. В этом отношении его можно сравнить с дельфинами на антиохийских мозаиках северовского времени [36]. Здесь та же форма тела с удлиненным хвостом, заканчивающимся плавником в виде простого трилистника, та же манера передачи цвета животного широкими контрастирующими полосами вдоль тела.

Художественную манеру изображений гиппокампов характеризует сочетание мягких тонов с резко противопоставленными. Для некоторых гиппокампов художник применил переходные тона. Окраска других нередко выполнена отдельными пятнами, без полутонов, а контуры фигур очерчены сочной темной линией. Гиппокампы изображены в бурном движении, их тела легки и подвижны. Среди известных нам мозаик нет аналогий, близких этим гиппокампам. Фантастические животные типа гиппокампов встречаются в черно-белых мозаиках из Помпей [37]. В италийских мозаиках иногда встречаются гиппокампы с орлиной головой [38]. В мозаиках Остии преобладают гиппокампы с лошадиным туловищем. Среди них имеются и такие, у которых вместо передних ног крылья-плавники [39]. Сходные с нашими типы гиппокампов, особенно с козлиной головой, есть в германских мозаиках конца II в. [40]. Близкую трактовку к нашим имеют изображения чудовищ-китов в римских катакомбах конца II в. [41]. У них такая же форма длинного извивающегося рыбьего хвоста, расписанного обычно зеленой краской с красной контурной линией. Некоторые из них помещены в полукругах, как и в эмблеме мозаики комнаты Нереиды. Под всеми гиппокампами, как и под дельфином и Нереидой, клубятся условные волны. Несмотря на то, что движение волн ритмически согласовано с положением плывущих по морю животных, все же, находясь в одной плоскости с фигурами, они не передают картины естественного движения морских волн.

Вода в мозаиках первых веков нашей эры обычно не изображалась реалистически. Чаще она наносилась короткими горизонтальными и вертикальными черточками, прямыми, волнистыми и зигзагообразными линиями. Однако можно отметить и наличие других приемов, свидетельствующих о стремлении художников к естественной передаче воды. Так, в африканских мозаиках море показано разноцветными линиями с градацией оттенков морской воды [42]. Изображение волн, как на наших мозаиках, встречается редко. По сравнению с другими фигурными линиями они лучше показывают динамику воды. В этом отношении аполлонийский мозаист так же оригинален, как и художник, работавший в окрестностях Рима [43].

Рыбы на мозаиках в комнате Нереиды изображены в профиль. Этим приемом мозаисты чаще пользовались, чем передачей рыбы сверху. Натуралистическое изображение рыб с тенями под ними характерно для антиохийской школы мастеров мозаичного искусства, где морские сюжеты пользовались большой популярностью. Так же сделаны рыбы и в мозаике Эскуса (III в.) [44].

---

[36] D. Levi. Antioch Mosaics Pavements, II. London, 1947, табл. XXXI, *c*; табл. XLI и CLXXXII, *c*.

[37] P. Gauckler. Ук. соч., стр. 2105, рис. 5245.

[38] M. E. Blake. Roman Mosaics, табл. 33, *2*.

[39] Там же, табл. 34, *3*, *4*.

[40] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 63, *2*.

[41] G. Wilpert. Le pitture catacombe Romane. Roma, 1903, табл. 26, *2*; табл. 45, *2*; табл. 47, *2*.

[42] D. Levi. Ук. соч., кн. I, стр. 596.

[43] M. E. Blake. Roman Mosaics, табл. 35, *1*.

[44] Т. Иванов. Ук. соч. табл. I, XVII, XVIII.

Все изображения мозаики в комнате Нереиды составляют один мифологический сюжет. Эта тематика стала особенно популярной в мозаиках с конца II в., когда художники проявляли большой интерес к изображениям Нереид, тритонов и других персонажей, связанных с морской стихией. Разнообразие мотивов в сочетании с полихромными человеческими фигурами также характерно для этого периода. Отличительной чертой фигурных композиций нашей мозаики является и фон. Чистобелый холодный фон без воздушной перспективы и пейзажа встречается главным образом в поздних мозаиках [45].

Излюбленными мотивами мозаистов античной эпохи были и различные орнаменты, известные нам в памятниках монументального и прикладного искусства древнего Востока и Греции [46]. Многие из них в дальнейшем почти не претерпели существенных изменений. Так, тип сложного меандра, представленный в нашей мозаике, ничем не отличается от меандра в мозаиках Помпей [47]. Так же обстоит дело с некоторыми другими орнаментами. Орнамент из двойной плетенки является наиболее показательным примером среди интересующих нас геометрических узоров, подвергшихся заметной переработке. В помпейских, делосских и других ранних мозаиках, например, такая плетенка имеет сочные округлые очертания, отчего ее так называемые «сердечки» или «кубки» кажутся приземистыми [48]. В мозаиках Германии, где двойная плетенка сравнительно часто применялась в северовское время, эти элементы имеют вытянутые формы [49]. Подобная плетенка является полной аналогией плетенке в мозаике комнаты Нереиды. Заметим, что многоцветная сложная плетенка вообще характерна для мозаик последних веков Римской империи [50]. Наша мозаика отличается большим количеством рамок-лент геометрических орнаментов вокруг эмблемы [51]. Весь узор свидетельствует о стремлении художника как можно меньше оставить на поверхности белого фона. Эти особенности, так же как и сочетания техники opus tesselatum с opus vermiculatum, связаны с поздним этапом развития римского мозаичного искусства.

Большую роль при определении мозаик играет характер самих кубиков и их укладки. Размер некоторых из них в изучаемой нами мозаике (геометрический орнамент) может указывать на технические приемы позднеримского времени [52]. Однако это еще не та крупная и грубая tessera, которой отличаются мозаики позднего III и IV вв. К тому же здесь еще много типичных для ранних полов небольших камешков. Но, хотя мозаика комнаты Нереиды и выполнена довольно искусно, ее набор все же не имеет той безукоризненной точности и тщательности исполнения, как это характерно для мозаик первого века нашей эры. Мозаика комнаты Нереиды отличается сочетанием доминирующих полутонов с контрастными цветами и сильным красочным эффектом природных камней.

Отмеченные особенности мозаики комнаты Нереиды дают нам основание датировать ее временем Северов.

---

[45] P. Gauckler. Ук. соч., стр. 2118.

[46] R. P. Hinks. Ук. соч., стр. LVII, сл.

[47] E. Pernice. Ук. соч., табл. 8, *3* и *5*; M. E. Blake. The Pavements..., табл. 21.

[48] E. Pernice. Ук. соч., табл. 1, *1*; табл. 6, *3*; табл. 57, *1*; табл. 60.

[49] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 26; *3*; табл. 28, *2*; табл. 37, *1*; табл. 63. В галльских и антиохийских мозаиках этого времени двойная плетенка почти не применялась, в Британии — иногда. См. R. P. Hinks. Ук. соч., стр. 79, рис. 85 и 86.

[50] J. Wollanka. Ein römisches Mosaik aus Balácza. Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts in Wien, XXV, 1929, стр. 12; A. Kiss, The Mosaics Pavements of the Roman Villa. Acta Archäelogica, XI, 1—4, 1959, стр. 159.

[51] H. Stern. Ук. соч., табл. XXX, *81*; XXIX, *c*; K. Parlasca. Ук. соч., табл. 2, *3*; табл. 36; D. Levi. Ук. соч., кн. II, табл. XXXVII, *a*.

[52] R. P. Hinks. Ук. соч., стр. LVI; Т. Иванов. Ук. соч., стр. 30.

Мозаика комнаты актеров

Пол комнаты актеров тоже выложен многоцветной мозаикой. В ней можно выделить следующие части: центральный сюжет в виде крестообразной фигуры с изображением театральной сцены и человеческих голов; поля орнаментального узора, составляющего большую часть площади мозаики, и бордюр (рис. 10).

В центральную крестообразную фигуру вписан круг, на белом фоне которого были изображены две мужские фигуры (рис. 11). Справа сохранились остатки стоящей фигуры (верхняя часть головы, шея и часть левого бока) с наклоненным вниз лицом, обращенным, по-видимому, к партнеру. Этот персонаж изображен с венком на голове, в пестром (коричневые, желтые, синие, серые и лиловые тона) костюме комедийного актера, украшенном вертикально расположенной вдоль фигуры полосою клетчатого узора[53]. Фон пола, на котором стояли актеры, дан ровной горизонтальной полосой из розово-серых кубиков. За описанным кругом, в лунарных углах крестообразной фигуры, были изображены четыре человеческие головы; сравнительно хорошо сохранились только две: северо-западная и юго-восточная, две другие утрачены. Голова в северо-западном клейме дана почти в фас. Она выложена розовато-белыми и лиловыми кубиками, а детали венка на ее голове — темно-красными и зелеными. За головой, в наклонном положении к левому плечу показана часть какого-то атрибута (рис. 12). Голова в юго-восточном клейме повернута в три четверти вправо, сохранились лицо и волосы с остатками венка. Слева у головы листья (?).

Рис. 10. Общий вид мозаичного пола комнаты актеров

Основная часть поверхности пола заполнена орнаментом, напоминающим кружевной узор. Он составлен из много раз повторяющихся крестообразной фигуры и круга. Границы этих мотивов обведены контурными линиями из темно-серых кубиков. Все крестообразные фигуры имеют внутри еще полосу зубчиков и плетенку. Плетенка состоит из трех лент, в каждую из которых входит по четыре шнура. Переходные тона (белый, розовый, желтый, темно-серый) шнуров в сплетающихся

[53] A. E. Haigh. The Attic Theatre. Oxford, 1889, стр. 233. Изображение актеров в круглом обрамлении дало нам повод назвать комнату с описываемой мозаикой комнатой актеров.

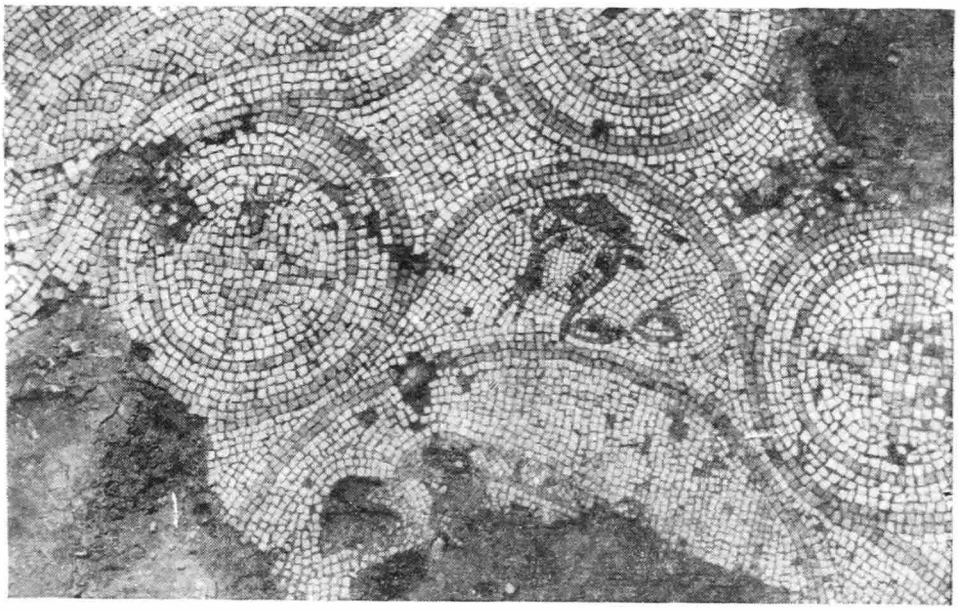


Рис. 11. Часть центрального сюжета пола комнаты актеров с изображением юго-восточной головы — «времени года»

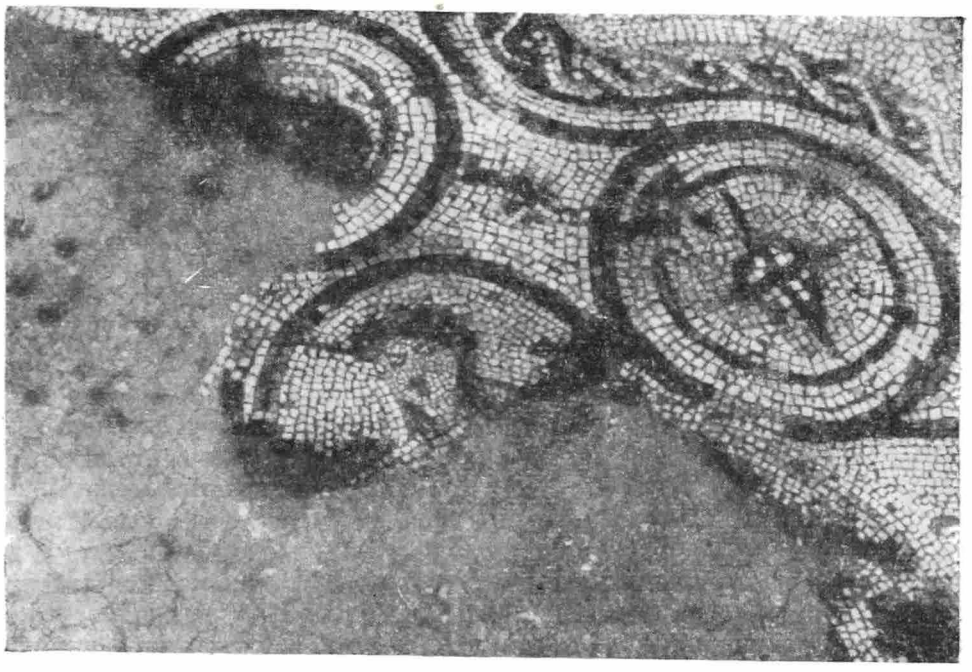


Рис. 12. Мозаика пола комнаты актеров. Северо-западная голова — «время года»

лентах, а также темные контуры и фон придают плетенке рельефность. Все контуры рассматриваемой фигуры отделены друг от друга просветами фона из белых камешков. В центре крестообразных фигур на белом фоне выложен четырехлистник. Круги вписаны в стороны соседних крестообразных элементов. Внутри каждого круга вписан еще один круг из ряда темно-серых камешков, а в центре — узел плетенки или крест. Последний мотив может быть истолкован и как сильно стилизованный четырехлистник или розетка, на фоне которой выложен крест. Ленты узлов плетенки имеют по четыре шнура. Узлы плетенки и кресты в кру-

гах изображены на белом фоне. Создается впечатление, что описанные круги являются основной конструктивной фигурой всего узора мозаики, из которой создан и крестообразный узор. Последний может включать в себя пять таких кругов. Так с помощью большого количества соприкасающихся кругов художник создал разнообразие элементов узора. Между кругами, расположенными у самого бордюра, образуются полуовалы, в которых помещены цветы. Один из них напоминает лотос, другой более схематичен. Равномерное расположение в узоре пола одинаковых по форме и размерам крестообразных фигур и кругов образовало между ними просветы фона в виде маленьких, много раз повторяющихся четырехугольников с сильно вытянутыми углами и вогнутыми сторонами. Они заполнены мелкими темными фигурными крестиками. Бордюр мозаики сделан из двух контурных линий, состоящих из двух и трех рядов тех же темно-серых кубиков и сложной плетенки между ними. Она сплетена из трех лент с четырьмя шнурами в каждой. Темными кубиками, как обычно, обведены контуры лент. Сочетание переходных тонов в лентах, а также сложное их переплетение придают плетенке рельефность. Просвет между бордюром и стенами комнаты заполнен белыми кубиками.

Мозаика комнаты актеров в северном углу, вдоль северо-восточной и северо-западной стен, частично утрачена. Сильно повреждена и центральная картина поля. Что касается изображений в ней, то их легко можно себе представить. Так, в центре картины, судя по диаметру круга и размерам мужской фигуры, вероятно, находилось не более двух действующих лиц. Склонность римских художников к воспроизведению симметрично сходных мотивов вокруг центрального сюжета дает нам повод утверждать, что и в других лунарных клеймах — углах крестообразной фигуры были также изображены человеческие головы. Орнаментальные сюжеты тоже восстанавливаются, так как они составлены из многократных повторений двух мотивов. И в описываемой мозаике художник применил комбинированную технику: opus tesselatum (геометрический орнамент) и opus vermiculatum (центральный сюжет) с характерными для них приемами. Мозаика пола комнаты актеров выложена камешками различного формата. Человеческие лица, мелкие детали (венки) на их головах, а также подробности в костюмах актера выполнены мелкими (от 3 до 6 *мм*) кубиками разного формата. Остальные кубики имеют размеры от 7 до 11 *мм*. Среди них часто встречаются камешки прямоугольной, треугольной и неопределенной формы. Большим разнообразием форм отличаются главным образом белые кубики фона. Треугольные камешки обычно употреблялись для заполнения угловых пространств фона и отдельных мотивов. Мозаика пола комнаты актеров также, очевидно, набиралась техникой прямого набора; она выложена довольно аккуратно. Среди камешков мозаики комнаты насчитывается до десяти различных цветов. Они изготовлены из естественных пород камня. Наряду с ними здесь встречено незначительное количество смальт (зеленая и синяя).

Мотив крестообразной фигуры впервые, возможно, был использован в мозаиках Германии середины II в. [54]. Несколько позднее, в конце II и в первой половине III в., подобными фигурами были заполнены узоры полов в богатых домах Италии [55] и Бельгии [56]. Такие же сюжеты встречаются в мозаиках и других римских провинций [57]. Из всех этих компо-

---

[54] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 22, *2*.
[55] M. E. Blake. Roman Mosaics..., табл. 30, *1*.
[56] H. Stern. Ук. соч., табл. XXI, *a*, *b*; табл. XXII, *a*.
[57] Fasti archaeologici, VI, 1953, стр. 5988, рис. 169—171; R. Thouvenot. Volubiis, Paris, 1949, табл. VI.

зиций наиболее близки нашей — мозаики из Италии и Далмации. Они имеют сходную форму крестообразных фигур, такие же круги в промежутках и некоторые сходные орнаментальные мотивы. Заполнительным орнаментом в мозаике комнаты актеров служит четырехлистник, подобный которому встречается в мозаичных узорах III в.[58]. Аналогичные мотивы часто украшали мозаичные вымостки Британии и в период Антонинов[59]. Четырехлистник в кругах отличается более простыми формами деталей и схематизацией исполнения. Он состоит из четырех лепестков, каждый из них пересекается крестом, наложенным на цветок. Такой четырехлистник был излюбленным мотивом антиохийских мозаистов II в. и позднее. Им заполняли большие поля мозаик, но чаще — отдельные геометрические фигуры. Наиболее близкие для них аналогии мы находим в мозаиках III в.[60]. В германских мозаиках четырехлистник с крестом появился во время Северов, но не получил здесь широкого распространения. То же самое можно сказать и о британских мозаиках, но там крест с цветком характерен для IV—V вв. Другим мотивом, использованным в качестве заполнительного сюжета в кругах, является узел плетенки. Этот мотив очень длительное время широко применялся мозаистами всех римских провинций и больше всего, кажется, мозаистами Антиохии, где мы находим узел плетенки, заключенный в два концентрических круга[61].

Промежутки фона между крестообразными фигурами и кругами заполнены мелкими крестиками с раздвоенными концами. Они известны в римских мозаиках не раньше II в., их можно найти в узорах мозаик Антиохии[62], Германии[63] и иногда — Британии[64].

Орнаментальные рамки крестообразных фигур в мозаике комнаты актеров содержат новый сюжет, не встретившийся в мозаике комнаты Нереиды. Это — зубчатый орнамент, происхождение которого связывают с простейшим меандром. Интересно отметить, что в Помпеях, где широко использовались различные типы меандра, этот мотив почти не встречается. Широкое применение зубчатого орнамента засвидетельствовано главным образом в мозаиках II в., где он обычно служит рамкой не для всей композиции, а только для внутренних фигур[65].Большое пристрастие к этому узору имели мозаисты Германии[66]. Схематические изображения цветов в профиль (у бордюров) находят себе близкие аналогии в антиохийских и британских мозаиках позднего времени[67].

Находившаяся в центре картины театральная сцена комедийного жанра, к сожалению, сохранилась очень плохо, и мы лишены возможности судить о ее содержании. Манера обозначения пола под ногами актеров широкой горизонтальной полосой была известна еще в эпоху эллинизма[68], с тех пор она нередко применялась в период Адриана, Антонина и позднее.

Изображенные вокруг центральной сцены четыре головы символизируют, по-видимому, времена года. Северо-западная голова имеет плоское лицо и схематически намеченные глаза, нос и губы. За головой виден, вероятно, тирс, который, как и венок, свидетельствует о том, что здесь изображен Дионис, обычно символизирующий осень или один из

---

[58] R. P. Hinks. Ук. соч., стр. 83, рис. 90.
[59] Там же, стр. 80, рис. 87; стр. 82, рис. 89.
[60] D. Levi. Ук. соч. I, стр. 437, рис. 166, II, табл. CXXV, *b* и др.
[61] Там же, II, табл. XLVIII, *d*; CI, *b*.
[62] Там же, табл. XCIV, *d, e*; CIII, *b*.
[63] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 6, *1*; табл. 29, *5*; табл. 35, *5*.
[64] R. P. Hinks. Ук. соч., стр. 70, рис. 76.
[65] Там же, стр. LVIII.
[66] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 19, *3*; 20, *2—5*; 22; 30; 31 и др.
[67] D. Levi. Ук. соч., II, табл. CXXVI, *e, b*; CXXIV, *d*; R. P. Hinks. Ук. соч., стр. 124, рис. 14.
[68] F. Lorenz. Ук. соч., стр. 388 сл.

осенних месяцев. Черты лица юго-восточной головы видны более четко, манера укладки камешков здесь иная, она подчеркивает правильный овал лица. Слегка отмеченные тени, несмотря на прямые и угловатые линии деталей, придают лицу объемность. Эта голова, судя по венку и цветам (?) слева от нее, возможно, изображает весну. Ей близки по трактовке лиц музы в трирской мозаике [69], но они отличаются от головы нашей мозаики более естественным и живым выражением лиц, что достигнуто особым приемом выполнения их глаз.

Для мозаичного узора комнаты актеров характерны многие особенности, которыми отличается и мозаика комнаты Нереиды. В основу построения рисунка здесь положен тот же принцип точного деления поверхности на правильные геометрические фигуры, которые в эпоху Северов оформлялись большим количеством тщательно выработанных орнаментальных мотивов, а фигурные композиции заключались в небольшие медальоны [70]. Раздробленность сюжетов, покрывающих большую часть мозаики, и полихромные человеческие фигуры в центре поля, составляющие признаки мозаичной живописи II—III вв., мы легко находим в картине пола комнаты актеров. Вместе с тем эта мозаика содержит много новых приемов в рисунке, придающих ей своеобразные черты. К ним относится, например, центральная часть мозаики. Не желая вводить еще один новый мотив в композицию, художник поместил в центр пола крестообразную фигуру, подобную использованной им в орнаменте. Поэтому, повторяя очертания основного мотива орнамента, центральная часть, несмотря на наличие в ней фигурных изображений, резко не выделяется, а воспринимается как тот же орнамент.

Пышный, нагроможденный узор характеризует орнаментику мозаичного пола комнаты актеров. Здесь присутствуют обычные для того времени красочные сюжеты: театральная сцена и времена года, выполненные на белом нейтральном фоне. Эти характерные особенности, как и многие другие, на которые мы обратили внимание при описании пола комнаты Нереиды, склоняют нас к датировке мозаики комнаты актеров севе́ровским периодом.

Комната с узорной мозаикой

Мозаичный пол этой комнаты имеет сравнительно простую и спокойную композицию рисунка (рис. 13). Она состоит из трех частей: небольшой квадратной эмблемы в центре, полей с узором, образованным пересекающимися кругами, и бордюра. Квадратная эмблема составлена из двух орнаментальных рамок и вписанных друг в друга трех квадратов (рис. 14). Первая рамка представляет собой простую плетенку из двух лент, в каждой из них по четыре шнура темно-серого, белого, розового, желтого и серого цветов. Темные тона служат контурами шнуров. Плетенка, как и во всех других описанных выше случаях, выглядит рельефной. Она расположена на темном фоне. Вторая рамка заполнена темно-белыми стилизованными волнами. Такие же просветы фона отделяют плетенку от крайней контурной линии эмблемы, выложенной из двух рядов темных кубиков. В центре эмблемы помещены три вписанных друг в друга квадрата различной величины. От третьего, самого маленького квадратика, улавливаются только границы. Пространство между бордюром и эмблемой заполнено узором, составленным из пересекающихся кругов. Границы кругов очерчены узкими линиями из одного ряда темных кубиков. Каждый круг пересечен восемью другими такими же кругами, на белом фоне внутри которых художник выложил цветными кубиками небольшие фигурки в виде стилизованного четырехлепесткового

[69] К. Parlasca. Ук. соч., табл. 32 и 33
[70] R. P. Hinks. Ук. соч., стр. LV.

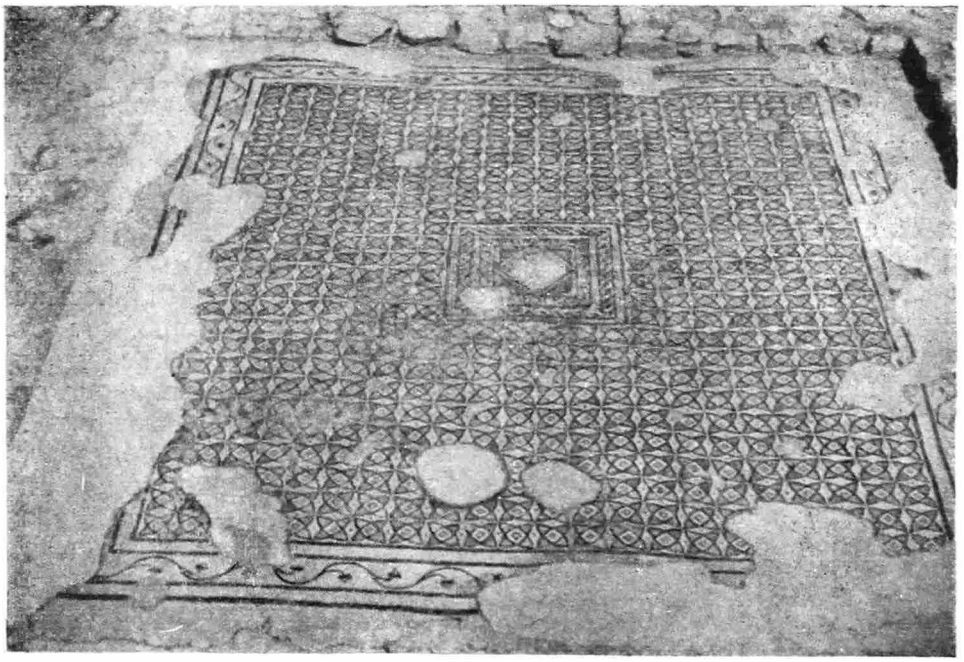


Рис. 13. Общий вид полас узорной мозаикой

цветка. Весь мозаичный узор обрамлен бордюром, края которого отмечены рядами контурной линии из темных кубиков. Бордюр украшен растительным волнистым стебельком с серыми, розовыми и желтыми листьями плюща. Между стенами комнаты и бордюром выложены полосы из белых кубиков.

Композиция этой мозаики легко восстанавливается. Неизвестно только, что находилось внутри центрального квадрата эмблемы. Он мог иметь сплошное однотонное поле, но в нем могло быть и какое-нибудь мелкое фигурное изображение. Весь узор мозаики пола выложен в тех-

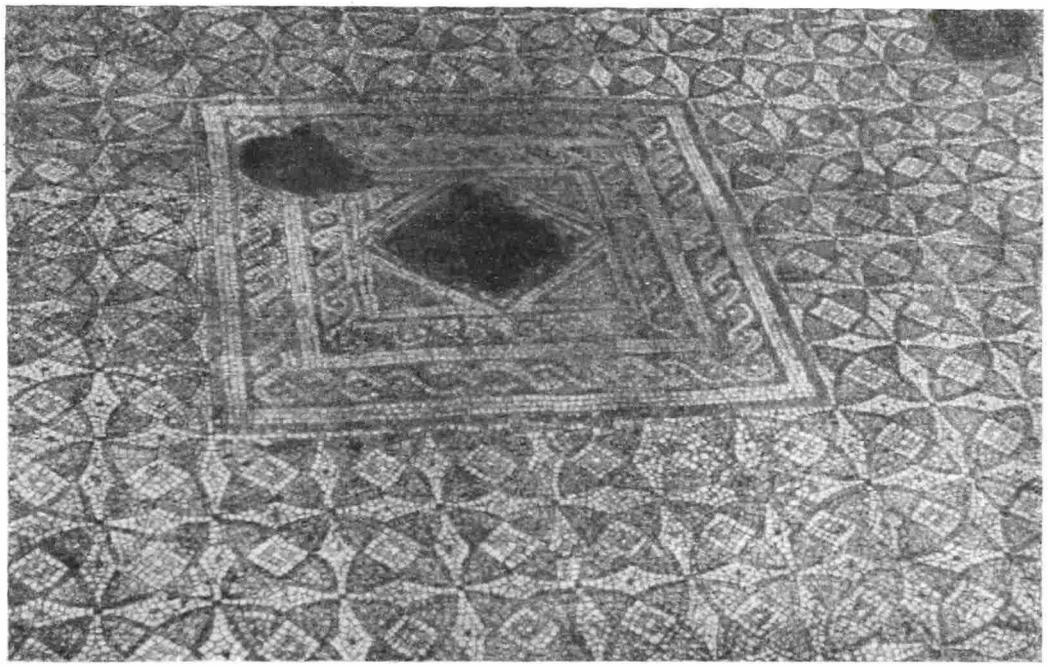


Рис. 14. Центр пола с узорной мозаикой

нике opus tesselatum. Количество цветов, примененных в этой мозаике, невелико. В общем мозаика этой комнаты кажется четкой и аккуратной. Она проста и вместе с тем изящна. В ее рисунке нет излишних, неоправданных сюжетов. Небольшое количество плетенок, волнообразного и растительного узоров в меру оживляет строгие широкие орнаментальные поля из пересекающихся кругов.

Римские мозаисты рано стали применять перекрещивающиеся круги для создания узора. Сначала это были орнаменты, построенные пересечением каждого круга четырьмя такими же кругами. Этим приемом создавались простые композиции из многочисленных четырехлепестковых розеток. В самых ранних мозаиках этот бело-черный орнамент очень прост и отличается исключительно тщательным исполнением, что придает стройность узору [71]. Несколько позднее художники все чаще стали помещать в промежутках между розетками оживляющие мотивы [72]. Во II и III вв. узор из перекрещивающихся кругов широко используется в полихромных мозаиках многих римских провинций. В это же время мозаисты с помощью системы перекрещивающихся кругов часто строили рисунок, в основе которого лежит четырехлепестковая розетка [73], но промежутки между розетками теперь отличаются большим разнообразием заполнительных орнаментов, что вносит в весь узор некоторую пестроту. В рисунке пола комнаты с узорной мозаикой была применена более сложная система скрещивающихся кругов. Благодаря этому художник получил большое число различных фигур, из которых он построил узор, повторив его много раз по всему полю мозаики. Мозаики с таким узором встречаются очень редко. Среди антиохийских вымосток эпохи Северов имеется мозаика с подобным, но не идентичным рисунком [74]. Разница заключается в том, что цветы нашей мозаики сохранили плавные, округлые линии, полученные от сплетения кругов. В основе антиохийской же мозаики лежит, по-видимому, тот же прием построения узора, но здесь, оформляя основной мотив, мастер придал ему вытянутые пропорции, отчего листья цветка получили форму луча звездочки. Во II в., так же как и в аполлонийской мозаике, в центре мозаичных вымосток с перечисленными сюжетами нередко помещалась небольшая квадратная картина [75]. Что касается мотивов, из которых составлена наша картина, то они не новы: все они мастерам мозаичного дела были известны и раньше. Особенно это относится к плетенке, о которой мы говорили выше, и к волнообразному орнаменту [76]. Последний применялся еще в галечных вымостках, где он чаще всего выполняет роль бордюра. Орнамент в виде побега также очень древний. В мозаичную живопись он проникает в конце второго помпейского стиля [77] и затем долго существует, украшая в основном полы жилых домов [78]. Однако нельзя сказать, что этот мотив трактовался художниками разных времен одинаково. Элегантная тоненькая ветвь характерна для более раннего времени [79]. Побеги листьев плюща в бордюре нашей мозаики тоже отличаются легкостью, но они схематичны.

Узорная мозаика отличается от рисунка пола комнаты актеров своей стройной композицией, что роднит его с узорами бело-черных мозаик. Вместе с тем, здесь ярко выражены приемы мастеров мозаичного

---

[71] M. E. Blake. The Pavements, табл. 23, *1*; 24, *4*; E. Pernice. Ук. соч., табл. 18, *2*; IDAI, 1941, кн. 56, стр. 443, рис. 48.

[72] E. Pernice. Ук. соч., табл. 27, *5*; табл. 36, *6*.

[73] Так выглядел, видимо, пол помещения, расположенного на северо-восток от комнаты Нереиды, см. В. Д. Блаватский, С. Ислами. Ук. соч., стр. 192.

[74] D. Levi. Ук. соч., II, табл. XCVIII, *a*.

[75] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 62, *1*; H. Stern. Ук. соч., табл. 1, *b*, *c*.

[76] R. P. Hinks. Ук. соч., стр. XLIX.

[77] H. Stern. Ук. соч., стр. 15.

[78] P. Gauckler. Ук. соч., стр. 2120.

[79] H. Stern. Ук. соч., стр. 18

искусства второго периода их расцвета — II—III вв. н. э. А именно: наличие красочной и к тому же небольшой эмблемы, расположенной в центре геометрического орнамента, занимавшего большую часть поверхности пола; наличие сложного пересечения кругов, благодаря которому создан своеобразный цветной узор, окаймленный характерным и модным в то время растительным орнаментом.

* *
*

Как показывает анализ, аполлонийские мозаики являются произведением провинциального римского искусства. В целом их узоры набраны по примеру известных в то время на территории римской империи мозаичных вымосток. Все они следуют прямоугольному плану пола. Четырехугольного построения картины с большим количеством рамок придерживались главным образом античные мозаисты, работавшие в Италии и западных провинциях. В этих мозаиках часто доминирует геометрический рисунок.

Прием деления поверхности пола на равные соприкасающиеся или пересекающиеся круги был широко распространен во многих странах. В этом особенно ярко сказалась любовь римских художников к членениям декорируемой поверхности на правильные геометрические фигуры. Мотивом крестообразной фигуры в узоре пола, построенной, возможно, как у нас, на сетке равных кругов, пользовались мозаисты Италии, Далмации и других стран. По характеру некоторых геометрических лент-рамок аполлонийские мозаики стоят ближе к орнаментальным мотивам германских мозаик. И те и другие копируют орнаменты, известные в древних памятниках вазовой живописи и архитектурном декоре, а также повторяют мотивы раннеиталийских мозаик (иногда их переработав). В заполнительных орнаментах геометрических фигур мы находим мотивы (четырехлистник), характерные, например, для Британии и особенно Антиохии. Цветочный орнамент имел исключительно широкое применение в Антиохии и в восточносредиземноморских провинциях, что связано с подражанием ковровым изделиям с подобными сюжетами, особенно модными в Персии — стране с высоко развитой местной текстильной промышленностью [80]. Сходство с орнаментальными мотивами антиохийских мозаик мы наблюдаем и в трактовке морских животных и рыб на мозаике комнаты Нереиды.

Аполлонийские художники использовали распространенную во времена Севéров тематику мозаичной живописи: мифологические сюжеты, театральные представления, символы времен года — последние в наших мозаиках приобрели декоративный смысл. Ставшие известными в настоящее время мозаики Аполлонии свидетельствуют о том, что мифологические сюжеты и геометрические орнаменты были исключительно здесь популярны. Все фигурные композиции наших мозаик сделаны на белом фоне, в них нет неба, пейзажа или архитектуры. Вместе с тем в этих рисунках отсутствуют пустоты, фигурные изображения не группируются, а, наоборот, размещаются изолированно друг от друга. Так удобнее заполнять большие поверхности, но это исключает единство сюжета. Эти особенности характерны для римских мозаик рассматриваемого времени.

Аполлонийские мастера пользовались, видимо, в основном известными в Риме и римских провинциях техническими приемами мозаичного искусства. Они приготовляли по известным рецептам мозаичные грунты и применяли выработанные приемы в технике набора. Для изготовления кубиков мозаисты брали местные породы камня, избегая ради экономии

[80] D. L e v i. Ук. соч., кн. I, стр. 436.

дорогих сортов и искусственного приготовления смальт. Так поступали во многих римских провинциях, где работали опытные мастера[81]. Судя по огромному количеству самых разнообразных предметов быта, найденных при раскопках в Аполлонии римского времени, там было развито множество художественных ремесел. Были там, конечно, и мастерские с высококвалифицированными мозаистами, количество которых по всем римским провинциям в северовский период особенно увеличилось[82]. Характер наших мозаик свидетельствует о хорошей подготовке их исполнителей и о высоком уровне мозаичного искусства Аполлонии, но в то же время эти мозаики, как и многие провинциальные мозаики этого времени, отличаются упрощением некоторых технических приемов. Они выражаются в настиле вымосток непосредственно на почве без специальных утрамбовок, в наборе мозаик прямо на поверхности пола, минуя подготовительные операции в мастерской. С другой стороны, в этих мозаиках обычно применен прямой набор кубиков, технически более сложный, но более выгодный при покрытии мозаикой больших площадей. Наличие грубообработанных камешков придает вымосткам совсем иной вид, отличающий их от очень аккуратных и тщательно выложенных мозаик I—II вв. Огрубение технических приемов в мозаичной живописи характерно для всех римских провинций. Но оно проявлялось, по-видимому, не везде в одинаковой мере и не всегда в одно и то же время.

В стилистической и технической манере исполнения наших мозаик прослеживаются различные приемы. Даже один и тот же пол, по-видимому, набирался не одним мастером. В этом легко можно убедиться, например, при сравнении изображений гиппокампов или времен года. Мотивы одинаковые, но переданы они по-разному: одни выдают опытную руку умело владеющего камнем и манерой изобразительного письма живописца, другие свидетельствуют о довольно неряшливом и схематическом почерке. Некоторые изображения даны натуралистически, некоторые фантастически. Здесь бок о бок уживаются пластичность и плоскостность в изображении, полутона и контрастные краски. Наблюдается упрощение некоторых форм и даже схематизация отдельных мотивов. Все это является результатом различных художественных вкусов и степени подготовки как подмастерьев, так и главных исполнителей мозаик. Последние показали себя как опытные художники, хорошо знавшие технику мозаичной живописи. Для них характерно также стремление сохранить традиции римского провинциального искусства. Как мы уже отметили, аполлонийские мозаики отличаются и своеобразием некоторых приемов. Так, повторив схему композиции эмблемы в комнате Нереиды, художник ввел в нее новую фигуру — восьмиугольник — и заполнил ее поля сюжетами, в основном не встречавшимися до сих пор в подобной картине. Обычное в других мозаиках развевающееся над головой Нереиды широкое покрывало здесь изображено коротким в виде зеленого листа между головой и поднятой левой рукой Нереиды. Однако не исключена возможность, что это именно лист, а не покрывало. В таком случае — это тоже довольно редко встречающийся в мозаиках атрибут Нереиды. Творческая переработка популярных мотивов декоративного искусства особенно наглядно сказывается в образах гиппокампов, точных аналогий которым мы не знаем. То же самое можно сказать и о трактовке времен года, очень часто встречающихся во многих провинциальных мозаиках интересующего нас периода. Обычно они представлены в виде фигур юношей, амуров, молодых женщин или их поясных изображений с характерными для них и ясно выраженными атрибутами. В наших же мозаиках изображены только головы, а сопровождающие их атрибуты показаны нечетко, почему и мы определили их содержание

[81] H. Stern. Ук. соч., стр. 19; K. Parlasca. Ук. соч., стр. 135.
[82] P. Gauckler. Ук. соч., стр. 2109.

предположительно. Безусловно, что это местная переработка мотива, который, как и изображения самих голов времени года, получил здесь новое оформление, не имеющее себе аналогий. Применение крестообразной фигуры для заполнения центра и включение в ее концы изображений времен года также является, возможно, индивидуальным творчеством местного художника. Здесь мы встретились не с обычным явлением простого повторения мозаистами широко распространенных прямоугольных и квадратных картин, часто украшенных по углам изображениями четырех времен года,четырех ветров и т. д. Фигурная композиция на полу комнаты актеров — один из свежих вариантов центральной картины, эволюция форм которых ко II—III вв. достигла известного разнообразия. Крестообразная фигура в центре этого пола тесно связана с композицией всей мозаики, и в этом проявилось искусство мастера. Для изучаемых мозаик Аполлонии вообще характерно сохранение композиционного единства и монументальности при раздробленности сюжетов.

Традиции эллинистического искусства в наших мозаиках проявились в реалистическом понимании форм, в выразительности и известной живописности фигур. Особенно ярко это выступило в передаче фигур Нереиды, гиппокампов и рыб, а также в трактовке всей картины, иллюстрирующей стремление художника передать все происходящее в разнообразии движений как живых существ, так и морской стихии. Наличие черт эллинистического искусства в аполлонийских мозаиках, возможно, связано с эллинизацией римской культуры, а также с сохранением традиций греческой культуры в Аполлонии в период римской оккупации, что подтверждается и другими памятниками [83].

По композиции рисунка, характеру мотивов, стилю и некоторым техническим приемам мы датируем аполлонийские мозаики эпохой Севéров и, скорее всего, началом III в.

При определении времени большое значение имеет и характер полихромии аполлонийских мозаик. Полихромные мозаики были известны еще в эпоху эллинизма. На рубеже нашей эры появились бело-черные вымостки. В антониновский период полихромные мозаики вновь приобретают популярность, достигая во II—III вв. «классического» периода своего развития [84]. Чем же отличается полихромность ранних мозаик от многоцветных вымосток более позднего времени? Уже в самых древних мозаичных вымостках применялась довольно богатая гамма цветов, глухие тона гальки подчеркивают мягкость и теплоту их узоров.

В эллинистический период с развитием техники стекловарения стекло, как наиболее дешевый материал, постепенно вытесняет из мозаичных вымосток природные камни [85]. Это дало возможность художникам увеличить цветовую гамму, а характер мозаичных смальт придал кубикам более яркие по окраске тона. Наряду с ними нередко применялись и дорогие породы камня. Таким образом, многоцветность эллинистических мозаик, созданных из искусственного материала, была разнообразнее, ярче, чем из естественных камней. Так были достигнуты контрастность и сверкание красок, которым некоторые мозаисты I—II вв. предпочли строгие черные силуэтные изображения на белом фоне.

Во II—III вв. полихромные мозаики вновь стали модны и достигли особенно широкого распространения. Но теперь мастера мозаичного искусства при огромных масштабах применения этого вида декора часто отказывались как от стекла, так и от дорогих камней. Они стали употреблять главным образом недорогие природные камни. В Италии и Африке, например, это были брекчия, привезенная с Востока и из Нумидии.

[83] H. Ceka. Mbi historikum e kërkimeve dhe gërmimeve arkeologjike në Apolloni. Buletin i Universitetit shtetëror te Triranës. Seria shkencat Shoqërore, стр. 220, 1958, No. 4.

[84] J. Lassus. Ук. соч., стр. 35.

[85] Н. Качалов. Стекло. М., 1958, стр. 147.

алебастр — из Мавритании [86]. В аполлонийских мозаиках широко использован цветной известняк. Всем этим породам камней, как и речной гальке, свойственны характерные признаки, отличающие их от мозаичных смальт: особая приглушенность цвета с характерным известковым налетом, своеобразный колорит красок, достигаемый разнообразием мягких и теплых тонов естественного камня. Цветные камни употребляются при этом в таком же количестве, как и черные, последние служили главным образом для обводки контуров узоров. Художники в это время предпочитают гармоничные сочетания красок и переходные тона естественных пород камня. Такие камни часто дают большую градацию оттенков, что умело использовали в наборе мозаик римские мозаисты, в том числе и аполлонийские, проявив при этом высокую виртуозность. Смягченные тона, как и в росписях, особенно широко применялись во II в. [87].

Описанные нами аполлонийские мозаики являются ценным источником для изучения истории римского провинциального искусства. Они дают нам представление о характере мозаичной живописи, получившей широкое применение в архитектурном декоре одной из провинций Рима — Македонии. На территории прибрежной Иллирии, после Буфрота [88], Аполлония является вторым античным городом, где в настоящее время так хорошо представлены мозаичные полы римского времени [89].

Время создания мозаичных полов (конец II — начало III в.) совпадает с последним периодом экономического и культурного подъема города, что находит отражение в развитии и других отраслей искусства, главным образом скульптуры [90].

---

[86] P. Gauckler. Ук. соч., стр. 2112.

[87] Там же, стр. 31.

[88] L. Ugolini. Albania Antica. III. L'Acropoli di Butrinto. Roma, 1936.

[89] О наличии мозаичных полов в аполлонийских богатых домах было известно и раньше. См. C. Patsch. Das Sandschak Berat in Albanien. Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abteilung, III, Wien, 1902, стр. 150; C. Praschniker, A. Schober. Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung, VIII. Wien, 1919, стр. 71.

[90] C. Praschniker. Musakhia und Malakastra. Archäologische Untersuchungen in Mittelalbanien. Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Institut in Wien, XXI—XXII, 1922—1924, стр. 138, *a*, *b*.

М. Р. ПОЛЕССКИХ

ПЕНЗЕНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ МОРДВЫ IV—V вв.

Изучение Селиксенского могильника, в котором в настоящее время раскопано 144 могилы, показало, что выявленные хронологические группы погребений (Старший и, подобный Армиевскому, Младший Селиксенские могильники) этнически однородны. Об этом свидетельствуют определенные черты ритуала и общность типов вещей.

Однако в комплексах вещей селиксенских и армиевских непосредственная генетическая преемственность не обнаруживается. Более того, между этими группами погребений имеется хронологический разрыв (II—IV вв.— старшая группа[1] и VI—VII вв.— младшая группа[2]), который не заполняется материалом Армиевского могильника, в значительной своей части несколько более раннего по сравнению с Младшим Селиксенским могильником. Этот пробел хорошо восполняется вновь открытыми в Пензенской области могильниками. Такая группа погребений (по два женских, мужских, детских) была выявлена в 1957 г. раскопками Ражкинского могильника, расположенного на левом берегу р. Мокши, у д. Ражки Нижнеломовского района.

В этом могильнике особенно характерно погребение № 10 с традиционным ритуалом — в вытянутом положении, на спине, головой на север с небольшим отклонением к западу, с лубяной обкладкой бронзовых вещей. В вещевом комплексе погребения наблюдаются новые черты, отличающие его от обычных селиксенских. Свойственные пензенским могильникам височные подвески имеют грузик (рис. 1, *7*) не биконический, а гранчатый, который напоминает грузики подвесок из Армиевского и Иваньковского могильников. Найдено большое количество бус двух типов: стеклянный золоченый бисер и красные пастовые бусы и отдельные более крупные шарообразные. Некоторые бусы инкрустированы (рис. 1, *1*). Если отдельные краснопастовые бусы изредка встречались в ранних пензенских могильниках (погребение № 29 — Селикса, погребение № 3 — Ражки), то красные звеньевые и инкрустированные бусы встречены впервые.

В раскопках Кошибеевского могильника А. А. Спицыным и В. Н. Глазовым были найдены красные звеньевые бусы[3]. В погребениях № 46 и 59 (раскопки В. Н. Глазова) были красные пастовые бусы, инкрустированные цветными звездочками,— мотив, полностью повторяющийся в инкрустации ражкинских бус. Подобные бусы есть в Мощинском кладе[4].

Впервые встретились звездчатые подвески в составе кисти пояса (рис. 2, *1*); по П. С. Рыкову — это редкое украшение среди вещей Арми-

---

[1] М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, 1959, № 4, стр. 202—211.

[2] М. Р. Полесских. Могильник «армиевского типа» в Пензенской области. КСИИМК, 55, 1954, стр. 147—149.

[3] ГИМ, инв. № 37730 и 44263; МАР, 25, табл. VI, *1*.

[4] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водоразделов верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, табл. XII. *10*.

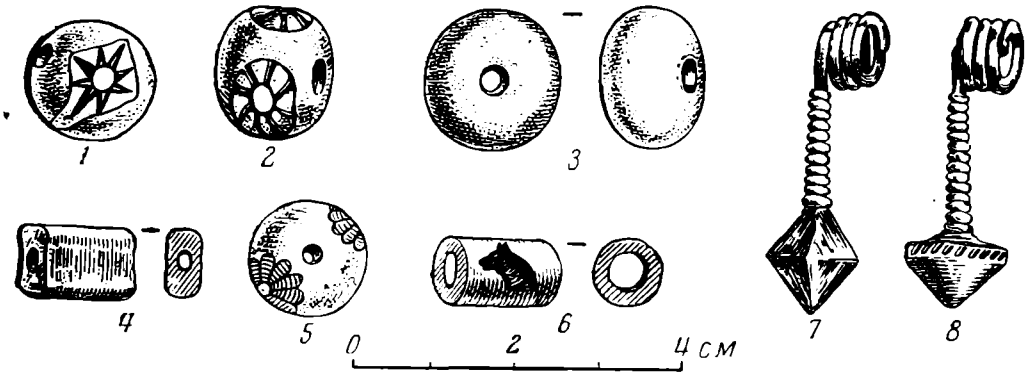


Рис. 1. Бусы (*1—6*); височные подвески (*7*, *8*):

1, *7* — Ражкинский мог., погр. № 10; *2* — Тезиковский мог., погр. № 15; *3* — Селиксенский мог. погр. № 100; *4* — Тезиковский мог., погр. № 14; *5* — Селиксенский мог., погр. № 89; *6* — Селиксенский мог., погр. № 134; *8* — Селиксенский мог., погр. № 78

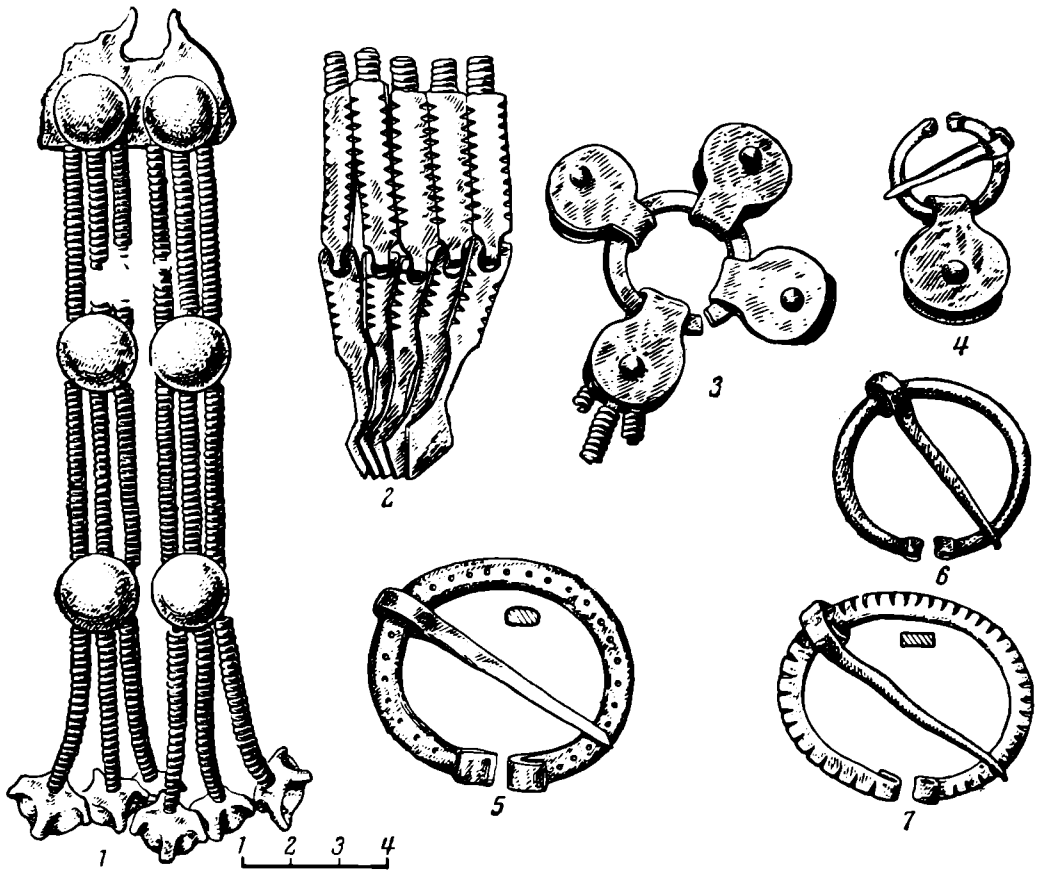


Рис. 2. Кисти пояса (*1—2*); кольца с обоймами (*3—4*); кольцевые застежки (*5—7*):

1 — Ражкинский мог., погр. № 10; *2* — Тезиковский мог., погр. № 5; *3*, *4* — Тезиковский мог., подъемный матер.; *5* — Тезиковский мог., погр. № 2; *6*, *7* — Селиксенский мог., погр. № 100

евского могильника, по П. П. Ефименко — вещи стадии В и ранней поры $В_1$ (III—IV вв.) [5].

В погребении № 12 вместе с звеньевыми краснопастовыми бусами находилась стеклянная бусинка голубого цвета — украшение, нередко встречающееся в сарматских погребениях III—IV вв. [6].

Все остальные вещи погребения № 10, в том числе круглая прорезная бляха с циркульным орнаментом, два круглопроволочных браслета [7], спиральные перстни, золоченый четковидный бисер, не отличаются от раннего селиксенского комплекса.

Описанное сочетание вещей из женских погребений повторилось в Тезиковском могильнике. Этот могильник, открытый в 1957 г., расположен на левом возвышенном берегу р. Мокши, непосредственно у северного конца дер. Тезиково-Михайловского Наровчатского района. Раскопки на месте находок, проведенные мною в 1958 г., выявили рядовой грунтовой могильник. На нем было вскрыто 15 погребений (в том числе женских — 6, мужских — 4). Ритуал погребений в общих чертах сходен с ритуалом Ражкинского могильника, за исключением ориентировки: здесь погребенные лежали головой на восток и северо-восток.

Женские погребения отличает огромное количество бус, в то время как остальные украшения и предметы утвари немногочисленны. Среди бус постоянно повторяется сочетание золоченого звеньевого бисера и краснопастовых звеньевых, часто бисерных бус; особенно выделяется в этом отношении погребение № 8. Есть краснопастовые инкрустированные (звездочкой) бусы (рис. 1, *2*), голубой бисер, нередко в виде звеньев. Две бусины из погребения № 14 — стеклянная шестигранная с прямыми срезами и краснопастовая плоская (рис. 1, *4*) — подобны бусам Мощинского клада.

Среди женских украшений интересна кисть пояса из погребения № 5, составленная, подобно ражкинской кисти, из спиралек на ремешках, полусферических и звездчатых бляшек. Другая парная кисть пояса (погр. № 8) состоит из шарнирных подвесок-наконечников (рис. 2, *2*), напоминающих обувные кисти-подвески из женского погребения № 29 в Старшем Селиксенском могильнике, а также кисти-подвески из Суворовского могильника Азелинской культуры [8], подвески из погребения № 69 Кузьминского могильника [9] и из погребения № 10 Иваньковского могильника [10].

Ажурная брошь из разрушенного погребения очень похожа на подобные украшения из рязанских могильников стадий В — $В_1$, соответствующих III—IV вв. [11]. В пятом погребении, а также среди случайных находок оказались височные подвески (не целые и не парные) с гранчатым грузиком.

Кольцевых застежек с завернутыми концами найдено две (рис. 2, *5*): одна из них плоская, гладкая, другая орнаментирована пунктиром и рубчиками по обоим краям лицевой стороны. Такой же пунктирный орнамент есть на бронзовом четырехгранном браслете с несколько уплощенными концами (из случайных находок, рис. 3, *1*). Все эти украшения характерны для стадий В — $В_1$ рязанских могильников.

---

[5] П. П. Ефименко. Рязанские могильники, МЭ, III, 1, 1926.

[6] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX, 1954, стр. 225.

[7] М. Р. Полесских. Ранние могильники..., стр. 204, рис. 2—3, стр. 206, рис. 4, *4*.

[8] Тезисы доклада В. Ф. Геннинга на Казанской конференции по археологии и этнографии Поволжья в декабре 1956 г.

[9] МАР, 25, табл. XXII.

[10] Чувашский республиканский краеведческий музей, инв. № 156.

[11] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 71, 74. Пересмотренная впоследствии П. П. Ефименко датировка этих могильников в сторону их удревнения (см. П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии нашей эры по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 39, 50) нам представляется менее правильной.

Бронзовые пряжки найдены двух видов — с удлиненной и круглой обоймами. Первая форма имеет своим прототипом пряжки с длинной обоймой из ранних пензенских могильников; вторая, круглая, напоминает сармато-аланские пряжки. Точно так же пряжка с насечками на

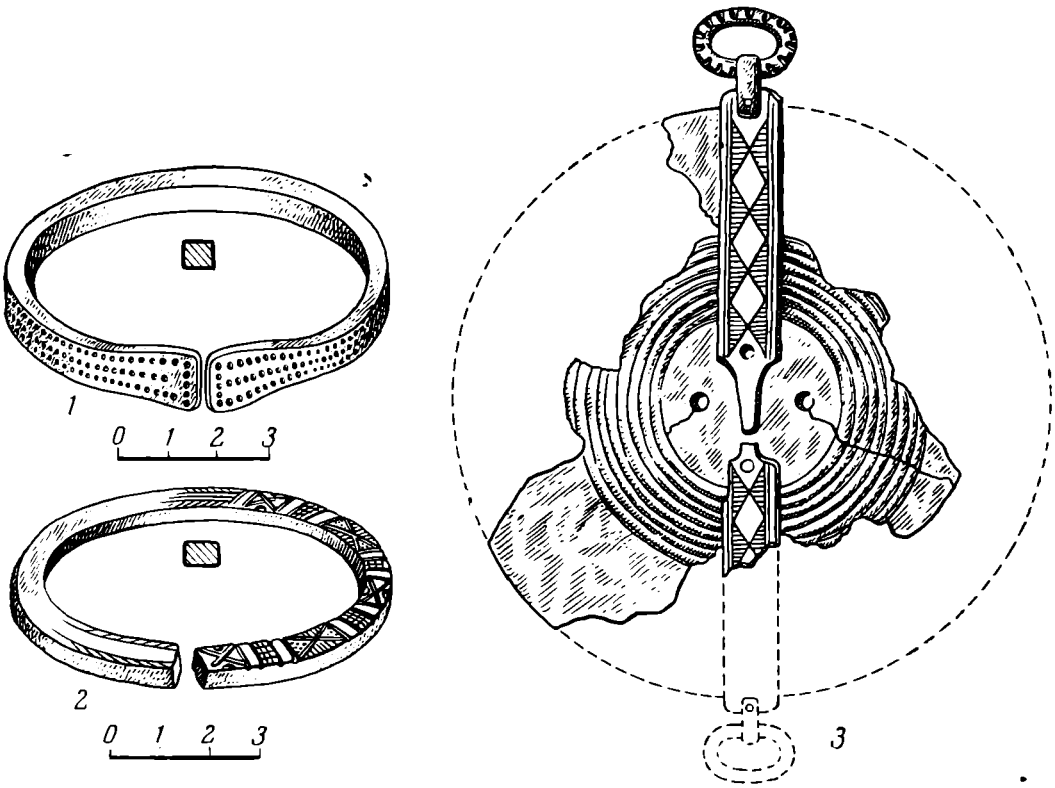


Рис. 3. Браслеты (*1*, *2*); нагрудная бляха (*3*):
1 — Тезиковский мог., подъемный матер.; *2* — Селиксенский мог., погр. № 78; *3* — Селиксенский мог., погр. № 115

приемнике и на поверхности обоймы (рис. 4, *4*) повторяет образцы сарматских пряжек [12].

Из других предметов в женских погребениях следует отметить спиральный перстень и спиральки-пронизки, украшения, обычные для женских погребений Армиевского могильника. Кроме того, в погребениях № 5 и 8 оказались полусферические бляшки — первая из них относится к пьяноборскому типу; вторая, окаймленная жгутиком, близка типу бляшек из рязанских могильников.

Интересны сбруйные тройные и четверные, соединенные плоскими кольцами обоймы для расходящихся ремешков и кольцевидная застежка с подвижной обоймой (рис. 2, *4*). Эти вещи совершенно аналогичны находкам в Иваньковском могильнике [13].

Среди вещей, найденных в мужских погребениях, отметим два наконечника копья (рис., 4, *1*), проушной топор (рис. 4, *6*), аналогичный топору из Мощинского клада [14], удила с большими кольцами, ножи, массивные железные пряжки, наборы для высекания огня, глиняные сосуды. Отмечается количественное преобладание сосудов в муж-

[12] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Тр. СГУ, 1947, стр. 34.

[13] Чувашский республиканский краеведческий музей, инв. № 22, 120. Обращает на себя внимание вообще большое сходство вещевых комплексов Тезиковского и Иваньковского могильников в той части последнего, которая была исследована П. П. Ефименко (Средне-Волжская экспедиция 1926—1927 гг. СГАИМК, II, 1929).

[14] Н. И. Булычев. Ук. соч., табл. VIII.

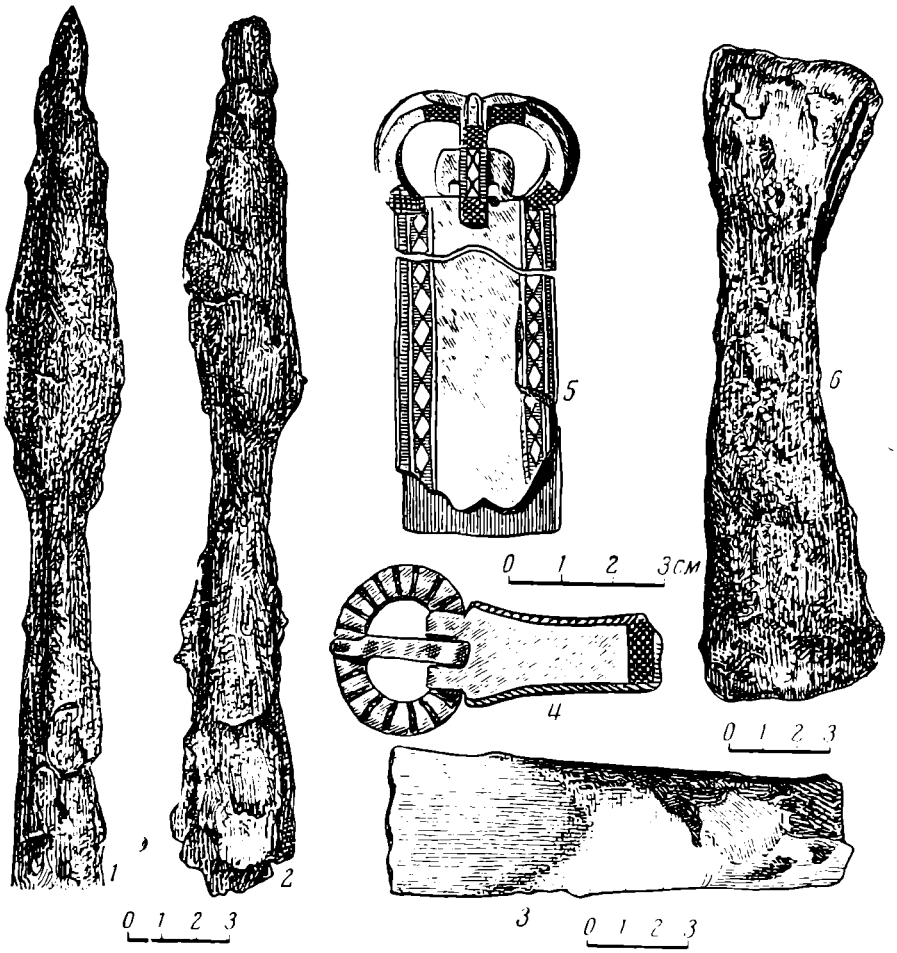


Рис. 4. Наконечники копий (*1*, *2*); топоры (*3*, *6*); пряжки (*4*, *5*):

1 — Тезиковский мог., погр. № 1; *2—4* — Селиксенский мог., погр. № 85; *5* — Селиксенский мог., погр. № 74; *6* — Тезиковский мог., погр. № 3

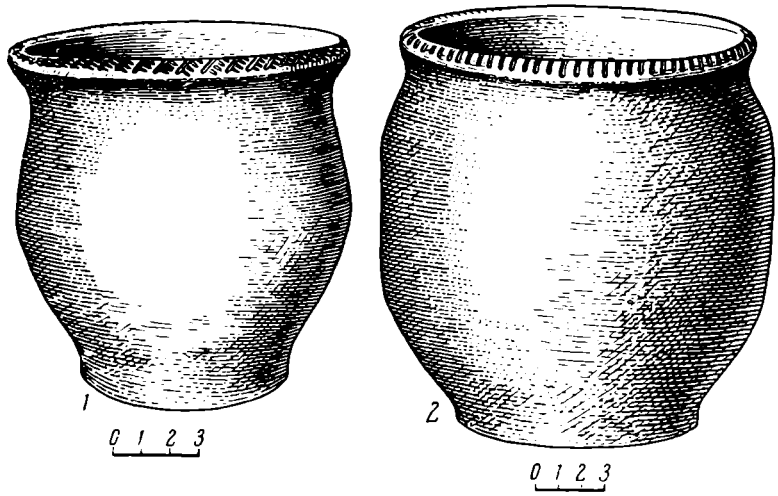


Рис. 5. Глиняные сосуды:

1 — Тезиковский мог., погр. № 12; *2* — Селиксенский мог., погр. № 100

ских могилах по сравнению с женскими, подобно тому, как это имеет место в рязанских могильниках. Так, в погребениях № 1 и 14 находилось по два горшка, в то же время в богатом женском погребении № 8 сосуда не было. Вместе с целыми сосудами в мужских могилах было много их обломков.

Все сосуды — горшки, с хорошо профилированными гладкими стенками (исключение составляет черепок в погребении № 12 с «тычковым» орнаментом), с узким или широким горлом, более или менее широкими боками, отогнутым краем, часто украшенным косыми рубчиками, а в одном случае (погребение № 12) — штампом (рис. 5, *1*). Лишь один горшочек из погребения № 15 имеет баночную форму с прямым, гладким краем. Все эти типы сосудов были широко распространены в середине I тысячелетия н. э.[15]

Раскопками 1959 г. в Селиксенском могильнике была открыта новая «срединная» группа погребений, хронологически следующая после погребений старшего типа.

В 11 могилах этой группы находилось 13 костяков (мужских — 2, женских — 6, детских — 5). В могиле № 100 оказалось тройное захоронение: один женский костяк был ориентирован головой на запад, два других (женский — подросток и лежащий рядом с ним детский) — на восток. Все остальные погребения имеют западную ориентировку с отклонением на север. Другие черты не отличаются от ритуальных особенностей Старшего Селиксенского могильника. Могила № 100 была подпрямоугольной формы с вертикальными стенками и прямым дном; ее размер — 2,35 × 1,5 *м*, глубина 70 *см*. От костяков сохранились часть зубов и фрагменты трубчатых костей. В головах взрослого костяка стоял глиняный сосуд баночной формы со слегка отогнутым бортиком, покрытым прямыми глубокими насечками (рис. 5, *2*).

В верхней части скелета находились железная, прямоугольная в сечении гривна с простыми концами, височные подвески с коническим грузиком, бусы краснопастовые — отдельные и звеньевые, золоченый и голубой звеньевой бисер, две стеклянные шаровидные бусины (рис. 1, *3*), плоская кольцевая застежка с насечками по внешнему краю (рис. 2, *7*), круглая железная пряжка и обломки ножа. На месте противолежащего костяка найдены: бронзовая гривна, овальная в сечении, нарочито сломанная, покрытая точечным орнаментом, как будто имитирующим змею, а также куски луба. На месте третьего костяка находились гривна из тонкой проволоки с петлевидным запором и височная подвеска с биконическим грузиком. В центре могилы и на дне были следы угля.

Женское погребение № 78 по ритуалу не отличается от женских погребений Старшего Селиксенского могильника. Полное совпадение наблюдается и в вещах, среди которых — пластинчатые прорезные бляхи с циркульным орнаментом: накосник и нагрудная (или поясная); две нарочито поломанные шейные гривны из деревянного прута, обмотанного бронзовой проволокой; спиралька; перстень; золоченый бисер; отдельные пастовые бусы. Новым в этом комплексе являются мелкие красные пастовые бусы от звеньев, голубой бисер звеньями, палочки золоченого бисера, имитирующие звенья, бронзовый четырехгранный браслет с оригинальным орнаментом из чередующихся ямочек и насечек (рис. 3, *2*)[16].

---

[15] П. С. Рыков. Чардымское городище. Изв. СНИК, 1933, стр. 87, табл. 4; Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, 65, 1956, стр. 20; Н. И. Булычев. Ук. соч., табл. XV, *1—3*; М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповки. Сб. «Вопр. скифо-сарматской археологии», М., 1952, стр. 224, табл. II, 7.

[16] Ближайшим прототипом этого браслета является браслет из погребения № 130 Старшего Селиксенского могильника — подчетырехугольный в сечении, покрытый по концам узором из насечек.

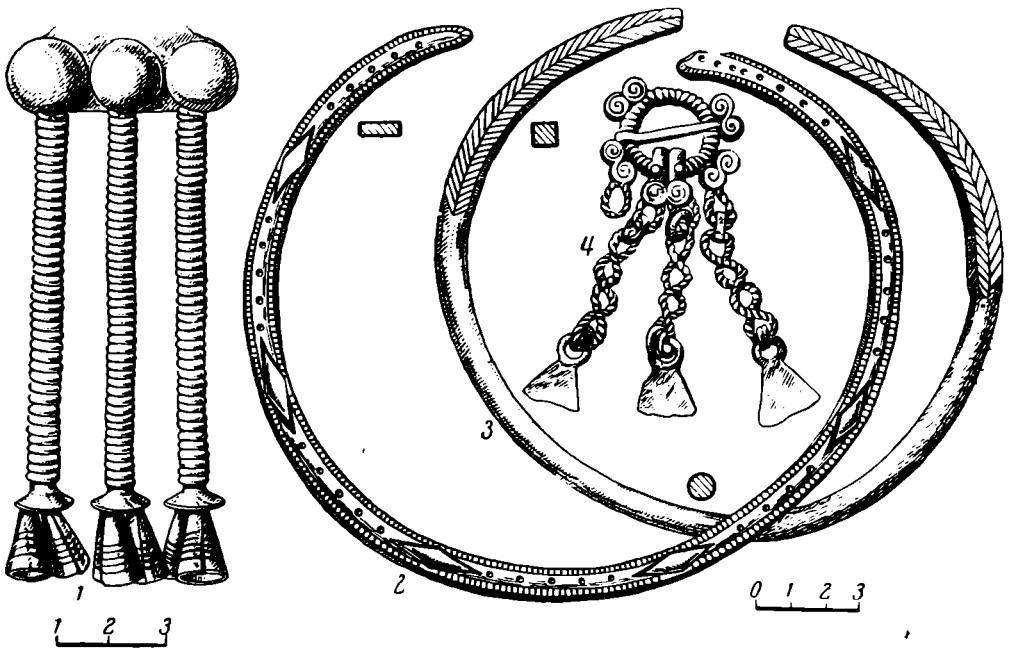


Рис. 6. Подвески (*1*, *4*); шейные гривны (*2*, *3*) из Селиксенского могильника:
1 — погр. № 89; *2* — погр. № 115; *3* — погр. № 85; *4* — погр. № 88.

В комплексе вещей женского погребения № 115 найдены: набор красных и стеклянных отдельных и звеньевых бус, височные подвески, плоская кольцевая застежка, бронзовая четырехгранная гривна с широко расставленными концами, сделанная в виде змеи. Удачно переданы очертания ее головы и хвоста, изящный узор из сочетания точек, ямочек, ромбовидных фигурок и рубчиков по краям, очевидно, изображает тело змеи (рис. 6, *2*). Близкой аналогией этой гривне является также квадратная в сечении, орнаментированная гривна из погребения № 2 Сергачского могильника («Святой ключ») [17].

Интересна найденная в погребении № 115 круглая пластинчатая бляха, на которой подвижная обойма аналогичных блях старшего комплекса заменена неподвижной накладкой; циркульный орнамент еще сохранился, но прорезь уже отсутствует (рис. 3, *3*). В головах этого погребения находился горшок со слабо вздутыми боками, слегка намеченной шейкой и хорошо заглаженной поверхностью. По форме сосуд полностью повторяет образцы сосудов Армиевского и Младшего Селиксенского могильников.

Отметим еще следующие вещи из женских и детских погребений: кисть из бляшек и соединенных с ними спиральками конических подвесок — накосник (рис. 6, *1*), ажурная брошь из обвитого проволокой кольца с *S*-видными украшениями по краям и четырьмя треугольными подвесками, свешивающимися от кольца на проволочных витых звеньях (рис. 6, *4*). По-видимому, эти кисти — ранний местный вариант более поздних ажурных брошей.

Впервые в Селиксенском могильнике встречена перевитая гривна (фрагмент) с напущенной бусой (погребение № 101), украшение, столь характерное для Армиевского и рязанских могильников. Обломок подобной гривны был встречен во втором погребении Тезиковского могильника.

Отметим также ожерелье из детского погребения № 134, состоящее из стеклянных цилиндрических бус (одна белая инкрустирована красной

[17] Раскопки В. Н. Глазова. В погребальном комплексе были: круглопроволочная гривна, пастовые бусы разного калибра, кольцевая застежка с насечками по внешнему краю, серп. Архив ИА АН СССР, 107/1898.

пастой, рис. 1, *6*), зеленой круглой стеклянной бусы, бронзовых спиралек и литой пирамидальной подвески [18].

Из мужских погребений отметим погребение № 74 без следов костяка. Умерший, очевидно, был положен головой на северо-запад. На месте верхней части туловища лежали прикрытые слоем луба вещи — снаряжение всадника: удила с большими кольцами, сарматская пряжка с круглой обоймой, фигурный наконечник седельной подпруги, пряжка с широкой орнаментированной обоймой, з-образным приемником и птицевидным язычком (рис. 4, *5*), наборы украшения ремня. В ногах находились: наконечник копья, направленный острием к голове, нож или кинжал (в таком же положении) и кельт, а также остатки железного предмета (огнива?), лежавшие поодаль. Пряжка и другие вещи имеют аналогии в позднесарматских погребениях III—IV вв. Интересна оригинальная бронзовая гривна из мужского погребения № 85, согнутая из круглого дрота; ее несомкнутые, прямо обрезанные четырехгранные концы орнаментированы насечками в елочку (рис. 6, *3*). Среди вещей этого погребения были: лежавший в головах наконечник копья с ромбовидным пером (рис. 4, *2*), в ногах — кельт (рис. 4, *3*), две железные пряжки и удила с большими кольцами. На месте груди лежала таранная косточка собаки со сверлиной [19].

В погребении № 95 находились вильчатый наконечник копья (аналогичный наконечнику из погребения № 19 Ражкинского могильника), остатки ножа, кресала, две круглые железные пряжки и горшок.

Сравнительно небольшой, но выразительный материал из трех могильников позволяет сделать некоторые выводы. Если в предшествующих по времени погребениях пензенских могильников встречаются вещи пьяноборского типа, то в рассматриваемых погребениях (назовем их погребениями второго типа) этих вещей в отдельном виде уже нет. В то же время ряд импортных вещей (например, некоторые виды бус, пряжки и др.) свидетельствует о непрекращающихся связях с сармато-аланским культурным миром. По-видимому, через посредство населения, от которого до нас дошли рязанские могильники, на берега среднего течения Мокши попадали вещи культуры полей погребений.

Весь инвентарь пензенских могильников второго этапа можно разделить на две группы: 1) вещи, характерные для погребений типа Старшего Селиксенского могильника; 2) вещи новых форм или нового назначения, аналогичные подобным же вещам из соседних территорий [20] или имеющие чисто местное происхождение.

К первой группе относятся: височные подвески с биконическим грузиком, золоченый четковидный бисер, отдельные красные пастовые бусы, стеклянные гранчатые бусы, пьяноборские бляшки в составе отдельных украшений, кольцевые гладкие застежки, браслеты круглопроволочные с обрубленными концами, пряжки бронзовые с удлиненной обоймой,

[18] По Тальгрену, пирамидальные подвески сопутствуют римским провинциальным фибулам и готским вещам. A. M. Tallgrenn. Euroopa muinasaeg. Tartus, 1927, стр. 163.

[19] Подобные косточки со сверлинами найдены в Барбашинском могильнике (Куйбышевский музей, инв. № 18/6) и на Сарском городище (Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 39).

[20] Имеются в виду Кошибеевский и Сергачский могильники. Кошибеевский могильник имеет, как это было указано еще В. А. Городцовым, широкие хронологические рамки. К начальному его периоду — II—III вв.— относится древнейшая, количественно незначительная часть погребений, содержащая вещи поздней поры пьяноборской культуры; таковы, например, погребения № 12, 53, 58, 64, 87, 96, 97 (раскопки А. А. Спицына). Инвентарь могильника на следующих его этапах — IV—VII вв.— отражает тесную связь с рязанскими могильниками типа Кузьминского, Борковского, Шатрищенского. Сергачский могильник, как это видно из коллекций, хранящихся в Эрмитаже (инв. № 11745) и в Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике (инв. № 4014), содержит погребения II — III вв. с пьяноборскими вещами (комплекс селиксенского типа) и погребения IV в., совершенно совпадающие по вещам с погребениями рассматриваемых пензенских могильников.

пряжки железные круглые, спиральки, гривны круглопроволочные с обрубленными концами, гривны из обвитого бронзовой проволокой деревянного дрота, бляхи пластинчатые с циркульным орнаментом, перстни спиральные, некоторые вещи мужского снаряжения.

Ко второй группе относятся: звеньевые и инкрустированные красные пастовые бусы, стеклянный голубой бисер (в том числе бисер звеньями), буса красная плоская, броши ажурные с подвесками, браслеты четырехгранные орнаментированные, пряжки с круглой обоймой, плоские кольцевые застежки с насечками, гривны железные (в том числе с напущенными бусами), орнаментированные, квадратные в сечении гривны, височные подвески с бипирамидальным грузиком, поясные кисти с полусферическими бляшками и звездчатыми подвесками, кисти с колокольчатыми подвесками.

Особенное значение имеют височные подвески с грузиком — этот изначальный этнический атрибут мордвы-мокши. Картографирование этих подвесок показало, что на первом этапе существования могильников древней мордвы (комплекс селиксенского типа) височные подвески данного типа встречаются только в пензенских могильниках (Селиксенском, Ражкинском, Пензенском, Шемышейском) и единично — в ранних погребениях Сергачского могильника. На втором этапе (IV в.) височные подвески с грузиком — по-прежнему распространенное украшение в пензенских могильниках[21]; они встречаются единицами на берегах Оки (Шатрищенский могильник, погребение № 36) и проникают на территорию Чувашии (Иваньковский и Таутовский могильники)[22]. В других рязанских могильниках середины I тысячелетия н. э. типа Кузьминского и Борковского, которые мы связываем с мордвой-эрзей, височных подвесок с грузиком нет. Но уже в эрзянских могильниках VII—VIII вв.— Серповском и Старшем Кужендеевском — подвески с грузиком становятся нередким украшением[23].

Присутствие в рассмотренных могильниках вещей типа Мощинского клада (бусы плоская и инкрустированная, фигурный браслет из Ражкинского погребения № 5), серия вещей позднесарматского времени, близкие аналогии с комплексами вещей развитой поры существования Сергачского и Кошибеевского могильников позволяют датировать Тезиковский могильник и погребения второго этапа Ражкинского и Старшего Селиксенского могильников IV и, отчасти, V вв.

Рассмотренные погребения Ражкинского, Тезиковского и Селиксенского могильников характеризуют новую стадию развития местной культуры, наиболее полно выраженную в погребениях Армиевского[24] и Младшего Селиксенского могильников.

Эти погребения дают такие формы и сочетания вещей, которые связывают могильники типа Старшего Селиксенского, а также ранние погребения Сергачского могильника с могильниками армиевского типа. Они заполняют собой хронологический разрыв между погребениями ниж-

---

[21] Некоторое время в течение IV в. височные подвески с разной формой грузиков: биконической (редко — конической) — ранней и бипирамидальной — поздней — сосуществуют. Позднюю форму имеют все без исключения височные подвески Армиевского могильника.

[22] Н. В. Трубникова. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. Уч. зап. НИИЯЛИЭ. Чуваш. АССР, XVI, 1958, стр. 229.

[23] А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, стр. 62, 118.

[24] Датировка Армиевского могильника — IV — VII вв.— окончательно сформулирована первоисследователем этого памятника П. С. Рыковым в его книге «Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам». Саратов, 1936, стр. 66. Тщательный анализ всего хранящегося в Саратовском областном музее краеведения материала Армиевского могильника (инв. № 766) при сопоставлении с материалом всех других пензенских могильников действительно показал, что из 128 погребений (раскопки 1926—1927 гг.) нет ни одного старше IV в. Кроме того, проведенные мною в 1960 и 1961 гг. новые раскопки Армиевского могильника дали большой и интересный материал (108 погребений), датирующийся только V и VI вв.

него и верхнего ярусов в Селиксенском могильнике, являясь, таким образом, погребениями переходного типа, а следовательно,— погребениями начальной фазы Армиевского могильника, соответствующей IV в.

Систематизация всего материала из пензенских могильников дает следующую непрерывную хронологию: первый этап — погребения типа Старшего Селиксенского могильника — III в. (II—IV вв.); второй этап — погребения типа Ражкинского могильника — IV—V вв.; третий этап погребения типа Армиевского могильника — V—VI вв. (IV — VII вв.).

Более поздний этап развития культуры мордвы-мокши представлен многочисленными на территории Пензенской, Тамбовской областей и Мордовской АССР поселениями и могильниками лядинского типа.

В погребениях пензенских могильников второго этапа возрастают черты сходства в вещевых комплексах с погребениями рязанских могильников. Возможно, влиянием населения, хоронившего своих соплеменников в рязанских могильниках, объясняется восточная и северо-восточная ориентировка погребенных в Тезиковском могильнике. Возможно также, что в пензенских могильниках второго этапа отразилось начало культурной общности мордовских племен — мокши и эрзи, о чем свидетельствуют устойчивая однотипность и сходство до мельчайших деталей многих вещей из пензенских и рязанских могильников IV—VII вв.

Е. А. ШМИДТ

ПОЛЕ ПОГРЕБЕНИЙ И КУРГАНЫ У ДЕР. АКАТОВО СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы на Смоленщине работами Верхнеднепровского отряда Славянской экспедиции Института археологии АН СССР были выявлены неизвестные до сих пор своеобразные городища третьей четверти I тысячелетия н. э. Они отличаются особым устройством жилых и ритуальных сооружений и были названы городищами-святилищами. Одно из таких городищ — Тушемля было исследовано полностью [1]. Погребальные памятники, относящиеся к культуре городищ типа Тушемли, до сих пор не были известны. Было лишь ясно, что распространенные на Смоленщине длинные курганы имеют совершенно иную посуду, чем городища типа Тушемли.

Вопрос о погребальных памятниках, принадлежащих населению городищ типа Тушемли, до некоторой степени разъяснился в 1957—1958 гг. в результате раскопок у дер. Акатово Пересудовского сельсовета Демидовского района Смоленской области, где было открыто поле погребений с такой же точно посудой, как найденная на городище Тушемля. Особое значение могильника у дер. Акатово состоит в том, что здесь на одном и том же месте располагаются два вида погребальных памятников: поле погребений и перекрывающие его курганы.

Могильник расположен на песчаном холме, между озерами Корец и Акатовское (Свадицкое), в 0,3 *км* севернее дер. Акатово (рис. 1). Холм длинной грядой тянется с востока на запад. На западном конце холма, вдоль его длинной оси, были три едва заметных слегка продолговатых возвышения. Края этих всхолмлений, оказавшихся курганами, повредила дорога, идущая из дер. Акатово в с. Холм. При осмотре дороги была найдена кальцинированная косточка. Песчаный холм ранее распахивался и засевался; в настоящее время это место используется как пастбище.

В непосредственной близости от могильника (0,4 *км* к западу), на другом песчаном холме расположено городище с посудой тушемлинского типа. Оно имеет три овальные площадки, следующие одна за другой. На каждой площадке видна система укреплений из двух замкнутых валов и двух рвов. Небольшой раскоп, заложенный на восточной площадке городища, показал, что оно относится к городищам типа Тушемли.

На холме с курганами в 1958 г. были исследованы остатки одного из курганов и вскрыты 20 захоронений (рис. 2), которые разделяются на две группы. Первую составляют трупосожжения в больших урнах, помещенных в грунтовые ямы (рис. 3, *1*, *2*) или в ямы без урн (рис. 3, *3*). Во вторую группу входят трупосожжения, погребенные на уровне материка,

---

[1] П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 170—186.

иногда с помещением части праха в грунтовой ямке в сопровождении урны малого размера, поставленной вверх дном (рис. 3, *4*, *5*, *6*).

Характер и стратиграфическое положение показывают, что захоронения первой группы (условно назовем их захоронениями группы «А») были совершены раньше, чем захоронения второй группы. Их верхний уровень совпадает с нижним слоем подпочвы, а на уровне древней почвы нет следов от трупосожжений. Совсем другую картину представляют

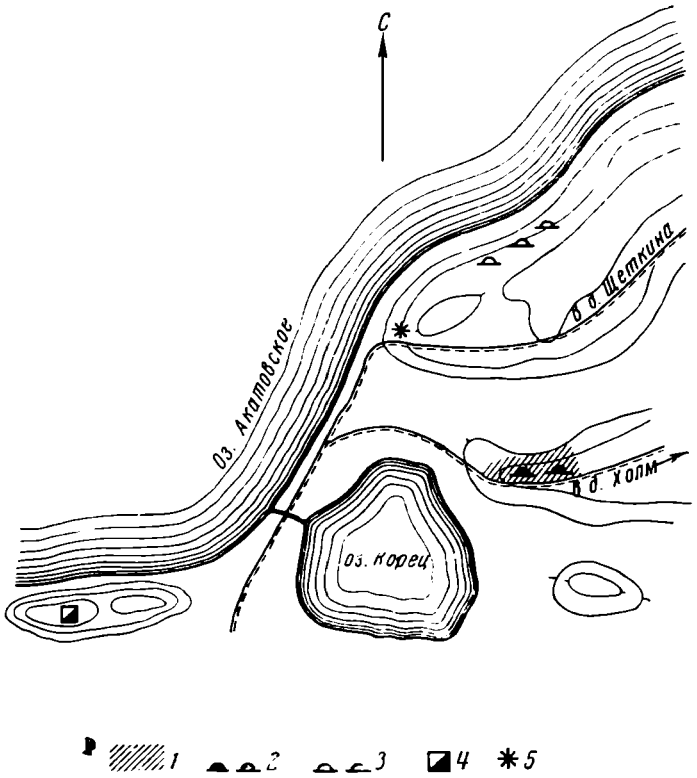


Рис. 1. Схема расположения археологических памятников у дер. Акатово:
1 — поле погребений V — VII вв.; *2* — курганы VII — IX вв.; *3* — курганы неисследованные; *4* — городище V — VII вв.; *5* — селище

собой захоронения, совершенные на уровне древней почвы (группа «Б»). Иногда они также имеют углубления, но последние всегда прорезают древнюю почву. Захоронения группы «А» не имеют над собой никаких насыпей или других сооружений, тогда как захоронения группы «Б» прикрыты курганообразной насыпью или присыпаны песчаным грунтом. В последнем случае, возможно, над ними были небольшие холмики, ныне распаханные. Следует также отметить, что значительная часть захоронений группы «А» повреждена при сооружении погребальных памятников группы «Б». Так, захоронение VIII (рис. 2) было наполовину срыто и верхняя часть урны разломана при выемке грунта для насыпки кургана. То же самое случилось с захоронением VI, расположенным на северном краю раскопа; оно также было частично испорчено при сооружении кургана. В насыпи кургана попадаются обломки глиняных сосудов группы «А», но совершенно не встречается отдельных обломков сосудов захоронений группы «Б». Под деревянным срубом, сооруженным в кургане, были обнаружены только захоронения группы «А» II и III.

Если ко всему этому учесть, что урны из захоронений группы «Б» (рис. 4, *1*), совершенно не похожие на посуду из захоронений группы «А» (рис. 4, *2*), являются сосудами, типичными для длинных курганов Смоленщины, то становится совершенно ясно, что здесь налицо два разно-

родных и разновременных погребальных памятника. Добавим, что погребения группы «А» почти совершенно не содержат сопровождающего инвентаря, тогда как при погребениях группы «Б» имеются обломки многочисленных украшений, характерных для длинных курганов.

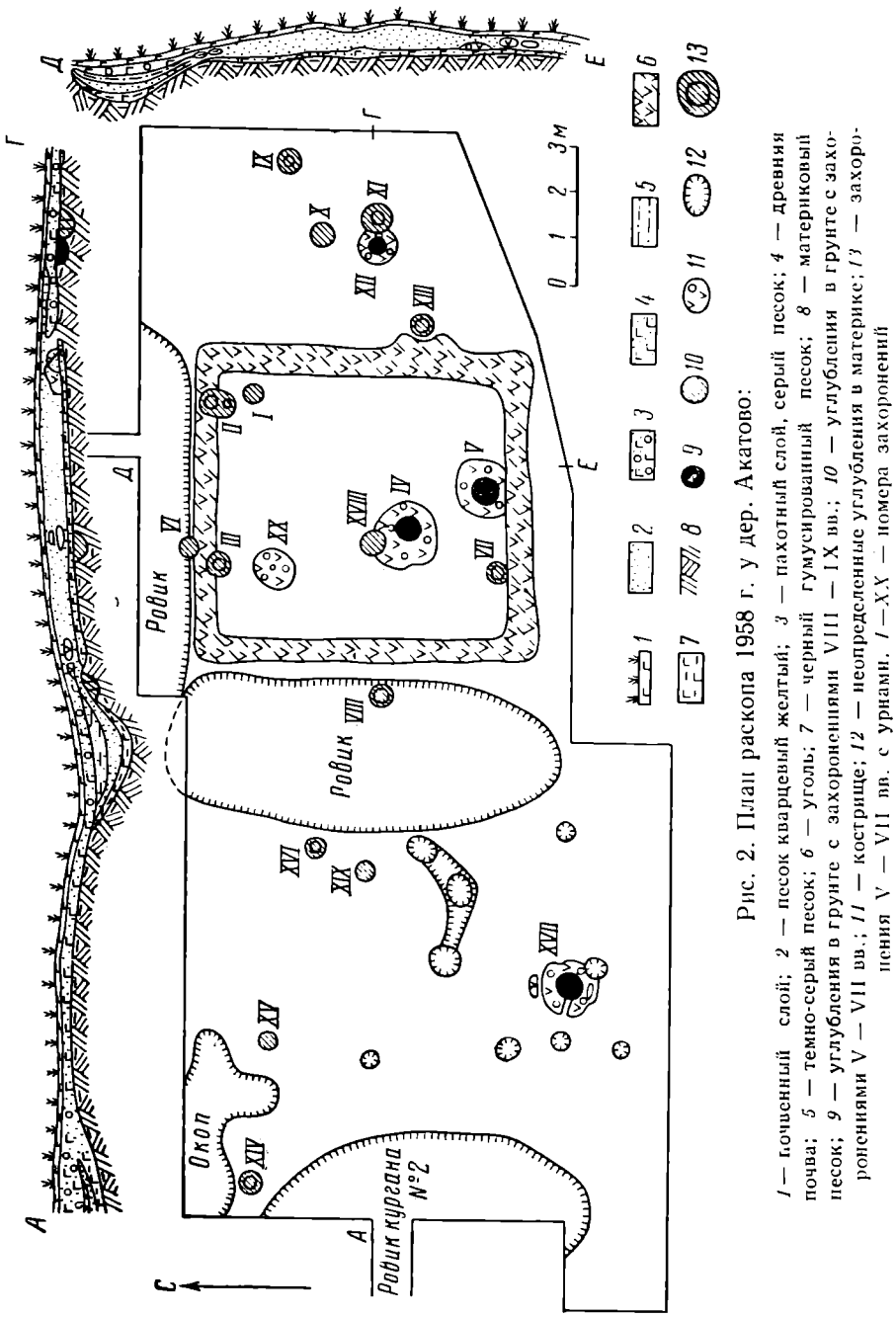


Рис. 2. План раскопа 1958 г. у дер. Акатово:

1 — почвенный слой; *2* — песок кварцевый желтый; *3* — пахотный слой, серый песок; *4* — древняя почва; *5* — темно-серый песок; *6* — уголь; *7* — черный гумусированный песок; *8* — материковый песок; *9* — углубления в грунте с захоронениями V — VII вв.; *10* — углубления в грунте с захоронениями V — VII вв.; *11* — кострище; *12* — неопределенные углубления в материке; *13* — захоронения V — VII вв. с урнами. *I—XX* — номера захоронений

Рассмотрим более подробно поле погребений, включающее захоронения группы «А». Основным и единственным обрядом погребения было трупосожжение, совершаемое на стороне, вне пределов поля могильника. Часть остатков трупосожжения помещалась в большую урну, которая ставилась в неглубокую грунтовую яму размером от 0,3 до 0,5 *м* в поперечнике и глубиной до 0,6 *м*. Их форма — конусовидно-усеченная, суженная книзу. Иногда остатки сожжения погребались без глиняных урн (погребения I, VI, X, XV, XVIII, XIX). Возможно, в этих случаях урны делались из дерева или бересты, а может быть плелись из лыка.

Сверху ямы засыпались землей, возможно, закладывались дерновинами. Не исключено, что места захоронений были как-то отмечены на поверхности (земляные холмики или какие-либо столбики).

В характере расположения урн имеются различные варианты. Чаще всего в погребении бывает одна урна, стоящая в нормальном положении — горловиной вверх (погребения III, VII, VIII, IX, XI; рис. 3, *1*).

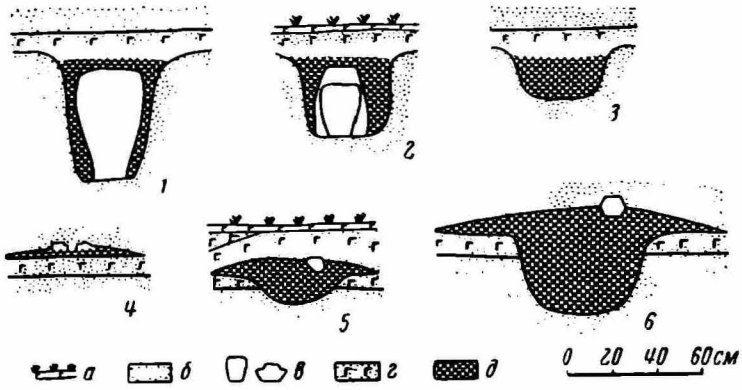


Рис. 3. Основные типы захоронений на могильнике у дер. Акатово:

1 — захоронение II; *2* — захоронение XIV; *3* — захоронение I; *4* — захоронение XX; *5*—захоронение XII; *6* —захоронение IV; *а*—современный дерн; *б*—песок; *в*—глиняные сосуды; *г* — древняя почва; *д*— остатки сожжения

Иногда в одной ямке стояли рядом две урны (погребение II). В некоторых случаях урна средних размеров покрывалась сверху перевернутым вверх дном более крупным сосудом (погребения XIII и XIV; рис. 3, *2*).

Ямы погребений без урн бывают сравнительно небольшими, однако пережженных костей в них больше, чем в урновых захоронениях.

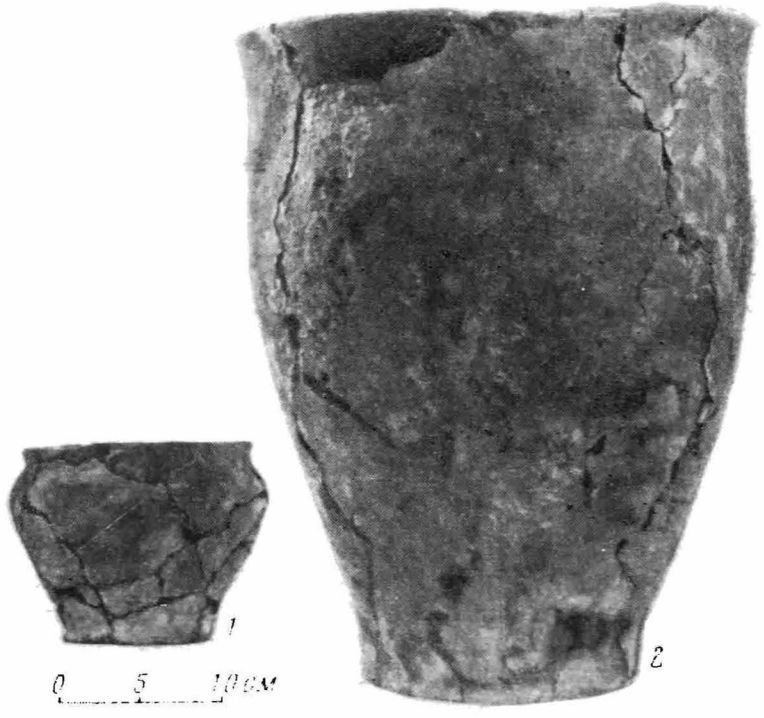


Рис. 4. Глиняные сосуды из могильника у дер. Акатово:

1 — сосуд из кургана VIII — IX вв.; *2* — сосуд из поля погребений V—VII вв.

Какого-либо видимого порядка расположения в пределах вскрытой площади погребения группы «А» не образуют.

Инвентарь в захоронениях группы «А», как уже указано, почти отсутствует, если не считать нескольких кусков бронзовых сплавов, двух бронзовых спиралек, трубочки и обломка браслета (рис. 5, *2—4*). Место находки браслета с расширенными концами точно не известно, но, скорее всего, он относится к захоронениям данного типа (рис. 5, *1*).

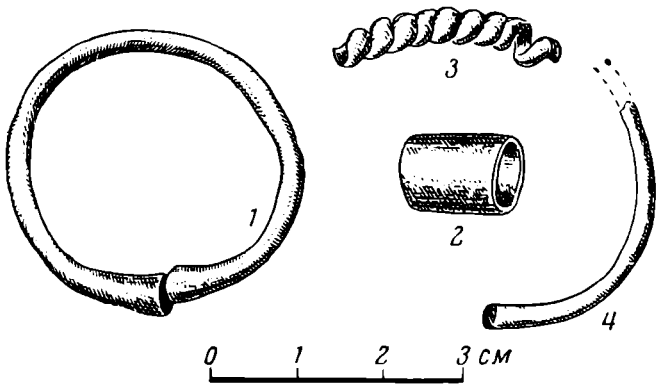


Рис. 5. Вещи из захоронений V—VII вв. у дер. Акатово

Посуда из поля погребений заслуживает особого рассмотрения. Это очень большие сосуды, высотой до 0,45 *м*, шириной по венчику до 0,3 *м*, при ширине дна до 0,17 *м*. Форма их очень своеобразна (рис. 4, *2*), поверхность неровная, выступают большие зерна дресвы. Цвет либо сероватый, либо желтовато-сероватый. Изготовлены сосуды от руки из плохо перемешанной глины с большой примесью дресвы, некоторые сосуды асимметричны, обжиг плохой, и механическая прочность слабая. Если их сравнивать с посудой верхнего культурного слоя городища Тушемля, мы увидим, что они являются точной аналогией сосудам I группы по классификации П. Н. Третьякова [2].

Учитывая время верхнего культурного слоя городища Тушемля и перечисленные выше бронзовые украшения, в частности браслеты с утолщенными концами, поле погребений следует датировать V—VI вв. н. э. Ближайшие аналогии нашим браслетам мы находим в Прибалтике [3].

Исследованный в 1958 г. курган 3 был сильно деформирован распашкой и испорчен дорогой, но его центральная часть не пострадала. Под ней находились остатки четырехугольного сруба, содержавшего три захоронения группы «Б» (IV, V, XX, рис. 2), два захоронения находились за пределами кургана (XII и XVII, рис. 2).

Погребальный обряд представляется нам в следующем виде. Остатки двух трупосожжений (IV и V, рис. 2) были помещены в грунтовых ямах и вокруг них на поверхности материка. Сверху поставлены сосуды вверх дном. Все это было присыпано, очевидно, небольшим количеством земли. Остатки сожжения XX были высыпаны прямо на материк без грунтовой ямки, на них лежал сосуд вверх дном, и все это также было присыпано грунтом. Все три захоронения располагались примерно на одной линии с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Северным было мужское захоронение, южными — два женских. Вокруг всех трех захоронений был возведен деревянный сруб размером 7 × 6,78 *м*, от которого сохранились три нижних обугливших венца. Затем в сруб был насыпан песок, взятый из двух глубоких ровиков, расположенных у края сруба на северной и

[2] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 182, рис. 9, *1*, *2*.

[3] М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 199.

западной сторонах. В силу каких-то причин сруб сгорел и насыпь кургана расплылась.

Некоторые погребения типа «Б» были совершены за пределами сруба. Западнее кургана обнаружено захоронение XVII, а восточнее — захоронение XII (рис. 2). Однако тип погребения, глиняные сосуды и характер погребального инвентаря в этих захоронениях совершенно одинаковы с описанными выше.

Погребальный инвентарь (рис. 6), найденный в захоронениях типа «Б», полностью соответствует комплексу вещей, происходящих из длинных курганов Смоленщины. Многие предметы являются точными копиями находок из длинных курганов у дер. Цурковки, датируемых VIII—IX вв.[4]

В захоронениях находились многочисленные спиральки и трубочки разных типов (рис. 6, *2, 4, 8, 9, 17*), широко распространенные у многих племен Восточной Европы в конце I тысячелетия н. э. Так, совершенно подобные пронизки, как по размерам, так и по форме, найдены в могильниках латгалов[5]. В женских захоронениях были найдены орнаментированные соединительные бляшки (рис. 6, *12*), которые совместно со спиральками являлись собственными элементами головных украшений — венчиков, обычных для балтийских древностей[6]. К женским украшениям относятся височные кольца двух типов, обнаруженные в обломках (рис. 6, *3, 11, 13, 16, 19*). Подобные украшения найдены у д. Цурковки и в других длинных курганах Смоленской области[7]. Один тип этих украшений представляет собой плоское кольцо с заходящими концами (рис. 6, *34*). Украшения такого типа, кроме Смоленщины, встречаются в Восточной Литве[8] и в Белоруссии[9]. Все известные нам кольца имеют одинаковые размеры, форму и совершенно схожий орнамент, состоящий из выпуклого пояска, с двух сторон которого нанесена зубчатая нарезка. Вторым типом височных украшений является плоское серповидное кольцо, имеющее ряд отверстий, через которые при помощи колечек подвешивались орнаментированные трапециевидные подвески (рис. 6, *32*). Такие украшения найдены только на Смоленщине. Типологически они увязываются с плоскими шейными гривнами, распространенными в Прибалтике[10] и иногда находимыми в рязанских могильниках[11].

Шейные гривны найдены только в обломках, причем преимущественно это обломки замков (рис. 6, *7, 24*), имевших костылевидную форму (рис. 6, *33*). Подобной формы замки были широко распространены в Прибалтике в IX—X вв.[12] Судя по обломкам, найденным в погребениях группы «Б», браслеты (рис. 6, *1, 28, 29*) были спиральными (выпукло-плоского или треугольного с ребрышком сечения), часть из них укра-

---

[4] Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, стр. 162—169.

[5] Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии ЛатвССР, I. Рига, 1957, табл. IV.

[6] Люцинский могильник. МАР, 14, Древности Северо-Западного края, I, 2, СПб, 1893, табл. VIII, *18*; Нукшинский могильник..., табл. IV, *1, 2, 3*; Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев, 1, Вильнюс, 1958, рис. 267—271, 359, 360 (в дальнейшем: Украшения древних литовцев).

[7] Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 166, рис. 3, *2, 17*.

[8] Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС в Вильне 1893 г., I, М., 1895, стр. 193 сл., рис. 56.

[9] А. Н. Лявданскі. Археолёгічны досьледы ў Полацкай акрузе. Працы археолёгічнай камісіі, II, Менск, 1930, стр. 194, табл. VI, *36—39*.

[10] Люцинский могильник..., табл. III, *2*.

[11] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III, вып. 1, Л., 1926, рис. 4, 5, стадии C_2 и Д.

[12] Украшения древних литовцев..., рис. 370—372; Нукшинский могильник..., табл. I *4, 7*.

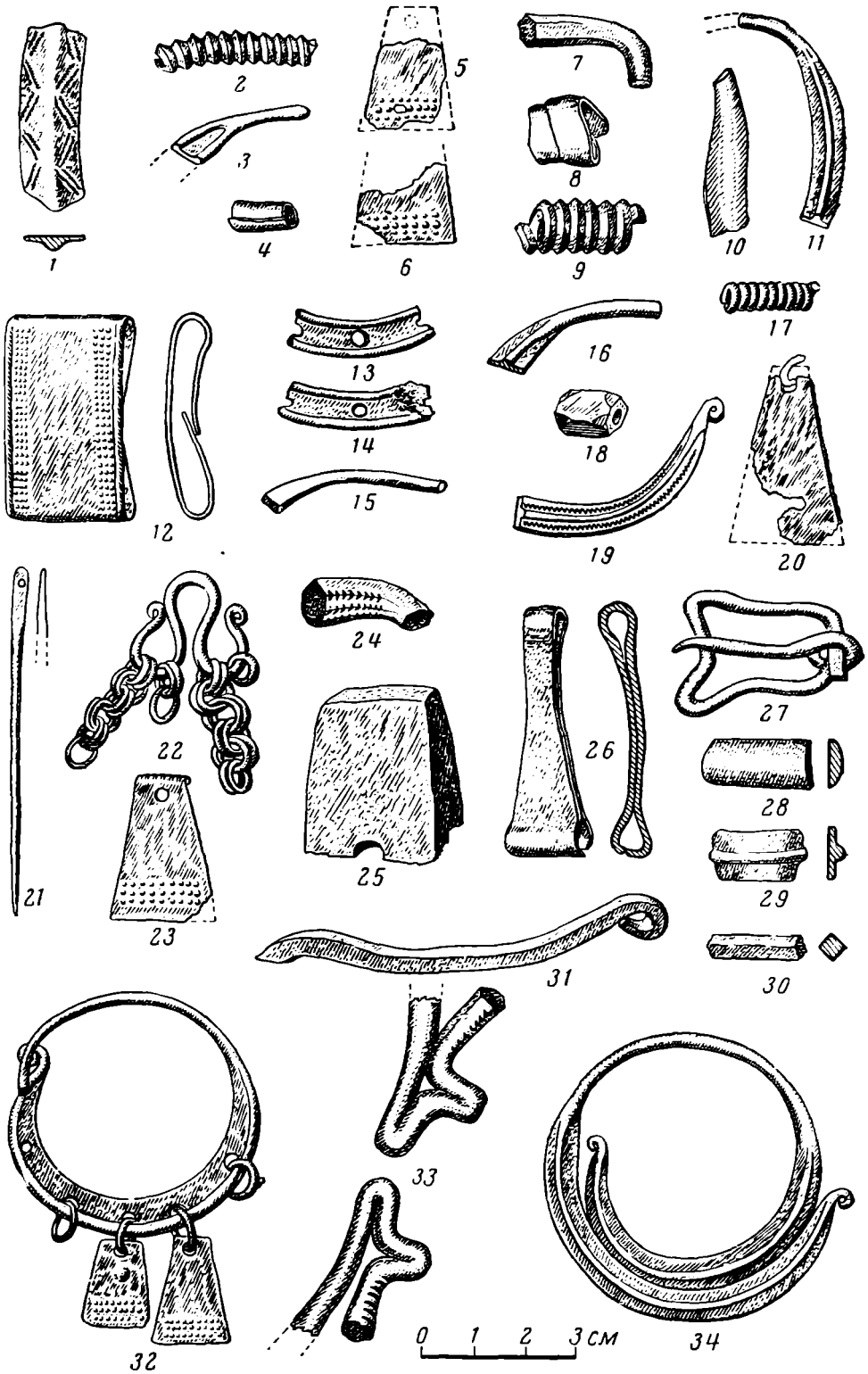


Рис. 6. Вещи из кургана VIII—IX вв. у дер. Акатово

шена орнаментом в виде зигзагообразных линий. Подобные браслеты также были распространены в Прибалтике [13].

Остальные вещи (пряжки, иголки, подвески и т. п.), найденные при погребениях группы «Б», имеют аналогии в длинных курганах Смоленщины.

Глиняная посуда, используемая в качестве урн, представлена в кургане небольшими горшковидными сосудами (рис. 4, *1*). Они более или менее однотипны, изготовлены из красноватой глины с примесью значительного количества дресвы и песка. Глина перемешана сравнительно плохо, и примеси распределены неравномерно. Большей частью сосуды хорошо обожжены и в изломе однородного красного цвета. Большинство сосудов сохранилось плохо, и механическая прочность их невелика. Все сосуды не орнаментированы, однако подобные сосуды из длинных курганов Смоленщины иногда в верхней части имеют своеобразный ложногребенчатый орнамент, напоминающий орнаментацию сосудов из роменско-боршевских городищ [14], с которыми они до некоторой степени схожи и по форме.

Отметим также, что глиняная посуда из длинных курганов Смоленщины имеет аналогии в сосудах X — XI вв. из курганов Восточной Литвы (Стакай, Забожье и др.). Здесь они увязываются с более древними памятниками и являются как бы дальнейшим развитием форм, возникших в VI — VII вв. Примером могут служить сосуды из курганов у Кармазины [15].

Таким образом, анализ погребального инвентаря приводит нас к выводу, что курганы, сооруженные на месте древнего поля погребений у д. Акатово, относятся к VIII—IX вв. Инвентарь, найденный в захоронениях группы «Б», полностью входит в круг древностей восточных балтов (лето-литовцев), тогда как в погребальном обряде есть элементы особые, связывающие эти памятники со славянами.

---

[13] Люцинский могильник..., стр. 40, рис. 26, табл. II, *3* и др.; Нукшинский могильник..., табл. VI, *2*, *8*, *11*, *16*; Украшения древних литовцев..., рис. 372, 498, 499.

[14] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 35; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6, 1941, стр. 26, рис. 8.

[15] Helena Cehak-Holubowiczowa. Cmentarzysko kurhanowe z VI i VII w. w. miejse Karmazyny kolo miasta Troki w Litewskiej SRR, Wiadomosci archeologiszne. XXII, 3—4, Warszawa, 1955, стр. 312—331, рис .15.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ КОСТОРЕЗОВ ИЗ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ БЕЛОРУССИИ

Археологические раскопки ежегодно приносят десятки костяных, часто художественно выполненных изделий, пополняющих и расширяющих наши представления о понятиях, вкусах и мастерстве давно ушедших людей. Кость — один из излюбленных материалов прикладного искусства древности. Как показывают работы, посвященные специально косторезному делу древних славян и Киевской Руси, основная масса находимой орнаментированной кости носит обычно примитивный характер, повторяя уже известные каноны орнаментирования гребней, плоских пластин, ручек ножей и т. д.[1] Тем интереснее находки, открывающие тонкое «ювелирное» мастерство, высокий художественный вкус, широкий художественный кругозор тех, кто их создал.

Издаваемые костяные пластины происходят из раскопок трех небольших исторически равновеликих княжеских центров западнорусских земель эпохи феодальной раздробленности — Мстиславля, Друцка и Минска. Первый принадлежал, как известно, Смоленскому княжеству и упоминается впервые уже в грамоте Ростислава Смоленского (1150) [2], второй и третий относились к Полоцкой земле и фигурируют впервые в нашем начальном летописании под 1067 г. (Минск) и 1092 г. (Друцк) [3]. Все три древних города изучаются археологами: Минск — с 1945 г. В. Р. Тарасенко, теперь — Э. М. Загорульским, Друцк — с 1956 г. и Мстиславль — с 1959 г.— автором настоящей публикации.

Пластины из древнего Мстиславля найдены при раскопках центральной части детинца в слое навоза и щепы, на котором лежат остатки деревянного сруба с дощатым полом, датируемые XIII в. Всего было обнаружено шесть костяных предметов, покрытых сплошь тончайшим резным орнаментом (рис. 1) [4]. Две пластины, различные по форме, соединяясь друг с другом, несомненно, составляют одно целое (рис. 1, *4, 5*). Верхняя пластина (рис. 1, *4*) прямоугольная (39 × × 137 *мм*), разграфлена прямыми и косыми линиями на 12 треугольников и четыре ромба. Площадь треугольников заполнена рядами мелких аккуратно вырезанных ромбиков (по 54 в каждом), площадь ромбов

---

[1] С. А. Изюмова. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 15—25; K. Żurowski, Uwagi na temat obróbki rogu w okresie wcsesnosredniowiecznym. Przegląd archeologiczny, IX, 2, Poznań, 1953; А. М. Шовкопляс. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве. КСИА, 3, 1954, стр. 27—32; V. Hruby. Slovanske Kostêně prêdmety a Jejich vyroba na Morava. Pamatki archeologicke, XLVIII, Praha, 1957, стр. 118—217; О. О. Ратич. Древнеруські вироби з кості і рогу, знайдені на терітоpії Галицькой и Волинськоі земель. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волыні, 2, Киев, 1959.

[2] Памятники русского права феодально раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1953, стр. 44.

[3] ПВЛ, I, М., 1950, стр. 112, 159.

[4] По мнению В. И. Цалкина, пластины сделаны из костной ткани лосиного рога.

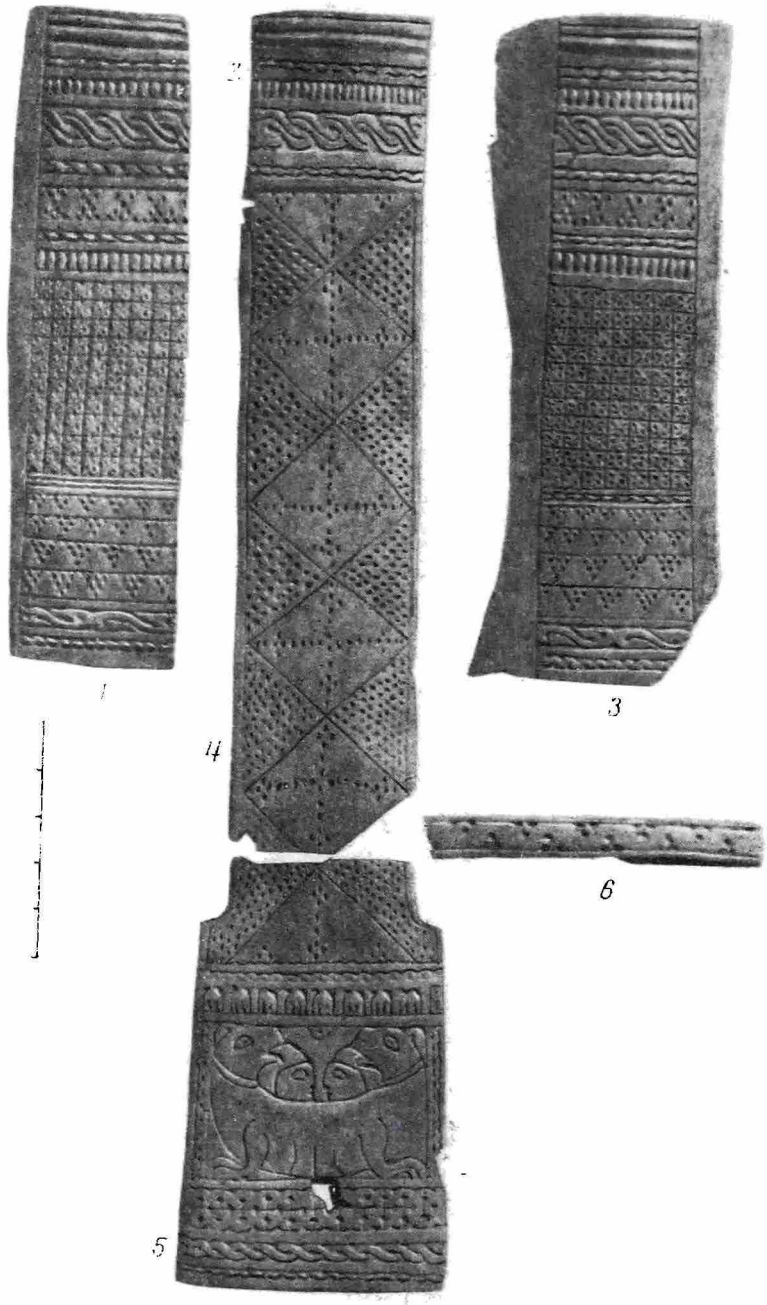


Рис. 1. Костяные пластины из Мстиславля (расположение условно)

орнаментирована крестообразной фигурой, состоящей из тех же ромбов. Нижняя пластина (52 × 90 *мм*, рис. 1, *5*) имеет форму небольшой лопатки, верхняя четверть которой заполнена таким же орнаментом, нижние три четверти заняты изображением двуглавого чудовища на двух лапах, как у крокодила. Обе головы животного, динамично повернутые внутрь, держат за шапки две человеческие головы, обращенные профилем к центру изображения. Вся композиция обрамлена со всех сторон выпуклыми волнистыми линиями, а также небольшими пальметками — «триглификами» (сверху, второй пояс), плетенкой и двумя поясками косых крестиков (внизу).

Три пластины (рис. 1, *1—3*) несколько иные (от одной сохранилась лишь небольшая часть) и полностью повторяют друг друга. Часть их, условно принятая за верх, занята последовательно чередующимися поперечными орнаментальными поясками: тремя выпуклыми прямыми валиками, выпуклой волной, цепочкой таких же сросшихся ромбиков, двойной, также выпуклой «плетенкой», снова волной, еще «плетенкой».

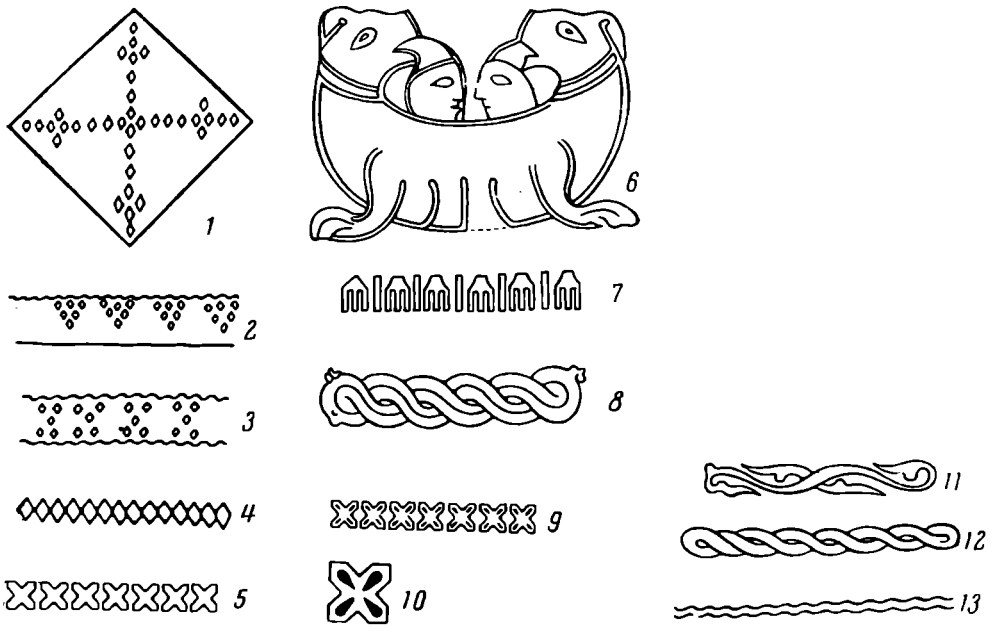


Рис. 2. Элементы орнамента мстиславльских пластин

1—5 — элементы кочевнического орнамента; *6 — 10* — элементы древнерусского и романского орнаментов (*10* — увеличенный элемент пояска *9*); *11—13* — элементы общие

но очень сложной, стилизованной и украшенной гнездами вырезанных ромбиков (расположенных наподобие бубновой пятерки игральных карт), опять волной и опять цепью выпуклых сросшихся ромбиков. Ниже плоскость этих пластин расчерчена небольшими квадратиками (77 на одной пластине и 80 на другой), со вписанными в них резными лепесткообразными косыми крестиками-пальметками. Еще ниже этого тончайшего ковра лепестков, за выпуклой волной, обрамленной, как и все остальные пояски, поперечными прямоугольными валиками, расположен широкий «кружевной» пояс, делящийся на четыре менее широких «кружевных» пояска. Каждый поясок орнаментирован треугольниками, состоящими из трех, шести и десяти мелких ромбиков. Еще ниже, в обрамлении прямоугольных валиков помещена стилизованная «виноградная лоза», а еще далее — снова выпуклая волнистая линия.

Шестая накладка крайне мала и обломана по концам. Это узкая костяная пластина, орнаментированная вырезанными треугольниками и ромбами (рис. 1, *6*).

Такова сложная орнаментация мстиславльских костяных пластин. Двенадцать орнаментальных элементов, из которых она состоит, можно первоначально разделить на две группы. К первой относятся фигуры основную роль в которых играет ромб (замысловатая крестообразная фигура из ромбиков — рис. 2, *1*), «кружевные» поверхности с ромбиками, собранными в различные фигуры (рис. 2, *2, 3*), сросшиеся ромбики (рис. 2, *4*). Как увидим ниже, к этой же группе следует отнести и два орнаментальных пояска, состоящих из плоских крестиков с гладкой поверхностью (рис. 2, *5*). Ко второй группе относятся более сложные и вместе менее геометричные фигуры — поясок из «триглификов» (рис. 2, *7*),

двойная плетенка (рис. 2, *8*), волна (рис. 2, *13*), завитки в виде виноградной лозы (рис. 2, *11*), а также крестики, подобные предыдущим, но снабженные вырезами, придающими им вид крестообразно расположенных лепестков (рис. 2, *9, 10*). Особый сюжет представляет собой уже упомянутое двуглавое животное.

Сравнивая украшения всех пластин, можно заметить различие как в их общем характере, так и в технике выполнения некоторых из них. Орнаменты первой пластины, например, схожи с тремя последними и сделаны иной техникой; орнаменты второй также иные, хотя элементы их иногда совпадают (выпуклая волна, пояс из крестиков и т. д.). Все это указывает либо на выработку пластин различными косторезами, либо на выполнение одним мастером двух различных заказов. Первое предположение кажется более вероятным, в чем убеждают абсолютно различные принципы орнаментации двух первых и остальных пластин и несовпадение техники выполнения одних и тех же элементов [5].

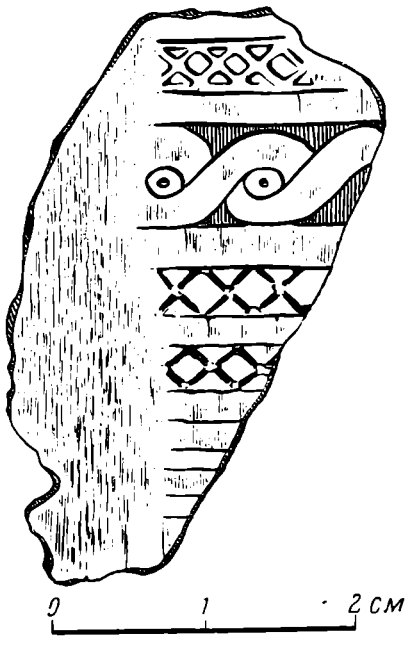


Рис. 3. Костяная накладка из Пронска

Итак, перед нами шесть плоских костяных пластин, поверхность которых покрыта тончайшим орнаментальным узором. Можно ли найти аналогии этим предметам?

Костяные накладки колчанов (а публикуемые пластины, судя по аналогиями, относятся к предметам этого рода) известны в археологии и неоднократно публиковались. Однако сходных пластин в древнерусских вещах мы не найдем. Деревянные или лубяные, обтянутые кожей колчаны Киевской Руси украшались, по-видимому, редко [6] и пластинами совершенно иного вида [7]. Напротив, большое количество орнаментированных «колчанных» пластин можно найти в погребениях кочевников XII—XIII вв. Однако и среди них прямых аналогий мстиславльским пластинам найти невозможно. Нам удалось собрать сведения о 17 опубликованных и неопубликованных кочевнических колчанах с костяными накладками [8]. Форма пла-

[5] Предположение о том, что пластины сделаны различными мастерами, не исключает возможности, что они украшали один и тот же предмет (на это указывает их близкое расположение в раскопе). Эти дорогостоящие украшения могли перешиваться со старых обветшалых вещей на новые, как было в Древней Руси с эмалями (Н. П. Кондаков).

[6] Весьма характерно, что, перечисляя виды древнерусских костяных изделий в разделе «Ремесла Древней Руси», посвященном обработке кости городскими ремесленниками, Б. А. Рыбаков говорит лишь о накладках налучий и даже не упоминает украшений колчанов.

[7] Так, на колчан, найденный И. А. Хойновским в срубном погребении в Киеве, были набиты медными гвоздиками костяные прямоугольные бляшки (величиной 10 *мм* в квадрате) (см. М. К. Каргер. Древний Киев, I, М.—Л., 1958, стр. 167).

[8] В. Сизов. Восточное побережье Черного моря, Материалы по археологии Кавказа, II, М., 1889, стр. 74, табл. X; Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГР, III, 1899, табл. 2; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1905 года Тр. XIII АС, I, 1907, стр. 272, рис. 71; Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ. Там же, стр. 105; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, М., 1908, стр. 240; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции, КСИИМК, 55, 1954, стр. 93, 94, рис. 38; К. Ф. Смирнов. Работы первого нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. Там же, стр. 73, рис. 252; Э. А. Сымонович. Погребения X—XII вв. Каменского могильника, КСИИМК, 65, 1956, стр. 104, рис. 36; В. Р. Тарасенко. Древний Минск, Материалы по археологии БССР, I, Минск, 1957, стр. 242—243;

стин кочевнических колчанов действительно напоминает мстиславльские, однако обычно они значительно больше. Наиболее близкими по орнаментации следует считать, по-видимому, еще не опубликованные накладки кочевнических колчанов из курганов № 8 у с. Верхнее Погромное Пролейского района Волгоградской области из раскопок В. П. Шилова [9], стницы Усть-Быстрянской на берегу Северского Донца [10], а также недавно опубликованная пластина из Пронска (рис. 3) [11].

Накладки из с. Верхнего Погромного перекликаются с нашими пластинами формой одной из них (рис. 1, *5*) и «романизированными» изображениями некоторых животных, не встречающихся на других пластинах. Усть-быстрянские пластины близки к мстиславльским «кружевным» орнаментом (что, правда, встречается и на пластинах Погромного), общей величиной пластин и некоторыми другими чертами. Пластина из Пронска близка к мстиславльским (рис. 1, *1—3*) по общему виду и размерам. Она также орнаментирована поперечными поясками, чередующимися с пустыми поясками. На ней есть и волнистая спираль, напоминающая описанную двойную плетенку, и ромбики, которые, однако, здесь не сросшиеся, но близкие к ним. Остальная часть этой замечательной пластины, к сожалению, обломана.

Напоминают мстиславльские и пластины кочевнического кургана у с. Мертвецкого б. Оренбургской губ. [12], где также есть упомянутый «кружевной» орнамент, «волна» и косые крестики в квадратах. Правда, предметы эти других размеров. Впрочем, отдельные орнаментальные элементы встречаются и на других кочевнических накладках: те же крестики и сросшиеся ромбики есть на пластинах из с. Вороная б. Новомосковского уезда Екатеринославской губ., опубликованных С. А. Плетневой [13]. Там же имеются ромбики, расположенные в виде пятерки игральных карт (рис. 4, *6*). Сросшиеся ромбики вырезаны на накладке из Бахмутского уезда Екатеринославской губ., найденной В. А. Городцовым [14], и на накладке из Каменского могильника [15]. Пояс из ромбиков, иногда разделанных полосками, есть и на минской пластине (рис. 6, *1*) [16]. Напоминает мстиславльские пластины еще одна типично кочевническая пластина колчана, найденная в 1961 г. в Друцке (рис. 6, *4*).

Все кочевнические пластины между собой значительно ближе, однако походят и на мстиславльские украшения.

Многие колчанные накладки кочевников посредине имеют характерные очень крупные волютообразные завитки и спирали, которых нет на публикуемых нами мстиславльских вещах. В тех случаях, когда на кочевнических пластинах гравируются звери,— это почти всегда олени (рис. 4, *7*), и лишь в одном случае вырезано рогатое чудовище (колчан Каменского могильника) [17]. Двуглавый дракон мстиславльских пластинок выполнен совершенно иной техникой (прорезью контура, а не выемкой фона) и ничего общего с кочевническими изображениями не имеет. Как это изображение, так и мелкие лепесткообразные крестики в центре

С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 171, 176, рис. 11. Также колчан из кургана у с. Верхнего Погромного Пролейского района Волгоградской обл. (раскопки В. П. Шилова, см. отчет этого автора за 1957 г., альбом в архиве ИА АН СССР, стр. XX—XXIII) и др.

[9] Считаю себя в долгу перед В. П. Шиловым за любезное разрешение воспользоваться раскопанным им материалом.

[10] Накладки хранятся в Государственном Эрмитаже, и сведениями о них я обязан любезности С. А. Плетневой.

[11] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 211, рис. 90, *9*. Назначение данной пластины автор не определяет и не описывает ее.

[12] Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. 2.

[13] С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 181, рис. 17, *1—5, 8*.

[14] В. А. Городцов. Ук. соч., рис. 71.

[15] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 104, рис. 36.

[16] История БССР, I, Минск, 1954, стр. 48.

[17] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 104, рис. 36.

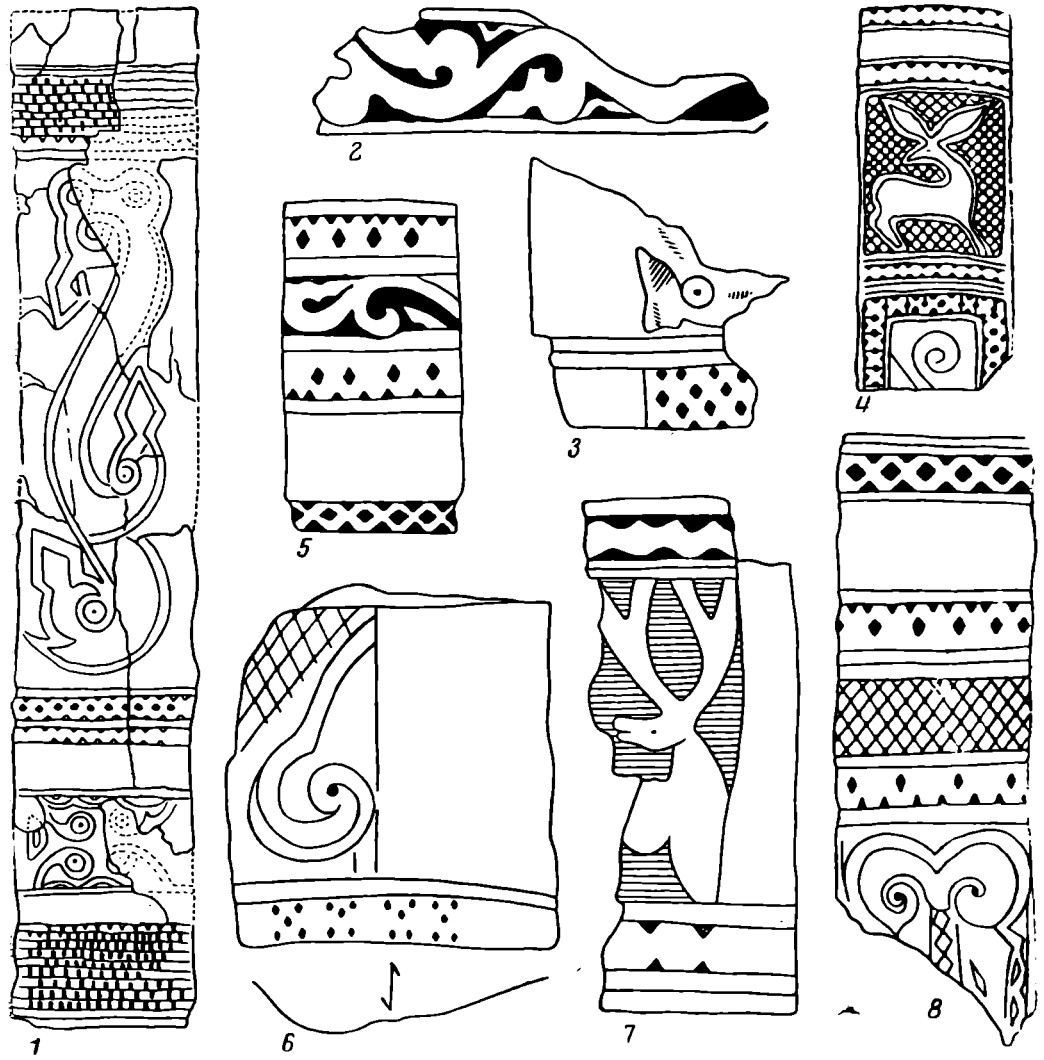


Рис. 4. Костяные пластины кочевнических колчанов

1 — ст. Вороная Новомосковского уезда; *2* — ст. Усть-Быстрянская; *3* — Григорьевка Александровского уезда; *4* — ст. Вороная Новомосковского уезда; *5, 7, 8* — ст. Ясиноватая Бахмутского уезда; *6* — ст. Вороная Новомосковского уезда

пластинок (рис. 2, *9*) — место традиционной крупной спирали у кочевников, а также двойная плетенка их верхней части (рис. 2, *8*) — ведут прежде всего к древнерусским и западноевропейским романским орнаментам XII—XIII вв. Среди орнаментов русских древностей можно найти и лепесткообразный крест, вписанный в квадрат или круг. Крест, абсолютно аналогичный лепесткообразным крестикам мстиславльских пластинок, вырезан на головном уборе рельефа Георгиевского собора в Юрьеве Польском [18]. Подобный крест есть на литейной форме из Киева [19], на некоторых перстнях вятичей [20], на кресте Евфросиньи Полоцкой [21], на оплечье каменнобродского клада [22] и др., в тех же орнаментах русских древно-

[18] А. А. Бобринский. Резной камень в России, М., 1916, табл. 21.

[19] М. К. Каргер. Древний Киев, I, табл. XLIX.

[20] М. В. Житомирская. Орнаментированные перстни и браслеты вятичей. Дипломная работа, 1959. Хранится на кафедре археологии истфака МГУ.

[21] Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3, рис. 10, *7*; 11, *7*.

[22] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XII вв. Л., 1936, табл. IX.

стей известна и двойная плетенка [23]. Двуглавое животное имеет некоторые аналогии в романском и, в частности, в древнерусском тератологическом стиле. Этот мотив можно отыскать на рельефах Владимиро-Суздальской Руси [24], в западнороманских рельефах и прикладном искусстве. Там же встречаются пояски с «триглификами» [25] (рис. 5, *1*), двойные

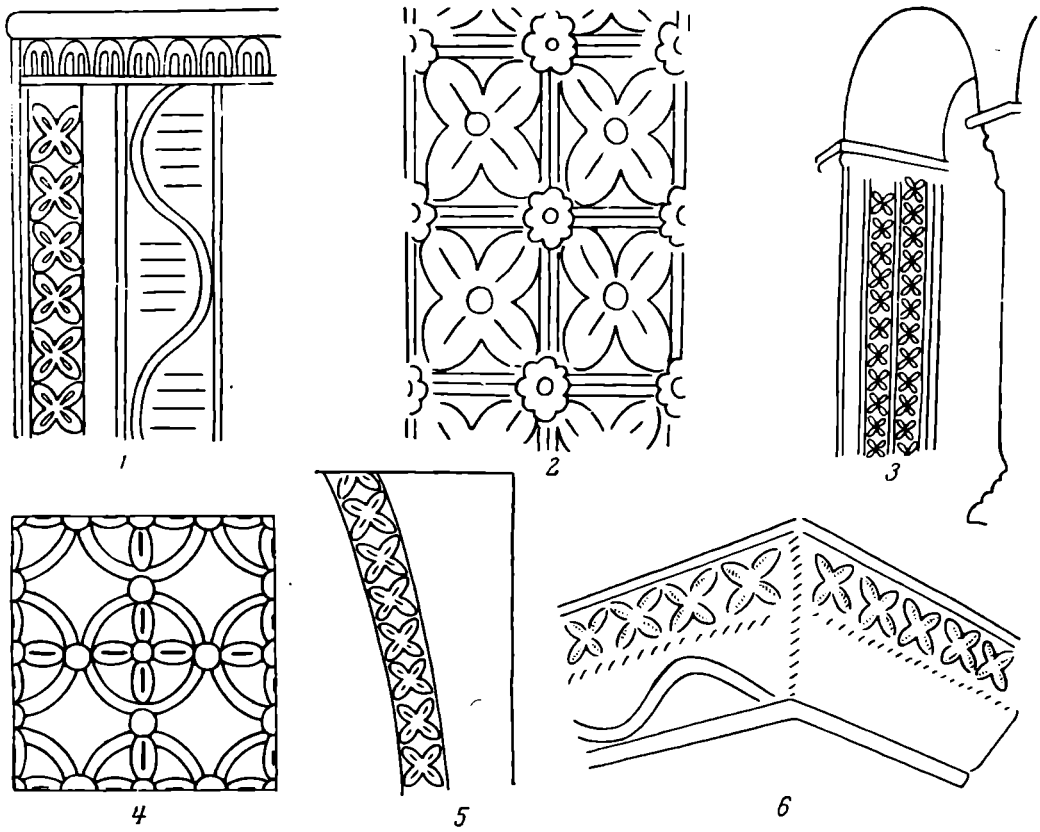


Рис. 5. Элементы романского и раннеготического орнаментов

1 — костяная шкатулка из Кёльна (XII в.); *2* — портал кафедрального собора в Амьене (XIII в.); *3* — собор св. Трофима в Арле; *4* — витраж Шартрского собора (XIII в.); *5* — собор в Коньяке; *6* — замковая церковь в Кведленбурге (XII в.)

плетенки [26], а также пояски лепесткообразных крестиков [27] (рис. 5, *1, 3, 5, 6*).

Все сказанное позволяет расчленить орнаменты мстиславльских пластин не только по технике их нанесения, но и по общему стилю на три категории: 1) кочевническую (фигуры, образованные из ромбиков, и плоские «глухие» крестики, встречаемые только на украшениях кочевников, рис. 2, *1—5*); 2) русско-романскую (двуглавое животное, «тригли-

[23] На храмах Владимиро-Суздальской Руси (А. А. Бобринский, Ук. соч.); на гребне из русского слоя Саркела-Белой Вежи (М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа, МИА, 62, 1958, стр. 73, рис. 51, *2*).

[24] Южный портал Дмитровского собора, рельеф над входом (А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 13, рис. 3). Указанием на это изображение я обязан Г. К. Вагнеру.

[25] См. головные уборы резных изображений на западной стене Троицкого собора в Юрьеве Польском (А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 21), а также на костяной шкатулке итальянской работы XII в., хранящейся в Кёльне (A. Holdschmidt, K. Weitzmann. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen. I. Berlin, 1930, табл. LXVIII).

[26] Например, в ц. Св. Петра в Шовиньи (M. Aubert. L'art français a l'époque romane Architecture et sculpture. Paris, б/г., II, табл. 9); на фризе капители собора в г. Отене, XII в. (там же, III, табл. 22).

[27] Например, в проеме окна церкви Св. Петра в г. Ольни, середина XII в. (M. Aubert. Ук. соч., табл. 25); в проеме окна церкви Св. Трофима в Арле (I. Baum. Romanische Baukunst in Frankreich. Stuttgart, MCMX, стр. 129); на арке одной из церквей Коньяка (там же, стр. 81); на капителях церкви в Ольни (там же, стр. 219); на витражах Шартрского собора XIII в. (A. Racinet. Das polychrome Ornament,

Рис. 6. Костяные пластины из Минска и Друцка

1 — пластины из Минска; *2—4* — пластины из Друцка

фики», двойная плетенка и крестики, выполненные той же техникой, что и кочевнические, но снабженные вырезами, приближающими их к романским крестообразным лепестковым пальметкам и расположенные «коврами» (рис. 2, *6—10*) и 3) общую для двух предыдущих категорий (виноградная лоза, характерная для византийского, романского и древнерусского стиля (рис. 2, *11*), но встречающаяся и у кочевников (рис. 4, *2*), плетенка, волна (рис. 2, *12—13*).

Костяная накладка из Минска (рис. 6, *1*) принадлежит к тому же кругу предметов, что и мстиславльские пластинки. Она была об-

---

Stuttgart, 1889, табл. 44, рис. 3, *9*); на колоннах портала церкви в Бурже и Сен Дени XII в. (A. Köster. Dekorative Sculptur. Berlin, б/г, стр. 185, 189). Традиция эта продолжается и в XIII в., однако крестообразные лепестки принимают несколько иной вид (портал кафедрального собора в Амьене — A. Köster. Ук. соч., стр. 215); наконец, лепесткообразные крестики можно видеть в косых клетках капители колонны Кириловского монастыря в Киеве, XI в. (Древности, ТМАО, III, 1887, табл. IV) и т. д.

наружена при раскопках В. Р. Тарасенко на минском замчище в 1951 г. между I и II деревянными настилами и датируется Э. М. Загорульским концом XIII в. Впервые этот предмет был издан в рисунке, уменьшенный вдвое, без описания[28]. Опубликовав пластину вторично с еще бо́льшим уменьшением, автор раскопок лишь ограничился указанием ее размеров и следующим текстом: «любопытна художественно орнаментированная мотивами и геометрическими узорами костяная (либо роговая) (?!) накладка от ...ножен меча (!) или... кинжала (!)»[29] Необычайно плохое качество публикации этой интереснейшей находки (в издании 1957 г. рисунок был уменьшен в четыре раза и орнаменты почти полностью слились) послужило причиной того, что этот предмет не вошел в издания материала на данную тему[30].

Пластина из Минска имеет форму удлиненного четырехугольника и также является накладкой колчана[31]. Подобно пластинам из Мстиславля, минская пластина также орнаментирована по всей своей плоскости. Как и там, ее поле распадается на три части: нижнюю, где преобладают выпуклые зигзаги, волны и пояски ромбиков (здесь, правда, расчлененных вертикальными столбиками), столь характерные для орнаментации кочевнических колчанов; среднюю, с характерной для кочевников волютообразной спиралью, и верхнюю, с теми же, присущими кочевникам ромбиками и зигзагами, обрамляющими сверху и снизу поле довольно крупных русско-романских лепесткообразных косых крестиков.

Таким образом, будучи очень похожей на мстиславльские накладки, минская пластина имеет намного больше «кочевнических» черт. Вся она сделана гораздо грубее и проще, центром пластины является кочевническая спираль, а единственный русско-романский орнамент, который лишь частично ее «уравновешивает» — сдвинут в сторону. Ближе к кочевническим и размеры минской пластины (длина кочевнических пластин колеблется от 18 до 21 *см*).

Наши наблюдения приводят к любопытным выводам. На мстиславльских и минском украшениях сосуществуют две совершенно различные орнаментальные традиции, одна из которых уходит корнями в кочевническую среду степного юга, другая же образовалась в местном, древнерусском окружении. Как это могло произойти?

Древнерусские летописи многократно упоминают совместные походы русских и кочевнических войск на далекий север и запад. В западнорусских землях (на территории современной Белоруссии), вблизи от Полоцка, под Стрежевым в 1128 г. побывали торки[32], под Пинском и на левобережье Припяти в 1158 г.[33] — берендеи, а через два года под Минском снова появляются торки[34] и т. д. Проникновение кочевников в западнорусские земли нашло отражение в топонимике[35] и зафиксировано археологически[36].

[28] История Белорусской ССР, I, стр. 48. Фотографии минской пластинки любезно предоставлены в мое распоряжение Э. М. Загорульским, за что прошу его принять мою искреннюю признательность.

[29] В. Р. Тарасенко. Древний Минск. Минск, 1957, стр. 242—243, рис. 44.

[30] Э. А. Сымонович. Ук. соч.

[31] В действительности минская пластина, сохранившаяся в двух фрагментах (хранится в секторе археологии ИИ АН БССР, инв. № 2610/3661), была несколько длиннее. Судя по орнаменту, фрагменты нельзя соединять механически, как это делает В. Р. Тарасенко. Предмету явно недостает средней части.

[32] ПСРЛ, II, СПб., 1843, стр. 11.

[33] Там же, стр. 82.

[34] Там же, стр. 86.

[35] Дер. Половченки Полоцкого уезда (А. П. Сапунов. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1910, стр. 291, № 55); дер. Торково Бальтиновской вол. Люцинского уезда (там же, стр. 212, № 53); дер. Торково Мариенгаузенской вол. того же уезда (там же, стр. 237, № 40); в Витебской губ. зафиксированы дер. Торхово (там же, стр. 270, № 41, 60); урочище Торково в Величанской вол. Игуменского уезда Минской губ. (Списки населенных мест Минской губернии, Минск, 1924, стр. 85).

[36] В Браславе, например, найдены типично кочевнические удила без перегиба (Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИИМК, 81, 1960, стр. 99, рис. 46, *14*).

Все это позволяет предполагать, что в западнорусских землях могли видеть и, несомненно, видели военные отряды кочевников и их вооружение. Нет ничего удивительного, что местным ремесленникам-косторезам какое-то богатое лицо в Мстиславле заказало пышный колчан, образцом для которого был взят половецкий традиционный колчан. При гравировке чуждые русскому глазу кочевнические орнаментальные элементы, наиболее сильно бросающиеся в глаза (олени, крупные волютообразные спирали центральной части), были отброшены и заменены привычными орнаментальными мотивами (двуглавым драконом, полем лепесткообразных крестиков, двойной плетенкой). Из кочевнических орнаментов были сохранены лишь некоторые сравнительно мелкие детали (пояски), не бросающиеся в глаза и не делающие предмет «чужеродным». С подобным явлением мы имеем дело, по-видимому, и в Минске. Однако для мастера здесь были более привычны традиции кочевников. Он и сам мог быть половчин или торк, теми или иными путями попавший в отдаленный полоцкий город [37].

Русское происхождение мстиславльского костореза особенно ощутимо при сравнении его изделия с этнографическими материалами деревенских русских мастеров недавнего прошлого. На многих резных деревянных изделиях русского севера — прялках, вальках, солонках, свечных ящиках, киотах и т. д. [38] — имеются и знакомые нам пояски лепесткообразных крестиков, составляющих иногда пестрый «ковер», подобный «ковру» мстиславльских пластинок, и двойную плетенку [39], и даже поясок сросшихся ромбиков [40]. Особенно интересно поразительное сходство в орнаментике с нашими пластинами двух резных досок из Смоленской губернии, хранившихся некогда в музее М. К. Тенишевой (рис. 7) [41].

Несмотря на 600—700-летнюю давность, отделяющую пластины Мстиславля и Минска от досок из музея М. К. Тенишевой, последние сохраняют много древних традиций. Прежде всего в глаза бросается сходное распределение орнаментируемых плоскостей. И там и здесь плоскость разделена на один или два больших прямоугольника, на одном из них сохранился даже ажурный ковер из сросшихся лепесткообразных крестиков, здесь, правда, поставленных вертикально (рис. 7, *1*). Чуждая древняя кочевническая волюта на втором прямоугольнике минской пластины здесь заменена завитками иного рода. Как и на описанных древних накладках, вся остальная плоскость досок украшена многочисленными поясками, многие орнаментальные мотивы которых также напоминают орнаменты пластин. На первой доске, например, мы видим цепочки сросшихся яйцевидных углублений — отголосок наших сросшихся ромбиков. Их же напоминают две цепочки сросшихся ромбиков-кружочков на другой доске из Смоленска (рис. 7, *2*). Характер этого вида орнамента, пожалуй, несколько ближе минской пластине. На этой же доске мы видим и сильно изменившиеся поперечные зигзагообразные орнаменты наших пластин, однако здесь они значительно круче. Чуждые кочевнические кружевные пояски заменены поясками других своеобразных орнаментов и т. д. Однако общие принципы орнаментации подобных предметов, как мы видим, со времени XII—XIII вв. не изменились. Найденные пласти-

[37] Это мог быть, например, пленный торк из числа 600 своих соплеменников, присланных Ростиславом Мстиславичем в помощь Рогволоду Полоцкому, умиравших от голода под стенами Минска в 1160 г. и пешком возвратившихся восвояси «не дождавше мира» (ПСРЛ, II, стр. 86). Такое предположение в известной мере допустимо, так как более поздних походов кочевников в Белоруссию, по-видимому, не было, стратиграфическая же датировка предмета, мы видели, условна, а дата всех кочевнических пластин, по свидетельству С. А. Плетневой, колеблется в пределах второй половины XII — первой половины XIII в.

[38] А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, I—X, М., 1910—1912.

[39] Там же, например, табл. 21/1, 4.

[40] Там же, IX, табл. 117/11; 119/13.

[41] Там же, VIII, табл. 107/6, 9.

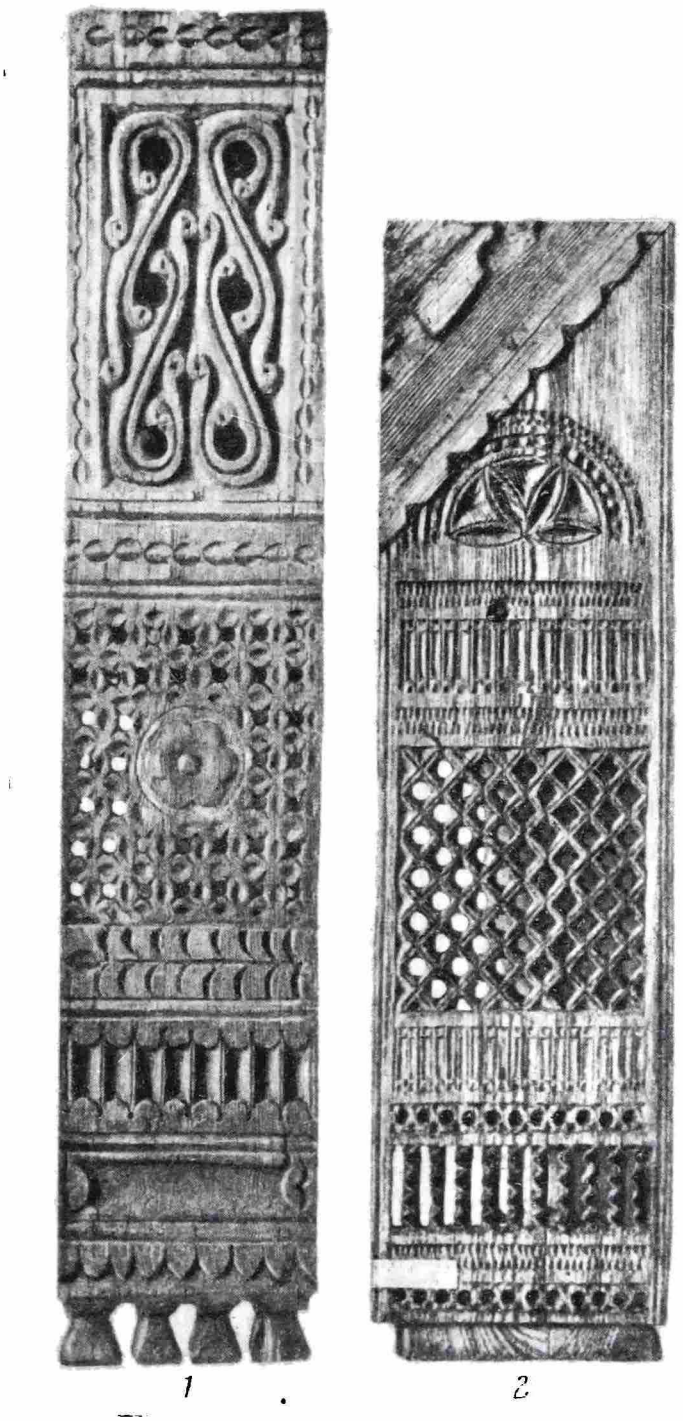


Рис. 7. Деревянные резные доски русской работы XIX в. из музея М. К. Тенишовой

ны указывают на исключительную древность некоторых художественных традиций русской деревянной резьбы.

Пластины древнего Друцка. При раскопках Друцка были обнаружены три весьма интересные костяные накладки, наибольшего внимания из которых заслуживает пластина из раскопа II, найденная в 1959 г. (рис. 6, *2*). Она залегала в третьем слое на горизонте, где преобладали находки XII в. и, по-видимому, первой его половины. Пластина более толстая, чем пластины Мстиславля (1,5—2 *мм*), была обломана с

трех сторон и имеет в настоящее время вид трапеции с сохранившимся справа первоначальным краем. Орнамент нанесен на ее поверхность в основном циркулем, точками, лишь в некоторых местах сделан по линейке и слагается из нескольких элементов. Это либо две небольшие концентрические окружности с точками в центре и между ними и треугольниками с кружками на них, либо три концентрические окружности, из которых одна очень мала, а две — бóльшие, чем предыдущие, с тремя дугами и точками между первой и второй, либо, наконец, циркульные сплетения двух волнистых линий с розетками в середине с прибавлением тех же треугольников с кружком (но с двумя точками).

Весь орнамент выполнен не очень аккуратно: центры розеток циркульной плетенки не лежат строго на одной линии (как и центры остальных описанных фигур), дуги внутри розеток проведены не на одинаковом расстоянии друг от друга и т. д., что лишь подчеркивает кустарный характер изделия и, придавая ему большую живописность, не мешает, на наш взгляд, его художественному восприятию. Особенностью пластины является умышленная непараллельность линий циркульного плетения и правого бокового украшения. Будучи продолжены вниз, обе линии орнаментов должны сойтись через 16 *см*, что, по-видимому, свидетельствует о сужении предмета книзу и позволяет сравнить предмет с «треугольными» накладками, часто находимыми в раскопках и связываемыми обычно с украшениями налучий [42]. Однако друцкая пластина была, очевидно, значительно большего размера, о чем свидетельствуют остатки орнаментальной полосы на левом, обломанном крае предмета (по-видимому, та же циркульная плетенка). Отсутствие треугольника с кружками, обращенными в сторону, противоположную такому же орнаменту средней линии, показывает, что эта линия либо их не имела и была, следовательно, центральной, либо эти орнаменты на ней были обращены в ту же сторону, что и все остальные, но находились на обломанной части пластины. В таком случае можно предположить еще большую величину пластины и, может быть, другое ее назначение.

Циркульная плетенка на средней линии предмета — орнамент не слишком распространенный, но все же известный как в древнерусском, так и в западноевропейском романском искусстве. Он использован, например, в рисунке пола гродненской Нижней церкви, постройку которой Н. Н. Воронин датирует второй четвертью XII в. [43] В Западной Европе этот мотив встречается как в архитектуре, так и в прикладном искусстве XII—XIII вв. [44] Круглые розетки и орнаменты с треугольниками и кружками не имеют прямых аналогий и являются, по-видимому, изобретением данного мастера-костореза [45].

Меньшее разнообразие элементов орнамента друцкого налучья не снижает его научный интерес, так как этот предмет среди подобных находок уникален и, подобно другим произведениям полоцкого искусства, указывает на культурные связи Полоцкой земли с соседними областями (архитектура полоцких, витебской и минской церквей, крест Евфросиньи Полоцкой и др.).

На друцком детинце в 1961 г. в раскопе XIII была найдена еще одна костяная накладка, имеющая, как уже отмечалось, чисто кочевнический вид (рис. 6, *4*). Это обломок весьма тонкой пластины, на которой сохранились четыре орнаментальных пояска. Слева сохранилась пло-

[42] Подобные пластины встречены в слоях XII в. Новгорода (МИА, 65, стр. 146, рис. 11, 3, 4), в слоях XIII в. Гродно (МИА, 41, рис. 92) и т. д.

[43] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, 41, 1954, рис. 60, а также стр. 140.

[44] Например, на шкатулке церкви св. Ювенала в Орвиедо (Испания, XII в.) — A. Holdschmidt, K. Weitzmann. Ук. соч., табл. LXIV, № 112, на рукояти ножа (V. Hruby, Slowanské..., стр. 129, табл. VI, рис. 1, *а*), на плоских костяных пластинах (там же, стр. 163, табл. XX, рис. 1, 3, 4, 6).

[45] Некоторой аналогией может служить рисунок украшения на литейной форме из Киева (М. К. Каргер. Древний Киев, I, табл. XLVIII (средняя внизу).

скость неорнаментированная, предназначенная, вероятно, для соединения с кожаным верхом колчана. Верхний орнаментальный поясок пластины состоит из широкой зигзагообразной линии, выполненной способом выемки треугольников. Второй пояс, отделенный от верхнего неорнаментированным пояском, выполнен в той же технике, что и предыдущий, но с той разницей, что его выемчатые треугольники расположены гораздо чаще, а в середине него еще добавлены кружочки, что в целом имеет вид ложных двойных перекрещивающихся широких зигзагов. Плоский поясок, подобный предыдущему, отделяет второй орнаментированный пояс от третьего и четвертого, которые сохранились хуже. Здесь мы видим треугольники, образованные мелкими треугольниками и кружочками.

Последний орнамент несколько напоминает кочевнические «кружевные» орнаменты, описанные выше; в целом вид у пластины типично кочевнический.

Трудно связать эту кочевническую пластину с какой-либо конкретной исторической ситуацией, так как сведения о Друцке крайне фрагментарны и не все события могли войти в древнерусские хроники. Известно, во всяком случае, что в 1180 г. в Друцке находились половцы, помогавшие Ярославу и Игорю Святославичу, нападавшим на этот город [46]. Правдоподобно предположить, что именно в этот последний поход пластина из стана врагов попала за стены осажденного детинца. Пластина является еще одной иллюстрацией проникновения половцев в западнорусские земли.

Последняя из публикуемых пластин была найдена также в Друцке при раскопках его детинца в 1957 г. в слое XIII в. Это небольшой зубчатый кружок с максимальным диаметром 62 *мм* (рис. 5, *3*). Пластина имела пять почти симметрично расположенных круглых отверстий, из которых среднее точно совпадало с центром и было окружено орнаментом из девяти маленьких прорезанных циркульных кружков с точкой посредине (распространенный на Руси так называемый «циркульный» орнамент). Внутри каждого зубца еще выбраны треугольники, что придает пластине особенно нарядный вид.

Назначение описываемого предмета неясно. По-видимому, это также накладка, прикреплявшаяся к какому-то предмету при помощи металлических «заклепок», от которых в трех местах сохранились отверстия. Аналогии предмету неизвестны. Лишь отдаленно его напоминает костяной кружок с орнаментом и знаком Святослава, происходящий из русского слоя Саркела-Белой Вежи, датируемый М. И. Артамоновым X веком [47]. Однако сходство здесь чисто формальное.

Уступая описанным выше вещам в технике косторезного дела, предмет из Друцка все же выполнен художественно, оригинален и наравне с ними заслуживает специального внимания и публикации.

Так наблюдения над десятью украшениями из трех древних центров западнорусских земель дают представления о высоте ремесла и вкусах их населения, о его связях и культурных взаимовлияниях между западноевропейским и кочевническим мирами домонгольского времени.

---

[46] ПСРЛ, II, стр. 124. Известное сообщение Ипатьевской летописи о походе южнорусских князей на полоцких в 1128 г. (там же, стр. 11), где сообщается о нападении на Друцк торков под предводительством воеводы Ивана Вотейшича,— не является правильным. Более верный и полный текст читаем в Лаврентьевской летописи, где сообщается, что торки осаждали не Друцк, а Логойск.

[47] М. И. Артамонов. Саркел..., стр. 74, 76, рис. 49 и 52.

Заметки

Т. Б. ПОПОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ МОРШАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В настоящее время лесостепная полоса в археологическом отношении изучена чрезвычайно слабо. В последние годы на этой территории работает ряд экспедиций, которые предприняли планомерное обследование речных долин Дона, Воронежа, Вороны, Цны и Мокши. Но обзорных работ, проливающих свет на далекое прошлое этой очень интересной области, опубликовано пока еще очень мало. Археологическими коллекциями бедны и многие местные краеведческие музеи. В этом отношении выгодно отличается районный краеведческий музей в г. Моршанске Тамбовской области. Моршанский музей был организован в 20-х годах местным краеведом П. П. Ивановым, неутомимым исследователем края. П. П. Иванову, благодаря хорошо поставленной разъяснительной работе о значении древнейшей истории края, удалось сплотить вокруг музея широкий круг энтузиастов-краеведов, которые помогли пополнить музей ценными и редкими экспонатами. Кроме того, П. П. Иванов вел и систематические разведки в бассейне реки Цны и в течение 10 лет исследовал древнемордовские могильники у сс. Крюково и Елизавет-Михайловское.

Традиции, созданные П. П. Ивановым, были унаследованы его последовательницей и ученицей П. В. Кобозевой, нынешним директором Моршанского краеведческого музея. Ей, благодаря еще более широкой популяризации работы музея, удалось расширить круг людей, которые сообщают о местах расположения новых древних поселений и могильников и доставляют в музей все новые и новые находки. Деятельность сотрудников и краеведческого актива музея превратила Моршанский краеведческий музей в первоклассное научное и культурное учреждение, с хорошей систематизированной экспозицией и богатыми фондами. Он является одним из лучших районных музеев в РСФСР. Фонды музея содержат десятки коллекций, которые относятся к различным хронологическим эпохам. Здесь собраны и находки палеолитической фауны: бивни и зубы мамонта, найденные у д. Кулики, череп носорога из деревни Рясловки и др.

Древнейшие орудия, хранящиеся в фондах Моршанского музея, относятся к мезолиту. Это — находки микролитических орудий, кремневые наконечники стрел из тонких ножевидных пластин с частичной ретушью по острию пера и черешка, скребочки и сегментовидные вкладыши орудий, происходящие со стоянки у с. Серповое, севернее г. Моршанска на левом берегу р. Цны. Стоянка была открыта еще в конце прошлого века А. А. Синицыным. Коллекция орудий, собранных на стоянке, состоит из небольших тонких, вытянутых карандашевидных нуклеусов (рис. 1, *16*). Наиболее широко распространенным типом орудий являются тонкие

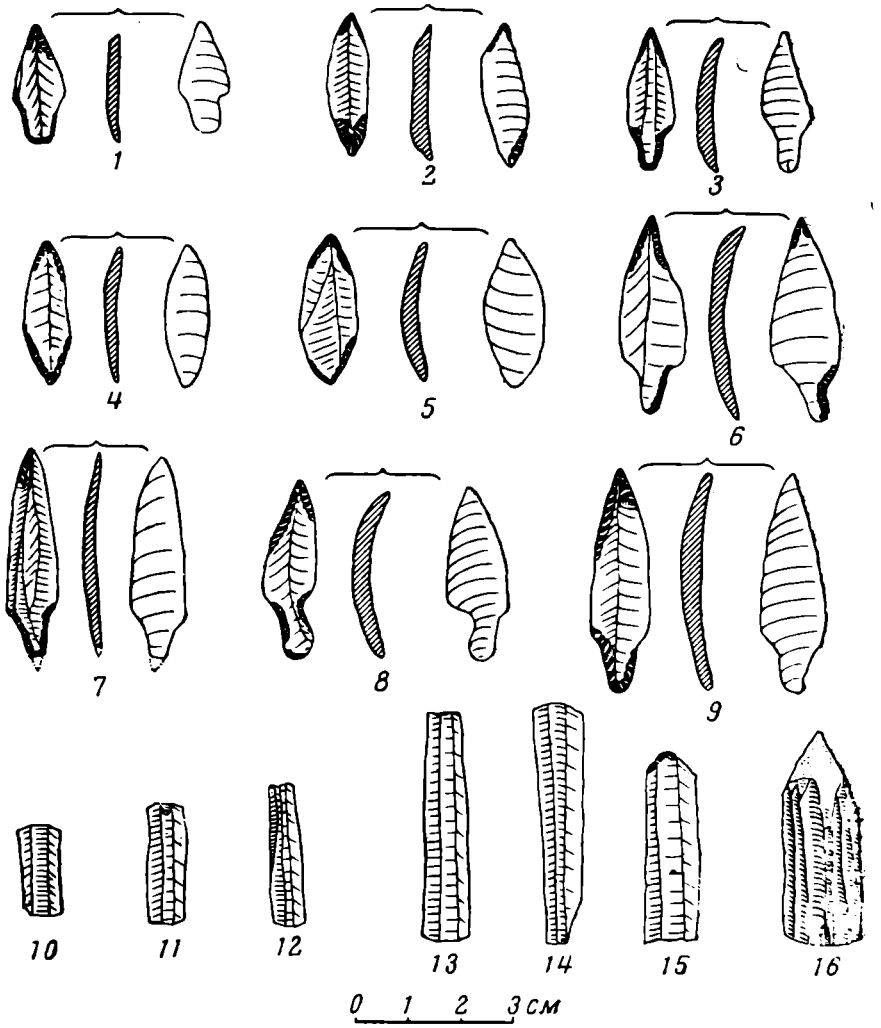


Рис. 1. Кремневые орудия мезолитического облика. Стоянка Воскресенский бугор у с. Серповое

1—9 — стрелы; *10—15* — ножевидные пластины; *16* — нуклеус

ножевидные пластинки 0,3—0,6 *см* ширины. Их длина различна и колеблется от 1—2 до 5—6 *см*. Большинство из них не несет никаких дополнительных признаков обработки, лишь на некоторых видна заполированность края, получившаяся, по-видимому, от работы ими в качестве вкладышей (рис. 1, *10—15*). Характерны стрелы свидерского типа. Большинство их имеет черешки. Они изготовлены из тонких, слегка изогнутых ножевидных пластинок, причем ретушь нанесена по черешку и острию пера (рис. 1, *1, 9*). Наиболее близкие типы орудий мы находим на мезолитической стоянке Елин Бор [1], которую М. В. Воеводский относил к средней поре свидерской культуры [2], а также на других мезолитических стоянках Волго-Окского бассейна, как, например, на стоянке Гремячево и др. [3]. К большому сожалению, стратиграфия стоянки Воскресенский бугор у с. Серповое не изучена. Эта стоянка находится на разрушающейся песчаной дюне, расположенной в 2—2,5 *км* от левого берега р. Цны,

[1] М. В. Воеводский, П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА, 1937 № 3.

[2] М. В. Воеводский. Мезолитические культуры восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950.

[3] М. В. Воеводский. К вопросу о ранней свидерской стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. Тр. II Международной конференции АИЧП, V. 1934.

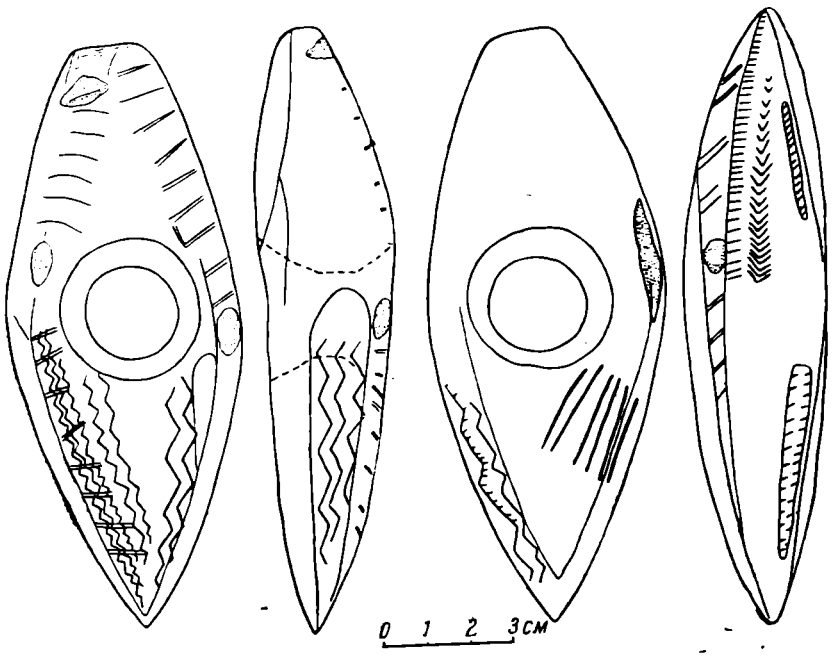


Рис. 2. Стоянка Дедов бугор у с. Елизавет-Михайловское. Сверленый топор

в пойме. Подобное местоположение мезолитических стоянок было отмечено М. В. Воеводским для левобережья Десны [4].

Значительным числом находок представлен в Моршанском музее неолит края. Обращают на себя внимание большие коллекции с неолитической керамикой, разнообразными кремневыми орудиями и сверленными топорами, найденными на стоянках в районе с. Елизавет-Михайловское. В этом районе, на небольших озерах расположен ряд неолитических стоянок — Дедов бугор, Мокрый залив, Цигурсв хутор, Дубки и др. Все эти поселения дали ямочно-гребенчатую керамику, большую серию своеобразных сверленых каменных топоров. Большинство этих топоров имеет биконическое двустороннее сверление, небольшой обушок и заостренный противоположный край, напоминающий кирку. У некоторых экземпляров оба рабочих края заострены. Кроме того, почти все эти орудия изготовлены из буро-красноватого диорита. Аналогий этому типу топоров нет, и они, по-видимому, представляют местный тип сверленых топоров.

Среди топоров, хранящихся в Моршанском музее, интересен топор, поверхность которого покрыта своеобразным узором (рис. 2). Он найден в колхозе «Маяк» у с. Елизавет-Михайловское. Топор изготовлен из серовато-зеленого диорита. Поверхность хорошо отполирована, сверление двухстороннее биконическое. В сверлине хорошо видны концентрические линии, получившиеся в результате сверления, по-видимому, каменным стержнем, значительное количество которых также хранится в фондах музея. Рабочие края описываемого топора следов работы не имеют. На полированной поверхности топора нанесен узор, который прочерчен острым предметом. Узор имеет вид змеек, елочек, прямых насечек и, учитывая отсутствие следов от работы на топоре, по-видимому, имел ритуальное значение. Топор был найден вместе с ямочно-гребенчатой керамикой и обломком полированной плитки с рядом насечек на ее передней части и может быть отнесен к неолитической эпохе. Находки подобных орнаментированных каменных топоров в неолитических памятниках

[4] М. В. Воеводский, А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, XXXV, 1950.

СССР неизвестны[5]. Известно значительное число топоров, украшенных каннелюрами, иногда даже со сложными узорами на них, в памятниках ранней бронзы в Северном Причерноморье и на Кавказе. В более северных районах известны фатьяновские каменные топоры с одной каннелюрой. Один лопастной фатьяновский топор с нарезным елочным узором известен в Соснице на р. Сейме[6]. К более позднему времени относится находка орнаментированного топора с Троице-Пеленицкого городища, изготовленного из кости; на его поверхности нанесены прочерченные узоры[7]. Таким образом, сверленый топор с подобным прочерченным орнаментом, найденный под Моршанском, пока не имеет себе точных аналогий, но по своему типу и по сопровождающей его позднего типа ямочно-гребенчатой керамике может быть отнесен к середине II тысячелетия до н. э.

В фондах Моршанского музея хранятся обработанные деревянные сваи, найденные на болоте Бабка, около Моршанска, вместе с массивными кремневыми ножевидными пластинами, подобными пластинам известным в ямной культуре, а также большие клиновидные топоры, поверхность которых обработана крупными сколами и немного отполирована. Эти топоры имеют четырехгранное сечение и могут быть отнесены к концу III тысячелетия до н. э.

К развитому и позднему бронзовому веку относится ряд коллекций керамики из Алкужинских борков, Воскресенского бугра у с. Серповое, сс. Елизавет-Михайловское, Крюково и др. Керамика свидетельствует о проникновении во II тысячелетии до н. э. в эти районы племен срубной культуры. Некоторые из этих памятников характеризуются рядом специфических особенностей в орнаментации керамики, как-то: кружковая орнаментация, узоры из выпуклин или ямок, образующих выпуклины на внутренней стороне сосуда, и др., что указывает, с одной стороны, на генетическую связь племен долины Цны во II тысячелетии до н. э. с племенами Дона и С. Донца, с другой — на связи их с племенами так называемой поздняковской культуры Окского бассейна. Кроме керамики срубного типа, в Моршанском музее есть и ряд находок бронзовых предметов, как-то: бронзовый проушной топор, найденный у с. Горелое, бронзовый кельт сосново-мазинского типа и т. д. К более позднему времени относится находка бронзового кованого котла скифского типа на небольшом поддоне с фигурными ручками.

Особенно полно представлены в Моршанском музее материалы по истории древней мордвы. Из одного только Крюковско-Кушновского могильника можно насчитать 568 погребальных комплексов, содержащих тысячи различных предметов: орудий труда, оружия, разнообразных украшений и керамики. Могильник исследовался в течение 10 лет П. П. Ивановым, дневники его тщательных раскопок изданы Моршанским музеем[8]. Древнейшее из погребений Крюковско-Кушновского могильника относится к VIII в., а наиболее поздние датируются XII в. Материал могильника представляет большой научный интерес. Благодаря материалам Крюковско-Кушновского могильника по-новому ставится вопрос о связях мордовских племен с древней Русью. В ряде комплексов найдены пряслица из розового шифера, витые проволочные

[5] В Западной Европе имеются находки клиновидных топоров с прочерченным кружковым и елочным узором, например топоры из Средней Германии и др. P. Grimm. Die Salzmünder Kultur Mitteldeuschlands. Iahresschrift Halle, 29, 1938, табл. 38; или O. Klemann. Eine neue nordische Schaftlochaxt. Acta archaeologica, XXIV, København, 1953, стр. 170—173.

[6] Хранится в Соснинском музее. На это указал мне Д. Я. Телегин, за что его благодарю.

[7] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища. Рязанский областной среднеокский музей. Исследования и материалы, V. Рязань, 1938.

[8] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы XI—XIII вв. Моршанск, 1952.

браслеты и даже посуда с волнообразным орнаментом, широко распространенным на Руси. О довольно тесных культурных связях со славянскими племенами говорят и другие находки, хранящиеся в фондах Моршанского музея: ажурная привеска с выемчатой эмалью, найденная на древне-мордовской стоянке близ с. Тихий Угол. Эта уникальная находка весьма близка находкам из Мощинского клада и датируется IV—VI вв.

Упомянутыми интересными находками не ограничиваются фонды музея. Коллекции Моршанского музея настолько разнообразны и охватывают различные эпохи, что они могут дать полную картину древнейшей истории не только Моршанска, но и всего Цнинского бассейна.

Л. П. МАТВЕЕВА

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЧУВАШИИ

Последнее время внимание археологических экспедиций, работающих в Поволжье и сопредельных районах, все чаще и чаще привлекает к себе изучение поселений фатьяновской и абашевской культур, до недавнего времени известных, главным образом, лишь по материалам могильников. Комплексное изучение ряда районов, тщательные поиски и стационарное изучение открытых памятников привело к появлению первых обобщений накопившихся фактов о поселениях этих культур [1]. Трудность изучения поселений фатьяновской и абашевской культур заключается в том, что большая их часть перекрыта более поздними слоями, уничтожившими отчасти комплексы более ранних периодов. Это обстоятельство делает особенно интересным открытие В. Ф. Каховским нескольких однослойных поселений интересующего нас времени в Чебоксарском р-не Чувашской АССР, к западу от д. Тохмеево [2]. Расположены они среди леса, на возвышенной части поля, полого спускающегося к старому глубокому оврагу. На дне оврага протекает небольшой ручей, а из склонов бьют многочисленные ключи. По другую сторону оврага, в лесу, расположен большой курганный могильник абашевской культуры. На площади около 6 *км*^{2} открыто четыре поселения, два из которых были раскопаны,— Шоркино-I и Тохмеево-I.

Селище Тохмеево-I расположено в 700 *м* западнее д. Тохмеево. В 1958 г. В. Ф. Каховский заложил два шурфа, которые дали материал, аналогичный собранному здесь же подъемному материалу, рассеянному на площади около 6000 *м*^{2}, что определяет примерную площадь поселения. Признаков каких-либо оборонительных сооружений обнаружено не было. Все поселение лежит на пахотном поле, разделенном дорогой и межевой канавой. В 1959 г. на селище заложено два смежных раскопа общей площадью 225 *м*^{2}.

Стратиграфия участка такова: непосредственно под дерном лежит культурный слой (гуммированная супесь) толщиной 10—25 *см*; подстилает его слой лесного подзола толщиной 10—15 *см*, лежащий непосредственно на материке (песок, местами глина). На участках, лежащих на пахоте, тракторный плуг частично или полностью разрушил культурный слой. На вскрытой площади открыто пять землянок, в том числе три сохранились лишь частично, и две ямы.

---

[1] П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, 2; К. В. Сальников. Абашевская культура на южном Урале. СА, XXI, 1954.

[2] В. Ф. Каховский. Поселения эпохи бронзы в Чувашии. СА, 1962, 1, стр. 152—162.

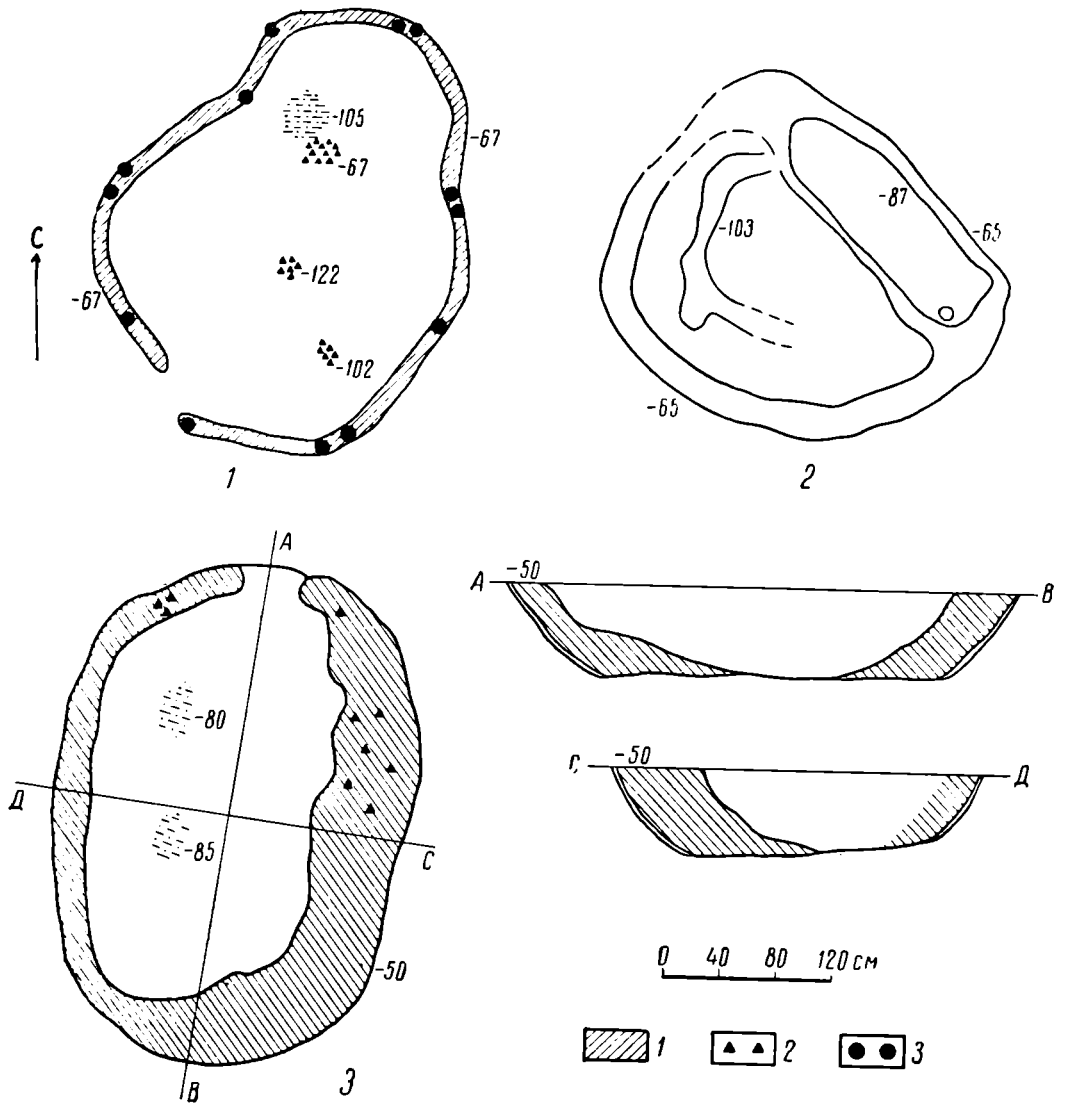


Рис. 1. Землянки на поселении Тохмеево-I
1 — жилище V, *2* — жилище IV, *3* — жилище I
1 — следы древесного тлена; *2* — уголь, зола; *3* — следы столбов с остатками дерева

Жилище I (рис. 1, *3*) открыто на глубине 0,15 *м* от поверхности, где в профиле обнажилась наклонная полоса темно-коричневого цвета с включениями древесного тлена и угольков. На уровне материка эта темная полоса шириною 15—20 *см* оконтурила в плане пятно овальной формы размером 3,60 *м* по линии север-юг и 2,40 *м* по линии восток-запад, с разрывом в северной части. В пределах этого контура пятно заполнено песком и культурными остатками. В разрезе яма имеет корытообразную форму с наклонными стенками, обмазанными серой глиной. Поверх этой обмазки так же наклонно до самого дна ямы спускается темная полоса с древесными остатками, расплывшаяся книзу. На глубине 0,80—0,85 *м* от древнего уровня открыты пятна прокаленного песка овальной формы небольшого диаметра. Наибольшая глубина котлована от древнего уровня почвы 1 *м*.

У жилища IV (рис. 1, *2*) верхняя часть срезана запашкой, и в слое сыпучего песка сохранился лишь пол и немного стены. Помещение открыто на уровне материка по контуру, обведенному темной полосой, содержащей остатки древесного тлена и угольки; в северо-западной части полоса имеет разрыв в 0,90 *м*. Внутренняя часть оконтуренного пятна

засыпана песком. Форма жилища овальная, вернее подпрямоугольная, размером 3,15 × 2,70 *м* (длинная ось по линии северо-восток — юго-запад). В юго-восточном углу сохранилась вертикальная ямка от столба диаметром 0,15 *м*. В разрезе сохранившаяся часть котлована (глубина 20—40 *см*) имеет плавную корытообразную форму, полоса древесного тлена доходит до полу, на котором тоже сохранились древесные волокна, по-видимому, от плах. В засыпи совсем нет керамики, и найдено только одно глиняное пряслице.

Жилище V (рис. 1, *1*) сохранилось лучше всех других, так как лежит оно на нераспахиваемой дороге и перекрыто выбросом из межевой канавы. Пятно, обозначавшее жилище, так же как и у жилищ I и IV, окантурено темной полосой шириною 10—20 *см*, содержавшей древесные остатки. В юго-западной части полоса эта имеет разрыв в 40 *см* шириною. Форма его овальная, размером 3,60 × 2,80 *м*, с ориентировкой длинной оси северо-восток — юго-запад. На фоне темной полосы по контуру жилища прослеживаются ямки от 13 вертикальных столбов с заостренными книзу концами, диаметром 10—15 *см* и глубиной в материке до 20 *см*. Расположены они неравномерно, в четырех случаях попарно. В разрезе котлован имеет плавную корытообразную форму, углубленную в материке до 80 *см*. Наибольшая глубина от древней поверхности почвы 105 *см*. Стенки котлована обмазаны серой глиной. Поверх обмазки спускается книзу черная полоса с древесными остатками. На полу следы от двух небольших очажков. Котлован заполнен красной глиной, с пятнами темного гумуса. Встречались обломки посуды.

Жилища II и III сохранились лишь частично потому, что котлованы их не опускались ниже материка, а устроены в культурном слое. От жилища II сохранились пятна глиняной обмазки пола, который имел размеры 4 × 3,5 *м*. Жилище III разрушено современной ямой и жилищем II, которое налегало своим краем. Две ямы имели значительные размеры: первая яма 2,30 × 1,95 *м*, при глубине 1 *м*; вторая — 1,65 × 0,85 *м* при сохранившейся глубине 1,05 *м*. Заполнены они были культурным слоем.

Итак, на площади 225 $м^2$ открыто пять близко друг к другу расположенных небольших землянок. Керамический материал, совершенно однородный на всей площади раскопок и поселения в целом, говорит об их принадлежности к одной культуре, но стратиграфические данные показывают, что существовали они не одновременно, хотя и близко по времени друг к другу. Одинаковые стратиграфические данные определяют одновременность жилищ I, IV и V: верхние края их котлованов лежат в одном и том же слое. Объединяют их и общие конструктивные черты: овальная планировка котлована, совпадающая ориентировка, приблизительно одинаковые размеры. Все они имели одинаковую конструкцию полуземляночного типа: в земле сооружали котлован глубиной около 1 *м*, с наклонными стенками. Для укрепления сыпучего грунта, а также для защиты от сырости и холода стенки, предварительно обмазанные глиной, укрепляли деревом, вероятнее всего, тонкими плахами, которые местами (там, где было место для лежанок) устилали и пол. Очаги были небольшими, и вероятнее всего, временными, на камнях. Наземная часть жилищ не сохранилась, и о характере ее говорят лишь следы вертикальных столбов. Возможно, что они служили опорой для плетней, которые сверху обмазывали глиной. Никаких данных о характере перекрытия у нас нет, но при столь малых размерах округлых жилищ наиболее вероятно легкое перекрытие из жердей, плоское или коническое, утепленное ветками и обмазанное глиной.

Жилища II и III стратиграфически относятся к несколько более позднему времени,— их верхний уровень лежит немного выше, а сами они перекрывают отчасти жилища I и V. В характере этих полуземлянок, насколько можно судить по остаткам, очень много общего с жилищами, им предшествующими,— та же форма, размеры, ориентировка, но жили-

ща эти не углублены в материк. Их котлованы глубиной не более 0,5 *м* вырыты прямо в культурном слое. Не сохранилось никаких признаков укрепления их деревом. Возможно, что изменения в конструкции объясняются высоким уровнем подпочвенных вод в данной местности. На поселении Шоркино-I установлен переход от полуземлянок к наземным домам на бревенчатом настиле [3]. Полуземлянки, аналогичные описан-

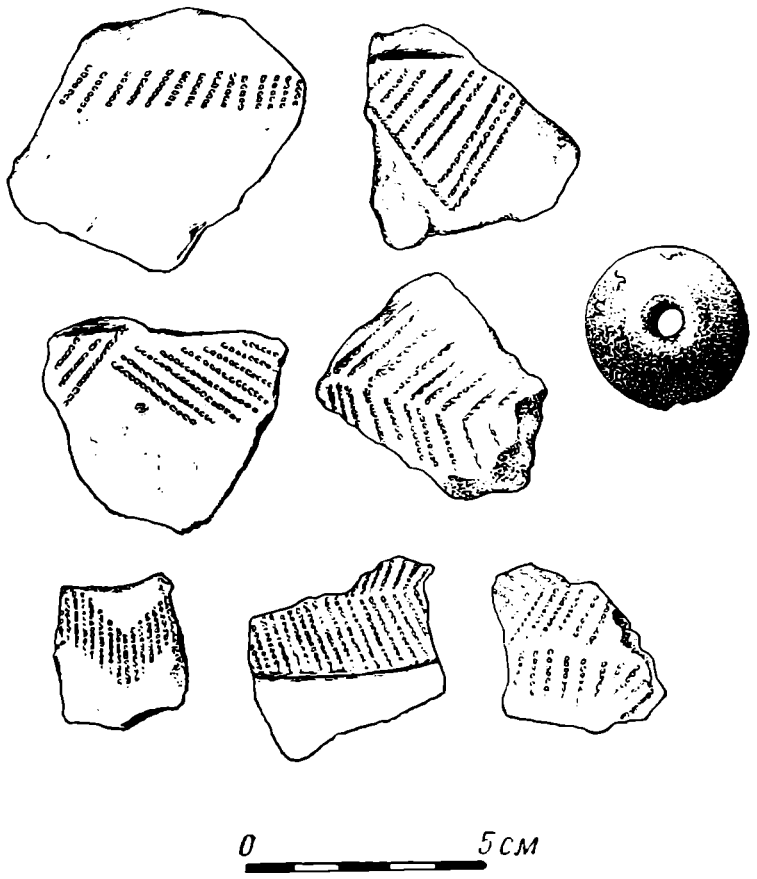


Рис. 2. Керамика с поселения Тохмеево-I

ным, были открыты и на соседнем поселении Шоркино-I, в его нижнем горизонте, лежащем под деревянным настилом. Эти небольшие полуземлянки имеют овальную форму и ориентированы по линии север — юг. По краям котлована большей из них идут следы от вертикальных столбов. Остатки дерева найдены и в самом котловане. На Кубашевском поселении найден комплекс полуземлянок середины II тысячелетия до н. э., которые, при несколько бо́льших размерах и подпрямоугольной форме, имеют в конструкции черты, напоминающие наши полуземлянки: совпадающая ориентировка овальных котлованов по линии север — юг, вертикальные столбы по краям жилища от его наземной части [4].

Единственным видом находок на поселении был керамический материал. Кроме того, найден один грубо обработанный кремневый скребок и глиняное пряслице (рис. 2). Керамика сильно фрагментирована, и не найдено ни одного целого сосуда. По фрагментам с уверенностью можно определить только одну форму сосуда, сходную с хорошо известными для фатьяновской культуры шаровидными сосудами с прямой или немно-

[3] В. Ф. Каховский. Ук. соч., стр. 156 сл.

[4] А. Х. Халиков. О полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год. Архив ИА АН СССР, Р1, № 1470, стр. 35—40.

го отогнутой шейкой. По качеству керамический материал делится на две группы.

В первой группе черепки рыхлые, пористые, с крупными примесями шамота и дресвы. Обжиг плохой, черепки хрупкие, в изломе большей частью двуслойные или трехслойные. Поверхность шероховатая или несколько сглаженная.

Во второй группе черепки плотные, с примесью мелкого песка. Обжиг посуды несколько лучше, и она прочнее. В изломе черепки большей частью однослойные, поверхность сглажена. Первая группа керамики является основной, что видно из следующей таблицы

Рыхлые черепки				Плотные черепки			
Хороший обжиг	Плохой обжиг			Хороший обжиг	Плохой обжиг		
	1-слойный	2-слойный	3-слойный		1-слойный	2-слойный	3-слойный
	72 17,0%	219 51,8%	98 23,2%	—	21 5%	13 3%	—
Итого:	389 фрагментов — 92%			34 фрагмента — 8%			

Посуда орнаментировалась по шейке и выпуклым плечикам мелкозубчатым штампом или штриховкой и линейной нарезкой. Орнаментальные мотивы следующие: зигзагообразные широкие полосы, заполненные вертикальными отпечатками мелкозубчатого штампа; такие же широкие зигзагообразные линии, образованные из наклонных оттисков штампа или нарезных линий; треугольники, заполненные косыми оттисками штампа; косые оттиски штампа, расположенные в один ряд или в два ряда, образующих горизонтальную елочку; перекрещивающиеся штриховые линии, образующие косую сетку или ромбы (рис. 2).

По технике изготовления, форме сосудов и орнаменту керамика с поселения Тохмеево-I и соседнего Шоркино-I очень напоминает керамику ошпандинско-балановского и атликасинского типа с городищ Чувашской, Мордовской и Марийской АССР [5]. Она относится к самому позднему этапу фатьяновской культуры, ко времени, переходному к абашевской культуре, и датируется серединой II тысячелетия до н. э. Заметно значительное огрубение техники: керамика с крупной примесью и хрупкими черепками преобладает над посудой с плотными черепками и с мелкой примесью, поверхность сосуда не всегда заглажена, орнамент часто нанесен небрежно. Некоторые моменты — форма плавно отогнутого венчика без шейки, уплощение дна, орнамент из перекрещивающихся штриховых линий и особенно фактура черепка — уже напоминают керамику из соседних абашевских курганов [6], но в целом наша посуда еще отличается от сложившихся форм абашевской.

На поселении не найдено ни костей животных (по-видимому, они не сохраняются совсем в данных почвенных условиях), ни каких-либо орудий труда, поэтому у нас нет конкретных данных о хозяйстве обитателей поселения. Можно отметить обычную для фатьяновских памятников связь с лесом, которая в поселениях Тохмеевской группы видна в том,

---

[5] П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях, рис. 12; его же. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 65—68; М. С. Акимова. Балановский могильник. КСИИМК, XVI, 1947, рис. 39, П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, рис. 14, 16; А. Х. Халиков. Ук. соч., рис. 5 и 40; К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 86—87.

[6] Из раскопок Н. Я. Мерперта курганов абашевской культуры в Пикшиках, Янгильдине, Абашеве.

что древние поселки расположены среди лесов и на слое лесного подзола. По-видимому, вся жизнь жителей этих поселков была связана с лесом и с охотой. Каждое из раскопанных на поселении жилищ принадлежало, судя по его размерам, отдельной семье. Столь же близкое расположение нескольких одновременных поселений на такой маленькой территории говорит об их принадлежности родственным группам населения. Поселение носит на себе следы кратковременного пребывания здесь его обитателей, которые, несомненно, стояли на грани перехода к более прочному оседлому образу жизни, что подтверждается наличием бревенчатых настилов на всей площади поселения Шоркино-I, верхний горизонт которого, по-видимому, одновременен второму периоду жизни поселения Тохмеево-I.

А. И. ПУЗИКОВА

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. РУССКАЯ ТРОСТЯНКА

В 1958 г. Воронежская лесостепная экспедиция обнаружила близ с. Русская Тростянка городище скифского времени, аналогичное по устройству и археологическому материалу ранее известным городищам у сс. Архангельское [1] и Волошино [2]. Городище расположено на правом берегу ныне высохшей р. Тростянки, против с. Русская Тростянка. На левом берегу р. Тростянки в 2 *км* к северу от городища и около 1 *км* от с. Русской Тростянки был найден большой курганный могильник. Могильник содержит более 40 насыпей и расположен на высокой гряде около дороги из г. Острогожска в с. Красное. Все курганы распахиваются, и многие сохранились лишь в виде небольших возвышений или пятен обожженной глины, указывающих на использование огня в погребальном обряде. Однако в могильнике имеются еще курганы высотою 1,5—2 *м*.

Предварительное ознакомление с могильником позволило прийти к заключению о синхронности основной массы курганов городищу. Могильник интересен еще и потому, что близ большого Волошинского городища эпохи раннего железа курганы не обнаружены.

В 1959 г. мы исследовали два кургана, расположенных в северной части могильника. Курган № 1 дал погребение скифского времени, в кургане № 2 найдено восемь погребений эпохи бронзы [3]. К моменту раскопок курган № 1 был сильно распахан и возвышался над поверхностью поля в виде небольшой насыпи высотой до 0,30 *м*.

Как выяснилось, погребение было совершено на поверхности древней почвы, и никаких признаков могильной ямы обнаружено не было. Об этом же свидетельствует положение вещей, человеческих костей и прерывистого слоя древесного тлена от подстилки, обнаруженных на одинаковой глубине 0,30—0,40 *м* от вершины насыпи. От костяка сохранились

---

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, 1911, стр. 76 сл.; А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, 62, 1956, стр. 84 сл.

[2] Предварительную публикацию материала и схематический план городища см. П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища. СА. 1960, № 3, стр. 164—165.

[3] К 1961 г. на могильнике раскопаны еще четыре кургана скифского времени.

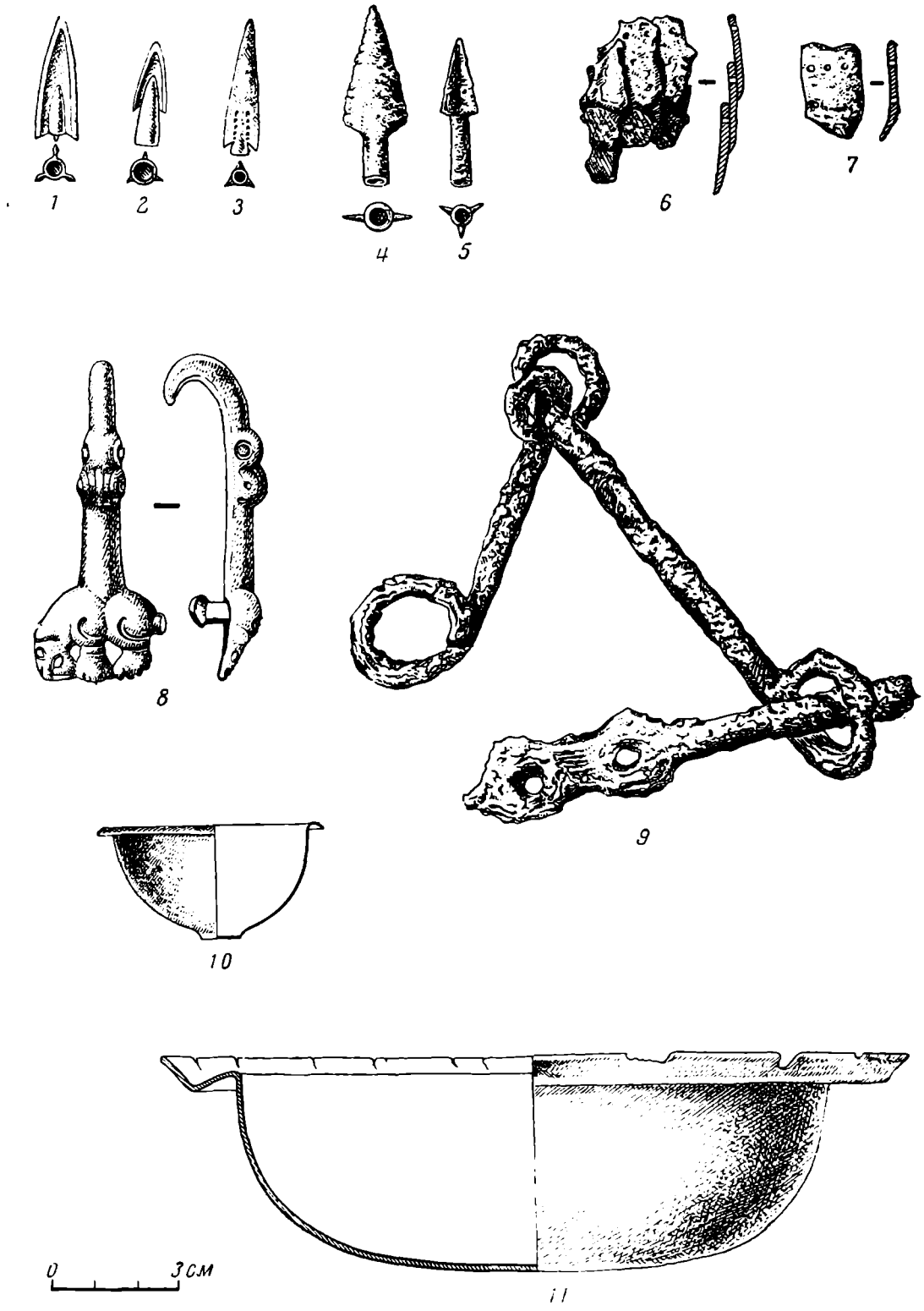


Рис. 1. Вещи из погребения в кургане № 1

1—5 — наконечники стрел, *6—7* — панцирные пластинки, *8* — крючок, *9* — удила, *10* — ворворка, *11* — миска (*1—3, 8, 11* — из бронзы, *4—7, 9* — железо, *10* — золото)

черепная крышка, несколько зубов и обломок длинной трубчатой кости, лежавшей непосредственно на древесном тлене и несколько южнее черепа в направлении северо-восток — юго-запад. Можно предположить, что костяк был ориентирован головой на северо-восток.

Погребение ограблено. Вещи сдвинуты со своих мест, поэтому судить теперь о первоначальном положении их по отношению к костяку невозможно. In situ осталась, по-видимому, только бронзовая миска (рис. 1, *11*), стоявшая у головы покойника на глубине 0,30 *м* от поверхности кургана. Она была накрыта деревянной крышкой, частично провалившейся внутрь.

Миска имеет сравнительно хорошую сохранность. Ее высота 5 *см*, диаметр по венчику 17,5 *см*, венчик имеет двойной перегиб, толщина листа 1 *мм*. Внутренняя сторона миски, по-видимому, имеет следы серебра и, судя по фактуре дна, изготовлена чеканным способом. Ближайшие аналогии данной миске находим в сарматских погребениях около Свердловска [4] и Оренбурга [5].

Железные удила с обломком псалия (рис. 1, *9*) были обнаружены почти на поверхности кургана, на глубине 0,10 *м*, куда они, вероятно, были выброшены грабителями. Удила имеют два неподвижных кольца на концах, а псалий в местах отверстий имеет расширение в виде двух ромбиков, переходящих друг в друга. Концы таких псалиев обычно трактуются в виде шишечек. Можно указать для удил и псалий многочисленные аналогии в комплексах курганов различных мест, датируемых IV—III вв. до н. э. [6]

Наконечников стрел, целых или в обломках, в кургане найдено более сотни. Большая часть их лежала в одном месте, в кучке. Видимо, первоначально стрелы находились в колчане, а затем, при ограблении кургана, они были разбросаны грабителями. Из 109 целых наконечников 106 — железных, а 3 — бронзовых. Наконечники стрел из бронзы представлены тремя типами: 1) трехлопастный наконечник пирамидальной формы с внутренней втулкой, длиною 2,5 *см* (рис. 1, *1*); 2) небольшой трехлопастный наконечник с длинной и широкой втулкой. Длина втулки 1 *см*, длина пера 1,5 *см* (рис. 1, *2*); 3) трехгранный, башневидной формы со слабо выступающей втулкой и опущенными гранями. На гранях втулка подчеркнута двумя рядами небольших четырехугольных углублений. Длина наконечника 3 *см* (рис. 1, *3*). Все три типа наконечников стрел характерны для курганных комплексов V—III вв. до н. э. [7]

Железные наконечники стрел относятся к двум типам. Первый тип (больше ста экз., рис. 1, *5*) — трехлопастные наконечники с длинными, расширяющимися книзу втулками. Длина пера равна длине втулки. Общая длина наконечников — от 3 до 3,5 *см*. Этот тип наконечников характерен для курганов Прикубанья и Дона с V в. до н. э. [8]

---

[4] Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей. МИА, 21, 1951, стр. 212, рис. 6, *9*. П. А. Дмитриев датировал могильник последними веками до н. э.

[5] Другая миска из серебра, обнаружена К. Ф. Смирновым в 1960 г. в одном из курганов могильника Пятимары I, который он датирует V—IV вв. до н. э.; см. К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Оренбургской экспедиции 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 3024, 3024а, табл. 18, *71*, *72*.

[6] Например, в Чертомлыцком кургане — см. Древности Геродотовой скифии. Альбом, вып. I, СПб. 1872 табл. XXIII; удила из кургана в урочище Галущино см. В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, Киев 1899, табл. XVIII; Удила из кургана № 11 в урочище «Частые курганы» — см. П. Д. Либеров. Отчет о раскопках Частых курганов Воронежской археологической экспедиции ИИМК АН в 1954 г. Архив ИА АН СССР, № 1024, альбом, табл. XXIII.

[7] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, табл. VIII—XI.

[8] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, 1910, стр. 114, рис. 19, *9*; В. П. Шилов. Отчет о раскопках Нижне-Донской археологической экспе-

Несколько таких же наконечников встречено Б. Н. Граковым на Каменском городище[9]. Второй тип (всего пять экземпляров — рис. 1, *4*) — плоские наконечники с пером почти треугольной формы. Общая длина наконечника 3,5 *см*, причем длина пера равна длине втулки, и только один наконечник имеет длинное перо и короткую втулку. Данный тип стрел характерен только для Воронежских курганов V—IV вв. до н. э.[10] В других местах находки подобных стрел единичны и указывают лишь на существование связей среднего Придонья с довольно отдаленными областями[11].

От железного чешуйчатого панциря сохранилось несколько пластинок, обнаруженных на различной глубине и в разных местах кургана (рис. 1, *6, 7*). По сохранившимся кускам можно судить, что панцирь состоял из прямоугольных чешуек с округлым нижним концом, расположенных параллельными рядами. Для нашивки на мягкую основу на узком верхнем крае каждой пластинки имелось по три отверстия; на одном из боковых краев — по одному отверстию. Длина чешуек 2—2,2 *см*, ширина — 1,5 *см*. Широкое распространение панцирей как металлического защитного вооружения А. И. Мелюкова связывает с развитием тактики ближнего боя и появлением новых, более совершенных видов мечей, копий, стрел в IV в. до н. э.[12]

Следует отметить, что панцири в Воронежских курганах встречаются гораздо чаще, чем в других областях распространения скифской культуры. Так, в «Частых курганах» из 33 погребений в 10 были обнаружены панцирные пластинки. Для Мастюгинской группы курганов специального подсчета не производилось, но и там панцири встречаются часто. В то же время в степной Скифии наличие панциря в погребениях является признаком аристократической принадлежности погребенного[13]. Орнамент массивного бронзового крючка (рис. 1, *8*) выполнен в зверином стиле. На одном конце крючка изображен сильно стилизованный клюв хищной птицы, а на втором фигурка медведя. Медведь изображен идущим влево, с опущенной головой, раскрытой пастью и торчащими внутри пасти клыками. Ухо плотно прилегает к туловищу, мышцы ног подчеркнуты двумя завитками. На обратной стороне крючка — массивный стержень, расположенный горизонтально и вдоль фигурки животного. Длина крючка 7,5 *см*, ширина фигурки 3 *см*. Изображение медведя встречено в Воронежских курганах неоднократно[14] и опять-таки характерно для этой группы курганов. Подобные изображения известны также у племен

диции в 1954 г. Архив ИА АН СССР, № 1215, табл. XXXI, Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, 1911, стр. 54, рис. 59, *4*; П. Д. Либеров. Отчеты о работе Воронежского отряда лесостепной экспедиции за 1958, 1959, 1960 гг. Архив ИА АН СССР, №№ 1726, 1871, 2118.

[9] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 129, табл. XVIII, *13*.

[10] P. Rau. Ук. соч., табл. XI, *1 д*.

[11] А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, табл. XIX, *13, 35, 53*.

[12] А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство у скифов. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 39.

[13] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 132.

[14] Такой же крючок (фигурка медведя изображена идущей вправо) опубликован С. Н. Замятниным из кургана № 11 в урочище «Частые курганы». Курган датируется IV — III вв. до н. э.; см. С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 38, рис. 27, *2*. Подобный же крючок, но выполненный из железа, обнаружен П. Д. Либеровым в той же курганной группе в 1954 г. в погребении, которое также датируется IV—III вв. до н. э.; см. П. Д. Либеров. Отчет о раскопках «Частых курганов» Воронежской экспедицией в 1954 г. Архив ИА АН СССР, № 1024, альбом, табл. XVII, *1*. Две серебряные бляшки, видимо, от конской сбруи с изображением медведя обнаружены в 1960 г. в Мастюгинском могильнике, в кургане, датируемом бронзовой гидрией и чернолаковой керамикой V — началом IV в. до н. э. См. П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной экспедиции 1960 г. Архив ИА АН СССР, 2118а, табл.

Рис. 2. Кувшин из кургана № 1

ананьинской культуры, что еще раз свидетельствует о существовании связей между этими областями [15]. Вместе с крючком находилась массивная золотая ворворка (рис. 1, *10*) полусферической формы, с двумя отверстиями. Край широкого отверстия отогнут; край узкого немного выступает наружу. Высота ворворки — 2,5 *см*, диаметр широкого отверстия — 5 *см*; узкого — 1 *см*. Довольно близка к нашей ворворка из «Частых курганов» [16] и ворворка из курганного могильника Пятимары I [17]. Обе ворворки золотые, имеют по узкому и широкому отверстию и изготовлены в виде усеченных конусов.

Несколько глубже и в стороне от остальных вещей был обнаружен большой лепной одноручный кувшин в обломках (рис. 2). Горло кувшина воронкой расширяется кверху. Край венчика плоско срезан. Широкое раздутое тулово резко сужается ко дну. Ручка кувшина украшена резным орнаментом в виде четырех параллельных полос. Поверхность кувшина желтая с серыми пятнами, залощена. Высота кувшина — 43 *см*, диаметр венчика — 19,5 *см*, тулова — 34 *см*, дна — 10,5 *см*. Этот тип керамики относится к одному из трех основных групп посуды на городищах и поселениях среднего Дона: Архангельском, Волошинском, Русской Тростянке и др. [18]

На последнем в 1960 г. было обнаружено два аналогичных кувшина, но меньших размеров. Фрагменты таких же кувшинов обнаружены А. Н. Москаленко на Архангельском городище [19]. Известны они среди

---

[15] А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху, табл. XXIX, *8*; табл. XXXI, *29*.

[16] П. Д. Либеров. Отчет о работе Воронежского отряда Донской экспедиции, ИИМК АН СССР 1956 г. Архив ИА АН СССР, № 1276, табл. XLIII.

[17] К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Оренбургской экспедиции 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 3024а, рис. 42.

[18] П. Д. Либеров. Отчеты о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции за 1958, 1959, 1960 гг. Архив ИА АН СССР, № 1726, 1871, 2118.

[19] А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, 62, 1956, стр. 86, рис. 33, *1*, *2*.

керамики городищ середины 1 тысячелетия до н. э., исследованных В. А. Ильинской [20] и И. И. Ляпушкиным [21] на левобережье Днепра.

Из сказанного следует, что весь комплекс кургана № 1 в могильнике у с. Русской Тростянки можно датировать IV—III вв. до н. э., так как весь инвентарь имеет аналогии в хорошо датированных комплексах скифского времени. Не вызывает сомнений и связь курганного могильника с городищем. Вместе с тем следует подчеркнуть, что публикуемый комплекс из кургана № 1 близок комплексам известных могильников в урочище «Частые курганы» и у с. Мастюгино. Это сходство представляет значительный интерес и требует постановки более широких исследований могильника у с. Русская Тростянка.

[20] В. А. Іллінська. Верхньосульська експедиція 1947 р. АП, IV, 1950, стр. 39, табл. II, *20, 21*.

[21] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1962, стр. 40, рис. 6, *6*, 8.

К. МАЕВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВЕ (БОЛГАРИЯ) В 1961 г.

Археологические исследования в Нове (Болгария) [1] продолжались в 1961 г. Территория римского города Нове была разделена на два сектора: восточный, болгарский, где работами руководил проф. Д. Димитров, и западный, польский, где работами руководил автор настоящего сообщения, относящегося исключительно к результатам исследований польского сектора.

В 1961 г. продолжались раскопки участка II (рис. 1), обнаружившие внутреннюю часть башни. Раскопками 1960 и 1961 гг. открыты городские оборонительные стены на протяжении 27,5 *м*. Ширина стены 2,40 *м*. Внутри башни были найдены обломки глиняных ламп и керамики типа terra sigillata. Вне оборонительных стен были открыты какие-то более поздние сооружения, примыкающие к башне. Там найдены каменные шары, мраморная гиря, кирпичи с клеймами LEG(IO) I ITAL(ICA) обломки сосудов с рельефным орнаментом и др.

На IV участке продолжались раскопки вокруг здания с надписью. Там обнаружена база колонны, расположенная на той же прямой, что и две базы, открытые в 1960 г., а также двор или маленькая улица, вымощенная большими каменными плитами. Проведена была дальнейшая шурфовка как вдоль стены, проходящей с севера на юг, так и вдоль другой, примыкающей к первой под прямым углом. Около последней было обнаружено круглое кирпичное сооружение диаметром 2,30 *м*. Внутри него на глубине 3,20 *м* открыт пол, выложенный квадратными глиняными плитами. Под полом находились гипокаусты. Пол поддерживали колонки (рис. 2). Сооружение было заполнено мусором, состоящим из камней, земли, разбитых кирпичей, черепиц и различных каменных и глиняных изделий. Наряду с античными изделиями найдены обломки средневековой керамики.

При поисках остатков западной оборонительной стены сделано несколько шурфов, систематические же раскопки проведены на участках III и V. Полевые работы здесь привели к открытию остатков угловой башни на обрывистом берегу Дуная, а также следов нескольких стен, вероятно относящихся к зданиям около западной оборонительной стены. Из находок следует упомянуть глиняные светильники (рис. 3), ко-

[1] См. К. Маевский. Археологические исследования римского города Нове (Болгария) в 1960 г. СА, 1961, 4, стр. 269.

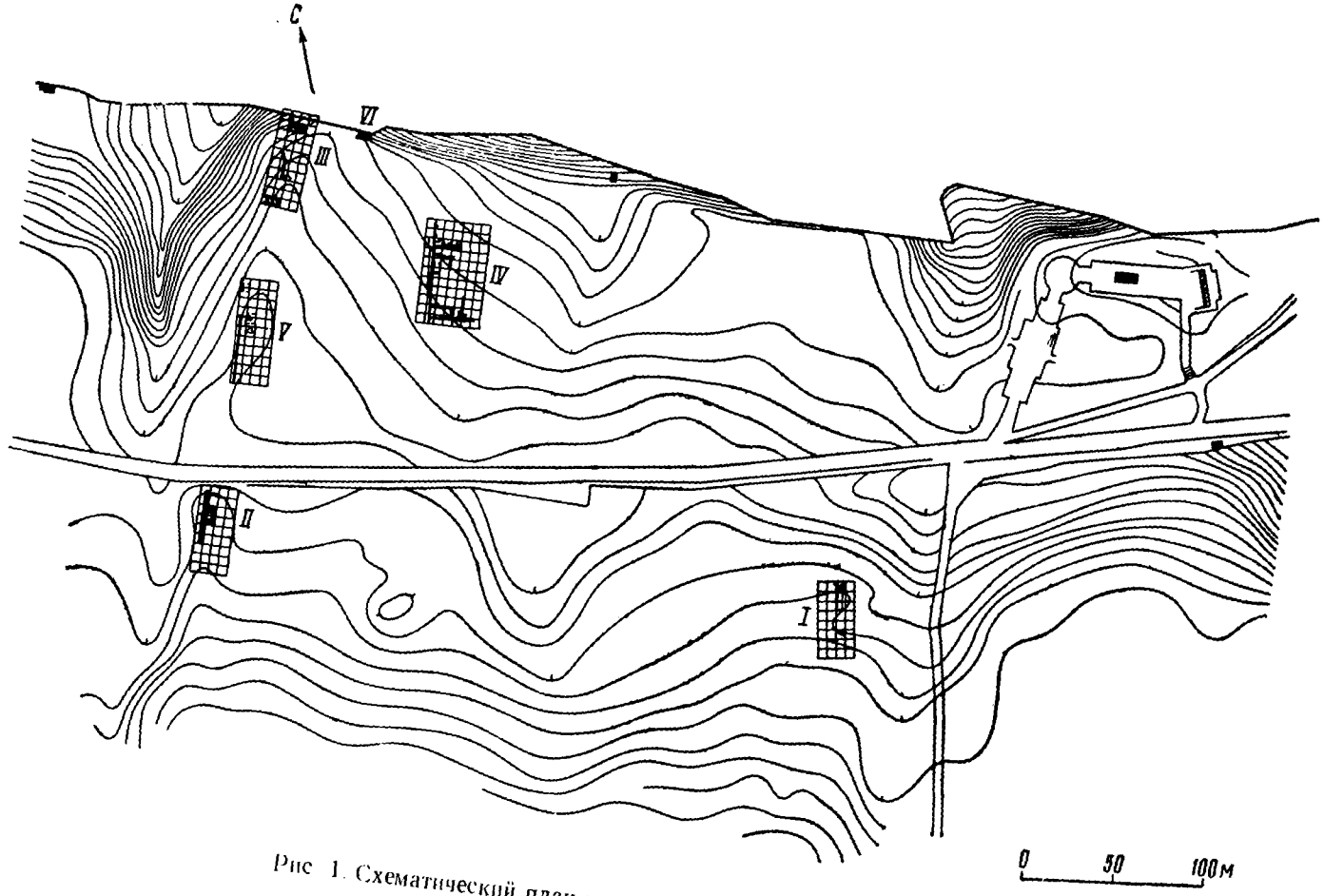


Рис. 1. Схематический план раскопок Нове 1960 и 1961 гг.

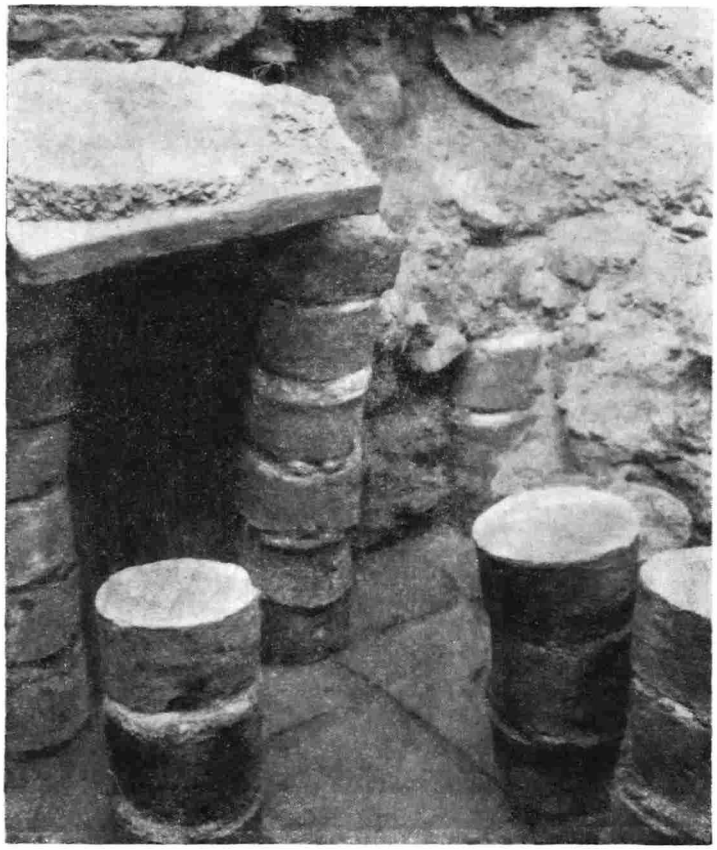


Рис. 2. Гипокаусты, открытые на участке IV

Рис. 3. Глиняный светильник, открытый на участке III

Рис. 4. Обломок мраморного рельефа с изображением Диониса, найденный на участке III

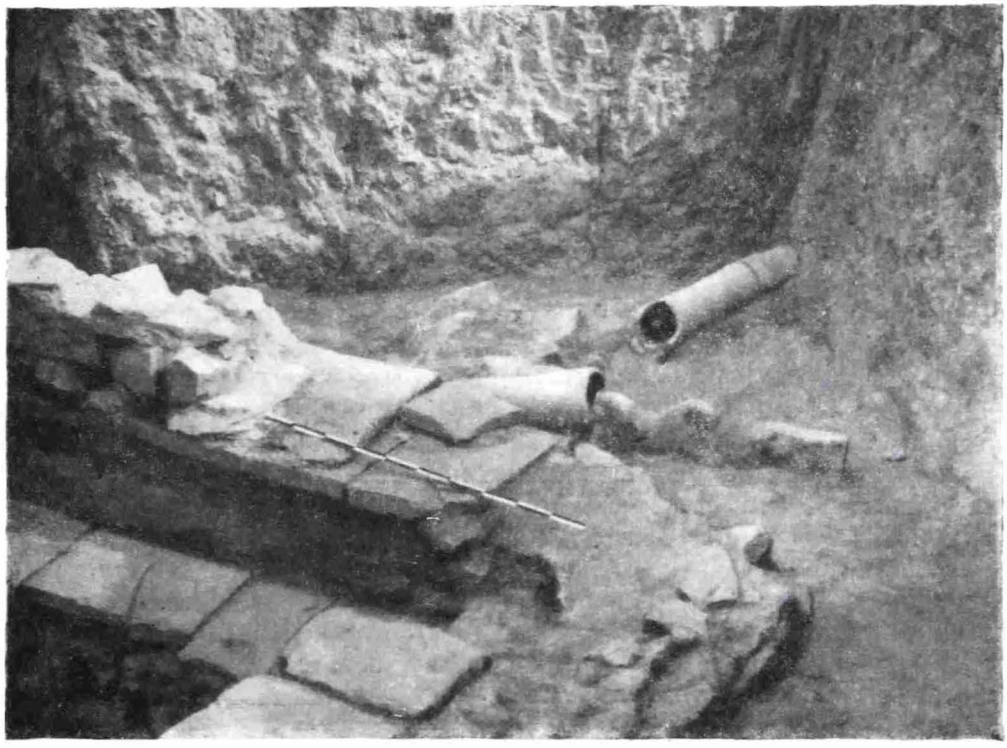


Рис. 5. Водопроводный бассейн, открытый к западу от Нове

стяные и металлические изделия, обломок мраморной плитки с изображением, по-видимому, Диониса (рис. 4).

Обследовалась также трасса римских водопроводов, причем проверены были прежние исследования, проведенные Ст. Стефановым. Предварительные работы имели целью определение линии водопровода от г. Свиштова до Нове. На расстоянии около 120 *м* к западу от Нове, на берегу Дуная, открыты были остатки водопроводного каменного бассейна. Он облицован внутри раствором извести и имеет пол из керамических плит с клеймами LEG I ITAL и две керамические трубы (рис. 5).

При помощи нескольких шурфов была проведена разведка водопроводного канала, пролегающего вдоль р. Дермен. Эти разведочные шурфы позволили установить, что, несмотря на значительные разрушения, еще можно проследить в многочисленных пунктах сохранившиеся до наших дней остатки римского водопровода. При этом необходимо использовать результаты исследований Ст. Стефанова.

Полевые работы польской и болгарской археологических экспедиций 1961 г. согласованы между собой и осуществляют общий многолетний план исследований, имеющий целью вскрыть римский лагерь в Нове.

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ АНТИХРИСТИАНСКОЙ РЕАКЦИИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В IV в. н. э.

Кратковременное пребывание императора Юлиана в качестве августа во главе Римской империи ознаменовалось, как известно, резким проявлением антихристианских тенденций, тогда еще достаточно сильных в различных слоях греко-римского общества. Вдохновителем этих антихристианских выступлений, имевших место преимущественно в восточных провинциях — в Египте (Александрии) и в Сирии (Баальбеке, Аретусе и Бостре) в 361—362 гг. [1], был сам Юлиан, отличавшийся, впрочем, значительной религиозной терпимостью. Выступая против христианской церкви, Юлиан боролся именно с ее конфессиональной исключительностью, стремился ослабить ее как силу, отрицающую и уничтожающую античный гуманизм и его культуру и подрывающую целостность и эффективность государственного организма империи. В своих теологических сочинениях Юлиан прославлял, в противопоставление Христу, солнечное божество, наделенное многими атрибутами христианского бога, но связанное с различными древними солярными культами, такими, как культ иранского Митры, греческого Аполлона, египтизированного Гермеса.

В занимающей нас связи особенно интересен как божество, противопоставлявшееся Христу, именно Гермес — тот Гермес Трисмегист («трижды величайший»), который из эллинистического Египта, где он соединился в религиозных представлениях тамошнего эллинизированного населения с образом древнеегипетского Тота, в качестве бога-первоисточника жизни и пастыря человечества (Ποίμανδρες), распространился в эпоху поздней империи по всей ее территории, вызвав к жизни обшир-

[1] Amm. Marcell. XXII, 5, 2; 11, 3; ср. H. Lietzmann. Geschichte der alten Kirche, III, Berlin, 1953, стр. 267.

ную теологическую и культовую, так называемую «герметическую», литературу [2].

В 1937 г. эпиграфические находки, сделанные в Трире (рис. 1), позволили восстановить очень интересную греческую метрическую надпись, представляющую собой посвящение Гермесу. По ее содержанию, характеру шрифта, определяющему эту надпись как продукцию придворной

Рис. 1. Обломок трирской надписи с посвящением Гермесу

эпиграфической мастерской, восстановитель и исследователь ее Р. Герцог [3], при благожелательной поддержке со стороны многих других ученых [4], приписывает авторство текста надписи самому императору Юлиану, и относит ее к 368 г., т. е. ко времени, непосредственно предшествовавшему провозглашению Юлиана августом [5].

Камень же этот потом осмотрел знаменитейший мастер:
Пояса первой красою ему я велел его сделать,
Золота пастой стеклянной залив остальную поверхность.
Влажною пемзой ему он сверкание придал и этим

[2] Ф. Ф. Зелинский. Гермес трижды величайший. Из жизни идей, III, изд. 2, 1910, стр. 88 сл. При пользовании этой во многих отношениях поныне не утратившей своего значения и написанной в блестящем стиле работой следует помнить, что, по тогдашнему состоянию изученности источников, Ф. Ф. Зелинский не в состоянии был в достаточной мере оценить египетские корни культовых представлений о Гермесе Трисмегисте. Ср. R. Reitzenstein, Poimandres. Studien zur greichisc-ägyptischen und frühchristlichen Literatur. Leipzig, 1922.

[3] R. Herzog. Zwei griechische Gedichte des 4. Jahrhundert aus St. Maximin in Trier. Trier Zeitschrift für Geschichte und Kunst..., 1937, ч. 2, стр. 121 сл.

[4] J. Bidez. La découverte à Trèves d'une inscription en vers grecs sélébrant le dieu Hermès. Annales de l'Ecole des Hautes Etudes de Gand, Gand, 1938, стр. 13 сл., A. Körte. Auf den Spuren Julians in Trier. Die Antike, 14, т. 3, 1938, стр. 252 сл.; O. Kern. Die Religion der Griechen, III, 1938, стр. 268.

[5] Следует оговориться, что прямых доказательств авторства Юлиана в отношении трирской надписи все же не имеется. Она могла быть составлена и кем-либо из его друзей, что, однако, мало меняет дело, поскольку по духу и по стилю она вполне соответствует творчеству Юлиана.

[5] Камня божественный блеск и красу его вызвал наружу,
Всю его мощь показав, как и степень людского искусства.
Благость такую лицу придает аметистовый камень,
Если ты держишь в руке его и на глаза направляешь
Чудо слиянье лучей, чистотою играющих мягкой,
[10] Как лишь Пайония [6] ласка с дыханием вместе Зефира [7].
Камне на том изваял он Гермеса, как тот подымает
Жезл на бессонного стража, с глазами подобными звездам,
Аргуса, держит который по злобному Геры приказу,
Ио, с рогами сестру его, под неусыпною стражей [8] —
[15] По повелению Зевса, тот жезл, умеряющий скорби.
Дар, о блаженный, прими. Призываю тебя, скиптроносца,
Треверов я на цветущих полях, о чудесный целитель [9].

Эта небольшая поэма близка по стилю другим стихам императора Юлиана [10], сочиненным им как раз в годы пребывания его в Галлии. С поэзией Юлиана ее сближает очень большая фактологичность при описании ювелирного мастерства; с тогдашней герметическо-орфической литературой — понимание Гермеса, как солнечного божества, борца со злом и целителя людских бедствий. С чисто археологической точки зрения эта поэма интересна тем, что описывает золотую поясную пряжку, украшенную аметистом и стеклянной пастой в том стиле, который принято называть не совсем правильно «готским» и который возник в позднеэллинистическое время в Причерноморье и распространился сарматогерманскими племенами далеко на запад. Весьма любопытно, что «варварская» эстетика сочеталась у Юлиана с антихристианской (и все же имеющей весьма много точек соприкосновения с христианством) теологией. Поэма достаточно определенно и ярко, наряду с другими произведениями Юлиана, выражает именно те идеи, под флагом которых он вступил в открытую, но неравную и обреченную на поражение борьбу с христианской церковью.

Если в этой борьбе на его стороне были последние представители античной теологии, риторики и поэзии, то в массе носители античной религиозности не проявляли никакой идеологической активности, хотя и прибегали кое-где к резким антихристианским эксцессам. Этот факт весьма симптоматичен для оценки значения этой борьбы и выражает определенную инерцию. Античная культовая эпиграфика прекращается с середины IV в. Тем интереснее сохранившиеся от этого времени немногочисленные нехристианские надписи, подтверждающие силу этой инерции.

В 1954 г. была опубликована новая греческая надпись из Озроэны (Северная Сирия, почти у границ Кавказа), составляющая часть мозаики терм, открытых в комплексе зданий позднеримского времени близ Султан-Тепе (рис. 2). По палеографическим признакам она относится к середине IV в., а по содержанию издатель датирует ее именно годами царствования императора Юлиана [11]. Надпись, исполненная, как и над-

[6] Эпитет солнечного божества — Аполлона.

[7] О магических свойствах драгоценных камней повествует стихотворное произведение из числа так называемых Орфических гимнов, под названием Lithica (Ed. C. Abel Lips., 1881), относящееся также ко второй половине IV в.

[8] Т. е. дочь Зевса и сестру Гермеса Ио, обращенную преследовательницей ее Герой в телку. Ио считалась прародительницей Византа, мифического основателя Византия — Константинополя. Об Аргусе, Ио и Гермесе идет речь в письме императора Юлиана к неоплатонику Ямблиху, подлинность которого, впрочем, иногда оспаривается. (Jul. Epist., 187)

[9] При переводе на русский язык этого, местами несколько туманного, текста я воспользовался переводами и комментариями, имеющимися в названных выше работах Р. Герцога и А. Кёрте.

[10] Juliani epistulae, ed. J. Bidez et F. Cumont, Paris, 1922, стр. 217 сл.

[11] M. R. E. Gough, A Bath Inscription from Osrhoene, JHS, LXXIV, 1954, стр. 179.

шись Юлиана из Трира, в стихах, представляет собой посвящение Пафосской Афродите, нимфам и харитам, упоминает о богине Панакии («Панацее») и весьма интересна как культовый документ эпохи борьбы античной идеологии с христианством:

Пафии строена баня, с ней вместе харитам и нимфам,—
Освободительница от тягот, от мучений и болей,
Вечно дающая радость: а в ней и сама Панакия
Знает жилище свое, чтоб его никогда не покинуть —
Приведена она вновь, разуменьем Исея, в порядок.

Стремление к освобождению от земных тягот и страданий, звучащее в этом посвящении, как и в посвящении императора Юлиана, объединяет эти два произведения в религиозно-идейном отношении. Обращение к Гермесу — θελκτήρ ἀνειῶν у Юлиана перекликается с ἄλκαρ ἀνίης

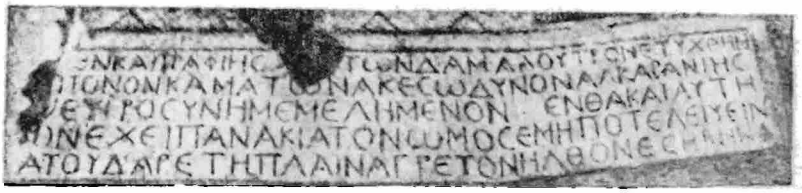


Рис. 2. Надпись на мозаике из Озроэны (Султан-Тепе)

озроэнской надписи и роднит их в стилистическом плане. Обе эти надписи являются продуктом одной и той же антихристианской среды, у них общая идейная позиция и одинаковая фразеология.

Однако еще более интересным, а с точки зрения истории Причерноморских стран и еще более важным эпиграфическим документом, связанным с антихристианскими тенденциями, выраженными в рассмотренных выше стихотворных посвящениях, является греческая надпись на глиняном светильнике, найденном М. М. Трапшем при раскопках в Сухуми в 1954 г. и опубликованном недавно Т. С. Каухчишвили[12]. Светильник, изготовленный из грубоватой, плохо обожженной глины, напоминающей по составу теста синопскую, найден в полной сохранности и датируется раскопщиком соответственно комплексу приблизительно II-III вв. н. э. Однако начертанная на его верхней стороне по сырой глине надпись хотя и исполнена в грубом стиле (рис. 3), но палеографически весьма приближается к рассмотренным ранее надписям середины IV в., что заставляет нас принять эту дату как наиболее вероятную для сухумского светильника. Надпись на нем гласит: πειράσεις/προσκυνεῖ/ν κύριν Ἑρμῆν/Μαρκῦριν/ὑπὲρ σωτη/ρίας «Соверши поклонение всемогущему Гермесу Меркурию о спасении (души)». Эта молитва обращена к Гермесу и совершена по формуле, весьма близкой к вотивным надписям в честь Гермеса Трисмегиста из древнего святилища этого бога в Пселхе (Нубия), в которых также фигурирует προσκύνημα как культовый акт, предполагающий какие-то совершенно определенные действия, включая, видимо, и постановку вотивной стелы [13]. Одна из этих нубийских параллелей настолько знаменательна, что мы приводим ее целиком: Ἀσκληπιάδου

[12] Т. С. Каухчишвили. Греческая надпись на сухумском светильнике. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXVIII, 1957, стр. 227 сл.

[13] H. Dessau. Orientis graecae inscriptiones selectae, I, 1903, N 202—209, стр. 311.

ἱεροδούλου/τὸ προσκύνημα ὧδε/παρὰ τῷ κυρίῳ Ἑρμῇ «Сие молебствие раба божия Асклепиада ко всемогущему Гермесу»[14].

В особенности любопытно и уникально соединение в надписи на сухумском светильнике греческого и латинского имен бога Гермеса. При этом латинское его имя воспроизведено с таким искажением (Μαρκῦριν), что невольно напрашивается сопоставление этого имени с эпитетом μάρτυρος (в смысле ὁ θεός), т. е. «истинный бог»— эпитетом, употребительным в раннехристианской и близкой ему в культовом отношении фразеологии. Наличие этих двух имен на светильнике заставляет предположить в составителе этой молитвы Гермесу лицо хотя и далекое, но вовсе не чуждое латинской культуре. Скорее всего это мог быть кто-либо из состава тех легионов, которые константинопольское правительство держало у границ Кавказа против сасанидского Ирана. Обладателю этого светильника, как и императору Юлиану, Гермес мыслился не только спасителем, но и созидателем, творцом, как солярное божество. Об этом свидетельствуют изображения трех солнечных дисков в лучах, грубо нанесенные между второй и третьей строками надписи. Мы видим, таким образом, что представление о Гермесе-Меркурии у лица, создавшего сухумский светильник, близко соответствовало тому, каким обладал противник христианства на константинопольском престоле — Юлиан, молившийся по словам Аммиана Марцеллина тайно в тишине ночей богу Меркурию[15].

Рис. 3. Надпись на глиняном светильнике из Сухуми

Все это заставляет нас рассматривать надпись на сухумском светильнике как порождение тех же самых антихристианских религиозных устремлений, какие выражены в цитированных нами ранее надписях. Все вместе они отражают события, разыгравшиеся на востоке империи в годы царствования Юлиана. Соответствующие религиозные тенденции имели место в середине IV в. также и в Закавказье, где христианство, признанное официальной религией с начала этого столетия в Армении, а затем вскоре и в Грузии, наталкивалось на сопротивление со стороны как язычески или маздеистски настроенных общественных верхов, так и преданного родовым культам простонародья. В Армении в 60-е и 70-е годы IV в. эта борьба приводила к таким же резким антихристианским эксцессам, как в Египте и в Сирии. Как и в империи при Юлиане, в Армении антихристианские тенденции иногда пользовались поддержкой со стороны царской власти в лице Аршака II, а в особенности его сына Папа (368—374). Судьба и идейная позиция Папа во многом напоминает позицию императора Юлиана.

С именем царя Папа связывается опубликованная в 1908 г. Леманн-Гауптом сильно фрагментированная греческая надпись из Тигранокерты. Она также относится к числу антихристианских документов эпохи, поскольку в ней наряду с упоминанием о «промысле богов» (προνοίᾳ τῶν

[14] H. Dessau. Ук. соч., № 203, стр. 312. Возможность толкования в данном случае выражения ἱεροδούλος в чисто религиозном смысле, как «раб божий» подтверждает G. Cardinali. Note di terminologia epigrafica. Rendiconti di R. Accademia dei Lincei, XVII, 1—3, 1908, стр. 175.

[15] Amm. Marcell, XVI, 5, 5, сл. «...nocte dimidiata semper exsurgens... occulte Mercurio supplicabat, quem mundi velociorem sensum esse motum mentium suscitantem theologicae prodidere doctrinae» «... вставая постоянно среди ночи... он тайно молился Меркурию, которого теологическое учение представляло движущим смыслом мира, побуждающим разум к действию».

θεῶν) говорится и о «царской Тихэ» (Τύχη ἡμετέρα), являющейся объектом почитания с ахеменидского времени в Иране и связанных с ним культурно странах (Каппадокии, Закавказье и Скифии). Выраженные в этой надписи религиозные взгляды ставят царя, от имени которого она составлена, в число противников христианства. Вся группа мобилизованных нами более или менее одновременных эпиграфических документов предстает как очень важный, но еще далеко не достаточно изученный материал, иллюстрирующий сложные и весьма интересные перипетии идеологической борьбы, происходившей во второй половине IV в. н. э. у восточных рубежей Римской империи.

И. Ф. КОВАЛЕВА

ПОГРЕБЕНИЕ IV в. У с. СТАРАЯ ИГРЕНЬ [1]

Весной 1959 г. в Днепропетровский исторический музей был доставлен весьма выразительный комплекс вещей, относящихся к группе предметов с так называемой перегородчатой инкрустацией. Обстоятельства находки и ее характер вырисовываются в следующем виде. Место находки лежит на левом берегу Днепра, в северной части Игренского (Кучугурного) полуострова, в 500 *м* от крайних юго-восточных домов с. Старая Игрень; никаких внешних признаков оно не имеет. Жительница с. Старая Игрень М. И. Иванова нашла публикуемые вещи случайно. В результате в музей было доставлено: 29 полуовальных и прямоугольных штампованных из тонкого золотого листка бляшек, 49 янтарных, две халцедоновых, одна стеклянная золоченая бусина и инкрустированная янтарем в напаянных на ребро перегородках диадема. По свидетельству М. И. Ивановой, тут же были подобраны зубы коня и какие-то кости, что дает право видеть в нашей находке комплекс из разрушенного погребения с конем. Контрольный раскоп, заложенный на месте находки, не дал новых материалов, подтверждающих это предположение. Условия нахождения и состав описываемого комплекса роднит его с такими широко известными находками, как Суджанская находка (Курская обл.) [2] и погребение в Концештах (Молдавия) [3]. Но еще заметнее связь публикуемой находки с комплексами конца IV в. обнаруживается при детальном рассмотрении отдельных ее частей.

Среди описываемых вещей особый интерес представляет диадема, которая по материалу и технике изготовления находит аналогии во многих вещах так называемого «варварского» стиля, датируемых концом IV — началом V в. (рис. 1). Она представляет собой узкую тонкую пластинку длиной 20 *см* и шириной 2 *см*, на концах несколько суживающуюся, в основе бронзовую и обтянутую золотым листком. На лицевой стороне в специальных перегородках, напаянных на бронзовую основу и окруженных филигранью, вставлены плоские пластинки округлой и удлиненно-прямоугольной формы, выполненные из темно-красного, почти бурого, янтаря. Поле, не заполненное инкрустацией, украшено треугольниками из зерни. Края обложены двухрядной сканью из тонкой золотой проволоки. Скань закреплена на пластинке посредством припая. На концах пластинки имеются сквозные отверстия малого диаметра, служившие,

[1] Автор приносит глубокую благодарность М. А. Тихановой за помощь в работе над статьей.

[2] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. ИГАИМК, 112, 1934, стр. 54—56.

[3] L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Berlin, 1929, стр. 123—137 и табл. 36—50; Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя..., стр. 56—57.

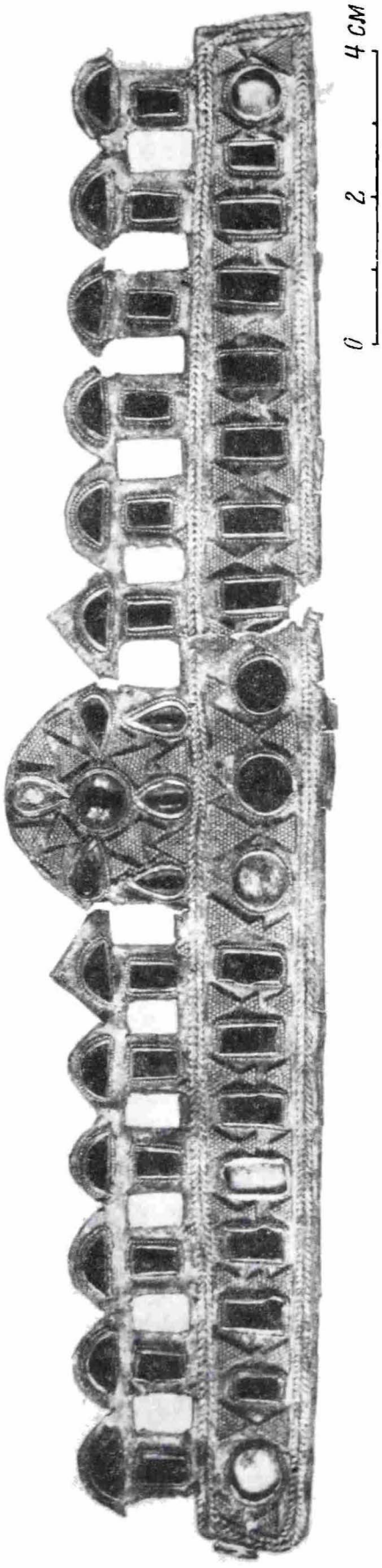


Рис. 1. Диадема из погребения у с. Старая Игрень

очевидно, для соединения диадемы с несохранившейся лентой-завязкой. По верхнему краю диадема украшена зубцами перемежающимися прямоугольными прорезями. Каждый из зубцов, а в нашем венце их 12, представляет собой округленный вверху прямоугольник. Вставки из плоских пластинок янтаря в напаянных гнездах повторяют форму зубцов и обрамлены сканью. В средней части диадемы — «медальон», закругленный в верхней части. В центре его — непрозрачный темно-красный кабошен; он окружен четырьмя такими же камнями-слезками в крестообразно расположенных гнездах. В нижней части медальона, ближе к его краям,— еще два аналогичных камня. Между камнями — симметрично расположенные треугольники из мелкой зерни, сгруппированные в определенном порядке. Оборотная сторона диадемы гладкая, на ней отчетливо видны загнутые края тонкого золотого листка. Белая бронза основы местами разрушена окислами. Сохранность диадемы хорошая, лишь отдельные камни выпали из своих гнезд. Золото высокого качества с малым содержанием примесей.

Ближайшей аналогией нашей диадеме (по технике изготовления, форме и назначению) является находка, сделанная в 1901 г. у хутора Верхне-Яблочное (станица Курмоярская Донской области), состоящая из диадемы и ушных подвесок «колтов» [4]. Диадема, найденная у хутора Верхне-Яблочное, в общем очень близка к нашей, хотя в ней отсутствует центральный медальон и разнятся отдельные детали. Основу ее

[4] ОАК за 1902 г., стр. 126—127, рис. 211—213; ДАК за 1902 г., № 18. Архив ЛОИА АН СССР. Диадема поступила в средневековое отделение Эрмитажа под № 7529; Государственный Эрмитаж. Общий путеводитель, 1, Л., 1940, стр. 43.

также составляет медная пластинка, обтянутая золотым листком, украшенным треугольниками из зерни и сканью, но вставки не плоские, а главным образом кабошены. Подвески представляют собой тонкие овальные пластинки, украшенные по лицевой стороне камнями в напаянных гнездах, треугольниками из зерни и сканью. На оборотной стороне зернью изображено дерево и животные около него. Пластинки эти окаймлены как бы бахромою из бус, украшенных крупной зернью. В деле Археологической комиссии упоминаются также «золотые листья... как видно от венца», которые можно сопоставить с овальными штампованными украшениями из Старой Игрени, о назначении которых речь будет идти ниже.

Второй, несколько более отдаленной аналогией, однако территориально близкой, является находка из разрушенного погребения вблизи Алёшек [5]. В одном из архивных документов Археологической комиссии 1902 г. говорится, что крестьянином г. Алёшки К. И. Уваровым при рытье ям под деревья найдены человеческий и конский черепа и какие-то вещи из «желтого сплава», в том числе два полукруга с вставленными в них камнями [6]. Полукруглая бронзовая в основе пластинка обтянута золотым листком и богато украшена красными камнями — сердоликами и янтарем в напаянных на ребро перегородках, разделенных треугольниками из зерни и жгутиками скани. Здесь же была найдена золотая ушная подвеска («колт»), инкрустированная янтарем, очень близкая по форме и декорировке ранее описанной подвеске из хутора Верхне-Яблочное. Характерно, что не только нагрудное украшение из Алёшек находит себе аналогии в старогигренской диадеме, но очень близка публикуемым и найденная несколько позже в том же месте янтарная бусина. Наконец, в качестве не менее близкой аналогии может быть названа диадема, найденная в 1910 г. на берегу р. Корушана в Бердянском уезде Таврической губ. [7]. В настоящее время находка утеряна, но, судя по описанию, эта была «золотая диадема, набитая на бронзовой пластинке, с восемью зубцами и 42 разной величины каменьями, сердоликами и альмандинами» [8]. Диадема найдена в комплексе, происходящем из разрушенного погребения, в составе которого были такие хорошо датируемые вещи, как золотая фибула, «украшенная вокруг золотой отделкой наподобие лучей семью круглыми гнездами для каменьев, из коих налицо имеется три», ушная подвеска «колт», инкрустированная сердцевидными плоскими сердоликами в напаянных перегородках, массивная золотая шейная гривна с замком «коробкою», несколько янтарных и одна стеклянная золоченая бусина. Приведенные нами вещи объединяются общностью стиля и техники и должны быть отнесены к одному времени и единому производственному центру, который следует искать в Черноморском сармато-аланском мире, где те же приемы декорировки появляются еще на рубеже нашей эры. Так, наиболее ранний из известных образцов перегородчатой инкрустации — золотой флакончик с перегородчатой инкрустацией I в. из кургана у хутора Хохлач (так называемый Новочеркасский клад) [9], целиком принадлежит сарматскому миру.

Но если для причерноморской полихромии периода, предшествующего IV в., характерны вставки отдельных преимущественно выпуклых камней, а красный и зеленый цвета вставок имеют равноценное значение [10], то в поделках, датируемых концом IV в., преобладающим цветом стано-

[5] ОАК за 1902 г., стр. 132, 133, рис. 228, 229.

[6] ДАК за 1902 г., № 95. Архив ЛОИА АН СССР. Вещи из разрушенного погребения поступили в средневековое отделение Эрмитажа под № 7537.

[7] Рукописный каталог Екатеринославского музея А. Н. Поля. Древности скифо-сарматские, 1910, стр. 82. Хранится в архиве Днепропетровского музея.

[8] Там же, стр. 82. Диадема поступила в Днепропетровский музей под инв. № 381.

[9] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, III, СПб., 1890, стр. 139—140.

[10] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 37—41; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 425—427 и 477.

вится красный и исчезает чекан, уступая место скани. Скань служит узором в сплошной плоскостной орнаментации предмета. Такие находки, как рукоять кинжала и ножны меча из могил на Госпитальной улице [11], и другие знаменитые находки в этом некрополе, а также гривны Петросского клада [12], фибулы из Надь Михаль (Венгрия) [13], дают возможность определить время появления собственно перегородчатой инкрустации концом IV в. и лишь для немногих комплексов южной и центральной Европы, в которых есть гуннские элементы, с некоторым запозданием. Предложенная в 20-х годах нашего столетия Л. А. Мацулевичем, эта дата признается с небольшими иногда поправками и сейчас.

Итак, все сказанное позволяет думать, что перед нами вещи, созданные в конце IV в. или на рубеже IV—V вв. мастером в одной из северочерноморских мастерских, вероятнее всего боспорской. Это было время «переселения народов» и время эволюции старых художественных вкусов. Что касается других вещей, входящих в состав находки у с. Старая Игрень, то они достаточно типичны и не противоречат предложенной датировке. Янтарь округло-плоских бус типичен для IV—V вв. и отличается от желтого и прозрачного янтаря римского времени [14]. Поверхность староигреньских бус покрыта плотной матовой патиной, янтарь темно-бурый, непрозрачный, с трещинами и крошится при легком нажиме. Начиная с IV—V вв., когда янтарь становится материалом, наиболее употребительным в ювелирных поделках, на смену привозному прибалтийскому приходит местный восточноевропейский янтарь. Не исключена возможность, что янтарь добывался и на Днепре, так как история сохранила нам немало свидетельств существования янтарного промысла на Нижнем Днепре. В XXXVII книге Historiae Naturalis Плиний Старший приводит рассказ грека Филимона о янтаре, привозимом из Скифии, с берегов Борисфена, и имевшем специальное название субалтерник [15]. И в дальнейшем янтарь находили по всему левому берегу Днепра в районе порогов и в нижнем течении, у современного города Берислава [16].

В янтарных бусах из погребения у с. Старая Игрень мы видим продолжение линии развития бус позднеримской эпохи. Округло-плоские, со сквозным отверстием большого диаметра, они находят себе аналогии как в находках самой Керчи, так и в могильниках Северного Кавказа — Чми, Кудинетово [17] и др. Восемь аналогичных бус были найдены на р. Корушане в комплексе конца IV в. [18]. Халцедоновые бусы составляют в памятниках IV—V вв. незначительный процент. Среди них преобладают крупные боченкообразные, именно того типа, с которым мы встречаемся в публикуемом комплексе. Ближайшие аналогии найденным у Старой Игрени бусам происходят из могильников Кавказа — Байтал-Чапкан [19] и др. Как уже говорилось, в разрушенном погребении в Алёшках была также найдена крупная халцедоновая бусина.

Стеклянная позолоченная бусина найдена одна. Она круглой, несколько сплюснутой с полюсов формы и отличается высокой техникой изготовления, характерной для бус с золотой прокладкой IV —

[11] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 35—36, табл. III; ср. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. ИАК, 25, 1907, стр. 34.

[12] A. Odobesko. Le trésor de Petrossa, I, Paris, 1889—1900.

[13] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 38.

[14] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность сотрудникам кафедры минералогии Днепропетровского горного ин-та им. Артема, проводившим исследование янтаря бус и вставок диадемы.

[15] Plin. NH, XXXVII, 31, стр. 213.

[16] Д. І. Еварницкий. Дніпрові пороги. Харків, 1928, стр. 32—33.

[17] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА. 1959, № 3, стр. 49.

[18] Рукописный каталог музея А. Н. Поля, стр. 82, инв. № 385, 1—8.

[19] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, 2—3, Ставрополь, 1950, рис. 4, *а*.

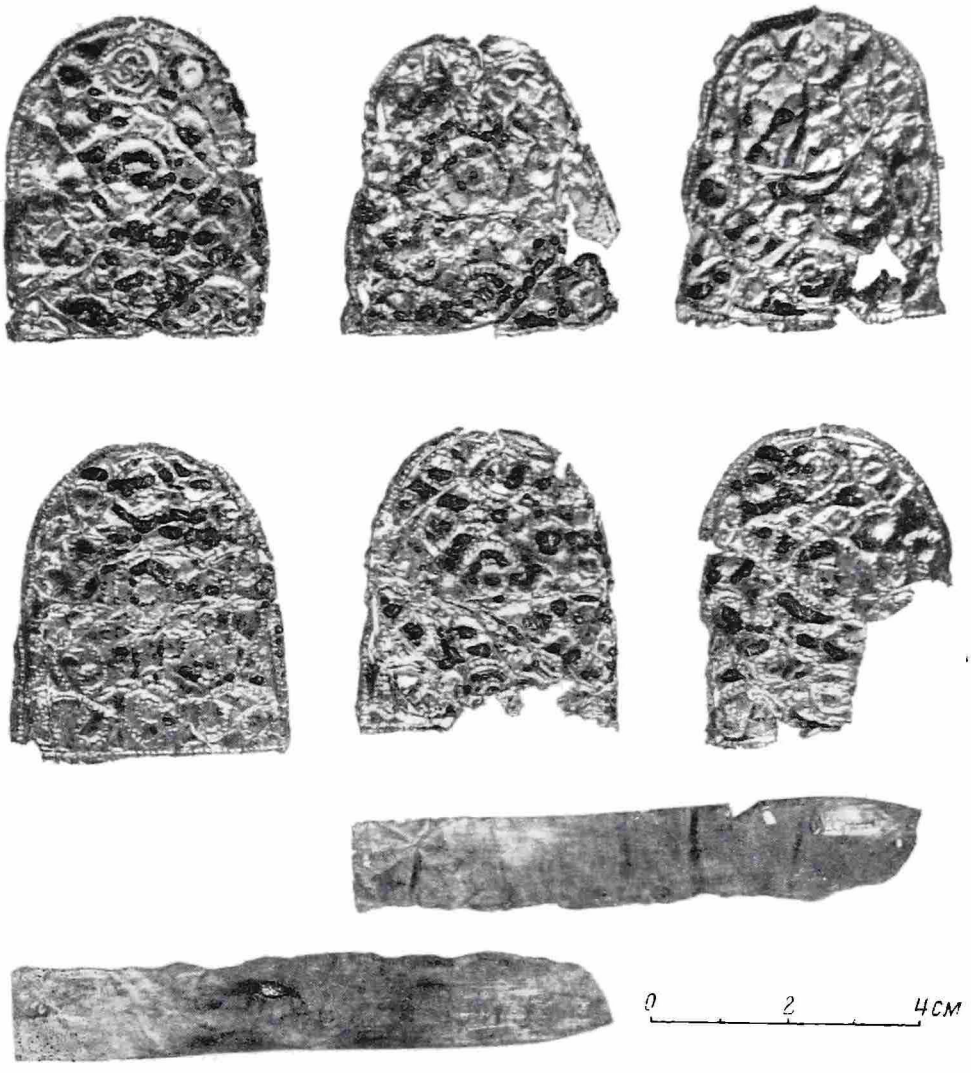


Рис. 2. Золотые бляшки и накладки из погребения у с. Старая Игрень

V вв. К этому времени техника изготовления бус с металлической прокладкой, впервые освоенная в Александрии еще в III—II вв. до н. э.[20], сводилась к тому, что на основу из прозрачного бесцветного стекла накладывался золотой листок, затем бусина покрывалась тонким слоем (1 *мм*) бесцветного стекла. Отличное качество стекла, яркое золото нашей бусины говорят в пользу ее привозного происхождения, вероятнее всего из Сирии[21]. Аналогии ей находим во многих памятниках первой половины I тысячелетия н. э., например в упоминавшемся выше комплексе из разрушенного погребения на берегу р. Корушана[22].

В составе описываемого комплекса 29 штампованных из тонкого золотого листа бляшек с проколотыми по краям дырочками для крепления к какому-то предмету (рис. 2, *I—VI*). Среди них можно выделить три основных типа: а) полуовальные бляшки, поверхность которых сплошь покрыта узором, представляющим собой различное комбинационное сочетание кругов и восьмерок. Узор наносился мелкозубчатым штампом, оставившим на оборотной стороне тонкого золотого листка выпуклины,

[20] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 55.
[21] Там же.
[22] Рукописный каталог музея А. Н. Поля, стр. 82, инв. 386.

имитирующие зернь. В большинстве случаев края бляшек загнуты внутрь, возможно на какую-то несохранившуюся подкладку. По краям бляшек симметрично расположены отверстия малого диаметра; на отдельных бляшках их шесть, на других восемь. Средние размеры полуовальных бляшек 5,5 × 4 *см*. Общее количество — 12 шт.; б) узкие гладкие бляшки — полосы длиной 7,5 *см* шириной 2 *см* — отличаются от полуовальных бляшек не только формой и отсутствием узора, но и фактурой. Золотой листок, из которого они сделаны, толще и плотнее материала блях типа «а». Края полос ровные, не загнутые, отверстий два. Они располагаются по одному на концах полос. Таких блях шесть, из них две в мелких фрагментах; в) прямоугольные широкие бляхи из очень тонкого золотого листка плохой сохранности. Поступили в музей в скомканном виде, многие в обрывках, так что восстановить первоначальную форму не всегда удается. Очевидно, они составляли обкладку какого-то предмета. Средние размеры 8 × 5,5 *см*. Общее количество 11 шт. В отношении угренских бляшек возможно двоякое предположение: или они были нашиты на одежду, или составляли обкладку каких-то предметов, возможно парадного оружия. Аналогии подобным нашивным бляхам известны во многих местах — в Концештах (Молдавия) [23], в Нижней Добринке (Саратовская обл.) [24], в Печюсог (Венгрия) [25] и других местах.

Итак, перед нами комплекс вещей, по-видимому, из богатого погребения варварского князя конца IV в. Вещи изготовлены в одном из ремесленных центров Северного Причерноморья, скорее всего в Боспоре.

[23] L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike, стр. 130, рис. 39; A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnishe Sonderung. Archaelogia Hunharika, IX. Budapest, 1932, табл. XX, *a*, *b*.

[24] A. Alföldi. Ук. соч., табл. IV, *1—3*.

[25] A. Alföldi. Ук. соч., табл. XXIII, *3*.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

АМФОРА С НАДПИСЬЮ ИЗ НОВОГРУДКА

Среди керамических материалов Окольного города древнего Новогрудка Гродненской обл. БССР значительное место занимают фрагменты амфор-корчаг [1]. Они встречаются главным образом среди развала жилищ, представляющих большие дерево-глинобитные или срубные постройки [2], и в небольшом количестве в культурном слое на всей площади раскопа.

В 1958 г. в остатках постройки № 3 было обнаружено 88 обломков одной амфоры, из которых на трех оказались древнерусские буквы. Все фрагменты найдены среди развала мелких кусков обожженной глины, представляющих, по-видимому, остатки глинобитной печи. Развал имел удлиненную форму и в середине выше, чем по краям. На некоторых кусках глины видны отпечатки дерева, служившего, вероятно, каркасом печи. Под завалом глины, а также к северу и западу от нее, обнаружен

[1] Раскопками Новогрудка, которые ведутся с 1956 г., руководит Ф. Д. Гуревич. См. Ф. Д. Гуревич. Славяно-литовский отряд Прибалтийской экспедиции. КСИИМК, 79, 1960, стр. 95—96; его же. Об Окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 241—252.

[2] Ф. Д. Гуревич. О жилищах Окольного города древнего Новогрудка. КСИА, 87, 1962.

жирный угольный слой толщиной в 2—3 *см*. Он представляет собой остатки сгоревшего пола постройки, лежащей на глубине 0,8 *м* от современной поверхности [3].

Обломки амфоры найдены как непосредственно на развале печи, так и среди кусков обожженной глины. Лишь некоторые из них обнаружены рядом с развалом. Вероятно, амфора стояла около печи и во время пожара упала на нее. Обращает на себя внимание то, что все фрагменты (за исключением одного) серого и даже почти черного цвета, что является результатом сильного обжига. Обломки других амфор, найденные при раскопках Новогрудка, красные или оранжевые [4]. Из найденных обломков амфоры удалось получить почти полный профиль сосуда. Не хватает лишь верхней части горла и ручек, от одной из которых видны основания. Благодаря наличию в Новогрудке подобных амфор с полным профилем недостающие части можно реконструировать (рис. 1). Амфора относится к грушевидным тонкостенным сосудам с сильно расширяющимся кверху туловом, низким горлом и поднятыми над ним дуговидными ручками [5]. Верхнее основание ручек таких амфор — у горла, а нижнее — чуть выше наиболее широкой части тулова. Высота новогрудской амфоры без ручек — 53 *см*, наибольший диаметр — 44 *см*. Амфора сделана из хорошо отмученной глины, без каких-либо примесей. Изломы ровные. Верхняя часть сосуда покрыта рифлением, которое опускается до нижнего основания ручек. Углубления в придонной части и на дне отражают технику изготовления сосуда [6]. Аналогичные амфоры хорошо известны в XII—XIII вв. в Северном Причерноморье (Херсонес, Балаклава [7], Эски-Кермен [8]), на Нижнем Дону (Азов [9], Кобяково городище [10], а также в городах древней Руси — Киеве, Воине, Райках, Ковшарове [11] и др. Таким образом, на основании формы новогрудскую амфору можно датировать XII—XIII вв.

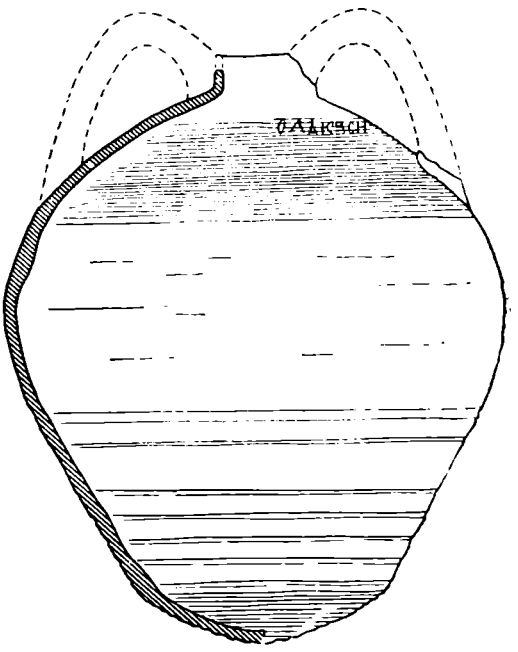


Рис. 1. Амфора с надписью из Новогрудка

[3] Ф. Д. Гуревич. Отчет Славяно-литовского отряда за 1958 г., лист 17. Архив ИИ АН БССР.

[4] Такую же картину наблюдал Н. И. Репников во время раскопок жилых комплексов XII—XIII вв. на городище Эски-Кермен. Обломки амфор, найденные в сооружении, погибшем от пожара, были серыми; фрагменты, обнаруженные в других помещениях,— красными. Н. И. Репников предполагает, что серыми они стали в результате окислительного процесса, происходящего во время пожара. См. Н. И. Репников. Городище Эски-Кермен. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.-Л., 1941, стр. 279.

[5] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 340.

[6] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, 131, 1935, стр. 70—71; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) МИА, 17, 1950, стр. 107.

[7] А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 11, *37*, *38*.

[8] Н. И. Репников. Ук. соч., стр. 281, табл. XLIV, 2.

[9] А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 11, *39*.

[10] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 107, рис. 43.

[11] А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.). ВВ, XIV, 1958, стр. 123.

Рис. 2. Надпись на амфоре из Новогрудка

При склейке амфоры полностью составилась и надпись (рис. 2). Она процарапана острым инструментом по обожженному сосуду и состоит из одного слова «олѣкъсн», обозначающего, по-видимому, имя владельца (Алексий) [12]. Надпись безусловно не имеет продолжения. Однако и перед словом «олѣкъсн» не было никакого другого, так как расстояние между буквой «о» и краем черепка значительно больше, чем интервалы между буквами, а промежутки между словами в то время, как известно, отсутствовали. По геометрическому стилю письма и симметричности отдельных букв надпись характерна для устава XI—XII вв.: «о» и «с» с заостренными концами, симметричные «л» и «к», «и» с горизонтальной перекладиной, «ѣ» и «ъ» с треугольными петлями. К тому же мачта «ѣ» чуть выходит за пределы верха строки, а коромысло (очень слабо выраженное) находится на ее уровне, что является признаком XII в. [13] Наличие у буквы «л» наверху, справа крючка (если он не случайный), выражающего сильное смягчение этого звука, характерно лишь для XI и первой половины XII в. [14] Данные фонетики также не позволяют отнести надпись ко времени, более позднему, чем XII век. Об этом свидетельствует употребление «ъ» там, где в XIII в. его стали заменять буквой «о» или опускать вовсе (например: сънъ — сонъ, лъожь — ложь, мъногъ — многъ) [15].

Сопоставление надписи на новогрудской амфоре с некоторыми другими надписями, сделанными тем же способом, т. е. острием по твердому материалу, что в известной степени определяет почерк, склоняет к датировке новогрудской надписи первой половиной XII в. По начертанию букв она очень сходна, например, с надписями на корчаге из Пинска [16],

[12] В древнерусских летописях встречаются различные варианты написания имени Алексей в именительном падеже: Олекса, Олькса, Алексии, Олексие и др. Судя по ним, в Новогрудской надписи не дописана последняя буква: е или и.

[13] И. С. Чаев, Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946, стр. 136—137.

[14] Там же, стр. 138.

[15] А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1902, стр. 24—25.

[16] Т. В. Равдина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, 70, 1957, стр. 150—153.

на каменном крестике Пирова селища Владимирской области [17], относящемся к концу XI — началу XII в., а также с надписью на амфоре из Старой Рязани, датированной концом XI — первой половиной XII в. [18]

Датировку надписи первой половиной XII в. подтверждает и сопоставление ее с некоторыми новгородскими грамотами, например с грамотой № 8 от Гостяты к Василью [19]. На основании начертания букв Л. П. Жуковская относит эту грамоту к XI или первой половине XII в. [20] Все буквы, входящие в надпись на новогрудской амфоре, написаны точно так же, особенно «ѣ» и «ъ», имеющие симметричные петли, что в обоих случаях достигается наклоном мачты вправо. Исключение представляет лишь буква «л», которая в грамоте № 9 имеет покрытие. Фонетический анализ новгородской грамоты, проделанный Р. И. Аванесовым, позволил ему отнести ее «к XII в. и, возможно, к его первой половине» [21].

Таким образом, если форма амфоры не позволяет датировать ее временем более ранним, чем XII век, то анализ надписи исключает XIII век и даже вторую половину XII в., оставляя первую. Датировке амфоры первой половиной XII в. не противоречат стратиграфические данные и сопровождаемый материал. Непосредственно на сгоревшем полу к северу и западу от печи, а также в слое гумуса над ним обнаружены вещи, позволяющие судить о времени существования постройки. Это — обломки керамики XII—XIII вв. и в том числе фрагменты аналогичной амфоры, шиферное пряслице, стеклянные браслеты и перстни, бронзовый пластинчатый незамкнутый перстень XI—XIII вв. и синяя стеклянная битрапециоидная бусина; в Новгороде они относятся к XII в. [22] Судя по тому, что в культурном слое, лежащем ниже уровня сгоревшего пола, были найдены вещи лишь X—XI вв., правильнее всего отнести жилище к первой половине XII в. и этим временем датировать нашу амфору с подписью.

Как известно, находке новогрудской амфоры с надписью предшествовало шесть других находок фрагментов корчаг с древнерусскими надписями [23]. В отличие от новогрудской надписи, заключающей лишь имя владельца, остальные так или иначе говорят о содержимом сосуда — вине, масле, нефти [24] (или горчице) [25] и только пинская упоминает имя владельца. Новогрудская надпись интересна и тем, что является второй после гнездовской, обнаруженной не на обломке сосуда, а на амфоре определенного типа.

---

[17] В. В. Седов. Каменный крестик с надписью из Пирова селища. СА, 1959, № 1, стр. 275—277.

[18] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 187, рис. 145.

[19] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 40—42 и табл.

[20] Л. П. Жуковская. Палеография. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ Новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 54.

[21] Р. И. Аванесов. Фонетика. Там же, стр. 81.

[22] Ю. А. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода, МИА, 55, 1956, стр. 169—170.

[23] Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—323.

[24] Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 226—230.

[25] Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, 1950, № 4, стр. 77—79, рис. 3,4.

С. Н. ОРЛОВ

ДОЩЕЧКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА ИЗ НОВГОРОДА

К числу особых находок, которые собраны нами в Новгороде в древних культурных отложениях при наблюдении за земляными работами, относится деревянная дощечка с изображением бюста человека.

Дощечка найдена на Торговой стороне в отвале котлована на юго-западном углу улиц Кировской и 1-е Мая, около древней Ильиной улицы.

Рис. 1. Изображение человека на дощечке (прорисовка)

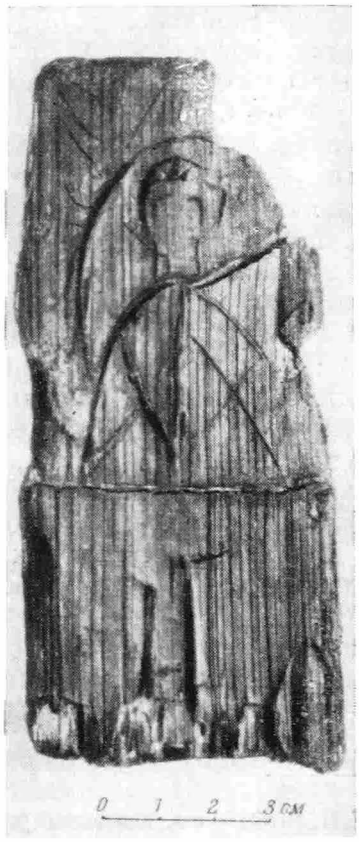


Рис. 2. Фотография дощечки с изображением человека

Дощечка залегала в слое темно-коричневого перегноя с органическими остатками, который был извлечен из котлована с глубины 4—4,5 *м* от поверхности[1]. Длина дощечки 12,1 *см*, ширина 5,1 *см* и толщина 0,9 *см*. Древесина принадлежит к плотной лиственной породе и хорошо сохранилась при высыхании[2].

Изображение бюста человека нанесено на половине одной плоской стороны дощечки техникой гравировки (рис. 1). Снизу изображение отделено поперечной чертой. Изображение выполнено простыми и скупыми средствами, но довольно выразительно. Одной полукруглой линией изображен контур головы, посаженной на толстую шею. На лицевой части прорезаны только глаза. Овал плеч изображен также одной ли-

[1] Общая толщина культурного слоя на этом участке города достигает 8 *м*.

[2] Дощечка хранится в учебном музее Новгородского пединститута.

нией. Одежды отражены двумя крестообразными фигурами, нанесенными на груди. Над головой, начиная от плеч, проведена полуовальная линия, напоминающая нимб на иконе (рис. 2). По глубине залегания в культурном слое дощечку можно датировать временем XI—XII вв.

Нам представляется, что изображение на дощечке служило в качестве самодельной иконы. Владелец этой иконы, очевидно, еще не проводил особой разницы между изображениями богов новой, христианской религии и старой, дохристианской. Следовательно, здесь имеется пример, когда изображения новых божеств используются как идолы или амулеты старых религиозных представлений.

В. И. СПИЦЫН, А. В. АРЦИХОВСКИЙ, М. П. ГЛАЗУНОВ, П. Н. КОДОЧИГОВ, Ю. Л. ЩАПОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ ГРУНТА НОВГОРОДСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК РАДИОАКТИВАЦИОННЫМ МЕТОДОМ

В разрезах грунта новгородских археологических раскопок обнаруживаются иногда прослойки синего вещества, в составе которого предполагались медь, молибден или другие редкие элементы. Налетом синего цвета покрываются на воздухе все предметы, извлеченные из новгородского культурного слоя. Такие же поверхностные образования на неочищенных археологических предметах встречаются в Смоленске, Пскове, Белоозере и других северных русских городах. Замечательной особенностью культурного слоя этих городов является хорошая сохранность древесины. Возникает вопрос: не связаны ли между собой сохранность древесины и наличие синего налета, наблюдаемого на поверхности предметов культурного слоя?

Для определения состава образований синего цвета и сопровождающих их грунтов нами был применен радиоактивационный метод анализа, основанный на облучении образца потоком нейтронов в урановом реакторе. Различные элементы, в зависимости от способности их атомных ядер захватывать нейтроны, превращаются в той или иной степени в радиоактивные изотопы. Последние, в свою очередь, различаются по энергии излучения и периоду полураспада.

Химическая форма, в которой находится облучаемый нейтронами элемент, не имеет значения. Таким образом, образец, исследуемый методом радиоактивационного анализа, не требуется предварительно подвергать химической обработке. Небольшие археологические находки в случае необходимости могут подвергаться облучению в реакторе целиком, без их предварительного разрушения. Идентификация образовавшихся радиоактивных изотопов также может производиться без каких-либо химических операций, только при помощи физических методов, с использованием соответствующей радиометрической аппаратуры.

Следует отметить, что значительно распространенные элементы — углерод и водород — не активируются нейтронами, а радиоактивные изотопы кислорода и кремния являются очень коротко живущими.

Метод радиоактивационного анализа может быть применен для исследования состава древних сплавов, красок, глазурей и тому подобных материалов. Этот метод исследования находит все более широкое применение в различных областях науки, что объясняется его высокой чувствительностью при определении ряда элементов — кобальта, железа, хрома, молибдена, вольфрама, натрия, калия, фосфора и др. По этой причи-

не для исследования можно брать очень малые навески образцов — десятые и сотые доли грамма. Принципы радиоактивационного метода подробно описаны в ряде работ[1], поэтому мы не будем подробно останавливаться на их изложении.

В настоящей работе активация нейтронами использовалась для качественной и количественной оценки содержания элементов в отдельных видах грунтов новгородских раскопок. Были облучены образцы грунта, взятые на XXX раскопе на уровне 18-го яруса.

Экспериментальная часть

Для облучения было приготовлено два образца грунта: первый, состоящий из порошка синего цвета (обозначается далее «синь»), перед запаиванием в кварцевую ампулу очищался от примеси грубых частиц грунта; второй являлся собственно грунтом. Навески сини и грунта были, соответственно, равны 0,627 и 2,700 *г*.

Указанные образцы, одновременно с препаратами некоторых элементов, присутствие которых можно было предполагать в исследуемых объектах (Co, Fe_2O_3, Cu, MoO_3, NaCl, KCl), облучались в течение 40 *ч* потоком медленных нейтронов интенсивностью $8{,}7 \cdot 10^{12}/см^2 сек$.

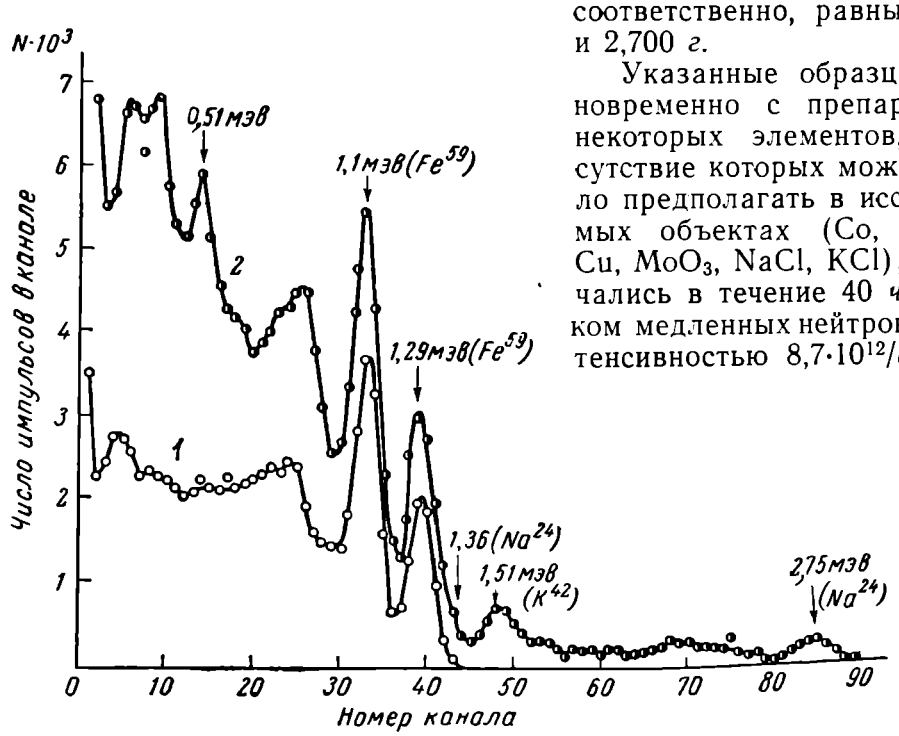


Рис. 1. γ-спектры железа (*1*) и сини (*2*), снятые через четыре дня после окончания облучения

Исследование β- и γ-спектров образцов грунта и контрольных навесок было проведено через четыре дня и затем через месяц после конца облучения. Измерения производились на сцинтилляционном однокристальном β-, γ-спектрометре со 100-канальным анализатором АИ-100-1. Разрешающая способность спектрометра для γ-излучения составляла 9% по γ-линии цезия — 137, а для β-излучения около 13%. В качестве датчиков использовались монокристаллы: йодистый натрий, активированный таллием размером 40 × 40 *мм*, и антрацен размером 20 × 5 *мм*.

На рис. 1 и 2 показаны γ-спектры сини, снятые через четыре дня после окончания облучения и через месяц. На этих же рисунках приводятся для сравнения γ-спектры железа — 59. Можно видеть, что спектры, снятые в различное время, отличаются друг от друга. В спектре рис. 1 имеются γ-линии, относящиеся к коротко живущим изотопам — нат-

[1] Г. Бойд. Активационный анализ. Пер. с англ. Журн. «Успехи физических наук», 1950, т. 40, вып. 3, стр. 440; Тр. Второй Международной конференции по мирному использованию атомной энергии, Женева, т. 4, 1959, стр. 280.

рию — 24 и калию — 42, и γ-линии, относящиеся к излучению железа — 59. В спектре рис. 2 остались γ-линии, которые можно отнести только к излучению железа. Путем сравнения интенсивности излучения от известной навески железа, облученной вместе с синью, можно было рассчитать количество железа в исследуемом образце. Оно оказалось равным 26%.

Для измерения удельной активности, а также изучения β-спектра сини последняя после облучения была обработана разбавленной азотной кислотой и раствор отфильтрован от нерастворимого остатка. Раствор наносили на тонкую алюминиевую подложку и высушивали под инфракрасной лампой. β-Спектр сини в координатах Кюри — Ферми показан на рис. 3. Из графика видно, что излучение состоит из трех компонентов. Первые два с граничной энергией 0,27 и 0,46 *Мэв* относятся к β-излучению железа — 59, а последний, наиболее интенсивный, с граничной энергией 1,7 *Мэв*,— к фосфору — 32, причем β-излучение железа составляет около 4% излучения фосфора. Измерение скорости уменьшения активности порошка сини дало период полураспада 14,4 дня, что подтвердило наличие в ней фосфора — 32, имеющего период полураспада, равный 14,3 дня.

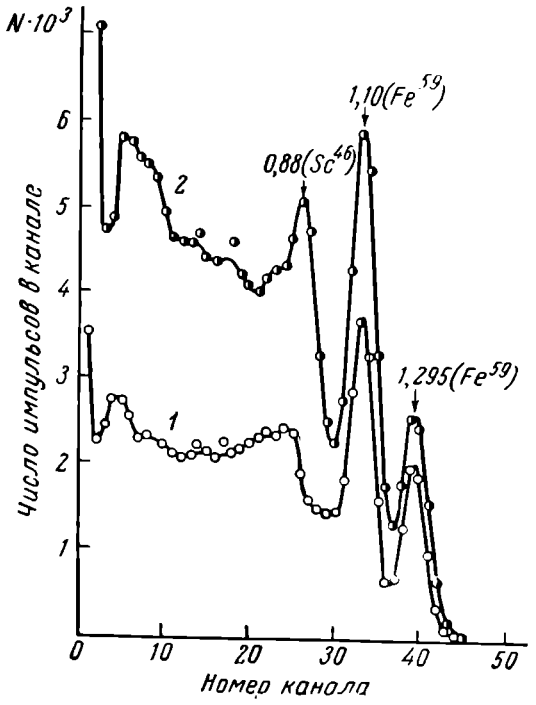


Рис. 2. γ-спектры железа (*1*) и сини(*2*), снятые через месяц после облучения

Удельная активность сини измерялась на газопроточном счетчике с 4π-геометрией. Эффективность счетчика к β-излучению была практически равной 100%. Зная активность сини, приходящуюся на фосфор, период полураспада фосфора — 32 и интенсивность потока нейтронов уранового реактора, можно определить количество фосфора, содержащегося в сини. Расчеты показали, что в исследуемом образце имеется 6,4% фосфора.

На основании этих данных можно с уверенностью сказать, что представленный на исследование образец новгородских раскопок пред-

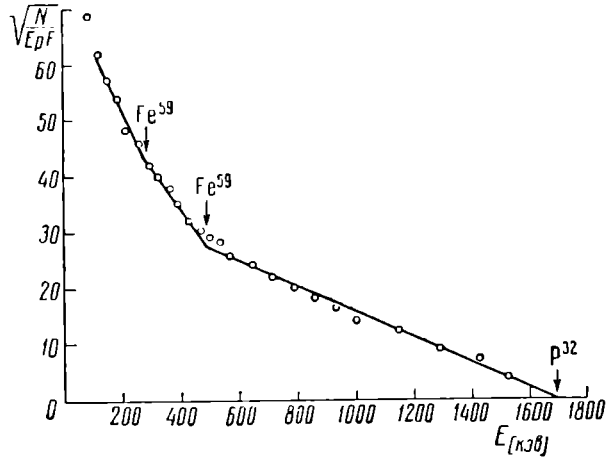


Рис. 3. β-спектр сини

$\sqrt{\frac{N}{EpF}}$: N —число импульсов в канале; E — полная энергия электрона; p—его импульс: F — функция, учитывающая влияние на β-спектр кулоновского поля ядра

ставляет собой фосфат железа, известный в виде минерала вивианита. Его химическая формула: $Fe_3(PO_4)_2 \cdot 8H_2O$. Содержание железа и фосфора в вивианите равно 34 и 12%, соответственно. В нашем образце найдено методом радиоактивационного анализа железа 26%, фосфора 6,4%.

Учитывая, что в образце могли быть примеси обычного грунта, можно считать результаты измерения вполне удовлетворительными.

Интересно отметить, что, кроме указанных выше элементов, в сини обнаружена примесь редкого элемента скандия.

Исследование грунта показало, что, кроме элементов, присутствующих в сини, в нем также содержится скандий, образующий радиоактивный изотоп Sc^{46}. На рис. 4 приведен γ-спектр грунта и, для сравнения, γ-спектр железа — 59, снятые через месяц после конца облучения. Как видно из графика, в грунте присутствуют элементы, излучающие γ-линии с энергией 0,88—0,89, 1,1—1,12 и 1,29—1,3 *Мэв*. Скандий — 46, образующийся под действием тепловых нейтронов из скандия — 45, имеет период полураспада 85 дней. Он излучает β-час-

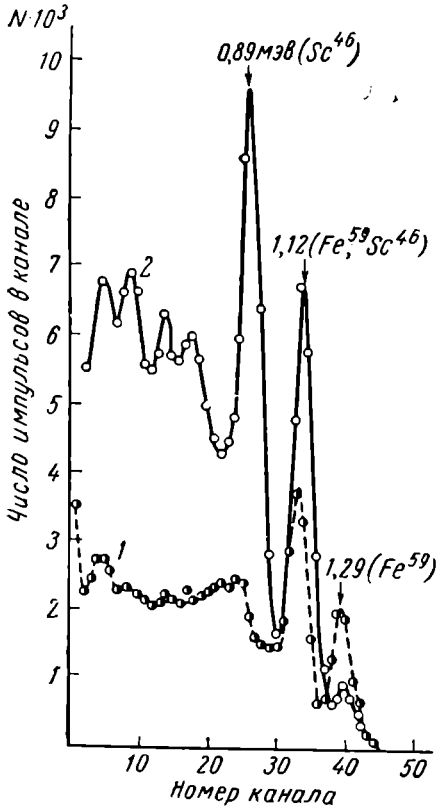


Рис. 4. γ-спектры железа (*1*) и грунта (*2*), снятые через месяц после окончания облучения

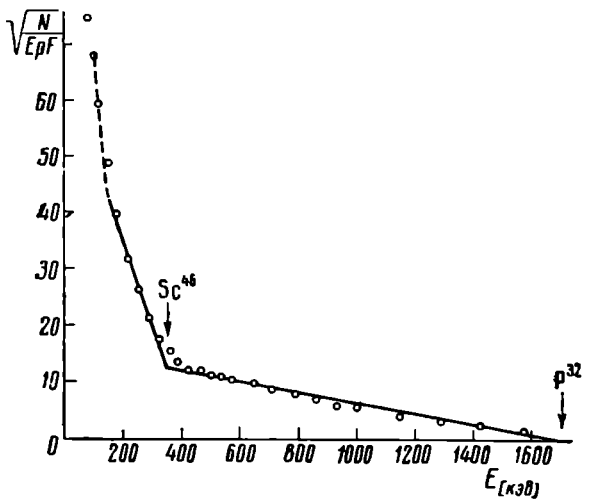


Рис. 5. β-спектр грунта, снятый через два месяца после конца облучения

тицы с граничной энергией 0,36 *Мэв* и γ-кванты с энергией 0,89 и 1,12 *Мэв;* γ-линия с энергией 0,89 *Мэв,* слегка проявляющаяся в γ-спектре сини (рис. 2), очень хорошо видна в γ-спектре грунта. γ-Линия с энергией 1,12 *Мэв* накладывается на γ-линию железа — 59 с энергией 1,097 *Мэв*.

β-Спектр источника, приготовленного из грунта таким же образом, как и сини, показан на рис. 5. Этот спектр снимался через два месяца после конца облучения, чтобы присутствующий в грунте фосфор — 32 частично распался и не мешал проявлению β-спектра скандия — 46. Как видно из β-спектра, в грунте присутствуют скандий — 46 (граничная энергия 0,36 *Мэв*) и фосфор — 32 (граничная энергия 1,7 *Мэв*). Наличие скандия в грунте представляет самостоятельный интерес, в связи с чем грунт будет дополнительно исследован.

В заключение следует отметить, что влажный глинистый грунт, богатый железом и органическими остатками, содержащими азот и фосфор, создает благоприятные анаэробные условия для возникновения минерала вивианита — фосфата закисного двухвалентного железа. Сам по себе этот минерал светлых оттенков, но при соприкосновении с воздухом за

счет частичного окисления приобретает синюю окраску [2]. Одновременно указанные физико-химические условия грунта содействуют хорошему сохранению в нем остатков древесины.

Выводы

Исследованы радиоактивационным методом образцы грунтов новгородских раскопок. Показано, что включения в грунте, имеющие синюю окраску, представляют собой минерал вивианит-водный фосфат двухвалентного железа, почти в чистом виде.

Образцы собственно грунта, кроме элементов, присутствующих в сини, содержат заметные количества скандия. Количество фосфора и железа в грунте значительно меньше, чем в сини.

---

[2] А. Г. Бетехтин. Курс минералогии. М., 1961.

Критика и библиография

Harald Küthman: Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I. Jahrbuches römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz, 1958, стр. 94—127

Заглавие статьи Кютмана не вполне соответствует ее содержанию. Большая часть этой работы действительно посвящена детальному изучению нескольких типов серебряных вазочек эпохи эллинизма. Однако, поскольку отправным пунктом для этих штудий являются находки в Артюховском кургане, автор в первой части своей статьи поднимает вопрос о дате этого комплекса, считавшегося до сих пор твердо датированным серединой III в. до н. э., и решает его по-новому, относя все нетронутые погребения кургана примерно к 100 г. до н. э. Тем самым научное значение этой статьи выходит далеко за пределы ее скромного заглавия, и советские археологи, интересующиеся историей племен и народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху, не могут не отозваться на затронутый в ней весьма важный во многих отношениях вопрос.

Вспомним сперва, на каких основаниях покоится общепринятая датировка кургана серединой III в. до н. э. Она была предложена Стефани при первом издании найденных Тизенгаузеном и Веребрюсовым в 1879 г. трех богатейших нетронутых погребений кургана [1], причем этот ученый исходил главным образом из двух золотых монет, оказавшихся во втором склепе кургана — статеров Перисада и Лисимаха. Статер Перисада [2] Стефани приписал царю Боспора Перисаду II, царствовавшему в середине III в. до н. э., а статер Лисимаха [3] он правильно определил как монету, чеканенную в городе Византии после смерти Лисимаха. Стефани считал согласно принятому в то время в нумизматике взгляду, что чекан этих выпусков начался довольно скоро после смерти Лисимаха в 281 г. и продолжался до 20-х годов III в. Стефани опубликовал только несколько ваз из Артюховского кургана и ограничился общей характеристикой керамики в целом, называя ее более поздней, чем вазы эпохи расцвета греческого искусства. Однако посетивший Эрмитаж в самом начале XX в. известный германский археолог Карл Ватцингер видел сосуды и датировал их серединой III в. до н. э. [4] Таким образом, датировка Артюховского кургана, предложенная Стефани, была подтверждена видным специалистом и пионером в деле изучения эллинистической керамики, и эта дата прочно укоренилась в науке, странным образом оставаясь непоколебленной до настоящего времени, хотя взгляды нумизматов на монеты Перисада и на посмертные выпуски лисимаховских монет сильно изменились со времени Стефани, а изучение эллинистической керамики за последние 50 лет далеко шагнуло вперед. Мы считаем поэтому большой заслугой Кютмана решимость, с которой он высказался против традиционной и поддерживаемой многими крупными авторитетами, но несомненно устаревшей датировки одного из важнейших по своему научному значению погребальных комплексов Боспорского царства. Но именно потому, что мы полностью разделяем его уверенность в необходимости пересмотреть весь вопрос заново и переместить этот комплекс в значительно более позднее время [5], мы должны отметить ряд досадных неполадок, допущенных автором в его аргументации и способных, как нам кажется, подорвать доверие к его выводам в широких кругах специалистов.

Критику старой датировки кургана Кютман ведет по двум линиям, сообразно двум опорам, на которых эта датировка зиждилась: во-первых, по линии хронологического определения статеров из второго погребения и, во-вторых, путем изучения керамики из всех трех могил, которые он, как и Стефани, считает приблизительно одновременными.

---

[1] ОАК за 1880 г., стр. 24 сл.
[2] Там же, табл. II, *4*, *5*.
[3] Там же, табл. II, *11*, *12*.
[4] C. Watzinger. Vasenfunde aus Athen. AM, XXVI, 1901, стр. 99.
[5] М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 46.

Ссылаясь на труды Хида[6], Имхоф-Блюмера[7] и Миннза[8], он констатирует большие изменения во взглядах нумизматов на даты монет с эмблемами Лисимаха, выпуск которых, как теперь установлено, продолжался вплоть до первых десятилетий I в. до н. э. Из статей Э. Диля[9] и Вернера[10] Кютману известно, что на Боспоре в III и II вв. до н. э., кроме Перисада II, царствовали еще несколько царей, носивших то же имя. Отсюда он делает правильный вывод, что обе монеты из Артюховского кургана не могут служить надежным критерием для датировки его серединой III в. до н. э. Однако дальнейшие его рассуждения в этом направлении и попытки определить дату лисимаховского статера следует признать неудачными. Сказывается, в частности, полное игнорирование Кютманом советской научной литературы, в том числе и работ А. Н. Зографа Ему не известна даже напечатанная в английском журнале и на английском языке статья этого крупного советского нумизмата о Туапсинском кладе — статья, в которой дается классификация лисимаховских монет византийского чекана[11]. По весу, качеству золота, фактуре и стилю изображений Зограф разбивает эти монеты на три последовательные группы, первая из которых, относится им еще к III в. до н. э., вторая — к первой половине II в. до н. э., а третья, обнаруживающая явные признаки деградации,— к еще более позднему времени, возможно, к царствованию Митридата Евпатора. Статер из Артюховского кургана датирован А. Н. Зографом началом II в. до н. э.[12] Кютман не учитывает эволюции фактуры и стиля византийских монет этого типа на протяжении почти двух веков и датирует Артюховский статер временем Митридата, хотя он резко отличается от поздних византийских статеров. При этом Кютман усматривает в портрете Александра Македонского на аверсе этой монеты сходство с портретом понтийского царя. Он считает, по-видимому, возможным датировать Артюховский статер концом 20-х годов II в., напоминая о том, что с этого времени началось царствование Митридата. Однако Митридат родился примерно в 132 г.[13] Следовательно, в конце 20-х годов ему было всего 10—12 лет, и невозможно было придать портрету Александра черты, свойственные образу взрослого Митридата. Словом попытку Кютмана отнести Артюховский статер к столь позднему времени нельзя признать сколько-нибудь удачной, хотя им и поколеблено доверие к прежней датировке монет, предложенной Стефани.

Керамику из Артюховского кургана Кютман с полным правом сравнивает с керамикой датированных комплексов афинской агоры[14]. Однако статья Кютмана и в этой своей части не свободна от крупных недостатков, способных ввести читателей в заблуждение относительно того материала, которым он оперирует. Дело в том, что из 27 ваз, найденных в Артюховском кургане, Стефани опубликовал только семь. Об остальных сосудах, по большей части обиходных, он только сообщает краткие сведения, касающиеся техники их изготовления, отсылая читателя к таблице форм, приложенной к его каталогу ваз Эрмитажа. Само собой разумеется, что такие иллюстрации не могут претендовать на точность, так как они дают лишь общее представление о типах изучаемых сосудов. А между тем Кютман полагается именно на них, проводя сопоставления с керамикой афинской агоры. На рис. 1 и 2 своей статьи он дает увеличенные прорисовки форм сосудов, взятые из таблицы каталога ваз Эрмитажа, согласно указаниям Стефани, и сравнивает их со сходными сосудами из комплексов афинской агоры. В результате его изложение в этой своей части теряет всякую убедительность. Прорисовки тарелки, унгвентария, чашки и пиксиды[15], изображенные по этому методу у Кютмана, дают ложное представление о самих сосудах, вследствие чего теряют свою силу и приводимые им сопоставления с сосудами афинской агоры (см. рисунки Кютмана 1, 2, *1*). Тот же метод применяет Кютман и к остальным неизданным сосудам из Артюховского кургана. В примечаниях 31 и 55 он, руководствуясь теми же ссылками Стефани на таблицу форм эрмитажного каталога, просто ставит в буквальном смысле знак равенства между рядом сосудов из Артюховского кургана и из комплексов афинской агоры, не пускаясь даже ни в какие описания и обсуждения.

В интересах дела, пожалуй, лучше было бы вовсе не касаться неизданных ваз Артюховского кургана, чем иллюстрировать их при помощи такого приема, тем более, что нескольких ваз, изданных Стефани, в сущности достаточно для того, чтобы исправить ошибку о принадлежности кургана к середине III в. до н. э. Но Кютман, видимо, стремился к полноте потому, что он надеялся таким образом прочнее обосновать предлагаемую им новую датировку захоронений в Артюховском кургане временем около

---

[6] B. V. Head. Historia nummorum 2. Oxford, 1911, стр. 269.

[7] Er. Imhoof-Blumer. Porträtköpfe auf antiken Münzen, Hellenischer und Hellenisierter Völker. Leipzig, 1885, стр. 35.

[8] E. H. Minns. Skythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 585.

[9] RE s. v. Pairisades. Stuttgart, 1942, стр. 2415.

[10] Die Dynastie der Spartokiden. Historia 4, 1955, стр. 430. Сноска дана по Г. Кютману.

[11] A. Zograph. The Tooapse Hoard. Numismatic Chronicle, 1925, стр. 29 сл.

[12] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1956, стр. 184; М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 47—49.

[13] См. RE, s. v. Mithridates 12, Stuttgart, 1932, стр. 2163.

[14] H. Thompson. Two centuries of Hellenistic pottery. Hesperia III, 1934, стр. 311 сл.

[15] Инв. номер Эрмитажа, соответственно, арт. 28, 29, 31, 32.

100 г. до н. э., датировку, которую мы со своей стороны считаем также неверной. Постараемся разобраться в этом вопросе.

Кютман в качестве аналогии вазам из Артюховского кургана берет последний из изданных комплексов афинской агоры — комплекс Е, который датирован Томпсоном временем 120—85 гг. до н. э. Кютман безоговорочно принимает эту дату, однако здесь, как мы полагаем, возможны сомнения. Комплекс Е происходит из цистерны, завалечной землей, по-видимому, в один прием [16]. Время засыпки является, таким образом, terminus ante quem для вещей, найденных в цистерне и сваленной в нее земле. Томпсон считает вероятным, что цистерна вышла из употребления и была засыпана непосредственно после осады и взятия Афин римлянами в 86 г. до н. э. Он основывается главным образом на находке в цистерне обломка мраморной плиты с надписью, в которой упоминается имя архонта 122/21 г. до н. э. Никодема. Этот обломок происходит, по мнению Томпсона, от официальной надписи, выставленной в каком-то общественном здании или на площади города. Как таковая, эта надпись могла быть разбита только при каких-то чрезвычайных событиях, скорее всего при событиях 86 г. К сожалению, обломок плиты, насколько нам известно, до сих пор не издан, и поэтому невозможно составить себе о нем ясное представление. Но даже если он действительно является частью декрета, то выводы Томпсона все же вряд ли могут считаться обязательными. В самом деле, ведь разрушения, причиненные городу римскими войсками, несомненно носили массовый характер. Следы их находимы были и на агоре в виде поврежденных постаментов и множества фрагментов статуй [17]. В таком случае в засыпанной цистерне, несомненно, оказался бы не один лишь маленький обломок мраморной плиты, а целый набор разбитых надписей и фрагментов других памятников. Между тем, никаких других следов разрушений в цистерне Е нет. С другой стороны, вполне соглашаясь с заключением Томпсона относительно того, что керамика комплекса Е по общему впечатлению моложе керамики хорошо датированного серединой II в. до н. э. комплекса D, мы тем не менее склоняемся к тому мнению, что между керамикой обоих комплексов нет столь существенной разницы, чтобы отодвинуть комплекс Е больше чем на полстолетия от комплекса D. Керамика комплекса Е скорее должна рассматриваться как непосредственное продолжение керамики комплекса D, что хорошо иллюстрируется таблицами форм сосудов в статье Томпсона [18].

Впрочем, и сам Кютман допускает возможность наличия в комплексе Е более древних сосудов. Поэтому к сравнению амфоры из Артюховского кургана (инв. номер Эрмитажа. Арт. 86) с амфорой Е-59 из цистерны на афинской агоре он присоединяет общий экскурс, посвященный датировке груза корабля, потерпевшего крушение у берегов Туниса, близ Мадии, в составе которого находилась керамика с процарапанным орнаментом. Дело в том, что вазы стиля «Западного склона», украшенные резным орнаментом, считаются Томпсоном самыми поздними представителями керамики этого стиля [19]. Широкое распространение нарезной орнамент, по его мнению, получил уже после засыпки цистерны. Плечики артюховской амфоры (инв. номер Эрмитажа, Арт. 86) украшены сеткой из нарезных линий, и поэтому, строго придерживаясь датировки Томпсона, нужно было бы отнести ее ко второй четверти I в. до н. э. Кютман, однако, не следует за Томпсоном, но путем исследования ряда разнообразных памятников, находившихся на упомянутом корабле, он приходит к выводу, что крушение произошло в середине I в. до н. э. и, следовательно, керамика с нарезным орнаментом, находившаяся на этом корабле, не могла быть старше того времени, к которому он относит гробницы Артюховского кургана, т. е. примерно 100 г. до н. э. Однако все его выводы остаются простыми предположениями, потому что керамика с потерпевшего крушение корабля до сих пор не издана и мы не имеем о ней никакого представления.

Таким образом, попытка Кютмана датировать погребение Артюховского кургана на основании изучения сосудов, найденных в гробницах, так же не увенчалась успехом, как и датировка по статерам. Доводы, приводимые Кютманом, способны только поколебать доверие к правильности датировки Стефани, но они страдают крупными недочетами и в значительной своей части могут быть легко опровергнуты. Предлагаемая Кютманом дата захоронений в Артюховском кургане (около 100 г. до н. э.) остается недоказанной.

А между тем, переходя к изучению серебряных вазочек, Кютман часто исходит из этой даты и основывает на ней свои выводы. Оч разбирает четыре типа серебряных сосудов, из которых три найдены в Артюховском кургане,— это две вазочки типа скифоса или кантара, две конусовидные чаши и кувшинчик [20]. В своем изложении Кютман уделяет мало внимания вопросу о месте изготовления сосудов этих типов и занимается главным образом их датировкой. Он привлекает обширный параллельный материал, весьма ценный и интересный, частично не вошедший еще в широкий научный обиход в советской литературе, и его наблюдения во многих случаях заслуживают самого пристального внимания. Однако нельзя все же не упрекнуть автора и в некоторых досад-

[16] H. Thompson. Ук. соч., стр. 392 сл.

[17] Там же, стр. 394 сл.

[18] Там же, рис. 116 и 117. Ср. амфоры D-25—27 и Е-59 на рис. 59—61, 87 и 88.

[19] H. Thompson. Ук. соч., стр. 441. В комплексе Е было найдено только два экземпляра ваз с таким орнаментом — Е-59 и Е-60.

[20] Инв. номер Эрмитажа, соответственно, Арт. 61 и 106, 63 и 64, 66.

ных промахах. Так, его описания вазочек, хранящихся в Эрмитаже, иногда не вполне точны. Это касается, например, канфара (инв. номер Эрмитажа. Арт. 106).

Описывая фриз, опоясывающий шейку упомянутой вазы, он говорит, что поле, по которому проходит растительная ветка, сплошь покрыто насечками (стр. 104), тогда как насечки имеются только между веткой и верхним пояском жемчужин. Важнее другая неточность. Датировку этой же вазочки Кютман строит в значительной мере на форме ее ручек. При этом он утверждает, будто краям пластинок, прикрывающих ручки сверху, в месте их соединения с туловом вазочки, придана форма птичьих голов, что не соответствует действительности. Далее он сравнивает ручки этой вазочки с серебряной ручкой от сосуда, найденного около Ахтанизовской станицы [21]. Эта последняя ручка играет видную роль в аргументации Кютмана в пользу поздней датировки упомянутых канфара и кувшинчика. Но его выводы неприложимы к вазочкам из Артюховского кургана, так как между ручкой из Ахтанизовской станицы и ручками канфара вообще мало общего; последние, правда, тоже завязаны геракловым узлом, но верхние и нижние их аташи совсем иные, чем у ахтанизовской ручки, верхние концы петли гераклова узла припаяны здесь к горизонтальной пластине, прикрывающей ручку сверху, а пластина, в свою очередь, припаяна к краю канфара. У ахтанизовской ручки никакой верхней пластины нет и концы петли, снабженные зубчиками, сами служат аташами. Что же до нижних аташей ручек канфара, то они оформлены не в виде листа плюща, а в виде виноградного листа и притом вполне реалистического, лишенного добавочной орнаментации. Более оправдано сближение ахтанизовской ручки с ручкой кувшинчика из Артюховского кургана № 66. В том же ахтанизовском комплексе найден маленький серебряный сосудик, по своей форме очень близкий к кувшинчику номер Арт. 66, но без ручки [22]. Ручка из Ахтанизовской станицы вполне подходит к этой вазочке и, надо думать, является ее принадлежностью. В таком случае между обоими однотипными кувшинчиками установилось бы еще более близкое сходство. Тем не менее, деталь, которая всего важнее для Кютмана, т. е. форма нижних аташей ручек, имеет значительную разницу. У кувшинчика из Артюховского кургана они имеют форму простого листа плюща, к кончику которого прилегает небольшой колпачок или шишка [23]. Лист гладкий, если не считать едва заметной, исполненной пунктиром линии, сопутствующей его контуру, и небрежно нацарапанных букв: на одном листе — ламбды, на другом — хи. У ахтанизовской ручки членение и орнаментация листьев плюща и их отростков несравненно сложнее и, если можно так выразиться, более витиевато, что говорит в пользу более поздней даты ахтанизовского кувшинчика.

Кютман вообще склонен считать Артюховский курган и ахтанизовский клад одновременными, и это положение служит для него одним из главных оснований для датировки Артюховского кургана примерно 100 г. до н. э. Но, как показывают только что приведенные наблюдения над кувшинчиками, это отождествление не вполне убедительно, что подтверждается и сравнением конусовидных чаш из обоих комплексов. По своей форме и орнаментации они, правда, почти идентичны, но обе чаши из Артюховского кургана простые, тогда как ахтанизовская чаша двойная, а, по наблюдениям самого Кютмана, эта особенность свойственна только поздним экземплярам подобных чаш (стр. 117).

Кютман довольно подробно останавливается как на конусовидных, так и на сопутствующих им полусферических чашах и относит время их появления к концу II в. до н. э.

Между тем появление чаш этих форм обычно относилось к середине II в. до н. э., так как в Этолии была обнаружена гробница со значительным количеством серебряной посуды, в числе которой находились три чаши указанных форм, и тут же оказалась серебряная монета Этолийского союза, ликвидированного Римом в 168 г. [24] Интересные указания можно почерпнуть и из некрополя у Орванессо в Северной Италии [25]. В разных погребениях там было найдено пять бронзовых чаш тех же типов. При каждой из них оказались хорошо датируемые римские республиканские монеты — всего пять динаров и один унциальный асс. Согласно новой классификации римских республиканских монет Сайденхамом [26], эти динары принадлежат к IV периоду, т. е. ко времени 150—120 гг. до н. э., а медная монета не может быть старше середины II в. до н. э.

Настаивая на поздней дате Артюховского кургана, Кютман принужден высказать предположение о длительном бытовании этих монет до их зарытия в землю. Случаи

---

[21] ОАК за 1900 г., стр. 106, рис. 205; ИАК, 29, 1909, стр. 35, рис. 28.

[22] ОАК за 1900 г., стр. 108, рис. 214; ИАК, 29, 1909, стр. 36, рис. 33.

[23] В настоящее время эти шишечки отсутствуют. Вероятно, серебро здесь разложилось и при чистке кувшинчика шишки были утрачены. Однако, как свидетельствует рисунок в ОАК, первоначально они были налицо.

[24] Ephemeris Arch. 1906 (G. Sotiriadis).

[25] H. Willers. Neue Untersuchungen über die Römische Bronzeindustrie, 1907, Abb. II 5, 6, 10—12, стр. 18.

[26] E. A. Sydenham. The Coinage of the Roman Republic. London. 1952, стр. XXVII сл.

длительного бытования монет хорошо известны, но когда речь идет о шести монетах, найденных в разных погребениях одного некрополя, подобное предположение становится менее вероятным, и поэтому найденные с монетами сосуды могут с таким же, если не с большим, правом быть отнесены не к 100 г. до н. э., как это делает Кютман, а к третьей четверти II в. до н. э.

Ко всем возражениям, высказанным здесь против чрезмерно поздней, как мы полагаем, датировки Артюховского кургана, предложенной Кютманом, следует добавить еще одно соображение, основанное на оценке общей исторической обстановки того времени на Северном Причерноморье. Состав инвентаря погребений Артюховского кургана поражает одной своей особенностью — полным отсутствием предметов вооружения. При двух мужских костяках, лежавших во второй и третьей гробницах, не оказалось никакого оружия. Здесь не было не только шлемов и мечей, но даже ни одной стрелы. Бурные события последних лет II и начала I в. до н. э. на Боспоре не могли не отразиться и на азиатской его части даже в том случае, если, как думают некоторые ученые, последняя в это время не входила в состав Боспорского государства. Но существуют признаки, не раз уже отмечавшиеся в советской науке [27], свидетельствующие о том, что несколькими десятилетиями раньше Тамань и прилегавшие к ней области переживали период экономического подъема, связанного, быть может, с политическим отделением этих территорий от европейской части Боспора. Чрезвычайное богатство погребального инвентаря Артюховского кургана и его глубоко мирный характер гораздо лучше согласуются с обстановкой, сложившейся в этой области в середине II в. до н. э., чем с периодом глубоких внешнеполитических и внутренних потрясений, наступившим там в связи с восстанием Савмака и переходом Боспора под власть Митридата Евпатора. Это обстоятельство, как нам кажется, тоже должно быть учтено при попытке установить новую дату Артюховского кургана.

Как видно из всего сказанного, наше мнение по этому последнему вопросу не совпадает с мнением Кютмана. Однако это расхождение, которое измеряется промежутком времени в 30—50 лет, менее важно для нашей науки, чем отказ от прежней датировки Стефани. В этом вопросе со всеми вытекающими из него выводами мы полностью согласны с Кютманом и надеемся, что новая точка зрения будет принята как в советской, так и в зарубежной науке.

М. И. Максимова

Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Издательство Академии наук УССР. Киев, 1959, 179 стр. + 165 рис. в тексте + 1 табл. Тираж 1000. Цена 6 р. 90 к.

Рецензируемая книга Э. И. Соломоник представляет собой труд, в котором историческая наука давно чувствовала насущную необходимость. Обобщение богатого археологического материала по сарматским знакам Северного Причерноморья до сих пор никем не производилось, а сам материал, размещенный в музеях и археологических институтах Ленинграда, Москвы и юга СССР, оказывается к тому же подчас трудно доступным исследователям. Э. И. Соломоник сделала попытку обобщить и наглядно представить этот материал и выполнила поставленную перед собой задачу с большой тщательностью и уменьем.

Книга делится на две части. Первая часть посвящена исследованию, вторая — описанию памятников со знаками. В свою очередь, в первой части, как положено во всякой основательной работе, изложена история вопроса, а затем на основе этой истории и своих собственных наблюдений и соображений автор книги исследует вопрос: что же такое есть сарматские знаки Северного Причерноморья?

Сарматские знаки Северного Причерноморья, иначе известные под названием «загадочных знаков», давно привлекали внимание ученых. Мимо них не могли пройти и в какой-то мере ими занимались А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Латышев, В. В. Шкорпил, И. И. Мещанинов, Б. А. Рыбаков и др. Точки зрения на сарматские знаки были самые различные, но большинство исследователей все же склонялось к мысли, что это знаки родовой и личной собственности, тамги, характеризующие принадлежность лица или лиц к тому или иному роду, фамилии, династии. Насколько мне известно, В. В. Шкорпил был первым из исследователей, который установил примерное время бытования сарматских знаков Северного Причерноморья — I—III вв. н. э.

В заслугу Э. И. Соломоник нужно поставить то, что на основе привлекаемого ею материала она убедительно показала принадлежность знаков сарматам, расширила хронологические рамки их бытования, доведя их вплоть до падения Боспорского царства, и определила ареал их распространения. Хотела или не хотела этого

[27] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье». М.—Л., 1953, стр. 149 сл.; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 181; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 32—34.

Э. И. Соломоник, но получилось так, что собранный ею материал целиком подтвердил, что сарматские знаки Северного Причерноморья являются только знаками родовыми, только знаками собственности, т. е. тамгами.

Действительно, если, скажем, знак того или иного боспорского царя или царствующего рода ставится, как это показывает Э. И. Соломоник, то на каменной плите с греческой надписью, то на ремесленном изделии, то на вещах личной собственности,— он во всех этих случаях говорит лишь о том, что надпись сделана во времена господства этого царя, что ремесленные изделия изготовлены в царских мастерских, что та или иная вещь принадлежала члену определенного царствующего дома или сановнику двора и т. п. Если это тамговый знак лица или рода не царствующего дома, то он будет обозначать то же самое — знак собственности этого лица или рода. Другого назначения сарматскому знаку не было дано. Вотивное, магическое и прочее назначение знака — это уже вторичное функциональное его использование.

Но не всякое вторичное функциональное использование тамгового знака возможно. Так, Э. И. Соломоник пытается расширить сферу использования сарматских знаков, показать, что они могли быть знаками письменности. Здесь я позволю себе не согласиться с автором книги.

По вопросу использования сарматских знаков как знаков письма Э. И. Соломоник рассуждает так: «Письмо Египта, Китая и другие иероглифические системы сложились из пиктограмм, но нельзя считать этот путь единственным и обязательным для всех народов. Можно назвать много примеров, когда письмо восходит к бытовавшим у данного народа знакам или включает часть из них наряду с формами, заимствованными из других систем письма... Примером сложения письма из предшествующих знаков может служить орхоно-енисейское письмо, весьма близкое к тюркским тамгам» (стр. 33). Действительно, путь образования письма из пиктограмм не был единственным путем его образования. У большинства народов был еще путь заимствования и творческого приспособления уже готового письма к особенностям своего языка. А вот пути преобразования тамговых знаков в знаки фонетического письма, типа орхоно-енисейского, история письмен не знает. В основу орхоно-енисейского письма легли буквы арамейского алфавита. Арамейское происхождение орхоно-енисейского письма было доказано в свое время финским тюркологом О. Доннером, и на этой точке зрения стоят ныне все виднейшие историки письма (Х. Иенсен, Ч. Лоукотка, Д. Дирингер, З. Кулуджич и др.).

Образование фонетического письма из тамговых знаков невозможно по той простой причине, что тамга не является обозначением предмета — его названием. Поэтому одну и ту же тамгу одного владельца можно ставить на самых различных предметах и, наоборот, на одних и тех же одинаковых предметах разных владельцев ставятся разные тамги. В рецензируемой книге можно найти достаточно примеров, подтверждающих это положение. К тому же тамга нема, не имеет звучания и поэтому не может стать буквенным знаком. Но если тамга или подобный по назначению ей знак не может стать буквой, то явления обратного порядка, когда та или иная буква или то или иное изображение предмета становятся тамгой или подобным по назначению ей знаком, например монограммой, общеизвестны. Стилизованная буква или несколько букв, схематизованное изображение того или иного предмета постепенно в этом случае могут при известных условиях потерять свое звучание или назначение и превратиться в знак — тамгу. С этой точки зрения я считаю вполне правомерным искать тот или иной сарматский знак, например, тамгу, в орнаментальном оформлении оборотной стороны зеркал, как это делает автор книги — Э. И. Соломоник, но нужно помнить, что здесь, в орнаменте, те или иные геометрические фигуры могут возникнуть и независимо.

Мне представляется, что было бы интересным попытаться путем сопоставления сарматских знаков между собой разложить сложные сарматские знаки на составляющие их простые фигуры, а затем поискать возможного схематического отображения в этих простых фигурах линейного рисунка: стрелы, рога оленя, лошади и т. п. Если такое разыскание приведет к пиктограммам, а этим пиктограммам найдется соответственное словесное звуковое выражение на определенном исторически засвидетельствованном языке, то тогда можно будет предположить и дальнейшее идеографическое буквенное значение знаков, впоследствии утраченное. Пока же этого нет, о каком-либо буквенном значении сарматских знаков не может быть речи.

Мне пришлось довольно пространно остановиться на этом вопросе лишь потому, что у автора книги на стр. 33—34 относительно сарматских знаков высказывается следующая мысль: «Упрощение форм и упорядоченность расположения (приближение к строке) могут косвенно свидетельствовать о тенденции развития их в стройную систему письма. Этот процесс был замедлен благодаря заимствованию верхушкой местного населения греческой письменности и не успел завершиться, так как в IV в. н. э. в Северное Причерноморье хлынула новая миграционная волна и произошли крупные изменения во всей социально-экономической и культурной жизни местных народов» (разрядка моя.— *Г. Т.*). Следуя приведенному выше общеизвестному положению, объясняющему, отчего тамга не может стать буквенным знаком, должно отрицательно отнестись к только что цитированному мнению автора книги. Отрицательно следует оценить также и взгляды упоминаемых ею Н. А. Константинова и В. П. Пожидаева, утверждающих соотноси-

мость букв славянской глаголицы либо с причерноморскими (т. е. сарматскими) знаками (Константинов), либо с кабардинскими тамгами (Пожидаев). Этой соотносимости не существовало и не могло существовать. Совпадение между собой отдельных форм знаков-тамг и знаков-букв (на это обращает внимание и Э. И. Соломоник) не есть еще доказательство их генетической общности. Н. А. Константинов и В. П. Пожидаев должны подтвердить соотносимость причерноморских знаков или кабардинских тамг с буквами глаголицы хотя бы на небольших текстах, в которых повторяемость знаков должна дать при одной и той же сходной форме одно и то же звучание в рамках исторических норм древнерусского или старославянского языков. Поскольку этого нет, утверждения Н. А. Константинова и В. П. Пожидаева повисают в воздухе.

Не могу согласиться, кроме того, и с некоторыми приемами выделения Э. И. Соломоник отдельных знаков таких памятников, в которых эти знаки, будучи расположены в строку, не находят себе, между тем, эквивалентов среди сарматских знаков, взятых в целом. Неясно, например, почему Э. И. Соломоник из «строки» знаков на каменной плите из Ольвии (см. № 60) выделяет в своей таблице знак под № 227, а не считает его состоящим из трех знаков. Приемы такого выделения весьма субъективны и ничем не оправданы, не говоря уже о том, что сами знаки скопированы неточно. Я пристально занимался изучением этого ольвийского памятника, когда он находился в Ленинграде, и должен заметить, что утверждение Э. И. Соломоник, что в «строке» знаков этого памятника нет повторяющихся знаков, не отвечает действительности. Дважды повторяются отдельно стоящие знаки в форме прямой вертикальной черты и дважды, если не трижды, их «половинки». Напрасно, как мне представляется, Э. И. Соломоник введены в актив книги и «прикубанские глиняные таблички». Помимо того, что знаки на них имеют совершенно иную форму, чем сарматские, эти таблички и принадлежат к совершенно другой — меотской (протоадыгской) культуре.

Должен сказать, что мое несогласие с автором книги по некоторым вопросам, даже принципиального характера, отнюдь не умаляет общего значения книги. В целом это хорошая, весьма нужная работа. К услугам читателя в ней к тому же много рисунков с памятников, с точным определением мест их хранения; в книге имеется справочная таблица сарматских знаков с указателем (comparatio numerorum) к ней. Заключает книгу список использованной литературы. Подобные издания в нашей исторической литературе не часты, и хочется поблагодарить и автора и издателей за их труд.

Г. Ф. Турчанинов

* *
*

Э. И. Соломоник правильно относит появление знаков ко времени родового строя. С развитием общества и появлением частной собственности родовые знаки становятся тамгами собственности отдельных лиц. Правильность взятых автором предпосылок дала возможность рассматривать знаки в теснейшей связи с развитием общественно-экономического строя общества. Благодаря этому Э. И. Соломоник, в отличие от большинства ее предшественников, искавших универсальный ключ к разгадке, избрала верный отправной момент: знаки служили одновременно для разных целей, меняясь и развиваясь во времени (стр. 16.)

Изложив сущность исходных теоретических позиций, Э. И. Соломоник в главах «О происхождении знаков» (стр. 16—19) и «О формах знаков» (стр. 19—21) дала правильный и в основном четкий ответ на вопрос о творцах и носителях «загадочных знаков»: многочисленные тамговые знаки юга нашей Родины занесены в Северное Причерноморье сарматами (стр. 17).

В четвертой главе первой части книги автор классифицирует знаки и выделяет основные группы памятников со знаками (стр. 22—46). Э. И. Соломоник избрала удачный вариант первичной классификации, выделив группы знаков на сходных по своему характеру памятниках. Все знаки разделены сначала на три большие группы: знаки на каменных плитах, стенах склепов и пещер; знаки на различных ремесленных изделиях; знаки на монетах. В каждой группе выделяются подгруппы.

Рассмотрение знаков по группам позволило Э. И. Соломоник сделать ряд важных выводов. Так, правильно указывается на употребление царских знаков Боспора с целью подчеркнуть местный характер правящей династии, на переход царских знаков по наследству, на возможность выделить в знаках на надгробиях знак рода или семьи умершего и др. В заключении первой части (стр. 43—46) сделана попытка проследить дальнейшую судьбу сарматских знаков.

Вторая часть книги (стр. 49—166) содержит публикацию рассмотренных групп памятников в указанном выше порядке. Почти все памятники изучались автором по оригиналам. В результате Э. И. Соломоник замечен ряд знаков (№№ 36, 41, 42 и др.), исправлены ошибки, допущенные ранее при издании знаков (№№ 11, 13, 38 и др.). При

выполнении этой работы автор обнаружил в различных музеях ряд памятников, не известных науке (№№ 8, 18 и др.). Почти все изданные памятники доброкачественно иллюстрированы. Это позволяет пользоваться книгой Э. И. Соломоник как своего рода справочником по сарматским знакам.

Однако из сказанного вовсе не вытекает, что рецензируемая книга лишена недостатков. Явно преувеличивается в книге тезис о том, что «при формировании любой системы знаков на протяжении длительного периода времени некоторые изображения о б ы ч н о заимствовались у соседних народов» (стр. 18—19; разрядка моя.— *В. Д.*). Такое заимствование противоречит смыслу тамги, которая выделяла один род, семью или лицо среди соседних родов, семейств и лиц.

Неудачна попытка автора проследить происхождение форм некоторых знаков и раскрыть содержание начертаний тамг, предпринятая в разделе «О формах знаков» (стр. 19—21). Ведь период I—III вв. н. э., т. е. основной период существования сарматских знаков в Северном Причерноморье, характеризуется разложением родового строя, появлением и существованием наряду с родовыми огромного количества семейных и личных тамг. А отсюда, как указывал П. С. Ефименко [1],— массовое появление новых тамг, формы которых брались человеком из окружающей обстановки, причем взятая форма все время менялась в связи с переходом по наследству. Сейчас реальное решение вопроса о происхождении и сущности каждого знака практически невозможно. Как иллюстрацию этого приведем следующие примеры. Свастическая тамга у тувинцев обозначала свинец [2], у алтайцев свастический знак обозначал солнце [3], у калмыков тамговая свастика «джунгуру» обозначала перекрестину кибиточных шестов [4], а свастический знак из трех завитков был составным компонентом другой тамги — «тунмыль», взятым из религиозных предметов домашнего обихода [5]. И возникли они, конечно, и у тех и у других самостоятельно, без каких-либо заимствований.

Приходится сожалеть, что автор книги не заметил всех особенностей царских знаков Боспора типа Тиберия Евпатора, Савромата II, Рискупорида III. Нам кажется, что характерная только для них изменчивость верхней части знака при постоянстве нижней части говорит, во-первых, о том, что нижняя часть символизировала боспорскую династию, а верхняя была именным символом. А если это так, то не следует ли из этого, что царские знаки Боспора соединили в единое целое два различных по происхождению символа: всем известный символ боспорской династии — трезубец и именную тамгу? В пользу этого говорит тот факт, что правившие позже цари другой династии — Ининфимей и Фоформс (вероятно, выходцы из сарматской среды) совершенно отбросили и трезубец, и описанный выше царский знак. При них на всех предметах, в том числе и на монетах, ставился типичный сарматский знак. Причину этого нужно видеть в том, что для выходцев из «варварской» среды была чужда боспорская генеалогия.

Нельзя согласиться с предположением Э. И. Соломоник, что царские знаки употреблялись царями Боспора для противопоставления последнего Риму (стр. 23). И не только потому, что знаки эти были более всего распространены на восточных границах Боспорского царства, а и потому, что для противопоставления Боспора Риму использовалась другая эмблема — трезубец [6]. Также неубедительна попытка видеть в изображениях царских знаков на плитах к тому же и божественный символ (стр. 25), якобы охраняющий стены города от вражеских нападений, на том основании, что боспорский царь IV в. до н. э. Перисад I был признан богом. Изображение знака воспринималось, конечно, как обычный царский герб, именной царский знак, знаменующий территориальное господство царей Боспора на территориях, заселенных «варварами» [7].

Спорно и утверждение автора, что знаки на изображениях домашних животных являются только тамгами собственника скота (стр. 27). Не исключена возможность нанесения знаков с другой целью. Так, нганасаны, помимо обычного клеймения тамгами, ставили на лопатках оленей и знаки хозяина-духа животных [8]. Между тем, из трех известных нам примеров изображений животных с сарматскими знаками два дают по два разных тавра на лопатках (см. № 35, 143).

Некоторые замечания вызывает предположение Э. И. Соломоник о культовом характере таких памятников, как камень из Кривого Рога (№ 43), плита из Керчи (№ 44), а также № 45, 48, 52, 53 и др. Не говорит ли факт сочетания сарматских знаков с примитивными рисунками о том, что последние являются пережитками наиболее древних родовых тамг? Так, индейцы Америки, помимо графических тамг, аналогичных тамгам

---

[1] П. С. Ефименко. Юридические знаки. ЖМНП, CLXXVI, 1874, стр. 286—287.

[2] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.—Л., 1954. Тр. ИЭ, Новая серия, XXII, стр. 684, рис. 131, № 11.

[3] С. В. Иванов, Ук. соч., стр. 644, рис. 86, № 11

[4] П. Небольсин. Очерки быта калмыков Хощоутовского улуса. СПб., 1852, стр. 37; рис. 2, стр. 24

[5] Там же, стр. 24, рис. 1

[6] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 326, 336.

[7] Н. Л. Захаров. Краснодарское городище. Архив ЛОИИМК, ф. 2, оп. 2, № 475, стр. 33

[8] С. В. Иванов. Ук. соч., стр. 81.

Хорезма и Причерноморья, употребляли и тамги-рисунки, еще сохранившие названия: медведь, черепаха, журавль и т. п.[9]. То же самое можно увидеть и в системе родовых знаков обских угров[10], юкагиров[11], тюркоязычных народов Сибири[12] и пр. Что же касается наличия двух одинаковых знаков на одной стороне плиты, то, во-первых, ни на одном памятнике Северного Причерноморья мы такого явления не найдем, а, во-вторых, если и есть сходные знаки, то это все равно не всегда обозначает принадлежность их одному владельцу. Тамга, даже будучи нарисована в одинаковой форме, но под другим углом или с небольшим отклонением той или иной линии, уже могла принадлежать другому роду или лицу. Так, один и тот же знак у калмыков был тамгой рода «хурулов» в вертикальном изображении и рода «родов» — в горизонтальном[13].

Вряд ли изданные под №№ 57—61 знаки с упорядоченным расположением «могут косвенно свидетельствовать о тенденции развития их в стройную систему письма» (стр. 33—34). Возможность видеть в них письменность опровергается нанесением их в разное время и разными резцами, а следовательно, и разными людьми. Поэтому, если бы перед нами были даже изображения букв (а не тамги), надписи в целом все же не существовало бы. Что же касается фрагмента архитектурной детали с несколькими знаками, нанесенными одним резцом подряд (№ 60), то более вероятным представляется их смысл по аналогии с описанным Г. К. Гейкелем «жезлом старшины», на котором аккуратно были вырезаны графические тамги жителей данного селения[14]; со строкой знаков на скале в районе Мерва, изображающей тамги племен с одинаковым количеством собираемой дани; со строкой знаков в городе Басра на так называемых «ветряных воротах» «Баб-Эль-Хава», представляющей собой сбор тамг тех племен, которые имели право жить в городе; со знаками на надгробной плите, найденной на горе Монтин, в 6 *км* от Дамаска, где стояли знаки-тамги двух народностей, юноши которых, бывшие друзья, убили друг друга во время ссоры и пожелали перед смертью быть погребенными вместе[15]. Об употреблении сарматских знаков в значении «письменности» мы можем говорить лишь в смысле специфической пиктограммы[16]. Они, конечно, употреблялись в сарматском обществе для передачи каких-либо сведений (скажем, знаки, изображенные на камне у пастбища, сообщали, чьи стада там выпасались).

На стр. 35 Э. И. Соломоник правильно указала на существование в Боспоре специальных царских мастерских, изделия которых метились царскими знаками, но упустила из виду, что на тех же пряжках изображены знаки типично сарматские и иногда вместе с царскими (см. №№ 84—86). Э. Миннзом издана пряжка из Херсонесского некрополя со знаком № 17 нашей таблицы (таб. 1, *17*)[17]. Аналогичный знак находится на одной из пряжек в Берлинском музее[18]. Это позволяет думать, что знаки являются либо тоже знаками царей III — начала IV в. н. э.— выходцев из «варварской» среды, либо мы имеем дело с произведением мастерских «варварской» аристократии, изделия которых также экспортировались[19], на что указывают находки их далеко за пределами Боспорского царства. Помимо пряжек, имеются также золотые изделия со знаками типично сарматских форм, не похожие на царские знаки типа Тиберия Евпатора, Савромата II, Рискупорида III (см. №№ 63—66, 69—70).

Критического отношения заслуживает мнение автора о культовом значении знаков на зеркалах (стр. 38). Не все знаки на зеркалах являются орнаментом. Это, в частности, касается знаков типа тамг Ининфимея и др., представляющих неусложненные геометрические изображения, обычные для сарматских знаков (см., например, №№ 93, 96, 107 и др.). Лишь там, где знаки изображаются в соединении с какой-либо усложненной композицией (см., например, № 108, 109, 114, 116, 117, 119—121, 126 и др.), мы имеем уже не тамгу, а орнамент.

Необходимо сделать некоторые замечания и к разделу, посвященному знакам на монетах (стр. 42—43). Вряд ли стоило публиковать в книге две монеты Фарзоя и Савмака. На первой из них мы имеем изображение кадуцея. На второй монете ясно видна монограмма[20]. Да иначе и быть не может, ибо говорить о сарматских знаках II в. до

---

[9] П. С. Ефименко. Ук. соч., стр. 292, таблица тамг, №№ 361—365, Ч. Лоукотка. Развитие письма, М., 1950, стр. 22, рис. 2

[10] В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. СЭ, VI—VII. 1947, стр. 169, табл. 1—IV; С. В. Иванов. Ук. соч., стр. 29—33, рис. 7—14.

[11] С. В. Иванов. Ук. соч., стр. 529, рис. 87

[12] Там же. Ук. соч., стр. 567, 568, рис. 26—28; стр. 590, рис. 39—40; стр. 684, рис. 131; стр. 689, рис. 136; стр. 692, рис. 1

[13] П. Небольсин. Ук. соч., стр. 24 — таблица тамг, стр. 37 — слова.

[14] Г. К. Гейкель. Из финляндской археологической литературы. ИАК, 38, 1911, стр. 127—128, рис. 208

[15] Dr. Wetzstein. Über das Eigentumszeichen nomadischer Völker «Globus», XXXII, Брауншвейг., 1877, рис. 2—4.

[16] Ч. Лоукотка. Ук. соч., стр. 22

[17] E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 507.

[18] M. Ebert. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus. PZ, I, 1909, стр. 71, рис. 5, *5*.

[19] M. Ebert, Ук. соч., стр. 71.

[20] К. В. Голенко. О монетах приписываемых Савмаку. ВДИ, 1951, 4, стр. 200, табл. I, 2.

Дополнительная таблица знаков Северного Причерноморья

№№ п/п	Начертание знака	Порядковые №№ памятников по Э. И. Соломоник	№№ п/п	Начертание знака	Порядковые №№ памятников по Э. И. Соломоник
1		№ 21	10		№ 47
2		№ 21	11		№ 47
3		№ 41	12		№ 47
4		№ 42а	13		№ 60б
5		№ 42	14		№ 43
6		№ 44	15		№ 44
7		№ 45	16		№ 96 сводной таблицы
8		№ 43	17		Издана Е. Г. Миннзом
9		№ 48			

н. э. в Причерноморье преждевременно. Что же касается изображений на монетах других значков, указанных Э. И. Соломоник и Л. П. Харко[21] (двузубец, звезда, ветвь дерева и пр.), то смысл их нужно искать в композициях, изображаемых на монетах.

Нельзя обойти молчанием и предложенную автором схему дальнейшей судьбы сарматских знаков (стр. 43—46). Нам кажется, что сейчас можно с уверенностью говорить лишь о превращении знаков тамги у сармат в орнамент. Публикуемые Э. И. Соломоник свастические и вилкоподобные знаки на наконечниках копий из Мюнхенберга, Каменицы и Развадова с одинаковым успехом можно сравнивать не только с сарматскими знаками, но и со знаками на сосудах эпохи камня и бронзы.

Некоторые недочеты имеет и вторая часть книги. Публикуемые памятники часто описываются без указания на их размер, на размер знаков, технологию производства или нанесения тамги. Около тридцати опубликованных памятников приведены без указания инвентарных номеров хранения. Кроме того, необходимо было приводить всю аргументацию при датировках или передатировках памятников.

Воспроизводимые фотографии в ряде случаев имеют досадные погрешности. Они вызваны тем, что некоторые знаки подрисовывались перед фотографированием или подправлялись ретушью на негативах. Это приводит к противоречиям между текстом и рисунком (см. № 9 и текст на стр. 56). В других случаях знаки воспроизводятся с большими искажениями или они не видны. Подходящим способом передачи изображения является штриховой рисунок или фото с эстампажа.

В книге имеется и ряд мелких неточностей. На стр. 53 автор, предполагая двучленную реконструкцию знаков на мраморной плите № 4, отсылает читателя к № 2 в общей таблице, где изображен трехчленный знак. Со своей стороны заметим, что аналогию знакам на плите № 4 лучше всего искать на пряжках, опубликованных в книге под № 84—85.

На стр. 62 (№ 15) автор ошибочно отсылает читателя к антропоморфному надгробию под № 21 вместо плиты под № 20. На стр. 165 (№ 156) Э. И. Соломоник указывает на наличие двузубого знака на монетах боспорского царя Рискупорида IV. Откуда взяты эти сведения, неизвестно, ибо в статье Л. П. Харко, к которой отсылает автор, подобных указаний нет.

Общая таблица знаков составлена без какого-либо твердого порядка. В такой форме таблица неудобна для пользования. Лучше было бы составить таблицу, расположив знаки по их начертанию группами. Много знаков в общей таблице отсутствует, хотя они имеются на воспроизводимых памятниках. Все отсутствующие знаки в общей таб-

[21] Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. ВДИ, 1949, № 2, стр. 80—81.

лице у Э. И. Соломоник мы свели в свою дополнительную таблицу (табл. 1). Большинство знаков дополнительной таблицы взяты нами с подлинников. Конечно, и наша дополнительная таблица не исчерпывает всех возможных будущих дополнений. В некоторых случаях в общей таблице подано как один знак два разных, нанесенных иногда даже в разное время, разными резцами. К ним относятся: а) знак под № 64 в общей таблице представляет собой искусственно соединенный знак № 43 со знаком № 14 дополнительной таблицы; б) знак под № 107 в общей таблице искусственно образован из знаков № 15 и № 16 дополнительной таблицы: в) знак под № 211 в общей таблице представляет собой условное соединение ошибочно изображенного знака № 7 дополнительной таблицы со знаком № 43 в общей таблице; г) знак под № 227 представляет собой соединение трех знаков и другие примеры. Иногда знаки в таблице подаются с произвольными дорисовками отсутствующих мест не пунктирной, а жирной линией. К ним относятся знаки, поданные в сводной таблице под № 4, 9, 26, 44 и мн. др.

Э. И. Соломоник в пояснении указывает номера памятников, с которых срисовала те или иные знаки. На проверку оказывается, что на указанных ею памятниках соответствующего знака нет совсем, и остается неясным, с какого же памятника взята форма данного знака и существует ли вообще таковой. В таком положении оказывается читатель, проверяя, например, начертание знаков № 2, 7, 39, 45, 102, 156, 174, 180, 216. в общей таблице на памятниках, к которым отсылает автор в пояснении на стр. 170—171. Некоторые памятники (в том числе и дающие новые формы сарматских знаков) по той или иной причине прошли мимо автора незамеченными. К ним относятся, например, несколько плит (помимо упомянутых автором) из Новочеркасского музея, некоторые памятники из Ростовского и Одесского музеев, зеркала из Днепропетровского музея и др.

Желательно было бы их собрать и издать дополнение к книге Э. И. Соломоник, являющейся ценным вкладом в историческую науку.

В. С. Драчук

Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94. 61. 264 стр. + 108 рис. Тираж 1300 экз.

1

Волго-Окское междуречье, бывшее некогда одним из важнейших центров древнерусской культуры и государственности, всегда привлекало к себе внимание историков, археологов и этнографов, посвятивших свои труды предыстории и истории северного русского средневековья и вопросам формирования великорусской народности. Вопросы древней этнической истории этой области, как и других областей Северной Руси, не раз вызывали горячие споры. Достаточно вспомнить хотя бы длительную дискуссию конца 20-х — начала 30-х годов, вызванную выступлением известного этнографа Д. К. Зеленина, давшего резко отрицательный ответ на вопрос «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности»[1]. Большинство исследователей поддержало тогда противоположную точку зрения, указывая на обширные археологические и этнографические материалы, свидетельствующие о том, что финно-угорские племена явились одной из составных частей населения Новгородской и Ростово-Суздальской земель, позднее постепенно растворившейся в славяно-русской среде.

Вместе с накоплением обширного нового фактического материала шаг за шагом открывается сложная картина исторических и этногенических взаимоотношений, складывающихся в Верхнем Поднепровье, Приильменье и Волго-Окском междуречье в I тысячелетии н. э. и приведших к образованию северной ветви древнерусского населения. Сейчас уже невозможно ограничиваться повторением мнений большинства историков XIX — начала XX в., представлявших себе эти этнические процессы элементарно просто: до последней четверти I тысячелетия н. э. здесь жили балтийские и финно-угорские племена, а затем пришло русское население, и все дальнейшее представляет собой его историю. Нет, эти процессы были исключительно сложными и весьма длительными, а культура местных племен послужила большим и серьезным вкладом в культуру северных русских земель.

Появившаяся недавно книга Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья» представляет в связи со сказанным выше очень большой интерес. В книге суммирован обширный археологический материал, в том числе интереснейшие новые данные, явившиеся результатом многолетних полевых исследований автора в Ярославском и Костромском Поволжье и на нижней Оке. Особенно ценны материалы, относящиеся к мерянским и муромским поселениям второй половины I тысячелетия н. э., всесторонне обрисовывающие их культуру и экономику накануне превращения междуречья в провинцию древнерусского государства. На основании большого материала

[1] Д. К. Зеленин. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности. Тр. Ленингр. о-ва по изучению культуры финно-угорских народностей, I, 1929.

автор дает картину жизни этих племен в период возникновения в Залесье и на нижней Оке древнейших русских городов и процесса постепенной ассимиляции мери и муромы русским населением в условиях Ростово-Суздальского и Муромского княжеств. Материал изложен настолько ясно и убедительно, что теперь уже ни при каких обстоятельствах не может возникнуть вопрос, принимали ли финно-угорские племена участие в образовании русской народности.

Вместе с тем книга Е. И. Горюновой не лишена и ряда серьезных недостатков. Главным из них является то, что, имея в своем распоряжении фактические данные, происходящие преимущественно из восточной части междуречья и области нижнего течения Оки, Е. И. Горюнова распространила свои основные выводы на все Волго-Окское междуречье. В итоге она не только не увидела в своем материале всех особенностей и сторон процесса формирования северного русского населения, но и заняла как бы враждебную позицию к попыткам изучения этого процесса в целом. Словом, Е. И. Горюнова встала на защиту устаревших взглядов историков и археологов XIX—начала XX в.

Второе, в чем можно упрекнуть Е. И. Горюнову,— это очень упрощенное отношение к вопросам развития культуры самих финно-угорских племен. Она исходит, очевидно, из того, что на территории Волго-Окского междуречья финно-угорское население жило всегда. Поэтому ее не смущают ни резкие сдвиги в культуре, ни появление новых категорий памятников. Она не ищет доказательств для обоснования преемственности в развитии культуры. Зачем это делать, когда все эти памятники финно-угорские! Например, Е. И. Горюнова даже не задумывается над вопросом о появлении в мерянской земле после середины I тысячелетия н. э. рядовых могильников (Хотимльского, Холуйского, Сарского). Раньше у местного дьяковского населения таких могильников не было. С первых веков нашей эры подобные памятники распространились по берегам Оки. Более ранние, несколько иные по культуре могильники, известны в Волго-Камской области. Так что же все это значит? Может быть, мерянские племена пришли в междуречье лишь в VI в., а раньше здесь жили другие финно-угры? А если мерянские племена обитали здесь с давних времен (что нужно доказать), то чем же можно объяснить факт появления у них могильников? Насколько мне известно, для бассейна нижней и средней Оки вопрос о генетической преемственности культуры дьяковско-городецких городищ и культуры рязано-окских могильников отнюдь не решен. Не решен он и для мерянской земли. Так как же можно этот важный вопрос обходить молчанием! Ниже, при рассмотрении соответствующей главы, я еще вернусь к этому сюжету. Здесь он приведен лишь как один из примеров неисследовательского отношения к материалу, к сожалению, довольно обычного для археологов финно-угроведов. Очевидно, и тут дело не обошлось без традиций XIX — начала XX в., когда вопросы истории нерусских племен не считались заслуживающими серьезного внимания. Но ведь нужно же иметь в виду, что финно-угорские племена и народы — это отнюдь не однородная масса. Судя по данным языка, финно-угорские народы нередко отличаются друг от друга в значительно большей степени, чем народы, скажем, индоевропейской семьи. И их история заслуживает самого пристального внимания.

2

Первая и вторая главы работы Е. И. Горюновой посвящены эпохе бронзы и раннего железа, т. е. культуре II и I тысячелетий до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. По мысли автора, материалы, освещенные в этих главах, должны показать, как сложился «этно-культурный тип» мери и муромы.

Здесь Е. И. Горюнова поступает безусловно правильно, систематически, шаг за шагом прослеживая связи Волго-Окского междуречья с Прикамьем и Приуральем, где находилась, так сказать, колыбель финно-угров. Следы этих связей, как она убедительно доказывает на большом материале, обнаруживаются с очень раннего времени — в ее материале со II тысячелетия до н. э., они были очень отчетливы в ананьинскую эпоху, не прерывались и позднее. Но, наряду с этим, Е. И. Горюнова оставляет без внимания собственно местную историю. Поэтому остается неясным, что было решающим в этногенезе волго-окских финно-угров, с какого времени население Волго-Окского междуречья возможно называть финно-угорским, с какого времени можно говорить о мери и муроме? На эти вопросы первая и вторая главы не дают сколько-нибудь определенных ответов, хотя бы в гипотетической форме.

Совершенно напрасно Е. И. Горюнова обошла вопрос о коренном населении Волго-Окского междуречья — о поздненеолитических племенах ямочно-гребенчатой керамики, которые, как известно, многими археологами рассматривались и рассматриваются как прямые предки или один из компонентов волго-окских, северных и прибалтийских финно-угров. Таково мнение А. М. Тальгрена и ряда других финляндских археологов. Его же в той или иной мере разделяют А. Я. Брюсов и М. Е. Фосс. Совсем недавно Л. Ю. Янитс писал, что появление племен ямочно-гребенчатой керамики в Восточной Прибалтике положило начало прибалтийско-финских племен. Е. И. Горюнова о племенах ямочно-гребенчатой керамики, к сожалению, почти не упоминает. Свое изложение она начинает с происхождения фатьяновской культуры и ее роли в этногенезе племен междуречья. В какой связи привлечены здесь фатьяновские материалы, остается совершенно не ясным. Ведь в археологии господствует мнение о фатьяновских

племенах как о ветви древних индоевропейцев, что подтверждается и антропологическими данными. Для Е. И. Горюновой роль фатьяновцев в этногенезе междуречья также не ясна. Она лишь указывает, без какой-либо аргументации, что эти племена оказали влияние на культуру местного населения (стр. 12). Но с этой точкой зрения, как известно, не согласны специалисты по древним эпохам. Например, А. Я. Брюсов отмечает «...отсутствие на фатьяновских памятниках всяких следов связи с окружающими их неолитическими племенами и почти полное отсутствие у последних следов связи с фатьяновцами...» — «...Окские племена,— продолжает он,— не заимствовали у фатьяновцев скотоводства.... не производили с ними никакого обмена»[2]. Эту же мысль, в справедливости которой трудно сомневаться, А. Я. Брюсов повторил в одной из своих последних работ. Он указал на враждебное отношение к фатьяновцам со стороны «...многочисленных племен культур с ямочно-гребенчатой керамикой (предков угро-финнов...», о чем «...красноречиво свидетельствует отсутствие признаков какой-либо культурной связи между теми и другими на протяжении более 500 лет»[3].

Когда я впервые открыл книгу Е. И. Горюновой и увидел, что изложение начинается с фатьяновской культуры, у меня мелькнула мысль, что автор книги является последователем известного польского археолога — ныне эмигранта Т. Сулимирского, выступившего несколько лет назад с оригинальной «теорией» о происхождении финно-угров от фатьяновцев[4]. Однако Е. И. Горюнова об этой «теории» не говорит ни слова, хотя было бы очень интересно узнать ее мнение как специалиста по финно-угорским древностям.

И еще одно замечание на фатьяновскую тему. Е. И. Горюнова пишет (стр. 12), что памятники балановской культуры не известны в области Волго-Окского междуречья. Это неправильно. Еще в 1954 г. А. Я. Брюсов опубликовал погребение из Б. Бунькова, а в 1960 г. В. М. Раушенбах — погребение со стоянки у д. Николо-Перевоз. В. М. Раушенбах отметила балановские черты в своей керамике[5]. Ныне очевидно, что оба памятника относятся к балановской культуре. К ним можно прибавить третий — поселение «Дикариха» на Плещеевом озере, исследованное А. Л. Никитиным. Этот материал еще не опубликован, но достаточно широко известен.

Нельзя согласиться с Е. И. Горюновой и в том, что «прямое отношение» к этногенезу населения Волго-Окского междуречья имеют носители абашевской культуры, территория которой простиралась якобы «... от Калуги и Плещеева озера до Магнитогорска» (стр. 12—13). На самом деле такой территорией абашевские племена никогда не владели. Они были основными обитателями сравнительно небольшой области в пределах современных Чувашской и Марийской республик. Их поселения известны также в Приуралье, где сложился своеобразный вариант абашевской культуры. В Волго-Окском междуречье известен абашевский курганный могильник на Плещеевом озере, найденный мной и Я. В. Станкевич в 1939 г., второй — на Оке, около Касимова, и раскопан один курган вблизи Малоярославца. Курганы около Петряихи во Владимирской обл., исследованные П. С. Савельевым в середине прошлого века, являлись скорее всего позднефатьяновскими, судя по находкам там каменного сверленого топора[6]. Таким образом, в Волго-Окское междуречье проникали лишь отдельные группы абашевского населения, в десятки раз более малочисленные, чем фатьяновцы. И если последние не оставили заметного следа в культуре местного населения, то об абашевцах и говорить не приходится. Нельзя указать ни одного случая, когда на поселениях местных племен был найден хотя бы один абашевский черепок или обнаружился бы мотив абашевского орнамента, очень своеобразного, совсем не похожего на местные орнаменты.

Стремление Е. И. Горюновой подчеркнуть роль абашевской культуры в этногенезе междуречья объясняется тем, что ей очень импонирует мысль К. В. Сальникова о приуральском происхождении этой культуры. Эту мысль, однако, как известно, не поддержал никто из специалистов, указавших, что истоки абашевской культуры следует искать как раз в противоположном направлении[7]. Поставить в упрек Е. И. Горюновой ее неправильную интерпретацию абашевской культуры, однако, нельзя, так как основные абашевские материалы ей не были известны — они были опубликованы в 1961 г. Впрочем, она могла познакомиться с материалами дискуссии об абашевской культуре, состоявшейся в Москве в 1958 г.

---

[2] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 94.

[3] А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3, стр. 33.

[4] T. Sulimirski. Polska prehistoryczna. I, London, 1955, стр. 156.

[5] A. J. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäeologie. Acta archaeologica. København, 1954; В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. Тр. ГИМ, 37, 1960.

[6] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, стр. 43—45, 84.

[7] Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, 97. Вопросы происхождения абашевской культуры были всесторонне обсуждены на Отчетном пленуме ИИМК 1958 г. в Москве. Проф. Г. Ф. Дебец недавно сообщил мне, что новые антропологические материалы, происходящие из абашевских курганов, свидетельствуют о европейском (юго-западном) происхождении абашевцев.

Правильную оценку в работе Е. И. Горюновой получило движение на запад уральско-камских неолитических и энеолитических племен. «Наиболее активную роль в этно-культурной истории Волго-Окского междуречья и всего лесного Севера Восточной Европы,— пишет она на стр. 16,— сыграла, по-видимому, культурная волна, которая шла с востока, со стороны Западного Приуралья». О передвижении населения с востока на запад много раз писал А. Я. Брюсов. После работ О. Н. Бадера о Прикамье мысль об этом сдвиге древних племен переросла состояние гипотезы, превратившись в систему бесспорных фактов. Один такой ранее малоизвестный факт приводит и Е. И. Горюнова, публикуя керамику со стоянки, бывшей на месте Сарского городища, и упоминая материалы из Уницкой стоянки под Ростовом. На основе всех этих фактов, как мне представляется, уже можно строить гипотезу о началах этнической истории волго-окских, северных и восточноприбалтийских финно-угорских племен [8].

Как уже указывалось, досадным недостатком первой и второй глав является то, что Е. И. Горюнова, поглощенная отысканием связей Волго-Окского междуречья с Прикамьем и Приуральем в разные периоды бронзового и железного веков, не уделила внимания местным процессам в области культуры. Между тем, эти процессы были очень существенными. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. в Волго-Окском междуречье и на широких соседних территориях они привели к созданию новой, неизвестной ранее культуры текстильной (сетчатой) керамики, на основе которой вскоре развивается культура дьяковских и в какой-то мере — городецких городищ.

Появление культуры текстильной керамики было, очевидно, результатом крупных перемен в местной экономике. Древние формы быта и культуры, восходящие к эпохе господства охотничье-рыболовческого хозяйства, сменились новыми формами, связанными с распространением и ростом скотоводческо-земледельческого хозяйства, в чем большую роль сыграли южные племена (поздняковская культура). Но в это же время происходили, по-видимому, и серьезные этногенетические процессы.

Носители культуры текстильной керамики были, без сомнения, финно-уграми. Собственно говоря, на данном этапе развития науки их культуру можно считать древнейшей бесспорно финно-угорской культурой. Она была распространена по всем старым финно-угорским землям по Нижней Каме, по Волге и Оке (исключая ее верхнее течение), на Валдайской возвышенности и далее на северо-западе — вплоть до территории Эстонии и Финляндии. Юго-западная граница этой культуры шла от Рижского залива к верхнему течению Западной Двины и далее на юго-восток по волго-днепровскому водоразделу, приблизительно в направлении Калуги так, что верховья Оки с ее притоком Угрой оставались за границами культуры текстильной керамики. Обрисованная граница совпадает с северо-восточной границей балтийской гидронимики, что очень важно. В настоящее время в СССР и Финляндии накопился большой материал по ранним поселениям с текстильной керамикой.

Очень интересным является вопрос — почему в западных и центральных частях восточноевропейской финно-угорской территории возникла культура текстильной керамики, а в восточных — ананьинская и другие близкие ей культуры? Почему в раннем железном веке восточноевропейские финно-угры не имели однородной культуры, если мы допускаем, что главную роль в этногенезе всех восточноевропейских финно-угров сыграли продвинувшиеся на запад камско-уральские неолитические и энеолитические племена?

В свете материалов последнего времени, особенно материалов О. Н. Бадера, на этот вопрос может быть дан такой ответ. Разница в облике культуры раннего железного века, разделяющая Камско-Уральскую область и территории, лежащие от нее на запад, явилась результатом проникновения с востока в западное Приуралье и на Каму новой группы монголоидных племен, о чем много писали как археологи, так и антропологи. Смешение пришельцев с позднетурбинскими племенами дало ананьинскую культуру. Если бы вторжения из Зауралья не было, то на основе турбинской и ей подобных культур на Средней Каме и восточнее сложилась бы культура с текстильной керамикой, точно так же, как она сложилась вначале на Нижней Каме, до распространения туда ананьинской культуры.

Все эти вопросы, очень интересные и далеко не исследованные, имеющие непосредственнное отношение к этногенезу финно-угорских племен междуречья Волги и Оки, почему-то не заинтересовали Е. И. Горюнову. Она ограничивается такой формулировкой: «В западном Поволжье и прилегающих к нему с севера и юга областях в это же время (начало I тысячелетия до н. э.— *П. Т.*) получает развитие имеющая ряд локальных вариантов культура, которая по ряду признаков была объединена под общим условным названием дьяковской» (стр. 21). И все. В итоге получилось впечатление, что главным в древней истории и этногонии Волго-Окского междуречья являются всякого рода влияния, которые испытывало население этой области со стороны прикамских и приуральских племен. Здесь можно усомниться в правильности методологических позиций автора книги.

Остановлюсь еще на одном частном вопросе. На стр. 24 книги помещены рисунки керамики из ранних дьяковских городищ, в которой Е. И. Горюнова видит черты сходства с посудой ананьинской культуры. В основном она, очевидно, права. Но следует

[8] П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, 2.

иметь в виду, что керамика древнейших верхневолжских городищ (городище у Калязина, Городок, Охотино, Топорок и др.) была связана с ананьинской не прямо, а опосредствованно. На р. Шексне у д. Борочек и в других пунктах на месте современного Рыбинского водохранилища известны стоянки с керамикой, близко напоминающей посуду позднего этапа каргопольской культуры [9]. Нет сомнения, что керамика древнейших верхневолжских городищ, не отличающаяся от борочковской, относится к этому же кругу. Она близка каргопольской, ну а последняя, как известно, в какой-то мере родственна ананьинской.

Заглавие второй части книги — «Дославянское население междуречья V—X вв. (Меря)» не вполне точное, так как в этой части рассматривается материал и значительно более ранний — все, что относится к культуре дьяковских городищ, восходящих своими ранними слоями ко второй четверти I тысячелетия до н. э.

В начале второй части дана хронологическая классификация древних поселений на три большие группы. Древнейшая группа включает в свой состав дьяковские городища с текстильной (сетчатой) керамикой VII в. до н. э.— III в. н. э. Вторая группа объединяет городища с неорнаментированной керамикой III—VI вв. н. э. В третью хронологическую группу входят городища и селища конца I тысячелетия н. э., синхронные могильникам. Вслед за этим в книге дано описание памятников всех групп по районам: Московская, Владимиро-Суздальская, Ярославская группы, памятники района оз. Неро, причем некоторым памятникам, наиболее важным и исследованным, посвящены особые разделы работы. При этом характеризуются материалы как старых, давно исследованных городищ — Дьякова, «Пирожной горы», Березняковского, Сарского и др., так и раскопанных за последнее время и в кратком виде публикуемых впервые. Особенного внимания заслуживают результаты исследований Е. И. Горюновой на Попадьинском селище (Ярославская обл.) середины и третьей четверти I тысячелетия н. э., где были открыты остатки 10 жилых и хозяйственных построек разного типа, погибших от пожара, и на Дурасовском городище (Костромская обл.), относящемся к концу I тысячелетия н. э., где также были обнаружены следы построек и собран интересный вещественный материал для характеристики культуры и быта жившего здесь мерянского населения.

Разделение археологических памятников по территориальным группам отнюдь не является их культурно-территориальной классификацией. Автор рассматривает культуру всей исследуемой области как нечто единое, нигде не указывая, что, скажем, ярославские памятники отличаются от ростовских или московских. Е. И. Горюнова считает, что попытки новой территориальной классификации дьяковских городищ были бы сейчас преждевременными вследствие недостаточной изученности этой культуры (стр. 44). Она принимает классификацию А. А. Спицына, указывая, что изучаемые ею памятники укладываются в границы одной группы — владимирско-московской.

Что касается хронологической классификации, то с ней следует согласиться. Она не новая, ее основы были указаны еще археологами начала нашего века, и она выдержала проверку временем. Более дробная классификация городищ с текстильной (сетчатой) керамикой, существующая в литературе для тех целей, которые ставит Е. И. Горюнова в своей работе, не является необходимой.

Важно здесь, однако, другое — хотелось бы знать, чем обусловлены определяющие эту классификацию признаки, эти этапы в развитии местной культуры, о чем они говорят, каково их историческое и этническое содержание? Ведь случайностей в развитии культуры не бывает, и каждое новое явление в культуре, а особенно комплекс синхронных явлений, должно о чем-то говорить. Задача археологического исследования заключается в расшифровке и объяснении этих явлений. К сожалению, Е. И. Горюнова остается верной себе: она обходит молчанием вопросы истории и этногонии местных племен, те вопросы, ради которых ведутся археологические исследования.

Если мы обратимся к материалам ранней группы городищ, то она характеризуется, кроме текстильной керамики, обилием костяных предметов, сравнительно небольшим числом изделий из железа и бронзовыми украшениями, преимущественно камских (ананьинско-пьяноборских) типов. Культура эта была однородной на территории всего междуречья.

На городищах второй группы представлена неорнаментированная глиняная посуда, более профилированная, чем текстильная; по обрезу венчика она нередко украшалась косыми насечками, ямками или отпечатками какого-либо штампа. Этой посуде в небольшом количестве сопутствует лощеная керамика характерного облика, иногда черного цвета, резкопрофилированная, нередко реберчатая. Обычны маленькие сосудики — как бы игрушечные. Костяных изделий в это время становится значительно меньше, зато заметно возрастает число железных орудий. Среди украшений, теперь уже не камских, а волго-окских типов, появляются вещи с красной и зеленой эмалью, фибулы, пирамидальные подвески и некоторые другие вещи новых, не финно-угорских форм. Появляются такие характерные изделия, как «грузики дьякова типа», ранее неизвестные. Наконец, как правильно указывает Е. И. Горюнова (стр. 47), заметно усиливается потребность защищать поселения более массивными укреплениями — валами и рвами.

[9] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1939 гг. ИГАИМК. 109, 1935, стр. 123, 129—131; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 92—101.

Сравнивая материальную культуру первой и второй хронологических групп, не трудно убедиться, что в облике культуры в III—IV вв. произошел существенный сдвиг. Новая культура заметно отличается от старой, сохранявшейся без каких-либо резких изменений в течение почти тысячи лет. Вместе с тем у нас нет никаких данных говорить, что здесь произошла коренная смена населения. И я, и О. Н. Бадер, и другие исследователи, изучавшие дьяковские городища, никогда не сомневались в генетической преемственности культуры городищ первой и второй хронологических групп. Преемственность ясно прослеживается по керамическому материалу. Сетка исчезает постепенно, хотя в течение сравнительно непродолжительного периода, так же постепенно развивается привычка украшать венчик косыми насечками.

О чем же говорят эти изменения, эти новые черты в культуре населения междуречья? Говорят ли они лишь о внутренних процессах, связанных с тем, что население междуречья вступило в развитой железный век, или же во всех этих новых особенностях культуры можно и нужно усматривать нечто гораздо большее? Я придерживаюсь второй точки зрения и считаю ее единственно правильной.

Нетрудно заметить, что в своем большинстве эти новые черты культуры, появившиеся в III—IV вв., ярче всего представлены не в восточных, а в центральных и западных частях междуречья. Лощеная резкопрофилированная керамика встречается преимущественно на верхневолжских, верхнеокских и московских городищах, таких, как Пекуновское (30 сосудов), Савниковское, Синьковское, Дьяково и мн. др.[10]. В районе Ярославля и Ростова ее значительно меньше, а на костромских городищах, кажется, совсем нет. То же самое следует сказать о «грузиках дьякова типа», обильных на западе и в центре междуречья и почти не встречающихся на востоке. Вещи с эмалью и некоторые другие сопутствующие им изделия уже с полной определенностью указывают на запад в область балтийских культур.

Теперь уже хорошо известно, что в первые века нашей эры в области Верхнего Поднепровья, главным образом в ее восточных частях, распространилась культура зарубинецкого типа, ничем не связанная с более древними местными культурами: юхновской, милоградской, древней смоленской культурой типа нижнего слоя городища Тушемля, древней верхнеокской культурой типа нижнего слоя городищ Никола Ленивец или Надежда. В одних местах с появлением культуры зарубинецкого типа развитие местной культуры оборвалось. Очевидно, местное население было изгнано и покорено. Так было на территории современной Гомельщины и на всем протяжении бассейна р. Десны, которая была главным путем распространения культуры зарубинецкого типа на север. В Гомельщине и Черниговщине эта культура появилась в I в. до н. э.— I в. н. э., а на Брянщине — во II—III вв., о чем говорят найденные на поселениях многочисленные фибулы позднелатенских и балтийских форм. Другие части Верхнего Поднепровья, куда зарубинецкое население не проникло, подверглись в области материальной культуры очень сильному влиянию со стороны пришельцев. Так было на левобережной Смоленщине и в верхнем течении Оки, включая сюда поречье Угры. Обо всем этом я уже писал в одной из последних статей, где приведена соответствующая библиография[11].

Так, не приходится сомневаться, что керамика второй группы городищ междуречья Оки и Волги сложилась под сильным и непосредственным влиянием со стороны появившейся в Верхнем Поднепровье культуры зарубинецкого типа. Все характерные особенности этой керамики идут именно отсюда — и косая насечка по венчику, и формы сосудов, и лощение, и маленькие сосудики.

Грузики дьякова типа в верхнеднепровской культуре зарубинецкого характера не встречаются. Но они обычны для местной культуры Смоленщины и ряда других культур первой половины I тысячелетия н. э., связывающихся с древними балтами. Наименование этих грузиков в свете новых данных следовало бы изменить, назвав их хотя бы грузиками балтийского типа. Это элемент балтийской культуры. В области Волго-Камья на бесспорно финно-угорских землях они не встречаются.

О вещах с эмалью и фибулах и говорить не приходится. Они пришли в междуречье с запада. Следует сделать серьезный упрек Е. И. Горюновой, которая самым тщательным образом рассмотрела все связи междуречья с Прикамьем, а западных элементов в культуре по сути дела не отметила. Крупнейший знаток восточноевропейского железного века, Х. А. Моора полагает, что в южной и юго-западной областях дьяковской территории, т. е. в верховьях Волги и западной части Волго-Окского междуречья «должны были обитать балты»[12]. Я воздержался бы от столь категорического утверждения, но полагаю, что какая-то часть балтов, а, вероятно, вместе с ними и зарубинецкий этнический элемент, проникли на территорию междуречья, обусловив возникновение здесь

---

[10] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 101, 105, 129, 131—132; его же. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947, стр. 141—145; А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА РАО, VII, I, 1905, стр. 86.

[11] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1.

[12] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 23, 27.

той этнически смешанной культуры, которая характеризует поздние дьяковские городища. Если бы в междуречье появились лишь балтийские украшения, это можно было бы объяснить торговыми связями. Но когда здесь распространяются верхнеднепровские типы керамики и грузики дьякова типа, т. е. элементы материальной культуры, которые явно не продавались и не покупались, необходимо допустить наличие тесных этнических связей — инфильтрацию населения.

Я полностью уверен, что культура зарубинецкого типа принадлежала древним славянам. Она не могла принадлежать балтам хотя бы потому, что ее основная территория в Среднем Поднепровье лежала за пределами ареала балтийской топонимики, совпадая с областью древнейшей славянской топонимики. Она не могла принадлежать и каким-то третьим, неизвестным племенам хотя бы потому, что лингвисты, указывающие на длительные славяно-балтийские контакты и связи, не находят следов какого-то третьего языка, разделяющего восточных славян и балтов. Однако, как известно, наиболее скептически настроенные археологи считают, что генетическая связь зарубинецкой культуры и славянской культуры середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. еще далеко не доказана. Здесь не место для споров на эту тему. Укажу лишь, что бесспорная для всех послезарубинецкая славянская культура появляется повсюду в VI в. Так она убедительно датируется у П. Н. Хавлюка на Ю. Буге, у Д. Т. Бодянского в Надпорожье, у Л. Б. Артишевской на Десне. Так она датируется и во многих других местах, в частности за рубежом нашей страны. Следовательно, если встать на позиции археологов-скептиков и рассматривать племена зарубинецкой культуры в качестве племен еще загадочных, то и в этом случае в обрисованную выше картину сложения смешанной культуры в западных и центральных частях Волго-Окского междуречья придется внести лишь очень небольшие коррективы. И с этих позиций мы не сможем исключить роли расселения славян в тех исторических и этнических условиях, о которых свидетельствует смешанная культура поздних дьяковских городищ.

С точки зрения обрисованных выше процессов я подхожу и к оценке материалов городища у д. Березняки. Там найдены обломки нескольких резкопрофилированных черных лощеных сосудов, маленькие сосуды, черепки, украшенные по венчику косой насечкой, и грузики дьякова типа. Найдены две вещи с эмалью и единственная в Верхнем Поволжье арбалетовидная фибула с трапециевидным хвостом. Другими словами, западные элементы культуры представлены здесь весьма отчетливо, особенно если к ним присоединить знаменитый домик мертвых. Е. И. Горюнова права, считая этот домик (с его пятью-шестью захоронениями) «каким-то исключительным» явлением, вероятно, не соответствующим господствовавшему в этом крае погребальному обряду (стр. 75). Но вместе с тем Е. И. Горюнова всячески пытается доказать, что домик мертвых является финно-угорским, я же продолжаю настаивать, что его нужно связывать с большим кругом славянских (или балто-славянских) погребальных памятников — такими же точно домиками, но спрятанными под курганной насыпью. Не буду больше утомлять читателя нашим спором о Березняковском городище, которое я рассматриваю как памятник смешанной культуры [13], и ограничусь лишь тремя замечаниями.

Е. И. Горюнова указывает, что мои взгляды на Березняки не были всегда строго постоянными. Этот упрек я принимаю, но поставить себе в вину не могу. Что было известно по археологии железного века в Верхнем Поднепровье в конце 30-х годов, когда были раскопаны Березняки? Ровно ничего. А сейчас у меня перед глазами материалы более чем десятилетних работ в этой области, проведенных мной, Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковой, Л. Б. Артишевской, В. В. Седовым, Е. А. Шмидтом, А. К. Амброзом, М. Ф. Заверняевым и другими археологами. Понятно, что в ходе этих работ многое уточнялось и переоценивалось. Прежде всего, выявилась очень большая роль балтов в истории Верхнего Поднепровья.

Второе замечание. Е. И. Горюнова пишет, что «...П. Н. Третьяков проводит искусственную границу по линии Ярославль — Коломна, которая якобы размежевывает два этнокультурных массива: ...сознательно избегает ссылок на фактический материал...» (стр. 63). Она, очевидно, не обратила внимания на опубликованную мною археологическую карту с большим списком памятников, на основании которой эта граница проведена [14]. Теперь я могу сослаться еще и на другую, столь же убедительную карту, опубликованную Е. И. Горюновой (стр. 99). Здесь показано распространение наиболее характерных для мерянской культуры X — начала XI в. бронзовых украшений: коньков, треугольных подвесок и височных колец мерянского типа. Нетрудно убедиться, что западная их граница проходит как раз по линии Ярославль — Коломна. Исключение составляют лишь две вещи этих типов, найденные на Мологе и Шексне, т. е. уже вне междуречья.

Третье замечание касается карты остатков древних жилищ (стр. 66). В 1956 г. Е. И. Горюнова сделала первую попытку охарактеризовать древние жилища Волго-Окского междуречья, ошибочно сравнив их с родановскими (камскими) полуземлянками [15]. Теперь, уже не вспоминая о родановских жилищах, она опубликовала другую

---

[13] П. Н. Третьяков. Об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э., СА, 1957, № 2.

[14] П. Н. Третьяков. Там же, стр. 66.

[15] Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, 65, 1956, стр. 4—13.

карту, указывая, что на всей территории междуречья были одинаковые жилища — «типичные наземные жилища финно-угорских племен» (стр. 67). Но карта эта в ее настоящем виде бессмысленна. Ее смело можно продолжить на запад до Атлантики — везде строились наземные дома. На карте было бы необходимо показать отдельно постройки столбовой конструкции и срубные дома и вместе с тем разобраться в их хронологии. Кроме того, в число наземных жилищ у Е. И. Горюновой попали и жилища-полуземлянки. Разве одно и то же представляют собой наземные березняковские жилища, попадьинские жилища и, скажем, жилища Юрьевецкого городища, являющиеся, как пишет Л. А. Евтюхова [16], овальной ямой размером 3,40 × 2,25 *м* и глубиной 0,45 *м* в материке? Суздальские жилища, «пол которых был углублен не более чем на 0,5 *м*»[17], также попали в число наземных. Но ведь 0,5 *м* — это глубина большинства славянских землянок. Словом, древние типы жилищ Волго-Окского междуречья еще предстоит исследовать.

Теперь обратимся к памятникам третьей хронологической группы — последних веков I тысячелетия н. э. Для их характеристики Е. И. Горюнова располагает материалами лишь восточной части междуречья, где расположены Сарское и Дурасовское городища, некоторые другие поселения и все могильники. Все это — несомненно памятники мерянской культуры, имеющей ряд специфических особенностей, которые отличают ее от культуры других соседних финно-угорских племен. Территория мерянских племен определяется упомянутой выше картой распространения характерных форм бронзовых украшений. Но, судя по историческим данным, меряне обитали и северо-восточнее — там, где позднее возник г. Галич Мерский. Очерки мерянской культуры конца I тысячелетия н. э. (поселений и могильников) являются, по моему мнению, лучшими страницами второй части книги. Здесь на богатом фактическом материале дана характеристика хозяйства мерянских племен, их ремесла и торговли, этнических черт в материальной культуре, верований и, конечно, связей с камско-уральским миром. Эта тема, как я уже указывал, во всей книге хорошо проработана.

Перед автором можно поставить лишь один вопрос, уже упомянутый выше,— вопрос о появлении могильников. Наиболее ранними могильниками финского типа на берегу Волги будет несколько раннепьяноборских, находящихся ближе к устью Камы. В первые века нашей эры рядовые могильники появляются уже на широкой территории Западного Поволжья и поречья Средней Оки, причем более ранние из них обнаруживают черты преемственности с пьяноборскими. На мерянской территории могильники распространяются лишь в VI в. н. э., когда в материальной культуре поселений обнаруживаются некоторые новые черты. Собственно говоря, культуру VI—VII и последующих веков уже нельзя назвать дьяковской, хотя черты преемственности здесь как будто бы налицо.

Не являясь специалистом в области раннесредневековой финно-угорской археологии, я не могу предложить своего решения вопроса о появлении могильников. Решений как будто бы возможно два: или распространение могильников было результатом каких-то исторических и этнических сдвигов, передвижений в правобережной угро-финской среде, или же здесь происходило распространение нового для местных племен обряда захоронения, т. е. были сдвиги в области идеологических представлений, в религии и культах, совершавшиеся неодновременно в разных частях волжского Правобережья. В том и другом случае вопрос является, несомненно, очень сложным, но его необходимо хотя бы поставить, приведя аргументы в пользу того или другого решения. Если будет принято первое решение, тогда, очевидно, о мери можно будет говорить лишь применительно к памятникам VI и последующих веков в восточной части междуречья (к востоку от линии Ярославль — Коломна). Нет никаких оснований предполагать, что могильники более ранние еще будут найдены или что они будут найдены западнее линии Ярославль — Коломна.

Здесь уместно разрешить одно недоразумение. Е. И. Горюнова упоминает о «мерянском» могильнике у с. Вакина на р. Москве, открытом П. П. Ефименко в 1921 г и содержащем погребения первых веков нашей эры (стр. 126). В 1928 г., работая в археологической экспедиции, руководимой П. П. Ефименко, я осмотрел место Вакинского могильника, которое мне показали участники раскопок 1921 г.— крестьяне с. Вакина. Село и могильник находятся на правом берегу р. Оки, несколько выше с. Кузминского с его знаменитым могильником, рядом с известным Борисоглебским городищем. На карте, опубликованной мной в 1957 г., Вакинский рязано-окский могильник был указан [18]. Но Е. И. Горюнова оставила это без внимания — так ей, очевидно, хотелось, чтобы западнее линии Ярославль — Коломна был мерянский могильник, да еще ранний! Что же касается архивного дела, на которое ссылается Е. И. Горюнова, то там не сказано, где расположен могильник, а указано лишь, что открытый лист был выдан П. П. Ефименко для обследования древних памятников по течению р. Москвы. Но П. П. Ефименко в тот год заехал и на р. Оку в с. Вакино [19].

---

[16] Л. А. Евтюхова. Описание раскопок Юрьевецкого городища в г. Юрьевце на Волге Иваново-Вознесенской губ. 1928 года. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского Губернского Научного общества краеведения за 1928 год. Иваново 1929.

[17] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 10.

[18] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 66, рис. 1, № 45.

[19] Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, дело 89, 1921. Отчет о раскопках П. П. Ефименко.

Е. И. Горюнова обратила внимание на встречающуюся в восточной части междуречья посуду в виде широких круглодонных мисок, нередко украшенных отпечатками веревочки, сравнивая ее с камской. Она даже присвоила ей наименование «мерянско-камского типа». Не отрицая того, что эта изредка встречающаяся посуда в какой-то части может указывать на связи с Прикамьем, хочу отметить, что она попадала в междуречье главным образом с севера, из земли древней веси, где имела самое широкое распространение, ведя свое начало еще от керамики позднекаргопольской культуры. Ближайшие аналогии тимеревским сосудам этого типа (стр. 131) и одинаковым с ними михайловским были встречены П. А. Суховым на городище IX—X вв. у с. Городище на Белом озере[20]. Такая посуда (без орнамента) встречается в Старой Ладоге и, как правильно отмечает Е. И. Горюнова,— в курганах Южного Приладожья. Такая посуда, богато орнаментированная, имеется на средневековых городищах Архангельской и Вологодской областей.

Забегая несколько вперед, укажу на один глиняный сосуд, который попал в число «мерянско-камских», по-видимому, по недоразумению (стр. 238—239). Речь идет о сосуде из кургана у д. Чижево Костромской обл. который, после того как его опубликовал в 1903 г. А. А. Спицын, всегда всеми рассматривался как фатьяновский. Я был свидетелем, как его смотрели А. И. Тальгрен, Б. С. Жуков, А. Я. Брюсов и ряд других археологов. У А. А. Кривцовой-Граковой в работе 1947., г посвященной фатьяновским памятникам Поволжья, это сосуд и курган, из которого он происходит, также справедливо рассматриваются как фатьяновские[21]. Как же возможно без какой-либо мотивировки переносить этот сосуд из II тысячелетия до н. э. в XII—XIII вв. н. э.?

4

Третья, очень небольшая по объему часть работы посвящена дославянскому населению поречья Нижней Оки VII — XI вв.— племени древней муромы. Точнее же она представляет собой описание результатов раскопок и материалов Тумовского селища IX—XI вв., находящегося около г. Мурома и исследованного автором в 1947—1950 гг. К описанию предпосланы две маленькие вводные главы, в общих чертах освещающие летописные сведения о мурому, литературу вопроса, касающуюся, главным образом, отношения муромы к мордовским племенам, и сведения о памятниках городецкой культуры. Материалов ближайших могильников древней муромы автор совсем не касается, указывая, что это сделано в работе А. Ф. Дубынина «Летописное племя мурома», пока неопубликованной. Таким образом, по своей форме, содержанию и хронологическому материалу эта часть книги коренным образом отличается от предыдущей, посвященной мере.

Результаты раскопок Тумовского селища, несмотря на то, что было исследовано чуть более 10% его площади, представляют большой интерес. Было обнаружено 37 жилых, хозяйственных и производственных (ремесленных) сооружений. Древней формой жилищ являлись прямоугольные полуземлянки, углубленные в грунт на 1 *м*, с каменными очагами-печами. Позднее основным типом жилищ стали наземные рубленые избы. Большой вопрос вызывает лишь утверждение автора, что избы имели деревянный настил на полу. Это не вяжется с тем, что известно по старинным этнографическим материалам, и в то же время ничем в книге не аргументировано. Соображения автора раскопок об изменении планировки селища, отражающем якобы распад большой семьи, очень интересны, но в свете опубликованного плана раскопок также недостаточно аргументированы (стр. 166).

Убедительными являются заключения о характере хозяйства жителей селища, в котором преобладающую роль играло скотоводство, прежде всего — свиноводство и разведение молочного скота. Земледелие играло хотя и важную, но все же второстепенную роль (стр. 168). Тумовцы занимались также добычей и обработкой железа, ювелирным делом и, вероятно, другими ремесленными промыслами, в археологическом материале не отразившимися. На селище найдены один целый и обломки арабских диргемов и весовая гирька.

Тумовское селище входило в группу поселений, на месте которых возник город Муром. «На протяжении примерно полуторавековой жизни поселка,— пишет Е. И. Горюнова о Тумовском селище,— в его экономике произошли крупные сдвиги, ускорившие процесс выделения ремесла в самостоятельную отрасль со специализацией мастеров, которые оторвались от сельского хозяйства и превратились в ремесленников в собственном смысле слова» (стр. 178). О том, что такой процесс шел в муромской среде, было известно и раньше на основании хотя бы некоторых погребений Подболотьевского могильника, но материалы Тумовского селища обрисовывают его очень конкретно и убедительно. Об этом процессе говорится и в других местах книги, где речь идет о местной муромской основе города Мурома (стр. 162, 203—204).

В противоречии со всем этим находится стремление Е. И. Горюновой рассматривать древнюю Тумовку как рядовую муромскую деревню (стр. 181—182). Очевидно, это совсем не так. Да и как можно, исследовав десятую часть одного селища, говорить

[20] П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в Южном Белозерье. МИА, 6, 1941.

[21] А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА РАО, V, I. 1903, стр. 89; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 23, рис. 6.

о характерных чертах муромской деревни в целом. Здесь необходимы, видимо, большие дополнительные исследования не только в окрестностях Мурома, но и на периферии земли древней муромы.

5

Последняя, четвертая, часть книги — «Славянская колонизация междуречья и ассимиляция местных племен (X—XII вв.)» — начинается с утверждения, что «первые следы славянской колонизации на Верхней Волге и Волго-Окском междуречье относятся к X в.» (стр. 183). Здесь мы снова возвращаемся, следовательно, к спорным вопросам, уже рассмотренным выше в связи с разбором второй части книги.

Приведенные здесь слова Е. И. Горюновой применимы и то с поправкой на один век, лишь к восточным частям междуречья и к Костромскому Поволжью, куда русские продвинулись позднее, чем в западные области. Это была в полном смысле слова колонизация, опирающаяся на возникающую государственность — на древнерусские города и на вооруженные дружины. В течение короткого срока одного-двух столетий сюда переселилось большое число людей из Новгородской и Смоленской земель, а также, кажется, и из южных областей, о чем говорят формы височных колец и других украшений из курганов XI—XII вв.

Совсем иначе протекало расселение славян в предшествующие столетия по верхнему течению Днепра, в верховьях Двины, на Великой, Ловати, Мсте, Верхней Волге и в той части междуречья Волги и Оки, которая лежала к западу от «линии Ярославль — Коломна», т. е. вне границ мерянских земель. Это было постепенное расселение небольших групп земледельцев, не объединенных государственной властью даже в форме древних «княжений». Встречи с местным балтийским и финно-угорским населением приводили в этих условиях к самым различным результатам, и если в конце концов славянское начало победило, то этому предшествовали столетия «этнического состязания», в ходе которого повсеместно создавалась в той или иной степени смешанная культура. Сейчас уже очевидно, что кривичи, словени, вятичи, вероятно, радимичи — это уже, собственно говоря, не славяне, а древнерусские племена, имеющие в своем составе значительный процент балтов и какую-то часть финно-угров. Их культура была смешанной. Как указывалось выше, такая смешанная культура, отражающая «этническое состязание», в котором победитель далеко не сразу определился, распространилась в IV—VI вв. и в западных и центральных частях Волго-Окского междуречья.

Перейду теперь к аргументации Е. И. Горюновой, не повторяя сказанного при разборе второй части книги.

Уже давно установлено, что русское население Ростово-Суздальской земли сложилось, главным образом, за счет новгородской и смоленской (кривической) колонизации. «Путь новгородцев отмечен характерными могильными памятниками — сопками, которые тянутся по Мологе и ее притокам...». В Ярославском Поволжье они составляют древнейшую часть большого курганного могильника у с. Михайловского и могильника у д. Б. Тимерево (стр. 183). Дальше указано, что Я. В. Станкевич датировала некоторые курганы этих могильников второй половиной IX в., хотя в статье Я. В. Станкевич на указанной Е. И. Горюновой странице приведена совсем иная дата — вторая половина VIII в.[22]. Далее Е. И. Горюнова коротко характеризует инвентарь этих курганов, который дает четкие комплексы с монетными привесками VIII в. В кургане № 27 Михайловского могильника была найдена монетная привеска 712—713 гг. «Таким образом,— резюмирует Е. И. Горюнова,— древнейшие погребальные комплексы Михайловского и Б. Тимеревского могильников могут быть датированы временем не ранее X в.» (стр. 185). Думаю, что можно не приводить какие-либо дополнительные доказательства, чтобы показать, что Е. И. Горюнова ошибается здесь не менее чем на сто лет, а может быть, и на полтораста. Ведь нельзя же допустить, чтобы монета служила привеской около двухсот лет! И это не единичный случай!

Далее речь идет о кривичских длинных курганах, которые на Смоленщине теперь достаточно хорошо датированы VII—IX вв., а на Псковщине несколько более ранним временем. Характеризуя эти памятники, Е. И. Горюнова опирается лишь на работы А. А. Спицына, который был пионером их изучения и постоянно колебался, кому они принадлежат: кривичам или литовцам. «Ничего в этом плане не дает и работа С. А. Тараканової»,— заключает Е. И. Горюнова (стр. 187). Из работ современных авторов она называет лишь небольшую публикацию Е. А. Шмидта, исследовавшего могильник с большим числом прибалтийских вещей (стр. 186). Не упоминается в книге о капитальном исследовании В. В. Седова, посвященном этим памятникам[23], вышедшем в свет более чем за полгода до сдачи в набор книги Е. И. Горюновой, а много ранее защищенной в качестве диссертации. Впрочем, тактика «умолчания» коснулась и А. А. Спицына там, где он считал, что длинные курганы (он датировал их VIII—IX вв.) имелись в Ростово-Суздальской земле. Он перечислял и вещи, которые, возможно, с ними связываются. В другом месте А. А. Спицын указывал, что В. А. Городцову были известны в б. Ярославской губ. пять пунктов с длинными курганами[24]. Вот чем

[22] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, 6, 1941, стр. 82.

[23] В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, 1.

[24] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, 15, 1905, стр. 95—96; его же. Удлиненные и длинные курганы. ЗОРСА РАО, V, 1, стр. 201.

нужно было серьезно заняться Е. И. Горюновой вместо того, чтобы «стоять на смерть» за X век, как начальную дату колонизации междуречья!

Третьей группой славянских памятников второй половины I тысячелетия н. э., присутствие которых обнаруживается в западной части междуречья, являются круглые курганы с трупосожжениями, характеризуемые наличием кольцевой деревянной ограды и нередко деревянного ящика, куда помещались остатки кремации. Такие курганы, как теперь выяснилось, были не только у вятичей, но и у северян и, кажется, у радимичей. «Радимичи, вятичи и север один обычай имяху... мертвеца сожжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу и поставляху на столпе на путях...». Теперь таких столпов-курганов известно уже очень много, и не только на Верхней Оке и Верхнем Дону, но и во многих пунктах на Десне. Л. Б. Артишевской в Кветуни около Трубчевска кольцевые канавки встречены в курганном могильнике, датируемом VI, а может быть, и V в. н. э.

Е. И. Горюнова считает, что кольцевая ограда — это отнюдь не особенность погребального сооружения, а его второстепенный признак (стр. 210). Если это так, то почему же кольцевая ограда встречается лишь в курганах определенной области? Она исключает из числа этих памятников известные курганы у д. Шаньково и Почепок VI—VII вв., утверждая, что их устройство не имеет ничего общего с другими, более поздними. Однако мной еще в 1941 г. были опубликованы хранящиеся в архиве Института археологии планы и профили трех курганов, исследованных Н. И. Булычевым, устройство которых во всех деталях соответствует Боршевским и другим однотипным с ними курганам [25]. Об этих планах Е. И. Горюнова, к сожалению, не говорит ни слова. Здесь опять имеет место «умолчание». Что же касается своеобразной керамики этих курганов, то, как правильно указывает Е. И. Горюнова (стр. 212), она близко напоминает зарубинецкую. Я могу лишь уточнить, что эта керамика повторяет основные типы посуды верхнедеснинской культуры зарубинецкого характера. Правильным является и сравнение этой керамики с позднедьяковской,— именно об этом я говорил при разборе второй части книги, перечисляя западные, верхнеднепровские черты в культуре позднедьяковских городищ. Наконец укажу, что обычай помещать сосуды (урны) вверх дном характерен для длинных курганов. Возможно, что это черта балтийской культуры. Как будто балтийскими являются и фибулы из курганов у деревень Шаньково и Почепок. В литературе уже проскальзывал вопрос, не принадлежат ли эти курганы голяди, подвергшейся славянизации. Но исключать их из круга верхнеокско-деснинских погребальных памятников, конечно, никак нельзя.

Ожесточенная атака, предпринятая Е. И. Горюновой против курганов с оградами и деревянными «домовинами», имела главной целью «нанести удар» по исследованному А. В. Арциховским в 1946 г. кургану у с. Беседы — около Москвы, который был определен в качестве раннеславянского, с чем Е. И. Горюнова не согласна. Следует указать, что в окрестностях Москвы имеется немало одиночных курганов, нередко больших размеров. Было бы очень целесообразно заняться их изучением.

Итак, если в IV—VI вв. в Волго-Окском междуречье, преимущественно в западной и центральной ее частях, распространилась в той или иной мере смешанная культура, которую можно назвать финно-угорско-балто-зарубинецкой, что свидетельствовало о просачивании сюда населения из Верхнего Поднепровья, то с начала последней четверти I тысячелетия н. э. здесь появляются первые памятники, принадлежащие северным древнерусским племенам. Их число пока очень не велико, специально ими никто не занимался. И очень жаль, что Е. И. Горюнова отнеслась к ним столь агрессивно.

Так же, между прочим, обстояло дело в поречье Оки, в его рязанском отрезке. Около середины I тысячелетия н. э. в материалах рязанских могильников появляются украшения днепровских типов (как северных балтийских, так и среднеднепровских), черная лощеная керамика и обряд трупосожжения, связанный, как доказывают А. П. Смирнов и А. Л. Монгайт, с проникновением в местную мордовскую среду отдельных групп славянского (и балтийского.— *П. Т.*) населения с запада [26]. А после VII—VIII вв. рязано-окское финно-угорское население куда-то уходит, могильники перестают функционировать. В. А. Городцов и П. П. Ефименко давно связывали этот факт с ранней славянской колонизацией поречья Средней Оки, следы которой имеются в виде селищ и отдельных погребений с трупосожжениями.

Заканчивая отзыв о книге Е. И. Горюновой и обращаясь к рассмотрению последних глав четвертой ее части, прежде всего хочу с удовлетворением отметить, что новых споров больше не будет, а отдельные замечания нисколько не повлияют на положительную оценку этих глав, посвященных этническим судьбам некоторых восточных частей междуречья и Костромского Поволжья в X—XIII вв. Массовый материал из курганных могильников, который рассмотрела в этих главах Е. И. Горюнова, позволил сделать большое число ценных выводов. Автор книги как бы продолжила и значительно углубила с привлечением более широкого материала ту работу, которую начал А. А. Спицын во «Владимирских курганах».

---

[25] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 6, 1941, стр. 151—152.

[26] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 138—155; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М. 1961, стр. 72, 79, 80.

Совершенно правильно в книге указано, что в X в. русское население в мерянской области образовывало лишь несколько «островов»: около Углича, около нынешнего Ярославля, на озерах Неро и Плещеево и на «плодородных островках юрьевского и суздальского ополья» (стр. 190). Я подчеркнул бы лишь, что, пожалуй, самым важным пунктом концентрации славянского населения в междуречье были в это время берега Плещеева озера. Е. И. Горюнова ошибается, когда говорит, что здесь было девять курганных могильников — их было не менее 24: у с. Кабанского — 1, у д. Аламовой — 1, у с. Веськова — 3, у с. Б. Бремболы — 5, у д. М. Бремболы — 1, в Переяславле и его окрестностях — 3, у с. Городище, д. Криушкиной и около Александровой горы — не менее 10. Всего П. С. Савельевым здесь раскопано около 3,5 тыс. курганов[27], т. е. без малого половина всех курганов, раскопанных им и А. С. Уваровым в 50-годах XIX в. на территории Ростово-Суздальской земли. Их значительная часть принадлежала к X—XI вв. Такая концентрация населения в этом пункте вполне понятна. Плещеево озеро было связано с Верхней Волгой прекрасным водным путем — р. Нерлью Волжской.

Далее автор коротко останавливается на вопросе о возникновении русских городов на северо-востоке Руси, еще раз возвращаясь к своей хорошо аргументированной мысли о том, что многие русские города, возникшие здесь в X в., имели свою местную экономическую предысторию. Речь идет о Ростове на озере Неро, о Суздале, о Муроме, упомянут Ярославль. Здесь следовало бы назвать еще один город, находящийся на северо-восточном берегу Плещеева озера,— городище Александрову гору. По моему мнению, именно оно являлось древним Клещиным конца IX—X вв. Что же касается более позднего городища у с. Городище, с которым иногда связывают место Клещина, то это был древнейший Переславль, вскоре перенесенный «от Клещина» на устье р. Трубежа, где, судя по обилию курганных могильников, было сосредоточено несколько селений.

Материалы курганных могильников XI—XIII вв. рассматриваются Е. И. Горюновой по районам. В северной части современной Московской области преобладало кривичское население. Мерянский этнический элемент здесь почти не ощущался, что и следовало ожидать, имея в виду «линию Ярославль — Коломна». Такую же картину дают, как известно, вятические курганы в центральной, южной и западной частях Московской области. Никаких следов пребывания мери и других финно-угров здесь нет. Если принять мнение Е. И. Горюновой о том, что эта область была заселена славянами лишь в XI в., а до этого принадлежала мере (стр. 206—214), остается непонятным, почему курганы XI—XII вв. совсем не содержат здесь мерянских вещей. Таким образом и курганы XI—XII вв. убедительно свидетельствуют о том, что в предыдущие столетия меря здесь не жила. Однако край отнюдь не являлся пустыней. Здесь, конечно, уже два-три века жило древнерусское население.

Совсем иную картину выявляют курганные кладбища Ивановской, Костромской и отчасти Ярославской областей. В их инвентаре финно-угорские элементы представлены в изобилии. Финно-угорской чертой, как правильно указывает автор книги, является наличие в погребениях многочисленных орудий труда и мерянских форм глиняной посуды. Самой яркой чертой является множество мерянских украшений в женских могилах. Автором книги сделана очень интересная попытка реконструировать на их основании костюм мерянской женщины XII—XIII вв. (стр. 240—224).

Но здесь у меня возникло и некоторое сомнение: можно ли все чудские элементы в костромских курганах относить за счет мери? Уж очень много общих черт чудские украшения костромских курганов имеют с чудскими древностями Новгородских пятин. И не было ли сюда притока не только новгородских славян, но и новгородской чуди?

Для решения этого и ряда других вопросов, связанных со средневековой культурой мери, было бы очень интересно исследовать синхронные костромским курганам погребальные памятники на территории «мерских станов», упоминаемых в документах вплоть до XVI в. Пока эти памятники совсем не известны, в частности и на территории ближайшего к Костроме «мерского стана», находившегося в междуречье Волги и низовьях р. Костромы. Нет никаких сведений о средневековых могильниках в «Мериновской волости» около Кинешмы; нет таких памятников вблизи Галича Мерского. В то же время могильники I—XIII вв. хорошо известны у марийцев, муромы, мордвы, удмуртов, коми и карелы. Очевидно, у мерянских племен господствовал какой-то другой погребальный обряд, вероятно, такой же, как у соседней веси, в земле которой также нет средневековых могильников. Курганы Южного Приладожья в расчет приниматься не могут, так как они, несомненно, возникли под русским влиянием. Может быть, этот неизвестный обряд мери и веси вел начало еще от населения дьяковских городищ, погребальные памятники которого также не образовывали могильник. Отсюда следует вывод, что культура мерянских племен, по мнению Е. И. Горюновой, близких северным уграм, еще очень мало известна. Она продолжает оставаться загадкой, как любил повторять в свое время А. А. Спицын. Но эта загадка уже не является такой темной, как в начале нашего века, и в этом — большая заслуга Е. И. Горюновой.

П. Н. Третьяков

[27] Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 8. П. С. Савельева. Этими материалами пользовался А. А. Спицын при работе над «Владимирскими курганами»....

Археологические статьи в Трудах Саратовского областного музея краеведения. Вып I, 1956, 123 стр.; вып. II, 1959, 143 стр.; вып. III, 1960, 237 стр. Саратов

С 1956 г. Саратовский областной музей краеведения начал издавать свои труды, в которых значительное место уделено археологии. Статьи по археологии Нижнего Поволжья написаны в основном саратовскими археологами И. В. Синицыным, П. Д. Степановым и Е. К. Максимовым. Тематика их разнообразна и весьма интересна.

Выпуск I составляет археологический сборник (Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. I. Археологический сборник, Саратов, 1956). Он начинается статьей П. Д. Степанова «Вольское городище» (стр. 5—21). Автор статьи дает характеристику материала, собранного им на ныне почти разрушенном городище «Попово блюдечко» близ г. Вольска. Судя по комплексам вещей, П. Д. Степанов выделяет в нем три культурных слоя: 1) эпохи неолита, или ранней бронзы, 2) поселения срубно-хвалынской культуры и 3) городища с «рогожной» керамикой. Пожалуй, самыми интересными являются наиболее ранние материалы городища — керамика неолитического облика, ибо памятники неолита, или «доямные», до сих пор почти не изучены в Нижнем Поволжье. Автор статьи сопоставляет эту раннюю керамику Вольского городища с керамикой, собранной на дюнных стоянках Нижнего Дона. На основании находок керамики срубно-хвалынской культуры П. Д. Степанов допускает наличие здесь поселения бронзовой эпохи конца II — начала I тысячелетия до н. э. Однако из статьи неясно, чем определяется дата этого поселения, так как отсутствует характеристика керамики и не приводятся иллюстрации. Так же бездоказательно отнесение слоя с «рогожной» керамикой ко второй половине I тысячелетия до н. э.

В статье И. В. Синицына «Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени» (стр. 22—64) подробно публикуются курганные погребения савроматов и сарматов, раскопанные П. С. Рыковым в 1935—1937 гг. около г. Элисты, И. В. Синицыным в 1938 г. у с. с. Максютово и Успенки Саратовской области и в 1941 г. около г. Энгельса. Автор дает общую характеристику этих памятников и датировку, разбивая их на ряд хронологических групп от VI в. до н. э. до V в. н. э. Эти материалы существенно дополняют наши взгляды на культуру сарматов Нижнего Поволжья.

Статья Е. К. Максимова «Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв на территории Нижнего Поволжья» (стр. 65—85) является первой сводкой всех памятников этого типа в Нижнем Поволжье. Датировки автора и несомненная генетическая связь этих погребений с местными сармато-аланскими погребениями первых веков нашей эры у меня не вызывают возражения. Вслед за И. В. Синицыным, автор статьи делает вывод о том, «что сарматские памятники не исчезают, а продолжают бытовать на территории Нижней Волги» (стр. 66) вплоть до VIII в. и что «принадлежность погребений V—VIII вв. сармато-аланским племенам не вызывает сомнения» (стр. 82). Однако последнее не кажется столь абсолютным. Если значительные изменения в составе материальной культуры, выраженной инвентарем этих погребений, и можно еще считать эпохальным явлением, то как объяснить то новое, что мы замечаем в погребальном обряде Поволжья, начиная с V в. до н. э.? Это относится прежде всего к появлению обычая класть в могилу шкуру или чучело коня (череп и ноги с копытами) на ступеньки входных ям. Этот обычай совершенно чужд сарматам, зато хорошо известен ряду тюркских племен, в том числе печенегам, судя по письменным источникам. Сам автор отмечает исчезновение посыпки покойника и дна могилы мелом или известью, положения кусочков мела, значительное ослабление значения огня в погребальном ритуале, т. е. тех черт ритуала, которые были особенно характерны для всех этапов развития сарматской культуры Поволжья. Да и основной состав погребального инвентаря — особенно оружие (наконечники стрел и сложные луки с костяными накладками), жесткое седло с высокими луками, бляшки поясного набора — восточный, тюркский. Следовательно, и материальная культура в это время подвергается значительному изменению, причем совершенно новым здесь является пояс с набором металлических бляшек, чуждый сарматам и характерный для тюркского населения. Столь значительные изменения культуры вряд ли можно объяснить только влиянием культуры тюркских племен и видеть «непрерывную линию развития сарматской культуры в степях Поволжья вплоть до VII—VIII вв. нашей эры» (стр. 81). Конечно, это уже не сарматская культура, а тюркская, но со значительными элементами сарматской. Что касается носителей этой культуры, то в них, конечно, можно видеть и потомков части прежнего сарматского населения, уцелевшей от гуннского разгрома, но уже значительно смешавшегося с тюркскими группами и, вероятно, ассимилированного последними. Недаром ряд погребенных в могилах Поволжья V—VIII вв. имеют монголоидные черты. Сам автор пишет, что «в это время начинается процесс слияния тюрко-язычных и иранских народов» (стр. 66). Собранные Е. К. Максимовым археологические памятники как раз и отражают этот процесс ассимиляции.

П. Д. Степанов в статье «Из истории земледелия в Нижнем Поволжье» (стр. 86—114) собрал интересные материалы по земледелию у народов Поволжья с древнейших времен до XVI в. Он прослеживает историю земледелия на этом большом отрезке времени. Особенно ценна здесь сводка бронзовых серпов не только с территории Поволжья, но и Северного Кавказа, ананьинской культуры и Башкирии. Убедительны его выводы о проникновении в Поволжье изогнутых серпов с юга — из Прикубанья и Кавказа, а другой формы — с прямым лезвием и горбатой спинкой — с востока. Интересно и его

заключение, что находки из Сосновой Мазы являются «заготовками», из которых «по мере надобности уже на местах изготовляли ножи или серпы приуральского типа» (стр. 95). Для сарматской эпохи автор статьи целиком отрицает какой-либо вид земледелия в Поволжских степях. Он считает, что продукты земледелия, о которых мы узнаем из материалов некоторых сарматских погребений (просо и даже пшеница), проникали к сарматским племенам от земледельческих племен Приазовья и Прикубанья «Отсутствие каких бы то ни было земледельческих орудий в памятниках сарматских,— пишет он,— делает беспочвенным предположение о занятии земледелием некоторых сарматских племен в Поволжье» (стр. 105). Такая категоричность утверждения П. Д. Степанова напрасна. Ведь в некоторых сарматских могилах известны зернотерки, в частности одна из них опубликована в данном сборнике И. В. Синицыным из кургана № 3 группы Цаган-Эльсин близ г. Элисты (стр. 42, рис. 20). Вполне возможно, что некоторые сарматские племена, как и более поздние кочевники и полукочевники Поволжья, знали культуру проса — неприхотливого и быстро созреваемого злака.

В последней, небольшой статье Е. К. Максимова «Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш, Саратовской области» (стр. 115—123) автор публикует очень интересное богатое погребение с трупосожжением срубной культуры, в составе погребального инвентаря которого был найден бронзовый наконечник копья сейминского типа. Обряд трупосожжения как редкое явление был и ранее известен у срубных племен Поволжья. Он применялся главным образом при погребении знатных представителей рода, что лишний раз подтверждает материал из кургана у ст. Карамыш. Автор правильно сопоставляет карамышское копье с копьями из Бессарабского клада и Сейминского могильника, которые относит ко времени между XIV и XII вв. до н. э. Тем неожиданнее его стремление «датировать все найденные в кургане предметы концом эпохи бронзы» (стр. 122). В действительности наконечник копья, да и весь комплекс вещей, говорит за более раннюю дату, скорее всего середину или по крайней мере третью четверть II тысячелетия до н. э.

Во II выпуске Трудов Саратовского областного музея краеведения (Саратов, 1959) археологии Нижнего Поволжья посвящены три статьи: Е. К. Максимова, М. Р. Полесских и Б. Б. Жиромского.

Е. К. Максимов в статье «Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области» (стр. 87—94) публикует результаты своих раскопок четырех курганов на окраине г. Петровска. Они связаны с кочевниками и датируются XIV в.

М. Р. Полесских в статье «Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв.» (стр. 95—113) описывает пензенскую группу городищ и селищ с красной станковой керамикой XIII—XIV вв. Автор дает общее описание этих городищ и характеристику обнаруженных на них вещей, публикует планы ряда городищ.

Статья Б. Б. Жиромского «Забытая страница в истории русской археологии» (стр. 114—134) важна для истории изучения памятников Золотой Орды. Она посвящена оценке археологической деятельности А. В. Терещенко, который в течение 9 лет проводил большие раскопки древнего города Сарая — столицы Золотой Орды. Автор считает, что деятельность А. В. Терещенко как исследователя памятников Золотой Орды должным образом не оценена и незаслуженно забыта в русской исторической науке. Он признает «исследования царевских развалин Терещенко ...высшей точкой изучения золотоордынских городов Нижнего Поволжья в XIX веке» (стр. 132). Автор статьи считает необходимым ввести в научный оборот материал из рукописных дневников и отчетов Терещенко, который дает много нового по топографии, архитектуре и ремеслу золотоордынской столицы.

В выпуске III (Саратов, 1960) интересна статья П. Д. Степанова «Хвалынские городища» (стр. 50—89), в которой автор дает новую оценку саратовских поселений городецкой культуры, ставит по-новому вопрос о появлении городецких племен на Волге и делает интересные заключения о технике изготовления сетчатой и рогожной керамики городецкой культуры. Анализируя материалы Хвалынских городищ, собранные местным краеведом-любителем М. А. Радищевым, П. Д. Степанов отмечает, что данные М. А. Радищева недостаточно критически были использованы некоторыми современными исследователями (А. П. Смирновым, Н. В. Трубниковой) в своих работах по городецкой культуре. Он обращает внимание на большое своеобразие хвалынской группы памятников, отличающее их от городецких памятников Оки.

П. Д. Степанов вступает в дискуссию с Н. В. Трубниковой и др. по вопросу происхождения городецкой культуры в Саратовском Поволжье. Он отрицает генетическую связь между срубно-хвалынской и городецкой культурами, и его доводы против концепции Н. В. Трубниковой нам кажутся вполне убедительными. В связи с этим П. Д. Степанов разбирает вопрос о происхождении «рогожной» керамики, рассматривает «сетчатые» и «рогожные» отпечатки на сосудах как отпечатки ткани и специального штампа, как результат особого технического приема лепки глиняных сосудов. Эта мысль впервые была высказана В. А. Городцовым. Автор статьи, продолжая ее, убедительно показывает технику изготовления посуды с «псевдорогожным» и «текстильным» рисунком на стенках. Эти сосуды готовились без форм и «мешочков», а техникой «налепа» с последующей обработкой стенок сосудов для их уплотнения особыми штампами и кусками ткани. Для своих доказательств П. Д. Степанов приводит ряд интересных этнографических данных. Этот экскурс в область техники дает автору материал для решения проблемы этногенеза городецких племен. Он отмечает, что следов культуры

переходного характера, которые связывали бы срубно-хвалынские и городецкие памятники Поволжья, не обнаружено. Он относит хвалынскую группу памятников к племенной группе, переселившейся на Волгу из Приокского района, где на базе позднеэнеолитической культуры в начале I тысячелетия до н. э. складывается новый культурный комплекс, получивший название городецкой культуры. К сожалению, вопрос о времени заселения приволжских городищ от Самарской луки до Ахмата Саратовской области остался вне поля зрения П. Д. Степанова. Правда, предположительно автор статьи относит его к VI—V вв. до н. э., но на каком основании он это делает, на основании каких, как он выражается «косвенных данных»,— остается нераскрытым.

Большая статья Е. К. Максимова «О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья» (стр. 90—132) содержит не только детальную хронологию савроматских памятников, но и общую характеристику савроматской культуры, основанную на новых археологических материалах Нижнего Поволжья VII—IV вв. до н. э. Однако Е. К. Максимов недостаточно уделил внимания датировке некоторых важных савроматских памятников. Остановимся несколько подробнее на этой части работы. В целом схема хронологического членения савроматских памятников, отраженная в таблице на стр. 120, 121, правильна, однако не вполне ясны сами принципы датировки и отсюда неубедительна более дробная датировка некоторых погребальных комплексов, в частности наиболее важного из них — Блюменфельдского кургана А-12, который является своего рода эталоном для датировки других савроматских погребений. Е. К. Максимов почему-то датирует этот курган очень точно серединой V в. до н. э. (стр. 109). На основании сравнительных данных из Скифии его следует датировать концом VI — первой половиной V в. до н. э. Погребение 2 в кургане № 6 второго Бережновского могильника, которое содержало горшок архаичной формы и не менее древнюю группу стрел, чем Блюменфельдский курган, Е. К. Максимов датирует временем не ранее середины V в. до н. э. (стр. 113). Детское погребение 3 в кургане № 5 у г. Энгельса с выразительным набором стрел, архаическим сосудом и акинаком, дату которого Е. К. Максимов определяет концом VI — началом V в. до н. э. (стр 123), правильнее отнести ко времени не позднее второй половины VI в. до н. э.

Е. К. Максимов полемизирует со мной по вопросу о происхождении савроматов и их культуры. Однако я вовсе не отрицаю большого вклада потомков андроновских племен в сложении савроматской культуры, хотя и придаю большое значение племенам срубной культуры в этом процессе. Делаю это потому, что на этот вопрос раньше исследователи не обращали должного внимания, а также и потому, что «в культуре доноволжских савроматов трудно уловить особые черты андроновцев» (за исключением андроновского антропологического типа). Последнее я объясняю тем, «что в течение ряда веков происходила постепенная нивелировка культуры срубных племен и западных андроновцев... участие которых в формировании савроматов представляется бесспорным» (ВДИ, 1947, № 3, стр. 10). Я вовсе нигде не говорю, что местные срубно-хвалынские племена были основным этническим компонентом в сложении сарматов. В основном их было два: местный компонент срубной культуры и пришлый для Поволжья компонент андроновской культуры. Какой из них преобладал — покажут дальнейшие археологические и антропологические исследования в Поволжье. Е. К. Максимов также признает участие местных племен срубной культуры и прямо пишет: «Местные племена эпохи бронзы безусловно сыграли определенную роль в сложении савроматов, ибо с приходом сюда племен андроновского антропологического типа (что я тоже признаю.— *К. С.*) они не исчезли, а могли лишь раствориться в новом массиве племен» (стр. 130). Е. К. Максимов приводит ряд интересных примеров сходства между керамикой савроматов и срубных племен, особенно в поволжских поселениях конца эпохи бронзы, и тут же делает неожиданное заключение: «Эти черты сходства не позволяют еще говорить о генетической связи срубной и савроматской культур» (стр. 127). Конечно, здесь я со своим оппонентом резко расхожусь, ибо, повторяю, местный, срубный компонент действительно считаю одним из главных. Археологические материалы, которые особенно важны для выводов этнического характера, погребальный обряд и местная керамика — лучшее тому доказательство. Отсутствие в оружии таких местных форм, которые могли послужить исходными образцами для савроматского оружия (хотя это и не совсем так), а также отсутствие преемственности в формировании звериного стиля в искусстве (но его мы не имеем и у андроновцев) не дает право считать савроматов выходцами из южной Сибири. Говоря о восточном компоненте савроматов, следует иметь в виду вовсе не Сибирь, а Оренбургские, Казахстанские и, может быть, Приаральские степи.

Маловероятным нужно признать предположение об образовании кольцевидной формы навершия сарматских мечей под влиянием западносибирских типов оружия (стр. 101) и об изготовлении в Поволжье ранних стрел по сибирским образцам (стр. 106).

Е. К. Максимов интересно ставит вопрос о выделении нескольких савроматских племенных групп на основании различных погребальных типов. Автор правильно имеет при этом в виду и другие отличия в погребальном ритуале внутри каждой группы савроматов. Правда, размеры статьи не позволили ему дать более подробную характеристику этим племенным группам.

В целом, несмотря на мою критику статьи Е. К. Максимова, она интересна как опыт по историко-культурному синтезу археологических памятников, в основном новых, добытых за последние годы.

Статья И. В. Синицына «Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия» (стр. 133—152) посвящена результатам исследования автора в 1930, 1931 и 1946 гг. по северо-западному побережью Каспийского моря от дельты Волги до нижнего течения Кумы. Им были обследованы дюнные поселения с примитивными орудиями микролитического типа и керамикой эпохи бронзы, особенно той посуды, которая встречается в катакомбных погребениях южных районов Нижнего Поволжья. И. В. Синицын отмечает, что «поселения приволжской полосы Северо-Западного Каспия по всему облику культурных остатков и характеру их расположения входят в единый культурный массив поселений степных и полупустынных районов... всего Северо-Западного Прикаспия» (стр. 149). И. В. Синицын обнаружил на этих поселениях, особенно в районе с. с. Басы и Зензели, черепки посуды сарматской культуры, свидетельствующие о кратковременных остановках небольших сарматских групп во время перекочевок. Остатки таких же поселений с черепками савроматской и сарматской эпох были собраны ранее П. С. Рыковым в Калмыкии и по Ахтубе. Этот материал, хотя пока еще небольшой, весьма важен для изучения истории сарматов Поволжья, в особенности для их хозяйства и быта.

И. В. Синицын отмечает, что характер расположения древних поселений позволяет уточнить ряд вопросов, связанных с изменением уровня Каспийского моря.

В сборнике очень интересны статьи И. Я. Ханина и А. А. Чигуряевой. В статье И. Я. Ханина «К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья» (стр. 153—184) изложены результаты исследования специалиста — металлурга медных и бронзовых изделий из древних памятников Поволжья. Статья дает много нового по истории металлургии и металлообработки у древних племен Нижнего Поволжья. Металловедческое исследование, произведенное автором статьи, позволило ему подтвердить высказанную ранее археологами мысль о связи Нижнего Поволжья с южноуральскими очагами металлургии уже в эпоху ямной культуры, которая прослеживается и в последующие периоды. На основе анализа металлических вещей срубной культуры Поволжья автор пришел к заключению, что основная масса металлических изделий этой культуры сделана из меди, причем содержащийся в составе меди никель дает ему возможность предположить происхождение металла из медноруд ных месторождений Южного Урала. Автор касается и технологических вопросов. Исследование твердости ножей срубной культуры привело его к выводу о применении холодной ковки для уплотнения и твердости меди, а небольшое количество олова, обнаруженное в ножах, являлось следствием добавок бронзового лома при плавке металла местными мастерами в тиглях. Кавказ — важный поставщик проушных топоров, но допустимо и местное изготовление их, а также втульчатых наконечников копий и браслетов. Основными же поставщиками металла, как убедительно показывает И. Я. Ханин, являлись андроновские племена Южного Урала.

Автором впервые был произведен анализ некоторых железных изделий скифо-сарматской эпохи (мечей и кинжалов). Он установил наличие естественных примесей в железе, которые хорошо известны в железных рудах Оренбургской области. Анализируя бронзовые вещи (особенно стрелы) из сарматских могил, он установил, что общий состав бронзы в этих изделиях отличается от состава металла стрел Северного Причерноморья и Кубани и основная масса металла шла в Нижнее Поволжье опять-таки с Южного Урала, отчасти из Среднего Урала, Казахстана и Сибири.

Кроме ковки и отливки металлических изделий нижневолжскими сарматами широко практиковалась сварка железа, а также применялась цементация и закалка. И. Я. Ханин считает, что сарматам было известно и лужение, которому подвергались бронзовые зеркала, бляхи и пр. Однако этот вопрос еще остается открытым, ибо лужёные изделия могли быть и привозными.

Последняя статья, связанная с археологией, написана специалистом-ботаником А. А. Чигуряевой — «Растительность Заволжья эпохи раннего железа» (стр. 185—188). В ней приводятся результаты спорово-пыльцевого анализа из подстилок, горшков и стенок могил Нижнего Поволжья эпохи железа. Этот анализ показал, что растительность исследованного района (низовья Еруслана) слагалась из лесных и травянистых типов, причем травянистый тип растительности доминировал. Древесная же растительность состояла в основном из березовых колков, сосновых боров и ольшанника. В результате автор приходит к выводу, что растительность в эпоху раннего железа была близка к современной растительности данного района; подобное сходство устанавливается и для эпохи бронзы, а следовательно, растительность Заволжья с эпохи бронзы до современности не претерпела существенных изменений; небольшие изменения шли в сторону уменьшения площади лесных массивов.

Последние две статьи показывают, насколько полезно и плодотворно сотрудничество археологов и специалистов других наук для решения ряда исторических вопросов.

В целом археологические статьи всех трех выпусков представляют очень большой интерес для развития советской археологии как в отношении публикации нового материала, так и по линии разработки различных вопросов археологии и древней истории Нижнего Поволжья. Следует приветствовать выход в свет трудов Саратовского музея краеведения, в которых большое место занимают новые работы и научные достижения археологов,— исследователей этого края.

К. Ф Смирнов

«Сборник по археологии Вологодской области». Изд. Вологодского областного краеведческого музея, 1961, 204 стр.+ 20 рис. + 1 табл. Тираж 2000. Цена 50 к.

В послевоенные годы ряд областных музеев — Ярославский, Горьковский и др., а также Смоленский краеведческий институт возродили хорошую старую традицию издания краеведческих сборников с публикацией научных исследований. В 1961 г. к этому ценному начинанию примкнул и Вологодский краеведческий музей, опубликовав свой первый «Сборник по археологии Вологодской области». Издания такого рода представляют интерес не только для специалистов узкого профиля, но и являются ценным пособием для местных деятелей культурного фронта — педагогов, музейных работников, краеведов и др. В статьях составивших рецензируемый сборник, освещаются не только отдельные страницы древней истории края (статьи А. Я. Брюсова, И. К. Цветковой, Л. А. Голубевой, А. В. Никитина), но дается также реконструкция древнего физико-географического ландшафта области с его растительными компонентами и климатическими колебаниями (статья Г. Н. Лисицыной).

Статья Г. Н. Лисицыной «Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже», подводящая итог ее многолетних исследований на р. Модлоне, еще раз подтвердила плодотворность содружества археологов и естественников. Расселение человека, развитие его хозяйства, особенно на ранних ступенях культуры, в значительной степени зависело от природных условий, конкретных для каждого физико-географического района. Применение метода споро-пыльцевого анализа позволило автору выяснить степень облесенности края, видовой состав растительности и последовательное изменение флоры в голоцене. Сопоставление результатов пыльцевого анализа с археологической стратиграфией, глубиной залегания культурных остатков и мощностью торфяного покрова позволило сделать выводы о степени влажности климата в отдельные периоды голоцена, водном режиме (уровне вод) рек и озер. Увязка археологического материала с результатами споро-пыльцевого анализа показала, что одновременно с торфонакоплением и подъемом уровня вод происходило интенсивное распространение такой водолюбивой породы, как ель, которая в III и II тысячелетиях до н. э. составляла в Вологодской области основную массу лесных массивов. Это свидетельствует об относительной влажности климата того времени и позволяет автору внести существенный корректив в наше представление, основанное на мнении геологов и палеоботаников о наступлении во II тысячелетии до н. э. сухого и более теплого, так называемого «суббореального ксеротермического» периода. Этот период, по мнению Г. Н. Лисицыной, имел место в более раннее время (IV—III тысячелетия до н. э.), когда, согласно пыльцевым диаграммам, на данной территории господствовали широколиственные леса (дуб, липа, вяз, орешник), а среди животного мира встречались теплолюбивые виды. Публикуемые в сборнике результаты палеоботанических исследований в районе оз. Воже выходят за пределы узко регионального значения.

Статья И. К. Цветковой «Неолитические поселения в районе Белого озера» представляет собою отчет о разведках и раскопках, проведенных Череповецким музеем совместно с Государственным историческим музеем под руководством автора в 1956—1957 гг. Эта экспедиция обследовала на берегах Белого озера пять стоянок, относящихся к неолиту и эпохе бронзы. Кроме того, зарегистрировано около десяти пунктов с находками неолитического времени. Культурные слои в этих пунктах оказались разрушенными.

Район Белого озера был до недавнего времени на археологической карте «белым пятном». На запад от него лежала территория карельской культуры, к востоку обитали племена каргопольской культуры [1]. Собственно Белозерский край археологически почти не изучен. Разведки и небольшие раскопки, проводившиеся в разное время сотрудниками Череповецкого музея, не получили освещения в литературе. Рукописные отчеты об этих работах хранятся в Череповецком музее.

Экспедиции 1956—1957 гг. посчастливилось открыть несколько разновременных стоянок — от раннего неолита до бронзы, что позволило автору — И. К. Цветковой сделать ряд интересных, хотя и предварительных, выводов. На стоянке Васькин Бор II (Азацкое оз.) была найдена в «чистом комплексе» ранняя ямочно-гребенчатая керамика окско-клязьминского типа, которая в данном случае, даже при отсутствии датирующих вещей, позволяет отнести стоянку к середине III тысячелетия до н. э. Согласно споропыльцевому анализу, это время падает на конец атлантического и начало суббореального периода.

На несколько более поздней стоянке Васькин Бор I к первому комплексу ямочно-гребенчатой керамики заметно примешивается керамика иного типа, которая, по мнению М. Е. Фосс, характеризует ранний этап каргопольской культуры Севера (конец III — начало II тысячелетия до н. э.). В это время, в связи с увлажнением климата и подъемом уровня вод в реках и озерах, поселения переносятся на более высокие места. Небольшой, но четкий и выразительный материал обеих стоянок служит убедительной иллюстрацией в подтверждение гипотезы (М. Е. Фосс, А. Я. Брюсов) о заселении севера Восточной Европы в III тысячелетии до н. э. племенами с территории Волго-Окского междуречья. На стоянке Васькин Бор I и синхронных разрушенных стоянках жило, по

[1] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, рис. 3.

мнению автора, родственное население, которое на основе древних традиций развивало свою местную своеобразную культуру.

Особый интерес представляет стоянка Водоба II (на р. Водобе), в которой имеются два разновременных комплекса. Один относится к раннему этапу каргопольской культуры (вторая четверть II тысячелетия до н. э.), а другой характеризуется плоскодонной посудой, покрытой штриховкой или сеткой с разнообразным орнаментом, комбинированным из оттисков шнура, гребенчатого штампа и ямочных вдавлений. Этот комплекс может быть датирован концом II — началом I тысячелетия до н. э Наиболее интересной находкой, связанной с этим комплексом, является бронзовая фигурка с туловищем рыбы и головой хищной птицы (стр. 68). По данным химического анализа, фигурка сделана из металла уральского происхождения. Аналогичные результаты дал анализ бронзового кельта, найденного М. Е. Фосс на р. Кинеме. На основании многочисленных камских аналогий автор приходит к убедительному выводу о значительной роли Прикамья в формировании культуры племен Европейского Севера. Некоторые черты сходства керамики верхнего слоя стоянки Водоба II с керамикой поздняковской культуры позволили автору высказать гипотезу о проникновении некоторой части поздняковских племен на север. Результаты сравнительно небольших исследований, опубликованные в статье И. К. Цветковой, значительно расширяют наше представление о мало изученном крае. Проделав тщательный анализ керамического материала, автор досадно мало внимания уделил исследованию остатков жилищ, дающих ценный материал для суждений о разных сторонах быта и хозяйства древнего населения. Следует горячо пожелать, чтобы начатые работы, имеющие большие и интересные перспективы, были продолжены.

В статье А. Я. Брюсова «Караваевская стоянка» также освещается одна из ранних страниц истории Вологодского края. Исследованная автором Караваевская стоянка (р. Елома — левый рукав р. Модлоны) представляет собою комплекс интересных памятников, древнейший из которых относится к концу IV — началу III тысячелетия до н. э., а поздний — к началу I тысячелетия до н. э. Последовательность в отложении культурных наслоений и отсутствие сколько-нибудь значительных перерывов в заселенности берегов реки человеком дали автору возможность сделать ряд интересных наблюдений, а именно: древнейшие слои неолитической стоянки (конца IV — начала III тысячелетия до н. э.) залегали в прибрежном песке, под мощной толщей торфа. Поселение, следовательно, возникло до начала торфообразования, когда вода в реке стояла значительно ниже современного уровня, а климат был суше. Этот вывод вполне согласуется с выводами Г. Н. Лисицыной, основанными на палеоботанических наблюдениях (см. выше). Ранняя стоянка у Караваихи относится, таким образом, к суббореальному ксеротермическому периоду. Позднее, по мере увлажнения климата, поселение постепенно перемещается на незатопляемые участки берега реки. Прочно обоснованная стратиграфией и палеоботаническими исследованиями датировка различных участков Караваевской стоянки позволяет отнести поселение на возвышенной площадке к концу III — началу I тысячелетия до н. э. Длительное существование Караваевской стоянки и ее хорошая изученность с применением метода споропыльцевого анализа придают ей особо важное значение в ряду памятников каргопольской культуры Севера, позволяя установить отдельные хронологические этапы этой культуры. Нельзя не отметить с удовлетворением того большого внимания, которое уделено А. Я. Брюсовым вопросу о характере неолитических жилищ. Широко привлекая материалы неолитических поселений, автор справедливо выступает против увлечения жилищами-полуземлянками и вполне обоснованно утверждает, что в III—II тысячелетиях до н. э. у большинства неолитических племен севера Восточной Европы господствовали деревянные наземные жилища, остатки которых плохо сохраняются в минеральных почвах (стр. 93). Углубленный на 40 *см* в южной и на 65 *см* в северной части дом на стоянке Суна I А. Я. Брюсов совершенно правильно считает наземной постройкой. Статья А. Я. Брюсова поднимает много интересных принципиальных вопросов и вводит в научный обиход важные археологические материалы, которые, несомненно, лягут в основу изучения нашего Севера.

Статья Л. А. Голубевой «Славянские памятники на Белом озере» представляет особый интерес для историка. В ней автор, правда кратко, касается времени появления славян на землях летописной веси. Вопрос этот, являющийся до настоящего времени предметом дискуссии, выходит за рамки рассматриваемой территории. Его решение связано с более широкой проблемой славянской колонизации западного Поволжья и севера Восточной Европы [2].

Указывая на слабую изученность Вологодской области и фрагментарность археологического материала, автор все же находит некоторые точки опоры для установления ранней даты появления славян на этой территории. Даты эти определяются в основном археологическим путем. Как справедливо отмечает Л. А. Голубева, лингвисты, к сожалению, «не могут в данном случае облегчить историкам задачу, когда, с какого времени начинает вторгаться в финскую среду славянский элемент» (стр. 27). Археологические памятники, упоминаемые автором (в основном курганные могильники), датируются X—XII вв. Ранняя дата — X век — должна быть подвергнута пересмотру и уточнению, так как находки диргемов-подвесок X в. отнюдь не определяют времени захоронения. Сопки нижнего течения Чагодощи, Суды и Мологи, датируемые обычно IX—X вв., по призна-

[2] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961.

нию самого автора, изучены недостаточно. Единственное поселение у д. Городище на р. Шексне, поверхностно обследованное в 1939 г. П. А. Суховым [3] и датированное им IX—X вв., мы в свете новых материалов не можем считать славянским. Найденная здесь грубая лепная керамика, украшенная орнаментом из отпечатков шнура и гребенчатого штампа, не является славянской. Посуда этого типа, как мы хорошо теперь знаем, принадлежала веси. Аналогичная керамика, найденная Л. А. Голубевой при исследовании Белозерского городища, связывается ею с коренным местным населением — весью (стр. 31). Принимая во внимание дату этого памятника, притом основанную на керамическом материале веси, неубедительно звучит вывод Л. А. Голубевой, что «в IX—X вв. славянское население освоило все течение Шексны, а также южное и северо-восточное побережье Белого озера» (стр. 34). Пока все наши археологические знания, и прежде всего материал самого Белозерского городища, позволяют говорить о появлении славян на данной территории не ранее X, а скорее всего начала XI в.

Прослеживая путь расселения славян на весских землях, Л. А. Голубева привлекает помимо археологических источников и топогидронимику. Анализ этих данных приводит к интересным выводам об освоении славянами в первую очередь слабо залесенных и наиболее удобных для земледелия земель, например между озерами Белым и Кубенским. Автор подчеркивает также, что немалое значение имело и наличие здесь удобных волоков, связывающих важные водные системы Волги, Белого и Балтийского морей. В приводимом перечне речных названий автор напрасно следует старой, справедливо подвергшейся критике, традиции чисто формальных языковых сопоставлений [4], в данном случае со словами древнерусского языка, например: р. Кобжа — от коба, кобение — гадание по птичьему помету; р. Вожа — от «вожь»— предводитель, руководитель; р. Порозбица — от славянского «пороз» — баран [5]. Такое осмысление непонятных названий по формальному сходству слов, притом чисто случайных, может привести к курьезным выводам [6]. Заметим, кстати, что названия рек и озер с суффиксом -жа,- по-видимому, не древнерусского происхождения.

Хорошо и обстоятельно написана вторая часть статьи Л. А. Голубевой. В коротком, сжатом очерке дается характеристика отдельных участков древнего Белозерска. Автором убедительно аргументировано тождество исследованного ею поселения на правом берегу р. Шексны с летописным городом Белозерском (Белоозером). Уместно было бы подчеркнуть, что Белоозеро, так же как и другие древние города северо-востока (Муром и Ростов), упоминаемые летописью под 862 г., собственно русскими городами в это время не были [7].

В результате многолетних археологических исследований Л. А. Голубевой удалось восстановить некоторые участки городской застройки, изучить строительную технику, проследить характер замощения улиц, типы жилых и хозяйственных построек, их внутреннюю планировку и т. д. Многочисленные и выразительные вещи, в том числе прекрасной сохранности деревянные изделия, украшенные орнаментом, позволили автору нарисовать убедительную картину жизни города с его разнообразной ремесленной деятельностью, торговыми сношениями с ближними и отдаленными землями — Киевом, Волынью, Волжской Булгарией, Средней Азией и Византией.

В интересной, написанной хорошим, простым языком статье Л. А. Голубевой, к сожалению, почти не уделено места древним обитателям края и тому участку побережья Белого озера, где впоследствии, возможно в начале XI в., возникает упоминаемый Повестью временных лет русский город Белоозеро.

А. В. Никитин («Древняя Вологда по археологическим данным») поставил своей задачей коротко ознакомить читателя с результатами археологических исследований на территории Вологды (1947, 1948, 1955—1957 гг.). Незначительный объем работ, в основном проведенных под руководством А. В. Никитина (1948, 1955—1957 гг.), позволил автору сделать лишь предварительные выводы. Однако и эти, пока скромные итоги археологических исследований Вологды, учитывая бедность и противоречивость письменных источников, представляют несомненный интерес. Они позволили внести некоторые коррективы в определение территории древнего города; последняя, судя по распространению слоя с находками вещей домонгольского времени, шире той, что намечалась по очень приблизительным указаниям текста «Жития Герасима».

Наиболее интересные результаты дал раскоп № 4 на Крестьянской ул., в наиболее древней части города. Благодаря влажности почвы, обусловившей хорошую сохранность дерева, была возможность изучить остатки замощения древней улицы и площади и примыкающих к ним срубных построек горожан. Благоприятные условия способствовали сохранности и сравнительно мелких деревянных предметов, например части дет-

---

[3] П. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в Южном Белозерье. МИА, 6, 1941, стр. 90.

[4] И. А. Износков. О хорографических мерянских и черемисских названиях. Тр. VII АС, II, 1891.

[5] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I, М., 1958.

[6] Напомним, что название г. Мурома переводили как «город пения, веселия» — от марийского «мурам» — пою.

[7] Е. И. Горюнова. К истории городов Северо-Восточной Руси по археологическим данным. КСИИМК, 59, 1955, стр. 11 и сл.

ского деревянного меча, мисочки, обломков обручей от бочек, выточенной на токарном станке деревянной посуды и др. На основе изучения древней топографии и стратиграфии культурного слоя, а также комплекса вещевых находок автор приходит к выводу, что город возник в домонгольское время как небольшой административный и хозяйственно-экономический центр. В ходе своего развития он приобретает облик типичного русского городка центральных областей древней Руси, с которой был, видимо, тесно связан. Таким образом, Вологда, в результате археологических исследований, заняла свое место на карте домонгольских городов древней Руси.

Подводя итог нашему обзору, необходимо еще раз подчеркнуть своевременность и актуальность выпуска Вологодским музеем «Сборника по археологии Вологодской области». Нужно надеяться, что достигнутые успехи послужат стимулом для продолжения начатых исследований Вологодской области.

Е. И. Горюнова

«Записки Одесского археологического общества», т. I (34). Изд. Одесского областного управления культуры. Одесса, 1960, 382 стр. Тираж 1000 экз. Цена 3 р. 20 к.

Вышел в свет I (34) том «Записок Одесского археологического общества». Это важное радостное событие для исследователей истории Северного Причерноморья. Есть основание надеяться, что рецензируемый том и последующие выпуски продолжат лучшие традиции прежних «Записок Одесского общества истории и древностей», все еще имеющих большое значение в науке. Надо полагать также, что большая работа, проводимая Одесским археологическим обществом, найдет полное отражение на страницах «Записок», которые превратятся, таким образом, в его печатный орган, освещающий историю юга нашей Родины с марксистско-ленинских позиций.

Тематика сборника весьма широкая как в отношении территории, охваченной исследованием (не только степи от Днестра до Днепра, но и весь Крым, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, даже Средний Восток и Рим), так и в отношении хронологического периода истории (от эпохи палеолита до позднего средневековья). Различным вопросам первобытности посвящено десять статей. Основная часть их касается исследования палеолита, неолита и эпохи степной бронзы. Описываются вновь открытые памятники, исследуются ранее известные. При этом публикуется ряд новых интересных находок, относящихся к первобытности в Северном Причерноморье. В «Записках» 19 статей посвящено проблемам античной археологии и истории. Авторы этих статей пишут об античных городах Северного Причерноморья, их этническом составе, экономических и культурных связях. Несколько статей «Записок» посвящено изучению различных сторон истории скифского мира. В сборнике имеются статьи, трактующие различные темы истории средневековья (денежное обращение в Древней Руси, русско-хазарские отношения, описание отдельных археологических реалий, средневековая топонимика Крыма и др.).

В томе 48 статей, сообщений, заметок информационного и хроникального порядка. Не имея возможности в рамках данной рецензии осветить все имеющиеся материалы, мы хотели бы остановиться лишь на некоторых из них.

Сборник открывается статьей М. С. Синицына, кратко освещающей историю археологических открытий на юге нашей страны, сделанных одесскими археологами и краеведами более чем за сто лет. Автор прослеживает путь развития науки от любительства и коллекционирования к научному исследованию. Особое внимание, как и следовало ожидать, уделено деятельности Одесского общества истории и древностей. Достаточно полно показана работа одесских археологов в советский период, указаны результаты основных раскопок (в Ольвии, на о. Березани, в Усатове). Ряд статей посвящен палеолиту Одесской и соседних с ней областей.

П. И. Борисковский («К вопросу о новых находках древнего палеолита») высказывает обоснованное предположение, что на территориях Одесской, Николаевской и Херсонской областей есть основания ожидать находки раннепалеолитических (шелльских и ашельских) орудий. При этом он исходит из того, что в последнее время в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы открыты раннепалеолитические орудия. В частности, они открыты в Румынии и на Днестре (близ Каменец-Подольска и Тирасполя), т. е. на территориях, сопредельных с Одесщиной. Статьи В. И. Красковского, А. М. Керемера, Г. В. Григорьевой описывают несколько позднепалеолитических и мезолитических стоянок, обнаруженных в недавнее время в Одесской области. Эти материалы (наряду с рядом ранее опубликованных другими исследователями) решительно опровергают еще недавно господствовавшее мнение о том, что Нижнее Поднестровье не было заселено в те отдаленные эпохи.

К сожалению, богатым памятникам степной бронзы в сборнике посвящена лишь одна статья О. Г. Шапошниковой «Поселения древнеямной культуры в Нижнем Поднепровье». Автор анализирует материал трех поселений (Михайловского, Волошского, Нижне-Рогачикского), который существенно меняет представление об энеолитических

племенах Причерноморских степей, как о собирателях, охотниках и рыболовах. Жилища и оборонительные стены, выстроенные с использованием камня, кости домашних животных, зернотерки и костяные мотыги свидетельствуют о том, что земледелие и скотоводство было уже освоено племенами древнеямной культуры. Интересные данные о культурных связях племен Северного Кавказа и юга Европейской части СССР в эпоху бронзы помещены в статье А. Н. Мелихова. Заслуживает внимания публикация А. А. Щепинским материалов раскопок трех курганов эпохи бронзы у с. Марьино (долина р. Салгир в Крыму).

Как и следовало ожидать, вопросы трипольской культуры стоят во главе исследований по первобытной археологии — им посвящено в сборнике три статьи. Т. Г. Мовша в статье «Трипольское жилище на поселении Солончены-II» исследует материалы жилого комплекса, открытого в Молдавии. Раскопано наземное глинобитное четырехкамерное жилище площадью 144 $м^2$. Интересна третья камера, где совершались культовые обряды. В ней обнаружен жертвенник и скопление пережженных рогов быка. В четвертой камере находилась мастерская по изготовлению шлифованных каменных топоров и тесел. Существенно замечание автора о том, что керамика Солончен-II имеет большое сходство с самыми западными районами распространения трипольской культуры. Очень интересный материал о религиозных представлениях и культах носителей трипольской культуры по материалам Сабатиновского II и Греновского поселений собран в статье М. М. Макаревича «Об идеологических представлениях у трипольских племен». Автор подчеркивает сочетание культа женщины-прародительницы с культом быка и змеи. Н. М. Шмаглий в статье «О топографии поселений городско-усатовского типа» видит бесспорное доказательство развития земледелия и скотоводства у трипольцев в том, что поселения позднего триполья располагаются на высоких плато и вблизи речных долин. Следует сказать, однако, что в данном случае топография поселений может служить лишь косвенным подтверждением вывода, основанного на богатом археологическом материале. Было бы правильнее, если бы автор обратил внимание также на военно-оборонительное значение топографии поселений.

Количество статей, посвященных Северо-Западному Причерноморью в античную эпоху, велико, и тематика их разнообразна.

Важные сведения о раскопках Надлиманского и Роксоланского городищ можно найти в статье М. С. Синицына. Это — крупнейшие (не считая Тиры) поселения низовьев Днестра еще в недавнем прошлом совсем не были известны. В результате археологических исследований установлены границы городищ, характер оборонительных стен (в Надлиманском городище они состояли из каменного панциря и глиняной забутовки), прослежены кладки жилых и хозяйственных сооружений, хозяйственные ямы; обнаружено огромное количество привозной и местной керамики, оружие из бронзы и железа. Интересно замечание автора публикации о том, что Роксоланское городище было более эллинизовано, чем Надлиманское. Первое городище автор датирует, исходя из данных керамики, VI в. до н. э.— IV в. н. э., второе — IV в. до н. э.— II в. н. э. Вывод автора был бы более убедительным, если бы статья сопровождалась иллюстрацией керамического материала, на котором эти даты основаны. Исходя из описания, например, амфор Надлиманского городища, где упомянута «пухлогорлая амфора» (стр. 196), можно отнести существование городища и к более раннему времени. Можно пожалеть также и о том, что в статье нет анализа керамических клейм (указано лишь, что они энглифические), а также исследования основных форм местной керамики. Последнее дало бы возможность с большей определенностью говорить об этнической принадлежности местных племен.

Материалы разведки по Днестровскому лиману публикует И. Т. Черняков, которому удалось выявить большое число поселений античной эпохи, а также несколько поселений эпохи бронзы. Из городов Северного Причерноморья особенно посчастливилось Ольвии. В весьма обстоятельной статье «Основные этапы изучения Ольвии» Л. М. Славин дает не только подробный отчет о раскопках, но и восстанавливает главные этапы в истории этого крупного центра Северного Причерноморья. В статье «Ольвия и Афины в IV в. до н. э.» И. Б. Брашинский удачно полемизирует с М. И. Ростовцевым, утверждавшим, что в IV в. до н. э. торговые и культурные связи между Афинами и Ольвией были очень слабы. Автор статьи приводит ряд веских доказательств (эпиграфических и археологических), свидетельствующих об оживленных сношениях между этими городами. Слабее вторая часть статьи, в которой делается попытка объяснить отсутствие в ряде аттических письменных источников IV в. до н. э. сведений о связях с Ольвией. Автор полагает, что осада Ольвии Зопирионом и классовая борьба внутри города в последней четверти IV в. до н. э. делали Ольвию мало интересной для афинских купцов. Такая точка зрения была бы более достоверна, если бы был проведен анализ этих аттических источников и доказано, что они относятся именно к последней четверти IV в. до н. э., т. е. ко времени, когда Ольвия находилась в упадке.

Ю. И. Козуб дает подробный обзор погребального обряда ольвийского некрополя V—IV вв. до н. э., где существовало два способа захоронения умерших — трупосожжение и трупоположение. Автор очень осторожно ставит вопросы, связанные с влиянием местных погребальных обрядов на греческий. Ряд черт обряда (восточная ориентация погребений, трупосожжение) указывает на традиционную преемственность греческого ритуала. В тех же случаях, когда есть основания видеть в ольвийском погребальном обряде влияние местных обычаев (присыпка тела погребенных охрой, наличие

оружия в женских погребениях), Ю. И. Козуб предпочитает лишь отмечать соответствующие аналогии в погребениях у племен степной или лесостепной полосы Украины.

Статья М. Ф. Болтенко, публикуемая уже после смерти автора, посвящена истории о. Березани. Греческая рыболовная стоянка, затем, в середине VII в. до н. э., эмпорий, римский контрольный пункт по пути в Крым, закончивший свое существование во второй половине III в.,— таковы основные этапы истории Березани в античное время. Богатый древнерусский слой X—XIII вв. свидетельствует об интенсивной жизни острова в этот период. Существенно утверждение о том, что Березань была под властью турок лишь 14 лет (1774—1788 гг.), оставаясь в течение XV—XVII вв. опорным пунктом запорожцев против турецких портов на Черном море. К сожалению, статья не снабжена подстрочным аппаратом. Возможно, в связи с этим она вызывает сомнение в тех частях, которые выходят за узкие рамки истории Березани. Более чем спорно утверждение о том, что язык жителей степной и лесостепной зоны современной Украины в III тысячелетии до н. э. был близок иллиро-фрако-фригийским языкам жителей Балканского полуострова и северо-западной части Малой Азии. И уж бесспорно неправильно (а не «дискуссионно», как говорится в примечании редакции) высказывание о том, что эти иллиро-фрако-фригийские языки были ядром славянских языков. Вряд ли также правильно утверждение, что нападение на Синоп киммерийцев в VIII в. до н. э. преградило путь греческой колонизации южного побережья Черного моря, в связи с чем греки якобы начали колонизовать западное и северное побережье. При этом автор преувеличивает значение «рыбных промыслов и торговли», которые, по его мнению, определяли пути колонизации и были даже главной причиной ее.

Боспорская тематика представлена главным образом нумизматическими и эпиграфическими статьями. В. Ф. Гайдукевич доказывает правильность первоначальной трактовки Латышевым, Беком, Ашиком фрагмента надписи IOSPE, II, 4 («Аркадянами решено: Левкона, сына Сатира, пантикапаита...»), которые видели в ней акт благодарности за оказанные Левконом I услуги, относившиеся скорее всего к сфере торговых взаимоотношений. Свою точку зрения он подтверждает новой надписью из Ольвии в честь Аристандра, свидетельствующей о том, что в Северном Причерноморье активно действовали купцы из Пелопоннеса, притом именно из Аркадии.

Некоторым особенностям и причинам возникновения глубокого кризиса, проявившегося в денежном обращении Ольвии и Боспора в III в. до н. э., посвящена статья П. О. Карышковского «Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э.». Основной вывод автора сводится к тому, что причины кризиса надо искать в тех общих изменениях, которые претерпевают в IV—III вв. до н. э. монетные системы и денежное обращение всего античного Средиземноморья. Автор несомненно прав, когда указывает на связь между определенными явлениями в монетном деле северопонтийских государств и теми сдвигами, которые произошли в сфере денежного обращения Средиземноморья. Однако вряд ли правомерно объяснять возникновение кризиса только этими изменениями: ведь тогда кризис должен был бы быть всеобщим и в равной степени поразить все государства античного мира, чего в действительности не произошло. При выяснении причин кризиса следует учитывать особенности в экономическом и политическом развитии Ольвии и Боспора.

Д. Б. Шелов («Денежный рынок Танаиса») установил, что монетное обращение в Танаисе в III—I вв. до н. э. почти отсутствовало. Следовательно, в первые века существования города торговля велась главным образом на основе товарного обмена. Первые десятилетия III в. н. э. были периодом наивысшего подъема денежного обращения. Монетные материалы подтверждают факт разгрома Танаиса в середине III в. н. э., после которого экономическая жизнь возродилась лишь во второй половине IV в., но уже на основе римской монеты. К. В. Голенко в заметке «К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора» рассматривает монеты последних выпусков боспорского царя Рискупорида VI. Путем анализа штемпелей большого числа монет, чеканенных в 20-х годах IV в., ему удалось сделать ряд уточнений в порядке выпуска монет в эти годы и установить в качестве последнего года боспорской чеканки 633 год боспорской эры, т. е. 336 г. Н. И. Сокольский в статье «Боспорские глиняные шкатулки» систематизирует весьма своеобразный тип памятников материальной культуры Боспора в III в. н. э. В результате исследования он приходит к выводу, что эти шкатулки не являлись моделью саркофагов, как это полагали раньше, а были туалетными шкатулками, подражающими по форме сундукам. Автор делает несколько существенных замечаний, касающихся развития боспорского стиля в прикладном искусстве, в частности отмечает его деградацию.

И. Д. Головко в статье «Рим и Парфия во время второго триумвирата» излагает основные вехи парфянского похода Антония и заключает, что «римские легионы были орудием экономического и политического порабощения народов», а «войны Рима на Востоке носили ярко выраженный захватнический характер» (стр. 151). Все это применимо к характеристике римской внешней политики вообще, но не объясняет отдельных неудач или успехов: римляне, ведя захватнические войны, подчинили себе, как известно, на долгое время немало племен и народов. Впрочем, сам автор статьи чувствует недостаточность общих фраз для объяснения неудач Антония и в конце статьи разбирает конкретные причины его поражения.

Работы, посвященные скифским племенам, в сборнике немногочисленны. А. Г. Сальников в статье «Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии» дает общий

обзор этой небольшой, но чрезвычайно важной группы нумизматических памятников. Наиболее подробно рассмотрены монеты Фарзоя, причем автор приводит полный список известных в науке экземпляров. В отношении монет Скилура и Инисмея этого, к сожалению, не сделано, автор ограничился только указанием количества известных монет. К монетам скифских царей причислены и серебряные статеры с именем Эминака, которого А. Г. Сальников считает скифским династом, владычествовавшим над Ольвией и чеканившим там свою монету. Такое понимание загадочного имени Эминака в очень предположительной форме высказывалось и раньше, но все же следует заметить, что пока нет достаточных доказательств в пользу подобного толкования и что причисление Эминака к скифским царям преждевременно. Интересную находку — скифский кинжал из Олонештского района Молдавской ССР (IV — начало III в. до н. э.) — публикует Г. П. Сергеев.

О. Д. Ганина в статье «О женских захоронениях в парных погребениях скифского времени» исследует курганы скифского времени, содержащие парные захоронения. Она выделяет две группы захоронений: первая содержит женские богатые погребения в сопровождении мужского, а вторая — мужские богатые захоронения, сопровождавшиеся женским. В первой группе погребены знатные женщины. Им клали в могилу богатый погребальный инвентарь и слуг-рабов. К этой же группе отнесены погребения вооруженных женщин, в сопровождении слуг или без них. Мужские погребения сопровождали женщины-наложницы. Бесспорно, материал некрополей дает неоценимые сведения о положении отдельных общественных прослоек. Однако нужен четкий и единый принцип их выделения, которым следует руководствоваться. В данном случае не ясно, почему богатые женщины, захороненные без оружия, причислены к знатным, занимающим «наиболее высокое положение в обществе», а столь же богатые, но похороненные в сопровождении оружия,— к менее знатным? Может быть, различия здесь определяются возрастом, подобно обычаю сарматов, у которых женщины «ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики с коня и сражаются с врагами, пока они в девушках»?[1] Вызывает возражение и принцип определения основного захоронения в курганах. Если в основу его класть положение в центре могилы, то вряд ли можно отнести к числу сопровождающих, например, богатое женское погребение в кургане № 3 возле с. Аксютинцы Сумской области, занимающее всю западную часть могилы, в то время как мужское погребение занимает восточную ее часть. В целом же статья дает яркую картину имущественного и социального неравенства среди племен, входивших в состав Скифии в VI—IV вв. до н. э.

Новые материалы из раскопок некрополя Неаполя скифского и могильника в Золотой Балке на Нижнем Днепре дают возможность Э. А. Сымоновичу в статье «Об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры» опровергнуть утверждение М. Эберта о том, что некрополь у с. Николаевка (совр. Казацкое) принадлежал готам. Сходство типов погребальных сооружений, ориентировка погребенных и инвентарь могил в Николаевке-Казацком, Золотой Балке и Неаполе скифском дают возможность отнести их к одному и тому же этническому пласту, все основные элементы культуры которого имеют истоки или в древнейших местных памятниках скифов, или привнесены сарматскими племенами.

Статьи по средневековой археологии немногочисленны. Н. Я. Половой касается малоизученного вопроса о русско-хазарско-византийских отношениях в конце правления князя Игоря и накануне похода руссов в 943 г. на южный берег Каспийского моря. Анализируя источники, автор приходит к выводу, что перед походом 943 г. был заключен русско-аланско-хазарский союз. Здесь же Н. Я. Половой пытается установить путь движения русских к Бердаа. А. Н. Щеглов в заметке «Об изучении топонимики средневекового Крыма «указывает на важность использования этого вида исторического источника. В. М. Потин исследует закономерности распространения серебра в Европе в X—XI вв. («Особенности распространения западноевропейских динариев X—XI веков и их распространение на территории Древней Руси»). Автор подробно исследует причины и обстоятельства проникновения западноевропейских серебряных динариев из одной страны в другую и приходит к весьма убедительным выводам относительно особенностей торговли между странами, добывающими серебро, и странами, потребляющими серебряную монету. Надо упомянуть и публикацию В. Н. Станко материала раскопок близ с. Тузлы (Белгород-Днестровский район) — детского захоронения кочевника (XI в.) и Э. Ф. Патоковой очень интересных данных археологических разведок правобережья южного Буга (главным образом черняховской культуры и позднесредневековых).

Рецензируемое издание содержит ценные материалы по археологии и истории Северного Причерноморья. Руководители Одесского археологического общества сумели привлечь к изданию первого тома «Записок» не только профессионалов-археологов из Одессы и других городов нашей страны, но также краеведов и учителей. Их работы стоят на должном научном уровне. Выпуск первого тома «Записок Одесского археологического общества» следует всячески приветствовать. Будем надеяться, что последующие выпуски напечатают многие другие работы исследователей истории Северного и Западного Причерноморья, наших и зарубежных. *Т. З.*

---

[1] Pseudo-Hyppocr., 24.

Херсонесский сборник. Вып. V. Материалы по археологии Херсонеса Таврического. Крымиздат, 1959, 248 стр. Цена 8 р. 60 к.; **Сообщения Херсонесского музея**, I, Крымиздат, 1960, 76 стр. Цена 2 р.; II, 1961, 92 стр. Цена 28 к.

Одним из примечательных явлений последних лет в области археологии следует признать значительный подъем творческой активности на местах, привлечение широких слоев трудящихся к сохранению и изучению памятников старины. Важную роль в этом призваны сыграть музеи, и неудивительно, что с конца 50-х годов наблюдаются изменения в характере работы музеев юга Украины, тесно связанных с многочисленными и разнообразными остатками древней жизни народов Северного Причерноморья. Проявлениями этого подъема явились создание Одесского археологического общества и рост печатной продукции археологов Одессы; с другой стороны, заметно оживилась также научная и издательская деятельность Херсонесского музея: в течение трех лет вышли из печати пятый и шестой выпуски «Херсонесского сборника»[1] и два выпуска «Сообщений» музея.

Пятый выпуск «Херсонесского сборника», отделенный от предыдущего более чем десятилетним промежутком, открывается статьей директора музея И. А. Антоновой, освещающей путь развития музея в послеоктябрьский период и намечающей стоящие перед ним задачи (стр. 3—12). В этой работе показано, в частности, как много сделано коллективом музея в послевоенные годы, когда плодотворная научно-исследовательская деятельность систематически сочетается с воссозданием музейной экспозиции, консервационно-реставрационными мероприятиями на городище, тщательной систематизацией и изучением материалов, хранящихся в фондах, а также с широкой культурно-просветительной работой среди населения. Деятельность музея в целом вызывает законное чувство удовлетворения усилиями коллектива, сумевшего поставить музей на уровень современных научных и хранительских требований и одновременно внести немалый вклад в дело культурного строительства.

Самой крупной из опубликованных в выпуске статей является отчет Г. Д. Белова о раскопках 1955 г. (стр. 13—74). Несмотря на некоторую сухость изложения, обусловленную, впрочем, самим характером отчета, автору удалось точно, кратко и выразительно охарактеризовать раскрытые кампанией 1955 г. архитектурные комплексы и связанный с ними вещевой материал эллинистического, римского и средневекового времени. Среди ранних памятников следует выделить северную часть эллинистического дома, обнаруженного еще раскопками предыдущих лет; здесь, как и в части, открытой в 1934 г., находится ванна с остатками красной краски, свидетельствующей о том, что древние обитатели дома занимались красильным делом. Из вещей, найденных на этом раскопе, следует упомянуть о ручках амфор с херсонесскими и синопскими клеймами (соответственно, 14 и 8 экземпляров), любопытный сосуд с двустрочным клеймом ΛΥΚΙΑС/ΛΥΚΙΟΝ, монеты (в частности, Каллатии и Понта). В римском слое (I—IV вв.) обнаружены светильники, блюда, мраморная статуэтка крылатого Эрота, костяной стиль, монеты (в том числе римские от Констанция II до Аркадия). Сравнительно небогаты материалом слои V—VI вв., однако и здесь необходимо назвать целую амфору относительно редкого типа, любопытный стеклянный эксагий, монеты боспорского царя Рискупорида VI и императоров Восточной Римской империи (от Феодосия до Юстиниана). Монетные находки позволяют уточнить датировки базилик, раскопанных в 1932 и 1955 гг. Еще менее значительны остатки IX—X вв., но зато хорошо сохранились памятники XIII—XIV вв. В 1955 г. открыт целый жилой квартал (35 × 27 *м*), один из домов которого отличался богатством своего убранства, а также три небольших храмика в соседнем квартале; при этом обнаружено весьма много разнообразной средневековой керамики, монет, предметов культового назначения и других материалов, характеризующих быт и культуру города накануне его разрушения.

Значительный интерес представляет и статья К. Э. Гриневича, завершающая его многолетнюю работу над изучением оборонительных стен Херсонеса. Публикуемая в рецензируемом томе третья часть (стр. 75—119) посвящена южной и западной линиям крепостной ограды (восточная рассмотрена в ранее изданных статьях, которые перечислены автором на стр. 75—76). Статья содержит не только детальное описание куртин и башен, расположенных к югу и западу от башни XIV, но и восстанавливает историю формирования оборонительных сооружений Херсонеса в древности и в средние века. Важной особенностью этой работы является широкое привлечение данных Филона из Византия и других античных авторов, писавших о фортификации, причем К. Э. Гриневич убедительно показывает, что граждане Херсонеса, будучи хорошо знакомы с основными принципами возведения укреплений, в то же время не следовали им рабски, но исходили из реальных условий местности и конкретных потребностей обороны. В особом приложении автор останавливается на аттическом краснофигурном кратере и других керамических изделиях, являющихся важным датирующим материалом при определении времени возведения первоначальной оборонительной стены.

Важный вклад в экономическую историю Херсонеса представляет статья С. Ф. Стржелецкого (стр. 121—159), посвященная виноделию города в античный период.

[1] Шестой выпуск «Херсонесского сборника» (1961) содержит монографию С. Ф. Стржелецкого «Клеры Херсонеса Таврического (К истории древнего земледелия в Крыму)», которая заслуживает отдельного рассмотрения.

Автор не только прослеживает технику и процесс изготовления вина, разбивая для этого все сохранившиеся херсонесские винодельни на несколько групп, но и дифференцирует имеющиеся в его распоряжении данные по времени, останавливаясь отдельно на виноделии III—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э. В результате своего исследования С. Ф. Стржелецкий подтверждает тезис о ведущем значении виноградарства и виноделия в хозяйстве херсонеситов, особенно в римское время, выявляет товарный характер этой отрасли производства и наглядно показывает, что изготовление вина существовало в Херсонесе в двух формах — в качестве сельского промысла и в виде городского ремесла.

Одному из некрополей раннесредневекового Крыма — могильнику у высоты «Сахарная головка» в Инкерманской долине — посвящена статья В. В. Борисовой (стр. 169—190). Тщательное и всестороннее изучение погребальных сооружений и обрядов, четкое и наглядное описание инвентаря делают вполне убедительной датировку могильника (всего раскопано 11 подбойных могил, 3 грунтовых погребения и 4 склепа) V—VII вв., однако автор обнаруживает, быть может, излишнюю осторожность, воздерживаясь от всяких заключений и предположений относительно этнической принадлежности погребенных.

Из остальных статей рецензируемого сборника привлекает внимание работа О. И Домбровского, излагающая ход и результаты реставрации фресок южного нефа базилики, открытой в 1935 г. (стр. 207—227). Датируя — и, по-видимому, вполне правильно — открытую в 1935 г. мозаику X, а не VI в., О. И. Домбровский относит скрупулезно восстановленную им при участии А. П. Шохина стенную роспись базилики к VII—VIII вв. и улавливает в ее содержании характерные черты иконоборческой идеологии. Э. И. Соломоник издает найденную в 1956 г. надпись граждан вифинского города Тия в честь неизвестного по имени херсонесита, относящуюся к концу II в., и обломок посвятительной надписи III—IV вв. (стр. 161—168). А. М. Гилевич публикует монетные находки 1950 г. (стр. 191—205); поскольку монеты были обнаружены в южном нефе упоминавшейся базилики, и притом между ее мозаичными полами, монеты дают возможность уточнить хронологию сооружения отдельных элементов базилики и представляют значительный интерес для изучения денежного обращения в Херсонесе V—X вв. Наконец, А. Л. Якобсон в заметке, завершающей том (стр. 229—244), отвечает на возражения рецензентов, высказанные в связи с его трудом «Средневековый Херсонес» (МИА, 17, 1950), и вносит ряд существенных изменений в этот труд.

С 1960 г. Херсонесский музей издает ежегодно по одному выпуску «Сообщений». В опубликованных выпусках I и II содержится также немало научных и информационных заметок, представляющих существенное дополнение к литературе, посвященной изучению археологических памятников Крыма. Здесь мы находим ряд сообщений о полевых исследованиях музея; таковы заметки А. М. Гилевич о раскопках участка перибола у юго-восточной оборонительной стены Херсонеса (I, стр. 24—29), Е. Г. Сурова о раскопках в северо-западной части городища (II, стр. 67—70), а также весьма ценная информация А. Н. Щеглова о разведках последних лет на западном побережье Крыма, от Евпатории до мыса Ойрат (II, стр. 70—80). Особенный и вполне понятный интерес среди сообщений этой группы вызывают работы О. И. Домбровского и Е. А. Паршиной об античном театре Херсонеса (I, стр. 29—36) и связанных с ним средневековых сооружениях (I, стр. 36—42). Сюда же относятся заметки В. В. Борисовой о средневековой гончарной печи, открытой в 1957 г. на берегу Песочной бухты (I, стр. 42—46), а также А. М. Гилевич и В. Н. Даниленко о двух погребениях IV в. (II, стр. 51—56 и 57—62). Все эти работы, равно как и информационные сообщения о раскопках музея и его новых приобретениях (В. В. Борисова, А. М. Гилевич, I, стр. 69—73), хорошо показывают разносторонность археологических работ музея и вносят много новых подробностей в ранее известные материалы.

Другая группа сообщений объединяет публикации отдельных памятников, хранящихся в фондах музея. Так, В. В. Борисова, Н. П. Сорокина и Е. А. Паршина рассматривают архитектурные детали сооружений античного Херсонеса (I, стр. 5—8; II, стр. 3—13 и 80—89), А. П. Иванова и А. Н. Щеглов изучают памятники скульптуры (II, стр. 21—26; I, стр. 9—16, ср. стр. 55—57), Л. Г. Колесникова выделяет любопытную группу надгробных стел эллинистического времени с изображением оружия (II, стр. 13—21), А. Н. Щеглов публикует ряд интересных светильников (I, стр. 21—24; II, стр. 45—51). Наконец, особо следует выделить заметки по эпиграфике: Э. И. Соломоник издает строительную надпись из раскопок 1940 г. (II, стр. 31—35) и, удачно сопоставляя найденные в разное время и раздельно опубликованные тексты, восстанавливает значительную часть проксенического декрета в честь гражданина Синопы середины II в. (I, стр. 16—19) и надгробную надпись того же времени (I, стр. 19—20, ср. IOSPE, I², 497 и 622), а также дает новое чтение и истолкование одной из ранее найденных фрагментированных надписей Херсонеса (II, стр. 36—38, ср. IOSPE, I², 715), в которой следует видеть единственное известное в этом городе посвящение богине Деметре. Граффито с именем владельца на черлаковой тарелке рассматривает З. А. Билимович (II, стр. 26—31); В. В. Борисова останавливается на найденных в Херсонесе черепицах с клеймами римских легионов (II, стр. 39—45). Особняком стоит заметка В. М. Маликова, посвященная средневековому дверному замку из раскопок 1956 г. и не лишенная значения при изучении ремесла XIII—XIV вв. (II, стр. 62—67).

В «Сообщениях» Херсонесского музея отражена также значительная работа, связанная с консервацией памятников городища (С. Ф. Стржелецкий, I, стр. 63—68), с соз-

данием лапидария (А. М. Гилевич, Э. И. Соломоник, А. П. Иванова, I, стр. 51—57) и с приведением в надлежащий порядок нумизматической коллекции, насчитывавшей к 1960 г. более десяти тысяч монет, подавляющее большинство которых происходит из Херсонеса и является паспортным материалом, отражающим развитие денежного обращения в городе в разные периоды его существования; многие монеты происходят из кладов, найденных в окрестностях города (А. М. Гилевич, I, стр. 57—62).

Материалы, помещенные в рассмотренных изданиях Херсонесского музея, отличаются в целом высоким научным уровнем и не вызывают по существу сколько-нибудь серьезных замечаний. Необходимо, однако, отметить, что во всех этих сборниках работы чисто публикационного характера явно преобладают над исследованиями. Несколько удивляет также полное отсутствие в обоих выпусках «Сообщений» статей и заметок по расписной, сероглиняной круговой и лепной керамике, а также по нумизматике Херсонеса и Керкинитиды. Не бесспорны, на наш взгляд, и отдельные положения тех или других авторов, а некоторые их замечания являются ошибочными. Так, несколько сомнительным представляется безоговорочное использование римских писателей при изучении виноделия эллинистического Херсонеса (С. Ф. Стржелецкий, ХС, V, стр. 139, 141, ср. стр. 147). Нельзя понять, каким образом монета, датированная в тексте второй четвертью II в. до н. э., в примечании «представляет интерес в связи с обстановкой, сложившейся в Западном Крыму после походов Диофанта» (А. Н. Щеглов, СХМ, II, стр. 75), которые относятся ко времени после 107 г. до н. э.[2]. Вряд ли можно также описывать изображение на щитке позднеримского светильника как «портрет Максимиана Геркулия» (А. М. Гилевич, СХМ, II, стр. 53), ибо известно, что изображения на римских монетах конца III и начала IV в. отличаются схематизацией и настолько полным отсутствием индивидуальных черт, что большая группа фоллисов с лаконичной надписью MAXIMIANUS AUGUSTUS, подобных помещенному на рис. 2 (СХМ, II, стр. 54), не находит точного определения и относится частично к Максимиану Геркулию (284—305 гг.), частично к Галерию Максимиану в бытность последнего августом после отречения Диоклетиана (305—311 гг.). В данном случае следовало бы говорить просто об императорском портрете из круга Диоклетиановой тетрархии, что, впрочем, не изменило бы конечных выводов автора. Из мелких погрешностей отметим, что супругу Феодосия звали не Флаксилла (ХС, V, стр. 199 и 205), а Флакцилла (Aelia Flaccilla). Вес публикуемых Л. Н. Беловой монет из раскопок 1955 г. проставлен в соответствующей графе лишь в трех случаях из 95 (ХС, V, стр. 20—72). При весьма неплохой корректуре неприятное впечатление производят досадные опечатки в ссылках на иностранные сочинения, тогда как греческие тексты воспроизведены, напротив, вполне удовлетворительно (ср., например: ХС, V, стр. 87, прим. 1; стр. 121, прим. 1; СХМ, I, стр. 15, прим. 3; СХМ, II, стр. 4, прим. 1; стр. 26, прим. 1; стр. 60, прим. 2; стр. 80, прим. 3; стр. 80, прим. 2). Нет необходимости подчеркивать, что эти промахи не снижают общей высокой оценки херсонесских археологических изданий, выгодно отличающихся, к слову сказать, хорошим оформлением, качеством иллюстраций и дешевизной от многих изданий других научных учреждений.

Из сказанного видно, что печатные издания, выпущенные в 1959—1961 гг. коллективом научных сотрудников Херсонесского музея, содержат обильные, разнообразные и ценные материалы, существенно дополняющие имеющиеся сведения об истории древнего и средневекового Херсонеса и отчасти его периферии. Можно лишь пожелать «херсонеситам» дальнейших успехов в их деятельности, составляющей неотъемлемую часть общего дела советских археологов.

П. О. Карышковский

---

[2] А. Н. Зограф, на которого ссылается А. Н. Щеглов, считает, будто митридатовскому времени принадлежат не монеты, подобные найденной на городище Красный Курган, а серия с надписью ΟΙ ΕΠΤΑ (А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 133).

Хроника

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

С 27 марта по 3 апреля 1962 в Москве состоялась сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР, пленум Института археологии и расширенное заседание Ученого совета Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященные результатам полевых исследований 1961 г.

В обсуждении итогов экспедиционной деятельности за 1961 г. приняло участие более 800 представителей научных учреждений АН СССР, академий наук союзных республик, научно-исследовательских институтов автономных республик и областей, высших учебных заведений и музеев Советского Союза. На сессионных, пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено около 300 докладов и сообщений [1]. Большой интерес вызвала и организованная при институтах археологии и этнографии выставка материалов многочисленных экспедиций.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения Е. М. Жуков. Он отметил, что советская историческая наука стоит перед решением новых больших задач, выдвинутых XXII съездом КПСС и Программой нашей партии. Советские археологи и этнографы в полной мере разделяют общую ответственность всех советских историков за дальнейший творческий подъем нашей науки, за максимальное приближение ее к жизни, за актуализацию научных исследований. Е. М. Жуков заострил внимание участников сессии на необходимости поднять общественную значимость и теоретический уровень наших исследований. Он призвал всех археологов и этнографов активно включиться в разработку важнейших проблем, связанных с изучением закономерностей общественного развития применительно ко всем историческим эпохам.

С докладом «Итоги археологических исследований за последние годы» выступил директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков. Он сделал обстоятельную информацию о работах археологических экспедиций и достигнутых ими научных результатах. Советские археологи вели раскопки не только на территории нашей страны, но и за ее рубежами — в Демократической Республике Вьетнам, Монголии, Болгарии и Объединенной Арабской Республике. Только Институт археологии АН СССР организовал в 1961 г. 67 экспедиций. Докладчик охарактеризовал основные итоги экспедиций по изучению каменного века, эпохи энеолита и бронзы, скифо-сарматской и античной археологии, славянских памятников и древнерусских городов и отметил те большие проблемы, которые встают сейчас в связи с новыми полевыми исследованиями.

Важнейшим результатом археологических работ за последние годы является изучение палеолитической живописи в Каповой пещере на Урале. Об исследованиях памятников древнейшего искусства Урала доложил участникам сессии О. Н. Бадер.

Среди открытых в Каповой пещере рисунков имеются фигуры семи мамонтов и носорогов. Рисунки нанесены на стены пещеры красной минеральной краской и представляют собой различные по размерам силуэтные или грубые контурные изображения шагающих животных, данные в профиль. Стиль и техника рисунков на Урале отличаются известным своеобразием от палеолитической живописи, представленной в пещерах Франции и Испании. Открытие памятников палеолитической живописи на Урале, имеющее большое значение для исторической науки, как отметил О. Н. Бадер, позволяет надеяться на выявление дальнейшими исследованиями нового центра древнейшей живописи в этой части Евразии.

С большим докладом «Скифо-сарматская проблема и ее место во всемирном историческом процессе» выступил член-корр. АН СССР С. П. Толстов. История европейских скифов и сарматов, как известно, освещена обширным археологическим материалом и античными письменными источниками, в то время как данные по азиатской Скифии весьма скудны. Сейчас благодаря работам советских археологов исследовано значительное число памятников в Средней Азии и Казахстане, Приуралье и Сибири. Это дает возможность определить место обитания племен, игравших крупную роль в

[1] В данной информации освещается работа археологической части сессии.

политических событиях на Востоке, и охарактеризовать их хозяйство, общественный строй и культуру в разные исторические периоды. Исследования показали, что в основе культуры европейских скифов и среднеазиатских саков лежит местная культура степных племен эпохи поздней бронзы, что традиционное представление о саках как о «кочевниках» — неточно и односторонне. Последние были земледельцами и скотоводами, а также ремесленниками и градостроителями. В общественном строе саков сочетались пережитки первобытнообщинных отношений с доминирующим рабовладельческим строем.

С. П. Толстов призвал к активной кооординации усилий ученых различных специальностей и различных научных центров страны для решения скифской проблемы, представляющей выдающийся интерес в разработке всемирной истории.

Член-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге прочитал большой доклад об основных проблемах изучения древнейшей истории и ранних цивилизаций Северной и экваториальной Африки.

Важным участком нашей идеологической работы является, как известно, борьба с пережитками религиозных представлений. А один из эффективных методов этой борьбы — показ первобытных корней религии. В этой связи значительный интерес вызвал доклад Б. А. Рыбакова о славянском язычестве. Докладчик показал, что дореволюционной науке сильно мешало противопоставление язычества христианству. И христианство и разные формы дохристианских верований, условно называемые «язычеством», одинаково восходят к первобытному мышлению. Б. А. Рыбаков считает, что очень важно развить и обосновать этот тезис в интересах нашей современной антирелигиозной пропаганды. Изучение обширного археологического материала позволило автору доклада проследить глубочайшие корни не только языческих верований древних славян, но и ряда христианских представлений. Проанализировав некоторые знаки на раннеславянской керамике IV в. из Киевской области, Б. А. Рыбаков доказывает, что они представляют аграрно-магический календарь, отражающий годовой цикл славянских праздников-молений, связачных с земледелием. Большое место Б. А. Рыбаков уделил вопросу о культе Рода — повелителя неба и стихийных сил, творца всего живого, предшественника христианского бога. Он показал, что культ женских божеств — рожаниц — восходит, очевидно, к энеолиту, к эпохе матриархата, а культ Рода — к несколько более позднему времени. Эти культы доживают до средневековья, сливаясь с христианством.

Итогам раскопок древнерусского города Изяславля в 1957—1961 гг. был посвящен доклад М. К. Каргера. Это большое городище, находящееся в Хмельницкой области УССР. За четыре полевых сезона здесь раскопано 28000 $м^2$ и добыт огромный вещественный материал: разнообразные орудия, свидетельствующие о развитии сельскохозяйственного производства и различных видов ремесла, множество глиняных сосудов, украшений и других предметов. Найдено несколько десятков кладов, состоящих из серебряных изделий. Среди находок есть предметы, изготовленные в киевских и вышгородских мастерских, а также несколько вещей иноземного происхождения. По всей территории городища разбросано множество предметов вооружения (железные наконечники стрел, копья, боевые топоры, булавы, мечи, сабли, кольчуги и шлемы). Там же лежат многочисленные скелеты людей, погибших от огня и меча. Много женских и детских скелетов найдено под развалинами сгоревших жилищ. М. К. Каргер предполагает, что это городище является остатками упоминаемого летописью города Изяславля, погибшего в 1241 г. в результате татаро-монгольского нашествия.

Большой интерес вызвал доклад Б. Б. Пиотровского о работах экспедиции в Египте. Советские археологи в течение декабря 1961 — марта 1962 г. провели раскопки в Нубии, в зоне строительства Ассуанской плотины. Экспедицией открыты ранее неизвестные для этого района палеолитические памятники и раскопано интересное поселение скотоводов, относящееся к концу IV тысячелетия до н. э., где найдены разнообразные сосуды, служившие для переработки и хранения молочных продуктов. Проведены также исследования могильника эпохи Среднего царства и многочисленных наскальных изображений и надписей.

В докладе Е. И. Крупнова. «Из древней и средневековой истории Северного Кавказа», которым открылся пленум Института археологии, были обобщены важнейшие результаты работ Северокавказской экспедиции в 1961 г. Наиболее результативными оказались работы, проведенные экспедицией в Чечено-Ингушетии. Здесь впервые в 1961 г. в двух районах — Назрановском и Веденском — были открыты следы палеолита. Исследования древнейшего поселения у с. Сержень-юрт дали новые данные, свидетельствующие о культурном единстве населения Кавказа в III тысячелетии до н. э. Е. И. Крупнов видит в этом единстве отражение древнейшего языкового субстрата, явившегося подосновой так называемой иберийско-кавказской языковой семьи. Докладчик указал и на открытие новых памятников майкопской культуры III тысячелетия до н. э. и исследование интересного поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в ЧИАССР, а также отметил ценные материалы, добытые экспедицией в Северной Осетии и Карачаево-Черкесской автономной области.

Доклад А. А. Иессена был посвящен характеристике майкопской культуры и проблемам ее датировки. В настоящее время выясняется, что памятники этой культуры распространены от Черноморского побережья и Прикубанья до Чечни и Дагестана. Но проблема ее генезиса остается пока неясной. Вопросы абсолютной хронологии па-

мятников майкопской культуры А. А. Иессен решает на основе изучения внешних связей и сопоставления отдельных комплексов этой культуры с памятниками Передней Азии. Важным опорным комплексом для датировки богатых погребений Прикубанья автор считает царские погребения Аладжи в Центральной Анатолии. Для раннего майкопского этапа рассматриваемой культуры А. А. Иессен предложил даты около 2500—2400 гг. до н. э., а для позднего, новосвободненского этапа — около 2300—2000 гг. до н. э. Сложение майкопской культуры, отметил А. А. Иессен, должно относиться к первой половине III тысячелетия до н. э.

Об исследованиях палеолитических памятников в Костенках под г. Воронежем подробно рассказал А. Н. Рогачев. К настоящему времени, сообщил он, в Костенковско-Борщевском районе насчитывается около шестидесяти палеолитических поселений. Этот район представляет собой уникальную сокровищницу материалов, освещающих ряд важных вопросов истории культуры русской равнины в эпоху верхнего палеолита. А. Н. Рогачев особенно обратил внимание на две узловые проблемы древнейшей истории нашей страны и всеобщей истории первобытной культуры. Это — проблема общественного строя древнейшего населения Европы и проблема развития верхнепалеолитической культуры на русской равнине.

Как указали в своем докладе А. Н. Карасев и Е. И. Леви, в течение последних 16 лет экспедиция Института археологии ведет раскопки центральной части верхнего города Ольвии, ранее никем не изучавшейся. Удалось выяснить местоположение главной площади города — агоры, священного участка — Теменоса, театра и других важных объектов Ольвии. Обширный вещественный материал, добытый раскопками агоры и Теменоса, освещает различные стороны истории и культуры города. Найдено много посвятительных надписей, вотивных терракотовых статуэток и простой утвари, а также серия новых декретов о проксении, значительно пополнившая сведения об экономических связях Ольвии в IV—II вв. до н. э.

И. Т. Кругликова отметила в своем докладе, что исследование сельской территории Боспора сильно отстает от изучения боспорских городов. За девять полевых сезонов на карту нанесено более 400 поселений, относящихся к периоду от эпохи бронзы до средневековья. На 19 из них проведены разведочные раскопки. Эти работы дали весьма ценные материалы, которые позволяют наметить основные линии развития сельскохозяйственных поселений, выяснить их особенности в различные исторические периоды, установить их планировку, уровень материальной и культурной жизни их обитателей, роль торговли в их хозяйстве, основные сельскохозяйственные культуры, уровень сельскохозяйственной техники, участие в промыслах и т. д.

Итоги работ Кобяковской экспедиции по изучению памятников эпохи бронзы и сарматского времени на Нижнем Дону были подведены в докладе С. И. Капошиной. На территории Новочеркасской ГРЭС раскопано несколько курганов с погребениями, относящимися к ямной, катакомбной и срубной культурам. Памятники сарматского времени представлены курганами, Кобяковым городищем и его некрополем. Исследования Кобякова городища позволили выяснить облик и характер земледельческого поселения первых веков нашей эры, его экономику и культурные связи. Широкие торговые связи рисуются на основании находок привозной краснолаковой посуды из Пергама и других предметов. Раскопки некрополя свидетельствуют об этнической пестроте населения.

Интересный материал дали и раскопки курганов на левом берегу Дона, принадлежавших кочевой сарматской знати. Огромное значение имеют находки здесь бронзовых котлов и ваз. Последние происходят из италийских мастерских и свидетельствуют о большом импорте изделий этих мастерских на Дон.

О большом внимании, которое уделяют советские археологи совершенствованию новых методов исследований, свидетельствовал доклад группы сотрудников Института археологии (Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарианиди и И. Н. Хлопин) об итогах археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса в юго-восточной Туркмении. Широкое комплексное исследование всего района с применением аэрофотосъемки, палеогеографического и геоморфологического изучения позволили воссоздать полную картину природной обстановки, хозяйства и культуры ранних земледельческих племен IV—III тысячелетий до н. э.

В докладе В. Е. Вихрова и Б. А. Колчина были продемонстрированы возможности нового метода датировки деревянных сооружений, представленных в археологических памятниках Средней и Северной Европы. Как показали докладчики, дендрохронологический метод дает возможность с точностью до года установить время создания того или иного деревянного сооружения. Авторы раскрыли основу и метод дендрохронологического исследования, изучив более 2500 образцов дерева IX—XX вв. из Новгорода. В результате им удалось создать абсолютную хронологию новгородских мостовых.

Кроме пленарных докладов на заседаниях восьми секций — каменного века, неолита и бронзы, скифо-сарматской археологии, античной археологии, славяно-русской археологии, этнографии и археологии Кавказа и Средней Азии и нумизматики — было заслушано более 150 сообщений, посвященных новым археологическим открытиям в нашей стране.

Секция палеолита. В докладе Е. А. Векиловой и М. З. Паничкиной были обобщены результаты работ 1961 г. в Ахштырской пещере (Черноморское побережье

Кавказа). Уточнена стратиграфия и культурная характеристика мустьерских слоев. Поставлен вопрос об ашельском возрасте нижнего слоя.

П. И. Борисковский в своем сообщении сопоставил стоянку Большая Аккарджа (близ Одессы) с Амвросиевской, Каменными Балками I и II. Он считает, что все они входят в особую степную область позднепалеолитической культуры, отличающуюся от памятников Крыма, Кавказа и северных районов.

А. П. Черныш, рассказывая о раскопках многослойной стоянки Молодова I, особое внимание уделил обнаруженному здесь мустьерскому слою. Д. Н. Лев доложил о новых раскопках на Самаркандской палеолитической стоянке. Большие споры вызвал вопрос о хронологии и культурной принадлежности памятника. Широко обсуждался доклад В. И. Канивца о раскопках в Медвежьей пещере (Коми АССР). Этот самый северный памятник верхнего палеолита связан, видимо, с межледниковым периодом.

Были заслушаны информации о разведках и раскопках верхнепалеолитических памятников на Волыни (В. П. Савич) и в Молдавии (Н. А. Кетрару) и нижнепалеолитических на Северном Кавказе (П. У. Аутлев).

Доклады Н. Д. Праслова, В. И. Громова, М. Н. Грищенко были посвящены исследованию культурных остатков, фауны и геологии шестислойной мустьерской стоянки Рожок I близ Таганрога. Признана необходимость комплексных (археолого-геологических) работ на этом памятнике, имеющем большое значение для определения геологического возраста мустье в СССР.

О. Н. Бадер изложил свою интерпретацию материалов стоянки Сунгирь (Владимирская область). Он полагает, что костенковско-сунгирская культура, как и селет, принадлежит к внеориньякским вариантам верхнего палеолита. В. И. Громов дал геологическую характеристику стоянки Сунгирь.

В докладе Э. А. Вангенгейм, Э. И. Равского, С. М. Цейтлина уточнены геологические датировки верхнепалеолитических стоянок кокоревско-новоселовской группы (р. Енисей). Н. В. Кинд сообщила о новых датировках по С-14 палеолитических памятников Европы.

Секция неолита и бронзового века. На заседаниях широко обсуждались вопросы, связанные с фатьяновской, трипольской, ямно-катакомбной и майкопской культурами. А. Х. Халиков рассказал о раскопках жилищ балахнинской и волосовской культур в Марийской АССР (V Удельно-Шумецкая, Майданская и Руткинская стоянки) и изложил свою схему периодизации и генезиса культур Среднего Поволжья от неолита до раннего железа. Волосовскую культуру он считает финно-угорской.

На секции были сделаны сообщения о раскопках стоянок рязанской, волосовской и поздняковской культур у дер. Ибердус Рязанской области (И. К. Цветкова), поздняковской стоянки Коренец II и синхронного ей курганного могильника (Т. Б. Попова), многослойной стоянки Николо-Перевоз (В. М. Раущенбах). В докладе Д. А. Крайнова наряду с описанием вновь исследованных фатьяновских памятников Верхнего Поволжья (Тимофеевский, Скомороховский, Олочинский могильники) вновь поставлены дискуссионные вопросы: о единстве фатьяновской и балановской культур, о делении фатьяновской культуры на варианты по речным системам и др.

Доклад Р. Я. Денисовой был посвящен характеристике антропологических материалов из вновь открытых фатьяновских памятников. В сообщении М. М. Герасимовой и Г. В. Лебединской рассмотрен антропологический материал из могильников абашевской культуры.

С. Н. Бибиков сделал сообщение о раскопках на трипольском поселении этапа В/II у с. Гребени, где вскрыто четыре наземных жилища. В одном из них обнаружен большой производственный комплекс. О кладе раннетрипольских предметов, найденном на поселении у с. Карбуна (Молдавия), рассказал Г. П. Сергеев. Клад находился в сосуде. Он состоит из бытовых, ритуальных предметов и украшений: двух медных и одного мраморного топоров, большого числа медных блях и пластин, некоторые из которых напоминают атропоморфные изображения, а также бус из бронзы, камня и раковин.

И. К. Свешников доложил об исследовании поселения культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области (вторая половина III тысячелетия до н. э.). С. И. Пеняк рассказал о новых поступлениях в Ужгородский музей крупных кладов бронзовых предметов. Крупный клад (IX—VIII вв. до н. э.) из с. Олешник состоит из 29 кельтов, пяти мечей, двух наконечников копий, обломков серпов и котлов.

В. П. Шилов сообщил о работах в Астраханской области. У с. Старицы раскопано 67 курганов. Часть из них относится к ямной культуре, остальные — к культуре более поздних эпох.

Г. А. Панкрушев на основании исследования 71 стоянки в Карелии доказал существование на них в одно и то же время двух или трех типов керамики (сперрингс, ямочно-зубчатая, ранняя «асбестовая»). Стоянки с тремя типами керамики предположительно датируются рубежом III—II тысячелетий до н. э.

О результатах работ Красноярской экспедиции доложил М. П. Грязнов. Экспедицией раскапывались могильники афанасьевской и карасукской культур и памятники VI—V вв. до н. э. На карасукском поселении Каменный Лог вскрыта половина большой землянки.

О раскопках Лысого кургана (Ростовская обл.), в котором открыты 43 погребения ямной, катакомбной и срубной культур, сделал сообщение С. Н. Братченко.

И. В. Синицын в окрестностях г. Элисты вскрыл ряд погребений ямной культуры. Встречаются могилы с кромлехами. Обнаружены катакомбные погребения. Некоторые из них в простых ямах. В. Ф. Каховский сообщил об исследовании кургана у дер. Чурачики (Чувашская АССР). Два основных погребения относятся к чувашскому варианту фатьяновской культуры. Обнаружены две глиняные литейные формы с находящимися в них медными вислообушными топорами. В насыпи обнаружено 35 ананьинских погребений IV — III вв. до н. э.

Близ Новочеркасска вскрыты два кургана с 45 погребениями ямной, срубной, катакомбной и среднесарматской эпох (доклад В. Я. Кияшко). О раскопках и разведках поселений эпохи неолита и более позднего времени в бухте Песчаной (оз. Байкал) доложил П. П. Хороших. В. С. Стоколос доложил о раскопках девяти курганов у с. Спасского (Челябинская обл.), относящихся к алакульскому этапу андроновской культуры.

А. А. Формозов, обобщив данные раскопок пяти древних поселений в верховьях р. Белой (Краснодарский край), предложил периодизацию памятников майкопской культуры. Он выделяет три хронологические группы памятников этой культуры. Р. М. Мунчаев сообщил о раскопках курганного могильника эпохи бронзы у с. Бамут (ЧИАССР), в частности об открытых здесь погребениях майкопской культуры. В 1961 г. в одном из курганов (№ 9) обнаружен комплекс (медный сосуд, вилообразное орудие — крюк, ножи-кинжалы, керамика), совершенно аналогичный материалам из дольменов в ст. Новосвободная (б. Царская). Е. Н. Черных на основе спектральных анализов металла из памятников майкопской культуры установил, что медно-мышьяковые сплавы по содержанию никеля распределяются на две группы. Металл группы с бо́льшим содержанием никеля может считаться привозным.

Секция раннего железного века. В докладе С. П. Толстова и М. А. Итиной подробно рассмотрены архитектура и материалы могильника Тагискен. Фиксируется частичная близость материалов этого памятника с памятниками бегазинско-дындыбаевского этапа в Центральном Казахстане. Устанавливается связь культур железного века этой зоны Средней Азии с местными культурами эпохи поздней бронзы.

О. А. Вишневская сообщила о работах на курганном могильнике Уйгарак на Инкар-Дарье (VI—V вв. до н. э.). Инвентарь памятника сближается с сакскими материалами Казахстана и Средней Азии, а также савроматскими из Южного Приуралья. Намечается связь с Тагискеном. Доклад Т. А. Трофимовой был посвящен анализу черепов из могильника Асар II (в бассейне Сыр-Дарьи), М. К. Кадырбаев доложил о раскопках на курганном могильнике Тасмора (Павлодарская обл.), датируемом VI в. до н. э.

В докладе К. Ф. Смирнова были подведены итоги работ на Мечетсайском могильнике (южное Приуралье). Здесь обнаружены андроновские, прохоровские и савроматские погребения. В прохоровских могилах встречен ряд импортных предметов (бронзовое зеркало с гравированной композицией, хорезмийские вьючные фляги кангюйской эпохи и др.). Докладчик считает, что местное население принадлежало к племени «аорсов». (Перечисленные доклады были сделаны на совместном заседании секций раннего железного века и археологии и этнографии Средней Азии).

П. Д. Степанов на основании новых материалов пересмотрел свою точку зрения на группу памятников VII—IX вв. в Среднем Поволжье и признал, что они не древнемордовские, как он считал ранее, а угро-мадьярские. В широко развернувшихся прениях позиция докладчика была признана принципиально правильной.

Интерпретация Е. А. Халиковой Балымерских курганов (Татарская АССР), как кочевнических, и датировка их временем более ранним, чем XIII—XIV вв., были поставлены под сомнение в выступлениях по ее докладу (Г. А. Федоровым-Давыдовым и др.).

Большой интерес вызвал доклад А. Х. Халикова о стелах VII в. до н. э. с изображениями предметов вооружения из Среднего Поволжья. Р. М. Полесских сообщил о новых раскопках Армиевского могильника, а Н. В. Трубникова — о ранних городищах Чувашии.

Разведкам по р. Бухтарме (Южный Алтай) и раскопкам курганного могильника Курту (майэмирский, пазыркско-шибинский этапы, тюркская эпоха) было посвящено сообщение С. С. Сорокина. Р. В. Николаев сообщил об археологических исследованиях на трассе Абакан — Тайшет. Раскопки производились на раннетагарском могильнике Минусинск I и расположенных рядом киргизских курганных могильниках.

В докладе С. С. Черникова «Восточноказахстанская экспедиция ЛОИА в 1961 г.» описаны работы на курганном могильнике скифского времени.

В связи с докладами об исследованиях поселения культуры ноа у с. Островец Станиславской области (Э. А. Балагури) и могильника и поселения XI—IX вв. до н. э. у с. Широкое на Херсонщине (А. М. Лесков) обсуждались вопросы, связанные с обоснованием датировок памятников позднебронзовой эпохи.

С докладом «Волынская группа культуры скифского времени» выступил А. И. Тереножкин. В. А. Ильинская сделала доклад «О некоторых мотивах раннескифского звериного стиля».

В докладе Н. А. Богдановой и И. И. Гущиной о могильниках римского времени (I в. до н. э.— III в. н. э.) в Юго-Западном Крыму, исследуемых Бахчисарай-

ским музеем, отмечены два основных типа захоронений (подбойные и плитовые могилы), а также ряд черт, характерных для сарматской культуры.

Б. А. Тимощук в сообщении «Раскопки мест сожжения трупов» (черняховская культура) установил, что обожженные площадки с золой и кальцинированными костями служили для обряда трупосожжения. Обсуждался доклад И. С. Винокура о «Волынских хлебцах». Предположение, что рассмотренные докладчиком предметы ритуального назначения из обожженной глины имитируют хлебцы, не встретило всеобщего признания.

Я. Я. Граудонис доложил о результатах изучения укрепленного поселения Мукукалнс I тысячелетия до н. э. (Латвийская ССР).

Секция античной археологии. Г. П. Сергеев сообщил о находке клада предметов VI—IV вв. до н. э. в с. Олонешты. Клад состоит из шести аттических и фракийских шлемов, шести пар поножей, рельефной головки Афины и шестилампового светильника с посвятительной надписью.

Доклад Ф. М. Штительман был посвящен описанию медальона с изображением Афины (II в. до н. э.) из Киевского музея Западного и Восточного искусства. Восстановлен паспорт предмета. Г. Д. Белов рассказал о раскопках в XXII квартале Херсонеса. Обнаружена кладовая большого рыбозасолочного хозяйства с 19 пифосами (III—V вв.). В. Д. Блаватский доложил о результатах подводных работ в Ольвии.

В Пантикапее раскопано четыре дома второй половины VI—V вв. до н. э. и ряд более поздних строительных объектов (доклад И. Д. Марченко). С. А. Семенов в своем докладе на основании исследования 30 античных поселений северо-восточной части Керченского полуострова сделал попытку воссоздать картину заселения этой территории с VI в. до н. э. по III в. н. э.

В Мирмекии (доклад В. Ф. Гайдукевича) среди строительных остатков VI—V вв. до н. э.— III в. н. э. открыты две винодельни: II в. до н. э. и особенно хорошо сохранившаяся II—III вв. н. э. Раскопан ряд разновременных жилых домов. В зольнике (очевидно, культовом) найдено несколько граффити, на одном чернолаковом блюде надпись: «при архонте Спартоке». Ю. С. Крушкол доложил о раскопках большого Синдского кургана VIII—VII вв. до н. э. с двойным кромлехом и четырьмя могилами. В. В. Борисова рассказала о надгробиях с росписями, обнаруженных С. Ф. Стржелецким в Херсонесе.

И. Д. Марченко сообщила о раскопках на Майской горе, близ Фанагории, где вскрыт фундамент большого здания, возможно храма конца IV — начала III в. до н. э.

В Кепах продолжались исследования городища (Н. И. Сокольский) и некрополя (Н. П. Сорокина). На городище зафиксированы 10 культурно-исторических напластований (от VI в. до н. э. до средневековья). В некрополе вскрыта 91 могила. А. К. Коровина сообщила о раскопках городища (VI в. до н. э.— IV в. н. э.) и некрополя (IV—III вв. до н. э., II—III вв. н. э.) Тирамбы.

В Вани вскрыты остатки большого здания со следами рухнувшего перекрытия (II—I вв. до н. э.; доклад О. Д. Лордкипанидзе).

Секция нумизматики. В докладе П. О. Карышковского были классифицированы монеты Ольвии императорского периода Рима. Выделено 18 серий. Монетным делом в Ольвии ведала, видимо, не только коллегия архонтов, но и коллегия девяти. Широко обсуждался доклад Д. Г. Капанадзе о нумизматических данных, определяющих характер и продолжительность монгольского господства в Грузии. А. Б. Булатов сообщил о новом кладе серебряных золотоордынских монет (372 штуки), относящихся к 1310/11—1358/59 гг.

Были заслушаны сообщения о кладе брактеатов из Поднепровья (В. М. Потин), обрезанных пражских грошах (Н. А. Соболева) и монетном дворе в Кукинойсе (А. С. Мельникова). С. А. Янина исследовала фрагмент монеты с именем Джафара ибн-Абдалаха, обнаруженный в 1956 г. в неревском кладе. Этим фрагментом намечается более ранняя дата начала чеканки монеты в Волжской Булгарии, чем установленная по традиции (912 г.). М. В. Воробьев доложил о китайских доциньских монетах типов «пу» и «дао» из коллекций ГИМ. И. Г. Спасский в своем сообщении обосновывал принадлежность четырех киевских златников из Одесского и Киевского музеев, ГИМ и Эрмитажа к кладу на Кинбурнской косе.

В докладе В. Л. Янина о найденной в 1960 г. печати Владимира Мономаха (датируется 70-ми годами XI в.) приводятся новые доказательства, подтверждающие родство Владимира Всеволодовича с византийским императорским домом. В. Д. Белецкий дал предварительное описание коллекции из 432 свинцовых печатей (XV — начало XVI в.), обнаруженных при раскопках в Пскове.

И. Г. Спасский в другом сообщении предложил новую интерпретацию терминов «кожаные деньги» (Киевская Русь) и «кожаные жеребья» (петровское время).

Секция славяно-русской археологии. При обсуждении доклада В. В. Аулиха о датировке славянского городища у с. Зимно (Волынь) V—VII вв. выяснено, что ранняя дата (V в.) пока не обоснована. Большой интерес вызвало сообщение А. Т. Брайчевской о случайной находке богатого погребения конца VII в. н. э. у с. Глодосы (Кировоградская обл.). Материал его близок комплексу перещепинского клада.

А. Н. Москаленко на основе изучения новых находок преимущественно с Титчихинского городища (Воронежская обл.) доказывала высокое развитие ремесла и торговых связей боршевской культуры конца I тысячелетия н. э.

Были сделаны сообщения о раскопках в Латвийской ССР: на городище VIII—XII вв. Олинькалнс (доклад Э. С. Мугуревич) и могильников селов и латгалов II—X вв. (доклад Л. В. Ванкиной и В. А. Уртана); слоев XII—XIV вв. в г. Торопце (доклад Т. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской), в Пскове (доклад Г. П. Гроздилова), городища X—XII вв. Замчиска (Львовская обл.) (доклад А. А. Ратича) и разведках в южном и юго-восточном Крыму (доклад М. А. Фронджуло).

Ф. Д. Гуревич доложила о раскопанном ею в г. Новогрудке доме первой половины XII в. В здании обнаружены фрагменты штукатурки с орнаментальной фресковой росписью. В прениях Б. А. Рыбаков высказал предположение, что здание было двухэтажным. Доклад Ю. А. Липкинга о местоположении летописного города Римова вызвал обоснованные возражения. Ю. Л. Щапова сообщила результаты исследований стеклянных браслетов из Тьмутаракани. Доклад Л. А. Голубевой был посвящен описанию археологических материалов и этнической характеристике белозерской веси X—XII вв.

Очень высокую оценку получил доклад Г. К. Вагнера о реконструкции сюжетов на рельефах Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Восстановлен ряд композиций. А. В. Столетов предложил вариант полной архитектурной реконструкции Георгиевского собора. В другом докладе он представил реконструкции Успенского собора Княгинина монастыря в г. Владимире в формах XVI и XIII вв. О. И. Подобедова сообщила о работе по изучению древнерусской архитектуры по летописным миниатюрам. Работам в Смоленске были посвящены доклады Д. А. Авдусина (о раскопках ротонды) и М. Х. Алешковского. Докладчики и все выступившие в прениях обратили внимание на плохое состояние архитектурных памятников Смоленска.

Т. В. Николаева рассказала о сборе произведений древнерусского искусства для Загорского музея. Б. А. Колчиными О. Ю. Круг была предложена реконструкция древнего сыродутного процесса, проверенная опытным путем в Новгороде.

Секция археологии и этнографии Кавказа. Г. С. Читая посвятил свой доклад характеристике колхидской культуры. Как доложил Б. Н. Аракелян, раскопки в Гарни продолжались на трех участках внутри крепостных стен. Выявлено семь культурных слоев от энеолита до средневековья. Обнаружена парфянская надпись.

В Азербайджанской ССР был раскопан курган эпохи поздней бронзы в Хачбулахе (доклад Г. П. Кесаманлы), проводились раскопки поселений куро-араксинского энеолита в Казахском районе (доклад И. Нариманова), продолжены раскопки городища Хныслы (Шемахинский район), где стратиграфически выявлены три слоя (вторая половина I тысячелетия до н. э.— III—IV вв. н. э.) и раскопан ряд грунтовых и кувшинных погребений, а также погребения в каменных ящиках (доклад Д. А. Халилова). На городище Оренкала исследованы ремесленный квартал конца VIII—XIII вв., ряд мавзолеев со стенной росписью и оборонительные сооружения (доклады Г. М. Ахмерова и Н. В. Минкевич-Мустафаевой).

Н. В. Анфимов сообщил о новых материалах эпохи раннего железа Северо-Западного Кавказа. В докладе Б. В. Техова наибольший интерес представляло описание находок из могильника у с. Тли (первая половина I тысячелетия до н. э.).

Значительный интерес вызвало сообщение М. Г. Гаджиева о раскопках могильника эпохи бронзы в нагорном Дагестане (хутор Гинчи, Советский район). Здесь исследованы склепы с коллективными захоронениями, рядом с которыми открыто 10 погребений в сосудах. Последние являются наиболее древними кувшинными захоронениями, раскопанными на Кавказе до настоящего времени.

При раскопках пос. Вани на р. Рионе под слоем VI—I вв. до н. э. обнаружено непотревоженное женское погребение, сопровождавшееся многочисленными золотыми украшениями, сосудами из золота, серебра, бронзы и стекла. Находки свидетельствуют о высоком уровне ювелирного искусства Колхиды в античное время (доклад Н. В. Хоштария). В с. Цебельда, около Сухуми, раскапывались могильники II—IV вв. Сделана попытка связать материалы этих могильников с культурой исторически известных племен — предков абхазцев (доклад М. М. Трапш).

А. А. Исламов сообщил о раскопках средневекового погребения в с. Итум-Кале (ЧИАССР). В связи с этим сообщением широко обсуждался вопрос о времени проникновения и утверждения ислама в Чечено-Ингушетии.

Секция археологии и этнографии Средней Азии. В. И. Спришевский сообщил о продолжении раскопок Чустского поселения эпохи бронзы в Фергане. Б. Н. Вайнберг и Л. М. Левина доложили о раскопках поселения Ак-Тепе II в Южно-Казахстанской области (I—II вв.). Были сделаны сообщения о работах в Алайской долине (Ю. Д. Баруздин), о раскопках Суфанского могильника близ г. Ферганы IV в. до н. э.— первых веков нашей эры (Н. Г. Горбунова), о работе сектора археологии Туркменской АН ССР (Д. Дурдыев) и о раскопках поселения эпохи бронзы около могильника Заман — баба (А. Аскаров).

На городище Старой Нисы открыты новые парфянские документы, некоторые имеют отношение к винохранилищам (доклад Н. М. Крашенинниковой).

Как сообщил в своем докладе А. М. Беленицкий, в древнем Пенджикенте благодаря применению техники проведены очень обширные работы. Выясняется планировка улиц. Обнаружено здание с помещениями второго этажа. Найдена коллекция булл (46 штук) с оттисками печатей.

Доклад Б. А. Литвинского был посвящен раскопкам городища Аджина-Тепе (Южный Таджикистан). Б. Я. Стависский доложил о раскопках буддийского монастыря в Старом Термезе. Это памятник эпохи расцвета кушанского царства. Раскопки велись в подземном храме и двух пещерных комплексах. Найдено большое количество монет (I—III вв.), сосуды с индийскими надписями и другие предметы. В Куве исследуется расположенный рядом с храмом жилой комплекс (вскрыто 24 помещения). Керамика датируется монетами VII—VIII вв. и составляет основу для построения хронологической шкалы средневековой керамики Ферганской долины (доклад В. А. Булатовой). В замке Занг-Тепе (Ангорский район УзССР) обнаружены документы, написанные тушью на бересте (примерно V—VII вв.). По характеру письменность сходна с обнаруженной А. Стейном в Хотане (доклад Л. И. Альбаума).

Большое внимание привлек доклад Г. А. Пугаченковой, посвященный результатам раскопок в с. Халчаян (УзССР). Открыто большое число раскрашенных скульптурных изображений (начало нашей эры). Эти находки проливают свет на вопросы формирования так называемой гандхарской скульптурной школы. Много возражений вызвал доклад С. Г. Хмельницкого о портальных композициях среднеазиатского зодчества.

Заслушаны были также сообщения об исследовании приаральской дельты Аму-Дарьи (В. Н. Ягодин), о работах в Вахшской долине (Т. И. Зеймаль), об обследовании средневековых городищ бассейна Даудана (Н. Н. Вактурская, Б. В. Адрианов), об исследовании технологии изготовления средневековой (IX—XII вв.) керамики Средней Азии (Э. В. Сайко).

Я. А. Шер предложил свою интерпретацию каменных изваяний Семиречья. Статистически им выделены два хронологических этапа: VI—VIII, IX—XIII вв.

П. М. Кожин

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР В 1960 г.

В 1960 г. Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР было выдано 222 открытых листа на право производства археологических исследований на территории РСФСР.

Экспедиция ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР (под руководством Г. А. Панкрушева) проводила раскопки и разведки в Карельской АССР. Первый отряд экспедиции (рук. Ю. А. Савватеев) обнаружил 11 поселений эпохи неолита и раннего металла в Беломорском районе. Второй отряд (рук. А. В. Анпилогов) открыл 16 древних поселений и одно средневековое селище на северном побережье оз. Сямозеро. Четыре новые стоянки открыты на западном побережье оз. Ондозеро. Отрядом под руководством Г. А. Панкрушева при разведках на северном побережье Ладожского озера и на прилегающих к нему озерах открыты две новые неолитические стоянки.

Экспедиция Архангельского областного краеведческого музея (рук. О. В. Овсянников) проводила работы в некоторых районах области и в Архангельске. На стоянке Ольский мыс (Каргопольский район) — начала II — середины I тысячелетия до н. э.— обнаружены следы железоплавильного производства. В с. Холмогоры, в Падракурском посаде (середина XVII — середина XVIII в.) вскрыты остатки деревянных построек. В г. Архангельске обнаружены находки конца XVII — начала XVIII в. На Слободском озере открыты остатки неолитического поселения.

На территории Ленинградской области производила работы Опытная экспедиция ИА по изучению первобытной техники (рук. С. А. Семенов), проведшая ряд экспериментальных работ: добывание огня высеканием из кремня пирита и трением дерева об дерево, испытание деревянных землекопных орудий, опыты с волокушей по перемещению тяжестей, строительство тростникового жилища, рубку деревьев ручным рубилом, предварительные опыты по строительству простейшего мегалита и т. д.

Л. Ю. Янитсом и Э. Ю. Тыниссоном (Институт истории АН ЭССР) обследована территория к востоку от Чудского озера. Осмотрены неолитические поселения и обследовано шесть городищ середины I — начала II тысячелетия н. э.

В Пскове продолжались многолетние работы экспедиции Государственного Эрмитажа, Псковского областного краеведческого музея и Псковских реставрационных мастерских (рук. Г. П. Гроздилов). В юго-западной части Довмонтова города были обнаружены следы деревянного настила конца XV в. и скопление каменных ядер. На уровне XIV—XV вв. выявлена древняя линия крепостной стены. Вскрыты остатки деревянных сооружений XI—XIII вв. Из находок необходимо упомянуть пять вислых печатей: одна из них — княжеская, две — с именем епископа владыки Феофила (XV в.),

одна — епископа Ионы, одна — Геннадия. В раскопе около Темных ворот изучались основания трех каменных трехапсидных храмов XIV—XV вв. В Детинце раскопки производились на месте земляного бастиона петровского времени — у башни Кутекромы. Под бастионом вскрыт культурный слой с остатками деревянных сооружений VIII—IX вв. и, возможно, V—VII вв. У дер. Осьминники (Печорский район) раскопано пять грунтовых погребений XI—XII вв. с интересным сочетанием славянских и латышских вещей.

И. К. Голуновой и П. А. Раппопортом (ИА АН СССР) произведены раскопки старого кладбища близ с. Чудская Рудница Гдовского района Псковской области. Вскрыто 34 погребения XII—XVII вв. Преобладают захоронения без вещей, головой на запад.

Новгородская экспедиция ИА АН СССР и МГУ (рук. А. В. Арциховский) продолжала раскопки на Неревском конце древнего Новгорода. Были завершены работы на двух раскопах. Кроме того, были заложены специальные «дендрохронологические раскопы» для установления общей шкалы дендрохронологии ярусов мостовых и для уточнения абсолютной и относительной датировки всех деревянных построек и наслоений с X по XV в. включительно. Исследовались остатки двух древних каменных церквей — Козьмы и Демьяна на Холопьей улице и Саввы на Кузьмодемьянской. Найдено пять берестяных грамот. Среди них наибольший интерес представляет послание «От Микиты к Ульянице», в котором содержится очень краткое, но выразительное предложение руки и сердца. Четыре грамоты обнаружены в других частях Новгорода при земляных работах.

М. Х. Алешковский (ЦНРМ и Новгородская специальная научная проектно-реставрационная мастерская) производил наблюдения за земляными работами при реставрации в Новгородском кремле. В раскопе около Златоустовской башни выявлена поздняя подсыпка древнего кремлевского рва, детали его гидротехнического устройства и нижние ярусы деревянной срубной конструкции вала. У Владимирской башни обследован ее фундамент и установлена его конструкция.

По решению Новгородского Горисполкома депутатов трудящихся Управление культуры организовало под руководством М. Х. Алешковского расчистку руин церкви Рождества Богородицы XIV—XIX вв. на территории бывшего Десятинного монастыря в Новгороде. Установлено, что в своей основе церковь относится к 1397 г.

С. Н. Орловым (Новгородский педагогический институт) на берегу оз. Пелено (Боровичский район) исследовались остатки трех поселений конца I — первой половины II тысячелетия н. э. и две группы курганов и сопок.

Белоозерская экспедиция ИА АН СССР и Вологодского областного краеведческого музея (рук. Л. А. Голубева) продолжала раскопки древнего Белоозера на правом берегу Шексны. Завершено исследование постройки X — начала XI в., вскрыт ряд срубов. В нижних слоях обнаружен материал второй половины X в. Кроме того, раскапывалась насыпь, возведенная над культурным слоем конца X в.,— «Курган», в котором обнаружен ряд погребений.

А. В. Никитин (ИА АН СССР и Вологодской областной краеведческий музей) продолжал исследование Великого Устюга. Раскопки велись около вала, где прослежены остатки жилищ с глинобитными печами. Установлено, что городище начало интенсивно застраиваться только в XVI в. До этого здесь была крепость-убежище.

Вологодская экспедиция ГИМ, Вологодского областного и Череповецкого краеведческих музеев (рук. Н. В. Тухтина) продолжала работы по изучению археологических памятников летописной «веси». Разведки велись в Бабаевском, Кирилловском, Кадуйском и Шольском районах Вологодской области и в Каргопольском районе Архангельской области. В бескурганном могильнике в дер. Погостище раскопано два погребения. В кургане в пос. Борисово-Судское вскрыто три погребения. В г. Бабаево раскопано шесть курганов с погребениями XI—XII вв., а у дер. Дудино — семь курганов с погребениями XI в. Кроме того, обследованы стоянка каргопольской культуры у дер. Низ (Каргопольский район), неукрепленное городище (не ранее XIII в.) на р. Шексне, городище у дер. Городище, христианские кладбища у дер. Морьево и Сятромсь.

В Кировской области отрядом экспедиции ИА АН СССР и Кировского областного краеведческого музея (рук. Л. П. Гуссаковский) обследован ряд древнерусских городищ в среднем течении Вятки. На территории бывшего кремля г. Орлова (современный г. Халтурин) вскрыты остатки наземных срубных жилищ и хозяйственных построек XIV—XV вв. На городище в с. Никульчино открыты остатки наземных срубных жилищ, подпольные ямы домов, землянки и полуземлянки, хозяйственные ямы. Город существовал с рубежа XII—XIII вв. до второй половины XV в. В нижних слоях его впервые найдены материалы ананьинской культуры.

В Калининской области Торопецким отрядом ИА АН СССР и Калининского областного краеведческого музея (рук. Г. Ф. Корзухина) были продолжены работы, начатые в 1957 г. Я. В. Станкевич на Малом Торопецком городище. Обнаружены остатки деревянных построек, вымосток и уличных настилов, располагавшихся тремя горизонтами (первая половина XIII — начало XIV в.). Из находок следует отметить вислую свинцовую печать брата Александра Невского, Ярослава Ярославича.

Неолитический отряд Прибалтийской экспедиции ИА АН СССР (рук. Н. Н. Гурина) продолжал обследование верхнего течения Волги. За два года работ здесь об-

наружено 82 стоянки и местонахождения каменного века, выходы кремня. 22 памятника осмотрено на оз. Волго и пять новых неолитических стоянок открыто на оз. Селигер.

И. И. Артеменко (ИА АН СССР) обследован фатьяновский могильник на Олоченской горе (Кесовогорский район Калининской области).

Ф. И. Ивановым (Калининский областной и Ржевский районный краеведческие музеи) осмотрены мезолитические и неолитические стоянки в районе г. Калинина. Среди последних наибольший интерес представляет вновь открытая стоянка «Береговая».

Верхнеднепровская экспедиция ИА АН СССР (рук. П. Н. Третьяков) продолжала изучение памятников I тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. Завершены раскопки Мокрядинского городища середины — второй половины I тысячелетия до н. э. Исследованы городище VI—VII вв. у дер. Слобода-Глушица, ряд болотных городищ и городище на левом берегу Днепра — в западной части области.

Верхнеднепровский отряд Черниговской экспедиции ИА АН СССР (рук. В. В. Седов) провел разведочные работы в ряде районов Смоленской области и в северной части Брянской области. Открыты городища древнерусских городов: Вержавска-Ржавеска, Красна, Микулина. Обнаружены следы совершенно разрушенного городища в г. Васильеве. Обследованы Рославль, Ельня, Пацын, локализованы некоторые смоленские волости и их центры. В дер. Коробино, на границе Смоленского и Красненского районов, и близ дер. Гневково Шумячского района раскопано 43 древнерусских кургана.

Экспедиция Смоленского научно-исследовательского краеведческого института (рук. Е. А. Шмидт) завершила раскопки городища середины и второй половины I тысячелетия до н. э. у дер. Н. Батеки (Смоленский район) и продолжала исследование городища и грунтового могильника у дер. Акатово (Демидовский район). В грунтовом могильнике (V—VII вв.) вскрыто еще восемь погребений. При разведках в Гжатском и Сычевском районах обследовано пять городищ первой половины I тысячелетия н. э. и XIII—XV вв.

Экспедиция МГУ и Смоленского областного краеведческого музея (рук. Д. А. Авдусин) продолжала раскопки в центральной и лесной группах Гнездовского могильника. Всего вскрыто 53 кургана. В большинстве из них обнаружены остатки трупосожжений, но в двух курганах было трупоположение (рубеж X—XI вв.). В курганах с трупосожжением найден ряд интересных вещей: поясной набор, фибула с изображением звериных морд, гирьки для весов, слитки стеклянных бус, половина саманидского дирхема X в. и другие предметы.

С. И. Борисов (школа № 20 г. Вязьмы) произвел исследование городища у дер. Федотково (Вяземский район Смоленской области), на котором вскрыто два культурных слоя — дьяковского времени и древнерусского (по XIII в.).

В Кремле Москвы продолжались работы экспедиции ИА АН СССР и Музея истории и реконструкции Москвы (рук. Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович). Велись наблюдения за земляными работами при прокладке коммуникаций и на котловане строительства Дворца съездов. Получены сквозные профили с разрезами культурного слоя через всю территорию Кремля. Выяснена северная граница распространения домонгольского культурного слоя — за линию Троицких ворот и до Соборной площади. Исследованы остатки древнего рва на мысу и вала конца XII — начала XIII в. Зафиксированы остатки сооружений XV—XVII вв.— зданий дворцового комплекса, церквей и приказов.

Можайская экспедиция ИА АН СССР (рук. А. Ф. Дубынин) закончила исследование Троицкого городища, относящегося к дьяковской культуре. Вскрыты все основные участки городища, дополнительно раскопаны ров и остатки сооружений с его внутренней стороны. Обнаружены следы деревянных креплений рва и вала.

Отряд по обследованию состояния археологических памятников Московской области (рук. Р. Л. Розенфельдт) осмотрел 35 городищ на территории Подольского, Каширского, Коломенского, Шатурского и Истринского районов. Особый интерес среди них представляет дьяковское городище у с. Щербинка Подольского района.

Т. В. Равдиной (ИА АН СССР) раскопано семь курганов в двух группах близ ст. Царицыно (Московская область). Курганы принадлежат вятичам и датируются XII—XIII вв.

Московской научно-реставрационной производственной мастерской проводились работы, связанные с реставрацией архитектурных памятников Москвы. Г. Ф. Никитина провела такие работы в церкви Воскресения в Кадашах. В. И. Матвеева продолжала исследования в юго-западной части заднего монастырского двора в бывшем Высоко-Петровском монастыре, на восточном прясле стены ограды монастыря. Установлена дата древней кладки стены (XVII в.) и конструкция ее нижней части.

Талдомская экспедиция ГИМ (рук. В. М. Раушенбах) продолжала раскопки стоянки Николо-Перевоз. Установлено пятикратное заселение стоянки с конца III до конца I тысячелетия до н. э.

Экспедиция Музея истории и реконструкции Москвы (рук. А. Г. Векслер) продолжала раскопки курганов близ ст. Одинцово. Вскрыто 13 курганов с погребениями XI—XIII вв. В кургане у с. Еганово раскопано парное погребение, принадлежащее вя-

тичам. Обследованы два известных городища — Кунцевское (первая половина I тысячелетия н. э. и XV—XVII вв.) и Боровское (V—IV вв. до н. э. и до XV в. н. э.).

Экспедиция школы г. Электросталь (рук. Е. И. Диков) при обследовании берегов рек Клязьмы и Вори (Ногинский район) обнаружила курганы и следы славянских селищ.

Верхневолжская экспедиция ИА АН СССР, Управления культуры Ярославского Облисполкома, Ярославо-Ростовского музея-заповедника, ГИМ, Ярославского педагогического института, Угличского и Рыбинского краеведческих музеев (рук. Д. А. Крайнов) проводила исследования на территории Ярославской, Ивановской, Владимирской, Московской, Горьковской областей несколькими отрядами. Основной отряд (рук. Д. А. Крайнов) продолжал раскопки в Угличском и Переславском районах Ярославской области и в Ильинско-Хованском районе Ивановской области. Изучались стоянки Золоторучье I, III, Кухмарский курганный могильник и Тимофеевский могильник фатьяновской культуры. В Кухмарском могильнике вскрыто 10 курганов абашевской культуры, в которых обнаружены мощные очаги и кострища, но самих костяков не найдено. Впервые в подобных памятниках прослежены ограждения из камней вокруг могильных ям и установлено наличие камней в насыпях курганов. На территории многослойной стоянки Золоторучье I обнаружен ряд разновременных погребений и несколько мастерских по обработке кремня. В Тимофеевском могильнике раскопано шесть погребений и найдены кости домашних животных. Окско-Клязьминский отряд экспедиции (рук. О. С. Гадзяцкая) проводил основные работы в районе среднего течения Клязьмы. Осмотрены места находок фатьяновских предметов, обследованы могильники близ дер. Нагорное и в Тубцево (Горьковская область), у с. Карино, дер. Пыжово, с. Ахтырка (Зарайский район Московской области) и в районе Серпухова. Переславский отряд (рук. А. Л. Никитин) продолжал исследование могильника и поселения эпохи поздней бронзы — Дикариха у дер. Криушкино. При разведках в Ростовском районе Ярославской области осмотрены Сарское городище, дьяковское Акулово городище и Шулецкое селище (слои мерянский и славянский). Ярославский отряд экспедиции (рук. М. В. Фехнер) продолжал раскопки Тимеревского курганного могильника (Ярославский район), в котором исследовано 97 курганов. В 74 из них обнаружены остатки трупосожжения, в пяти — трупоположение, остальные не содержали погребений. Курганы, судя по инвентарю (фибулы, стрелы, кресала, ножи, гребни, копоушки, бляшки, поясные наборы, бусы, а также керамика), датируются X— началом XI в.

Верхневолжский отряд Волжской экспедиции (рук. Е. И. Горюнова) раскопал ряд курганов у дер. Киучер (Переславский район Ярославской области). Вскрыты погребения первой половины XI в. В окрестностях этой деревни обследовано также селище XI в.

Экспедиция ГИМ (рук. М. В. Фехнер) продолжала исследование славянского селища X—XIII вв. близ устья Грехова ручья (Угличский район Ярославской области).

М. П. Шахматовой (ИА АН СССР и Владимиро-Суздальский музей-заповедник) проведены разведки по р. Клязьме между городами Новые Петушки и Владимиром. Открыты три неолитические стоянки, городище и четыре местонахождения кремня и керамики, а также дополнительно обследована стоянка Лопачи у дер. Богдарня.

Экспедиция Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника и ИА АН СССР (рук. Н. Н. Воронин) провела раскопки внутри собора Михаила Архангела (1631 г.) в кремле г. Горького. Установлено, что здание собора стоит на основаниях белокаменного дворцового храма нижегородских князей (1359 г.), крестообразного в плане, с тремя притворами. Прослежены остатки пола из кирпичных плит с резным орнаментом из шестиконечных звезд, заполненных белым раствором. Под этим храмом открыта часть фундаментов трехапсидного собора 1227—1229 гг. Найден обломок белокаменного рельефа — голова льва.

А. Ф. Медведев (ИА АН СССР и Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник) произвел раскопки в г. Городце (Горьковская область): в Княжем городе и в городском посаде. На территории последнего открыта землянка домонгольского времени, сгоревшая в 1237 г., и около нее несколько ям с железными шлаками. Во второй землянке обнаружен развал печи-каменки. В Детинце (Княжий город) исследована землянка с глинобитной печью. Находки свидетельствуют о развитии кузнечного, гончарного, ювелирного, косторезного ремесел и рыболовства. Нижний слой датируется XII — первой половиной XIII в. (до 1237 г.), средний — второй половиной XIII—XIV в. (до 1408 г.), верхний —XV—XX вв.

В отчетном году проведены разведки экспедицией Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Первый отряд (рук. В. Ф. Черников) обследовал левый берег р. Оки — от с. Жайска (Вачский район Горьковской области) до г. Дзержинска. Осмотрено 65 памятников, относящихся главным образом к эпохе неолита и бронзы. Второй отряд (рук. Н. А. Бочкова) обследовал берега рек Пьяны и Сундовика. Осмотрено 54 памятника эпохи неолита, бронзы, раннего железа.

В пределах Тульской области Окским палеолитическим отрядом ИА АН СССР (рук. В. П. Любин) произведены разведки по рекам Оке и Осетру. Обнаружено несколько кремневых мастерских. Близ дер. Соколовки (Мордвесский район) открыты карстовая пещера, кремневая мастерская, славянское городище; отмечены следы мезолита.

Экспедиция МГУ и Тульского областного краеведческого музея (рук. С. А. Изюмова) вскрыла восемь курганов близ дер. Западное (Суворовский район Тульской области). В шести из них обнаружено трупосожжение в погребальных камерах, в двух — без камер. Пережженные кости складывались в урны или же на полу камеры. Среди костей найдены бусы, бронзовые колечки, железные колечки от кольчуги и другие предметы. Курганы датируются VII—IX вв.

В Рязанской области экспедиция ГИМ и Касимовского музея краеведения (рук. И. К. Цветкова) исследовала стоянку у с. Ибердус (Касимовский район). Было заложено два раскопа. В первом раскопе найдена в основном керамика второго этапа развития рязанской поздненеолитической культуры. Во втором раскопе обнаружено полуземляночное жилище с двумя выходами, погребение у стенки жилища и типичная волосовская керамика.

В Калужской области экспедиция ГИМ (рук. А. В. Успенская) провела раскопки селища Беницы (Боровский район). Обнаружены остатки жилища с печью-каменкой и комплексом вещей производственного и бытового назначения (X—XII вв.).

А. А. Медынцева (МГУ) провела разведки в г. Козельске. Обследованы остатки укреплений XVI в. и установлено, что мыс при впадении р. Другузны в р. Жиздру был заселен в X в.; в XI—XII вв. он не был обитаем, а в конце XII—XIII в. жизнь на нем возобновилась и продолжалась до XVIII в.

Экспедиция Брянского областного краеведческого музея (рук. Ф. М. Заверняев) продолжала работы на нижнепалеолитической стоянке у с. Хотылево.

В. А. Падиным (Трубчевский краеведческий музей) раскопано несколько курганов в древнерусском Кветунском могильнике (юго-западный участок урочища «Гай»). В одном кургане X—XI вв., в гробовище обнаружено скопление кальцинированных костей. Здесь найдены серебряный пластинчатый перстень, поясные пряжки, бляшки, обрывки тканей, калачевидное кресало и другие предметы.

Деснинская экспедиция ГИМ (рук. Л. В. Грехова) проводила обследование бассейна Десны в пределах Брянской и Орловской областей. Основные работы велись в Брянске, на стоянке в овраге Карачиж. Бо́льшая часть стоянки разрушена оврагом. Здесь найдено большое количество кремневых изделий.

В Орловской области продолжались работы Верхнеокского отряда Верхнеднепровской экспедиции ИА АН СССР и Орловского областного краеведческого музея (рук. Т. Н. Никольская). На городище у дер. Слободка (Шаблыкинский район) вскрыты оборонительные сооружения, окаймлявшие край площадки городища,— глинобитная стена с деревянными конструкциями, остатки сгоревшей башни. Вскрыты также остатки жилых и хозяйственных построек и получен большой вещественный материал XII — начала XIII в.

Курский отряд Скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР и Курского областного краеведческого музея (рук. А. Е. Алихова) продолжал раскопки городища Кузина гора (Иванинской район), провел разведочные работы на Плаксинском городище и на городище Кудеярова гора и обследовал западную часть Посеймья.

В Мучканском районе Тамбовской области экспедиции ГИМ (рук. Т. Б. Попова) обнаружила ряд курганов и три поселения срубной культуры (у сёл Матвеевка и Березовка).

На территории Белгородской области продолжались работы Северодонецкого отряда ИА АН СССР (рук. С. А. Плетнева). При разведках по р. Белой Калитве и Северному Донцу обнаружено 25 селищ, в том числе одно эпохи неолита и 24 средневековых. На селище у с. Дмитровского (Шебекинский район) исследовано четыре полуземлянки и одно хозяйственное сооружение. На могильнике раскопано 12 катакомб и тризна. Обследованы также два ранее известных памятника — Семикаракорское городище салтово-маяцкого времени и Сажное городище скифской эпохи.

Е. Ф. Евминовой (школа с. Борисовки) в 1957—1960 гг. при обследовании верхнего течения рек Ворсклы и Локны и их притоков открыт ряд поселений эпохи неолита и бронзы и два городища скифского времени.

В Воронежской области продолжались работы Воронежского отряда лесостепной экспедиции ИА АН СССР, Воронежского областного и Острогожского районного краеведческих музеев (рук. П. Д. Либеров). Раскопано 18 курганов у с. Мастюгино. В пяти из них оказались погребения эпохи поздней бронзы, в трех обнаружены признаки трупосожжения со следами погребального деревянного сооружения на столбах. В больших курганах эпохи раннего железа оказались огромные могильные ямы. Почти все курганы ограблены, но тем не менее в них найдено более 300 золотых бляшек (в том числе с изображением грифонов и оленей), золотая конусовидная обивка деревянного сосуда, а также остатки железных панцирей из чешуйчатых пластинок, ряд серебряных вещей, бронзовая гидрия, костяная статуэтка собаки и другие предметы.

Палеолитическая экспедиция ИА АН СССР (рук. А. Н. Рогачев) в Гремяченском районе Воронежской области продолжала исследование верхнепалеолитических стоянок в Костенках. Произведены раскопки Гмелинской и Аносовской (Костенки XI) стоянок. На последней производилась расчистка скопления костей мамонта в верхнем культурном слое, доследовалась западная граница жилища второго культурного слоя. Расчищенное скопление костей мамонта представляет развалины большого жилища. Рядом с жилищем расчищены три ямы-погреба. В результате исследований эта стоянка вошла в число трех первоклассных пятислойных памятников этого района.

Экспедиция Воронежского университета и Воронежского областного краеведческого музея (рук. А. Н. Москаленко) продолжала раскопки городища у дер. Титчиха (Давыдовский район). Вскрыто три полуземлянки и хозяйственные ямы.

Экспедицией ИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея (рук. В. П. Левенок) проведены раскопки и разведки на территории Липецкой области. Интересные результаты дали исследования неолитической стоянки близ с. Долгое Данковского района. Здесь найдены гребенчатые штампы, изготовленные из панциря черепахи, «жезл начальника» из рога оленя, множество костяных изделий. В Елецком районе проводились раскопки карстовых пещер, стоянки эпохи бронзы, обследованы поселения эпохи бронзы и раннего железа, раскапывались курганные могильники эпохи бронзы и половецкого времени.

Наровчатская экспедиция (ИА АН СССР, Министерство культуры РСФСР, рук. А. Е. Алихова) в с. Наровчат (Пензенская область) вскрыла фундамент мавзолея, в северной части которого был склеп.

Экспедицией Пензенского областного краеведческого музея (рук. М. Р. Полесских) вскрыто девять погребений на Армиевском могильнике и обследовано два городища и селище близ с. Армиева.

В Татарской АССР велись работы Поволжской экспедиции ИА АН СССР, ГИМ, Государственного музея ТАССР, Ульяновского и Волгоградского областных музеев (рук. А. П. Смирнов). Проводились работы у Казани на Урматском селище X—XV вв. и на двух Камаевских городищах XIII—XV вв. Другим объектом работ явилось городище близ дер. Андреевки, открытое в 1954 г. Н. Я. Мерпертом. Это замок болгарского князя X—XI вв. Изучена система укреплений, вскрыты жилища и хозяйственные постройки. Рядом с городищем исследовались остатки трех деревень того же времени. Одним из отрядов этой же экспедиции (рук. Г. А. Федоров-Давыдов) проведены работы в Сарае-Берке (Ленинский район Волгоградской области). Здесь открыты остатки кирпичных зданий, сложенных из квадратного кирпича, остатки печей, система подпольного отопления, зерновые ямы и водоемы. Найден большой и интересный материал в основном XIV в.

Экспедиция ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР проводила исследования двумя отрядами. Первый отряд (рук. А. Х. Халиков) обследовал Кайбицкий, Апастовский, Нурлатский, Верхнеуслонский районы ТАССР. Осмотрен 71 памятник различных эпох, начиная от эпохи палеолита и до средневековья. На Мало-Кокузинской стоянке вскрыто жилище приказанской культуры, обнаружены предметы волосовской культуры и XII—XIII вв. Одна из разведочных групп этого отряда (рук. Р. Г. Фахрутдинов) провела работы в бассейне рек Бия и Сухая Улема и зафиксировала 31 памятник. Другая разведочная группа (рук. А. Е. Халикова) зарегистрировала 37 разновременных памятников в бассейне Свияги. Второй отряд экспедиции (рук. Т. А. Хлебникова) проводил исследования по левому берегу Камы в Алексеевском и Чистопольском районах.

Экспедиция Казанского университета (рук. В. Ф. Генинг) исследовала Больше-Тарханский и Тураевский могильники. В первом из них (Тетюшский район) вскрыто 278 погребений (80 погребений было вскрыто в 1957 г.). При погребенных найдены керамика, украшения, наконечники стрел, пряжки, кресала, стремена, удила, шилья, кинжал, сабли, бляшки, хорезмийская монета VIII в. Могильник раннеболгарский, датируется концом VII — началом IX в. В Тураевском могильнике III—V вв. (Бондюжский район) раскопано шесть курганов.

В Чувашской АССР экспедиция ГИМ и Чувашского НИИЯЛИЭ (рук. Н. В. Трубникова) завершила раскопки городища Пичке-Сорче на границе Аликовского и Сундырского районов. Выявлены остатки трех культурных напластований. Древний слой сохранился очень плохо. Основной слой городища относится к первым векам нашей эры. Исследована внутренняя конструкция вала этого времени, обнаружены следы 14 построек — небольших наземных домов. Следы золы и угля свидетельствуют о большом пожаре, уничтожившем городище. Найден клад женских украшений — подвески, стеклянные бусы. В верхнем слое обнаружена землянка с очагом XVI—XVII вв.

Отряд экспедиции Чувашского НИИЯЛИЭ и Чувашского педагогического института (рук. В. Ф. Каховский) исследовал несколько памятников — Ельнинское городище ананьинской культуры, болгарское селище близ дер. Большое Янгильдино, могильник у дер. Икково XVII в., могильник близ с. Чурачики (вскрыто пять погребений эпохи бронзы и раннего железа).

Башкирская экспедиция ИА АН СССР (рук. А. В. Збруева) провела раскопки памятников эпохи бронзы в Красноуфимском районе Башкирской АССР. Раскапывалось несколько стоянок (у сёл Кюнь, Старая Мугита, Старое Ноглево, Бачка-Тау) и курган с погребениями срубного типа близ дер. Новое Баслаково (Кушнаренковский район). Проведены также раскопки на стоянке эпохи поздней бронзы Япрык I в Октябрьском районе. Отряд экспедиции (рук. А. П. Шокуров) продолжал обследование р. Белой и ее притоков. Выявлено более 60 разновременных памятников.

Исследования Каповой пещеры проведены Южноуральским палеолитическим отрядом ИА АН СССР (рук. О. Н. Бадер). На первом этаже пещеры рисунков не оказалось. На втором этаже отмечены древние рисунки, в центре которых находилась описанная А. В. Рюминым фигура лошади. По ее бокам были фигуры двух мамонтов и несколько фигур других животных. Рисунки силуэтные, выполнены красной краской. Палеолитический возраст рисунков определяется наличием фигуры мамонта.

Кроме того, производились рекогносцировочные раскопки Мурадымовской пещеры на берегу р. Большой Ик. В ней обнаружены очажные ямы, кремневые отщепы и кости животных. Пещера была обитаема во время верхнего палеолита.

Отряд экспедиции ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР (рук. Н. А. Мажитов) работал в Бирском, Покровском и Нуримановском районах. Продолжены работы на Бирском могильнике (совместно с антропологической экспедицией Института и Музея антропологии МГУ под рук. М. С. Акимовой), на котором вскрыто 80 погребений. На Бахмутинском могильнике исследовано 14 погребений конца II — начала V в.

Экспедиция Уфимского дворца пионеров (рук. Г. Н. Матюшин) продолжала разведку археологических памятников в окрестностях г. Уфы, где обследован ряд разновременных поселений.

Марийская археологическая экспедиция Марийского НИИЯЛИ и ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (рук. А. Х. Халиков) проводила работы на территории Горно-Марийского района Марийской АССР. Отрядом А. Х. Халикова во II Виловатовской группе вскрыто два кургана с погребениями абашевской культуры. В Пепкинском кургане раскопаны три могильные ямы; в двух из них — одиночные скорченные погребения, в третьей — коллективное захоронение 28 скорченных костяков. Обряд погребения и основной комплекс вещей — абашевские — XV—XIII вв. до н. э. Отряд Г. А. Архипова исследовал городище и селище «Иванова Гора» близ с. Малый Сундырь. Оба памятника датируются серединой I тысячелетия н. э.

Марийским республиканским краеведческим музеем (рук. П. Н. Старостин) обследован левый берег Волги в пределах Горно-Марийского и Звениговского районов Марийской АССР.

Удмуртская экспедиция (рук. Г. Т. Кондратьева) продолжала обследование археологических памятников правого берега Чепцы и ее притоков — Люп, Пызеп и Лып в пределах Кезского и Дебесского районов Удмуртской АССР. На могильнике у дер. Дырпа вскрыто два погребения X—XII вв. (ранний этап чепецкой культуры). На Тольенском могильнике раскопано восемь погребений поломской культуры (VIII—IX вв.).

Работы Печорского отряда экспедиции Коми филиала АН СССР (рук. В. И. Канивец) увенчались важным открытием. В Медвежьей пещере (правый берег Печоры, на территории Печоро-Илычского государственного заповедника, Удмуртская АССР) обнаружены следы пребывания человека в палеолитическое время. Эта стоянка — самое северное из известных пока поселений палеолитического времени. При продолжении работ в Канинской пещере найдены предметы эпохи бронзы, раннего железа и более позднего времени.

Вычегодский отряд этой экспедиции (рук. Г. М. Буров) продолжал исследования в бассейне Вычегды. Раскапывались два поселения у дер. Синдор — Вис I и Вис II. На первом поселении открыты остатки двух неолитических жилищ, слабо углубленных в землю. К эпохе бронзы и раннего железа относятся ямы, в некоторых из которых были найдены вещи, в том числе бляшки «пермского звериного стиля». На поселении Вис II, существовавшем также долго, обнаружено неолитическое жилище с ямочно-зубчатой керамикой. На территории поселения обнаружено пять погребений, одно из которых датируется IV—VI вв. В районе Синдорского озера обследованы поселения Вис III, Симва I и II, в долине р. Сысола осмотрены поселения Красная гора и Вильгорт, у г. Сыктывкара — стоянка у дачи Лемью.

В Пермской области, в зоне затопления Воткинской ГЭС, продолжались работы нескольких отрядов Воткинской экспедиции (рук. О. Н. Бадер) [1].

Экспедиция Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея (рук. В. А. Оборин) производила поиски ранних памятников в бассейне р. Велвы (Кудымкарский район) и раскопки Плесинского могильника (Гайнский район Пермской области). На могильнике вскрыто девять погребений, в том числе одно парное. Могильник относится к самому началу родановской культуры (IX—X вв.) и принадлежит предкам коми-пермяков.

В Свердловской области Западно-Сибирская экспедиция ИА АН СССР (рук. В. Н. Чернецов) скопировала группу изображений близ Бородинской скалы на р. Реж и на р. Ирбить — на скале Писаный Камень. Обследованы изображения на р. Тагил между деревнями Комельская — Гаева. На р. Сосьве осмотрены пещеры, некоторые из которых оказались костеносными.

Уральская экспедиция ГИМ и Невьянского краеведческого музея (рук. В. М. Раушенбах) проводила раскопки поселений эпохи неолита и бронзы на южном побережье Аятского озера (поселения Шайтанка I, II). На мысе Березовом найдена женская статуэтка из обожженной глины (третья четверть II тысячелетия до н. э.). Осмотрено поселение XVIII—XVII вв. до н. э. на Святом острове.

Экспедиция Свердловского областного краеведческого музея (рук. В. Д. Викторова) работала в Ирбитском и Байкаловском районах по рекам Реж и Нице. Открыто 30 разновременных памятников — от эпохи бронзы до XVI в. Раскопки проводились на двух многослойных городищах — Ирбитском и Юдинском.

В Челябинской области велись раскопки двух поселений на Чебаркульском озере Южноуральским отрядом ИА АН СССР (рук. Л. Я. Крижевская). Поселение Чебар-

[1] Тр. Камской (Воткинской) экспедиции, II, М., 1961.

куль II сохранило остатки эпохи неолита и энеолита; на поселении Чебаркуль IV найдена керамика эпохи бронзы.

Экспедиция Челябинского областного краеведческого музея (рук. В. С. Стоколос) исследовала могилы вокруг «башни Тамерлана» близ пос. Варна Челябинской области. Вскрыто 10 погребений без инвентаря, видимо, одновременных с башней (XIV—XV вв.) или же более поздних. Раскопаны также два кургана эпохи бронзы.

В Курганской области Южноуральская экспедиция Уральского университета и Курганского областного краеведческого музея (рук. К. В. Сальников) закончила раскопки Царева кургана близ г. Кургана. Под насыпью кургана и рядом с ним обнаружено несколько андроновских погребений. Центральное погребение (конец I тысячелетия до н. э.) было совершено в погребальной камере, покрытой плахами. При разведках в Макушинском и Курганском районах обнаружено несколько курганных групп и отдельных курганов.

В Оренбургской области продолжались работы нескольких отрядов Оренбургской экспедиции ИА АН СССР и Оренбургского областного краеведческого музея (рук. К. Ф. Смирнов). Отряд под руководством К. Ф. Смирнова раскопал один курган в Уракской курганной группе и девять курганов с погребениями эпохи бронзы (андроновская культура), сарматского и савроматского времени в могильнике у с. Первые Пятимары. Наиболее интересными оказались савроматские погребения, принадлежащие племенной верхушке. Правда, они были ограблены, но несмотря на это, в них найдены золотые вещи: серьги, височные кольца, бляшки, украшения меча, оковки деревянных кубков. Найдены также привозная керамика, бронзовые вещи в зверином стиле, остатки костяного горита (?), много бронзовых наконечников стрел, мечи, предметы конского снаряжения, железный наконечник копья. Открыты захоронения вооруженных дружинников и конские захоронения при основных могилах савроматской аристократии V в. до н. э. Впервые здесь найдены железные стремена.

Оренбургская экспедиция ГИМ (рук. Э. А. Федорова-Давыдова) работала в качестве Уракского отряда в составе Оренбургской экспедиции ИА АН СССР. В Уракском могильнике (Соль-Илецкий район) раскопано 11 курганов с погребениями эпохи бронзы, сарматского и савроматского времени. В курганах обнаружено от одного до 21 погребения. Еленовский отряд экспедиции (рук. Е. Е. Кузьмина) в Домбаровском районе исследовал жилище андроновской культуры на поселении Ушкатта Ограда II. Раскопано 10 каменных колец и курганов в могильнике у фермы № 3, давших скорченные погребения в грунтовых ямах или каменных ящиках (андроновская культура).

Астраханская экспедиция ИА АН СССР, Волгоградского и Астраханского областных краеведческих музеев (рук. В. П. Шилов) в окрестностях ст. Кременской (Клетский район Волгоградской области) раскопала восемь курганов и у с. Старицы — 10 курганов с погребениями катакомбной и срубной культур, сарматского времени и позднекочевническими. Из находок следует отметить китайское зеркало ханьского времени (позднесарматское погребение у ст. Кременской), золотые бляшки, курильницу (II в. н. э.).

В Ростовской области были продолжены работы Нижнедонской экспедиции ИА АН СССР и Ростовского областного музея краеведения (рук. Д. Б. Шелов). Основные раскопки были сосредоточены в западной части древнего Танаиса (Недвиговское городище). Обнаружены городские кварталы и оборонительные сооружения дополемоновского Танаиса. В восточной части городища вскрыты строительные остатки IV в. н. э. и II—III вв. н. э. В некрополе Танаиса раскопано несколько погребений первых веков нашей эры и раннесредневековых, выяснена конструкция курганной насыпи и обнаружены остатки тризны в одном из курганов, раскопанных еще в XIX в.

Кобяковская экспедиция ИА АН СССР и Ростовского областного краеведческого музея (рук. С. И. Капошина) закончила исследование жилища эпохи бронзы на восточном холме Кобякова городища. Полностью вскрыта большая многоэтажная землянка со впущенными в материк каменными стенами (ранний этап эпохи бронзы). В слое первых веков нашей эры открыты остатки круглого жилища. На западном холме вскрыты рыбокоптильня и ямы для хранения зерна. В грунтовом могильнике раскопано еще 20 погребений, среди которых выделяются погребения с мечами и кинжалами. В Багаевском районе проведены раскопки четырех курганов с погребениями срубной и катакомбной культур и XII—XIII вв.

Южнодонская экспедиция ИА АН СССР и Ростовского областного краеведческого музея (рук. В. П. Шилов) исследовала пять курганов в группе «Пять братьев». Во всех курганах вскрыты наземные сооружения в виде прямоугольных камер. Курганы, за исключением одного, разграблены. В них найдены бронзовые котлы, железное и бронзовое оружие, золотые бляшки, амфоры, чернолаковая посуда.

Подводная Азово-черноморская экспедиция ИА АН СССР, МГУ, МЭИ (рук. В. Д. Блаватский) производила разведки на дне Таганрогского залива, около каменной лестницы. Зафиксирован участок косы, где встречаются обломки расписной посуды архаического времени.

Экспедиция Таганрогского краеведческого музея (рук. Н. Д. Праслов) продолжала разведки памятников каменного века на территории Северо-Восточного Приазовья. Основные работы были сосредоточены на стоянке Югинская II. Эта стоянка содержит два культурных слоя — эпохи бронзы и верхнего палеолита. В первом из них открыты часть жилого комплекса и сидячее погребение (IX—VII вв. до н. э). Второй слой пред-

ставляет собой скопление расщепленных и обработанных кремней. Близ Матвеева Кургана обследовались четыре неолитические стоянки — Грунтовский I и II и Матвеев Курган I и II. При разведках на побережье Миусского полуострова, вдоль берега Таганрогского залива и по берегам Миусского лимана обнаружены нижнепалеолитическая, позднепалеолитические и неолитические местонахождения, стоянки эпохи бронзы, поселения скифского времени и средневековые (в числе последних — салтовское поселение у с. Залевки). Некоторые памятники многослойные.

Экспедиция Научно-исследовательского института и музея антропологии МГУ и Ростовского областного краеведческого музея (рук. М. Д. Гвоздовер) продолжала исследование верхнепалеолитической стоянки Каменная балка II (на территории хут. Недвиговка Мясниковского района). Выявлены два скопления крупных костей, очажные пятна, скопления кремня.

Северодонецкий отряд ЛГУ и Новочеркасского музея (рук. Т. Д. Белановская) проводил раскопки неолитического поселения Ракушечный Яр у ст. Раздорской и разведку по Дону. На поселении выявлены жилища и обнаружено погребение ребенка в скорченном положении с сосудом (катакомбная культура) и разрушенное погребение мужчины.

Фанагорийская экспедиция ИА АН СССР, Института истории искусств и ГМИИ (рук. М. М. Кобылина) продолжала исследования центральной части Фанагории (Темрюкский район Краснодарского края) и на юго-восточной ее окраине — в районе «Керамика». На первом участке открыты новые части жилых кварталов средневекового времени и раскрыто второе помещение античного здания I—III вв., обнаруженного в 1959 г. В районе «Керамика» вскрыт угол дома IV в. до н. э. и под ним — развалы гончарных печей I—III вв. Близ городища, на поле раскопано 14 курганов. Три кургана раскопано и в ст. Сенной. В курганах открыты различные захоронения и остатки тризн, на основании которых можно говорить об античных и местных традициях в культуре Фанагории.

Таманская экспедиция ИА АН СССР (рук. Н. И. Сокольский) продолжала исследования городища Кепы (Темрюкский район). Прослежено семь культурных напластований — от конца VI — начала V в. до н. э. до средневекового времени. В слое III—IV вв. обнаружено продолжение хозяйственно-жилого комплекса, открытого в 1959 г., вскрыты остатки другого комплекса (фундамент дома, кладовая из трех больших пифосов и остатки винодельни I в. н. э.). Еще до начала работ Фанагорийской экспедиции был раскопан один курган из упомянутой ранее группы, в котором обнаружены остатки каменного склепа, тризны, керамика III в. до н. э., впускное детское погребение в кувшине. При разведках на Фонталовском полуострове зарегистрировано несколько античных поселений. На городище у хут. Батарейка исследованы остатки сырцовой стены конца I в. до н. э.— I в. н. э., двора и дома III—IV вв. Отряд ГИМ, входящий в состав этой экспедиции (рук. Н. П. Сорокина), продолжал раскопки некрополя Кеп. Вскрыто 32 погребения, большинство из которых относится к III—I вв. до н. э., часть — к римскому времени и два погребения к V в. до н. э. Погребальный инвентарь — керамика, бронзовые украшения, монеты, бусы, предметы туалета. Много детских погребений в амфорах, без вещей.

Анапский отряд Причерноморской экспедиции ИА АН СССР (рук. И. Т. Кругликова) проводил работы в двух местах в г. Анапе (древняя Горгиппия). На раскопе «Город» вскрыты слои с IV—III вв. до н. э. до III в. н. э. и более позднего времени. В раскопе «Береговой» вскрыты остатки зданий эллинистического и римского времени.

Кубанский отряд Северокавказской экспедиции ИА АН СССР и Государственного Эрмитажа (рук. А. А. Формозов) вел раскопки двух стоянок майкопской культуры — Мешоко и Скала, близ ст. Каменномостской на р. Белой. При раскопках первой стоянки прослежены две оборонительные стены поселения. На поселении «Скала» выявлено погребение в каменном ящике, синхронное стоянке. При разведках в верховьях р. Белой найдено около десяти открытых и пещерных местонахождений эпохи неолита и бронзы.

Экспедиция МОПИ имени Н. К. Крупской (рук. Ю. С. Крушкол) продолжала обследование в Анапском районе. На территории совхоза Джемете обнаружен сильно перемешанный эллинистический слой. В могильнике на хут. Рассвет вскрыто пять погребений. В одном из них найден стеклянный бальзамарий конца I — начала II в.

В Ставропольском крае проводил исследования Зеленчукский отряд (рук. В. А. Кузнецов) Северокавказской экспедиции ИА АН СССР. Произведены охранные раскопки на Нижне-Архызском городище (Зеленчукский район). Раскапывался могильник около северного Зеленчукского храма. Вскрыто 53 каменных ящика с погребениями, совершенными по христианскому обряду (XIV—XVI вв.). Некоторые черты погребального ритуала указывают на генетическую связь этих погребений с меото-сарматскими. Внутри северного Зеленчукского храма обнаружен бронзовый крест X—XI вв. с греческой надписью в 21 строку.

Экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института (рук. Е. П. Алексеева) вела работы у аула Кызыл-Кала (Усть-Джегутинский район Карачаево-Черкесской автономной области). Обследованы башня Готаях-Кала и близлежащее аланское городище. Открыта нижняя часть стены, построенной у основания вала (IX—XII вв.). У подножия горы вскрыто девять могил VI в. до н. э. с каменными выкладками. На восточном склоне горы обследовано селище V—VII вв.

Членами археологического кружка средней школы № 3 г. Карачаевска (рук. А. К. Кузьминов) проведены охранные работы на разрушающемся могильнике в окрестностях города, на склоне горы Дардон.

На территории Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР продолжались работы большинства отрядов Северокавказской экспедиции ИА АН СССР, Чечено-Ингушского НИИЯЛ и Грозненского музея краеведения, Северо-осетинского НИИЯЛ (рук. Е. И. Крупнов). Первый отряд экспедиции (рук. Н. Я. Мерперт) произвел раскопки поселения близ с. Сержень-Юрт (Шалинский район ЧИ АССР). Установлено два периода обитания на поселении. Первый — переходный период от камня к металлу — III тысячелетия до н. э. Второй — IX — VIII вв. до н. э. На поселении вскрыто 47 ям и найдено много изделий из бронзы, камня, рога, кости, глины, три железных предмета (два серпа и обломок ножа). Второй отряд экспедиции (рук. Р. М. Мунчаев) продолжал раскопки курганного могильника у с. Бамут (Ачхой-Мартановский район ЧИ АССР). В двух группах вскрыто 16 курганов. Погребения в трех курганах первой группы относятся к эпохе бронзы. Из 13 курганов второй группы девять — земляных и четыре — с каменной обкладкой. В них обнаружены погребеня XV—XVI вв. Обследованы могильник на берегу р. Фортанки, пещеры у хут. Аршти, склеп в с. Бамут. Третий отряд (рук. В. И. Марковин) производил разведочные работы в ущелье р. Чанты-Аргун, у с. Элистанжи и Хорочой в Ичкерии. Обследовались жилые и боевые башни XV—XVI вв., проведены раскопки склепов — родовых усыпальниц XIII—XV вв. Исследовался также склеповый поселок («Цой-Педе» — «город мертвых») в верховьях Чанты-Аргуна. В с. Хорочой обнаружено поселение XII—XIII вв. Четвертый отряд экспедиции (рук. В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович) продолжал раскопки городища «Верхний Джулат» (Северо-Осетинская АССР). Открыты остатки большого общественного здания XIV—XV вв. (возможно, медресе), окруженного каменным забором. Внутри двора открыто семь могил конца XV в. Раскопаны также развалины большой мечети, очевидно, одновременной с общественным зданием. Внутри мечети и около нее обнаружено девять погребений, совершенных по мусульманскому обряду.

В Дагестане работали два отряда экспедиции Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Приморский отряд (рук. В. Г. Котович) исследовал Урцекское городище в Ленинском районе. На городище вскрыт ряд полуподвальных помещений, участок крепостной стены цитадели с угловой башней, часть культового места с алтарем. Это городище — одно из крупнейших в Дагестане. Его верхний слой датируется IV—VII вв., нижний — первыми веками нашей эры. На синхронном городищу могильнике раскопаны одно грунтовое погребение, два склепа и две гробницы. На другом близлежащем могильнике расчищено два каменных ящика эпохи бронзы. Горный отряд (рук. Д. М. Атаев) экспедиции вел исследования в Гергебильском и Советском районах. В Гинчинском могильнике вскрыто два склепа. В одном из них расчищено 17 погребений, а в другом — 16. Могильник датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Кроме того, в Ирганайской долине раскопаны три склепа эпохи бронзы. На Ирганайском поселении середины II тысячелетия до н. э. продолжены раскопки открытого в 1959 г. помещения.

Экспедиция Кабардино-Балкарского НИИ работала двумя отрядами. Первый отряд (рук. П. Г. Акритас) проводил изыскания на Нижнечегемском участке и в районе с. Леченкай. Раскопано два больших кургана на хребте Багуул-Сырт близ с. Нижний Чегем. Они относятся к кобанской культуре. Близ с. Нижний Чегем в урочище Агач-Ара раскопано семь погребений кобанской культуры. Близ этого могильника обнаружены остатки жилища на каменном фундаменте скифского времени. На южном склоне хребта Багуул-Сырт исследовалось аланское селище. В окрестностях с. Леченкай исследованы три кабардинские грунтовые могилы конца XVIII в. с мусульманским обрядом погребения. Здесь же обследовано большое аланское земляное укрепление.

Второй отряд этой экспедиции (рук. Г. И. Ионе) также проводил работы в районе Чегемского ущелья. В гроте Кала-Тюбю открыто несколько ярусов культурных остатков (с эпохи неолита до средневековья). В местности Лытыг обнаружено два жилища VI—VIII вв. с лежанками и очагами и открыты остатки подземного водопровода. Близ грота Кала-Тюбю и в районе Верхнего Чегема обнаружены остатки оборонительных сооружений. На левом берегу р. Жылгысу исследовались развалины храма с усыпальницей внутри (в ней вскрыты раннехристианские погребения VI—VIII вв.), 14 идентичных погребений раскопаны на близлежащем террасном могильнике. На склоне Кызла-Кюйчень близ Байрыма раскопано 23 погребения XIII—XV вв.

Экспедиция Кабардино-Балкарского университета (рук. В. И. Горемыкина) производила разведки в Зольском районе. Выявлены остатки 10 поселений эпохи бронзы, раннего железа и аланского времени.

Тюменский отряд Западносибирской экспедиции ИА АН СССР (рук. С. В. Зотова) продолжал раскопки на Козловом мысу. Интересный материал обнаружен на Перейминском могильнике. Между третьим и пятым Андреевскими городищами раскопан курган, давший впервые для этих районов материал сарматского времени.

Археологический отряд Западносибирской экспедиции МГУ (рук. Г. Е. Марков) обследовал памятники, связанные со средневековой историей западносибирских татар в Тобольском и Вагайском районах Тюменской области. Осматривалось средневековое укрепление Махмет-Кула на окраине г. Тобольска. Основное внимание было уделено

разведке остатков средневековой столицы сибирского царства — Искер у дер. Алемасово. Выяснилось, что бо́льшая часть городища обрушилась в р. Иртыш.

В Кемеровской области экспедиция краеведческого музея г. Прокопьевска (рук. М. Г. Елькин) продолжила раскопки на курганном могильнике в окрестностях дер. Ур-Бедари (Гурьевский район). Раскопано шесть курганов с погребениями VIII—X вв. В некоторых курганах обнаружены и конские захоронения.

Экспедиция Кемеровского ГПИ и Областного краеведческого музея (рук. А. И. Мартынов) проводила исследования в верховьях р. Чулыма. При продолжении раскопок в урочище «Ягуня» вскрыт еще один курган с двумя могилами, в которых найдены: керамика, зеркала, диадемы, клевцы, ножи, кинжал и другие вещи. При разведках в Ужурском, Шарыповском, Назаровском, Ачинском и других районах Красноярского края зафиксированы 42 курганные группы, две стоянки, городище и пещера.

В Томской области М. Ф. Косарев (от Томского областного краеведческого музея) произвел раскопки 16 курганов с погребениями VII—VIII вв. в могильнике в пос. Тимирязево. Среди находок — украшения, орудия труда, полое бронзовое изображение медведя, китайская медная монета и другие предметы.

Экспедиция Томского университета (рук. В. И. Матющенко) исследовала поселение эпохи бронзы и курганный могильник у дер. Еловка (Кожевнический район). На поселении обнаружены ямы, очаги, скопление костей, погребение без вещей. Дата поселения — X—VII вв. до н. э. На близлежащем могильнике вскрыт курган с двумя погребениями (эпохи бронзы и эпохи позднего железа).

Экспедиция Новосибирского областного краеведческого музея, Новосибирского педагогического института и Ордынского райотдела культуры (рук. Т. Н. Троицкая) продолжала раскопки курганов и поселения у с. Красный Яр (Колыванский район) и курганов у с. Шарап (Ордынский район). В первом могильнике раскопано 15 курганов. В трех из них открыты карасукские погребения. Остальные могут быть отнесены к фоминскому времени (трупосожжения и трупоположения, часть с бревенчатыми перекрытиями и без сосудов). На территории карасукского поселения обнаружена землянка. Обследовано андроновское и вновь открытое второе карасукское поселения на территории современного с. Красный Яр. В группах вскрыто несколько курганов IV—III вв. до н. э.

В зоне затопления Красноярской ГЭС продолжались работы Красноярской экспедиции ИА АН СССР (рук. М. П. Грязнов). Палеолитический отряд (рук. З. А. Абрамова) обследовал семь ранее известных стоянок и открыл семь новых палеолитических местонахождений, а также произвел небольшие работы на стоянках Таштык I и II. Другой отряд экспедиции (рук. Г. А. Максименков) в районе «Трубы», между Дивногорском и с. Даурским открыл 12 неолитических стоянок. Потрошиловский отряд (рук. А. А. Гаврилова) проводил исследования памятников эпохи энеолита и афанасьевской культуры на правом берегу Енисея, около с. Потрошилова. Впервые установлен характер надмогильных сооружений афанасьевской культуры. Малозаметные кольцевые выкладки оказались остатками стен из плитняка. В подошве горы Суханиха исследовался могильник II тысячелетия н. э. Карасукский отряд экспедиции (рук. М. Н. Комарова) в могильнике на р. Карасук вскрыл 76 могил X—VIII вв. до н. э. При погребениях найдены типичные карасукские горшки, бронзовые ножи, медные и белые аргиллитовые бусы и пронизки, бронзовые браслеты, аргиллитовые имитации раковин каури. Следующий отряд экспедиции (рук. Г. А. Максименков) вел раскопки могильника Гришкин Лог I с погребениями баиновского этапа минусинской курганной культуры (VII—VI вв. до н. э.). Исследовано 11 курганных групп. Отряд под руководством А. В. Давыдовой раскопал два кургана VI—V вв. до н. э. у Подгорного озера. Таштыкский отряд (рук. Е. Ф. Седякина) исследовал памятники таштыкской культуры на краю Сарагашского Увала. Раскопаны один склеп и четыре могилы. Детально изучены деревянные срубы и каменные могильные конструкции, имитирующие жилища типа землянок. В другом могильнике Л. П. Зяблиным раскопаны две таштыкские могилы. Погребенные лежали в небольшом срубе на дне глубоких ям. Найдены сосуды и фрагменты гипсовых погребальных масок. Отрядом Л. П. Зяблина раскапывался также могильник кыргызского времени Гришкин Лог II — чаатас VI—VIII вв.

Г. А. Максименковым (ИА АН СССР) произведены небольшие раскопки Усть-Собакинской стоянки. Выявлено три культурных слоя. Найдены предметы окуневского, китойского, глазковского этапов, карасукские и синхронные тагарской культуре.

Экспедиция Красноярского краевого краеведческого музея (рук. Р. В. Николаев) работала на трассе строительства железной дороги Абакан — Тайшет. В группе Минусинск I раскопано шесть курганов с погребениями тагарской культуры. Кроме того, обследован ряд курганных групп (Минусинск II, в районе сёл Шошино, Кочергино, ст. Курагино) и древние стоянки у с. Стойба.

На территории Иркутской области, в зоне затопления Братской ГЭС вели работы два отряда экспедиции ИА АН СССР. Отряд по изучению неолитических поселений (рук. В. Е. Ларичев) вел работы в пади Ленковке (близ палеолитической стоянки Буреть), на берегу Ангары. В нижней части культурного слоя обнаружено небольшое количество предметов неолитической эпохи, а в верхней — находки, относящиеся к железному веку. В слое погребенной почвы найдены культурные комплексы верхнепалеолитического времени.

А. В. Никитиным (ИА АН СССР) разобрана, законсервирована и перевезена на территорию Братской ГЭС вторая башня Братского острога.

Экспедиция Иркутского университета (рук. П. П. Хороших) вела работы в долине р. Илима, в зоне Илимской ГЭС. Исследован участок от пос. Затопляемого до дер. Ступиной. Самые древние слои (эпоха мезолита) открыты на стоянке близ устья р. Тушемы. Обнаружены и неолитические памятники.

Экспедиция Иркутского областного краеведческого музея (рук. Г. И. Медведев) продолжала раскопки многослойного (эпохи мезолита и более позднего времени) поселения Усть-Белая.

Экспедиция Бурятского комплексного научно-исследовательского института (рук. П. Б. Коновалов) произвела разведки в долине р. Хилок (Бичурский аймак) и по рекам Брянка, Илька и Челужай (притоки р. Уды, Заиграевский аймак Бурятской АССР). На р. Брянка у с. Бичура обнаружены палеолитическая стоянка и другие памятники, в частности наскальные рисунки и могильник в пади Ара-Кирсо. По рекам Илька и Брянка сделаны находки эпохи неолита и железного века.

Ононский отряд Монгольской экспедиции ИА АН СССР (рук. Ю. С. Гришин) провел разведки в Кыринском районе Читинской области. Обнаружено несколько групп плиточных могил и ряд поселений. В Агинском Бурятском национальном округе исследовано 19 плиточных могил и раскопано поселение эпохи бронзы у дер. Будалан.

Тувинская комплексная экспедиция ИЭ АН СССР проводила исследования на территории Тувинской АССР двумя отрядами. Первый отряд (рук. А. Д. Грач) основные работы вел в Овюрском районе. Исследованы различные по типу и времени памятники: палеолитические местонахождения, древнетюркские каменные изваяния, погребения мангун-тайгинской культуры, херексуры, курганы пазырыкского типа, погребения древнетюркского времени и более поздние. В долине Саглы, в одном из древнекыргызских курганов найдены две золотые поясные бляхи. В другом кургане — фрагменты бересты с тибетскими надписями и кусочек китайской шелковой ткани. Второй отряд этой экспедиции (рук. С. И. Вайнштейн) продолжал раскопки могильника Кок-Эль близ пос. Ишкин в Сут-Хольском районе. Вскрыты погребения различного времени — от середины I тысячелетия до н. э. до XVIII—XIX вв.

Экспедиция Тувинского НИИЯЛИ (рук. М. Х. Маннай-оол) провела раскопки нескольких курганов в Овюрском районе. В Солчурском могильнике вскрыты древнетюркская оградка и четыре кургана (один из них древнетюркский, в другом открыто погребение уюкской культуры). В Торгунском могильнике раскопано два кургана, один из которых содержал погребение уюкской культуры. В кургане близ Торгалыга расчищено погребение без инвентаря. Здесь же осмотрены две стены и два каменных изваяния и обнаружено позднепалеолитическое местонахождение (найдены нуклеусы, ножевидные пластины, нуклевидное орудие).

В 1959—1960 гг. отряд экспедиции Якутского филиала СО АН СССР (рук. С. А. Федосеева) производил разведку в зоне строительства будущей Вилюйской ГЭС. В неолитическом могильнике на склоне горы Туой-Хая вскрыто пять погребений, в том числе погребение собаки. В южной части пос. Туой-Хая открыты остатки неолитического поселения. Особый интерес представляет найденное здесь скульптурное изображение лося на аргиллитовом отщепе. При разведке по берегам Чоны и Вилюя открыто шесть неолитических поселений и одно (у пос. Тумул) двуслойное — эпохи неолита и железа.

В Магаданской области Чукотский отряд Северной экспедиции ИЭ АН СССР (рук. М. Г. Левин и Д. А. Сергеев) закончил исследование древнего могильника у с. Уэлен (Чукотский национальный округ). Вскрыты оставшиеся пять погребений. Под одной каменной кладкой обнаружен многослойный комплекс, содержащий четыре погребения.

Дальневосточная экспедиция ИА АН СССР, Дальневосточного филиала СО АН СССР, Хабаровского, Комсомольского и Благовещенского музеев (рук. А. П. Окладников) раскапывала поселение времени культуры раковинных куч на п-ве Песчаном (Приморский край). Раскрыты жилища и собран значительный вещественный и фаунистический материал. В долине Амура (Хабаровский край) велись работы на древнейшем поселении в районе бывшей дер. Осиповки на горе Сун. Прослежено несколько бытовых комплексов. Раскапывался могильник раннего железного века на р. Бире у пос. колхоз Найфельд. В районе пос. Конды на р. Амгуни собран древний материал. Продолжались раскопки крепости на Краснояровской сопке, у г. Уссурийска (рук. М. В. Воробьев). Раскапывалось большое здание — дворцово-храмовая постройка, принадлежавшая чжурчженям (XI—XII вв.). В отчетном году найден неизвестный здесь ранее тип керамики и новый тип капельников.

Прибрежный отряд этой экспедиции (рук. Г. И. Андреев) в Шкотовском, Партизанском и Лазовском районах Приморского края открыл более 30 новых памятников среди которых наибольший интерес представляют поселения Судзухе V, в пос. Темп, у маяка в бухте Пхусун. На поселении Судзухе III в верхнем слое обнаружен материал, близкий к найденному в раковинных кучах южноприморской культуры, в нижнем слое находки напоминают зайсановские. Поселения Валентин-Перешеек и Пхусунское существовали несколько ранее зайсановских и, возможно, какое-то время одновременно с последними. На поселении Судзухе V найдено несколько железных предметов, на поселении Синие Скалы раскопано жилище. Оба последних поселения датируются позднеханьским временем.

Экспедиция Дальневосточного филиала СО АН СССР (рук. Э. В. Шавкунов) провела раскопки второго буддийского храма бохайского времени (XI в.) в долине р. Чапигоу. Обнаружена кровельная черепица восьми типов, фрагменты больших керамических плит, украшенных рельефным узором, фрагменты глиняной и фарфоровой посуды, керамических украшений, статуэток будд, голова дракона. Часть стен была покрыта геометрическим орнаментом. Кроме того, проведено обследование средневековых памятников в окрестностях г. Уссурийска — остатков древнего здания на берегу р. Суйфун и Западно-Уссурийского городища.

Подводя итоги работы многочисленных экспедиций на территории РСФСР, следует отметить, что в 1960 г. археологические исследования начали проводиться в ряде новых областей — в Якутской АССР, Бурятской АССР и др.

Н. К. Лисицына

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЗОЛИТА

Совещание по проблемам мезолита было созвано по инициативе сектора палеолита Института археологии АН СССР и состоялось 22—25 января 1962 г. в г. Ленинграде. Совещание имело своей целью подвести итоги изучения мезолита на территории СССР, решить некоторые спорные вопросы и разработать план дальнейших исследований.

А. Я. Брюсов (ИА АН СССР) в докладе «Спорные вопросы мезолита» основное внимание уделил мезолитическим памятникам макролитического облика, высказав предположение о возможности двух путей развития от палеолита к неолиту,— не только микролитического, но и макролитического.

Основным итогам и задачам изучения древнекаменного века Русской равнины посвятил свой доклад А. Н. Рогачев (ИА АН СССР). Автор отметил, что разносторонние исследования палеолитических памятников за последние годы значительно конкретизируют наши представления о них и позволяют вплотную подойти к воссозданию реально-исторической картины развития культуры и общества. Выделение мезолита в особую, отличную от палеолита стадию истории культуры автор считает искусственным и предлагает заменить термин «мезолит» понятием «поздний палеолит», отождествив его с голоценовым палеолитом (мезолитом) Западной Европы. В вопросе о нижней границе голоцена А. Н. Рогачев разделяет существующую точку зрения, т. е. считает, что она совпадает с нижней границей IX зоны Л. Поста, а субарктический период целиком относит к плейстоцену. Значительное внимание докладчик уделил вопросам координации в исследованиях. О. Н. Бадер, возражая А. Н. Рогачеву, остановился на чертах экономического, общественного и культурного своеобразия мезолитической эпохи и высказался против терминологического объединения ее с палеолитом.

П. М. Долуханов (ИА АН СССР) детально суммировал в своем докладе данные по палеогеографии, абсолютному возрасту (C^{14}) мезолита Северной Европы и проследил развитие археологических культур этой территории на фоне изменений географической среды. Л. Я. Крижевская (ИА АН СССР) сообщила о новых данных по мезолиту Северной Германии. Опираясь на работы Х. Швабедиссена и В. Мея, автор охарактеризовала мезолит Северо-Западной и Восточной Германии, проследила по всей территории связи раннего мезолита с финальной верхнепалеолитической культурой, связи и различия западногерманского и восточногерманского мезолита; остановилась также на обосновании позднеплейстоценовой датировки культуры Federmesse и аренсбургской культуры.

Н. Н. Гурина (ИА АН СССР) в докладе «Стратиграфия мезолита Польши и возможность его сопоставления с мезолитом Северной Белоруссии» при оценке польских материалов в основном опиралась на схему Р. Шильда и результаты работ В. Хмелевского на поселении Витов (близ Лодзи). Стоянку Свитязь (на р. Свитязь в Белоруссии) автор ориентировочно сопоставляет со Свидре I, а некоторые позднейшие включения датирует не позднее Свидре III. Поселения Крумлево и Семёнов Хутор (Западная Двина), в инвентаре которых сочетаются свидерские и тарденуазские черты, Н. Н. Гурина относит к раннему мезолиту, а Несиловичи I, II (устье р. Молчадь) и Белые Стоги (Псковская область) датируются тарденуазом. Допуская возможность сопоставления белорусских памятников с польскими и чешскими, докладчица видит в них ряд специфических черт.

В. Д. Будько (ИИ АН БССР) в сообщении «О свидерской культуре в Белоруссии» выделяет на территории Белоруссии свидерско-гренскую культуру и прослеживает три последовательных этапа ее развития. Первый этап датируется дриасом I и типологически неразрывно связан с деснинскими памятниками мадленского времени; второй — не позднее теплого беллингского интерстадиала, характеризуется наконечниками, близкими раннесвидерским. Поздний относится к аллереду, генетически связан с предшествующей хронологической группой. Присутствие в комплексах малого транше говорит о влиянии южных культур. Ранний этап, по мнению автора, несколько

древнее начала мазовшанского цикла Польши, средний — синхронен его свидерскому этапу, а поздний — сопоставляется с плудским этапом мазовшанского цикла.

Р. К. Римантене (ИИ АН Лит. ССР) остановилась на периодизации и топографии мезолитических стоянок Литвы. Автор подразделяет все материалы на три хронологические группы — эйгуляйскую, вильнюсскую и паштувасскую, датируя их соответственно иольдиевым, началом анциллового и литториновым периодами. Стоянки эйгуляйского типа сближаются со свидерскими, а вильнюсского — с памятниками аренсбургской культуры. Паштувасская группа характеризуется единым комплексом микролитическо-макролитического облика, на востоке сближается с памятниками Волго-Окского междуречья, на западе — со стоянками типа Эртебёлле. Неолитические элементы в культуре прослеживаются автором лишь с III тысячелетия до н. э., когда на Днепре и Эльбе появляется гребенчатая керамика.

О некоторых находках мезолитического времени на территории Латвии сообщила И. А. Лозе (ЛГУ). Особое внимание автор уделила описанию местонахождений в северо-западной части Лубанского озера, на р. Двиэсте и оз. Лудзае. Л. Ю. Янитс (ИИ АН ЭССР) посвятил свой доклад последним исследованиям по мезолиту Эстонии. Стратиграфические наблюдения на стоянке Кунда (1961 г.), которые позволили четче выделить нижний, мезолитический культурный комплекс, и раскопки трехслойной стоянки в г. Нарве (1960 г.), где нижний мезолитический слой имеет некоторое сходство с Кундой, а верхний мезолитический сближается с вышележащим неолитическим слоем, позволили автору наметить связи мезолита типа Кунды с местным неолитом.

П. И. Борисковский (ИА АН СССР) суммировал данные по мезолиту Чехословакии и Румынии. Оценивая раннемезолитические памятники Чехословакии, автор подчеркнул их генетическую связь с позднепалеолитическими комплексами той же территории. Тарденуазские памятники Румынии близки стоянке Гребенники (низовья Днестра) и, по мнению докладчика, входят в область «редкого распространения геометрических форм». Свидерский облик инвентарей стоянки Скауне в Северо-Восточной Румынии, а также местонахождений в чехословацкой Силезии, на юге Чехии, на севере Венгрии говорит о далеком проникновении на юг свидерской культуры и помогает глубже понять значение находок листовидных наконечников в Сюрени II (Крым).

Д. Я. Телегин (ИА АН УССР) в докладе «Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепро-донецкой неолитической культуры» на основании анализа микролитического инвентаря выделил мезолитические стоянки левобережной Украины в особую культурную группу, отличную на юге от крымских, на северо-западе — от свидеротарденуазских памятников Белоруссии, Литвы, Польши, на севере — от деснинских и сейминских. Широкое распространение близких форм микролитов в выделенных мезолитических памятниках и в комплексах днепро-донецкой неолитической культуры позволяет автору говорить об их генетической связи.

А. А. Формозов (ИА АН СССР) сделал обзор исследований мезолитических стоянок Кавказа. Автор показал, что на Кавказе, где лучше видна генетическая связь верхнепалеолитической и мезолитической культур, в верхнем палеолите, мезолите и неолите наблюдается более быстрый темп развития культуры, чем в Крыму. Материалы Сосруко и Джебела, по мнению докладчика, подтверждают вывод Г. А. Бонч-Осмоловского об особом этапе мезолита, когда геометрические орудия почти исчезли, и позволяют отнести этот этап ко второму периоду мезолита. А. А. Формозов справедливо указал также, что при значительном сходстве культура кавказского мезолита не может быть признана единой, например, комплексы Черноморского побережья значительно отличаются от материалов из Дагестана и Кабарды.

С. Н. Бибиков (ИА АН УССР) доложил о результатах раскопок в гроте Фатьма-Коба и высказал ряд соображений о хронологизации мезолитических памятников Крыма. По его мнению, верхний слой Сюрени I можно сопоставить с позднепалеолитическими памятниками Северного Причерноморья, а раннемезолитические слои Шан-Коба, Фатьма-Коба и других поселений синхронизировать с мадленом Западной и Южной Европы. Е. А. Векилова (ИА АН СССР) сделала сообщение о связях населения Крыма в мезолите. Особое внимание докладчица уделила оценке комплексов нижнего слоя Сюрени II и памятникам кукрекского типа. Присутствие иволистных наконечников в Крыму автор считает возможным объяснить приходом с севера носителей свидерской культуры или эпизодическими связями с ней. Комплексы кукрекского типа позволяют выделить в северо-восточной части полуострова особый вариант мезолитической культуры, тесно связанный с более северными территориями.

В. М. Массон (ИА АН СССР) в докладе «К вопросу о мезолите Передней Азии и Индии» остановился на мезолитических культурах Палестины, Ирака, Прикаспия и Индостана в связи со спецификой их перехода к неолиту. В Палестине и Ираке на основе местного мезолита складываются высокоразвитые оседлоземледельческие культуры. В прикаспийской области охота и рыболовство остаются долгое время основным, а в Центральной Индии — единственным видом хозяйства.

«О некоторых культурных областях и локальных культурах в мезолите на юге СССР, Передней Азии и Северной Африке» сделал сообщение Н. О. Бадер (ИА АН СССР). Конкретизируя представления о средиземноморско-африканской культурной провинции, автор приходит к выводу, что в мезолитическое время она подразделялась на ряд культурных областей (Северное Причерноморье, включая Крым и, возможно, близлежащие районы к северу; Ближний Восток, включая Закавказье; Южный Прикас-

лий (Гари-Камарбанд) с прилегающими районами, Верхний Египет (себильская культура на ее мезолитическом этапе), Северная Африка, а в их пределах в ряде случаев — на родственные локальные культуры. На Ближнем Востоке — это кебарийская и закавказская верхнепалеолитические — раннемезолитические культуры. Последние, вероятно, распространены до Северного Ирака (Зарзи). В позднем мезолите — натуфийская культура и родственные ей (но во многом своеобразные) закавказские памятники. В Северной Африке — капсийская и иберо-маврская культуры.

О. Н. Бадер (ИА АН СССР) доложил о мезолите лесного Приуралья. Ранний этап мезолита Приуралья автор реконструирует как автохтонный, учитывая макролитический характер Гольянского местонахождения на Голом Камне, около Тагила, и сибирские черты в инвентаре стоянки имени Талицкого. Поздний мезолит выделяется по отсутствию в комплексах керамики, микролитоидности кремневого инвентаря, более высокому, чем в неолите, расположению стоянок над уровнем реки, по их временному характеру. Он делится на архаичный, огурдинский, и поздний, нижнеадищевский, хронологические этапы. Микролитический мезолит Приуралья, по-видимому, был не автохтонным, а распространился с юга, о чем говорят находки здесь трапециевидных орудий. Аналогичная культура, прослеженная на рр. Белой, Вычегде, в бассейне Печоры, объединяется с прикамской в единую историко-культурную область.

Г. Н. Матюшин (ИА АН СССР) подробно остановился на характеристике микролитических памятников на р. Белой, которые он относит к мезолиту. М. Г. Кипиани и А. Д. Колбутов (ВСЕГЕИ) в докладе «Новые данные о геологических и геоморфологических условиях некоторых мезолитических и неолитических стоянок» попытались доказать, «что для плейстоценовых отложений характерно не прислонение, а перекрывание молодыми образованиями более древних и то, что так называемые террасовые комплексы отложений не имеют стратиграфической самостоятельности, а уступы террас не могут быть стратиграфическими рубежами».

Л. В. Кольцов (ИА АН СССР) доложил о результатах раскопок на стоянке Елин Бор. На основании последних работ в Верхнем Поволжье автор считает возможным уточнить периодизацию мезолитических памятников этого района. К первой ступени мезолита он относит нижний слой Елина Бора, ко второй — нижний слой Коприна, Бутово и Гремячее I, к третьей — средний слой Елина Бора и Борки, к четвертой — памятники типа Соболева и Дмитровской II.

В. П. Левенок (ИА АН СССР) посвятил свой доклад мезолиту Днепро-Донского междуречья и его роли в сложении местной неолитической культуры. Автор прослеживает на указанной территории три последовательные стадии макролитической культуры мезолитического времени. На третьем этапе параллельно макролитической распространяется микролитическая культура, по-видимому, пришлая, не имеющая местных корней. Памятники этого типа также могут быть разделены на две разновременные группы. Ранненеолитическая культура, по мнению автора, сложилась под влиянием и макролитической, и микролитической традиции, а идея керамического производства привнесена с юга.

А. П. Хлобыстин (ИА АН СССР) в докладе «Бескерамический неолит на озере Байкал» основное внимание уделил характеристике нижнего слоя поселения Улан-Хада (в одной из бухт Мухорского залива). Культурный комплекс стоянки отличается сочетанием ножевидных пластин с орудиями неолитического облика при полном отсутствии керамики. Характеризуя период раннего бескерамического неолита, этот комплекс, по мнению автора, можно сопоставить с хиньским этапом прибайкальского неолита (по периодизации А. П. Окладникова). Единственной близкой аналогией ему являются материалы Саган-Нугэ — стоянки, расположенной поблизости от него.

Подводя итоги своей работы, совещание отметило недостаточное внимание к разработке ряда теоретических проблем истории мезолита, а также вопросов широкой хронологизации и синхронизации памятников этого времени, недостаточное использование естественных методов исследования. Как положительный факт совещание отметило широкое привлечение зарубежных материалов для глубокого осмысления мезолитических памятников СССР. Отмечая значительные успехи, достигнутые за последние годы в изучении мезолита Литвы, Эстонии, Украины, Южной Белоруссии, Кавказа и лесного Приуралья, совещание указало на необходимость решительного усиления работ в Поволжье, Латвии, Северной Белоруссии, Средней Азии и Сибири. В целях усиления и координации исследований совещание обратилось с просьбой к ИА АН СССР разработать единый для СССР план изучения мезолита на пять лет, особое внимание уделив проблемам генезиса раннемезолитических и ранненеолитических культур, исследованию историко-культурных областей и локальных культур, систематическому изучению мезолита сопредельных стран.

Материалы совещания решено издать отдельным выпуском. Созыв очередного совещания по мезолиту намечен на 1965 г.

Н. О. Бадер

III УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Башкирским филиалом АН СССР было созвано очередное III Уральское археологическое совещание, проводившее свою работу в г. Уфе с 22 по 27 февраля 1962 г. На совещании присутствовали почти все специалисты, занимающиеся изучением археологии Урала: сотрудники Башкирского ФАН СССР, Башкирского, Уральского, Пермского университетов, Института археологии АН СССР, ГИМ, широкий круг археологов, работающих в краеведческих музеях Урала — от Челябинска и Оренбурга до Перми и Тагила, историки, филологи и фольклористы, а также археологи Казани и Саратова. Во время работы совещания была организована выставка, отражающая деятельности экспедиций на Урале в 1961 г.

С приветствием к участникам совещания обратился заместитель председателя Президиума БФАН Р. Г. Кузеев. На совещании были сделаны обобщающие доклады об итогах и перспективах работ на Урале, а также доклады и сообщения о результатах полевых работ 1961 г.

К. В. Сальников (Уфа) в докладе «Итоги и задачи изучения археологии Башкирии» показал, что развернувшиеся в последние годы в Башкирии археологические исследования позволяют сделать ряд важных выводов. В материалах неолитических стоянок Башкирии сочетаются черты, типичные для неолита Прикамья и Зауралья. На базе культур бронзового века (абашевской, срубной, андроновской, курмантау) слагаются культуры племен эпохи раннего железа: на севере — финно-угорские — ананьинская и пьяноборская; в лесостепной зоне — кара-абызская; в степной зоне Башкирии — ираноязычная сарматская. В середине I тыс. н. э. Башкирия становится местом обитания мадьярских племен (бахмутинская культура), а позднее,— возможно, ранних башкирских племен (романовская и кушнаренковская культуры). Памятники конца I — начала II тыс. до н. э. отражают процессы тюркизации финно-угорского населения и сложения башкирской народности.

К. Ф. Смирнов (Москва) в докладе «Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области» осветил историю Южного Приуралья в свете последних работ Оренбургской экспедиции.

Заслугой экспедиции в области изучения бронзового века является открытие памятников ямной культуры (III тыс. до н. э.), выяснение контакта племен андроновской культуры Оренбуржья с носителями срубной культуры Поволжья, постановка задач изучения микрорайона андроновской культуры и металлургии. Исследованиями экспедиции выяснено, что Южное Приуралье было районом формирования савроматских племен. В погребениях племенных вождей в могильнике I Пятимары найден богатый инвентарь, в который входят импортные вещи, свидетельствующие о связях сармат с Передним Востоком и Средней Азией. Получены новые данные о сложении в Южном Приуралье на базе савроматской культуры — культуры прохоровской, связанной с племенами аорсов.

С новыми открытиями по палеолиту Урала ознакомил присутствующих О. Н. Бадер (Москва). Он остановился главным образом на исследовании палеолитической живописи в Каповой пещере и на материалах палеолитических стоянок Урала. Верхнепалеолитическая стоянка в Медвежьей пещере на Печоре указывает, по мнению докладчика, на северную границу распространения человека в межледниковый период.

В докладе геолога Т. Яхимовича (Уфа) был освещен важный вопрос о стратиграфии четвертичных отложений Урала.

Л. Я. Крижевская (Ленинград) рассказала о неолитических поселениях в Башкирском Предуралье, материал которых сходен с камско-чусовскими памятниками. Большой интерес представляет выделенная докладчицей группа энеолитической керамики с некоторыми элементами андроновского орнамента.

В. М. Раушенбах (Москва) остановилась на уточнении датировки некоторых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье, которые она, основываясь на новых данных стратиграфии поселения на Аннином острове и других, датирует концом III — началом II тыс. до н. э. и относит к раннему и среднему этапам горбуновской культуры.

Г. Н. Матюшин (Москва) сообщил об открытии новых мезолитических и неолитических стоянок по р. Белой и в Абзелиловском районе БАССР, наиболее ранние из которых (Ильмурзинская) имеют сходство с раннемезолитическими памятниками.

С интересом ознакомились присутствующие с продемонстрированными С. А. Поповым (Оренбург) двумя гарпунами мадленского типа и со своеобразными кремневыми ножевидными пластинами, позволяющими предполагать наличие палеолитических памятников в Оренбуржье.

Доклады и сообщения по бронзовому веку Урала касались главным образом трех основных проблем: 1) абашевская культура; 2) происхождение культур раннежелезного века, особенно ананьинской; 3) андроновская культура и поздняя стадия ее развития.

К. В. Сальников в докладе «Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии» показал, что на смену племенам полтавкинской и турбинской культур, по-видимому, из районов Верхнего Дона распространились племена абашевской культуры. Стратиграфия поселения Береговское I позволяет утверждать, что заселение абашевцами Башкирии относится к середине II тыс. до н. э. Позднее с запада началась экспан-

сия срубных, а с юго-востока — андроновских племен, потеснивших абашевцев на восток. В конце II тыс. до н. э. на северо-западе Башкирии распространилась культура Курмантау, родственная ерзовской культуре Камы. Материалы поселения Кумлекуль позволяют синхронизировать культуру Курмантау с замараевской и хвалынской и предполагать, что смешение этих культур привело к созданию культур ананьинской, пьяноборской и караобызской.

Выступившие в прениях по докладу О. Н. Бадер, А. Х. Халиков, М. П. Грязнов и др. указали на необходимость уточнения хронологии абашевской культуры.

Доклады А. Х. Халикова (Казань) «Некоторые проблемы древней истории Татарии» и «К вопросу о происхождении ананьинской культуры» были построены в основном на материалах Поволжья, но касались проблем, тесно связанных с археологией Урала. По мнению докладчика, Татария была заселена балановскими и абашевскими племенами; последние во второй половине II тыс. до н. э. были оттеснены племенами срубной культуры в Башкирию. Под сильным влиянием срубной культуры на базе древней волосовской культуры сформировалась приказанская культура, которая легла в основу культуры ананьинских племен.

В прениях по докладам А. Х. Халикова выступили О. Н. Бадер, В. Ф. Генинг, В. П. Денисов и др. Они доказывали, что сложение ананьинской культуры происходило на базе верхнекамских культур эпохи поздней бронзы. В докладе В. П. Денисова (Пермь) «Памятники раннего железного века в Верхнем и Среднем Прикамье» показано, что ананьинская культура генетически связана с местной ерзовской и отчасти гамаюнской культурой.

Вопросы андроновской культуры были затронуты в докладе Э. А. Федоровой-Давыдовой (Москва) «Хронология памятников андроновской культуры». Докладчица высказала предположение, что алакульские памятники датируются серединой II тыс. до н. э. и могут быть синхронизированы с федоровскими, которые она рассматривает как особую культуру. Проникновение алакульских памятников на территорию, занятую федоровскими племенами, по мнению докладчицы, следует объяснить наступлением ксеротермического периода.

Последний тезис докладчицы был подвергнут критике со стороны М. П. Грязнова и Е. Е. Кузьминой.

Е. Е. Кузьмина (Москва) в докладе «Могильник Ушкатты и периодизация андроновских памятников Еленовского микрорайона» показала, что могильники рассматриваемого микрорайона относятся к алакульскому этапу андроновской культуры и могут быть разделены на три хронологические типа.

В сообщении В. С. Стоколоса (Челябинск) «Курганы эпохи бронзы у с. Спасского» привлекли внимание интересные сосуды с прочерченными знаками и материал из двух погребений федоровского и алакульского этапов андроновской культуры.

В. И. Фомина (Челябинск) в своем сообщении рассказала о расположенном у Н. Спасского поселении, в одном из жилищ которого найдена керамика федоровского, алакульского и замараевского этапов андроновской культуры, в то время как в другом жилище замараевского этапа керамика отсутствует. Это, по мнению К. В. Сальникова, подтверждает выделение особой замараевской стадии.

С. А. Попов продемонстрировал два бронзовых слитка, найденных в Соль-Илецке вместе с сосудом андроновской культуры.

По вопросу о федоровском этапе участники совещания не пришли к единому мнению и признали необходимость рассмотрения этой проблемы с привлечением всего материала по андроновской культуре.

Большую дискуссию вызвал доклад М. П. Грязнова (Ленинград) «О культурах карасукско-замараевского этапа». Целью доклада являлось выделение общих черт, присущих распространенным на широкой территории памятникам эпохи поздней бронзы, которые докладчик датирует X—VIII вв. до н. э. В пределах намеченной им общности автор выделяет три большие территориальные культуры, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на целый ряд локальных вариантов, соответствующих реально существовавшим этнографическим группам: 1) Енисей, В. Обь, Центральный Казахстан (Дандыбай), Тагискен, Киргизия, для нее типичны бомбовидная форма сосудов, черное лощение и белая инкрустация, геометрической орнамент; 2) ирменская группа (Томск и Чулым, Ирмень, Еловская, Сузгун), характеризующаяся бомбовидными сосудами, желтым лощением, жемчужным, ямочным и геометрическим орнаментом, восходящим к андроновскому; 3) замараевская (Кокчетав, Кустанай — Алексеевка, Челябинск — Замараево), для которой обычны сосуды с налепными валиками с усами, елочный орнамент; к четвертой группе относятся памятники Трушниковского типа Восточного Казахстана. Все население на карасукско-замараевском этапе занималось скотоводством.

Выступившие в прениях по этому докладу признали важность постановки проблемы выделения больших общностей в эпоху бронзы и вместе с тем указали на необходимость четкого разделения понятий «хозяйственно-географическая зона» и «этно-культурная общность», а также возразили против отнесения к выделенной М. П. Грязновым общности ряда групп памятников.

Доклады по раннежелезному веку были посвящены сарматской культуре на Южном Урале и культурам лесостепной и лесной зоны Урала.

М. Г. Мошкова (Москва) в докладе «Прохоровская культура Южного Урала» показала, что новые археологические и антропологические материалы, добытые Орен-

бургской экспедицией, позволяют утверждать, что прохоровская культура сформировалась на базе савроматской культуры в Южном Приуралье и отсюда распространилась на запад и на север.

В докладе М. Х. Садыковой (Уфа) «Раннесарматская эпоха Башкирии» был рассмотрен вновь открытый могильник Старые Киишки, который относится к прохоровскому этапу сарматской культуры и свидетельствует о проникновении сармат на север.

Доклад С. С. Черникова (Ленинград) «Курганы Чиликты» был посвящен описанию могильника, раскопанного в Восточном Казахстане. Анализ украшений из этого памятника позволил докладчику высказать предположение о связях Восточного Казахстана с Уралом и Кубанью и о переселении скифов с востока на запад.

В сообщении Г. И. Матвеевой (Уфа) «Погребение воина-савромата близ г. Троицка» был показан материал богатого погребения VII—VI вв. до н. э., позволяющий судить о связях населения Южного Приуралья этой эпохи с Восточным Казахстаном и Сибирью.

О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа доложил В. А. Оборин (Пермь). В эпоху раннего железного века в Среднем Прикамье был распространен караобызовский вариант ананьинской культуры. Позднее пьяноборские племена имели культурные связи с гляденовским населением Средней Камы, что доказывается взаимным проникновением отдельных типов вещей, характерных для этих культур. В период III—IX вв. контакты населения бассейнов рек Белой и Камы особенно усилились в связи с проникновением в Среднее Прикамье племен мазунинского варианта бахмутинской культуры.

В сделанном В. Ф. Генингом и В. Е. Стояновым (Свердловск) докладе «Мазунинская культура на Средней Каме» сообщалось, что племена мазунинской культуры в III в. н. э. вторглись на территорию, занятую пьяноборскими племенами и вытеснили их.

Иная точка зрения на судьбы пьяноборского населения была отражена в докладе Н. А. Мажитова (Уфа) «Пьяноборская культура в Башкирии». По мнению докладчика, пьяноборская культура (I в. до н. э.— II в. н. э.) генетически связана с караобызской, восходящей, в свою очередь, к абашевской. На базе пьяноборской культуры в III в. н. э. формируется бахмутинская культура угорских племен, что позволяет более ранние, связанные с ней генетически культуры также рассматривать как угорские. Последнее положение получило развитие в другом докладе Н. А. Мажитова — «Итоги изучения бахмутинской культуры в Башкирии», где докладчик показал, что бахмутинская культура III—IV вв. н. э. сходна с синхронной мазунинской культурой. Миграция аланских, а также одинцовских племен в IV—V вв. н. э. приводит к сложению позднебахмутинской культуры V—VII вв. н. э., которая может рассматриваться как культура венгров.

С критикой выводов Н. А. Мажитова выступили В. Ф. Генинг и др. Свою точку зрения В. Ф. Генинг развернуто обосновал в интересном докладе «К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э.». Широко привлекая лингвистические и исторические данные, свидетельствующие о смешанном угорско-тюркском составе населения в X в. н. э., автор признает узловым моментом в формировании башкирской народности период III—VIII вв. н. э. — эпоху великого переселения народов. Он считает, что в III в. н. э. в среду пьяноборских племен, которые он относит к пермским народам, из Западной Сибири проникает большая группа пришлого населения. Среди последнего выделяются (к западу от р. Белой) угорские племена, для культуры которых характерны круглодонная керамика и трупоположение в ямах в бескурганных могильниках, и тюркские племена (к востоку от р. Белой), культура которых характеризуется плоскодонной керамикой, трупоположением и трупосожжением в сложных могильных сооружениях.

В IX в. печенеги вытесняют из Приуралья на запад группу мадьярских племен, формирование которых происходило в Сибири в III в. н. э.

Истории угорских племен был посвящен также доклад П. Д. Степанова (Саратов) «Памятники угорских (мадьярских) племен в Среднем Поволжье». По мнению докладчика, первая волна мадьяр пришла в Присурье на смену древнемордовскому населению в VII в. н. э. и оставила памятники, близкие по облику материальной культуры к башкирским.

В. Д. Викторова, В. Ф. Генинг и В. Е. Стоянов (Свердловск) в сообщении о работе Археологической экспедиции Уральского университета рассказали об открытых во время разведок 1961 г. 90 памятниках, бо́льшая часть которых относится к эпохе железа. Об исследованных экспедицией курганах у с. Макушино на р. Нице сообщила В. Д. Викторова, а о раскопках на Большом Бакальском городище у Шадринска — Т. М. Потемкина (Курган).

Результатам работ Камской археологической экспедиции в 1961 г. был посвящен доклад В. А. Оборина, который охарактеризовал деятельность пяти отрядов экспедиции, изучавших памятники железного века в зоне затопления Воткинской и Верхнекамской ГЭС, и сообщил о разведках в Северном Прикамье.

В. П. Денисов рассказал о раскопках Заосиновского могильника, относящегося к концу ананьинской и гляденовской культуре. Ю. А. Поляков (Пермь) доложил о раскопках Петуховского городища — памятника родановской культуры XI—XIII вв., на котором открыта система оборонительных укреплений; Г. А. Шокшуев (Сверд-

ловск) продемонстрировал результаты работ Кунгурского музея, изучавшего памятник сылвенской культуры VIII—IX в. н. э.— городище Лобач.

С сообщением о новых материалах по средневековой археологии Вычегодского края выступила Э. А. Савельева (Сыктывкар), рассказавшая об открытии ломоватовского могильника IV—V вв. н. э. и могильников коми первой половины II тыс. н. э. Г. Т. Кондратьева (Ижевск) охарактеризовала археологические работы на р. Чепце, в результате которых удалось убедительно связать чепецкие памятники с некоторыми этнографическими чертами современного удмуртского населения.

О разведках, проведенных Нижне-Тагильским музеем в трудно доступных горных районах Урала, рассказала А. И. Рассадович (Нижний Тагил).

С большим интересом присутствующие прослушали доклад М. С. Акимовой (Москва) «Древнее население Башкирии по антропологическим данным», проливающий свет на сложную проблему этногенеза башкир.

Подводя итоги совещания, участники отметили, что археологические исследования в 1961 г. проводились в соответствии с рекомендациями Уральской координационной комиссии. Развернувшиеся в горных районах и на Севере Урала работы позволят ликвидировать белые пятна на археологической карте.

Следует признать весьма удачным опыт привлечения на совещание специалистов-археологов, работающих на смежных территориях, а также антропологов, лингвистов и историков, что способствовало рассмотрению важнейших проблем археологии Урала на широком историческом фоне.

Участниками III Уральского совещания, по предложению О. Н. Бадера, было единогласно принято решение о создании Уральского археологического общества, которое поможет координировать усилия исследователей Урала и привлечет широкий круг местной интеллигенции и молодежи к изучению археологии. Функции организационного комитета по подготовке учредительного съезда для создания общества поручены Уральской координационной комиссии.

Е. Е. Кузьмина

Р. П. ШНОРЕ

24 февраля 1962 г. скончался известный латышский археолог, нумизмат и музейный работник Раул Петрович Шноре.

Р. П. Шноре родился 19 марта 1901 г., в Риге в семье моряка. После окончания школ в Риге и в Николаевске-на-Амуре Раул Петрович с 1920 по 1922 г. учился в Латвийском Государственном университете на архитектурном факультете, а в 1922—1932 гг. —на историческом факультете, где одновременно занимал должность субассистента.

Еще будучи студентом, Р. П. Шноре участвовал в раскопках, а с 1928 г. руководил археологическими экспедициями. На протяжении своей почти сорокалетней деятельности, Раул Петрович раскопал ряд могильников, городище Клангюкалнс и древние памятники Риги.

Работая долгие годы в музеях Латвии в качестве научного сотрудника и директора, Р. П. Шноре многое сделал по собиранию исторических, этнографических, лингвистических, фольклорных и особенно археологических материалов.

Ученым написано около 130 трудов и статей по археологии и нумизматике, а также по истории древнего Востока. Хорошо известна книга с топографическими картами, библиографией и описанием памятников Латвии I—VIII вв., работы о латышских булавках железного века, о кладе серебряных вещей XI в. из Салгалес Рийниеки, о раскопках Саленшекского могильника, городища Клангюкалнс, об археологии Риги и др. Раул Петрович являлся соавтором и одним из редакторов альбома «Латышская культура в древности».

Изучая нумизматический материал, Р. П. Шноре определил многие ранее неизвестные монеты. Его статьи о находках древних монет в Латвии, о типологии ранних серебряных гривн Латвии, о древних рижских монетах являются фундаментом латышской нумизматики. В 1946 г. Раул Петрович составил программу и методические указания по археологии для студентов Латвийского Государственного университета.

Не взирая на тяжелую и длительную болезнь, ученый много работал по вопросам латышской археологии, помогая нам советами, иногда суровой, но всегда справедливой критикой. Он перевел на русский язык с латышского ряд работ по археологии, в том числе ряд археологических статей, автореферат монографии «Нукшинский могильник» (1957 г.) и «Асотское городище» (1961 г.). Последним многолетним трудом Раула Петровича является подготовленная им рукопись о древней истории народного хозяйства Латвийской ССР.

Память о Рауле Петровиче Шноре сохранится среди нас навсегда.

В. А. Уртан

С. С. КУССАЕВА

22 декабря 1961 г. скончалась старший сотрудник Северо-Осетинского научно-исследовательского института, кандидат исторических наук, первая осетинка-археолог Серафима Степановна Куссаева.

С. С. Куссаева родилась в 1919 г. во Владикавказе (ныне Орджоникидзе) в семье рабочего-железнодорожника. Окончив среднюю школу, а затем исторический факультет Северо-Осетинского Государственного педагогического института, С. С. Куссаева поступила в 1944 г. в аспирантуру при Северо-Осетинском научно-исследовательском институте. Она долгое время работала в Государственном Эрмитаже под руководством известного советского археолога члена-корр. АН СССР К. В. Тревер и А. А. Иессена. Здесь С. С. Куссаева написала монографию «Археологические памятники Восточной Осетии VI—IX вв. н. э. как исторический источник по древней Алании», эта работа была защищена ею в 1953 г. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С 1953 г. до последних дней своей жизни С. С. Куссаева работала в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте, посвятив себя изучению древней истории Осетии. Она явилась инициатором глубокого и систематического археологического изучения района Дзлат Северной Осетии. Честь возобновления полевого изучения такого важного исторического памятника, как Змейский катакомбный могильник средневековых алан принадлежит С. С. Куссаевой, сделавшей ценный вклад в археологическое изучение Северной Осетии.

Последние пять лет она принимала участие в работе Объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР и СОНИИ. Исключительное трудолюбие С. С. Куссаева проявила при подготовке к изданию первого тома истории Северо-Осетинской АССР. Куссаева является автором ряда ценных работ по археологии Осетии. Смерть помешала ей завершить начатую монографию «Материальная культура древней Осетии по данным археологии».

С. С. Куссаева была прекрасным, чутким и отзывчивым товарищем. Такой навсегда останется она в нашей памяти.

Группа товарищей

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1962 г.

Статьи

	№	стр.
С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы	3	3
А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг	3	33
П. И. Борисковский. Исследования памятников каменного века в Демократической Республике Вьетнам в 1960—61 гг.	2	17
С. П. Бурлацкая. О датировании археологических объектов археомагнитным методом	3	99
Г. К. Вагнер. Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре	3	78
В. Е. Вихров, Б. А. Колчин. Основы и метод дендрохронологии	1	95
Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском	1	140
Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере	3	53
Н. Г. Горбунова. К истории Ферганы в эпоху раннего железа	4	37
В. П. Даркевич. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире	4	90
К. Домбровский, П. Стопиньский, Е. Ступницкая. Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта	3	105
Д. Г. Капанадзе. О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии	4	59
П. О. Карышковский. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье	4	49
Л. С. Клейн. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур	2	26
Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода	1	113
Л. А. Мацулевич. Чаша из Бартыма	3	25
В. П. Мизинова, К. В. Сальников. Памяти В. В. Гольмстен	4	121
А. Л. Монгайт. Задачи и возможности археологической картографии	1	16
А. Л. Монгайт. Археология и религия	2	3
Д. В. Наумов. Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла	4	115
К. С. Николэеску-Плопшор. К изучению палеолита Румынии	3	116
Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья	1	6
В. Ф. Петрунь. О применении горного хрусталя и его аналогов в первобытной технике	1	36
С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.	1	83
Ю. А. Рапопорт. Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г.	2	50
П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.	2	61
Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян	4	66
Н. В. Рындина. О древнерусском литье «навыплеск»	3	91
В. И. Сарианиди. Культовые здания поселения анауской культуры	1	44
И. Р. Селимханов. К химической характеристике ножей, шильев и бусин из некоторых памятников лесостепной полосы Восточной Европы III—II тыс. до н. э.	1	57
Э. А. Сымонович. К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры	2	39
Д. Я. Телегин. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины	4	28
С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин. Использование аэрометодов в археологических исследованиях	1	3

П. Н. Третьяков. Этногенический процесс и археология 4 3
Л. А. Фадеев. Основные проблемы африканской археологии 3 134
А. А. Формозов. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья 4 17
А. Шош Чемицки. О венгерских исследованиях в области славянской археологии 4 105
Ю. Л. Щапова. О происхождении некоторых типов древнерусских бус 2 81
В. Л. Янин. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева 2 10

Публикации

З. А. Абрамова. Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре 3 147
Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии 4 197
А. В. Арциховский. Новые берестяные грамоты . . 2 178
Д. М. Атаев. Поясные пряжки из Нагорного Дагестана 2 149
В. Д. Блаватский. Подводные разведки в Ольвии 3 225
И. Ф. Бородина. Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека . 2 185
Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. 1 241
О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском 1 173
С. А. Есаян, А. Н. Шагинян. Археологические находки в Зангезуре . . . 3 199
И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Погребение гуннского времени близ Танаиса 3 235
В. Ф. Каховский. Поселения эпохи бронзы в Чувашии 1 152
М. М. Кобылина. Скульптурный портрет из Фанагории 3 209
Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии 2 97
И. Т. Кругликова. Мраморная голова из Аполлонии 3 215
Л. Р. Кызласов. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь . 2 112
В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе 3 157
О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии 1 163
А. И. Мелюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты . . 1 195
Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии . 3 176
И. Г. Нариманов, Г. С. Исмайлов. Акстафачайское поселение близ г. Казаха 4 149
А. В. Никитин. Белгородская крепость XVI—XVII вв. 3 260
Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец 1 221
Н. А. Онайко. Мозаики Аполлонии Иллирийской 4 157
С. А. Плетнева. Подгоровский могильник 3 241
М. Р. Полесских. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. 4 179
В. К. Пудовин. Три боспорские лучевые фибулы 2 142
Р. Л. Розенфельдт. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме 3 252
К. В. Сальников, А. С. Новиченко. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области 2 124
Н. И. Сокольский. Курос из Кеп 2 134
С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи 4 124
Д. А. Халилов. Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании 1 209
Е. А. Шмидт. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области 4 189
В. Л. Янин. Печати с надписью «Дьнѣслово» . . 2 157

Заметки

А. В. Бодянский. Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье 1 272
В. Б. Вилинбахов. О первоначальном типе огнестрельного оружия 1 295
И. И. Гущина. Находки из Краснодарского края 2 206
М. А. Дэвлет. Каменная фигурка андроновского времени 2 203
Л. А. Ельницкий. По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака 3 289
Л. А. Ельницкий. Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. 4 228
Ю. М. Золотов. Изделия ремесленников на старинной иконе . . 1 301
Ю. М. Золотов. Два каменных надгробия XVI в. из Москвы . . 2 240
П. О. Карышковский. Ольвийские ассы с изображением совы 2 210
А. Н. Кирпичников. Шлем XI в. из Юго-Западной Руси 2 230
И. Ф. Ковалева. Погребение IV в у с. Старая Игрень 4 233
В. Б. Королев. Могильник эпохи бронзы в окрестностях г. Кисловодска . . 1 264
В. И. Красковский. Разведки позднего палеолита и эпипалеолита в Одесской области 1 257

Ю. А. Краснов. Следы мезолита в долине Москвы-реки . . . 1 262
Ю. А. Краснов. Курганы с трупосожжениями у дер. Горышкино . 3 302
И. Т. Кругликова. Мраморный рельеф из Анапы 1 282
И. Т. Кругликова. О гончарной мастерской Горгиппии 2 218
М. П. Кучера. Гончарная керамика дофеодального времени из раскопок древнего Плеснеска 1 292
Л. Р. Кызласов. Статуэтка северного оленя из Канска 3 299
К. Маевский. Археологические исследования в Нове (Болгария) в 1961 г. 4 224
Э. А. Макаев. Руническая надпись из Новгорода 3 309
Е. К. Максимов. Материалы из Хвалынского музея 3 282
М. И. Максимова. Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески» 2 226
М. В. Малевская. Амфора с надписью из Новогрудка . . . 4 238
Л. П. Матвеева. Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии . 4 214
С. Н. Орлов. Писáло и дощечка для письма из Новгорода 2 238
С. Н. Орлов. Дощечка с изображением человека из Новгорода . . . 4 242
Л. Л. Полевой. Новые находки античных монет в Молдавской ССР . . . 1 289
Т. Б. Попова. Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея 4 210
Е. В. Пузаков. Каменные сверленые топоры-молоты в верхнем течении реки Северского Донца 1 268
А. И. Пузикова. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка 4 219
М. А. Романовская. Селище Лукашевка II 3 293
А. И. Салов. Археологические находки в Анапе . . . 2 215
В. В. Седов. Войносоловский крест 3 311
Э. С. Смирнова. Два памятника псковского художественного литья XVI в. . 2 243
В. И. Спицын, А. В. Арциховский, М. П. Глазунов, П. Н. Кодочигов, Ю. Л. Щапова. Исследование образцов грунта новгородских археологических раскопок радиоактивационным методом 4 243
А. И. Тереножкин. Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента 3 279
Г. Е. Трапезников. Бронзовая парфянская монета I в. н. э. 2 225
Р. В. Федорова. Уничтожение леса и примитивное земледелие в каменном веке по современным экспериментам и пыльцевым анализам 1 253
М. В. Фехнер. Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника . 3 305
В. А. Филипченко. Бронзовые котлы Астраханского музея 1 276
Н. В. Холостенко. Клад у Борисоглебского собора в Чернигове 2 235
П. П. Хороших. Оленный камень из Забайкалья 3 291
В. И. Цехмистренко. Глиняный штамп из Пантикапея 1 279
В. Я. Шиперович. Каменное орудие из пос. Борцовки в Алтайском крае 2 201

Критика и библиография

А. Я. Брюсов. Grahame Clark. World Prehistory 1 305
А. Я. Брюсов. F. C. Hibben. L'homme préhistorique en Europe 2 248
Н. Н. Воронин. А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций 1 309
Е. И. Горюнова. Сборник по археологии Вологодской области 4 274
Т. З. Записки Одесского археологического общества т. I (34) 4 277
П. О. Карышковский. Херсонесский сборник, вып. V. Сообщения Херсонесского музея, вып. I—II 4 281
В. П. Левашова. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины 3 322
О. Д. Лордкипанидзе. Л. А. Чилашвили. Город Рустави 1 321
М. И. Максимова. Harald Küthman. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik 4 248
В. М. Массон. Археологические работы в Таджикистане в 1956 и 1957 гг. 1 327
В. М. Массон. Древнейший Афганистан 2 253
В. М. Массон. L. Dupree. Shamshir Ghar 3 320
И. Г. Нариманов, З. И. Ямпольский. Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур 3 318
В. В. Павлов. Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран 1 324
В. А. Пазухин. Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии . . . 1 316
Б. А. Рыбаков, А. В. Кирьянов. В. И. Довженок. Землеробство древньої Русі 3 324
В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Археология Туркменской ССР 2 262
А. П. Смирнов. Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов. Древности нашей земли 1 311
К. Ф. Смирнов. Археологические статьи в Трудах Саратовского областного музея краеведения. Вып. 1—3 . . . . . 4 270
П. Н. Третьяков. Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья 4 258
Г. Ф. Турчанинов, В. С. Драчук. Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья 4 252

А. А. Формозов. Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР 3 315
Я. А. Шер. П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины 2 260
И. Ш. Шифман. Н. Н. Залесский. Этруски в Северной Италии 3 320

Хроника

Н. О. Бадер. Совещание по проблемам мезолита 4 303
Б. С. Научная сессия, посвященная итогам работы Гос. Эрмитажа за 1960 г. 1 343
В. Б. Виноградов, О. А. Дудко. VII Всесоюзная археологическая студенческая конференция 1 345
П. М. Кожин. Сессия ОИН и Пленум Института археология АН СССР 4 284
Е. Е. Кузьмина. III Уральское археологическое совещание 4 306
Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования в РСФСР в 1960 г. 4 291
Н. А. Сидорова. Археологические открытия в Средиземноморье в 1958—59 гг. 1 329
Г. А. Цветаева. Письмо в редакцию 2 269
И. Т. Черняков. Научная сессия Одесского университета и Одесского археологического музея 1 345

Некрологи

И. И. Аханов 1 347
Ю. Н. Дмитриев 3 333
П. Ф. Ищериков 2 268
С. С. Куссаева 4 311
Р. П. Шноре 4 310

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВАН — Вестник Академии наук
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ГПНБМ — Годишник на Пловдивската Народна библиотека и музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук Украинской ССР
ИАИБАН — Институт археологии, истории Болгарской Академии наук
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАИ — Известия на Български археологически институт
ИВАД — Известия на Варненското археологическо дружество
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. СНИК — Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Сб. БАН — Сборник на Българската Академия на науките
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СНУНК — Сборник за Народни Умотворения, Наука и Книжнина
Тр. АС — Труды археологического съезда
Тр. АбхазИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы, истории
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
Уч. зап. НИИЯЛИЭ Чуваш. АССР — Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории, этнографии Чуваш. АССР.
AA — Acta Archaeologica
ARMSI — Academia Romînă, Memoriile sectiei istorice
AE — Archaeologiaï Ertesitő
AM — Mitteilungen des K. Deutschen Archäologischen Insbituts. Athenische Abteilung
BBMSW — Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde
BSNR — Buletinul Societatii Numismatice Româna
CBM — Catalogue of the British Museum
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum, ed. A. Boeck
DAGR — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
IG — Inscriptiones Graecae
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellénic Studies
RA — Revue archéologique
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

П. Н. Третьяков. (Ленинград). Этногенический процесс и археология . .
А. А. Формозов (Москва). Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья 17
Д. Я. Телегин (Киев). О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины 28
Н. Г. Горбунова (Ленинград). К истории Ферганы в эпоху раннего железа 37
П. О. Карышковский (Одесса). Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье 49
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии. 59
Б. А. Рыбаков (Москва). Календарь IV в. из земли полян. 66
В. П. Даркевич (Москва). Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире 90
А. Шош Чемицки (Будапешт). О венгерских исследованиях в области славянской археологии 105
Д. В. Наумов (Ленинград). Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла 115
В. П. Мизинова (Ленинград), **К. В. Сальников** (Уфа). Памяти В. В. Гольмстен 121

Публикации

С. П. Толстов (Москва). Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи 124
И. Г. Нариманов, Г. С. Исмайлов (Баку). Акстафачайское поселение близ г. Казаха 149
Н. А. Онайко (Москва). Мозаики Аполлонии Иллирийской 157
М. Р. Полесских (Пенза). Пензенские могильники мордвы IV—V вв. 179
Е. А. Шмидт (Смоленск). Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области 189
Л. В. Алексеев (Москва). Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии 197

Заметки

Г. Б. Попова (Москва). Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея 210
Л. П. Матвеева (Москва). Поселение эпохи поздней бронзы в Чувашии . . 214
А. И. Пузикова (Москва). Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка 219
К. Маевский (Варшава). Археологические исследования в Нове (Болгария) в 1961 г. 224
Л. А. Ельницкий (Москва). Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. 228
И. Ф. Ковалева (Днепропетровск). Погребение IV в. у с. Старая Игрень 233
М. В. Малевская (Ленинград). Амфора с надписью из Новогрудка 238
С. Н. Орлов (Новгород). Дощечка с изображением человека из Новгорода 442
В. И. Спицын, А. В. Арциховский, М. П. Глазунов, П. Н. Кодочигов, Ю. Л. Щапова (Москва). Исследование образцов грунта новгородских археологических раскопок радиоактивационным методом 243

Критика и библиография

М. И. Максимова (Ленинград). Harald Küthman. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik 248
Г. Ф. Турчанинов (Ленинград), **В. С. Драчук** (Киев). Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья 252
П. Н. Третьяков (Ленинград). Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья 258
К. Ф. Смирнов (Москва). Археологические статьи в Трудах Саратовского областного музея краеведения. Вып. 1—3 270
Е. И. Горюнова (Москва). Сборник по археологии Вологодской области 274
Т. З. Записки Одесского археологического общества т. 1 (34) 277
П. О. Карышковский (Одесса). Херсонесский сборник, вып. V; Сообщения Херсонесского музея, вып. I—II 281

Хроника

П. М. Кожин (Москва). Сессия ОИН и Пленум Института археологии АН СССР 284
Н. К. Лисицына (Москва). Полевые археологические исследования в РСФСР в 1960 г. 291
Н. О. Бадер (Москва). Совещание по проблемам мезолита 303
Е. Е. Кузьмина (Москва). III Уральское археологическое совещание . 306
Р. П. Шноре 310
С. С. Куссаева 311
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 1962 г. 312

ПОПРАВКА

В № 3, 1962 г. в статье Л. А. Голубевой «Археологические памятники веси на Белом озере», стр. 69, рис. 10 в №№ условных обозначений следует переставить местами №№ 7 и 8.

SOMMAIRE

Articles

P. N. Trétiakov (Léningrad): Le processus ethnogénique et l'archéologie . . 3
A. A. Formosov (Moscou): Chronologie relative du Paléolithe de la région du Kouban 17
D. J. Téléguine (Kiev): Sur la chronologie des établissements de céramique au peigne et à fossettes d'Ukraine 28
N. G. Gorbounova (Léningrad): Sur l'histoire du Ferghana à l'âge de fer antérieur 37
P. O. Karyckovsky (Odessa): Monnaies des dynastes pontiens occidentals trouvées dans la région au nord de la Mer Noire 49
D. G. Kapanadzé (Tbilisi): Sur la durée de la circulation des denars d'Auguste et des drachmes de Gotharz dans l'Ibérie ancienne 59
B. A. Rybakov (Moscou): Calendrier du IVe siècle de la terre des Polianes 66
V. P. Darkévitch (Moscou): Les travaux d'Hercule dans la décoration de la cathédrale Dmitry de Vladimir 90
A. Choch Tchémitski (Budapest): Les recherches hongroises dans le domaine de l'archéologie slave 105
D. V. Naoumov (Léningrad). Essai de l'analyse quantitative spectrale du verre ancien 115
V. P. Misinova (Léningrad), **K. V. Salnikov** (Oufa): A la mémoire de V. V. Golmstène 121

Publications

S. P. Tolstov (Moscou): Principaux résultats des recherches archéologiques dans le bassin de la rivière Syr-Daria en 1961 124
I. G. Narimanov, G. M. Izmaïlov (Bakou): L'établissement Axtafatchaï près de la ville de Kazakh (RSS d'Azerbajdjan) 149
N. A. Onaïko (Moscou): Les mosaïques d'Apollonia d'Illyrie 157
M. R. Polesskikh (Penza): Tombes mordvines de Penza de IVe — Ve siècles de notre ère 179
E. A. Chmidt (Smolensk): Champ funéraire et tumulus près du village Akatovo, région de Smolensk 189
L. V. Alekséev (Moscou): Articles artistiques de sculpteurs sur os de villes anciennes de Biélorussie 197

Notes

T. B. Popova (Moscou): Des collections archéologiques du Musée d'ethnographie régionale de Morchansk 210
L. P. Matvéeva (Moscou): Établissement de la fin de l'âge de bronze en Tchouvachie 214
A. I. Pouzikova (Moscou): Tumulus funéraire du temps des Scythes près du village Rousskaya Trostianka 219
K. Majewski (Varsovie): Recherches archéologiques dans Novae (Bulgarie) . 224
L. A. Elnitsky (Moscou): Nouveaux documents sur la réaction antichrétienne dans l'Empire Romain dans la seconde moitié du IVe siècle de notre ère 228
I. F. Kovaleva (Dniepropétrovsk): Tumulus funéraires du IVe siècle du village Staraya Igrègne 233
M. V. Malevskaya (Léningrad): Amphore avec inscription de Novogroudok 238
S. N. Orlov (Novgorod): Planchette avec figure d'homme de Novgorod 242
V. I. Spitsyne, A. V. Artsikhovsky, M. P. Glazounov, R. N. Kodotchigov, I. L. Stchapova (Moscou): Étude par méthode de radio-activité d'échantillons de sol de fouilles archéologiques dans Novgorod 243

Critique et bibliographie

M. I. Maximova (Léningrad): Harald Küthmann. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik 242
G. F. Tourtchaninov (Léningrad), **V. S. Dratchouk** (Kiev). E. I. Solomonik. Signes sarmates de la région au nord de la Mer Noire 252
P. N. Trétiakov (Léningrad): E. I. Goriunova. Histoire ethnique de la région entre Volga et Oka 258
K. F. Smirnov (Moscou): Les articles archéologiques dans les Travaux d'études du Musée ethnographique régional de Saratov 270
E. I. Goriunova (Moscou): Recueil sur l'archéologie de la région de Vologda 274
T. H. Notations de la Société archéologuqe d'Odessa 277
P. O. Karychkovsky (Odessa): Recueil sur le Chersonnèse, fasc. V. Communications du Musée de Chersonnèse, fasc. 1—11 281

Chronique

P. M. Kojine (Moscou): Session du Département des Sciences historiques et Plénum de l'Institut archéologique de l'Académie des Sciences de l'URSS . . 284
N. K. Lisitsyna (Moscou): Les recherches archéologiques sur le terrain en RSFSR en 1960 291
N. O. Bader (Moscou): Assemblée générale pour l'URSS sur les problèmes du Mésolithe 303
E. E. Kouzmina (Moscou): IIIe Assemblée archéologique de l'Oural 306
R. N. Chnoré 310
S. S. Koussaeva **311**
Index des articles publiés dans la revue «Sovetskaïa archéologuia» au cours de l'année 1962 . 312